17283

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

АВГУСТЪ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1906.

СТР.

I.—ПО МАНЧЖУРІИ ДОМОЙ.—Путевыя замѣтки.—**В. Ск-л-ъ.** 433

II.—СЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ.—По личнымъ воспоминаніямъ. —**О. О. Воропонова** 477

III.—ВЪ ПОРОГАХЪ.—Повѣсть.—Часть первая.—I—XXVIII.—**Н. Сѣверова** . . 507

IV.—ЭТИКА ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ И ЕЯ ОСНОВЫ. — I—V. — **К. Анненкова.** 569

V.—НЕ РОДНОЙ СЫНЪ.—Романъ Клары Фибихъ.—X—XII.—Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig.—Съ нѣм. **О. Ч.** 596

VI.—МОЕ УЧАСТІЕ ВЪ АМЕРИКАНСКОМЪ ТРѢСТѢ.—I—VI.—**П. А. Тверского** 635

VII.—ДЕБРИ.—Романъ.—Upton Sinclair. The Jungle.—I-IV.—Съ англ. **З. В.** . . 687

VIII.—ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.—Литературный очеркъ.—I-II.—**Л. Полонскаго.** . . . 728

IX.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Высочайшій манифестъ 9-го іюля.—Значеніе досрочнаго распущенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ.—Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненія, взводимыя на Думу.—Слова и дѣйствія новаго министерства. — Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія.—Беззастѣнчивое пророчество.—Post-scriptum. . . . 757

X.—КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ И ПРИЧИНЫ ИХЪ МАЛОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.—Письмо въ Редакцію.—**Э. Л. Шильдеръ-Шульднеръ.** . . . 772

XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905). — II. Паткановъ. С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й.—III. Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. Общества, подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. I. Часть первая и вторая. - IV. Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Исторія русской интеллигенціи. - V. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 годъ. Книга десятая. — **Евг. Л.** — VI. „Маякъ“. Литературно-публицистическій сборникъ.— **W.** — VII. Справочная книга соціалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I-ый, выпуски I, II, III.— **Д. Клеменца.** — Новыя книги и брошюры. 787

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международное значеніе русскаго кризиса.— Отсрочка англо-русскихъ манифестацій. — Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшательствѣ.—Личная политика Вильгельма II. —Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. — Британскій премьеръ о роспускѣ Думы.—Международная конференція мира въ Лондонѣ.—Конецъ дѣла Дрейфуса 820

XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. R. Garnett. De Flagello Myrteo.—II. François de Curel. Le Coup d'Aile.—**З. В.** 836

XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Роспускъ Государственной Думы — Кому нанесенъ тяжелый ударъ?—Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. — Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ.—Ближайшія перспективы. — Юридическій хаосъ.—Отчетъ училищной коммиссіи въ Петербургѣ.—М. Я. Герценштейнъ † 853

XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда. — II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 868

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка.—Эдмъ Шамьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года.—I. I. Липковскій. Революція или эволюція?— Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ; село Павлово и его общественное устройство. — Гражданскіе законы Калифорніи. Соч. Кронида Малышева, т. I—II.

XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—VII.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

ПО МАНЧЖУРІИ ДОМОЙ

Путевыя замѣтки.

I.

17283

Былъ августъ въ началѣ. На Востокѣ военныя дѣйствія какъ будто затихли. Утомленные упорной, тяжелой борьбой, противники стояли другъ противъ друга, чего-то выжидая. Всѣ чувствовали, что пора кончить ужасное, безполезное, хаотическое кровопролитіе въ далекой Манчжуріи, и всѣ ждали мира. А онъ, этотъ желанный миръ, былъ уже близокъ.

Но въ то время какъ на полѣ брани томительно длилось глухое и тяжелое своей неопредѣленностью затишье и Линевичъ замеръ въ ожиданіи послѣдняго удара Ойямы, въ Портсмутѣ С. Ю. Витте, тогда еще не графъ, давалъ бой на дипломатическомъ полѣ барону Комура.

Съ лихорадочной поспѣшностью расхватывались публикой портсмутскія телеграммы. Всѣ ждали и надѣялись. Почему-то казалось, что миръ уже обезпеченъ.

Но не такъ смотрѣлъ на дѣло штабъ. Тамъ шла дѣятельная подготовка къ грядущимъ военнымъ событіямъ. Спѣшно формировалась цѣлая серія пулеметныхъ ротъ; горныя батареи, отсутствіе которыхъ во время боевъ было такъ ощутительно, теперь тоже торопились, хотя и безуспѣшно, сформироваться и

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

идти „туда“; самая разнообразная дѣятельность, все въ томъ же направленіи, кипѣла неудержимо.

Пословица „лучше поздно, чѣмъ никогда“, несмотря на свой явно отрицательный въ данномъ дѣлѣ смыслъ, весьма широко проводилась въ жизнь. Но всего этого казалось мало. Рѣшено было оказать Линевичу поддержку и офицерскимъ составомъ. И вотъ приказано было образовать 9-й резервъ манчжурскихъ армій и немедленно выслать его на театръ военныхъ дѣйствій.

Не знаю, какъ въ другихъ частяхъ, но у насъ въ полку распоряженіе это было получено 16-го августа, а 17-го уже было назначено 8 офицеровъ и въ томъ числѣ одинъ полковникъ.

Не успѣло состояться назначеніе, какъ пришла первая телеграмма о достигнутыхъ нашей дипломатіей „блестящихъ результатахъ“.

Произошло нѣкоторое замѣшательство. Никто не понималъ, что̀ будетъ дальше съ „9-мъ резервомъ“, и люди благоразумные рѣшили, что, въ виду заключенія мира, „резервъ“ останется дома. Распоряженія въ этомъ смыслѣ ждали съ нетерпѣніемъ и были увѣрены, что оно придетъ до отправки, назначенной на 25-ое августа.

Но, вмѣсто отмѣны, пришла лишь отсрочка. Было велѣно отложить отправку до 29-го. Всѣ встрепенулись. Было очевидно, что кто-то думаетъ объ участи этого резерва, направляемаго на театръ военныхъ дѣйствій уже по окончаніи таковыхъ, что объ немъ не забыли, и потому надежды на отмѣну опять воскресли. Слишкомъ казалась нелѣпой вся эта исторія.

Я лично былъ въ высшей степени заинтересованъ этимъ вопросомъ, такъ какъ въ числѣ другихъ прапорщиковъ былъ назначенъ и я. Ожиданіе было томительно. Ѣхать не хотѣлось. Со всѣхъ сторонъ на насъ сыпались шутки, точно мы были виноваты во всей этой безалаберщинѣ.

А между тѣмъ изъ штаба пришло новое распоряженіе: замѣнить двухъ назначенныхъ отъ насъ капитановъ поручиками.

Тогда всѣ поняли, что наша отправка дѣйствительно нужна, и что если ужъ штабъ даже въ такія подробности входитъ, „значитъ“ имѣетъ точныя данныя и т. д.

Однимъ словомъ, мы стали готовиться къ отъѣзду.

Во всѣхъ магазинахъ, въ экономическомъ обществѣ, всюду можно было видѣть озабоченно снующихъ офицеровъ.

Никто не зналъ, что̀ нужно брать съ собой „туда“. Въ полкахъ были разныя вырѣзки, отзывы офицеровъ и т. п. указанія по этому предмету, но все было такъ противорѣчиво, что каждый руководствовался или личными взглядами, или совѣ-

тами приказчиковъ экономическаго общества и другихъ „спеціальныхъ магазиновъ“.

Въ результатѣ—масса ненужныхъ, безполезныхъ вещей и непроизводительные расходы изъ скудной суммы, полученной изъ полка. Надо отдать справедливость,—подъ конецъ войны стали „нагонять экономію“. Офицеры нашего резерва получили, сравнительно съ первыми резервами, очень мало. Но къ чему эта экономія, когда всѣ эти, хотя и сокращенные, уже, такъ сказать, „экономные“ расходы производятся безъ всякаго смысла?!

Я не знаю точной цифры всѣхъ офицеровъ нашего резерва, но говорили, что ихъ 1.400—1.600 человѣкъ. А принимая во вниманіе, что тамъ были не только прапорщики, хотя они и составляли значительное большинство, но и офицеры другихъ чиновъ, до полковниковъ включительно,—расходъ оказывался значительнымъ.

И дѣйствительно,—прапорщики получили, приблизительно, по 400 р., съ небольшими колебаніями, поручики—по 700—800 р., а полковники по 2.000 р. или около того, опять-таки съ колебаніями въ обѣ стороны. Ясно, что расходъ не малый, хотя и на экономическихъ началахъ.

Нелѣпость всей операціи была такъ очевидна, что многіе изъ нашихъ товарищей, сообразивъ совершенную безполезность своего прибытія на Востокъ, опоздали на двѣ—три недѣли, и никто этого не замѣтилъ. Думали, что можно было опоздать на сколько угодно. Никто на это вниманія не обращалъ.

Любопытно было поглядѣть на офицеровъ этого, такъ поспѣшно высланнаго резерва въ канцеляріи дежурнаго генерала въ Гунжулинѣ. Имъ предъявляли списокъ полковъ, и они сами выбирали себѣ вакансіи въ любомъ. И вотъ тутъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ полкахъ вакансій совсѣмъ нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ—такъ мало, что невозможно туда назначить маленькую группу въ 5—6 однополчанъ, желавшихъ попасть въ одинъ полкъ, чтобы продолжать служить вмѣстѣ.

Вакансій не было, нужды въ офицерахъ, слѣдовательно, тоже не было, а они, эти вновь прибывшіе, все шли и шли въ канцелярію дежурнаго генерала, и никто не зналъ, куда ихъ сунуть.

Любопытно то, что послѣ насъ еще умудрились прислать какихъ-то офицеровъ, тоже для „пополненія“ переполненныхъ полковъ Манчжуріи, но изъ Гунжулина ихъ отправили, кажется, домой.

Для полноты картины надо добавить, что въ Россіи ко времени отсылки „резерва“ офицеровъ въ полкахъ было удивительно мало. Недостатокъ въ нихъ ощущался до такой степени, что мы, прапорщики, привыкшіе слышать въ мирное время постоянныя

шутки на тему: „курица не птица—прапорщикъ не офицеръ“ и т. д., оказались въ совершенно иномъ положеніи и исполняли массу самыхъ разнообразныхъ должностей, до командованія ротами включительно.

И вотъ въ такое-то время нашли возможнымъ вырвать изъ остатковъ офицерскаго кадра еще около полуторы тысячи человѣкъ.

Результаты мудрой мѣры сказались немедленно: во-первыхъ, часть только-что присланныхъ офицеровъ возвратилась домой *сейчасъ же* для обученія новобранцевъ (я лично знаю такіе примѣры). И эти офицеры поѣхали въ числѣ другихъ, посланныхъ для той же цѣли изъ полковъ. Не проще ли было оставить насъ дома? Но, во-вторыхъ, что̀ самое главное, уже въ самыхъ первыхъ числахъ октября пришло распоряженіе вернуть резервъ домой.

Положимъ, намъ не дали обратныхъ прогоновъ. Намъ дали „литеру“. Но все-таки обошлись мы очень дорого казнѣ и не принесли ни малѣйшей пользы.

Для чего мы были посланы? Для чего было убито столько денегъ? И для чего, наконецъ, было доставлено столько тяжелыхъ минутъ всѣмъ этимъ семейнымъ офицерамъ, на неопредѣленное время оторваннымъ отъ семьи?

Какъ все это дико, нелѣпо, и какъ тяжело исполнять явно безсмысленныя распоряженія!

Но какъ бы то ни было, а въ назначенный день я и нѣсколько моихъ товарищей садились въ поѣздъ, уходившій въ Манчжурію. На вокзалѣ публики было много, но проводы отъѣзжавшихъ офицеровъ совершенно не походили на такіе же проводы мѣсяцемъ раньше. Лица были бодрѣе, слышались шутки; не было тѣхъ раздирающихъ душу сценъ, которыхъ такъ много видѣлъ за эту войну рязанскій вокзалъ. Мирный договоръ былъ заключенъ, и потому на душѣ у всѣхъ было сравнительно легко. Но вотъ и третій звонокъ. Послѣдніе поцѣлуи, объятія, привѣтствія, и среди пожеланій скораго возвращенія мы медленно двинулись впередъ. До Ряжска дорога пролетѣла незамѣтно. Пересадка въ другой поѣздъ совершилась тоже вполнѣ благополучно, и мы радовались, что все такъ хорошо устраивается, что мѣста всѣмъ хватаетъ и что ѣхать вовсе не такъ скучно, какъ мы ожидали.

Въ Батракахъ впервые увидѣли мы часовыхъ у дверей буфетовъ и на платформѣ. Это было, такъ сказать, первое предостереженіе. Мы попадали въ ту черту, гдѣ суровая военная дисциплина уже начинаетъ чувствоваться въ воздухѣ.

Дальше—больше.

Подойдя къ сызранскому мосту, нашъ поѣздъ остановился, и въ вагоны стали вскакивать бородатые ополченцы, съ длинными и неуклюжими берданками въ рукахъ, по-двое въ каждый вагонъ.

Это—охрана моста. Окна, двери, уборныя, площадки классныхъ вагоновъ—все немедленно было заперто. Любопытно, что и въ нашъ, *исключительно офицерскій*, вагонъ вошло тоже двое бородачей, и одинъ изъ нихъ сталъ просить офицеровъ войти въ вагонъ и поднять стекла въ окнахъ. Стоявшій на площадкѣ полковникъ, только-что расположившійся любоваться видомъ Волги, страшно возмутился такимъ насиліемъ; онъ горячо доказывалъ, что отъ него нелѣпо оборонять мостъ, что онъ самъ воинскій чинъ и т. д.; но солдатъ тупо смотрѣлъ на него, и когда поѣздъ уже двинулся къ мосту—произнесъ безапелляціоннымъ тономъ: „Пожалте, ваше высокоблагородіе".

Пришлось подчиниться.

Но было что-то глупое и несуразное въ этой охранѣ въ офицерскомъ вагонѣ, и это понимали и мы, такъ сказать, караулемые, и сами караульщики.

Помимо того, что эта мѣра нелѣпа, по отношенію къ офицерамъ, по идеѣ, но она и недѣйствительна, такъ какъ охрана, вооруженная берданками съ длиннѣйшими штыками, на дѣлѣ совершенно безоружна въ тѣсномъ вагонѣ, гдѣ нѣтъ никакой возможности пустить ихъ въ дѣло. Но какъ бы то ни было, а охрана эта стояла не только на этомъ мосту, но и на всѣхъ попадавшихся на дальнѣйшемъ пути.

И это—одна изъ утомительнѣйшихъ функцій дорожной охраны.

Однажды я обратилъ вниманіе на блѣдное, усталое лицо одного изъ этихъ охранниковъ. Видно было, что человѣкъ усталъ, что ему давно уже не приходилось выспаться, и потому онъ настолько безучастно относился къ своимъ обязанностямъ, что даже не обратилъ вниманія на то, что я не ушелъ съ площадки въ вагонъ.

— Что, землякъ, тяжела служба-то?—спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, ваш-бродіе, — отвѣтилъ онъ вяло. — Она, служба-то, не то чтобы чижала, сказать нельзя, а только что очень ужъ безпокойна.—Онъ помолчалъ.—Возьмите то во вниманіе—ни днемъ, ни ночью нѣтъ тебѣ покою. Вотъ сейчасъ васъ проводимъ, а тамъ, черезъ четыре-пять часовъ, обратно ѣхать, а тамъ опять назадъ. Такъ вотъ и гоняемся.

— А гдѣ же сейчасъ-то будете отдыхать?—заинтересовался я.

— А на разъѣздѣ. Только тамъ плохо,—замѣтилъ онъ флег-

матично.—Спимъ-то на полу, гдѣ придется. Ни наръ, никакого ни на есть устройства, а такъ. И чаю-то испить негдѣ. Сейчасъ-то ничтò. Время теплое. А зимой здоровò холодно. На полу-то лежамши, застынешь. Девятый мѣсяцъ мы тутъ.

И онъ, грустно опустивъ голову, умолкъ.

Девятый мѣсяцъ люди живутъ на полу, на разъѣздѣ, гдѣ и чаю-то попить не могутъ, зимой мерзнутъ, и никто этого не видитъ и этимъ не интересуется!

— Что же вы начальству-то не доложите, что у васъ даже подстилки нѣтъ? Вѣдь отъ него это зависитъ!—замѣтилъ я.

— Оно, начальство-то наше, знаетъ — да что толку-то!— безнадежно отвѣтилъ онъ.—Эхъ, хоть бы домой-то поскорѣе! Все хозяйство стало!—И онъ задумался.

Тяжело пришлось имъ, этимъ старикамъ-ополченцамъ, призваннымъ на охрану дороги.

Любопытный эшелонъ обогнали мы въ Батракахъ. Огромный „приспособленный“ поѣздъ, съ однимъ лишь классным вагономъ. Вездѣ видны какіе-то люди въ матросскихъ полосатыхъ рубашкахъ, армейскихъ шараварахъ и заломленныхъ по-флотски армейскихъ же фуражкахъ. На одномъ изъ вагоновъ-теплушекъ андреевскій флагъ и подъ нимъ—красная символическая тряпка. Въ вагонѣ второго класса—офицеры-гвардейцы, ведущіе эшелонъ, и гвардейскіе часовые у входовъ въ вагонъ, охраняющіе начальниковъ отъ подчиненныхъ. Изъ вагоновъ мѣстами выглядываютъ гвардейскіе же солдаты. Оказывается, это—эшелонъ балтійскихъ моряковъ.

Нашъ поѣздъ останавливается между эшелономъ и платформой.

Сейчасъ же на буферахъ нашего вагона появляется фигура молоденькаго матросика, пробирающагося въ свой вагонъ съ платформы.

— Почему, братъ, — спрашиваю его, — ты въ армейской формѣ?

— Такъ что, ваше благородіе, какъ наши суда-то потопли, намъ не на чемъ стало плавать, такъ, значитъ, насъ въ пѣхоту оборотили,—бойко и вѣжливо отвѣчаетъ онъ. Оказывается далѣе, что онъ еще совсѣмъ молодой матросъ, призыва 1905 г., и потому ничего противъ „оборачиванія въ пѣхоту“ не имѣетъ.

Совершенно иначе смотритъ на дѣло уже вполнѣ сформировавшійся морской воякъ, красивый малый, съ лихо закрученными усами и гармоникой въ рукахъ. „Насъ потому въ пѣхоту оборотили, — остритъ онъ на какой-то вопросъ офицера въ сосѣд-

немъ со мною вагонѣ,—что на флотѣ молодцы сразу большими партіями сдаваться умѣютъ. Для этого дѣла насъ сюда начальство и посылаетъ". Товарищи хохочутъ.

И при видѣ этихъ офицеровъ, сидящихъ за часовыми въ своемъ вагонѣ, при видѣ этихъ разнузданныхъ, неряшливо одѣтыхъ людей, этого андреевскаго флага въ сочетаніи съ краснымъ, становится какъ-то непонятно, зачѣмъ понадобилось этихъ людей вливать въ ряды пѣхотныхъ войскъ манчжурскихъ армій, гдѣ и такъ неспокойно, и такъ все еле держится.

Результаты этой мудрой политики уже начали, если не ошибаюсь, сказываться.

Кромѣ этой встрѣчи, до самаго Челябинска не было ничего занимательнаго съ военной точки зрѣнія. А меня интересовала именно эта сторона дѣла. Слишкомъ много пришлось мнѣ слышать противорѣчивыхъ разсказовъ о порядкахъ на линіи, по которой прошли сотни тысячъ нашихъ солдатъ, и потому хотѣлось имѣть свой взглядъ на дѣло.

Успѣшная, за послѣднее время, доставка войскъ на театръ военныхъ дѣйствій чрезвычайно невыгодно отразилась на пассажирскомъ и товарномъ движеніи по всей линіи, начиная отъ Самары. Грузы одно время совершенно, кажется, не принимались, а пассажиры ждали очереди цѣлыми недѣлями. Въ Самарѣ мнѣ пришлось видѣть массы людей,—цѣлыя семьи съ ребятишками,—валявшихся на холодномъ, мокромъ полу платформы въ ожиданіи „отправки".

— Осьмой день моримся, прохарчились совсѣмъ, — жаловался мнѣ худой, оборванный мужиченко.—Хоть бы солдатъ-то пересылать перестали. Одна задержка, прости Господи!—и безнадежно оглянулъ биткомъ-набитые вагоны нашего поѣзда.

Приблизительно такая же картина—на другихъ болѣе или менѣе значительныхъ станціяхъ.

Но своего апогея эта пассажирская неурядица достигла въ Челябинскѣ. Нашъ поѣздъ опоздалъ, и соотвѣтствующій ему сибирскій уже ушелъ къ нашему приходу. Мы надѣялись, что на слѣдующій день насъ отправятъ раньше слѣдующаго изъ Россіи поѣзда, и намъ удастся получить мѣста. Обратились къ одному изъ помощниковъ коменданта. Какъ и полагается, этотъ „тыловой герой" очень развязно обѣщалъ насъ „устроить", и мы ушли спать въ свои вагоны; впослѣдствіи мы на опытѣ испытали, что администрація дороги, заодно съ комендантами, не всегда такъ любезно разрѣшаетъ офицерамъ переночевать въ остающемся на станціи поѣздѣ. Я лично самъ не разъ долженъ былъ проводить

ночь на ногахъ или на буфетномъ стулѣ на станціи, въ то время какъ вагонъ, въ которомъ я пріѣхалъ вечеромъ, до утра простаивалъ на томъ же мѣстѣ. Я до сихъ поръ не понимаю смысла такихъ распоряженій, и думаю, что найти его здѣсь, какъ и въ огромномъ большинствѣ другихъ, не менѣе странныхъ, распоряженій, не удастся.

Но, какъ бы то ни было, а эту ночь мы проспали въ вагонахъ,—и даже, грѣшные люди, считали это въ порядкѣ вещей и не подозрѣвали, что только счастливая случайность спасла насъ отъ безсонной ночи въ буфетѣ.

На слѣдующій день началась „посадка“. Подали поѣздъ, и помощникъ коменданта указалъ намъ офицерскіе вагоны. Благодаря его нераспорядительности, произошла давка. Офицеры не попадали въ свои вагоны, зато публика стремилась въ нихъ неудержимо и едва сдерживалась солдатами. Вагоны, предназначенные для публики, были еще заперты. По совершенно непонятному капризу помощника коменданта, они отпирались по очереди, а не всѣ сразу, и потому толпа пассажировъ, человѣкъ въ 300—400, у каждаго вагона стремилась цѣликомъ попасть именно въ него, забывая объ остальныхъ. Давка, драка, крикъ и ругань...

— Ваше высокоблагородіе,—говоритъ какой-то пожилой человѣкъ, съ виду подрядчикъ, обращаясь къ стоящему рядомъ со мной полковнику:—окажите намъ, Христа ради, какое ни на есть присутствіе. Вѣдь силъ нѣтъ никакихъ, ей Богу. Живемъ недѣлю здѣсь, а тамъ надо дѣло дѣлать. Работа стала. Робята безъ дѣловъ сидятъ. Окажите присутствіе!

Полковникъ недоумѣваетъ. Я вмѣшиваюсь въ дѣло и объясняю, что мы тоже лишь пассажиры, а обратиться надо къ коменданту. При этомъ словѣ лицо несчастнаго старика принимаетъ злобное, тупое выраженіе: „слыхали мы, дескать, это“. И онъ опять обращается къ тому же полковнику съ той же, очевидно заученной, фразой, прибавивъ, какъ бы въ поясненіе: „Вы вѣдь наши начальники, явите Божескую милость“. И опять говоритъ о „дѣлахъ“, которыя безъ него „стали“ гдѣ-то въ Томскѣ. А поѣздъ тѣмъ временемъ успѣлъ наполниться свыше мѣры засидѣвшейся въ Челябинскѣ публикой, которая съ легкимъ сердцемъ и почти радостно, дѣятельно переругивается въ окна и двери вагоновъ съ толпой разочарованныхъ несчастливцевъ, не попавшихъ на поѣздъ и обреченныхъ на долгое сидѣнье на станціи и на новыя аттаки проходящихъ поѣздовъ.

По всей линіи до Иркутска и дальше повторялись все тѣ же

сцены. Разнообразіемъ для насъ лично послужила пропажа всего нашего багажа, который былъ гдѣ-то выгруженъ изъ внезапно „заболѣвшаго“ товарнаго вагона и гдѣ-то остался ждать, на неопредѣленное время, своей очереди для отправки въ Манчжурію. Мы этимъ были очень опечалены. Привыкши къ европейской точкѣ зрѣнія на пассажирскій багажъ, мы надѣялись, что онъ будетъ все время въ нашемъ поѣздѣ, и поэтому, во-первыхъ, уплатили рублей по восьми за пудъ, а во-вторыхъ, положили тутъ различныя вещи, нужныя тотчасъ по прибытіи на мѣсто. Было досадно, что багажъ отсталъ. Насъ, впрочемъ, стали утѣшать, что онъ не отсталъ, а пропалъ, и что можно получить за него деньгами,—но насъ это совершенно не устраивало, и мы дѣятельно стали его искать, заявляя и телеграфируя на большихъ станціяхъ. Впослѣдствіи, уже въ Харбинѣ, одинъ офицеръ, по службѣ близко знакомый съ дѣлами этихъ дорогъ, объяснилъ намъ, что подобныя пропажи бываютъ часто, и что вагоны съ багажомъ, особенно въ нѣкоторыхъ пунктахъ пути, имѣютъ хроническую склонность къ „заболѣванію“. Вагонъ признается „заболѣвшимъ“, багажъ выгружается куда-нибудь (при этомъ возможна и утрата его), а вагонъ грузится различнымъ товаромъ, оплаченнымъ, конечно, много выше тарифа, и благополучно слѣдуетъ дальше съ ближайшимъ же поѣздомъ. Какъ устраиваются съ контролемъ—не знаю. Но въ Манчжуріи и на всей линіи дороги къ ней, насколько приходилось слышать отъ людей хорошо освѣдомленныхъ, до такой степени свято и нерушимо соблюдается правило „рука руку моетъ“, что, вѣроятно, и здѣсь дѣло поставлено твердо и прочно, и нѣтъ основанія опасаться, что эта „частная организація“ „положитъ охулку на руку“. „Представьте,—говорилъ тотъ же офицеръ,—даже намъ взятки предлагаютъ; просто отбоя нѣтъ!“ А между тѣмъ гдѣ-то кто-то что-то дѣлаетъ незаконное, офицерскія вещи пропадаютъ десятками, сотнями пудовъ, а дорога платитъ опредѣленную сумму съ фунта. Я, конечно, не знаю точной статистики этихъ „невыгодныхъ“ для дороги „сдѣлокъ“, въ которыя она что-то очень часто вовлекается, но говорятъ, что одна изъ станцій уплатила за пропавшіе грузы свыше сорока тысячъ рублей и обратила даже на себя вниманіе министерства. Но, опять-таки повторяю, такъ говорятъ люди, съ дѣломъ знакомые, и да будетъ на нихъ отвѣтственность за достовѣрность этихъ свѣдѣній.

Послѣ пропажи багажа, ближайшая непріятность ожидала насъ на станціи Манчжурія. Благодаря нелюбезности и возмутительно невнимательному къ намъ отношенію помощника комен-

данта, намъ пришлось всю ночь проболтаться на вокзалѣ, а вагоны наши, какъ я говорилъ выше, всю ночь стояли, ничѣмъ и никѣмъ незанятые, на своихъ мѣстахъ. Вообще, отношеніе комендантовъ къ офицерамъ какое-то удивительно странное. Мнѣ очень много разъ приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ, и я никогда не могъ понять, почему эти господа, сидя въ теплѣ и холѣ, смотрятъ на обращающихся къ нимъ офицеровъ какъ на какихъ-то назойливыхъ просителей, отъ которыхъ надо возможно скорѣе отвязаться.

Особенно возмутительно отношеніе многихъ господъ этапныхъ комендантовъ. Они, видимо, считаютъ свое дѣло пріятной синекурой, нисколько ни о чемъ не заботятся, даже не знаютъ, есть ли у нихъ свободныя помѣщенія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и непрестанно жалуются лишь на „массу“ работъ.

Когда я пишу эти строки, я вспоминаю, между прочимъ, коменданта одного китайскаго мѣстечка, который, несмотря на долгія совѣщанія съ своимъ помощникомъ и довѣреннымъ унтеръ-офицеромъ, отвелъ намъ, т.-е. нашей командѣ, при восьми офицерахъ, открытую для вѣтра площадку на горѣ (а мороза было градусовъ 5—6) и категорически отказалъ въ какомъ бы то ни было помѣщеніи, ссылаясь на то, что все уже занято. А между тѣмъ оказалось, что цѣлая фанза, состоящая въ его вѣдѣніи, совершенно пуста и занята лишь однимъ, случайно забредшимъ въ нее, офицеромъ.

И это въ крупномъ, сравнительно, мѣстечкѣ, и это тоже называется „служба“!

Не менѣе возмутительно отношеніе къ офицерамъ и въ городкѣ Х., гдѣ комендантствуетъ, какъ и во многихъ другихъ теплыхъ мѣстечкахъ, гвардейскій капитанъ. Да всѣхъ и перечислить невозможно.

Есть, впрочемъ, и люди хозяйственные.

Такъ, мнѣ одинъ комендантъ разсказывалъ, что его предмѣстникъ на одномъ изъ этаповъ жилъ совсѣмъ помѣщикомъ: имѣлъ поля и огороды, такъ какъ имѣлъ казенныхъ лошадей, муловъ и нижнихъ чиновъ. На его огородахъ и поляхъ зрѣлъ картофель, который, будучи проданъ проходящимъ войскамъ по манчжурскимъ цѣнамъ, далъ заботливому хозяину свыше четырехъ съ половиной тысячъ рублей. Но, увлекаясь земледѣліемъ, этотъ комендантъ не только не устроилъ какихъ бы то ни было помѣщеній для нижнихъ чиновъ, но даже не нашелъ времени и средствъ для приспособленія фанзы подъ офицеровъ.

Въ извиненіе ему говорилось: „онъ, господа, человѣкъ семейный“.

Въ Харбинъ мы прибыли на семнадцатый день по выѣздѣ изъ Москвы. Здѣсь уже все пахнетъ войной. Цѣны безобразны. Кормятъ на вокзалѣ отвратительно. Номеровъ въ гостинницахъ нѣтъ. Все переполнено офицерами. Стоитъ тринадцатый корпусъ, части котораго еще подтягиваются. Естественно, что комендантъ и его помощникъ, при такомъ наплывѣ военной публики, не знали, что въ офицерскихъ баракахъ есть мѣста, и заявили, что ни одного мѣста нѣтъ. Нашлись Ѳомы невѣрные, которые лучше насъ знали цѣну этимъ заявленіямъ и, ничтоже сумняся, отправились въ баракъ, гдѣ благополучно и переночевали.

Остальные же размѣстились—кому гдѣ пришлось, *даже на полу*. Въ вагоны никого не разрѣшали пускать, такъ какъ таковые имѣютъ какое-то назначеніе, но ловкіе люди и тутъ нашлись, дали мзду поѣздной прислугѣ и переночевали въ вагонахъ, которыхъ, какъ оказалось на утро, хватило бы на всѣхъ безъ всякаго вреда для кого бы то ни было, а для дороги и коменданта въ особенности.

На слѣдующій день, преодолѣвъ всѣ мытарства, мы кое-какъ попали-таки въ поѣздъ, въ грязные вагоны третьяго класса, переполненные тараканами и прочей дрянью, и благополучно добрались до Гунжулина. Здѣсь—„отлично оборудованный“ этапъ. Но это „отлично“ весьма относительно и подходитъ только къ манчжурскимъ понятіямъ. Офицерское помѣщеніе этапа представляетъ изъ себя землянку съ нарами, раздѣленными—поставленными на ребро досками—на рядъ стойлъ, съ одной висячей лампой на огромное, сравнительно, помѣщеніе и съ запахомъ конюшни. Запахъ этотъ нисходитъ съ крыши, которую, тепла ради, засыпали конскимъ навозомъ.

Крыша, по непонятному капризу строителя, устроена такъ, что вода неминуемо должна застаиваться и протекаетъ какъ разъ на нары. Кромѣ того, съ потолка сыплются какіе-то навозные черви въ большомъ количествѣ.

Но этотъ этапъ „сравнительно“ очень хорошъ.

Проѣзжій офицеръ и этому радъ. Одно лишь худо: поѣсть негдѣ. Гунжулинъ—центръ, въ который стекаются офицеры со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ трехъ армій, а никто даже не позаботился дать имъ возможность хоть какъ-нибудь закусить. Это удивительнѣйшее отсутствіе заботы о чинахъ арміи меня всегда возмущало. Трудно допустить, чтобы нельзя было организовать это дѣло. А между тѣмъ офицеру только и остается или вокзалъ, или „офицерская столовая“, гдѣ страшно дерутъ частные предприниматели и кормятъ какой-то возмутительной и вредной

дрянью. А чѣмъ кормятся солдаты, которые почему-либо идутъ одиночнымъ порядкомъ, такъ я даже и не знаю.

Есть, впрочемъ, два отдѣленія экономическихъ обществъ: гвардейскаго и московскаго. Первое, сравнительно, богато обувью и одеждой, но предметовъ первой необходимости по части продуктовъ—сахара, табаку, какой бы то ни было ѣды—этого ничего нѣтъ. „Все вышло-съ“. Вина, впрочемъ, много. Особенно у гвардейцевъ.—Мадеры цѣлыя массы, шампанскаго—тоже. Другіе сорта—тоже хорошо представлены, а водки, напримѣръ, обыкновенно нѣтъ. „Есть-съ ромъ“, говорятъ вамъ.

Кстати объ экономическихъ обществахъ. Прекрасныя это по мысли учрежденія, цѣль отличная, средства хорошія, а между тѣмъ они не на высотѣ положенія. И въ Гунжулинѣ, и въ Херсу, да и въ другихъ мѣстахъ замѣчается странное явленіе. Какъ я уже говорилъ, предметовъ первой необходимости у нихъ нѣтъ („скоро будутъ-съ“, „были, да вышли-съ“ и т. д.), а рядомъ въ лавкахъ какихъ то кавказскихъ человѣковъ вы достанете все, что угодно: и сахаръ и ѣду, и даже тѣ же марки винъ, что въ „экономкѣ“, но, конечно, съ огромной надбавкой. Очевидно, „экономки“ торгуютъ на сторону, и офицерамъ приходится переплачивать, получая товаръ отъ посредника, который беретъ манчжурскій процентъ. Много объ этомъ говорятъ, всюду можно слышать возмущенные голоса офицеровъ, огорченныхъ нижнихъ чиновъ, переплачивающихъ на каждой вещи, а дѣло идетъ по заведенному порядку и впредь, вѣроятно, такъ же пойдетъ. А любопытно бы выяснить нѣкоторыя подробности.

Вообще, это кратковременное пребываніе въ Манчжуріи оставило во мнѣ впечатлѣніе какого-то ужаснаго кошмара.

Начиная съ границы, стали попадаться боевые офицеры, врачи и вообще участники и свидѣтели боевъ и всей манчжурской жизни. Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ все больше и больше попадалось ихъ. Большинство весьма словоохотливо и откровенно. Привыкнувъ уже къ той жизни, которою они жили почти два года, они уже мало возмущаются царящими порядками, и разсказываютъ спокойно такіе эпизоды, что человѣку свѣжему жутко становится.

Попавъ на гунжулинскій этапъ, мы сразу окунулись какъ бы въ мѣстную жизнь. Офицеры-„манчжурцы“ смѣялись надъ нашимъ негодованіемъ, постоянно вызываемымъ въ насъ сообщаемыми ими фактами. „Вамъ все это пока дико,—говорили они,—а потомъ привыкнете!“

И мы, дѣйствительно, стали привыкать. Сначала мы не вѣ-

рили. Но затѣмъ аналогичные разсказы стали сыпаться со всѣхъ сторонъ. Видно было, что это все разсказывается не для насъ, разсказывается безъ всякаго желанія произвести эффектъ, а просто вспоминается пережитое и подмѣченное во всей своей безобразной наготѣ.

Потомъ все это стало меркнуть по сравненію съ безхитростными, совершенно спокойными разсказами солдатъ.

Не буду передавать всего этого. Часть этихъ фактовъ, вѣроятно, всплыветъ на судѣ, часть станетъ извѣстна большой публикѣ изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ.

Одно могу сказать — темы были очень однообразны: распоряженія и дѣйствія въ бояхъ чиновъ различныхъ степеней и затѣмъ—хищеніе всякаго рода. Послѣдняя отрасль достигала, повидимому, грандіознѣйшихъ размѣровъ. Повторяю, я самъ не былъ очевидцемъ хищеній, но при мнѣ называли по именамъ такую массу лицъ, хитящихъ тѣмъ или инымъ способомъ, что просто голова идетъ кругомъ. Нѣтъ возможности запомнить всѣхъ этихъ чиновъ, званій и фамилій.

Здѣсь передъ изумленнымъ слушателемъ проходятъ фамиліи начальниковъ разныхъ транспортовъ, полутранспортовъ, обозовъ всѣхъ родовъ и разрядовъ, этаповъ и командъ. Съ едва скрываемой завистью разсказываетъ мнѣ одинъ заурядъ-прапорщикъ, какъ „нажился“ его товарищъ, тоже „заурядъ“, на покупкѣ скота въ Монголіи.

Оказывается, это—очень выгодная командировка. Все чаще и чаще приходится слышать разсказы все о той же покупкѣ скота. Цифры и фамиліи мѣняются, но смыслъ все тотъ же.

Конечно, я далекъ отъ мысли, что это—правило безъ исключеній. Само собой понятно, что масса людей относится къ дѣлу добросовѣстно, но все-таки слишкомъ великъ обратный процентъ и слишкомъ какъ-то цинично и открыто объ этомъ говорятъ.

Приходится слышать такіе разговоры:

— Слыхали про Х.? Онъ тутъ меньше года, а ужъ домой тысячъ двадцать-пять женѣ перевелъ!..

— Не можетъ быть,—возражаетъ собесѣдникъ.—Во-первыхъ, еслибы онъ перевелъ двадцать-пять тысячъ, я бы зналъ,—я вѣдь только-что возвратился изъ отпуска. Отлично знаю его семью. А во-вторыхъ, — онъ вѣдь не дуракъ и прекрасный семьянинъ; еслибы у него дѣйствительно была такая сумма,—онъ бы переслалъ. Поэтому думаю, что у него не было ея.

— А главное,—заступается второй однополчанинъ,—онъ и

не успѣлъ бы столько „уэкономить“. Вѣдь его послѣ Мукдена убрали въ строй за потерю повозокъ. Нѣтъ, этотъ не успѣлъ. А вотъ Васька Z., вотъ тотъ, дѣйствительно, „заработалъ“. Только онъ вѣдь дуракъ. Что̀ нажилъ — то и прожилъ. Смотрите, что̀ онъ выдѣлываетъ въ Харбинѣ. Дуракъ!

И все въ такомъ духѣ, и никто, какъ будто, и не интересуется посмотрѣть на вопросъ съ другой стороны. Никто и не думаетъ, какъ ужасно то, что X. не укралъ только потому, что „не успѣлъ“, и что въ Z. возмутительно не то, что онъ „дуракъ“, не умѣющій использовать плодовъ своего воровства, а что онъ—воръ.

Это разговоры среди офицеровъ...

— А вотъ, ваше благородіе, — говоритъ мнѣ мой вѣстовой на бивакѣ, въ то время, какъ я умываюсь,—въ карты у насъ, въ обозѣ, страшное дѣло хлещутся. Извѣстно, у нихъ деньги!— добавляетъ онъ мечтательно.

— Кто же хлещется-то?—спрашиваю, заинтересовавшись.

— Какъ кто? Да все они же, обозные. Опять же „зауряды“. Да вы, ваше благородіе, думаете, у нихъ мало капиталовъ-то? Никакъ нѣтъ. У нихъ игра-то почище офицерской ведется. Ѳедька, землякъ мой (онъ назвалъ незнакомую мнѣ фамилію), за эти мѣсяцà рублей восемьсотъ — девятьсотъ домой-то переслалъ. Ему везетъ. Ну и его урѣзали разà два здòрово. Шибко накрыли, а то онъ тыщи двѣ переслалъ бы, — проговорилъ онъ, особенно вкусно произнося слово „тыщи“...

— Рази намъ есть возможность въ деньгахъ тягаться съ обозомъ! — говорилъ мнѣ на привалѣ запасной унтеръ-офицеръ изъ моей команды. — Сейчасъ взять обознаго. Онъ тебѣ и казенное имущество крадѐтъ, онъ и водкой торгуетъ, онъ и трудовъ нашихъ не знаетъ. Баринъ—онъ противъ насъ. Опять же были мы на лѣвомъ флангѣ. Отступали—свое-то все побросали. А обозный, глядишь, тащѝтъ и тащѝтъ всякое китайское обзаведеніе. Много они добра потаскали въ тѣ поры. Ну, и деньжищъ у нихъ... Здоровы́ только въ карты играть. Страшное дѣло. Домой много посылаютъ. А намъ конфузъ. Больно насъ изъ дому письмами донимаютъ, почему мы денегъ не шлемъ. Зачѣмъ, молъ, здѣсь проживаемъ. Онъ, молъ, шлетъ, а ты-то чтожъ? А гдѣ ее взять, деньгу-то? Сами изволите знать, строевую-то жизнь!

„Дѣлà!“—огорченно добавилъ онъ.

И много, много, подобнаго слышалъ я отъ солдатъ, дѣлая съ ними утомительный трехсотверстный переходъ.

Ужасныя, тяжелыя темы!

Но самые горячіе, жгучіе и задорные споры вызываютъ вопросы о справедливости присужденія наградъ. Это—больное мѣсто манчжурскаго офицера. Здѣсь страсти разыгрываются. Человѣкъ можетъ хладнокровно разсказывать о нелѣпѣйшемъ распоряженіи своего начальника, навлекшемъ гибель массы людей; можетъ спокойно обсуждать новые факты о какой-нибудь махинаціи, клонящейся къ ограбливанію казны, но говорить безъ пѣны у рта о наградахъ—мало кто способенъ. Я зналъ одного чрезвычайно передового прапорщика-технолога. Онъ былъ выше „мелочей военной жизни“ и на все смотрѣлъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ; офицерскіе разговоры были недоступны для его слуха. Но когда, однажды, кто-то замѣтилъ, что одинъ изъ офицеровъ его полка гдѣ-то что-то получилъ, Станислава или что-то въ этомъ родѣ, онъ сталъ неузнаваемъ: вскочилъ съ кровати, отбросилъ „Сынъ Отечества“ и ринулся въ споръ. Онъ на что-то негодовалъ.

И такъ большинство. А между тѣмъ награды теперь потеряли свое значеніе: его свели совершенно на нѣтъ, во-первыхъ, способъ выдачи, а вовторыхъ—злоупотребленія.

Вся кампанія раздѣлена на „бои“. И вотъ, всѣ бывшіе въ одномъ бою—получаютъ Анну 4-ой степени (на шашку, съ надписью „за храбрость“); бывшіе въ двухъ бояхъ—Станислава 3-й степени, съ мечами и бантомъ, и т. д. По орденамъ можно считать, во сколькихъ бояхъ былъ офицеръ. Даже „Владиміръ“—и тотъ выдавался довольно щедро. Исключеніе сдѣлали для „Георгія“. Кавалеровъ этого ордена мало. Даже очень мало. Георгіевскія думы строги и требовательны. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, указываютъ на неправильно удостоенныхъ этого почетнаго ордена чиновъ. Ошибки вездѣ возможны, и потому, можно сказать, это единственный орденъ, оставшійся на своей высотѣ (конечно, если выключить нѣкоторые „флотскіе Георгіи“, которые были выданы, пожалуй, слишкомъ торопливо).

Возмутительно, съ военной точки зрѣнія, что боевые ордена, „съ мечами и бантомъ“, получили разные нестроевые чины, коменданты, начальники различныхъ тыловыхъ учрежденій, и не видавшіе японцевъ. Забавно слышать незаинтересованному человѣку разсказы о тѣхъ невинныхъ хитростяхъ, на которыя пускались эти герои, для добыванія себѣ боевыхъ наградъ. Просто какія-то сраженія съ вѣтряными мельницами устраивали, по примѣру безсмертнаго Донъ-Кихота: отражали какихъ-то хунхузовъ, кого-то отъ чего-то оберегали, спасали и объ этомъ писали реляціи.

Были счастливцы,—были и неудачники. Но всѣ эти скромныя геройства, эти перестрѣлки и отраженія — могутъ вызвать лишь улыбку; гораздо же болѣе грустны факты иныхъ способовъ добыванія наградъ. А и такіе способы пускались въ ходъ, и притомъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

А ужъ о Фамусовскомъ правилѣ: „какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!“—и говорить нечего. Особенно это замѣтно на солдатскихъ наградахъ. Я лично знаю случаи, гдѣ знаки военнаго ордена получили не бывшіе въ бою ослятники и тому подобная публика, не имѣющая за собой подвиговъ, но имѣющая „руку“.

А сколько зато ненагражденныхъ героевъ! Ихъ немало!

И все это порождаетъ обиду, зависть, злобу и недовольство.

Я лично смотрю на дѣло объективно, какъ лицо, нисколько не заинтересованное, но часто становится противно, когда слышишь всѣ эти повѣствованія.

Какъ все это мелко, грязно!

Въ такихъ разговорахъ время быстро летѣло, и я оглянуться не успѣлъ, какъ попалъ на „конку“ и покатилъ на бивакъ полка.

Въ пути, въ маленькомъ вагонѣ, запряженномъ по бокамъ мулами, лошадьми или осликами и быстро катившемся по узенькой колеѣ переносной желѣзной дороги, разговоры шли все на тѣ же темы. Какой-то казначейскій чиновникъ разсказывалъ о харбинскихъ игорныхъ домахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ находился. „Крупно играютъ“,—говорилъ онъ съ увлеченіемъ.—„Банкъ по три-четыре тысячи—явленіе нормальное. И откуда это у офицеровъ такія деньги?“—наивно недоумѣвалъ онъ.—„Ну, у интендантовъ—это еще такъ!“... „Представьте!“—оживился онъ вдругъ—„есть тамъ одинъ интендантъ, фамилію какъ на грѣхъ забылъ, а въ лицо хорошо помню. Да вотъ будете въ Харбинѣ, увидите,—онъ описалъ его наружность,—„такъ, представьте, онъ, каналья, увидѣлъ банкъ невѣроятнѣйшихъ размѣровъ (онъ назвалъ колоссальную сумму)—„и что же бы вы думали—поставилъ карту „ва банкъ“, проигралъ, полѣзъ въ сюртукъ, вытащилъ этакій, знаете, бумажникъ, вродѣ чемодана, отсчиталъ пятисотенными билетами, не сморгнувъ, сполна всю сумму и вышелъ. У насъ у всѣхъ духъ захватило, а ему—какъ съ гуся вода“.

Въ это время что-то случилось, и передніе вагоны стали. Нашъ кондукторъ-солдатъ ловко затормозилъ, и нашъ вагонъ тоже остановился. Всѣ высунулись посмотрѣть, что случилось.

Мой сосѣдъ, боевой капитанъ, уже былъ снаружи.

— Поручикъ, поручикъ!—кричалъ онъ моему товарищу.—У васъ есть, кажется, кодакъ. Тащите его скорѣе сюда! — Тотъ быстро выскочилъ.—Вотъ, вотъ онъ!—говорилъ капитанъ, тыча пальцемъ на одинъ изъ переднихъ вагоновъ, изъ котораго степенно и съ чувствомъ собственнаго достоинства вылѣзалъ какой-то генералъ.—Да кто это? — спросилъ мой товарищъ, хватаясь за кодакъ.—А чортъ его знаетъ, кто это! — безцеремонно заявилъ капитанъ: — довольно того, что *генералъ*, это вѣдь здѣсь рѣдкость. Они боятся южнѣе Гунжулина забираться. Потому позиціи близко. Ну, да теперь миръ. Пожалуй и на позицію рискнутъ заглянуть, а во время боевъ—такъ Боже упаси. Никого не было, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ на всѣ арміи. Нарочно на нихъ ѣздили смотрѣть въ тылъ! — И онъ громко засмѣялся, нисколько, видимо, не безпокоясь, слышитъ его генералъ или нѣтъ.

Это меня удивило. Остальные же офицеры „манчжурцы“ улыбались, не возражая. Черезъ минуту мы уже катили дальше. Ѣсть хотѣлось смертельно, а запасовъ никакихъ не было. И вотъ, совершенно неожиданно, на главной, средней, станціи пути насъ встрѣтилъ старичокъ-подполковникъ, оказавшійся комендантомъ станціи, и сталъ радушно приглашать въ огромный шатеръ-столовую. Все тамъ было такъ чисто, такъ опрятно, хозяинъ-комендантъ такъ заботливо наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣмъ офицерамъ, прибывшимъ съ нашимъ поѣздомъ, было подано все своевременно, что мы съ рѣдкимъ аппетитомъ стали уничтожать и обѣдъ, и чай, предложенные намъ, какъ оказалось, къ тому же безплатно.

17283

Среди того отношенія, которое мы до того привыкли встрѣчать въ другихъ мѣстахъ, среди всѣхъ неудобствъ и лишеній, которыя приходилось переживать изъ-за нераспорядительности и халатности начальниковъ различныхъ степеней, этотъ старичокъ-комендантъ, съ добрымъ, ласковымъ лицомъ, и этотъ шатеръ-столовая оставили по себѣ самое отрадное, хорошее воспоминаніе.

Мнѣ говорили, что столовая эта устроена Куропаткинымъ и содержится на его счетъ. Если такъ, то большое ему спасибо.

Со всякими неудобствами, на арбахъ и двуколкахъ, дотащились-таки мы до нашего бивака.

Первые дни прошли въ ознакомленіи съ офицерами, ротой и т. д. Въ совершенно неприспособленныхъ къ холодамъ офицерскихъ палаткахъ было холодно. Солдаты жили въ обмазанныхъ глиной, плетеныхъ шалашахъ-палаткахъ, и имъ было несравненно лучше, чѣмъ намъ. Мнѣ, впрочемъ, не разъ приходилось замѣчать, что

Журнальный фонд
Можовской обл. библиотеки

солдаты устроены лучше офицеровъ во многихъ отношеніяхъ. Да къ тому же солдаты такъ научились „примѣняться къ мѣстности“, что умѣютъ, что называется, „изъ ничего“ устраивать и жилье, и очагъ.

Мнѣ пришлось попасть въ баталіонъ, стоящій на бивакѣ. Товарищъ мой попалъ въ баталіонъ, стоящій верстахъ въ двухъ „на позиціяхъ“. И вотъ однажды я собрался на эти „позиціи“. Это было тѣмъ удобнѣе, что нашъ баталіонъ производилъ тактическія занятія и наступалъ на свои же позиціи. По окончаніи „занятія“, я съ товарищемъ пошелъ осматривать всѣ эти знакомыя лишь теоретически, да по сообщеніямъ газетъ, сооруженія.

Тутъ и редуты, и корридоры, и галереи, и блиндажи, и все это выбито на высокой сопкѣ, прямо въ камнѣ, хотя и не очень твердомъ, нашимъ полкомъ.

Сколько работы, сколько силъ и энергіи даромъ потрачено! Сколько денегъ загублено! Эта масса проволочныхъ загражденій, эти засѣки изъ Богъ вѣсть откуда доставленныхъ деревьевъ,—все это поднимало духъ, отъ всего этого вѣяло силой и неприступностью, и являлось желаніе на дѣлѣ испытать всѣ эти „усовершенствованія“. Короче сказать, во мнѣ проснулся „воинственный пылъ“! Вернулся я домой подъ этимъ впечатлѣніемъ и, грѣшный человѣкъ, думалъ: „Если ратификація, какъ говорятъ, не состоится, мы себя покажемъ на этихъ позиціяхъ!“

Но эти высокомѣрныя мечты черезъ нѣсколько дней улетучились. Я потерялъ вѣру и въ „позиціи“, и въ то, что „мы себя покажемъ“, и сталъ страстно желать скорѣйшей ратификаціи договора.—Если не будетъ ратификаціи,—думалъ я,—насыплютъ намъ „япоши“!—и сердце щемила тоска.

Такой крутой поворотъ вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Нашъ корпусъ высылалъ квартирьеровъ для подготовки квартиръ, фуража и топлива по пути къ зимнимъ квартирамъ къ сѣверу. Я попалъ въ число квартирьеровъ. Передъ отправкой изъ полка, вышло первое маленькое недоразумѣніе—не оказалось ни картъ, ни плановъ пути для насъ. Дали намъ наконецъ какія-то, очень неважныя, крокй, причемъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ замѣтилъ: „Да что вы, господа, о картахъ заботитесь? Мы всѣ бои безъ картъ прожили, а въ мирное время и подавно проживемъ. Это ужъ такая война безъ плановъ“. И мы пошли. Инструкцій не дали никакихъ, указаній—никакихъ.

„Начинается“,—подумалъ я.

Мы, квартирьеры нашего полка, направлялись въ штабъ одной изъ дивизій нашего корпуса, гдѣ предстояла разбивка квартирье-

ровъ на партіи, по одному отъ каждаго полка, и назначеніе ихъ на опредѣленные участки пути. Здѣсь образовалась цѣлая сходка. Тутъ были офицеры всѣхъ родовъ оружія. Все это шумѣло, говорило, спорило.

Старшіе на пунктахъ квартирьеры никакъ не могли собрать своихъ младшихъ квартирьеровъ, тѣ путали нумера своихъ участковъ—и выходила невообразимая путаница. Наконецъ, часа черезъ два, относительный порядокъ былъ возстановленъ при помощи начальника штаба.

Онъ сообщилъ радостную вѣсть, что квартирьерамъ разрѣшено ѣхать со своими командами по желѣзной дорогѣ до своихъ пунктовъ. Такимъ образомъ мы избѣгали длиннаго пѣшеконнаго пути (у насъ были верховыя лошади, но солдаты должны были идти пѣшкомъ)—и всѣ ликовали. Старшіе квартирьеры, условившись о дняхъ отправленія своихъ группъ, сначала ближайшихъ участковъ группы, а постепенно и дальнѣйшихъ, отпустили своихъ подчиненныхъ по домамъ и назначили имъ дни сбора. Все было улажено, и публика стала разъѣзжаться.

Я глядѣлъ на все это и думалъ: „А что же бываетъ въ бою, когда нервы натянуты, когда медлить нельзя, когда и обдумывать-то некогда и все должно быть заранѣе обдумано, если при мирной обстановкѣ не умѣютъ распредѣлить квартирьеровъ по участкамъ?“

Изъ задумчивости меня вывелъ голосъ моего товарища: „Пойдемте слушать,—говорилъ онъ,—тамъ пріѣхалъ какой-то генералъ и о чемъ-то говоритъ съ офицерами“. Оказалось, что человѣка три офицеровъ нашли удобнѣе идти походомъ и просили генерала имъ разрѣшить этотъ способъ передвиженія. Генералъ пыхтѣлъ, разводилъ руками и былъ, видимо, въ затрудненіи. Начальникъ штаба волновался и что-то разъяснялъ. Можетъ быть, все и обошлось бы благополучно, но тутъ подоспѣлъ второй генералъ. „Умъ хорошо, а два лучше“,—говоритъ пословица.—Но не о генералахъ она, видно, сложена. Здѣсь вышло наоборотъ. Второй генералъ проявилъ массу энергіи и тутъ же было приказано, „согласно просьбѣ офицеровъ“, *всѣмъ* идти походомъ.

Офицеры стали протестовать, просить, доказывать, но никто уже и слушать ихъ не хотѣлъ, и, по какому-то глупому капризу трехъ-четырехъ офицеровъ, во-время успѣвшихъ забѣжать къ кому слѣдовало, нѣсколько десятковъ офицеровъ и сотенъ солдатъ пошли пѣшкомъ.

Все это показало такой безпорядокъ, что сразу многое стало ясно изъ непонятныхъ эпизодовъ минувшей войны.

Можно ли ждать распоряженій толковыхъ отъ такихъ людей, которые и въ такомъ пустякѣ растерялись и отдали подъ-рядъ два противорѣчивыхъ приказанія?

И вотъ при видѣ этихъ генераловъ, этого начальника штаба, не имѣя при себѣ ни карты, ни инструкцій, я понялъ, что не въ позиціяхъ дѣло, и что чѣмъ скорѣе миръ, тѣмъ лучше.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ".

Намъ приходилось проходить черезъ расположеніе сибирскихъ корпусовъ, т.-е. черезъ деревни, отведенныя подъ ихъ зимнія квартиры. Но части этихъ корпусовъ пришли раньше, чѣмъ наши успѣли пройти, и вышло замѣшательство. Нашимъ полкамъ, вмѣсто того, чтобы переночевать по пути въ еще незанятыхъ деревняхъ чужихъ корпусовъ, пришлось мѣстами натыкаться на занятыя уже, такъ сказать, „хозяевами" деревни и спать подъ открытымъ небомъ. А былъ уже октябрь въ серединѣ, и солдаты страдали отъ холода.

Фуражные районы были тоже распредѣлены такъ неудобно, что одни части перебивали фуражъ у другихъ; китайцы эту штуку поняли и моментально на все подняли цѣны вдвое и втрое.

Между квартирьерами нашего корпуса и учрежденіями другихъ корпусовъ и армій происходили постоянныя столкновенія, и никто не могъ разобраться въ этой путаницѣ.

Какъ же могло совершиться правильное отступленіе отъ Мукдена трехъ армій, если одинъ корпусъ не могъ придти на зимнія квартиры безъ недоразумѣній и пререканій?

Если вдуматься во все это, то становится скверно на душѣ и страдаетъ патріотическое чувство.

Я былъ глубоко счастливъ, когда полкъ прошелъ благополучно черезъ мой пунктъ и мнѣ было разрѣшено съ командой ѣхать по желѣзной дорогѣ на зимнія квартиры.

II.

Еще до перехода на зимнія квартиры, до деревушки, гдѣ я былъ квартирьеромъ, стали доходить тревожныя вѣсти изъ Харбина.

Манифестъ 17 октября всколыхнулъ все и вся. Въ Харбинѣ начались „безпорядки".

Произошелъ обычный расколъ. Часть жителей, съ красными флагами и марсельезой, двигалась по улицамъ Харбина ближе

къ вокзалу; другая часть, съ портретомъ Государя и пѣніемъ „Спаси, Господи, люди Твоя“, концентрировалась у пристани. Волненія росли и принимали мѣстами острый характеръ.

Одна изъ мѣстныхъ газетъ признала своевременнымъ измѣнить свою физіономію, что̀ и сдѣлала круто и рѣшительно, не откладывая въ долгій ящикъ. Начались забастовки. Все это, конечно, не могло не касаться и военныхъ, такъ какъ Харбинъ въ настоящее время превратился въ исключительно военный центръ.

Воинскіе чины стали появляться на митингахъ; генералъ Надаровъ сталъ этому противиться всѣми мѣрами и въ пылу начальническаго рвенія слегка даже „зарапортовался“ въ своихъ приказахъ. Приказы эти стали обсуждаться по существу. Доказывалось, что воинскіе чины—такіе же граждане, какъ и лица не военнослужащія. „Военный юристъ“, разъясняя этотъ вопросъ въ „Харбинскомъ Листкѣ“, подробно ссылался на законъ и, главнымъ образомъ, на ст. 79 Основн. законовъ.

А пока шла эта юридическо-административная распря въ верхнихъ слояхъ, въ нижнихъ слояхъ вопросъ рѣшался самостоятельно и весьма при томъ разнообразно.

Различные „вольные“ старались объяснить солдатамъ, что „свобода“ означаетъ полное равенство *всѣхъ* чиновъ и званій. А въ виду того, во-первыхъ, что Харбинъ, какъ это ни грустно ген. Надарову, все-таки переполненъ всякими, Богъ знаетъ откуда берущимися, такъ сказать „приблудными“ солдатами, а во-вторыхъ, и перспектива „полнаго равенства“ не только съ господиномъ фельдфебелемъ, но даже съ самимъ ротнымъ, очень ужъ соблазнительна сама по себѣ,—нашлось много охотниковъ примкнуть къ такому именно пониманію „свободы“.

Болѣе консервативный элементъ не соглашался съ такимъ взглядомъ и просто не понималъ.

„Слабода, слабода!—говорилъ мнѣ лично солдатъ,—а что̀ она такое—и не понять“.

И дѣйствительно не понять, тѣмъ болѣе, что не дѣлалось даже попытокъ давать какія-нибудь оффиціальныя разъясненія. А до этого начальство додумалось уже въ ноябрѣ.

Въ то же, однако, время, т.-е. въ октябрѣ, между нижними чинами въ Харбинѣ и западнѣе, „была смута великая“.

Разсказывали примѣры активнаго выраженія своихъ взглядовъ сторонниками различныхъ группъ.

— Шелъ генералъ по одной изъ улицъ Харбина,—разсказывалъ намъ одинъ полковникъ,—на встрѣчу ему солдатишко. Чести, что-ли, не отдалъ, или тамъ чо̀ртъ его знаетъ что̀ такое,

но только генералъ подзываетъ его и начинаетъ его распекать. Въ это время, представьте себѣ, какой-то жуликъ тутъ какъ тутъ. „Что ты, говоритъ, на него смотришь, на генерала-то?— ты, говоритъ, такой же гражданинъ, какъ и онъ. Онъ тебя такими словами оскорблять не имѣетъ права,—теперь свобода".

— Ну и что же?—спросили мы хоромъ.

— Ну, — продолжалъ полковникъ, — посмотрѣлъ это солдатишко на жулика-то, да какъ дастъ ему въ ухо! Тотъ, натурально,—турманомъ. „Въ чужое, молъ, дѣло не встрѣвай". Вотъ тебѣ и свобода!

Это примѣръ крайняго консервативнаго взгляда. Крайняя правая. А вотъ крайняя лѣвая.

Въ залъ I и II классовъ, на харбинскомъ вокзалѣ, вваливается, конечно пьяный, солдатъ. Смотритъ по сторонамъ и, увидавъ группу офицеровъ, въ томъ числѣ и одного штабъ-офицера, за общимъ столомъ, шатающейся походкой направляется къ нимъ и, съ папироской въ зубахъ, тутъ же разваливается на стулѣ. Замѣтивъ негодующіе взгляды г.г. офицеровъ, которые, однако, ограничиваются лишь взглядами, онъ замѣчаетъ. „Чаго же такого? Небось, изъ того же тѣста сдѣланъ. Потому что теперь, значитъ, слабода—и я за свои деньги завсегда имѣю право"... Слѣдуютъ сбивчивыя объясненія все на ту же тему „о слабодѣ".

Свидѣтели переданнаго только-что случая, врачъ и офицеръ одного изъ полковъ нашей дивизіи, были страшно взволнованы собственнымъ разсказомъ. Мы тоже призадумались. Въ нашей тихой маленькой деревенькѣ еще никто не обнаруживалъ ни однимъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ своего взгляда на этотъ деликатный вопросъ.

И офицеръ, и врачъ уѣхали, а мы все еще обдумывали, что можетъ быть дальше? Естественно, что мы были лично заинтересованы, чтобы было возможно меньше проявленій крайнихъ лѣвыхъ воззрѣній въ описанной формѣ.

Но съ приходомъ полка на зимнія квартиры выяснилось, что, „пока что", дѣла обстоятъ еще благополучно.

Чувствовалась, однако, потребность все это понять.

„Люди" читали газеты, которыя, по выраженію одного изъ начальствующихъ лицъ, „къ сожалѣнію до нихъ доходили", и продолжали ничего не понимать.

Линевичъ приказалъ разъяснить. Но, несмотря на многочисленный штабъ, главнокомандующій не издалъ никакой не только брошюры, которую ничего не стоило бы составить, но даже не

нашелъ нужнымъ дать программу для этихъ объясненій. По крайней мѣрѣ, у насъ ничего подобнаго не было.

Послѣдствія оказались самыя нежелательныя, но и неизбѣжныя: отъ исполненія этого приказа уклонились,—т.-е. полковой командиръ пытался что-то разъяснить полку на морозѣ, но такъ туманно и странно, чтобы не сказать больше, что я, напримѣръ, частью ничего не понялъ, частью же почерпнулъ такія неожиданныя свѣдѣнія изъ области государственнаго права, что только пожалѣлъ о неполнотѣ нашихъ университетскихъ курсовъ. Все это было такъ ново!

Ясно, что солдаты получили одно лишь впечатлѣніе отъ лекціи—они ознобили себѣ ноги.

Сдѣлавъ свое дѣло, полковникъ уѣхалъ, приказавъ „разъяснить подробнѣе“ значеніе манифеста.

Ротные командиры стали въ тупикъ. Нѣкоторые рѣшили „подготовиться“, и потому „отложили“ разъясненія; другіе же имѣли мужество категорически отказаться отъ подобнаго предпріятія. Я испросилъ разрѣшеніе побесѣдовать съ ротой. Надо было видѣть эти лица!

Масса народа наполняла фанзу. Два-три молоденькихъ солдата пересмѣивались, вспоминая, очевидно, что-то очень смѣшное, имъ однимъ извѣстное. Но всѣ эти старики запасные охватили меня тѣснымъ кольцомъ. Я излагалъ имъ сжато теорію самодержавнаго и представительнаго образа правленія, объяснялъ слова и смыслъ манифеста. На непонятныхъ, почему-либо, мѣстахъ меня останавливали, переспрашивали.

— Намъ это во̀ какъ знать надо!—говорилъ мнѣ одинъ старикъ, въ предчувствіи близкаго увольненія въ запасъ, заблаговременно утратившій видъ воина и уже успѣвшій обратиться въ „лапотника“.

— А не то,—пояснилъ онъ,—одинъ то говоритъ, другой—иное, а рази разберешься. А намъ это обязательно знать нужно,—повторилъ онъ.

Когда же я перешелъ на вопросъ о дисциплинѣ и доказывалъ ея необходимость въ войскахъ, каковъ бы ни былъ государственный строй, и притомъ ссылался на примѣръ Японіи, тотъ же старикъ воскликнулъ: — Это какъ есть! Столько народу согнано, да безъ дисциплины,—все одно, что̀ стадо безъ пастуха.

И это мнѣніе было преобладающимъ. — А какъ домо́й пріѣдемъ, да къ воинскому явимся, да, значитъ, съ казенной-то одежей распрощаемся, тогда, значитъ, и ослобонимся,—мечтательно замѣтилъ сидѣвшій со мной унтеръ-офицеръ, и я не могъ про-

честь на его лицѣ, какъ онъ воспользуется своимъ положеніемъ „ослобонившагося“.

Эта свобода не предусмотрѣна манифестомъ 17 октября, но, пожалуй, дороже всякой иной солдату, а въ особенности запасному.

Потянулись скучные, однообразные дни. Пришелъ приказъ Линевича съ расписаніемъ очередей отправки домой корпусовъ. Потомъ стали разбивать въ особыя группы запасныхъ, для увольненія домой, но все это шло вяло, скучно, апатично.

Мы сидѣли въ холодной, дымной фанзѣ. Книгъ не хватало, было томительно скучно. Завязывались споры, но они были безсодержательны.

Мы съ моимъ товарищемъ ждали съ часу на часъ откомандированія въ Россію. Давно уже былъ объ насъ приказъ, но „въ виду забастовки“ на желѣзной дорогѣ насъ предписано было задержать „до распоряженія“.

И вотъ желанный часъ насталъ. Распоряженіе пришло, и мы стали, какъ институтки передъ выпускомъ, отсчитывать часы, остающіеся до отъѣзда домой. Насталъ и день отъѣзда, день избавленія отъ этой ужасной манчжурской жизни, отъ этого тяжелаго кошмара.

Раннимъ утромъ, мой товарищъ и я, сердечно распрощавшись со своими временными сослуживцами, ѣхали по мерзлой, безснѣжной дорогѣ, въ ротной повозкѣ, на станцію. На душѣ было хорошо и легко. Холодный, сухой, непріятный манчжурскій вѣтеръ казался сегодня совсѣмъ другимъ и непротивнымъ. Замороженныя полковыя клячи, точно понимая наше нетерпѣніе поскорѣе выбраться изъ нашей дрянной деревушки, да и вообще-то изъ Манчжуріи, бодро бѣжали впередъ.

Да, хорошо было на душѣ. Но вотъ водокачка, а вотъ и станція. Поѣздъ еще не приходилъ, хотя мы опоздали на добрый часъ. Публика проявляла всѣ признаки нетерпѣнія. Большинство ѣхало или какъ мы—въ Россію, или въ Харбинъ—„провѣтриться“. Поэтому, когда поѣздъ подошелъ, то его облѣпили моментально со всѣхъ сторонъ. Я попалъ въ холодный товарный вагонъ, но и за то благодарилъ Бога.

Какъ ни какъ, а все же я ѣхалъ, — а это было главное. Было холодно и стыли ноги. Это слегка портило настроеніе, но все же было не въ силахъ его сокрушить.

Вдали мелькнули какія-то зданія Харбина. Черезъ четверть часа поѣздъ уже подходилъ къ платформѣ. Все забѣгало, зашумѣло. Искали носильщиковъ, солдатъ, кого-нибудь, чтобы выта-

щить и отнести на „храненіе“ вещи, не доискивались своихъ чемодановъ, вообще суетились.

Добравшись, наконецъ до склада на храненіе ручного багажа, мы узнали, что онъ запертъ. Это я замѣчалъ уже не въ первый разъ: приходитъ поѣздъ, съ той ли, съ другой ли стороны, оказывается—складъ запертъ. Приходится часами ждать открытія, а самому терять время на окарауливаніе своего багажа. Носильщиковъ нѣтъ, китайцевъ изъ пассажирскаго зала гоняютъ, а солдаты, по увѣренію дорожныхъ служащихъ, временами крадутъ порученныя ихъ охранѣ вещи.

Наконецъ удалось получить наши воинскіе билеты, и мы стали разыскивать поѣздъ.

Говорю: разыскивать потому, что, что никто не знаетъ, гдѣ стоитъ поѣздъ, въ которомъ часу онъ „на самомъ дѣлѣ“ отходитъ, и узнать о немъ ни у кого нельзя. Я лично не могъ никого изъ администраціи отыскать, несмотря на всѣ старанія. Пришлось обратиться въ дежурную комнату.

Но, несмотря на эти неудобства, мы все-таки нашли и поѣздъ, и купэ I-го класса, и съ наслажденіемъ вытянулись на мягкихъ диванахъ. Черезъ минуту мы уже отходили отъ Харбина. Ничего изъ ряда вонъ выдающагося въ Харбинѣ на станціи я не замѣтилъ.

Насъ же предупреждали, что тамъ творится что-то очень неладное, что нижніе чины ведутъ себя въ высшей степени вызывающе и что въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то тревожнымъ. Но, повторяю, за мое краткое пребываніе я ничего такого не замѣтилъ. Солдаты, правда, честь въ большинствѣ случаевъ не отдавали, не торопились, какъ прежде, дать дорогу офицерамъ, посторониться передъ нимъ,—но и только.

Мы даже отчасти успокоились и рѣшили, что всѣ доходившія до насъ росказни — вздоръ и плодъ чьей-то досужей фантазіи. Не хотѣлось вѣрить, что такъ быстро можетъ погибнуть дисциплина, это могучее начало, поддерживающее порядокъ въ семисотъ-тысячной людской массѣ и служащее единственной гарантіей спокойной и своевременной перевозки этой массы домой.

Но офицеры, входившіе въ нашъ вагонъ на промежуточныхъ до „Манчжуріи“ станціяхъ, снова разбудили въ насъ опасеніе грозной и тяжелой развязки. Они разсказывали объ единичныхъ случаяхъ самаго рѣзкаго неповиновенія нижнихъ чиновъ своимъ начальникамъ; они приводили примѣры того, что отдѣльныя группы солдатъ предъявляли требованія своимъ командирамъ; они даже сообщили намъ, что одна артиллерійская часть послала своему

высшему начальнику, помимо начальства прямого, депутацію товарищей, съ требованіемъ улучшенія нѣкоторыхъ условій быта и назначенія категорически срока ихъ отправки домой, угрожая въ противномъ случаѣ забастовкой.

Все это было какъ-то странно, дико, непривычно, и во все это вѣрилось съ трудомъ. А между тѣмъ слухи все росли и становились все тревожнѣе.

Въ плохомъ настроеніи, подъ вліяніемъ всего слышаннаго, прибыли мы на станцію „Манчжурія". Поѣздъ пришелъ ночью. И вотъ опять сидѣніе и дреманіе въ буфетѣ на стулѣ, опять тяжелая дремота и полная неизвѣстность, когда пойдетъ поѣздъ въ Россію.

Но вотъ началась запись у коменданта станціи, человѣка чрезвычайно рѣзкаго и грубаго съ офицерами, но весьма мало распорядительнаго.

Посадку въ вагоны производилъ, положимъ, не онъ, а его помощникъ, который бѣгалъ вдоль поѣзда, говорилъ какіе-то пустяки и вообще, видимо, былъ сильно возбужденъ. Благодаря этой „возбужденности", онъ много путалъ, держалъ насъ на морозѣ полтора часа и наконецъ-то приказалъ отпереть наши вагоны III-го класса. Другихъ вагоновъ не было, и мы были рады и этимъ.

Не успѣли мы размѣститься, какъ пришелъ какой-то офицеръ и сообщилъ, что назначена забастовка, и поѣздъ не пойдетъ. Мы привыкли уже къ этимъ разговорамъ, такъ какъ всѣ считали своей священной обязанностью разъ по десяти на день предостерегать товарищей противъ якобы по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ назначенной уже забастовки. Поэтому и теперь мы мало обратили вниманія на его слова и терпѣливо ждали отправки.

Вдругъ откуда-то донесся ревъ цѣлой массы голосовъ. Точно гдѣ-то кричали „ура".

— Эшелонъ пришелъ,—замѣтилъ кто-то тревожно.

Ревъ повторился.

— Нѣтъ, это что-то не то!—откликнулся кто-то изъ другого угла.

Всѣ затихли. И вдругъ, уже гдѣ-то гораздо ближе, послышалось пѣніе. Всѣ бросились къ окнамъ. Къ поѣзду подходила большая толпа какихъ-то людей. Впереди несли красные флаги съ бѣлыми надписями. Но, за отсутствіемъ вѣтра, знамена мало развѣвались, и прочитать надписи было нельзя. Слышалась нестройная „марсельеза", исполняемая немногочисленной толпой, идущей тѣсно около флаговъ. За флагами „валилъ" народъ. Но

онъ не пѣлъ, а только смотрѣлъ и молча проходилъ, точно въ калейдоскопѣ, мимо нашихъ оконъ.

Нѣкоторые офицеры инстинктивно потянулись къ оружію. Но это оказалось совершенно излишней предосторожностью. Никто изъ толпы не обратилъ даже вниманія ни на нашъ поѣздъ, ни на насъ самихъ, прилипшихъ къ нашимъ окнамъ.

Толпа прошла.

— Забастовка!—пронеслось всюду.

Побѣжали узнавать, спрашивать.

Никто ничего не зналъ, но каждый считалъ долгомъ отвѣтить.

Мигомъ родилась масса нелѣпѣйшихъ слуховъ. До истины оказалось невозможнымъ проникнуть,—пришлось ждать.

Томительно долго шло время, а мы—около ста-пятидесяти офицеровъ—все сидѣли и ждали. Вдругъ поѣздъ дрогнулъ, двинулся впередъ, потомъ назадъ, потомъ опять впередъ и—сталъ. Общественная молва тутъ же рѣшила, что насъ не пропускаютъ. Флегматики стали закусывать, меланхолики впали въ безъисходную тоску, а главная масса все ждала.

Наконецъ всѣхъ оживилъ протяжный вой паровоза. Онъ точно справлялся у кого-то о чемъ-то и, словно узнавъ, что ему было нужно, грузно и тяжело тронулся въ путь.

Мы вздохнули свободно.

Въ третьемъ классѣ было неуютно, неудобно, а главное, непривычно. Перспектива такого путешествія до самаго Иркутска была въ высшей степени непріятна и скрашивалась лишь тѣмъ, что, по словамъ коменданта, вагонъ отведенъ только для офицеровъ и недоступенъ для посторонней публики. Поэтому мы надѣялись ѣхать своей компаніей.

Но въ первую же ночь поднялся скандалъ. Кто-то ломился въ вагонъ, требовалъ, чтобы офицеры убрали свои вещи съ полокъ, такъ какъ на эти полки лягутъ какіе-то люди, тоже пассажиры, „только сортомъ получше офицеровъ“, и т. д.

Одинъ изъ офицеровъ запротестовалъ. Онъ сталъ ссылаться на свои права, на слова коменданта, но тутъ на него посыпался такой градъ изысканнѣйшей ругани, что ему только и осталось, что притвориться мгновенно заснувшимъ. А до меня все еще долетала все та же ругань, направленная и противъ офицеровъ, и коменданта, и всего начальства.

— Теперича всѣ равны!—оралъ все тотъ же голосъ.—Господа тоже нашлись! Мы васъ утремъ. Не слыхали въ Манчжуріи про слабоду, такъ мы вамъ ее тутъ покажемъ. Придемъ въ депо, такъ узнаете, какіе вы есть господа, и т. д.

Становилось и противно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно.

Не успѣлъ успокоиться этотъ свободолюбецъ, какъ появились другіе. Сцена стала повторятся съ удивительнымъ однообразіемъ.

Одинъ „гражданинъ“ до того разошелся, что сѣлъ мнѣ прямо на ноги, и на мою просьбу подвинуться, замѣтилъ:—И такъ хорошъ! Не ндравится, такъ ноги-то поубери да сядь. А мнѣ и такъ можно.

— Не великъ начальникъ!—добавилъ онъ, видя мою сдержанность.

Но эта фраза его погубила, такъ какъ я вспылилъ и, обладая вполнѣ достаточной физической силой, вышвырнулъ его вонъ. Это сальто-мортале, очевидно, навело его на новыя мысли, потому что ко мнѣ онъ больше и близко не подходилъ.

Это были первые „граждане“, которыхъ мы встрѣтили, переѣхавъ границу.

— Вотъ она, „слабода! — мелькнуло въ головѣ у каждаго.

И стало какъ-то грустно и тяжело.

На слѣдующій день ввалился какой-то добродушный мужикъ. Онъ сѣлъ противъ меня, попросилъ папиросу, „потому отъ нашего табаку духъ больно силёнъ“, и сталъ покуривать, вставляя иногда въ нашъ разговоръ вѣжливыя замѣчанія. Оказалось, что онъ „калуцкой“ каменщикъ и здѣсь работаетъ съ артелью.

Все шло хорошо, пока онъ гдѣ-то не успѣлъ подвыпить.

Тутъ же былъ приведенъ „своякъ“, и вотъ они оба раскинулись въ живописныхъ позахъ. Разговоръ тотчасъ оживился. Они ругали начальство. Слово „слабода“ не сходило съ ихъ языка. Они оба провели два вечера на митингахъ рабочихъ въ одномъ изъ депо дороги и вышли оттуда озлобленными. Они не поняли, что тамъ говорили о „слободѣ“, но поняли, что „теперь не тѣ времена“, и что „теперя можно и поговорить“. На этомъ основаніи они теперь ѣхали для объясненій съ какимъ-то „начальникомъ“, имѣющимъ до нихъ „касательство“, съ твердымъ намѣреніемъ—„ежели онъ, по давешнему, дверью передъ рожей хлопнетъ“, такъ и его „по тому же мѣсту“.

Одинъ изъ пунктовъ обвиненій былъ тутъ же разъясненъ однимъ изъ ѣхавшихъ съ нами чиновниковъ. Каменщикъ обижался, что его обкрадываетъ „начальникъ“ и дѣлаетъ вычеты. Оказалось, что пока онъ работалъ поденно, то получалъ заработную плату сполна; когда же сталъ брать подряды, то съ него стали удерживать какой-то законный процентъ. Но ни самъ каменщикъ, ни его своякъ ничего слушать не хотѣли.

— Возьми,—говорили они,—это въ казну, такъ такъ и говори:

„въ казну“, а дверью, братъ, не хлопай. Да и въ казну-то зря берутъ. Это дѣло мы тоже похеримъ.—И они стали говорить о народномъ представительствѣ, о своихъ представителяхъ отъ „кажней деревни“, и т. д.

Мнѣ было интересно узнать, какъ они понимаютъ самые выборы, и я указалъ имъ на выборы старшинъ, напримѣръ.

Каменщикъ выругался.

— Рази это выборы?—замѣтилъ онъ.—Такъ только земскаго тѣшимъ. А тогда, братъ, не то будетъ. Мы земскихъ-то по шапкѣ. Это мы все по своему наладимъ!—и онъ опять сталъ говорить о томъ, что новые выборы будутъ совершенно непохожи на теперешніе, потому: „сказано тебѣ: слабода“.

„Свобода, свобода, свобода“—это слово такъ и висѣло въ воздухѣ.

Въ нашемъ вагонѣ какой-то одутловатый, съ пьяными глазами субъектъ подпаивалъ матросовъ, которыхъ онъ досталъ откуда-то изъ теплушекъ, и уговаривалъ ихъ скинуть офицерскія вещи на полъ. Матросы жестоко пили и громко съ нимъ разговаривали. Намъ было все слышно, но сдѣлать мы ничего не могли.

Въ поѣздѣ была масса „теплушекъ“, переполненныхъ въ большинствѣ пьяными солдатами, и потому „затрогивать“ ихъ было въ высшей степени рискованно. О какой бы то ни было полиціи или охранѣ и думать было нечего. Жандармы всюду прятались, какъ зайцы. Ни одного и достать-то нельзя было. Охраны тоже не было. Оставались лишь свои физическія средства, но доходить до нихъ можно только при самой неизбѣжной крайности.

Мы чувствовали себя связанными по рукамъ и ногамъ.

Положеніе было болѣе чѣмъ глупое и притомъ совершенно безвыходное. Приходилось покориться судьбѣ и молчать.

А вмѣстѣ съ тѣмъ было обидно, что наше грозное начальство оказалось безсильнымъ удержать хотя бы только въ границахъ приличія своихъ солдатъ и дать средство офицерамъ мирно доѣхать домой. Примѣромъ того, до какой смѣлости доходили нижніе чины, можетъ служить слѣдующій случай на ст. Оловянной.

Пришелъ экспрессъ. Всѣ вагоны полны офицерами всѣхъ чиновъ, до высокихъ включительно. Въ ожиданіи прохода экспресса стоитъ эшелонъ матросовъ. Они недовольны задержкой и требуютъ дальнѣйшей отправки.

Узнавъ, что виною задержки является экспрессъ, они совершенно спокойно „отпрягаютъ“ его скороходный локомотивъ,

прицѣпляютъ къ своему поѣзду и безнаказанно уѣзжаютъ, оставивъ экспрессъ безъ паровоза.

И всѣ это знаютъ, пассажиры въ немалыхъ военныхъ чинахъ молчатъ и терпятъ, а разнузданные нижніе чины дебоширятъ и безчинствуютъ по своему желанію безнаказанно.

Поразительный эффектъ произвела резолюція-ультиматумъ солдатскаго митинга въ Читѣ. Мы прочитали ее наканунѣ прибытія въ Читу и были просто поражены.

Поразило не то, что солдаты собрались на митингъ, что выставили цѣлый рядъ *требованій*, и экономическаго, и административнаго характера, причемъ явно сквозило участіе въ дѣлѣ людей не-военныхъ, — но то угрожающее требованіе, чтобы отвѣтъ былъ данъ къ назначенному времени, при чемъ даже часъ былъ назначенъ.

Не знаю, какъ поступило начальство, но наканунѣ назначеннаго дня пьяные солдаты переполнили помѣщеніе I-го и II-го классовъ и учинили тамъ буйство и безобразіе безграничныя. Офицеры, конечно, въ дѣло не рѣшались впутываться, потому что были совершенно безсильны возстановить хотя бы относительный порядокъ.

Сѣвшіе въ нашъ переполненный вагонъ пассажиры разсказывали возмутительнѣйшіе эпизоды изъ жизни войска за послѣдніе дни. Мои сосѣди, мужъ и жена, помѣстившіеся вмѣстѣ на скамеечкѣ у окна, были и этому рады, „лишь бы вырваться изъ этой ужасной обстановки“.

Тутъ сѣла и какая-то женщина, сразу же поднявшая крикъ. Она говорила все на ту же тему о всеобщемъ равенствѣ, и потому всячески поносила офицеровъ. На слѣдующій день она, между прочимъ, замѣтила, что какой-то молодой солдатикъ принесъ что-то, кипятокъ или что-то въ этомъ родѣ, одной изъ пассажирокъ по просьбѣ офицера. И вотъ на него посыпались ругательства за его услугу, со стороны „гражданки“. Она его упрекала въ холопствѣ, говорила ему, что теперь „господъ къ чорту пора“, и что солдатъ срамитъ себя, оказывая услугу офицеру.

Былъ приглашенъ жандармъ, чтобы ее вывести. Но она, при видѣ „представителя власти“, громко крикнула: „Ступай вонъ, царскій песъ. Довольно вы насъ кусали, — теперь и мы васъ укусимъ!“ — и прибавила, конечно, цѣлый лексиконъ крылатыхъ словъ. Я заинтересовался продолженіемъ этой сцены. Крикъ не унимался. У дверей и на площадкѣ появились пьяныя физіономіи матросовъ и солдатъ, уже откуда-то съ ней знакомыхъ, и жан-

дармъ съ поѣздной прислугой бросились спасаться. Въ догонку имъ неслись торжествующіе клики побѣдительницы и неистощимая, виртуозная брань, которой могъ бы позавидовать любой извозчикъ.

Дама эта доѣхала въ купэ кондукторовъ до самаго Иркутска. Перемѣнилось за это время четыре кондукторскихъ бригады, нѣкоторые старшіе кондуктора энергично старались ее выжить изъ своего помѣщенія, но всѣ одинаково безуспѣшно. На всѣ доводы, угрозы, она отвѣчала одно и то же: „Если меня кто тронетъ, я позову товарищей-солдатъ, а въ депѣ—такъ товарищей-рабочихъ, и мы васъ такъ расщелкаемъ, что праха отъ васъ не останется. Теперь сила наша!“

И ее оставляли въ покоѣ. Сила была на ея сторонѣ, и она это сознавала.

При видѣ такихъ сценъ, бѣгущихъ жандармовъ, спасающихся кондукторовъ, слушая разсказы о томъ, какъ пьяные матросы, на одной изъ крупнѣйшихъ станцій, потащили агента подъ паровозъ и еще что-то хотѣли съ нимъ сдѣлать, — казалось, что что-то точно порвалось, что-то такъ страшно измѣнилось, что жить становится невозможнымъ и слѣдуетъ куда бы то ни было бѣжать. Но бѣжать было некуда...

Хотя дорога была объявлена на военномъ положеніи и за нарушеніе порядка грозили всякими ужасами, никто не обращалъ на это вниманія, и люди дѣлали рѣшительно все, что̀ приходило въ голову. Солдаты, толкая офицеровъ, протискивались къ буфетнымъ стойкамъ, тутъ же пили водку, пиво, переругивались и шумѣли. Они желали держаться развязно и потому громко и непринужденно орали и смѣялись, думая, вѣроятно, что это-то и есть самый высшій тонъ. А офицеры опять-таки молчали, и только если ужъ поведеніе солдатъ становилось слишкомъ бурно—уходили.

Откуда набралась въ нашъ поѣздъ вся эта масса одиночныхъ солдатъ? Почему ихъ пересылали такими стадами, а не командами? Никто изъ насъ этого не зналъ и ни отъ кого узнать не могъ. Знаю только, что все это было похоже не на воинскій поѣздъ, а на какой-то хаосъ, какое-то нашествіе дикихъ ордъ.

Зачѣмъ же было пугать какимъ-то жупеломъ, „военнымъ положеніемъ“ и страшными карами, страшными на бумагѣ, но неосуществимыми на дѣлѣ? Это только возбуждало этихъ пьяныхъ людей и ясно показывало имъ безсиліе „начальства“, грозящаго, но не могущаго привести угрозу въ исполненіе.

А въ то же время что-то неладное творилось и на дорогѣ.

Она бастовала и пропускала, насколько мнѣ извѣстно, лишь воинскіе поѣзда.

Забастовщики узнали, что въ войскахъ манчжурскихъ армій распространяется взглядъ, что перевозка войскъ задержана забастовкой. Въ противовѣсъ этимъ слухамъ было отправлено войскамъ сообщеніе, что забастовка ихъ не коснется, и что они будутъ перевезены много скорѣе, чѣмъ то было заявлено военнымъ начальствомъ. Такая успѣшность дѣла перевозки объяснялась, конечно, тѣмъ, что дорога теперь въ рукахъ забастовщиковъ и потому будетъ работать правильнѣе, чѣмъ прежде.

На станціи Слюдянка, кругобайкальской желѣзной дороги, къ намъ подсѣлъ какой-то подрядчикъ, что-то строящій на дорогѣ и близко, уже нѣсколько лѣтъ, знакомый съ тамошними порядками. Онъ разсказалъ намъ, что инженеры теперь „отъ дѣла уволившись“, и что дѣйствуютъ стачечные комитеты и притомъ весьма успѣшно. Изъ его словъ было ясно, что комитеты всѣми силами стараются расположить къ себѣ войска и, такъ сказать, хотятъ подкупить ихъ ускоренной перевозкой на родину. Для болѣе успѣшнаго выполненія этого плана они отправили выборную коммиссію для провѣрки количества подвижного состава, могущаго быть пущеннымъ тотчасъ же въ дѣло.

— Страсть какъ здорово до всего добираются!—восхищался подрядчикъ.—Далеко ли отъ Иркутска до Слюдянки, а гляди—ужъ 197 теплушекъ отыскали. Стояли себѣ безъ дѣла, про нихъ и забыли, а эти, гляди, и высмотрѣли. Анъ пять поѣздовъ-то и выйдетъ. Цѣльный полкъ уѣдетъ. А какъ подумать, сколько они ихъ, до Харбина-то ѣхамши, наберутъ—страшное дѣло!—Онъ былъ доволенъ комитетами.

— Дѣловой народъ, просто сказать—башковатый!—отзывался онъ о членахъ коммиссій и комитетовъ.

Все это было такъ странно и непривычно. Казалось, что ѣдешь не по Россіи, хотя и азіатской, а Богъ вѣсть по какому незнакомому государству. Вѣдь только три съ половиной мѣсяца былъ я здѣсь, только такъ недавно все было тихо, мирно, гладко—и вдругъ такая метаморфоза! Съ непривычки вѣрилось съ трудомъ. А мѣстные люди, вродѣ этого подрядчика, смотрѣли на все иными глазами. Они уже наглядѣлись и наслышались. Имъ все это уже казалось въ порядкѣ вещей.

Однако, несмотря на распорядительность комитетовъ, насъ все-таки недалеко отъ Иркутска задержали безобразно долго.

Произошла, какъ всегда, безобразная сцена. Прибывшіе раньше насъ эшелоны требовали скорѣйшей отправки, не желая пропу-

скать насъ, а потому ругали все ту же несчастную, безпомощную желѣзнодорожную администрацію и грозили насиліями. Не успѣли ихъ отправить, какъ то же повторили наши солдаты. Опять шумъ, крики, ругань, самовольный звонъ въ станціонный колоколъ пьянаго матроса, безтолковый вой паровоза—и мы, наконецъ, двигаемся къ Иркутску.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы подошли къ дрянному иркутскому вокзалу.

Не стану распространяться о томъ, что намъ опять пришлось вылѣзать изъ вагоновъ на 32-хъ-градусный морозъ, что комендантъ опять-таки „ничего не могъ сдѣлать“, и что пришлось всю ночь торчать въ буфетной залѣ, биткомъ-набитой публикой, багажемъ, вещами, такъ какъ дѣваться было некуда. Все бы это можно было какъ-нибудь перетерпѣть, но самое ужасное было то, что намъ грозила перспектива задержки въ Иркутскѣ дня на три—четыре. Поѣзда не ходили, офицеровъ набралось еще раньше насъ много, а тутъ еще пришелъ лишенный, какъ я упоминалъ, пассажирскаго паровоза экспрессъ. Все это становилось нестерпимо глупо.

Пришлось идти нанимать себѣ какіе-нибудь номера.

Съ трудомъ найдя грязныя, холодныя конуры, мы вернулись за своими вещами на вокзалъ. Кто-то подалъ мысль обратиться за справками въ комитетъ, распоряжающійся теперь забайкальской дорогой, и попытаться узнать что-нибудь и о сибирской. Сказано—сдѣлано.

И вотъ нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, отправляемся къ предсѣдателю комитета.

Когда о насъ доложили, то сперва появилось нѣсколько любопытныхъ служащихъ; вѣроятно, смутило ихъ то, во-первыхъ, что пришли офицеры, а во-вторыхъ, что насъ было шесть человѣкъ. Затѣмъ, очевидно успокоенные нашими мирными объясненіями, они куда-то скрылись, и тогда уже вышелъ къ намъ и самъ предсѣдатель.

Надо отдать ему справедливость: онъ такъ внимательно отнесся къ нашей просьбѣ „устроить“ намъ поѣздъ въ Россію, такъ вѣжливо и толково отвѣчалъ на наши многочисленные вопросы людей ничего не знающихъ и чувствующихъ себя точно съ луны свалившимися, что мы были просто поражены. Да, откровенно говоря, вся эта новая обстановка казалась намъ совершенно дикой.

Предсѣдатель, однако, „не взялъ на себя смѣлость“ категорически отвѣтить на нашу просьбу о поѣздѣ, но обѣщалъ

„доложить“ ее комитету и переговорить съ завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ. Онъ любезно назначилъ часъ, въ который мы должны были зайти за отвѣтомъ.

За полчаса до назначеннаго времени, мы зашли сначала въ управленіе завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и встрѣтили тамъ какого-то молодого офицера, который сообщилъ намъ: „Мы распорядились; поѣздъ будетъ поданъ!“

Мы съ трудомъ удержали улыбку, отлично зная, кому мы обязаны этимъ поѣздомъ, и отправились къ предсѣдателю комитета. Онъ сказалъ намъ, что комитетъ снесся съ сибирской желѣзной дорогой, что она согласилась дать намъ исключительно воинскій поѣздъ, и что онъ объ этомъ сообщилъ завѣдующему передвиженіемъ. Мы поблагодарили и ушли.

На станціи насъ ждалъ новый сюрпризъ. Ни начальника, ни его помощника не было. Ихъ замѣнялъ какой-то господинъ въ партикулярномъ платьѣ и тепломъ кенгуровомъ картузѣ съ ушами.

Онъ прохаживался съ чувствомъ собственнаго достоинства по платформѣ, съ засунутыми глубоко въ карманы пальто руками, а между тѣмъ зорко слѣдилъ и за маневрирующими паровозами, и за куда-то передвигаемыми поѣздными составами.

По временамъ онъ дѣлалъ короткіе окрики и, видимо, руководилъ всѣмъ дѣломъ. Странно было видѣть, какъ подбѣжавшій на его зовъ служащій въ формѣ взялъ подъ козырекъ, какъ машинистъ проходящаго мимо паровоза, на ходу здороваясь съ нимъ, снялъ свою лохматую папаху.

Странно было наблюдать и этого самозваннаго начальника (по словамъ одного изъ дорожныхъ рабочихъ, предсѣдателя какого-то, кажется, бюро), и этихъ добровольно-подчиненныхъ, отдающихъ честь своему начальнику, и вмѣстѣ съ тѣмъ все это такъ захватывало своей новизной, что, несмотря на жестокій морозъ, я стоялъ и смотрѣлъ на все происходящее съ живѣйшимъ интересомъ.

Но вотъ, наконецъ, и нашъ поѣздъ.

Опять начинается это утомительное сидѣнье въ III-мъ классѣ, это медленное движеніе поѣзда верстъ по десяти — двѣнадцати въ часъ, эти безконечныя стоянки на станціяхъ. Но все это ничто по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается кругомъ.

Солдаты точно съ цѣпи сорвались. Иркутскъ въ этомъ отношеніи сыгралъ видную роль. Тамъ происходили многолюдные солдатскіе митинги, вырабатывались программы, чуть ли не цѣлый обновленный и усовершенствованный „уставъ внутренней службы“. Солдаты, поджигаемые и поддерживаемые какими-то „вольными“,

совершенно позабыли всякую дисциплину. Не имѣя первоначальнаго, не-военнаго, воспитанія, они, сбросивъ съ себя дисциплину, обратились въ какихъ-то хулигановъ въ военной формѣ.

Надо было только слышать тѣ оскорбленія, которыя сыпались на офицеровъ, всѣ эти разсказы о томъ, какъ въ бояхъ офицеры прятались и бѣжали, и всевозможныя выдумки въ томъ же родѣ. Все это тутъ же подтверждалось толпой „товарищей“, совершенно упускавшей изъ вида тотъ огромный процентъ потери въ офицерахъ, который былъ бы немыслимъ, еслибы хотя часть всего разсказываемаго была истиной.

И всѣ эти „солдаты“ вернутся домой и тамъ станутъ разсказывать то же! Да еще, вѣроятно, и болѣе краснорѣчиво, если они уже здѣсь перестали стѣсняться,—а стѣсняться они перестали во всѣхъ отношеніяхъ.

Не говоря уже о томъ, что они переполняли буфетъ I-го класса, пьянствуя и безобразничая, они стали сами „вести“ поѣздъ, все время дежуря на паровозѣ; стали давать самовольно звонки и брать путевые жезлы. Все это сопровождалось гнуснѣйшимъ обращеніемъ съ желѣзнодорожными служащими.

Мнѣ отъ души жаль этихъ ни въ чемъ неповинныхъ работниковъ, которые должны почему-то переносить площадную брань и крикъ пьяныхъ матросовъ и солдатъ. Да мнѣ говорили, что не всегда и одной руганью дѣло обходится.

А эти несчастные буфетчики!..

Положимъ, они „зашибли копѣйку“ съ тѣхъ же войскъ, когда они шли еще „туда“. Они драли, хотя и вдвое меньше, чѣмъ ихъ манчжурскіе собраты, но все же это не даетъ никому права посягать на ихъ частное имущество,—а такое посяганіе вошло въ обычай.

Буфеты при нашемъ приближеніи запирались, и намъ нечего было ѣсть. Кто-то догадался дать телеграмму на одну изъ ближайшихъ станцій, съ просьбой приготовить что-нибудь поѣсть.

Мы ждали эту станцію съ голоднымъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ дождались. Всѣ бросились въ залу. Я немного запоздалъ и, входя въ буфетъ, увидалъ странное зрѣлище: прислуга, хозяева, какія-то бабы — хватали и тащили съ буфета всѣ закуски, посуду, все, что можно было, куда-то въ сосѣднее помѣщеніе. Все это продѣлывалось такъ поспѣшно и такъ несвоевременно, что я спросилъ, что все это значитъ. — Уходите, уходите! — кричала хозяйка. — Не до васъ теперь. Въ буфетѣ ничего нѣтъ. Получить ничего нельзя! — Она нервно прятала въ какой-то ящикъ ножи и вилки.

— Господи, да что же это такое!—вскрикивала она, задыхаясь.—Намедни разбили все; только поправились—опять бить будутъ. Весь вѣкъ копѣйку берегли, начали свое дѣло, и теперь все должно погибать. Да что же это такое?!—и она истерично разрыдалась, посылая кому-то проклятія.

— По міру пускаютъ!—слышалось сквозь рыданія.

Вся эта сцена произвела на меня невыразимо тяжелое впечатлѣніе. Я недоумѣвающе смотрѣлъ на все это.

— Эге!—проговорилъ рядомъ со мной пьяненькій матросъ.—Прочухали, что нашъ ашелонъ идетъ. Телеграмму получили,—добавилъ онъ вполголоса.—Ну, да отъ нашихъ не очень-то спиртное спрячешь!—и онъ расхохотался.

Такъ вотъ она—причина отчаянія несчастной разоряемой женщины. Мнѣ все стало ясно.

И двигаясь дальше къ Челябинску, видя пустые буфеты, слыша все тѣ же однообразные разговоры о „разгромахъ“ буфетовъ, я видѣлъ, что это не случайная вспышка пьянаго буйства, а какой-то систематическій грабежъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ, что солдаты, пившіе при мнѣ водку, исправно расплачиваются, — особенно матросы. Я самъ видѣлъ, какъ они, за неимѣніемъ водки, пили коньякъ и платили по 50 коп. за рюмку.

Вскорѣ, однако, ихъ финансы стали, очевидно, приходить къ концу. Вотъ солдатъ продаетъ валенки. На слѣдующей станціи какой-то мужикъ торгуетъ у солдата казенный полушубокъ; тутъ же продаютъ казенныя папахи, карманные часы, вообще все, за что можно получить хоть сколько-нибудь.

Могу себѣ представить, въ какомъ видѣ эти люди, пропившіе съ себя все, явятся къ своимъ воинскимъ начальникамъ. Они будутъ увѣрять и ихъ, а главное публику и особенно публику „сѣрую“, что начальство отпустило ихъ голыми и босыми, что имъ „взять негдѣ“, и что они, „проливавшіе кровь, теперича должны стыть“. Я слышалъ уже эти разговоры и по пути, и у московскаго воинскаго начальника.

И вотъ, пропивъ все возможное, они становятся нищими. Они ходятъ по вагонамъ, по платформамъ, просятъ „на хлѣбъ“, а отъ нихъ, между тѣмъ, до такой степени пахнетъ водкой, что съ ними говорить противно.

Они, зная отлично, что все это пьянство происходитъ на нашихъ глазахъ, увѣряютъ насъ, офицеровъ, отлично знающихъ, что полагается солдату, что имъ отъ казны ничего не даютъ, и

что тѣхъ грошей, которые они получили изъ своихъ частей, имъ „и на хлѣбъ-то не хватаетъ“.

И они говорятъ это, забывая, что они пьяны и что по ихъ лицамъ особенно ясно видно, что „не о хлѣбѣ единомъ сытъ будетъ человѣкъ“.

Нѣкоторые принимаютъ даже манеры и интонаціи профессіональныхъ нищихъ. Какъ сейчасъ вижу одного старшаго унтеръ-офицера. Онъ пропилъ все, кромѣ мундира. Вспухшая отъ пьянства физіономія, оловянные глаза. Онъ горбится, точно нищій на паперти, и робко, подходя какъ-то бокомъ, протягиваетъ руку: „Христа ради“.

Я далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ и приказалъ уйти. Онъ сказалъ: „Слушаюсь“—и покорно поплелся вонъ изъ буфета. Но черезъ минуту онъ уже стоялъ въ той же позѣ передъ какимъ-то „вольнымъ“ и униженно просилъ.

Когда и гдѣ успѣли такъ опуститься солдаты? Что повліяло такимъ ужаснымъ, растлѣвающимъ образомъ? Гдѣ причина всего этого ужаса? Говорю: ужаса, потому что другого слова подобрать не могу.

Что же это за солдаты, которые такъ распускаются, какъ только урвутся изъ строя? Что же это за „запасъ“?

Говорю это, не желая кого бы то ни было упрекать или порочить. Мнѣ просто больно было все это видѣть и переживать. Слишкомъ все это было далеко отъ моихъ представленій о нашихъ солдатахъ, съ которыми я прожилъ слишкомъ два года.

Съ такими мыслями я пріѣхалъ, черезъ десять дней по выѣздѣ изъ Иркутска, въ Челябинскъ.

Здѣсь мы впервые за всю дорогу увидали попытки поддерживать порядокъ. На вокзалѣ дежурила рота отъ одного изъ полковъ 13-го корпуса. Вся она была собрана исключительно изъ молодыхъ солдатъ. Было странно видѣть такую молодую роту. На Востокѣ во всѣхъ ротахъ преобладаютъ запасные бородачи, и зеленая молодежь среди нихъ теряется. Здѣсь же наоборотъ. Всѣ не только безбородые, но даже безусые,—точно кадеты. Странно и то, что они не въ папахахъ, а въ фуражкахъ съ огромными, нелѣпыми на видъ козырьками.

Но дѣятельность эта молодежь проявляетъ большую. Стоитъ только появиться въ залѣ перваго класса пьяному или нищенствующему солдату, какъ моментально появляются эти „анделы“, какъ ихъ называютъ солдаты, и тотчасъ же удаляютъ „нежелательные элементы“. Да и на платформѣ они пытаются „наводить порядокъ“, но тамъ всегда масса солдатъ изъ эшелоновъ, и по-

этому ихъ дѣятельность нѣсколько сдерживается этимъ обстоятельствомъ. Въ общемъ все же чувствуется, что есть кто-то, кто, хотя отчасти, можетъ обуздать произволъ дикой и пьяной компаніи запасныхъ.

Выразилось присутствіе въ Челябинскѣ власти и въ томъ обстоятельствѣ, что когда мы наконецъ, хотя и съ недоразумѣніями, все-таки садились въ вагоны, на площадкахъ стояли тѣ же молодые „анделы“ и поддерживали порядокъ. Кромѣ того, у паровоза тоже стояла охрана, а потому пришедшіе эшелоны не могли отцѣпить нашего, какъ выражаются солдаты, „коня“, и мы, хотя и съ опозданіемъ часа на три, поѣхали-таки безпрепятственно.

Было уже совершенно темно.

Мы попали въ вагонъ второго класса и, разлегшись на мягкихъ диванахъ, въ сладкихъ мечтахъ скоро быть дома, заснули, утомленные всей сутолокой и суетней минувшаго дня. Проснулись мы уже почти за Ураломъ.

Ночью шли отлично, съ большой скоростью и короткими стоянками, но подъ утро стали немного мѣшкать. Передъ нами шелъ какой-то эшелонъ и мѣшалъ намъ, а умудренный опытомъ машинистъ не хотѣлъ его обгонять на разъѣздѣ или маленькой станціи.

— Все одно солдаты не пустятъ себя обогнать,—объяснялъ намъ кондукторъ.

Но вотъ мы все-таки догнали ихъ и должны были обогнать. Нашъ поѣздъ сталъ у платформы, а соперникъ стоялъ на второмъ пути. Настала рѣшительная минута. Въ дверяхъ станціи появился какой-то служащій съ „жезломъ“ въ рукахъ. Къ нему подбѣжало нѣсколько нашихъ солдатъ, но, рѣшивъ вѣроятно, что до паровоза отъ ихъ теплушекъ далеко, они опрометчиво отпустили его одного, а сами побѣжали къ своимъ вагонамъ. Они торжествовали. „Жезлъ“ отдали нашему поѣзду, и, значитъ, мы пойдемъ первыми. Но въ тотъ моментъ, какъ человѣкъ съ жезломъ проходилъ мимо нашихъ оконъ, на него набросилось нѣсколько солдатъ изъ обгоняемаго эшелона, вырвали „жезлъ“ и съ криками: „его-то намъ и надо!“—бросились къ своему паровозу. Наши солдаты, замѣтивъ этотъ маневръ, ринулись-было отбивать яблоко раздора, но было уже поздно, и эшелонъ, безъ звонковъ, давъ короткій прощальный свистокъ, быстро понесся мимо насъ.

Наше дѣло было проиграно, и мы просидѣли больше сорока минутъ въ ожиданіи „пути“. Всѣ были раздосадованы и ходили мрачно по станціи.

Нѣкоторое разнообразіе и даже, пожалуй, веселье вызвалъ слѣдующій случай.

Среди другихъ по платформѣ прогуливался какой-то очень пожилой, сѣдой капитанъ. Я замѣтилъ его еще въ Иркутскѣ и съ тѣхъ поръ встрѣчалъ ежедневно въ буфетахъ.

Такъ вотъ этотъ капитанъ мирно прогуливается. Къ нему вдругъ подлетаетъ подвыпившій солдатъ 37-ой дивизіи и говоритъ:—Позвольте вамъ доложить, ваше высокоблагородіе, у васъ носикъ того—.

Тотъ, не замѣчая, что у солдатишки вся рожа дергается отъ затаеннаго веселья, хватаетъ себя за носъ, третъ переносицу и добродушно ему говоритъ:—Что, запачкалъ что-ли чѣмъ-нибудь?—и, потеревъ еще, добавляетъ:—Спасибо, голубчикъ.—Но голубчикъ грозитъ пальцемъ передъ самымъ носомъ капитана и пьянымъ голосомъ отвѣчаетъ:—Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, онъ у васъ не то что запачканъ, а просто носикъ-то у васъ въ буфетецъ просится.—И, довольный своей шуткой, онъ громкимъ хохотомъ провожаетъ оторопѣвшаго старика.

Хохотъ его дружно подхватывается товарищами, и бѣдный капитанъ едва успѣваетъ скрыться въ свой вагонъ.

Эта шутка вызвана, вѣроятно, тоже своеобразнымъ пониманіемъ „свободы слова“.

А вотъ еще примѣръ отношеній солдатъ къ офицерамъ.

Въ буфетъ одной изъ ближайшихъ станцій, гдѣ сидитъ много офицеровъ, торопящихся пообѣдать, входитъ солдатъ.

Попавъ въ незнакомую обстановку, онъ снимаетъ папаху и въ нерѣшительности останавливается среди комнаты. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшились бы его колебанія, но вдругъ съ сосѣдняго столика, гдѣ за бутылками пива сидятъ два солдата, раздается голосъ:—Слышь, землякъ, ты чего же это сталъ-то? Ты чего же сумлѣваешься? Что офицеровъ-то много понасѣло? (слѣдуетъ непечатное слово) Такъ это, братъ, наплевать! На такія же деньги-то пьемъ да ѣдимъ. Не хуже ихъ!—Воцаряется гробовое молчаніе. Всѣ напряженно молчатъ.

— Я почему тебѣ говорю: наплевать? Потому я этотъ народецъ, братъ ты мой, видалъ. Да вотъ къ примѣру: стояли мы подъ Мукденомъ,—началъ онъ свое повѣствованіе, и голосъ его громко и ясно разносился по всей комнатѣ.

— Ну, стоимъ и япошекъ ждемъ. Пріѣзжаетъ этта нашъ баталіонеръ. Хорошо. „Что у васъ, ребята, все въ порядкѣ?“—„Такъ точно—все“.—Въ это время конный охотникъ—„японцы“, кричитъ, „наступаютъ! близко!“ Баталіонеръ услыхалъ это: „Такъ

у васъ, ребята, все готово? Ну, а у меня подавно!"—Вытянулъ это плетью лошадь (опять непристойное слово), да и ускакалъ. Да. Ему-то хорошо, верхомъ-то удирать, а каково намъ-то, пѣхомъ,—добавилъ онъ, наливая себѣ пива.—Оттого я тебѣ и говорю: наплевать!

Стало всѣмъ какъ-то нехорошо и неловко. Когда же поѣздъ тронулся, я почувствовалъ облегченіе. Въ своемъ купэ можно было себя чувствовать въ бо́льшей безопасности отъ дерзостей и нахальныхъ выходокъ солдатъ. А на душѣ все же было и здѣсь нехорошо. Встрѣчные поѣзда передавали ужасныя вѣсти изъ Россіи. Чѣмъ ближе мы подвигались къ Сызрани, тѣмъ вѣсти становились тревожнѣе. Газетъ не было, телеграммъ—тоже. Но это обстоятельство мало смущало желѣзнодорожниковъ. Они все знали, такъ какъ получали телеграммы непрерывно по своему телеграфу. Притомъ работа шла такъ успѣшно, что, по ихъ словамъ, телеграмма о забастовкѣ, отправленная изъ Харькова, кажется, пришла на ст. Оловянную, забайкальской дороги, черезъ *двадцать минутъ*. Поэтому понятно, что они знали все, что̀ дѣлается въ Россіи, но, конечно, всѣ извѣстія носили совершенно опредѣленную и притомъ чрезвычайно яркую окраску.

На одной изъ станцій мы узнали, что есть „свѣжая" телеграмма. Бросились въ помѣщеніе телеграфа. Тамъ какой-то телеграфистъ читалъ что-то стоящимъ около него офицерамъ. Ихъ лица были встревожены,—онъ же, напротивъ, былъ строго сосредоточенъ и почти мраченъ. Видно было, что онъ „понимаетъ всю серьезность положенія".

„Императорскія войска разбиты,—читалъ онъ.—Нами отбито: четыре орудія и три пулемета"... Затѣмъ еще и еще какія-то слова.

Я протискался впередъ.

— Скажите, пожалуйста, какія это императорскія войска и кто у нихъ отбилъ орудія и пулеметы? И, вообще, какія же есть еще войска въ Россіи, кромѣ императорскихъ?

Я спросилъ это безъ всякаго желанія посмѣяться. Я просто ничего не зналъ и не слыхалъ по этому поводу. Но молодой телеграфистъ оскорбился. Онъ скосилъ въ мою сторону глаза и съ презрительной усмѣшкой, вѣроятно въ высшей степени ироническій, процѣдилъ:—Есть войска народныя!

Это было произнесено такимъ голосомъ, въ глазахъ говорившаго было столько презрѣнія, что мнѣ, какъ представителю императорскихъ войскъ, оставалось только поспѣшно ретироваться, что̀ я и не замедлилъ сдѣлать.

Куда же мы ѣдемъ? Что̀ ожидаетъ насъ впереди? Наконецъ,

кто мы, къ какой партіи мы принадлежимъ?—мы ничего этого не знали и ломали себѣ головы надъ этими вопросами.

Даже солдатишки наши попритихли. Были ли и они смущены слухами, или все уже было пропито, но они стали какъ-то сдержаннѣе и спокойнѣе.

А поѣздъ все мчалъ и мчалъ насъ все ближе къ этому новому, неизвѣстному и потому жуткому.

— Эхъ, лучше бы въ Манчжуріи сидѣть!—слышались голоса.

— Что-то будетъ?—откликались другіе.

Но вотъ наконецъ и Самара. Вотъ сызранскій мостъ, Волга. Всѣмъ сдѣлалось веселѣе.

Хотя и было еще раннее утро, но всѣ уже проснулись—и вагонъ ожилъ. Чувствовалось, что, переѣхавъ Волгу, точно совсѣмъ ужъ домой попалъ. На время даже тревоги забылись.

Но вотъ въ Батракахъ опять извѣстіе о борьбѣ „императорскихъ“ войскъ съ народными. Опять разговоры о томъ, что гренадеры московскаго гарнизона „нейтральны“ и не принимаютъ участія въ борьбѣ, что въ Москвѣ происходитъ что-то невѣроятное по своимъ размѣрамъ и что правительство начинаетъ уступать.

Взволнованные, не зная, чему вѣрить, пріѣхали мы въ Сызрань.

Пошли сейчасъ же въ буфетъ—узнать новости и закусить, но оказалось, что буфетъ разбитъ, а потому „не работаетъ“, и въ буфетной залѣ пусто.

— Правительство арестовано. Только-что пришла объ этомъ телеграмма отъ комитета,—послышался чей-то взволнованный голосъ.

— Кѣмъ, когда, какое правительство, кто именно, откуда этотъ слухъ?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

И только какой-то желчный военный врачъ, съ лицомъ муміи, видимо недавно оправившійся отъ тяжелой болѣзни, небрежно бросилъ: — Это ужъ старо. Мы это еще вчера знали.

Но, кромѣ знающаго доктора, всѣ были поражены.

Одинъ изъ прапорщиковъ, ѣхавшихъ съ нами, обратился за разъясненіями къ жандарму, какъ представителю власти:

— Правда ли, что правительство арестовано?

— Навѣрное не могу знать, а такъ передавали. Телеграмма была,—доложилъ онъ. — Теперь, ваше благородіе, время такое: не знаешь, кому и служишь. Самая служба тяжелая.

Онъ былъ, видимо, подавленъ своимъ положеніемъ. Да оно и понятно. „Въ случаѣ чего, Боже упаси“, рабочіе и прочій людъ, уважавшій въ немъ „жандара“, не постѣснились бы выместить на немъ все накипѣвшее и наболѣвшее въ ихъ душахъ.

Нелегко стало и у насъ на душѣ, когда мы услышали такое откровеніе жандарма. Это было сочтено за очень дурной симптомъ.

Подумать только—жандармъ и такія рѣчи! И опять все это показалось намъ необычайно дико.

А тутъ опять все новыя и новыя свѣдѣнія на всѣхъ станціяхъ къ Рязани. Буфеты разбиты то запасными, то новобранцами. Такъ сказать, бывшіе и будущіе воины, видимо, мало стѣснялись во время своего путешествія.

Такъ добрались мы до Рязани. Здѣсь уже были очевидцы московскихъ событій. Были какіе-то юнкера безъ шашекъ, отобранныхъ у нихъ, по ихъ словамъ, революціонерами, но съ колоссальнѣйшимъ запасомъ личныхъ наблюденій, которыя свидѣтельствовали о правильныхъ, почти, аттакахъ, о бояхъ, о пожарахъ. Они не жалѣли красокъ, и, какъ мы узнали на слѣдующій день, наврали страшно.

Буфетчикъ, сидя въ своемъ темномъ залѣ и боясь его освѣтить, чтобы не привлечь нежелательную публику, со своей стороны разсказывалъ ужасы.

Мы вошли въ свой вагонъ съ яркимъ представленіемъ о всемъ, совершающемся въ Москвѣ, и съ чувствомъ людей, которымъ предстоитъ въ самомъ близкомъ будущемъ—если не гибель, то, во всякомъ случаѣ, какое-либо тяжелое испытаніе.

Ложились спать неохотно.

Знакомые ходили навѣщать другъ друга изъ вагона въ вагонъ и не давали спать желающимъ.

Обсуждался, главнымъ образомъ, вопросъ,—выдавать ли оружіе. Его требовали, по словамъ очевидцевъ, отъ всѣхъ офицеровъ. Избѣжать этого было нельзя, потому что изъ тѣхъ же источниковъ мы знали, что поѣздъ придетъ прямо на рязанскій вокзалъ, а такъ какъ онъ въ рукахъ „народа“, то мы, такъ сказать, непосредственно должны были попасть въ руки хозяевъ вокзала. Избѣжать этого было нельзя, и потому приходилось мысленно прощаться съ оружіемъ.

Особенно горевали два офицера, имѣвшіе дареныя шашки.

Но пока все это обсуждалось, я все-таки заснулъ подъ шумокъ. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ денщикъ моихъ сосѣдей періодически куда-то исчезалъ и возвращался каждый разъ съ какой-либо новостью. Новости эти были противорѣчивы, часто явно нелѣпы, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же подвергались тщательнѣйшему обсужденію.

Настроеніе было нервное; являлась необходимость въ умствен-

ной работѣ, желаніе чѣмъ-нибудь заняться, и потому всякая тема была хороша.

Подъ эти споры я окончательно заснулъ и проснулся гдѣ-то уже подъ Москвою.

Разговоры шли все на тѣ же утомительно-однообразныя темы. Въ тысячный, милліонный разъ задавались одни и тѣ же вопросы однимъ и тѣмъ же людямъ, и отвѣты получались томительно однообразные, потому что не было никакихъ свѣжихъ данныхъ. Единственный источникъ—денщикъ—и тотъ, казалось, исчерпался.

Было безнадежно скучно, томительно и скверно.

Казалось, что разсвѣтъ запоздалъ и газъ въ баракахъ былъ какой-то тусклый. Кромѣ того, было страшно накурено. Тоже признакъ нервнаго настроенія.

Изъ сосѣдняго вагона пришли два офицера и разсказали, что къ нимъ вошли трое молодыхъ людей и потребовали выдачи оружія, на томъ логичномъ основаніи, что въ „Москвѣ все равно отнимутъ: лучше отдайте добровольно“. Не достигнувъ цѣли, они ушли съ угрозой.

Но вотъ и совсѣмъ ужъ Москва. Паровозъ гудитъ и двигается страшно медленно. Откуда-то появляется кондукторъ. Онъ вноситъ все-таки разнообразіе въ компанію; ему рады. Онъ это чувствуетъ и начинаетъ разсказывать всякія были и небылицы. Его слушаютъ, и онъ, поощренный общимъ вниманіемъ, вретъ уже совершенно безсовѣстно. Вопросы сыплются градомъ. Онъ охотно отвѣчаетъ и даетъ совѣты.

— А вамъ бы, барышня, плохо не пришлось,—ласково говоритъ онъ, глядя на нашу спутницу, надѣющуюся попасть въ Петербургъ съ знакомымъ офицеромъ въ воинскомъ поѣздѣ.

— А что?—волнуется та.

— Да то, что вамъ вѣдь тутъ ѣхать не полагается. Кромѣ воинскихъ чиновъ, „они“ никого не пущаютъ. Не высадили бы и васъ.

— Не можетъ быть!—протестуетъ та уже совершенно перепуганнымъ голосомъ.

— И очень просто,—не унимается кондукторъ.—Вотъ намедни ѣхалъ полковникъ съ женой. Ну и что жъ? Пришла это барышня, да барыню и гонитъ. Вотъ тутъ на станціи недалеча. (Онъ назвалъ станцію.) Полковникъ за жену заступается. Извѣстно, въ обиду не даетъ. Ну, та, барышня-то, своихъ шарлатановъ человѣкъ двадцать и позвала въ вагонъ-то. А они, шематоны, всѣ съ револьверами, барыню-то и выкинули вонъ. Съ него шашку потащили. Ужъ и я пыталъ ихъ срамить. Ничего во вни-

маніе брать не хотятъ. Ну, тутъ солдатики изъ теплушекъ подошли; такъ полковникъ при шашкѣ и остался. Ей Богу!—закончилъ онъ разсказъ.

Все это вносило мало успокоенія.

— Да что же нашъ машинистъ такъ тащитъ?—разозлился вдругъ одинъ изъ офицеровъ. — Чортъ его знаетъ, скотина какая-то!

— Сейчасъ ни одинъ, можно сказать, машинистъ ходу давать не станетъ, — откликнулся кондукторъ. — Потому, первое, путь, можетъ, „ими“ повреждена, а второе, перво-на-перво стрѣлять по немъ, по машинисту, начинаютъ, „не вози, молъ“, а потомъ по вагонамъ. Вотъ онъ и смотритъ.

И дѣйствительно, машинистъ, должно быть, зорко смотрѣлъ. Поѣздъ едва-едва двигался. Очевидно, было чего опасаться.

Наконецъ вагонъ слегка вздрогнулъ и остановился.

— Пріѣхали! — возвѣстилъ кондукторъ. — На товарную подалъ. Пассажирскій не принимаетъ! Теперь только, господа, мой вамъ совѣтъ—здѣсь переспать до свѣту, а то теперь самое военное дѣйствіе. Часовъ до семи пострѣляютъ—и шабашъ до одиннадцати, а тамъ опять принимаются. Вамъ, значитъ, въ эту самую перемѣнку и потрафлять. А то очень просто, что и убьютъ. Бьютъ нонче офицеровъ-то! — пособолѣзновалъ онъ.

Всѣ притихли.

Вдругъ кто-то снаружи крикнулъ, что поѣздъ черезъ пятнадцать минутъ уѣдетъ куда-то назадъ и что надо очищать вагоны.

Началась суматоха.

Меньше чѣмъ въ десять минутъ всѣ вещи были уже на снѣгу и около нихъ суетились откуда-то появившіеся ломовые извозчики.

Еще нѣсколько минутъ—и офицеры, съ пожеланіями счастливаго пути и прощальными привѣтствіями, кто пѣшкомъ, кто на саняхъ ломовиковъ, потянулись по темнымъ улицамъ въ городъ.

Оттуда доносились выстрѣлы.

Тяжело было это возвращеніе „домой“.

Негостепріимно встрѣчала насъ Москва!

В. Ск—л—ъ.

СЕМЬ ЛѢТЪ

ВЪ

КРЕСТЬЯНСКОМЪ БАНКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Разсказавъ, по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, въ статьѣ „Крестьянскій банкъ и его начало“ („Вѣстникъ Европы“, декабрь, 1905 г.), какъ возникъ этотъ банкъ, какъ образовалось его управленіе и какъ началась его дѣятельность, обращусь теперь къ воспоминаніямъ о самой его жизни въ теченіе того періода, когда я занималъ въ немъ должность члена совѣта. Предстоитъ говорить о томъ, что̀ нашъ совѣтъ самъ дѣлалъ и съ чѣмъ ему приходилось соприкасаться.

Видѣть и переживать намъ въ это время приходилось многое. Какъ объяснено было въ упомянутой моей статьѣ, мы вполнѣ сознавали, что дѣло крестьянскаго банка — только палліативъ, уже по самому размѣру своему не могущій принести очень существенной поправки такому огромному зданію, какъ сложившееся въ теченіе двадцати лѣтъ крестьянское земельное устройство цѣлой Россіи. Однако, нельзя было не дорожить и такимъ палліативомъ, потому что онъ все-таки давалъ возможность сдѣлать для крестьянства хоть что-нибудь, тогда какъ въ другихъ сферахъ не представлялось въ ту пору и этого. Наше сравнительно небольшое дѣло мы старались, по крайней мѣрѣ, повести настолько заботливо, чтобы изъ него извлекалась вся та польза, какую можно было извлечь при окружающихъ условіяхъ, чтобы дѣятельность банка не только росла внѣшнимъ образомъ, но и

поудачнѣе попадала въ настоящія жизненныя нужды. При такой цѣли, независимо отъ заботъ о технической сторонѣ дѣла, надо было еще какъ можно внимательнѣе слѣдить за проявленіями требованій народной жизни и условіями, благопріятствующими или мѣшающими ихъ удовлетворенію.

Намъ удавалось возбуждать живой интересъ къ этому въ предсѣдателяхъ мѣстныхъ отдѣленій банка, и они сообщали результаты своихъ наблюденій на мѣстахъ, какъ оффиціально, такъ и въ частной перепискѣ, которую каждый изъ насъ, представителей центральнаго управленія, поддерживалъ съ тѣми или другими предсѣдателями постоянно, сверхъ формальныхъ сношеній. Но такъ какъ и это насъ не удовлетворяло, то мы, временами, еще сами отправлялись въ мѣстности совершенія земельныхъ покупокъ, для ближайшаго изученія того, что насъ интересовало. Такъ, содѣйствуя земельнымъ покупкамъ въ центрѣ управленія, мы потомъ видѣли своими глазами практическія послѣдствія многихъ изъ этихъ покупокъ на мѣстѣ. Здѣсь, бесѣдуя по цѣлымъ часамъ съ крестьянами-покупщиками, производя осмотры земель и т. под., мы узнавали, какъ ведется на купленныхъ земляхъ хозяйство, какъ относятся къ дѣлу сами крестьяне, что имъ еще нужно, въ чемъ они встрѣчаютъ затрудненія, чѣмъ можно помочь удовлетворенію основательныхъ ихъ желаній и т. д.

Матеріалъ получался значительный и полезный. Удовлетворяя извѣстной любознательности, онъ становился также поводомъ и основаніемъ для подготовленія нами новыхъ законопроектовъ и административныхъ распоряженій. Наряду съ выясненіемъ хозяйственныхъ и общественныхъ условій сельской жизни, здѣсь выступали и мѣстные нравы, и этнографическія особенности, и разнаго рода жизненныя черты. Можно бы много разсказывать о тогдашней нашей работѣ и наблюденіяхъ, но я воздержусь отъ большого распространенія, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Первая—это моя личная солидарность съ большинствомъ тогдашнихъ дѣйствій крестьянскаго банка. Рѣчь льется обильнѣе, когда приходится критиковать тѣхъ или другихъ людей и ихъ дѣла, становясь къ нимъ въ полемическое отношеніе, т.-е. когда автору есть противъ чего спорить или надо изображать борьбу; но гораздо меньше побужденій къ словоизліянію, когда признаешь, что въ большинствѣ случаевъ дѣлалось то, что слѣдовало дѣлать, и, значитъ, спорить не о чемъ. Выраженіе солидарности не многословно. Конечно, авторъ можетъ ошибаться, но замѣчать это—дѣло другихъ, а самъ онъ можетъ высказываться лишь сообразно своимъ собственнымъ взглядамъ. Другая причина — въ

томъ, что многое изъ видѣннаго тогда—особенно свои поѣздки по разнымъ губерніямъ—я уже описывалъ въ статьяхъ, печатавшихся около самаго времени этихъ поѣздокъ [1]), и потому избѣгаю повтореній.

I.

Крестьянскія земельныя покупки.

Съ открытіемъ, въ маѣ 1883 года, ссудной дѣятельности крестьянскаго банка, поступленіе покупочныхъ земельныхъ сдѣлокъ въ совѣтъ стало расти постепенно, но требовало большого труда. Разсматривать ихъ приходилось наряду съ нѣкоторыми остававшимися организаціонными работами. Приходившія сдѣлки отличались большимъ разнообразіемъ. Были между ними и крупныя, и среднія, и даже такія маленькія, по которымъ всего одинъ крестьянинъ покупалъ двѣ-три десятины. Такая раздробленность увеличивала численность сдѣлокъ, а слѣдовательно и количество требуемой работы. По однѣмъ сдѣлкамъ мы безотлагательно разрѣшали ссуды; по другимъ—приходилось отказывать или требовать представленія дополнительныхъ данныхъ; по многимъ нужно было разрѣшать возникавшія недоумѣнія и давать отдѣленіямъ руководящія указанія; но во всѣхъ случаяхъ мы старались всемѣрно избѣгать затяжки и давать скорыя рѣшенія, чтобы не томить заинтересованныхъ людей.

Значительность требовавшагося труда преимущественно вызывалась тѣмъ, что въ первое время, пока дѣло было еще новинкою и нужно было наладить общій порядокъ разсмотрѣнія сдѣлокъ, необходимостью являлось особенно вникать въ массу частныхъ обстоятельствъ отдѣльныхъ дѣлъ и тщательно просматривать документы. Переходъ правъ собственности на землю—дѣло настолько важное и обставленное существеннаго значенія формальностями, что къ нему нельзя было относиться верхоглядно, интересуясь только вопросами—насколько увеличивается крестьянское землевладѣніе и какъ велика просимая ссуда. Важно

---

[1]) Вотъ эти статьи: въ „Вѣстникѣ Европы“—„Къ переселенцамъ“ (іюнь и іюль 1887 г.), „Среди крымскихъ татаръ“ (мартъ 1888 г.) и „Среди молдаванъ“ (апрѣль 1891 г.); въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“—„У смоленскаго мужика“ (апрѣль 1889 г.) и „Куряне“ (декабрь 1889 г.); въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“—„По деревнямъ“ (1885 и 1886 гг.), „Подворники“ (1888 г.) и „Въ Сѣверщину“ (1891 г.); въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“—„Покупки съ помощью крестьянскаго банка“ (1886 г.) и „Новая сельскохозяйственная единица“ (1887 г.).

было выясненіе правъ продавцовъ на сбываемую ими землю, такъ какъ въ этомъ заключалась гарантія безпрепятственнаго владѣнія крестьянъ-покупщиковъ, а также точное опредѣленіе состава и границъ пріобрѣтаемой земли. При недостаткѣ вниманія къ этой сторонѣ дѣла легко могли возникать очень непріятные сюрпризы: иныя ссуды оказались бы выданными подъ землю со спорными границами, въ составъ покупокъ попадали бы участки, перешедшіе раньше въ крестьянскій надѣлъ, и т. под. При недостаткахъ нашихъ ипотечныхъ порядковъ возможною казалась даже продажа несуществующихъ владѣній, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни спеціальнаго, ни генеральнаго межеванія. А еще вѣроятнѣе былъ сбытъ крестьянамъ земель, обремененныхъ арендными и лѣсорубочными договорами, чиншевымъ правомъ и т. под. Съ другой стороны, необходимо было совершенно вѣрное обозначеніе личнаго состава покупщиковъ. При коллективныхъ „товарищескихъ“ сдѣлкахъ союзъ покупщиковъ едва только рождался и они до того не составляли еще никакой общественной единицы, собираясь часто изъ разныхъ деревень, а потому требовалось перечисленіе ихъ именъ, отчествъ и фамилій, куда уже врывалась путаница. Допущеніе невѣрностей въ именахъ крестьянъ-покупщиковъ повело бы за собою неясность, кто именно пріобрѣлъ право на участіе въ купленной землѣ. И если бы потомъ понадобилось совершеніе о той же землѣ какихъ-либо новыхъ актовъ, то при руководствованіи документами требовалось бы участіе людей, фактически несуществующихъ. Были еще и другія обстоятельства, осложнявшія разсмотрѣніе дѣлъ.

Вотъ почему приходилось посвящать много вниманія бумажной сторонѣ дѣла, и если это было собственно черною работою, то—неизбѣжною. Такую черную работу въ первые мѣсяцы брали на себя сами члены совѣта, желая выяснять, — какія прорѣхи чаще встрѣчаются въ дѣлахъ, въ чемъ нужна особая осторожность и какъ предупреждать промахи. Подобнымъ путемъ вырабатывались пріемы провѣрки сдѣлокъ, а когда дѣло достаточно наладилось,—эту провѣрку можно было уже предоставить дѣлопроизводителямъ. Вопросъ же о земельныхъ цѣнахъ по каждой сдѣлкѣ обсуждался самъ по себѣ, съ особымъ интересомъ, возбуждая нерѣдко большіе споры, такъ какъ нельзя было не чувствовать, что здѣсь—главный корень задачи крестьянскаго банка, и что если только сразу распустить цѣны, то покупки потеряютъ выгодность для крестьянъ и дѣло можетъ быть убито въ самомъ основаніи. Что толку, если земель накуплено будетъ и много,

да такъ дорого, что платежи за нихъ станутъ исчерпывать или превышать всю доходность!

Одиннадцать губерній, выбранныхъ въ первую очередь для дѣятельности крестьянскаго банка, принадлежали къ весьма различнымъ типамъ, и это различіе отражалось какъ въ общемъ ходѣ дѣла въ нихъ, такъ и въ характерѣ земельныхъ покупокъ.

Въ первые мѣсяцы дѣло особенно шибко пошло въ двухъ губерніяхъ: полтавской и екатеринославской. Обѣ онѣ скоро выдѣлились рѣзко изъ ряда остальныхъ. Мы были засыпаны оттуда просьбами о ссудахъ, которыя хлынули словно черезъ прорвавшуюся плотину. По числу сдѣлокъ первое мѣсто заняла полтавская, такъ что нѣкоторое время намъ приходилось заниматься ею почти исключительно. И для этого были достаточныя основанія въ самомъ существѣ дѣла. Названная губернія отличалась большою густотою населенія, а тамошнее крестьянство было такъ мало надѣлено землею, что въ среднемъ выводѣ на душу въ этой губерніи приходилось земли меньше, чѣмъ въ какой-либо другой. Эти выводы не подкрашивались даже, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, надѣлами бывшихъ государственныхъ крестьянъ, потому что въ полтавской губерніи этого разряда крестьянъ было сравнительно мало. Таковы были плоды мѣстныхъ работъ по осуществленію крестьянской реформы шестидесятыхъ годовъ. Понятно, что прикупка земли тутъ была очень нужна и крестьяне набросились на открывшійся способъ къ ея осуществленію. Другой крупный разрядъ земледѣльцевъ полтавской губерніи составляютъ такъ называемые малороссійскіе казаки, владѣющіе землею не въ качествѣ надѣла, а на правѣ личной собственности. Ихъ владѣніе—самое неровное: есть между ними богачи и совершенные бѣдняки, одни имѣютъ десятки и сотни десятинъ, а другіе — только ничтожные клочки или даже ничего; владѣнія отдѣльныхъ казаковъ и дробятся, и ростутъ, продаются и дополняются покупками, что усиливаетъ неравенство, поддерживающее численность нуждающихся въ землѣ. Ко всему этому, въ духѣ малорусскаго населенія—преобладаніе личнаго начала надъ общественнымъ. Внутренняя связь сельскихъ „обществъ“ слаба и крестьяне стремятся жить и вести дѣла не обществомъ, а каждый порознь или, по крайней мѣрѣ, въ союзѣ съ подобранными товарищами. Оттого и полтавскія земельныя покупки выступали, главнымъ образомъ, не общественныя, а товарищескія или единоличныя. Тамъ покупали товарищества, размѣромъ отъ трехъ человѣкъ до нѣсколькихъ десятковъ хозяевъ или даже больше, а здѣсь отдѣльный мужикъ пріобрѣталъ двѣ, три, пять

десятинъ и просилъ отдѣльной ссуды. Наконецъ, еще одну особенность полтавскаго крестьянства представлялъ своего рода зудъ къ покупкамъ и продажамъ, выражавшій нѣчто вродѣ сравнительнаго легкомыслія въ земельномъ дѣлѣ. Купивъ землю, крестьяне иногда, по прошествіи небольшого времени, задумывали уже продавать часть ея, а въ отдѣльныхъ случаяхъ это выражалось еще рѣзче. Помню примѣръ, какъ мужикъ покупалъ тотъ самый кусокъ земли, которымъ владѣлъ уже прежде два или три раза: владѣлъ и продалъ, потомъ купилъ и опять продалъ и т. д. Совокупность всѣхъ такихъ условій и была причиною той массы значительныхъ и мелкихъ земельныхъ сдѣлокъ, какую полтавская губернія предъявила крестьянскому банку съ самаго начала.

Екатеринославская губернія отличалась уже инымъ характеромъ. Тамъ, въ описываемую пору, былъ большой земельный просторъ. Не исчезли еще цѣлинныя земли и были такія переложныя пространства, которыя не пахались въ теченіе десятилѣтій (теперь этого уже нѣтъ). 50 рублей за десятину считалось хорошею цѣною (теперь — вчетверо или даже дороже). Но губернія эта принадлежала къ числу наиболѣе крѣпостническихъ, особенно пресловутый новомосковскій уѣздъ,—что отразилось на характерѣ земельнаго устройства мѣстныхъ крестьянъ въ шестидесятыхъ годахъ. Несмотря на земельный избытокъ, крестьяне, въ большей части случаевъ, получили очень мелкіе надѣлы, а помѣщики удержали за собою большія площади какъ обработываемой, такъ и пустующей земли. Стѣсненіе крестьянъ порождало недружелюбныя отношенія между ними и помѣщиками, доходившія до острыхъ столкновеній, усмиреній и т. под. Но и помѣщики получали мало дохода отъ своихъ владѣній. Поэтому крестьянамъ нужно было покупать, а помѣщики находили выгоднымъ продавать земли за порядочную цѣну, и кромѣ того, на екатеринославскій просторъ стремились переселенцы изъ сосѣднихъ густонаселенныхъ губерній: полтавской, харьковской, курской и т. д. Всѣмъ имъ на руку было открытіе крестьянскаго банка и сдѣлки пошли шибко какъ для устройства мѣстныхъ крестьянъ, такъ и для переселеній. Но тутъ уже преобладали покупки болѣе значительныя, общественныя и крупно-товарищескія, такъ что одна екатеринославская устраивала больше народа, чѣмъ иные десятки полтавскихъ.

Нѣсколько позже расшевелилась дѣятельность крестьянскаго банка въ уфимской губерніи, представлявшей уже другого рода своеобразности. Тамъ въ предшествовавшіе годы многое было

подготовлено къ усиленнымъ земельнымъ продажамъ. Во-первыхъ, тамъ только-что закончился знаменитый расхватъ казенныхъ земель крупными представителями администраціи и чиновниками, ознаменовавшій генералъ-губернаторство Крыжановскаго и управленіе государственными имуществами министра Валуева; исторія этого расхищенія, какъ извѣстно, представила очень выдающійся эпизодъ административныхъ правовъ семидесятыхъ годовъ. А во-вторыхъ, многіе неразборчивые дѣльцы широко спекулировали скупкою земель у башкирскихъ обществъ. Тупые, полудикіе башкиры не устаивали противъ соблазна угощеній водкою, кониною и чаемъ, а также противъ ловкихъ подговоровъ, и отдавали дѣльцамъ свою землю почти задаромъ, по рублю за десятину и даже дешевле. Мѣстныя легенды изображали аффектныя картины подобныхъ пиршествъ и соблазновъ. Вакханалія эта подверглась пріостановкѣ правительствомъ, но къ тому времени дѣльцы успѣли уже сдѣлаться собственниками большихъ площадей невоздѣланной и въ значительной части лѣсной земли. Однако, ни у крупныхъ администраторовъ, ни у чиновниковъ, ни у скупщиковъ не было ни умѣнья, ни охоты самимъ вести хозяйство на захваченныхъ земляхъ; весь разсчетъ ихъ былъ—на пришлыхъ крестьянъ, и онъ оказывался вѣрнымъ. Переселенцы изъ разныхъ губерній приходили массами, селились и строились на этихъ земляхъ, образовывая новыя селенія, и платили, что̀ отъ нихъ владѣльцы требовали, не имѣя даже никакого обезпеченія противъ того, что завтра же ихъ могутъ оттуда согнать. Но полученіе періодическихъ платъ даже отъ беззащитныхъ поселенцевъ для дѣльца—дѣло скучное, затяжное. Чѣмъ довольствоваться подобными платами или затрачивать свой трудъ и деньги на приведеніе дикихъ земель въ культурное состояніе—лучше сбыть захваченную землю разомъ, реализуя свою пріобрѣтательскую ловкость въ денежный капиталъ. Такъ, ко времени открытія дѣятельности крестьянскаго банка и здѣсь выступили, съ одной стороны, стремленіе къ продажамъ, а съ другой—переселенческое желаніе закрѣпить за собою занятыя земли. Сверхъ того, продолжали приливать въ уфимскую губернію новыя переселенческія струи, искавшія такихъ же земель. Но скупщики и получившіе казенные участки администраторы и чиновники, разумѣется, жаждали схватить какъ можно бо̀льшій барышъ на своихъ пріобрѣтеніяхъ. Кто заплатилъ за десятину рубль, два рубля или полтинникъ, — тѣ норовили уже взять съ крестьянъ по 15, по 20 рублей или даже дороже. И стремленія скупщи-

ковъ въ значительной степени увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ безъ этого нельзя было бы устроить переселенцевъ.

Съ небезъинтересными типами приходилось знакомиться, имѣя дѣло съ уфимскими земельными пріобрѣтателями, обратившимися въ продавцовъ. По общественному положенію эти люди представляли изрядное разнообразіе: встрѣчались тутъ и военные генералы, и крупные гражданскіе чины, и средніе чиновники, и купцы, и дворяне считавшихся хорошими фамилій, и т. под., а объединяющимъ всѣхъ элементомъ оказывался одинъ духъ стяжанія. Иные, являясь въ совѣтъ, нѣсколько конфузились при разговорахъ о своихъ пріобрѣтеніяхъ и пытались поправить распространенную о нихъ славу разсказами, что или пріобрѣтенія ихъ произошли какъ-то случайно, или сами они уступали настойчивымъ просьбамъ башкиръ, руководясь даже участливостью къ ихъ положенію. Но помню одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, извѣстнаго пролаза и нечистаго дѣльца, который былъ совершенно свободенъ отъ всякаго конфуза. Хотя онъ и просилъ объ участіи къ его дѣлу, но когда рѣчь коснулась его притязанія получить изъ крестьянскаго банка 18 или 20 рублей, взамѣнъ затраченнаго имъ на покупку рубля, то онъ сразу замкнулся въ твердой казенной позиціи: какъ бы ни была устроена его покупка—она сдѣлана на „законномъ“ основаніи и потому никакой критикѣ не подлежитъ. Другими словами: пусть я и плутъ, но законъ меня защищаетъ, а мнѣ только это и нужно.

Понятно, что въ отношеніи къ подобнымъ продавцамъ сложилось извѣстное предубѣжденіе,—однако, и въ ихъ достоинствѣ случалось встрѣчать значительныя различія. Разъ, помню, одновременно поступили въ совѣтъ двѣ уфимскія земельныя сдѣлки: по одной, продавцомъ выступалъ чиновникъ государственныхъ имуществъ К—ъ, который получилъ продаваемую землю при расхватѣ казенныхъ имѣній, а по другой—купившій у башкиръ чиновный помѣщикъ К—скій, принадлежавшій къ порядочной фамиліи, чуть-ли даже не родственникъ Аксаковыхъ. Я, вмѣстѣ съ другимъ членомъ совѣта, Храповицкимъ, принялись разсматривать эти сдѣлки, и оба пришли къ мнѣнію, что цѣна слишкомъ высока. Чтобы не разстраивать и не затягивать покупокъ, мы рѣшили пригласить обоихъ продавцовъ для переговоровъ объ уменьшеніи цѣны, — благо оба они находились въ Петербургѣ. При этомъ мы гадали одинаково: ну, К—скій, вѣрно, согласится, а вотъ съ доискавшимся казенной земли чиновникомъ государственныхъ имуществъ, должно быть, придется изрядно поторго-

ваться! Вышло, однако, не то. Чиновникъ К—ъ явился первымъ и, какъ только мы предложили ему сбавку нѣсколькихъ рублей съ десятины, согласился сразу; а въ дальнѣйшемъ разговорѣ высказывался такъ: „По совѣсти сознаю, что землю я получилъ почти даромъ, оттого и уступаю охотно; скидка меня не огорчитъ, а больно то, что на насъ теперь пальцами указываютъ, какъ на хищниковъ, отчего иногда и въ глаза другимъ смотрѣть бываетъ конфузно. Можетъ быть, и вы на меня такъ смотрите, но я честью увѣряю, что самъ ничего не искалъ, не просилъ и даже не зналъ, что меня собираются наградить казенною землею... Вотъ я теперь и уступилъ сколько вы предложили, а все-таки останусь при значительной денежной выгодѣ, и чувствую, что на меня все-таки будутъ пальцами указывать, будутъ позорить, какъ корыстолюбца и пролаза“... Намъ пришлось уже его успокаивать. Чиновникъ выдалъ подписку о согласіи на сбавку цѣны и ушелъ. Вслѣдъ за нимъ показалась длинная фигура франтоватаго старика К—скаго, и тутъ пошелъ уже другой разговоръ. К—скій началъ выраженіемъ удивленія, почему ему предлагаютъ сбавку, когда онъ продаетъ не только дешево, но почти благотворительно? Дальше выступили разсказы, что и купилъ-то онъ землю не ради своей выгоды, а лишь изъ снисхожденія къ мольбамъ самихъ башкиръ; они-де въ ногахъ у него валялись, прося: „купай“ да „купай“ нашу землю! Ну, онъ сжалился и согласился, да притомъ еще на покупку отъ него потребовалось немало невидныхъ расходовъ и т. под. Послѣ продолжительнаго разговора въ подобномъ родѣ явилось согласіе сбавить на десятину одинъ рубль, и мы ничѣмъ не кончили. Затѣмъ К—скій являлся еще нѣсколько разъ съ такими же томительными объясненіями, ужимками и увертками, сбавляя новые рубли и полтинники, пока не удалось наконецъ уладить и эту сдѣлку.

Въ томъ же 1883 году начались и потомъ довольно ровно и широко пошли земельныя покупки въ могилевской губерніи. Здѣсь покупали все мѣстные, не-пришлые крестьяне, бѣлоруссы, преимущественно отдѣльными деревнями и небольшими товариществами, по невысокимъ цѣнамъ, недалеко отъ 15-ти рублей за десятину. Большая часть этихъ покупокъ имѣла характеръ пополненія и округленія покупщиками своихъ надѣловъ, то-есть представляла одинъ изъ самыхъ нормальныхъ и желательныхъ видовъ. По цѣнности, эти сдѣлки были некрупны, часто даже маленькія, но при своей численности онѣ представлялись поправляющими хозяйственное положеніе значительной массы мѣстнаго

сельскаго населенія. Одно только производило невеселое впечатлѣніе: плохое качество пріобрѣтаемой земли. Оставшіеся отъ вырубки лѣса площади, кусты, мелкія заросли, неважные лужки, скудныя отъ природы или истощенныя пашни, куски выгоновъ, а почва вездѣ—то песочекъ, то подзолъ, то болотистая или иная дрянь—вотъ что̀ почти исключительно доставалось покупавшему бѣлоруссу. Но въ тощей Бѣлоруссіи лучшей земли и встрѣчалось очень мало, а кромѣ того въ высшей степени нетребовательный бѣлоруссъ, котораго „счастіе“, по Некрасовскому выраженію, состоитъ въ черномъ „хлѣбушкѣ“, — если онъ не съ мякиною и кострикою, и когда имъ можно наѣсться до-сыта, — очень дорожилъ земельными клочками и такого свойства. Купивъ подобную прелесть, онъ, большею частью, долженъ бывалъ еще разработать ее каторжнымъ трудомъ, расчищая пни и заросли своеручно, при помощи первобытнаго орудія—„мотыги“, и потомъ уже засѣвать едва расчищенную поляну подъ другое подобное же орудіе — „смыкъ“, такъ что еще не скоро удавалось ему дождаться пользованія плодами своего новаго владѣнія. Тѣмъ не менѣе, бѣлоруссъ послѣ покупки былъ доволенъ своимъ положеніемъ и держался за новую собственность крѣпче, чѣмъ другой мужикъ за площадь драгоцѣннаго чернозема. Дряпная земля измучитъ его, а онъ еще сильнѣе привязывается къ ней. Всего больше бѣлоруссъ опасался потерять добытую землю и, какъ ни трудно было платить, готовъ былъ во всемъ отказывать себѣ, лишь бы аккуратностью платежа гарантировать свое жалкое владѣніе отъ принудительной продажи за недоимки. Поэтому бѣлоруссъ постоянно тревожился вопросомъ, какъ бы не опоздать противъ платежнаго срока и безукоризненно отдать все, что̀ отъ него слѣдуетъ. Едвали можно было указать другую мѣстность, гдѣ бы платежи крестьянскому банку поступали съ такою исправностью, какъ отъ бѣдныхъ, издавна замученныхъ нуждою крестьянъ могилевской губерніи. Какъ ни ограниченнымъ могло казаться достигаемое при подобныхъ условіяхъ улучшеніе крестьянскаго быта отъ земельныхъ покупокъ, но тутъ помощь крестьянскаго банка въ большой мѣрѣ выполняла свое назначеніе, давая землю тѣмъ, кому она нужнѣе.

Изъ прочихъ губерній по сравнительно большей численности сдѣлокъ выдавалась тверская, гдѣ покупки преобладали среднія или маленькія, а покупщиками обыкновенно являлись отдѣльныя деревни или небольшія товарищества; пріобрѣтались же больше отрѣзы отъ надѣловъ, участки зарослей, небольшія пустоши и т. под., словомъ—то, что̀ годилось крестья-

намъ по сосѣдству. Но ходъ дѣла обѣщалъ значительное развитіе покупокъ въ близкомъ будущемъ. Что же касается остальныхъ изъ одиннадцати губерній, въ которыхъ дѣйствія банка открыты были въ 1883 году (три юго-западныя, саратовская, херсонская и черниговская), то въ нихъ покупочная дѣятельность была или слабѣе, или не обнаруживала характерныхъ особенностей, или проявлялась какъ бы случайно. Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ получались по одной или по двѣ сдѣлки, зато въ цѣлыхъ группахъ уѣздовъ не замѣчалось никакого движенія. Крестьянское малоземелье, острая нужда въ пополненіи его покупками, разумѣется, и тамъ существовали, какъ вездѣ, но—или между землевладѣльцами было меньше охотниковъ продавать, или эти охотники отличались большею медлительностью въ своихъ предложеніяхъ, или туго распространялись вѣсти о крестьянскомъ банкѣ въ самой крестьянской средѣ, или наконецъ меньше было живости въ банковыхъ отдѣленіяхъ (которыя въ названныхъ губерніяхъ образованы были почти исключительно при учрежденіяхъ государственнаго банка, а не самостоятельно),— только оказывать тутъ свою помощь крестьянскому банку въ первое время приходилось сравнительно рѣже. Измѣнилось положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній уже впослѣдствіи.

Недостатокъ у крестьянъ свѣдѣній о существованіи крестьянскаго банка и объ условіяхъ его помощи, конечно, былъ одною изъ серьезныхъ помѣхъ развитію дѣла. Правда, среди народной массы ходили слухи объ открывшейся или только грядущей казенной помощи въ земельномъ дѣлѣ, но сбивчивые. Въ виду этого, мы заботились о распространеніи вѣрныхъ свѣдѣній о дѣлѣ, насколько это было возможно. Отпечатана была масса экземпляровъ правилъ о банкѣ, и мѣстнымъ отдѣленіямъ предоставлялось раздавать эти экземпляры при всякомъ подходящемъ случаѣ, внушая являющимся крестьянамъ, что никакія постороннія наставленія имъ не нужны, такъ какъ всѣ необходимыя указанія будутъ охотно имъ даваемы въ отдѣленіяхъ,—слѣдовательно, кліентамъ банка, въ ихъ собственныхъ интересахъ, надобно обращаться только въ отдѣленія, всемѣрно избѣгая совѣтовъ ненадежныхъ людей или услугъ низкопробныхъ адвокатовъ, которые будутъ только напрасно брать съ нихъ деньги. О распространеніи такихъ же предостереженій банкъ сносился и съ общею администраціею. Но все это дѣйствовало далеко не достаточно, особенно въ первое время, когда главной массѣ крестьянства еще трудно было освоиться съ представленіемъ, что для ея нуждъ есть спеціальное учрежденіе, сочувственное къ ея дѣй-

ствительнымъ пользамъ и всегда готовое помогать ей. Крестьяне не могли сразу отстать отъ давней привычки довѣрять разнымъ своекорыстнымъ проходимцамъ или случайнымъ совѣтчикамъ, также какъ и вдругъ увѣровать въ возможность живой участливости къ нимъ „казеннаго мѣста“. Да, притомъ, многіе изъ нихъ успѣвали заключать условія о покупкѣ земли на мѣстѣ своего жительства, вдали отъ банковыхъ отдѣленій, прежде всякой явки въ эти послѣднія, и даже плохо разбирая то, что предлагали имъ подписывать продавцы и ихъ агенты. Немало сдѣлокъ съ готовыми уже документами банковыя отдѣленія получали по почтѣ, не видя еще ихъ участниковъ и, слѣдовательно, не имѣя возможности въ чемъ нужно ихъ наставить или остеречь. Вотъ тутъ-то и возникали нехорошія осложненія, потому что въ область сдѣлокъ, съ самаго начала, стали вторгаться особаго родѣ дѣльцы, стремившіеся поживиться на созданіи новаго вида помощи крестьянству, пользуясь темнотою послѣдняго.

Спекуляція быстро отозвалась въ этомъ дѣлѣ, особенно на югѣ. Составлялись условія, устанавливавшія слишкомъ высокія цѣны за продаваемыя земли, обставлявшія сдѣлки чувствительными неустойками отъ крестьянъ, удерживавшія временное владѣніе частями этихъ земель за продавцами и, послѣ совершенія покупки, вводившія очень обременительные способы взноса доплатъ къ ссудамъ и т. п. И все это часто въ такихъ изворотливыхъ выраженіяхъ, которыя бывали даже непонятны крестьянамъ. Иные продавцы или ихъ агенты добивались прежде всего взятія у крестьянъ возможно большихъ задатковъ, чтобы покрѣпче забрать крестьянъ въ свои руки, хотя по „Положенію“ задатки, для большаго обезпеченія ихъ назначенія, могли быть, вмѣсто рукъ продавцовъ, вносимы въ „отдѣленія“. Потерю же задатковъ и взысканіе неустоекъ нерѣдко обусловливали даже такими обстоятельствами, которыя вовсе не зависѣли отъ крестьянъ-покупщиковъ: напримѣръ, если банкъ откажетъ въ ссудѣ, или разрѣшитъ ее въ меньшемъ размѣрѣ, или ссуда не будетъ выдана къ такому близкому сроку, къ какому нельзя ее выдать при наличномъ порядкѣ совершенія купчихъ крѣпостей и перевода ссудныхъ денегъ на мѣсто. Нѣкоторыя изъ подобныхъ условій представляли явные признаки того, что стѣснительныя требованія вводились не какъ средство побужденія крестьянъ къ исправному исполненію договора, но прямо въ томъ разсчетѣ, что крестьяне не въ состояніи будутъ ихъ выполнить а тогда продавецъ и землю за собою сохранитъ, и задаткомъ и неустойкою воспользуется. Положимъ, возвращенія задатка можно требовать

судомъ, но пока судъ рѣшитъ — имъ будетъ пользоваться тотъ, у кого онъ въ рукахъ, а исходъ процесса — судебная лотерея, и покуда дѣло будетъ длиться — самый составъ крестьянъ-покупщиковъ можетъ распасться: собранные съ разныхъ деревень люди разойдутся, общность ихъ дѣйствій разстроится и взыскивать будетъ некому. Подобныя стѣснительныя условія являлись также попытками давленія на банкъ, въ смыслѣ вынужденія отъ него просимой ссуды, какъ бы она преувеличена ни была. Соображенія тутъ выступали такія: банкъ устроенъ для помощи крестьянамъ, а потому онъ пожалѣетъ ихъ и дастъ все, что у него попросятъ, ради избавленія ихъ отъ потери задатковъ и уплаты неустоекъ. Но, разумѣется, банку становиться на такую почву было бы слишкомъ опасно, да и безцѣльно, такъ какъ покупка на слишкомъ обременительныхъ условіяхъ не устояла бы: непомѣрно задолженную землю пришлось бы продавать съ торговъ за недоимки, и тогда банкъ бы понесъ убытокъ, а крестьяне, лишась земли, все равно потеряли бы и тотъ задатокъ, для спасенія котораго выдана была бы преувеличенная ссуда. Да и вообще банкъ терялъ бы самостоятельность дѣйствій, подчиняясь уловкамъ каждаго изворотливаго дѣльца.

Особенно слабы въ борьбѣ бывали крестьяне, покупавшіе землю не на родинѣ, а искавшіе ея въ просторныхъ мѣстностяхъ чужихъ губерній. На такихъ смѣлѣе направлялась тактика продавцовъ и спеціальныхъ посредниковъ. Землевладѣльцамъ, напримѣръ, степной екатеринославской губерніи хотѣлось сбывать малодоходныя или пустующія площади своихъ имѣній за возвышенную цѣну. Крестьяне, пользующіеся кредитомъ крестьянскаго банка, представлялись самыми тароватыми покупщиками; но спросъ мѣстныхъ крестьянъ недостаточенъ для существующаго предложенія земель,—значитъ, надо возлагать надежды еще на крестьянъ другихъ, тѣсныхъ губерній, а какъ ихъ оттуда привлекать? Вотъ тутъ открывалось еще болѣе широкое поле дѣйствій для спекулянтовъ-посредниковъ, которые, впрочемъ, настойчиво внѣдрялись и въ мѣстныя покупки. И какъ разнообразенъ былъ составъ подобныхъ посредниковъ!

Одно время огромною кліентурою по куплѣ-продажѣ земель съ помощью банка овладѣлъ одинъ изъ нотаріусовъ полтавской губерніи, К. Ф—ъ, раіонъ дѣятельности котораго охватилъ нѣсколько южныхъ губерній. Заручившись полномочіями разныхъ степныхъ землевладѣльцевъ-продавцовъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ своего рода центръ, къ которому стремились обѣ стороны. Широко распространялись объявленія о продажныхъ

земляхъ, разсылаемыя по дальнимъ волостямъ и деревнямъ чужихъ губерній, дѣйствовали разные факторы, указывалось—къ кому обращаться для переговоровъ, полученія указаній и составленія документовъ. „Пришла къ намъ въ волость *афишка*, что продается въ екатеринославской губерніи такая-то земля и чтобъ обращаться къ такому-то,—разсказывали мнѣ потомъ нѣкоторые крестьяне-покупщики;—ну, мы, потолковавши между собою, выбрали изъ себя повѣренныхъ, тѣ и пошли". Посредникъ вступалъ въ переговоры, заявлялъ цѣны и другія условія, составлялъ документы и получалъ коммиссіонныя деньги съ обѣихъ сторонъ сообразно величинѣ сдѣлокъ, слѣдовательно былъ заинтересованъ въ увеличеніи цѣнъ, въ уговариваніи крестьянъ платить дороже. Мужикъ тутъ часто терялся, попадая подъ вліяніе подговоровъ, настояній, соблазна и угрозъ: пользуйся-де счастливымъ случаемъ хорошей покупки, земля прекрасная, лучшей не найдешь, и уступается дешево, но если станешь медлить и слишкомъ торговаться, то пеняй уже самъ на себя, потому что у продавца отбою нѣтъ отъ покупщиковъ; только зазѣвайся—другіе сейчасъ дадутъ дороже и отобьютъ покупку, а ты останешься ни съ чѣмъ. Давай же скорѣе задатокъ! Мужику, въ острый моментъ переговоровъ, и посовѣтоваться толкомъ не съ кѣмъ, и одуматься, и взвѣсить условія сдѣлки некогда, о цѣнахъ же трудно бывало и судить самостоятельно. Зналъ онъ, какъ дороги черноземныя десятины у него на родинѣ—въ Полтавщинѣ, Черниговщинѣ или Харьковщинѣ—и узнавъ, что екатеринославская земля тоже черноземъ, невольно распространялъ на нее представленіе о земельныхъ цѣнахъ своей родины—и сдавался. Позже уже приходилось мужикамъ дознать, что въ екатеринославской степи и климатическія, и хозяйственныя условія, и рискъ неурожаевъ отъ засухъ, а потому и цѣны—совсѣмъ не тѣ. Такъ устраивались сдѣлки, и посреднику, разумѣется, не было никакого дѣла до того, устоитъ ли новое крестьянское землевладѣніе при условіяхъ сдѣлки и что станется съ покупщиками. Онъ взялъ свои коммиссіонныя и затѣмъ—прощайте! Весь интересъ его въ томъ, чтобы сдѣлокъ состряпывалось побольше, хотя бы самыхъ ненадежныхъ и невыгодныхъ кому бы то ни было, и чтобы круглѣе выходили коммиссіонные итоги.

Много настряпалъ сдѣлокъ упомянутый нотаріусъ К. Ф., и недаромъ тогда прославилось его имя въ широкой округѣ юга. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, былъ человѣкъ съ образованіемъ, свѣдущій въ дѣлахъ, умѣлый по документальной части. Другіе же бывали гораздо низкопробнѣе и грубѣе въ пріемахъ. Напри-

мѣръ, въ одномъ углу кіевской губерніи земельнымъ посредничествомъ промышлялъ заѣзжій мѣщанинъ Телисовъ, который сначала былъ мелкимъ разносчикомъ товара, потомъ перешелъ къ мелкотравчатому адвокатству, а когда открылся крестьянскій банкъ—призналъ за благо обратиться къ земельному посредничеству—и не ошибся въ разсчетѣ. Этотъ бралъ съ крестьянъ до 9 рублей гонорара съ покупаемой десятины, забиралъ въ свои руки и подолгу держалъ десятки тысячъ крестьянскихъ денегъ, собранныхъ на доплаты къ ссудамъ, и все-таки не сдалъ своимъ довѣрителямъ полнаго отчета въ употребленіи этихъ денегъ, такъ что подъ конецъ мужики на недоразъясненныя суммы махнули рукой. Жирно поживившись, Телисовъ превратился уже въ значительнаго купца, открылъ свой магазинъ въ бойкомъ мѣстечкѣ Смѣлой, и крестьяне показывали мнѣ этотъ магазинъ, говоря:—„Вотъ куда посадилъ онъ наши денежки!“—Я спрашивалъ ихъ, зачѣмъ же они обращались къ ненадежному человѣку и рисковали довѣрять ему большія деньги, когда стоило только обратиться въ отдѣленіе банка и тамъ всему бы научили? А мужики отвѣтили:—„Не понимали мы, не знали, куда кинуться, дурни были“.—Разъ въ полтавской губерніи совершалась большая земельная покупка, и крестьяне сочли нужнымъ снарядить отъ себя нѣсколькихъ повѣренныхъ даже въ Петербургъ, для объясненій съ совѣтомъ банка. Казалось бы, въ этомъ былъ признакъ самостоятельности и осторожности, желанія внимательнѣе повести свое дѣло. Однако вмѣстѣ съ крестьянскими повѣренными пріѣхалъ и инструкторъ-еврей, который постоянно пытался отодвигать крестьянскія рѣчи на задній планъ, перебивая ихъ изложеніемъ своихъ собственныхъ комбинацій и мнѣній, словно онъ-то настоящій хозяинъ дѣла, а крестьяне—не понимающая масса; приходилось уже унимать его прыть, приглашая самихъ крестьянъ высказываться объ ихъ дѣлѣ, безъ его руководства. А въ одной изъ среднихъ губерній навязался разъ крестьянской деревнѣ въ руководители мелкій чиновникъ, бравшій деньги за свои ненужныя услуги и „на расходы“ по дѣлу; и онъ, какъ послѣ обнаружилось, ставилъ, между прочимъ, въ счетъ своимъ довѣрителямъ такую статью: „на угощеніе совѣта крестьянскаго банка въ Петербургѣ—столько-то“. Это онъ насъ-то угощалъ!

Впрочемъ, трудно перечислить даже одни типы большихъ и мелкихъ дѣльцовъ, старавшихся примазаться къ дѣлу банка, гдѣ излишнимъ было всякое постороннее вмѣшательство. Приходилось и съ этимъ вести борьбу, хотя очень трудную, потому что изъ Петербурга развѣ случайно можно было воздѣйствовать на

то, что̀ дѣлалось въ деревняхъ, а фактическія силы мѣстныхъ отдѣленій состояли, много-много, изъ двухъ-трехъ человѣкъ на губернію, при большой массѣ бумажнаго и счетнаго дѣла. Напротивъ, землевладѣльцы-продавцы, когда имъ было нужно, являлись въ банкъ сами или присылали толковыхъ довѣренныхъ, хотя съ тѣми и другими, при излишествѣ ихъ требованій, тоже надо было бороться. Типовъ тутъ, въ свою очередь, было немало, и не безъинтересныхъ, только распространяться о нихъ—потребовало бы много мѣста.

Впечатлѣнія первыхъ лѣтъ банковой дѣятельности вообще наводили на мысль, что развитіе земельныхъ покупокъ больше зависѣло отъ иниціативы продавцовъ, чѣмъ отъ крестьянскаго почина. Гдѣ землевладѣлецъ хотѣлъ продать свою землю, тамъ онъ, такъ или иначе, подвигалъ свое дѣло. И съ банковыми правилами онъ больше знакомъ, и агентовъ, когда нужно, найдетъ удачнѣе, и морочить его они такъ не будутъ, и крестьянъ-покупщиковъ подыщетъ. А у крестьянъ хоть и много было желаній покупать, но для главной массы ихъ ознакомленіе съ этимъ дѣломъ давалось туже, больше ощупью, и успѣхъ исканій достигался труднѣе. Описанныя выше аттаки на крестьянскій интересъ, попытки обращенія помощи крестьянству въ орудіе постороннихъ выгодъ, разумѣется, далеко не исчерпываютъ того, что̀ происходило въ дѣйствительности. Большія и долгія усилія нужны были, чтобы пробираться черезъ эту густую чащу и выводить дѣло на болѣе чистый путь.

Къ концу 1883 года работа наша разрослась уже настолько, что засѣданія совѣта спеціально по разсмотрѣнію сдѣлокъ не только стали ежедневными, но съ каждымъ днемъ затягивались дольше и дольше, такъ какъ въ каждомъ надо было рѣшать больше и больше дѣлъ. Препонъ со стороны въ это время не чувствовалось. Напротивъ, въ представителяхъ другихъ учрежденій, съ которыми приходилось сталкиваться, замѣчался особый интересъ къ такой новинкѣ, какъ крестьянскій банкъ. Общая администрація выражала готовность къ содѣйствію, хотя послѣднее большею частью сводилось къ отпискѣ. Отзывчивость же провинціальныхъ властей мнѣ пришлось отчасти испытать въ концѣ того же года, когда, по поводу затормазившагося-было движенія дѣлъ въ екатеринославской губерніи и для подготовки нормальныхъ оцѣнокъ таврической, я былъ командированъ въ обѣ эти губерніи. Въ екатеринославскомъ отдѣленіи устроилось засѣданіе съ участіемъ земской управы и губернской администраціи, причемъ тормазившія недоразумѣнія были улажены и

всѣ участники выразили готовность помогать дѣлу банка. А въ Симферополѣ губернаторъ Всеволожскій собралъ у себя губернскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ и земства, которые предъявили столько нужныхъ свѣдѣній, что я могъ покончить съ оцѣнкою въ одно это засѣданіе.

II.

Банковая система.

Сдѣлки шли и умножались. Расширялась территорія ихъ совершенія. Число разсматривавшихся въ совѣтѣ сильно возрастало съ каждымъ мѣсяцемъ. Къ концу 1883 года ссудъ разрѣшено было уже почти на три милліона рублей, несмотря на то, что въ этомъ году ссудная дѣятельность банка продолжалась лишь около полугода и касалась только одиннадцати губерній. Гораздо больше сдѣлокъ за то же время составлено было на мѣстахъ, хотя частью неудачно. Итогъ просимыхъ ссудъ, заявленныхъ въ мѣстныя банковыя отдѣленія, доходилъ безъ малаго до девяти милліоновъ рублей, только часть этихъ сдѣлокъ разстроилась, не дойдя до разсмотрѣнія въ совѣтѣ; по другой части въ ссудахъ, по разнымъ причинамъ, было отказано, и много сдѣлокъ, не успѣвъ разрѣшиться окончательно, перешло уже въ слѣдующій годъ. Развитіе дѣла давало себя чувствовать до того осязательно, что на слѣдующій годъ ясно предвидѣлось огромное превышеніе ссудами узаконенной пяти-милліонной годовой порціи, особенно въ виду предполагавшагося распространенія дѣйствій банка еще на новую группу губерній. Среди текущихъ дѣлъ, въ совѣтѣ выработаны были оцѣнки и рѣшено открыть банковыя отдѣленія для губерній: курской, тамбовской, пензенской, рязанской, смоленской, ковенской и таврической.

Подошелъ и первый платежный срокъ по выданнымъ ссудамъ, и тутъ враждебныя пророчества, что крестьяне не захотятъ платить, стремясь къ даровому захвату земель, рушились довольно внушительно. По всѣмъ губерніямъ платежи поступали вообще исправно, и если случались запаздыванія въ ихъ взносѣ, то сравнительно небольшія, объясняемыя какими-либо особыми причинами и, во всякомъ случаѣ, непохожія на недоимки по тѣмъ земельно-кредитнымъ учрежденіямъ, которыя выдали ссуды болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ. Такъ однимъ пугаломъ, изъ числа выдвигавшихся противниками кре-

стьянскаго кредита, становилось меньше и политическимъ опасеніямъ относительно вліянія этого кредита убавилось простора. Если вездѣ платятъ — значитъ, въ помощи крестьянскаго банка вовсе не видятъ источника дарового полученія земли.

Когда почувствовалось, что дѣятельность банка дала уже ощутительный итогъ въ приростѣ крестьянскаго землевладѣнія, возникла въ совѣтѣ мысль, что надобно бы еще взглянуть на результаты нашей работы на мѣстѣ, въ деревняхъ. Въ совѣтѣ, въ Петербургѣ, намъ видны были, главнымъ образомъ, бумажные, цифровые итоги, но чѣмъ это отражается въ самой крестьянской жизни, въ сельскомъ мірѣ? Насколько достигаются цѣли банковой помощи и не обнаруживается ли на практикѣ такихъ вопросовъ, которые требуютъ благовременнаго принятія къ свѣдѣнію и необходимыхъ мѣръ? Земель куплено уже немало, но какъ ими пользуются, поступаютъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ въ распоряженіе всей купившей крестьянской массы? Можно было опасаться, чтобы сдѣланныя земельныя пріобрѣтенія не попадали въ руки ограниченныхъ крестьянскихъ кружковъ, только прикрывающихся именемъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ или большихъ товариществъ. Конечно, полнаго выясненія практическихъ результатовъ ожидать было еще нельзя, такъ какъ въ теченіе менѣе чѣмъ годового періода порядокъ пользованія новыми землями у крестьянъ не могъ еще прочно установиться и вѣроятны были въ близкомъ будущемъ нѣкоторыя перемѣны въ немъ, но важно было узнать изъ ряда типичныхъ примѣровъ то направленіе, какое получается этимъ дѣломъ. И узнать это представлялось нужнымъ въ самое первое время, когда легче воздѣйствовать на всякія попытки извращенія пользованія государственною кредитною помощью.

Съ этою цѣлью въ началѣ 1884 года отправился на югъ Россіи управляющій банкомъ Картавцевъ. Онъ объѣхалъ значительныя части губерній полтавской, екатеринославской и херсонской, посѣщая деревни, въ которыхъ состоялись земельныя покупки. При этомъ онъ толковалъ съ крестьянами-покупщиками, знакомился съ ихъ земельными порядками, осматривалъ самыя земли, собиралъ свѣдѣнія о мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ, общался съ мѣстными представителями земства и администраціи и т. п. Въ результатѣ произведенныхъ наблюденій получился значительный и цѣнный, особенно для того времени, матеріалъ, съ которымъ Картавцевъ вернулся въ Петербургъ, послѣ чего этотъ матеріалъ въ обработанномъ видѣ отпечатанъ былъ отдѣльною брошюрою. Оказалось, что опасенія относительно воз-

можности скопленія пріобрѣтенныхъ земель въ немногихъ рукахъ не встрѣтили подтвержденія на практикѣ, и если земля не дѣлилась между крестьянами съ полнымъ ариѳметическимъ равенствомъ, то во всякомъ случаѣ ее получало рѣшительное большинство членовъ сельскихъ обществъ, а не доставалась она сравнительно очень немногимъ, по тѣмъ или другимъ практическимъ хозяйственнымъ соображеніямъ обществъ, какъ это иногда случалось и въ отношеніи къ надѣльнымъ землямъ. Такое распредѣленіе производило успокаивающее впечатлѣніе, показавъ, что у крестьянъ-покупщиковъ все таки искомымъ былъ *общій* интересъ населенія покупавшихъ деревень, а при такомъ условіи помощь крестьянскаго банка не отклонялась отъ своей основной цѣли.

Съ другой стороны, интересъ добытыхъ Картавцевымъ свѣдѣній убѣждалъ въ необходимости обратить посѣщенія селеній покупщиковъ въ постоянный способъ дѣйствія. То, что замѣтилъ Картавцевъ, въ сущности едва только намѣчалось въ крестьянской средѣ, тогда какъ впереди слѣдовало ожидать дальнѣйшаго развитія и, можетъ быть, измѣненій намѣчавшагося. Послѣдующій ходъ жизни тѣмъ болѣе обѣщалъ новыя явленія, что предстоявшее расширеніе территоріи дѣйствій крестьянскаго банка охватывало новыя крестьянскія массы, съ другими привычками, взглядами и этнографическими особенностями. Черты, замѣченныя въ екатеринославской или полтавской губерніяхъ, могли значительно отличаться отъ тѣхъ, какія обнаружатся, напримѣръ, въ смоленской, саратовской или у крымскихъ татаръ.—Поэтому возникъ у насъ проектъ: представителямъ совѣта ежегодно навѣщать, каждому, по двѣ или по три губерніи для разслѣдованій по болѣе или менѣе опредѣленной программѣ, выясняя, главнымъ образомъ, способы распредѣленія земли между покупщиками, веденіе хозяйства, основанія платежныхъ раскладокъ, пріемы сбора платежей, порядокъ разрѣшенія общихъ для покупщиковъ вопросовъ, выборъ людей для общественныхъ порученій и вообще—внутреннюю организацію. Безъ этого пришлось бы въ Петербургѣ не имѣть ясныхъ представленій о такихъ условіяхъ жизни покупщиковъ, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ всего дѣла, тогда какъ, приглядываясь къ нимъ ближе и во-время, гораздо легче держаться въ курсѣ возникавшихъ жизненныхъ потребностей и отвѣчать на нихъ. Какъ только проектъ этотъ выраженъ былъ Н. Хр—чу Бунге, онъ отнесся къ нему очень сочувственно и благословилъ насъ на предположенныя экспедиціи. Онѣ стали производиться ежегодно, въ лѣтнюю пору, когда наплывъ сдѣлокъ въ совѣтъ временно затихалъ, причемъ

большею частью ѣздили я и Храповицкій. Послѣдній побывалъ на югѣ въ томъ же 1884 году, а съ слѣдующаго года стали ѣздить мы оба, избирая мѣстности по соглашенію между собою, разумѣется, изъ тѣхъ, которыя почему-либо представляли большій интересъ. Мнѣ лично, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пришлось такимъ образомъ поѣздить въ губерніяхъ: саратовской, пензенской, смоленской, курской, кіевской, черниговской, полтавской, екатеринославской, херсонской, въ Бессарабіи и въ Крыму. На каждую экспедицію затрачивалось около мѣсяца.

Распространеніе дѣйствій крестьянскаго банка на новыя группы губерній шло съ каждымъ годомъ впередъ, хотя при этомъ труднѣе становилось подыскивать удачныхъ пресѣдателей для новыхъ банковыхъ отдѣленій. Чиновниковъ было можно набирать сколько угодно, но далеко не такъ легко было находить людей живыхъ и участливыхъ именно къ крестьянскому дѣлу при достаточномъ знакомствѣ съ нимъ. Выборъ же губерній для постепеннаго открытія отдѣленій производился главнымъ образомъ по соображенію сравнительной крестьянской нужды въ землѣ.

Быстрое усиленіе спроса на ссуды привело къ тому, что установленнаго годового размѣра ихъ стало хватать едва на полгода или даже меньше. Понадобились дополнительныя выдачи, на которыя нужно было испрашивать разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ. И въ 1884 году ссудъ выдано было уже на $9^1/_2$ милліоновъ, въ 1885 — почти на 14 милліоновъ, а въ 1886—слишкомъ на 11 милліоновъ рублей.

Такъ какъ дѣятельность банка выражалась въ громадной совокупности разнообразныхъ отдѣльныхъ фактовъ, распространяться о которыхъ было бы неудобно по ихъ объему, то я, вмѣсто того, коснусь здѣсь общихъ, болѣе характерныхъ чертъ его образа дѣйствій.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ явилась необходимость выводить кредитъ банка изъ узко-сословной рамки. Дѣйствіе этого кредита расширялось географически и не успѣло еще охватить многихъ губерній, а между тѣмъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ банкъ уже дѣйствовалъ, оставалось много людей, заслуживавшихъ его помощи, но не имѣвшихъ возможности ее получать. Дѣло въ томъ, что первоначальное „положеніе“ о банкѣ ограничивалось—какъ уже объяснялось выше — самымъ поверхностнымъ, узко-формальнымъ опредѣленіемъ состава его кліентовъ, оставляя при томъ немало недоразумѣній, допускавшихъ различныя толкованія. Ссуды разрѣшалось выдавать „*крестьянамъ* всѣхъ наименованій“, т.-е. не по бытовому, жизненному признаку,

а по признаку формальной сословной приписки. На этомъ основаніи, ссудою могъ пользоваться человѣкъ, фактически вышедшій уже изъ крестьянской среды и только еще не разставшійся съ крестьянскимъ названіемъ,—напр., торговецъ, промышленникъ или даже значительный землевладѣлецъ и т. п.; а съ другой стороны, чистѣйшіе земледѣльцы, живущіе личнымъ хлѣбопашественнымъ трудомъ, подлежали устраненію отъ пользованія банковою помощью только потому, что формально не назывались „крестьянами“. Между тѣмъ, въ экономическомъ отношеніи смыслъ имѣла помощь просто „земледѣльцу“, куда бы онъ ни былъ приписанъ. На коренное измѣненіе постановки дѣла надежды тогда не было и къ ослабленію объясненной ненормальности приходилось идти путемъ частныхъ актовъ, гдѣ можно—достигая административныхъ разъясненій по соглашенію съ другими вѣдомствами, а гдѣ необходимо—ходатайствуя о новыхъ законахъ. Такими способами помощь крестьянскаго банка распространена была на малороссійскихъ казаковъ, башкирскихъ припущенниковъ и нѣкоторыхъ мѣщанъ-земледѣльцевъ, въ томъ числѣ старообрядцевъ и херсонскихъ „десятинщиковъ“ (бывшіе крестьяне, перечисленные въ мѣщане, но оставшіеся земледѣльцами и, вслѣдствіе неполученія надѣла, ведущіе хозяйство на арендованныхъ участкахъ). Не встрѣтили отказовъ и крымскіе татары-земледѣльцы, хотя относительно ихъ и возбуждались сомнѣнія.

Но иначе отнесся банкъ къ притязаніямъ нѣмцевъ-колонистовъ. Эти послѣдніе, будучи очень широко надѣлены землею, постоянно вели свое хозяйство съ помощью массы наемныхъ рабочихъ изъ русскихъ крестьянъ и, владѣя значительными общественными капиталами, скупали еще новыя имѣнія для выселенія туда членовъ своихъ семействъ, чтобы продолжать веденіе хозяйства въ широкихъ размѣрахъ. Формальное препятствіе къ выдачѣ имъ ссудъ было на лицо—они назывались не „крестьянами“, а „поселянами“,—но гораздо важнѣе была существенная сторона дѣла: помогать еще бо̀льшему расширенію ихъ земельныхъ скупокъ значило—закармливать сытыхъ. Колонисты являлись сильными конкуррентами дѣйствительно нуждавшимся въ землѣ покупщикамъ, ищущимъ ея ради насущнаго хлѣба, и добавочное увеличеніе колонистскаго землевладѣнія шло бы въ ущербъ этимъ послѣднимъ, расширяя площадь обработки наемнымъ трудомъ, гдѣ дѣйствуютъ господа и слуги. Конечно, это расходилось съ настоящею задачею крестьянскаго кредита, и потому заботиться объ устраненіи для колонистовъ объясненной выше формальной препоны не было никакой надобности. Коло-

нисты, дѣйствительно, не замедлили протянуть руку къ помощи крестьянскаго банка и получили отказы. Тогда они стали добиваться своей цѣли путемъ жалобъ, доходили даже до сената, но тутъ ихъ притязанія потерпѣли неудачу.

При разсмотрѣніи просьбъ о ссудахъ, банкъ вообще больше благопріятствовалъ покупкамъ малоземельныхъ крестьянъ, чѣмъ имѣющихъ болѣе значительное количество земли, почему и требовалъ отъ отдѣленій, чтобы они, вмѣстѣ со сдѣлками, доставляли возможно точныя свѣдѣнія о размѣрѣ существовавшаго землевладѣнія покупщиковъ. Всякая покупка малоземельныхъ, ставящая ихъ въ положеніе пріобрѣтающихъ „необходимое“, представлялась наиболѣе достигающею искомой цѣли. Основная выгода покупокъ состояла въ томъ, что покупщикъ, пріобрѣтая землю по современной цѣнѣ, избавлялся отъ будущихъ надбавокъ къ цѣнамъ, какія пришлось бы ему оплачивать впослѣдствіи, при покупкѣ или арендованіи той же земли, вслѣдствіе неизбѣжности дальнѣйшаго роста цѣнъ. Иначе сказать, тутъ для покупщика фиксировался платежъ за дорожающую землю, тутъ будущія нарощенія цѣны обращались въ его пользу и возвышающаяся арендная плата замѣнялась для него неизмѣннымъ выкупнымъ платежомъ. Кромѣ того, покупка обезпечивала за покупщикомъ то непрерывное пользованіе землею, котораго онъ не имѣлъ бы при арендованіи, такъ какъ при послѣднемъ люди нерѣдко перебиваютъ землю одинъ у другого, и эта земля легко можетъ переходить отъ нуждающагося къ сытому или къ какому-нибудь промышленнику, или даже вовсе не сдаваться въ аренду, а поступать въ составъ крупнаго хозяйства, орудующаго наемнымъ трудомъ. Купленною землею крестьянинъ можетъ распоряжаться совершенно свободно, застраивая ее когда нужно, обращая одни угодья въ другія и т. п., безъ всякой зависимости отъ воли постороннихъ людей, чего нѣтъ при арендѣ. Для него тутъ обезпечено приложеніе своего труда къ землѣ, тогда какъ, оставаясь при прежнемъ малоземельи, онъ вынуждается чуть не каждый годъ искать съемныхъ участковъ, иногда безуспѣшно, и подвергаться тягостнымъ требованіямъ за каждое даже мелкое пользованіе чужою землею—проѣздъ, выгонъ на убранныхъ поляхъ и т. д., — разстраивая тѣмъ свое хозяйство. Вообще, покупка земли представлялась дающею мужику то самостоятельное хозяйственное положеніе, которое также поддерживаетъ и цѣну его труда, словомъ—въ значительной степени обусловливаетъ его благосостояніе. Однако, есть существенная разница въ достоинствѣ экономическаго порядка между тѣмъ явленіемъ, когда му-

жикъ владѣетъ землею въ „необходимомъ“ для удовлетворительности его хозяйства размѣрѣ, и тѣмъ—когда онъ владѣетъ ею въ избыточномъ, превышающемъ его рабочую силу.

При владѣніи необходимымъ размѣромъ всѣ главные элементы доходности—рента, оплата капитала и рабочая плата—сходятся у мужика въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и какъ бы ни увеличивалась въ окрестности рента за счетъ рабочей платы—эта перемѣна не отразится на мужикѣ такъ чувствительно, какъ при арендѣ или личномъ наймѣ, при которыхъ съ каждымъ годомъ доля владѣльца земли ростетъ, а доля работника становится скуднѣе. Какъ только мужикъ самъ—и владѣлецъ, и рабочій, то ему даже не замѣтно, какая доля его дохода ростетъ на счетъ другой, потому что обѣ онѣ — у него. — Напротивъ, если крестьянинъ, имѣя уже довольно значительное количество земли, купитъ еще столько или больше, то помимо того, что его покупка не вызвана несомнѣнною нуждою—онъ можетъ оказаться не въ состояніи обработывать свое владѣніе собственными силами своей семьи. Тогда онъ самъ станетъ обращаться къ наемному труду или сдавать десятины другимъ крестьянамъ по возвышающейся цѣнѣ, а при этомъ уже существенно измѣнится экономическій смыслъ положенія. На излишкѣ земли этого крестьянина рента и рабочая плата опять разъединятся, и возрастающую ренту станетъ получать онъ самъ, а рабочую плату—его наемный работникъ или съемщикъ, т.-е. мужикъ-владѣлецъ будетъ уже получать выгоду не только отъ собственнаго труда, но и отъ сокращенія вознагражденія работника, которому достанется то же, что получаютъ вообще наемные рабочіе данной мѣстности. Такое явленіе, какъ прибыль на чужомъ трудѣ, конечно, особыхъ симпатій вызывать не могло, хотя и тогда были, и теперь есть сторонники мнѣнія, будто прогрессъ крестьянскаго хозяйства долженъ состоять въ богатѣніи ограниченнаго меньшинства при отсутствіи заботъ объ участіи остальной, преобладающей массы. Стало быть лучше, если состоящій въ наемныхъ работникахъ самъ купитъ себѣ землю, чѣмъ останется въ зависимости отъ своего собрата-нанимателя. Сверхъ того, и рессурсъ, представляемый наличною массою продажныхъ земель, вовсе не такъ былъ великъ, чтобы излишній просторъ покупкамъ сытыхъ не затруднялъ удовлетворенія земельной нужды менѣе состоятельныхъ.

Вотъ почему нельзя было относиться безразлично къ тѣмъ и другимъ. Банкъ не имѣлъ права отказывать въ ссудахъ на одномъ томъ основаніи, что просящіе имѣютъ бо́льшее противъ другихъ крестьянъ количество земли, но для малоземельныхъ, въ

предѣлахъ возможнаго, онъ охотно расширялъ эту помощь повышеніемъ размѣра ссудъ противъ нормальныхъ оцѣнокъ и т. п.

Очень серьезною задачею была критика продажныхъ земельныхъ цѣнъ. Практика въ первые же годы дала почувствовать, что безъ нея обойтись невозможно, такъ какъ регулированіе размѣра однѣхъ ссудъ было явно недостаточно. Величину ссудъ банкъ, конечно, могъ опредѣлять довольно свободно, допуская просимыя или уменьшая ихъ по соображеніямъ о стоимости земли, однако этимъ далеко не разрѣшался вопросъ ни о выгодности, ни о прочности, ни вообще о существенныхъ послѣдствіяхъ покупокъ, также какъ и объ охранѣ интересовъ самаго банка, потому что ссуда и продажная цѣна—предметы очень различные. У продавцовъ, какъ уже объяснялось выше, сразу проявилась настойчивая тенденція возвышать цѣны взапуски, чтобы обратить банковую дѣятельность въ источникъ своихъ новыхъ односторонних выгодъ, а крестьяне, большею частью, не умѣли твердо устаивать противъ этой тенденціи. Слишкомъ соблазняясь перспективою скораго полученія желанной земли и надѣясь на уплату банковыми суммами, они нерѣдко плохо соображали, сколько имъ придется потомъ платить и въ состояніи ли они будутъ вынести эти платежи изъ земельной доходности. Бывали и другія причины крестьянской податливости требованіямъ высокихъ цѣнъ, только распространяться о нихъ здѣсь не буду. Какъ бы то ни было, въ результатѣ, совѣтъ банка часто получалъ сдѣлки съ такими преувеличенными цѣнами, которыя совсѣмъ не согласовались ни со свѣдѣніями о качествѣ и доходности продаваемой земли, ни съ цѣнами по предыдущимъ сдѣлкамъ о такихъ же или даже лучшихъ земляхъ. Параллельно цѣнамъ шло и возвышеніе просимыхъ ссудъ. Тутъ бывало ясно, что покупка на предположенныхъ условіяхъ не устоитъ: крестьяне не выдержатъ платежей и за недоимки лишатся какъ земли, такъ и всего того, что отдадутъ продавцу изъ своихъ собственныхъ средствъ. Что же тутъ оставалось дѣлать? Дать просимую ссуду—значило отказаться отъ ея обезпеченія, втянувъ крестьянъ въ невыгодное дѣло; а уменьшить только одну ссуду — значитъ увеличить разницу между нею и продажною цѣною, т.-е. увеличить доплату изъ собственныхъ средствъ крестьянъ, что поставитъ послѣднихъ въ еще худшее положеніе или прямо введетъ ихъ въ разореніе. Да и интересы самаго банка тутъ неизбѣжно бы страдали, потому что крестьянскія неустойки, ведя къ умноженію принудительныхъ земельныхъ продажъ, увеличиваютъ рискъ банковыхъ потерь на торгахъ. Совсѣмъ же отказывать въ ссу-

дахъ значило бы разстраивать и такія сдѣлки, которыя могли бы состояться съ пользою при согласіи продавцовъ уменьшить свой запросъ, тогда какъ это согласіе было вѣроятно во многихъ случаяхъ. Игнорировать подобныя перспективы было нельзя, если только не относиться къ дѣлу съ казенною безучастностью. Лучшимъ выходомъ представлялось — коснуться самой продажной цѣны, согласивъ продавца понизить ее на столько, чтобы и уменьшенная ссуда являлась не рискованною, и крестьянская доплата не увеличивалась или даже вовсе не была нужною. Для подобныхъ предложеній продавцамъ имѣлся и формальный поводъ—охрана отъ убытковъ самаго банка. Такъ возникъ обычай, при обременительности цѣнъ, рѣшать условно: если продавецъ понизитъ цѣну — разрѣшить ссуду, а въ противномъ случаѣ — отказать въ ней. Правда, примѣненіе этого пріема не всегда приводило къ успѣху, однако и при неудачѣ дѣло выходило не хуже, чѣмъ еслибы банкъ совсѣмъ не затрогивалъ продажныхъ цѣнъ, ограничиваясь обсужденіемъ только размѣра ссудъ.

Соглашенія съ продавцами болѣе успѣшны бывали, когда продавецъ лично являлся въ совѣтъ банка. Когда, бывало, объяснишь ему, почему пониженіе цѣны необходимо и какія у насъ имѣются свѣдѣнія о мѣстной земельной доходности и цѣнахъ, а также, что въ случаѣ его несогласія встрѣтятся затрудненія къ выдачѣ просимой ссуды, то въ результатѣ переговоровъ часто оказывалось, что назначенная имъ цѣна выражала только запросъ — авось-де банкъ и такъ разрѣшитъ. Иногда оказывалось, что высокая цѣна поставлена управляющимъ или повѣреннымъ продавца, а самъ продавецъ вовсе не такъ прижимистъ. Нерѣдко послѣ получасового разговора продавецъ вполнѣ соглашался на предложенныя условія и тутъ же писалъ формальное заявленіе о согласіи на пониженіе цѣны. Съ другими переговоры то прерывались, то возобновлялись по два и по три раза, но послѣ нѣсколькихъ частичныхъ уступокъ приводили къ такому же исходу. Труднѣе шло дѣло, когда, за отсутствіемъ продавца въ Петербургѣ, заключенія о необходимости уменьшенія цѣнъ сообщались мѣстнымъ отдѣленіямъ банка, съ порученіемъ имъ самимъ вести переговоры съ продавцами. — Но иные изъ продавцовъ и тутъ вели себя лукаво. Давъ формальное согласіе на сбавку въ цѣнѣ, такіе норовили, прежде совершенія купчей крѣпости, тайно отъ банка, сорвать съ крестьянъ, деньгами или обязательствами, излишекъ противъ той уменьшенной цѣны, на которую они оффиціально согласились. То-есть, на бумагѣ значилось, что земля продана за такую-то цѣну, а въ дѣйствительности продавецъ

взялъ больше, хотя по „Положенію“ требовалось, чтобы банку въ точности были открыты какъ цѣна, такъ и ссуда и порядокъ уплаты разницы между тою и другою; иныхъ же способовъ приплаты, неизвѣстныхъ банку, „Положеніе“ и не предусматривало. Такого рода обходы тоже удавались нерѣдко. Приведу здѣсь для образца одинъ характерный случай грубой продѣлки со стороны продавца.

Смоленскій помѣщикъ С—ій по нѣсколькимъ сдѣлкамъ продавалъ землю разнымъ деревнямъ, за высокія цѣны, и самъ явился въ совѣтъ банка съ усиленными просьбами о скорѣйшемъ разрѣшеніи ссудъ. Помѣщикъ этотъ пользовался очень незавидною репутаціею, въ смыслѣ недобросовѣстнаго дѣльца; съ нимъ нужна была особенная осторожность въ дѣлахъ, и такое же впечатлѣніе производили какъ условія его сдѣлокъ, такъ и личныя съ нимъ объясненія. Онъ упорно торговался за каждый рубль на десятину, но наконецъ согласился на предложенную сбавку. А такъ какъ въ происходившемъ съ нимъ разговорѣ пришлось, между прочимъ, коснуться того, что нѣкоторые продавцы пытаются, секретно отъ банка, брать съ крестьянъ, кромѣ показанныхъ суммъ, еще денежныя обязательства, фактически увеличивающія цѣны, то С—ій, давая честное слово, что онъ ни къ чему подобному не способенъ, для устраненія всякихъ сомнѣній согласился и на формальную въ томъ гарантію. Онъ выдалъ подписку, что, соглашаясь на пониженіе цѣнъ, не станетъ брать отъ крестьянъ ни добавочныхъ денегъ, ни обязательствъ, и еслибы впослѣдствіи оказались какія бы то ни было крестьянскія денежныя обязательства въ его пользу, выданныя до совершенія купчей крѣпости, то онъ, С—ій, объявляетъ ихъ недѣйствительными, отказываясь отъ всякаго по нимъ полученія. Казалось бы—полная гарантія на лицо. Ссуды были разрѣшены, земли куплены, но С—ій ничуть не затруднился ни своимъ честнымъ словомъ, ни подпискою. Года два или три послѣ того, объѣзжая нѣкоторыя мѣстности смоленской губерніи, попалъ я въ окрестность земельныхъ покупокъ у С—го. За одною изъ купившихъ у него деревень образовалась довольно значительная недоимка, рѣзко отличавшая эту деревню, такъ какъ платежи банку въ широкой округѣ поступали вообще исправно. Разспрашивая крестьянъ о причинахъ недоимки, я отъ нихъ услышалъ:—„Трудно было выплатиться, потому что у насъ подошелъ платежъ Миколаю Михайловичу“.—Какой такой платежъ? Вѣдь Николаю Михайловичу С—му ничего отъ васъ не слѣдовало.—„Какъ не слѣдовало? А по векселямъ!“—По какимъ векселямъ?—Крестьяне по-

дают мнѣ нѣсколько оплаченныхъ и надорванныхъ обязательствъ— и что же оказывается? С—ій, послѣ своей подписки и честнаго слова, успѣлъ опутать крестьянъ, скрылъ отъ нихъ сдѣланную уступку въ цѣнѣ и взялъ нѣсколько платежныхъ обязательствъ на разные сроки, послѣ чего по нѣкоторымъ и деньги успѣлъ получить. Что тутъ можно было сдѣлать? Только выдать крестьянамъ копію его подписки, чтобы они могли ею защищаться, когда онъ вздумаетъ требовать по еще невыплаченнымъ обязательствамъ. Проѣхалъ я изъ этой деревни въ волостное правленіе, а тамъ встрѣчаетъ меня съ любезными улыбками самъ С—ій, разспрашиваетъ, что я нашелъ въ деревнѣ, и приглашаетъ въ свой домъ завтракать. — Нашелъ я плохо,—отвѣчаю я, — и всего хуже, что вы, несмотря на свою подписку, взяли съ крестьянъ обязательства и взыскали по нимъ деньги, а изъ за этого вышла недоимка.—„Помилуйте, какъ это можно! — съ наивнымъ видомъ возражаетъ С—ій:—это вамъ мужики неправильно наговорили. Неужели вы такъ дурно можете обо мнѣ думать, что считаете меня способнымъ на такой поступокъ! Я свое слово всегда держу, и ваше недовѣріе для меня даже обидно!“—Какъ же прикажете думать, когда я своими глазами видѣлъ и въ рукахъ держалъ тѣ самыя обязательства, по которымъ вы успѣли уже деньги получить?—отвѣтилъ я. Тутъ только С—ій смѣшался и конфузливо пробормоталъ:—„Такъ я ужъ и самъ не знаю, какъ это случилось“... Завтракъ не состоялся, мы еще нѣсколько минутъ поглядѣли другъ на друга въ натянутомъ молчаніи, и затѣмъ я уѣхалъ.

Подобныхъ попытокъ къ обходу ставимыхъ банкомъ условій было немало, и трудно было предотвращать ихъ, какъ вообще трудно бороться съ обманами, подлогами и т. под., при недостаткѣ силъ. Иныя изъ нихъ удавались, другія во-время были обнаруживаемы и парализуемы; въ остальныхъ случаяхъ уменьшенія цѣнъ продавцы не нарушали принятыхъ ими условій. Нѣтъ, конечно, возможности и приблизительно учесть, какихъ примѣровъ и насколько было больше, однако все же результатъ былъ тотъ, что гдѣ сбавка вполнѣ осуществлялась, тамъ получалась польза, а гдѣ удавались обманы, тамъ крестьяне секретно выплачивали собственно то, что при невмѣшательствѣ въ цѣны было бы взято съ нихъ гласно; стало быть, въ итогѣ все-таки выходилъ плюсъ.

Зато и негодовали же на банкъ охотники прихватить съ крестьянъ лишнее. И въ своихъ заявленіяхъ, и въ жалобахъ на совѣтъ они выѣзжали на эффектѣ, что банкъ-де нарушаетъ ихъ

право собственности, такъ какъ всякій продавецъ имѣетъ право назначать своей землѣ какую угодно цѣну. Не додумывались они только до того, что никто не мѣшалъ имъ продавать кому угодно и почемъ угодно помимо банка, но у банка тоже есть право оберегать свой интересъ, а потому обусловливать свое участіе въ дѣлѣ тѣмъ, что̀ ограждаетъ его отъ убытковъ и не идетъ вразрѣзъ съ его назначеніемъ. Впрочемъ, понятія о правѣ банка входить въ критику продажныхъ условій бывали тогда сбивчивы и въ оффиціальныхъ сферахъ, гдѣ иногда не только эту критику, но и отданіе предпочтенія малоземельнымъ крестьянамъ предъ сытыми считали своего рода ересью, чуть не политическаго характера, или предметомъ спорнымъ. Держась точки зрѣнія подобныхъ понятій, банкъ долженъ былъ бы относиться съ узкоформальнымъ бездушіемъ ко всякимъ сдѣлкамъ, безразлично ко всякимъ кліентамъ, и раздавать ссуды при всякихъ условіяхъ, сознательно закрывая глаза на то, что̀ изъ этого выйдетъ. Онъ долженъ былъ становиться покорнымъ орудіемъ даже явно эксплоататорскихъ опытовъ. Уменьшай, пожалуй, ссуды, но какъ бы ни разорялись крестьяне приплатами, какъ бы ни умножались оттого случаи продажи земли съ торговъ и банковые убытки—это пусть себѣ будетъ, какъ будетъ. Поводъ къ такимъ понятіямъ, кромѣ недостатка близкаго знакомства съ дѣломъ, давало отсутствіе вполнѣ точныхъ указаній въ поверхностной редакціи „Положенія“, и лишь нескоро послѣ того, при изданіи новаго банковаго устава, право критики продажныхъ условій было уже выражено формально. Но когда сдерживаніе продажныхъ цѣнъ получило ясную формальную почву—отъ него, при дѣйствіи новыхъ вѣяній, стала отступать сама банковая практика.

Приходилось банку подвергаться нареканіямъ и со стороны тогдашней печати, да не только ретроградной, преслѣдовавшей узкія одностороннія цѣли, но даже сочувствовавшей дѣйствительному улучшенію состоянія крестьянской массы. Со стороны ретроградовъ это было совершенно понятно, но въ основѣ нареканій сочувствовавшей печати были существенныя недоглядки и недоразумѣнія. Здѣсь банкъ порицали за то, что онъ, критикуя продажныя цѣны, принималъ тѣмъ на себя своего рода опеку надъ крестьянскимъ согласіемъ на цѣны, но еще больше—за допущеніе крестьянскихъ приплатъ къ ссудамъ. Критика цѣнъ отвергалась на основаніи банальнаго положенія, что крестьяне-де лучше банка могутъ судить о томъ, дорога ли для нихъ покупка и смогутъ ли они выдержать платежи по ней и получить выгоду. Между тѣмъ, недостатокъ крестьянской осторожности

при соглашеніяхъ о цѣнахъ бывалъ слишкомъ очевиденъ, и надо было быть совсѣмъ слѣпымъ, чтобы безусловно полагаться на эту осторожность. Легко было совѣтовать на бумагѣ, ничѣмъ не отвѣчая, но далеко не таково было положеніе учрежденія, чувствовавшаго, что отъ каждаго его дѣйствія зависитъ серьезный практическій результатъ, въ томъ или другомъ углу сельскаго міра. Конечно, не могло оно тутъ отказываться отъ собственнаго сужденія.

Что же касается доплатъ къ ссудамъ, то онѣ бывали неотвратимы въ большинствѣ случаевъ. Банкъ, въ описываемое время, вовсе не стремился къ тому, чтобы вездѣ непремѣнно были доплаты. Напротивъ, ему гораздо пріятнѣе были покупки за умѣренную цѣну совсѣмъ безъ доплатъ, т.-е. разсчетливую цѣну онъ охотно готовъ былъ выдавать ссудою, въ полной мѣрѣ. Но помимо того, что крестьяне очень часто соглашались на доплаты при самомъ составленіи покупныхъ сдѣлокъ и послѣднія поступали въ банкъ уже въ такомъ видѣ—доплаты во многихъ случаяхъ вызывались самымъ существомъ дѣла. Напримѣръ, законъ ставилъ высшимъ предѣломъ ссуды 500 рублей на дворъ или 125 рублей на душу; слѣдовательно, гдѣ крестьяне покупали на бо́льшую сумму—избытокъ цѣны надъ этимъ предѣломъ неизбѣжно обращался въ доплату изъ ихъ собственныхъ средствъ. Въ иныя покупки входили лѣсные участки, причемъ стоимость деревьевъ составляла значительную часть цѣны, а такъ какъ лѣсъ могъ быть быстро вырубленъ съ обезцѣненіемъ покупки, то его стоимость не могла быть включаема въ составъ долгосрочной ссуды,—значитъ, опять часть цѣны должна была покрываться доплатою, и т. д. Всѣ объяснительные примѣры даже перечислить очень трудно. Относительно же неосложненныхъ подобными условіями покупокъ дѣло вообще представлялось такъ. Продажная цѣна составляется изъ двухъ слагаемыхъ: ссуды и доплаты. Ссуда должна быть обезпечена и, во всякомъ случаѣ, не превышать стоимости земли—иначе кредитъ будетъ не поземельный, а какой-то неопредѣленный и очень рискованный; стало быть, просимыя ссуды не могутъ не подвергаться критикѣ и—гдѣ нужно—сокращенію; но если при уменьшеніи ссуды сохранять продажную цѣну, то тѣмъ самымъ увеличивается доплата, а если не допускать увеличенія доплаты, то нельзя не понизить продажной цѣны. Такимъ образомъ, совмѣщеніе требованій неприкосновенности продажныхъ цѣнъ и недопущенія сколько-нибудь значительныхъ доплатъ равнялось требованію уменьшать слагаемыя безъ измѣненія суммы, т.-е. совершать невозможное ариѳметиче-

ское дѣйствіе.—Значитъ, слѣдуя совѣтамъ, оставалось бы или совсѣмъ отказывать въ ссудахъ по сдѣлкамъ съ доплатами—что было бы уже слишкомъ рѣшительно и самоувѣренно,—или же постоянно возвышать ссуды до полнаго размѣра продажныхъ цѣнъ, уже безъ всякой оглядки на стоимость земли, не считаясь ни съ правилами и оцѣнками, ни даже съ размѣромъ того, о чемъ просятъ. Но это послѣднее, помимо вопроса о законности, повело бы къ такой быстрой распущенности земельныхъ цѣнъ, которая, въ корнѣ убивая выгодность покупокъ, выбивая банкъ изъ всякаго разсчета и ставя его на очень опасный путь, благопріятствовала бы только спекуляціямъ продавцовъ и грубымъ злоупотребленіямъ. Недостатокъ критики цѣнъ въ позднѣйшее время и привелъ къ непомѣрному ихъ росту,—и тогда, вмѣстѣ съ этими цѣнами, пошло уже возвышеніе и ссудъ, и доплатъ. Въ описываемое же время банкъ, не закрывая глазъ на существенную сторону дѣла, не бралъ также на себя стѣснять сдѣлки изъ-за однѣхъ доплатъ, когда онѣ не представлялись непосильными.

Слишкомъ много мѣста заняло бы подробное объясненіе отношеній банка къ встрѣчавшимся ему вопросамъ и изображеніе иллюстрирующихъ примѣровъ, а потому ограничиваюсь приведенными главными чертами означенныхъ отношеній.—Теперь надо обратиться къ тому, какъ отражалась дѣятельность банка въ самой средѣ пользовавшихся его помощью крестьянъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ВЪ ПОРОГАХЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Былъ свѣтлый майскій день.

Одѣтый яркою молодою листвой садовъ и палисадниковъ, не успѣвшій еще погрузиться въ пыль и духоту, нашъ уѣздный городъ смотрѣлъ весело и чистенько, благоухая носившимся въ воздухѣ весеннимъ ароматомъ.

Въ общественномъ клубѣ,—красное кирпичное зданіе котораго занимало уголъ площади и главной, Соборной улицы,—только-что кончилось экстренное свиданіе предводителя съ земскими дѣятелями. Въ просторной залѣ съ большими окнами, съ хорами въ заднемъ концѣ, курила и спорила кучка дворянъ... Впрочемъ, спорили всего двое; остальные прислушивались, переглядывались, хмуря важно брови, и по временамъ кивали неопредѣленно головами.

Одинъ изъ спорившихъ, Бельтищевъ, былъ красивый, не старый еще, стройный и подвижной брюнетъ съ остренькою бородкой, отставной гвардейскій артиллеристъ.

— Свободное развитіе общественнаго мнѣнія, — говорилъ онъ,—приложеніе общественной дѣятельности, публичное выраженіе мыслей, научная критика—все это такіе же предметы первой необходимости, какъ для человѣка воздухъ, вода! Безъ этого немыслимо нормальное существованіе общества, а слѣдовательно и государства! Безъ этого всякій общественный органъ—трупъ!..

— Да я-жъ повторяю: въ предѣлахъ, указываемыхъ законами!.. Признаете вы законы или нѣтъ? — возразилъ помѣщикъ Платоновъ, очень полный, лысый мужчина съ круглымъ краснымъ лицомъ и нафабренными усами.

— Я признаю, что законы составляютъ основу правъ и обязанностей гражданскихъ!—отвѣтилъ Бельтищевъ, сдерживая клокотавшее въ немъ чисто юношеское возбужденіе. — Но если законы эти частію или вполнѣ отжили? Если назрѣли новыя нужды, потребности... выяснились всякія насущности? Не долгъ ли гражданъ констатировать?..

— Нѣтъ-съ! Это дѣло правительства, власти!

— Но какимъ образомъ можетъ власть провѣдать о нуждахъ? „Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ“...

— У власти существуютъ посредствующіе органы!

— И въ ихъ числѣ: земство, дворянство!

Споръ продолжался.

У одного изъ оконъ, куря задумчиво папироску, стоялъ предводитель, Артемій Петровичъ Ветлугинъ, человѣкъ уже пожилой, но удивительно сохранившійся. Въ его высокой, худощавой фигурѣ видѣлась изысканность безъ принужденія; волнистые сѣдоватые волосы раздѣлялъ англійскій проборъ чрезъ всю голову; гладко-выбритый подбородокъ подпирали прямые высокіе воротнички.

Сдѣлавъ требовавшееся сообщеніе, онъ считалъ роль свою оконченною и не вступалъ преднамѣренно въ разговоръ, хотя Платоновъ, оттопыривая свои толстыя, красныя губы, выкрикивалъ особенно отчетливо нѣкоторыя фразы и подчеркивалъ словечки, назначавшіяся, видимо, затронуть предводителя, противникомъ политики котораго онъ былъ.

— Раціональная дѣятельность немыслима безъ иниціативы!— раздался возгласъ Бельтищева.

— Какая, кому иниціатива можетъ быть надобна? въ чемъ-съ?! Все указывается предначертаніями!—выкрикнулъ Платоновъ.

Бельтищевъ не отвѣчалъ.

Запустивъ руки въ карманы панталонъ и нервно подергивая плечами, онъ сталъ быстро прохаживаться около стола.

Платоновъ послѣдилъ за нимъ взглядомъ; потомъ,—заключая, что умолкнувшій противникъ выбитъ окончательно изъ позиціи,— вскинулъ высоко голову со сползшими съ затылка косицами зачеса и выплылъ изъ залы въ буфетъ.

Пришелъ письмоводитель дворянской опеки, Лука Лукичъ Модестовъ, и принесъ бумаги.

Ветлугинъ сталъ подписывать, присѣвъ къ столу.

Модестовъ—небольшого роста, полненькій мужчина среднихъ лѣтъ, съ бритымъ лицомъ и въ мундирномъ фракѣ,—досталъ изъ жилетнаго кармана серебряную съ чернью табакерочку, отвернулся и нюхнулъ изъ-подъ локтя.

— Когда ожидать васъ теперь?—освѣдомился онъ, смаргивая выступившія слезинки.

— Не раньше конца слѣдующей недѣли. Но съ неотложнымъ прошу васъ въ Ртищево,—отвѣтилъ Ветлугинъ.

Село Ртищево было помѣстье—резиденція, куда онъ и готовился отправиться. У подъѣзда уже порывалась нетерпѣливо и „шалила“, роняя пѣну съ удилъ, пара кровныхъ гнѣдыхъ, запряженная въ вѣнскую дорожную коляску.

Предводительствуя, Ветлугинъ не полагался всецѣло на дѣятелей, не ограничивался почетною ролью предсѣдателя, а хотѣлъ и умѣлъ работать. Поѣздки его въ городъ были поэтому нерѣдки и всегда затягивались. Теперь провелъ онъ въ городѣ цѣлыхъ четыре дня, но могъ быть увѣренъ, что дѣловой, исполнительный Модестовъ, состоявшій также личнымъ предводительскимъ секретаремъ, не замедлитъ появиться съ докладами и въ Ртищевѣ.

II.

Миновавъ длинную пригородную слободу, кишѣвшую крикливыми полуодѣтыми дѣтьми, и взобравшись на изволокъ, коляска безшумно покатила по прямой, гладкой дорогѣ. Впереди, точно парадные скороходы, мчались высокіе завитки пыли, поднимаемые попутнымъ вѣтромъ...

Въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, сіялъ золотыми маковками церкви и придѣловъ богатый Тихвинскій женскій монастырь, виднѣлось село Красные-Пеньки съ окруженною деревьями господскою усадьбой и съ проворно махавшею крыльями вѣтряною мельницей у околицы; тутъ же, выказываясь изъ-за монастырской рощи, сверкала извивами быстрая, неширокая рѣчка Пехорка, уходившая стороною дороги въ даль, гдѣ отчетливо виднѣлось на крутомъ берегу большое торговое село Бабино.

До Ртищева считалось отъ города верстъ двадцать.

Отецъ Ветлугина — типъ паркетнаго кавалера былыхъ временъ—провелъ молодость, блистая въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ; а потомъ, овдовѣвъ и уманвшись, перешелъ на положеніе губернскаго туза-хлѣбосола. Прозвучавшее вскорѣ великое слово:

„Свобода!“—удивило старика и какъ бы напугало. Онъ не понялъ этого слова, не отозвался на него, но и не озлобился, не сталъ въ ряды своекорыстныхъ крѣпостниковъ. Отъ начавшей закипать своеобразной новизны онъ посторонился — щепетильно и съ достоинствомъ, какъ сторонился отъ всего несвѣтскаго,— и продолжалъ, по инерціи, хранить дореформенный барственный декорумъ, величаться, хлѣбосольствовать, держать собственныхъ музыкантовъ, пока вульгарный подстерегавшій „кондрашка“ не положилъ конецъ недоразумѣнію...

Единственный сынъ, Артюша, былъ зачисленъ еще ребенкомъ въ пажи. Но случилось, что крестный отецъ его быстро подвинулся по дипломатической дорогѣ, и это рѣшило дальнѣйшую судьбу крестника.

Состоя при министерствѣ, обладая средствами, связями, умный, красивый Ветлугинъ принялся-было также блистать въ гостиныхъ, прожигать жизнь, волочиться, но вскорѣ — къ счастью своему — оступился, попалъ въ любовныя сѣти... Въ нихъ поймала его, попавшись и сама, юная грузинская княжна Нина Ираклiевна, дѣлавшая первые шаги свои въ свѣтѣ.

Вѣсть о смерти отца застала Ветлугина уже заграницей — семьяниномъ, выдвинувшимся дипломатомъ и въ генеральскомъ чинѣ. Его ждалъ видный самостоятельный постъ; но случившееся ставило на первый планъ новые интересы, звало разобраться въ дѣлахъ, открывало путь къ дѣятельности въ родной обновлявшейся дѣйствительности. Ветлугинъ колебался недолго. Новая миссiя окрылила его, представилась ему великою, священною; увидѣлась цѣль, отвѣчавшая его честнымъ, просвѣщеннымъ взглядамъ, стремленiямъ... Онъ простился съ дипломатическою карьерой, предпочелъ видному посту на чужбинѣ ничтожную, безпокойную долю земца въ родномъ к—скомъ уѣздѣ.

Польщенное, а еще больше удивленное дворянство приняло своего блуднаго сына съ распростертыми объятiями и поднесло ему при наступившихъ вскорѣ выборахъ единогласно званiе предводителя. Вмѣстѣ съ этимъ Ветлугинъ сталъ предсѣдателемъ земской управы, губернскимъ гласнымъ.

И потянулись годы непрерывныхъ, нескончаемыхъ, всегда спѣшныхъ трудовъ... Для себя—слѣдовало выбраться изъ нешуточной экономической путаницы, создавшейся за время барственнаго владычества отца... Для уѣзда, погрязавшаго въ консервативной путаницѣ,—требовалось выяснить дѣйствительныя задачи, установить должные взгляды, создать правильную оппозицiю... Миссiя оказывалась слишкомъ сложною. Сдѣлать требовалось

слишкомъ много. Силъ придавали только убѣжденность и самоотверженность, готовность служить общему благу не за страхъ, а за совѣсть...

III.

Показались ртищевскія поля... пространство лѣса, разбитаго просѣками на участки... Выступила изъ-за пригорка усадьба съ зеленѣвшимъ паркомъ, съ желѣзными крышами службъ... Блеснулъ въ мягкихъ алыхъ лучахъ уже спускавшагося солнца широкій разливъ пруда...

По луговинѣ шли навстрѣчу Нина Иракліевна и англичанка миссъ Кэрби, бывшая гувернантка дочерей,—особа очень высокаго роста, худощавая, съ рыжими локонами.

Кучеръ придержалъ лошадей.

— Гдѣ же Кэтъ? здорова она?—спросилъ Ветлугинъ, здороваясь съ дамами.

Такъ звалась, на англійскій манеръ, младшая дочь, Катерина. Старшая, Вѣра, была уже замужемъ за помѣщикомъ сосѣдняго уѣзда, Юрловымъ.

— Она гоститъ у Вѣры, — отвѣтила Нина Иракліевна. — Григорій Васильевичъ въ „губернію“ поѣхалъ.

— Скачки начались тамъ?

— Ахъ, что ты! По дѣламъ, конечно...

— Дѣла ширятся, значитъ?..

Тонкая иронія чувствовалась въ его словахъ. Нина Иракліевна помолчала, потомъ сказала, перемѣняя разговоръ:

— Я еще вчера ждала тебя.

— Какимъ образомъ? Вчера засѣданіе въ управѣ было; а сегодня—собраніе въ клубѣ...

— Ахъ, да! Ну, что же? Разсказывай!

Они направились къ усадьбѣ прямо чрезъ луговину. Миссъ Кэрби тактично отдалилась и пошла стороной, разыскивая ландыши подъ кустиками.

— Я передалъ о всемъ подробно... указалъ на невозможность самой дѣятельности при такихъ условіяхъ, — сталъ говорить Ветлугинъ.—Слѣдовало ожидать, что люди объединятся, выскажутся... сознаютъ неизбѣжность стойкой защиты своихъ правъ... А вышло ни то, ни сё...

Дѣло касалось укоренявшагося административнаго произвола. К—скіе либеральные дѣятели изнывали подъ неумолимымъ губернаторскимъ veto, постигавшимъ ихъ на каждомъ шагу; это

поощряло консерваторовъ, и они не стѣснялись отдаваться самой неприличной разнузданности, не останавливались ни предъ какимъ безправіемъ. Ветлугинъ спорилъ съ губернаторомъ, относился, пользуясь случаями, самъ въ подлежащія министерства, но все было напрасно. Въ виду скопившихся вопросовъ, надобностей, недоразумѣній, онъ отправился самъ въ Петербургъ. Поѣздка не удалась: на борьбу съ администраціей взглянули косо, точно на „крамолу“ какую-то; столичнымъ циркулярамъ, губернаторскому veto назначалось торжествовать надъ правдой, надъ законами... Это должно было вызвать кризисъ, понудить даже умѣренныхъ либераловъ на энергическій протестъ; а между тѣмъ все свелось лишь къ шуму да спору... Оказалось и еще одно, что̀ переносилъ Ветлугинъ съ горечью и о чемъ не упоминалъ теперь предъ женой: въ либеральномъ tutti онъ не могъ не подмѣтить какъ бы недовѣрія лично къ нему — точно къ плохому адвокату, не сумѣвшему выиграть въ Петербургѣ вѣрное дѣло...

Все еще красивая, съ умнымъ, выразительнымъ взглядомъ, съ слабо подобранными подъ гребень прядями черныхъ кудрей, уже замѣтно серебрившихся на вискахъ, Нина Иракліевна слушала, держа въ полуоборотъ къ мужу овальное смугловатое лицо, напоминавшее правильностью линій рельефъ камеи.

— Платоновъ былъ?—спросила она.

— Еще бы!.. И, разумѣется, торжествовалъ, что все выходитъ по *его*, какъ *онъ* предвидѣлъ... Точно суть—въ какомъ-то дешевомъ предвидѣніи, а не въ томъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать, къ чему стремиться!.. Да, Бельтищевъ низко-низко кланяется тебѣ!

— И онъ былъ? Отчего ты не привезъ его?

— Нельзя ему: образцовымъ хозяйствомъ своимъ поглощенъ...

Положеніе Сергѣя Данилыча Бельтищева имѣло много общаго съ Ветлугинскимъ, и они какъ бы въ союзѣ состояли. Онъ также поставилъ личное ниже общественнаго, предпочелъ деревню служебному поприщу, увлекшись миссіей народническаго характера. Въ своемъ многоземельномъ имѣніи, селѣ Высокомъ, онъ устраивалъ образцовое хозяйство съ поставленнымъ въ либеральныя рамки вольно-наемнымъ трудомъ, съ усовершенствованными орудіями, раздавалъ крестьянамъ плужки-модели, премированныя сѣмена,—довольствуясь, вмѣсто выгодъ, афоризмами, что „лучше не имѣть дохода, чѣмъ извлекать его изъ неблагополучія другихъ“, что „дворянство само испекло дурной порядокъ вещей, само должно и кушать“... Всегда оживленный, подвижной, съ звонкимъ, точно юношескимъ, голосомъ, съ мѣткимъ, правдивымъ словомъ наготовѣ, онъ не упускалъ случая появиться въ клуб-

ной залѣ, служившей обычнымъ мѣстомъ дѣловыхъ свиданій предводителя съ дѣятелями уѣзда, и былъ неутомимымъ борцомъ въ схваткахъ съ консерваторами.

IV.

Село Красные-Пеньки казалось какъ бы вымершимъ. Недвижимый, палящій полуденный зной заставилъ всѣхъ примолкнуть и попрятаться. Даже собаки не интересовались ничѣмъ и покоились врастяжку подъ воротами, лишь щелкая по временамъ зубами въ напрасной ловлѣ увертливыхъ, надоѣдливыхъ мухъ; а куры млѣли сонливо подъ плетнями въ своихъ ямкахъ среди высокихъ, тѣнистыхъ кустовъ крапивы, чернобыльника.

Только на задахъ мелькала, приближаясь, статная фигура мужчины въ военной фуражкѣ и съ двустволкою за плечами.

Это былъ самъ владѣлецъ, отставной уланскій корнетъ Матвѣй Николаевичъ Ступинъ, возвращавшійся съ охоты. За нимъ подвигалась пѣгая лягавая собака, останавливаясь, скусывая какую-то надобную ей травку и догоняя хозяина рысцой.

Усадьба, когда подошелъ Ступинъ, тоже не подавала признаковъ жизни—рабочіе пользовались послѣобѣденнымъ роздыхомъ на сѣновалѣ; въ длинномъ, двухъ-этажномъ домѣ съ каріатидами, подпиравшими балконъ, были притворены ставни на солнечной сторонѣ.

На крыльцѣ, держась прямо на стулѣ, вязала чулокъ пожилая женщина съ нѣсколько строгими чертами умнаго лица, одѣтая въ темненькій ситцевый капотъ и въ повязкѣ.

Звали ее Антоновной.

Ступинъ радостно похвалился предъ нею удачливою охотой. Явившійся старичокъ-поваръ Лаврентій, въ бѣломъ пикейномъ колпакѣ, принялъ ягдташъ, гдѣ пестрѣла, между прочимъ, красивая спинка селезня; дѣвочка-подростокъ Маша, служившая за горничную, вынесла стулъ на крыльцо.

Ступинъ присѣлъ, чувствуя пріятную истому намаявшагося человѣка, и закурилъ папиросу.

Прошло нѣсколько минутъ. Антоновна продолжала вязать, двигая увѣренно пальцами, спицы правильно мелькали; потомъ она опустила вязанье на колѣни и посмотрѣла предъ собою—на старую, вѣтвистую липу, осѣнявшую уголъ дома и крыльцо, на длинную улицу села съ низенькою деревянною церковью въ концѣ, съ бревенчатымъ „зданіемъ“ волостного правленія.

— Лѣсникъ Аггей былъ,—заговорила она:—сказывалъ, что онъ Терентія Куликова на порубкѣ поймалъ, а вы отпустить велѣли...

— Да, да!—воскликнулъ оживленно Ступинъ.—Лѣсомъ даве́ча проходилъ я и наткнулся на нихъ... Терентій плакалъ даже, несчастный!

— Дерево-то срубленное зачѣмъ отдали вы ему?

— Когда нужда у него!

— Вы не солнышко: всѣхъ не пригрѣете...

— А ты сама подаешь же бѣднымъ!

— То бѣдный, и ему копѣйку подашь. А лѣсъ можно ли раздавать...

Ступинъ не возразилъ.

Онъ сознавалъ правду ея словъ, но чувствовалъ и свою правоту. Антоновна продолжала, подумавъ и почесавъ спицей за ухомъ:

— Терентій, или другіе тамъ, несчастными кажутся вамъ... и оно точно, правда... А отчего несчастіе ихъ, если спросить? Оттого, что и кабакъ, и городъ—подъ бокомъ у нихъ!.. Этотъ самый Терентій такъ нахлестался прошлою весной въ городѣ, на базарѣ, что не почувствовалъ, какъ дорогой ногу ему колесомъ до кости протерло... Потомъ, извѣстно, пролежалъ въ больницѣ въ земской до самой зимы, отъ несчастія такого, а жена всячески убивалась, чтобъ въ полѣ управиться и дѣтей прокормить... Найдется и за прочими довольно... Покойный Николай Ѳедотычъ, по добротѣ своей, наградилъ ихъ—всего въ собственность далъ больше, чѣмъ по закону приходилось,—и лѣсу и луговъ заливныхъ по берегу Пехорки землемѣръ нарѣзалъ имъ,—а они все міромъ пропьянствовали...

Она помолчала, хмурясь и какъ бы колеблясь; потомъ произнесла съ рѣшимостью:

— Изъ Пеньковъ нищіе ходить стали! Отъ роду родовъ не бывало этого!

— Вотъ видишь! Значитъ, и настоящіе несчастные есть!—отвѣтилъ Ступинъ, вскинувъ голову.

Его молодое, мужественно-красивое лицо, съ ласковыми карими глазами, опушенное темною, не отросшею еще бородой, вспыхнуло отъ волненія.

Бросивъ и затоптавъ окурокъ папиросы, онъ продолжалъ:

— А если разобрать, то и другіе окажутся виноватыми въ невѣжествѣ только! Невѣжество же оттого, что мужикъ изстари какъ бы не за человѣка считается, стѣсненъ во всемъ, не

смѣетъ шагу ступить, азбуку взять въ руки безъ позволенія!.. Захотѣлъ кто спаивать, обирать мужика,—выправилъ патентъ и дѣйствуй! Захотѣлъ грамотѣ поучить, книжку дать—штрафъ или хуже еще!.. И выходитъ, что лучше не доискиваться, а просто помочь несчастному!..

Больше разговору не было объ этомъ.

V.

Послѣ обѣда получились съ земскою почтой газеты. Ступинъ отправился въ кабинетъ читать.

Антоновна устроилась съ своимъ вязаньемъ на ступенькахъ широкой крытой террасы, выходившей въ садъ. Садъ былъ одичавшій, тѣнистый; даже въ самый знойный полдень, когда на прогалинахъ обдавало точно кипяткомъ, въ чащѣ держалась живительная прохлада. Безбоязненно гнѣздилось въ немъ цѣлое царство смѣлыхъ, почти ручныхъ птицъ; всюду копошились съ утра до вечера пчелы, весело спускались съ сучковъ пауки на легкихъ, сверкающихъ нитяхъ своихъ; ежи и еще какіе-то невидимые звѣрки то-и-дѣло шевелили высокую цвѣтистую траву, не знавшую косы. Трогательное безмолвіе воцарялось въ раскудрявившихся деревьяхъ, когда умолкали напѣвшіяся за день птицы, и странно, таинственно сгущались въ нешироких аллеяхъ послѣднія краски заката...

Антоновна вязала, оттягивая далеко нитку съ клубка, катавшагося при этомъ у нея въ фартукѣ, но мысли заняты были иною работой.

Дѣдъ Ступина, премьеръ-маіоръ Ѳедотъ Мартынычъ Ступинъ, былъ смѣлый кутила, банкометъ, дуэлистъ, не знавшій себѣ запрета ни въ чемъ, имѣвшій „руку“ въ Петербургѣ. Жилъ онъ широко, барственно; домъ его въ Пенькахъ,—куда онъ только наѣзжалъ лѣтомъ,—былъ образцомъ вкуса и роскоши, сборнымъ мѣстомъ всего аристократично-разгульнаго въ уѣздѣ. Прожито было изъ своего и женина много, но осталось немало и дѣтямъ. Пеньки получилъ по раздѣлу младшій сынъ, Николай,—тихій, добронравный, безпечный (въ мать,—мечтательную, беззаботную дореформенную даму), но причисленный судьбою къ тѣмъ избранникамъ, которымъ „бабушка ворожитъ“... Въ полку онъ не усиливался ни прокладывать себѣ дорогу къ повышеніямъ, ни побѣждать прекрасный полъ, и все-таки оказался перегнавшимъ товарищей ротмистромъ, женатымъ на прехорошенькой

богатой сироткѣ изъ купечества. Поселившись въ Пенькахъ, имѣя домъ-полную чашу, онъ принялся хозяйничать—попросту, патріархально, не выказывая ни знаній, ни практичности,—и все случилось такъ, что удалось и „округлить межу“ прекрасно, и имѣть полные амбары хлѣба, темныя, многолѣтнія скирды на гумнѣ...

Когда жена, проболѣвъ нѣсколько лѣтъ послѣ родовъ, умерла, убитый горемъ Ступинъ распорядился, чтобъ для осиротѣвшаго первенца, Моти, подыскали на селѣ степенную мамку, и бурмистръ доложилъ, что для этого очень „способствуетъ“ бездѣтная вдова Лукерья, Антона Трюхина дочь. Совсѣмъ еще молодая, красивая, но съ умнымъ взглядомъ и со строгостью въ лицѣ, Лукерья оказалась не мамкой, а золотомъ. Потомъ пришлось встрѣтить барскую ласку... Лукерья не посмѣла противиться, а безпечный Ступинъ—при томъ, достаточно уже раздобрѣвшій и облѣнившійся—обрадовался случаю взвалить на ея руки, въ добавленіе къ Мотѣ, домъ, вотчину и заботы о себѣ самомъ.

Соблазнъ для Лукерьи явился большой, завлекательный. Но она не потерялась, не ступила на избитую дорогу „барской барыни“; она только видоизмѣнила немного обязанности—стала мамкой для барина и матерью для привязавшагося къ ней Моти.

Получивъ и тутъ удачу, Ступинъ успокоился окончательно и „легъ“,—какъ ложились помѣщики его типа. Зимою онъ лежалъ въ кабинетѣ, на сафьянномъ широкомъ диванѣ, думая и посасывая янтарь саженнаго черешневаго чубука, надъ другимъ концомъ котораго дежурилъ приставленный особо „казачокъ“ съ четверткой „жукова“ наготовѣ и „неугасимою“ спермацетовою свѣчой; лѣтомъ—дремалъ, полулежа въ вольтеровскомъ креслѣ на террасѣ, и тоже думалъ, посасывая янтарь... О чемъ можно было думать цѣлые дни напролетъ и цѣлые годы неустанно—составляло тайну Ступина; но онъ дѣйствительно думалъ и такъ усердно, что заговорить съ нимъ можно было лишь окликнувъ его нѣсколько разъ...

Годы и событія тянулись надъ лежавшимъ Ступинымъ, какъ тянутся они надъ могилами,—не доставляя ни радости, ни печали погребеннымъ. Въ домѣ и хозяйствѣ все вѣдала Антоновна (такъ стали звать Лукерью). Она же должна была вѣдаться и съ учителями, когда Мотю стали готовить въ корпусъ, при чемъ научилась и сама читать, составлять строчки изъ чего-то вродѣ древней глаголицы...

Умеръ Ступинъ неожиданно—отъ случившагося воспаленія брюшины. Сынъ находился далеко, въ полку, и пріѣхалъ лишь спустя годъ. Онъ отнесся къ своей пѣстуньѣ, какъ къ матери,

оставилъ по прежнему все на ея рукахъ. Но Антоновна покорилась только необходимости,—думая не объ этомъ, желая иного: въ мечтахъ она видѣла питомца примѣрнымъ хозяиномъ, перебирала для него первыхъ невѣстъ уѣзда, радовалась его счастью, готовилась служить госпожѣ...

Мечты, однако, грозили остаться мечтами... Прошло уже около года со дня пріѣзда наслѣдника, а онъ не думалъ ни о знакомствахъ, ни объ удовольствіяхъ; не отворялъ запертыхъ покоевъ, занимая внизу всего спальню да кабинетъ. Къ хозяйству выказывалъ онъ любовь и вникалъ во все, но съ крестьянами держалъ себя совсѣмъ просто, не по-барски, раздавалъ, не всегда съ разборомъ, хлѣбъ, деньги нуждающимся...

Антоновна стала задумываться. Она не была ни скупа, ни черства, знала, какъ гложетъ нужда деревню, понимала, что причиной многому — „темь“, невѣжество. Но она знала также и мужика, понимала, что всякій непорядокъ только балуетъ его, приноситъ ему не пользу, а вредъ. Отданное Терентію дерево мучило ее теперь. Она живо представляла себѣ начавшееся потомъ на селѣ—пересуды, завидки, удивленіе самого Терентія, досаду каждаго, что не отправился и онъ на порубъ...

VI.

Вечеромъ пришелъ бурмистръ.

Антоновна услышала доносившійся изъ кабинета громкій голосъ Ступина. Онъ говорилъ не такъ, какъ бывало обыкновенно при докладахъ, а что-то объяснялъ съ горячностью и повторялъ: „въ даръ... заново все“...

Онъ втолковывалъ бурмистру,—что распродажа міромъ лѣса и луговъ обездолила крестьянъ, изуродовала надѣлъ; что земли не хватаетъ теперь, а недостатокъ сѣна и топлива заставляетъ совсѣмъ бѣдствовать зимою, лишаться послѣдней скотины; что такъ продолжаться не можетъ, и онъ даетъ крестьянамъ въ даръ лѣсу и луговъ, для чего надо будетъ передѣлать границы надѣла заново; что сдѣлать это надо скорѣе, до озимыхъ посѣвовъ, а потому необходимо, чтобы крестьяне собрались на дняхъ же, обсудить дѣло...

Бурмистръ Аѳоимъ — рослый, широкобородый здоровякъ съ свекольнымъ цвѣтомъ лица—слушалъ, заложивъ руки за спину и поигрывая тамъ пальцами. Онъ сохранялъ обычно-равнодушный видъ, но безпримѣрныя слова барина будоражили, путали

мысли, вгоняли въ умственное безсиліе. Отличавшійся всегда именно „смекалкой“, онъ не могъ теперь даже сообразить—„въ чемъ тутъ касательство?“—и, считая барина хитрецомъ, не могъ повѣрить, чтобъ человѣкъ „приставалъ безъ корысти“...

Отпущенный Ступинымъ, бурмистръ прошелъ къ Антоновнѣ.

Она сидѣла за маленькимъ самоварчикомъ въ своей комнатѣ, выходившей окнами въ садъ и напоминавшей обстановкою келью.

Вынесенная изъ кабинета ошеломленность простиралась до того, что и съ Антоновною, передавая ей разговоръ, бурмистръ держался насторожѣ, стараясь смотрѣть мимо ея глазъ, и принималъ чашку нетвердою рукой.

— Мнѣ думается, Лукерья Антоновна, — заключилъ онъ, опрокинувъ, въ знакъ полнаго довольства угощеніемъ, чашку на блюдечко и положивъ на донышко оставшійся кусочекъ сахару,—мнѣ думается, что въ такомъ разѣ лучше обождать малость. На словахъ пусть поговоритъ Матвѣй Николаевичъ, а міръ тревожить нѣзачѣмъ пока!

Антоновна согласилась съ нимъ.

Но Ступинъ не хотѣлъ только „на словахъ говорить“. Онъ наутро же развилъ свой планъ предъ Антоновной, входя въ подробности, совѣтуясь—гдѣ и чего отрѣзать для новаго надѣла; а послѣ завтрака отправился осмотрѣть крестьянскій надѣлъ въ натурѣ.

На Антоновну напало безпокойство. Вмѣсто дерева былъ уже лѣсъ, вмѣсто Терентія—все село... Къ хозяйственной тревогѣ прибавилось смутное предчувствіе чего-то недобраго... Пока Ступинъ ѣздилъ, она побывала за совѣтомъ у священника, о. Никона Бронзова.

За обѣдомъ она сказала:

— Отъ этого дару, Матвѣй Николаевичъ, не вышло бы сумнѣнія въ народѣ... Съѣздите вы къ Артемію Петровичу, къ предводителю, въ Ртищево: ему извѣстны всѣ эти дѣла, и человѣкъ онъ хорошій, отъ всѣхъ въ почетѣ...

Ступинъ, совсѣмъ незнакомый съ формальностями, недоумѣвавшій, съ чего, какъ начать,—просіялъ весь.

— Ты мнѣ мысль подала!—воскликнулъ онъ радостно.

VII.

Старикъ Петръ Юрьевичъ Ветлугинъ — когда доктора не отправляли его въ Карлсбадъ или Баденъ—проводилъ лѣто въ Ртищевѣ, но заботы проявлялъ исключительно о „столовой“...

Съ пріѣздомъ сына ожила „гостиная“.

Уѣздная аристократія пріятно поразилась этимъ „нашего полку прибыло“, стала задаваться свѣтскими толками, ожиданіями; однако вскорѣ разочаровалась... Аристократизма внѣшности, соревнованія туалетами, новостей, злословія — ничего такого не оказалось въ возродившейся ртищевской гостиной; французская стрекотня не считалась въ ней обязательною, а разговоры велись обо всемъ — о политикѣ, хозяйствѣ, о „мужикахъ“ даже... Но и это было только вступленіемъ. Позже, когда достаточно обозначились партіи, ртищевская гостиная приняла для консерваторовъ видъ явнаго противнаго лагеря, сдѣлалась средоточіемъ дѣйствительныхъ, живыхъ интересовъ, отраженіемъ начавшейся идейной жизни уѣзда; на паркетѣ она стала соединять впервые не *сословіе* только, а *уѣздъ*, вплоть до земскихъ фельдшерицъ или крестьянина — члена управы.

Никакихъ стѣснительныхъ церемонностей, ничего, назначеннаго давать „тонъ“, не практиковалось въ ртищевскомъ домѣ. Но существовало нѣчто иное, не совсѣмъ обычное... Поучительная, покоряющая дисциплина витала въ самомъ воздухѣ, заставляла каждаго невольно „подтягиваться“, строить вдумчиво мысли, взвѣшивать слова. Попавъ въ Ртищево, самый беззастѣнчивый охранитель не злоупотреблялъ свободою мнѣній и считалъ долгомъ для себя молчать прилично, если не мыслилъ такъ...

Шелъ третій часъ.

Въ большомъ, свѣтломъ кабинетѣ хозяина, убранномъ просто и съ библіотечными шкафами вдоль стѣнъ, окрашенныхъ голубоватою масляною краской, располагался кружокъ мужчинъ, заѣхавшихъ по дѣловымъ надобностямъ.

Главнымъ лицомъ былъ помѣщикъ Валерій Борисовичъ Хрущовъ — петербургскій бюрократъ изъ „восходящихъ“, пользовавшійся отпускомъ, чтобъ устроить свое имѣньице. Не по лѣтамъ хилый, слишкомъ модно одѣтый, при одноглазкѣ и съ тщательно пробранными порѣдѣвшими волосами, точно нарисованными на сквозившемъ черепѣ, онъ резюмировалъ послѣднія новости изъ высшихъ сферъ; но все какъ-то не ладилось... При сообщеніи, что на вакантный важный постъ прочится извѣстное лицо, умѣющее стать au courant всего, о чемъ *говорится* въ Россіи, Ветлугинъ только плечами пожалъ, промолвивъ, что важнѣе было бы знать, о чемъ *молчатъ*... Утѣшительный намекъ, что видимая опека надъ земствомъ имѣетъ въ сущности цѣлью лишь болѣе гармоничное осуществленіе возвѣщеннаго реформами, привелъ къ совсѣмъ неожиданному: гласный — помѣщикъ Шавровъ, пухлый

флегматикъ съ бѣлыми рѣсницами, вдругъ раскипятился, сталъ доказывать, что пресловутая эпоха великихъ реформъ давно отжила свой вѣкъ, обратилась въ предметъ буржуазныхъ вожделѣній, что назрѣли новыя, болѣе существенныя надобности...

Хрущова смущало это и удивляло. Онъ не ожидалъ такихъ „вольностей" отъ провинціи, особенно отъ своего уѣзда, бывшаго всегда ультра-консервативнымъ; свободныя сужденія рѣзали его деликатное департаментское ухо, вызывали гримаски на бритое, землистаго цвѣта лицо.

Разговоръ коснулся послѣднихъ выходокъ инспектора народныхъ училищъ, отъ беззаконій котораго терпѣли училищный совѣтъ и все школьное земское дѣло. Толстенькій, кудрявый брюнетъ, земскій агрономъ Кравцовъ возсталъ противъ самаго типа народныхъ школъ, находя ихъ безполезными, предлагая водвореніе знаній техническихъ, земледѣльческихъ... Ему возразили, противопоставляя типъ школъ гуманистическихъ, въ смыслѣ правильнаго развитія нравственныхъ и умственныхъ свойствъ...

На лицѣ Хрущова выразилась смертельная мука.

— Но вѣдь типъ школъ опредѣленъ, регламентированъ! — сказалъ онъ, прицѣлившись одноглазкой въ лицо хозяина.

— Конечно. Только пользы не приноситъ регламентація эта... Даже больше—удаляетъ деревню отъ знаній...—отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ она, регламентированная деревня! Вотъ-съ! — воскликнулъ сѣдой, съ длинными волосами, членъ крестьянскаго присутствія, подступивъ къ Хрущову и развертывая передъ нимъ листъ бумаги, исписанный кудрявымъ писарскимъ почеркомъ.

— Что это?—проговорилъ озадаченный петербуржецъ.

— Прошеніе мужицкое!

— И... что же?

— Оно безтолково, безсмысленно! Его невозможно ни удовлетворить, ни понять!—сталъ объяснять членъ.—И вотъ такихъ прошеній подается по нашему уѣзду *тридцать тысячъ* въ годъ—это подсчитано! Да-съ! Стоитъ каждое прошеніе не меньше трехъ рублей; плюсъ—потерянное на хлопоты рабочее время! Итого—*сто тысячъ* рублей, бросаемыхъ ежегодно въ печь вѣчными недоимщиками, терпящими голодъ, холодъ, нищету!... Не le comble ли это невѣжества, азіатчины! Не доказательство ли, какая духовная пища, кромѣ регламентированной, надобится деревнѣ?..

— Dura lex... sed lex... — перебилъ дипломатически и съ достоинствомъ Хрущовъ.

— Если бы такъ!—раздалось точно плачъ.

Предъ Ветлугинымъ, оттиснувъ члена присутствія, очутился худощавый, нервный земскій статистикъ Андросовъ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

— Драконовскіе законы дайте, только пусть исполняются они!—продолжалъ Андросовъ:—пусть примѣняются всецѣло, по ихъ разуму, а не извращаются, не перетолковываются произвольно циркулярами, вносящими анархію только, не позволяющими предвидѣть желаемое властью и сообразовать съ нимъ поступки!

Хрущовъ пронзилъ статистика взглядомъ чрезъ одноглазку, какъ бы говоря: „Я могу простить кое-что предводителю, но ты не надѣйся!“

— Примѣненіе законовъ регулируется циркулярами во всей Европѣ,—промолвилъ онъ наставительно.

Блѣдное, опушенное рыженькою бородкой, лицо Андросова исказилось болѣзненно, глаза подъ дешевенькими очками сверкнули.

— Всегда такъ!—простоналъ онъ.—Въ дурномъ—заграница оправданіе; противъ хорошаго заграничнаго—византійщина, духъ русскій, дающій чувствовать себя за версту!.. Главное—щель къ свѣту законопатить!..

Хрущовъ выпустилъ и снова вставилъ одноглазку, оглядывая сухощавую, сутуловатую фигуру *„инконфидента“*, какъ мысленно окрестилъ онъ дерзкаго. Опустившись потомъ на стулъ, онъ принялъ убійственно-холодный видъ и сталъ разглядывать совсѣмъ синіе ногти на своихъ костлявыхъ пальчикахъ.

Андросовъ не проникъ въ дипломатическое значеніе этого. Пройдясь мимо самыхъ ногъ Хрущова и чуть не задѣвъ моднѣйшіе лакированные башмачки, онъ продолжалъ, то поправляя очки, то потеребливая бородку:

— Циркулярная язва дѣлаетъ свое дѣло и по ту сторону Вержболова — я знаю, былъ тамъ... на меня и шапку ученую тамъ надѣли...—При послѣднихъ словахъ Хрущовъ покосился со сдержаннымъ любопытствомъ на говорившаго.—Но развѣ обязательно пріобщаться къ чужимъ язвамъ? Развѣ не достаточно своихъ?.. И откуда право у насъ усматривать именно язвы, а не пользительно-здоровое?.. Деревню, напримѣръ, не отгораживаютъ тамъ отъ свѣта китайскою стѣнкой... интеллигенцію, за просвѣтительныя заботы, не сгибаютъ въ бараній рогъ...

— Но наша интеллигенція бѣжитъ изъ деревни! бѣжитъ-съ!—перебилъ Хрущовъ, встрепенувшись и ловя противника на словѣ, точно ястребъ птичку.—Въ нашемъ уѣздѣ я не нашелъ и половины прежняго!

— Скоро не будетъ и этого!—вставилъ агрономъ Кравцовъ и нервно засмѣялся, закинувъ назадъ кудрявую голову.

— А было время,—сталъ говорить онъ потомъ, выпрямившись и геройски встрѣчая устремившуюся на него одноглазку. Было время, когда легіоны рвались жертвовать ради деревни личнымъ благомъ, средствами, здоровьемъ!.. Осмыслить не сумѣли этого... Святые, искренніе порывы злой рокъ смялъ, „предупредилъ и пресѣкъ“, и вотъ — единицы на рѣдкость!.. И что осталось дѣлать интеллигенціи во всячески регламентированной теперешней деревнѣ? Пьянствовать, въ карты дуться, визиты урядника принимать?.. Оффиціальная земская дѣятельность и та оффиціально же почитается за контрабандную, подозрительную, барьерами, запретами обставляется всюду!.. Живое, неотложное дѣло, неустанный трудъ, иниціатива требуются, чтобъ принести крупицу пользы; а земство на каждый шагъ свой разрѣшенія, инструкцій жди, кары за усердіе свое бойся!.. Каждый дѣятель точно въ какихъ-то порогахъ днѣпровскихъ вертится — того и гляди, что ладья въ дребезги и самъ ко дну!.. Не странно ли это? Не удивительно ли, что есть еще охотники?..

— И это не все! — воскликнулъ взволнованно членъ присутствія, откинувъ за ухо прядь сѣдыхъ волосъ. — Надо еще имѣть нервы проволочные, душу закаленную, чтобъ пробиваться къ цѣли сквозь нечистоплотность барьеровъ!.. Надо умѣть выносить оскорбительную, унизительную нравственную муку при неотвязной угнетающей мысли, что ты — болѣющій о деревнѣ, рвущійся трудиться, жертвовать,—терпишься только! что ты за что-то, у кого-то на „замѣчаніи“, что дни твои сочтены!..

Хрущовъ—точно электрическій угорь, накопившій энергіи и ощутившій прикосновеніе, — пришелъ въ ажитацію; въ глазахъ у него заискрились огоньки, на скулахъ проступило подобіе румянца.

Готовясь разрядиться, отвѣтить кратко, сильно и авторитетно, онъ началъ:

— Отдѣльный случай—не примѣръ...

Пойти дальше этой фразы не удалось: членъ, агрономъ, статистикъ сперва вскрикнули всѣ вдругъ, а потомъ, на перебой, принялись превращать предъ петербуржцемъ „отдѣльный случай“ въ нескончаемый, документированный земскій мартирологъ...

VIII.

Въ пятомъ часу, когда кабинетъ опустѣлъ и Ветлугинъ, съ привычною аккуратностью, вносилъ надобное въ записную книжку, дворецкій подалъ карточку.

— Ступинъ... Проси!—сказалъ Ветлугинъ, догадываясь, что это молодой наслѣдникъ.

Вошелъ Ступинъ, въ черномъ, мѣшковато сидѣвшемъ сюртукѣ уѣзднаго покроя и съ военною фуражкой въ рукѣ, вмѣсто шляпы.

Выслушавъ, въ чемъ дѣло, Ветлугинъ, пріятно удивленный, посмотрѣлъ пристально на юнаго демократа и спросилъ:

— Чѣмъ же, собственно, могу я быть полезнымъ вамъ?

— Я просилъ бы дать мнѣ совѣтъ,—сказалъ Ступинъ.

— Охотно! Прежде всего, чтобъ даръ не пошелъ по слѣдамъ прежняго, надо обставить его условіями...

— Какими?

— Ихъ придется выработать... Бумаги съ вами?

Бумагъ не оказалось.

— Надобны планъ и выкупной договоръ. Я всегда къ вашимъ услугамъ; а пока очень радъ знакомству съ вами!

Онъ крѣпко пожалъ ему руку.

Ступинъ всталъ, откланиваясь.

— Нѣтъ-съ, это не по деревенски, и лошади должны отдохнуть,—сказалъ Ветлугинъ, тоже вставъ и беря его подъ-руку.— Прошу васъ отобѣдать у насъ.

Ступинъ смущенно отказался. Но хозяинъ, какъ бы не слыша, пропустилъ его предъ собою въ дверь, говоря:

— Пожалуйте! Отъ хлѣба-соли не уѣзжаютъ...

Чрезъ анфиладу высокихъ, богато убранныхъ комнатъ, мимо трельяжей, статуй, зеркалъ, они прошли въ большую гостиную, носившую также названіе „голубой“.

Тамъ раздавался оживленный, прилично-громкій говоръ. Чрезъ завѣшанныя тюлемъ окна падалъ мягкій, ровный свѣтъ. На угловомъ диванѣ медальонами, въ креслахъ, около японскихъ столиковъ,—видѣлись незнакомыя Ступину лица.

Навстрѣчу, точно плывя по паркету, показалась пожилая, красивая дама, съ раскрытымъ вѣеромъ въ рукѣ.

Ветлугинъ представилъ ей Ступина, и тотъ догадался, что это—хозяйка.

Она сказала съ нимъ нѣсколько словъ, потомъ взглянула въ сторону бесѣдовавшихъ дамъ и позвала:

— Кэтъ!

Къ ней подошла стройная, изящная блондинка въ шолковомъ платьѣ стальнаго цвѣта, съ высокимъ воротомъ.

Познакомивъ его съ дочерью, исполнявшею въ такихъ случаяхъ обязанности вице-хозяйки, она поспѣшила къ дивану, гдѣ ждалъ ее прерванный разговоръ.

Ветлугинъ между тѣмъ остановился у окна со старшею дочерью. Вылитый портретъ матери, такая же кудрявая и лишь безъ смуглоты въ лицѣ, Вѣра Артемьевна Юрлова одѣвалась просто, имѣла видъ совсѣмъ деревенской барыни. Отъ Глѣбова — родового помѣстья мужа — считалось до Ртищева не больше пятнадцати верстъ, но она показывалась очень рѣдко, отговариваясь то нездоровьемъ, то хлопотами съ дѣтьми — двумя мальчиками-погодками. Дѣйствительною причиной были постоянныя отлучки мужа, оставлявшаго хозяйство на ея руки.

— Ну, какъ ты, какъ? жива-здорова? — сказалъ Ветлугинъ, взявъ дочь за талію и прикоснувшись губами ко лбу.

— Какъ всегда, рара, — отвѣтила она, окидывая его признательнымъ взглядомъ.

— Какъ всегда...

Подошелъ Юрловъ — отставной кавалергардъ, сохранявшій военную выправку, выхоленный, надушенный, въ модномъ длинномъ рединготѣ.

— На минутку, рара, — сказалъ онъ съ дѣловитымъ видомъ и взявъ тестя подъ руку.

Они прошли за портьеру, въ кабинетикъ Нины Иракліевны, уставленный саксонскими статуэтками по стѣнамъ и съ высокими фикусами въ углахъ.

— Векселекъ, рара... — промолвилъ Юрловъ, кладя на столикъ бланкъ.

— Mais, mon cher...

— Чрезъ двѣ недѣли, часъ въ часъ, возвращу... будьте покойны, — перебилъ Юрловъ. — Какъ честный человѣкъ!

Ветлугинъ подписалъ пятитысячный бланкъ и отодвинулъ его кончикомъ пальца.

— Я не то хотѣлъ сказать, — проговорилъ онъ, морщась и потирая переносицу. — Я имѣлъ въ виду, что у васъ должны быть деньги...

— Да вѣдь я не въ банкѣ держу ихъ! — отвѣтилъ Юрловъ. — Онѣ въ дѣлѣ у меня да подъ такія же вотъ бумажки по уѣзду распущены... Въ оборотахъ не рубль, а часъ дорогъ!

Ветлугинъ не сказалъ ничего и сталъ барабанить пальцами по столику.

Онъ былъ недоволенъ зятемъ.

Развязаться съ отцовскою путаницей удалось не безъ жертвъ. Приведенное въ порядокъ Ртищево давало предусмотрѣнный доходъ, оплачивало погашенія банку, обѣщало въ будущемъ несомнѣнный приростъ, но оборотнаго капиталу не было, и потому приходилось кредитоваться. За дочерьми Ветлугинъ давалъ по пятидесяти тысячъ за каждою — долями въ недвижимости и съ правомъ на часть дохода, впредь до выдѣла. Присватавшійся Юрловъ отклонилъ всякіе разговоры о приданомъ; но потомъ, предъ самою свадьбой, оказался во „временномъ затрудненіи“, и Ветлугинъ долженъ былъ выдать двадцать-пять тысячъ наличными. Съ того времени шелъ седьмой годъ; Юрловъ дѣлалъ въ своемъ заложенномъ-перезаложенномъ Глѣбовѣ огромные засѣвы, скакалъ по неотложнымъ дѣламъ то въ городъ, то въ „губернію“, велъ себя во всемъ на широкую ногу, а самъ подсовывалъ тестю бланки, нуждаясь то-и-дѣло въ нѣсколькихъ тысячахъ, чтобъ „перевернуться“.

Ветлугинъ потерялъ вѣру и въ дѣла, и въ слова зятя. При подписи каждаго бланка онъ приходилъ въ безпокойство о своемъ собственномъ, натянутомъ какъ струнка, кредитѣ.

Когда они вернулись въ гостиную, Ступинъ оживленно бесѣдовалъ съ Кэтъ. Ему что-то помогло выйти изъ смущенія, освоиться. Онъ чувствовалъ себя пріятно, шутилъ самъ надъ собою, передавая о своихъ хозяйственныхъ приключеніяхъ, и радостно встрѣчалъ улыбку, освѣщавшую прелестное, матово-блѣдное лицо собесѣдницы, замѣчалъ ея особенность вспыхивать вдругъ, широко открывать, какъ бы въ наивномъ удивленіи, ясные сапфирные глаза.

Изъ гостей обращалъ на Ступина вниманіе только одинъ мужчина—элегантный bel-homme лѣтъ тридцати, съ пробритымъ подбородкомъ и волнистыми каштановыми волосами, одѣтый съ безукоризненностью англійскаго дэнди. Онъ перелистывалъ лежавшій передъ нимъ на столикѣ у окна кипсэкъ и поглядывалъ уголкомъ глаза на Кэтъ,—выжидая съ увѣренною безпечностью, пока вице-хозяйка кончитъ „занимать“ неинтереснаго гостя. Это былъ помѣщикъ сосѣдняго уѣзда, аристократъ и богачъ Михаилъ Кирилловичъ Порозовъ — поклонникъ и другъ Кэтъ, свой человѣкъ въ домѣ.

IX.

Спустя нѣсколько дней, Ступинъ, съ цѣлымъ портфелемъ плановъ и бумагъ, отправился снова въ Ртищево.

Въ паркѣ, когда подъѣзжалъ тарантасикъ, раздавались голоса, виднѣлась на сіявшемъ пруду лодка съ катавшимися дамами. У самой изгороди стояла Кэтъ, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, стройная, воздушная, срывая вѣтки бѣлой сирени; вѣтерокъ игралъ выбившимися прядями роскошныхъ пепельныхъ волосъ.

Ступинъ вышелъ изъ тарантасика и направился къ ней.

— Здравствуйте!—сказала она, взявъ цвѣты въ лѣвую руку и протягивая правую между балясинами. — Вы къ рара?.. Онъ уѣхалъ, но скоро будетъ... Володя...

Она покосилась знаменательно на стоявшаго около нея худенькаго, малорослаго мальчика въ черной курткѣ. Тотъ понялъ и отдалъ поклонъ Ступину, сверкнувъ на солнцѣ бѣлобрысою, гладко-остриженною головой.

Володя Карповъ былъ сиротка — сынъ недавно умершаго одинокаго помѣщика изъ бѣдныхъ, призрѣтый Ветлугинымъ впредь до явки родственниковъ и порученный Кэтъ для надзора и воспитанія.

— Пажъ мой, — сказала она, улыбаясь, и поправила на Володѣ надѣтую криво фуражку.—А вотъ и рара!

И она замахала рукой.

Къ изгороди подъѣзжалъ небольшой англійскій брэкъ. Ветлугинъ, въ плащѣ и соломенной шляпѣ, сидѣлъ понуривъ голову и опираясь на трость. На лицѣ у него, точно маска, лежало застывшее выраженіе скуки и скорби.

Ступинъ едва узналъ его.

Вскинувъ голову, онъ сразу перемѣнился, улыбнулся и заговорилъ, выходя изъ экипажа:

— Аккуратный человѣкъ, не замѣшкались!.. Очень, очень радъ... Передай, Кэтъ, мамѣ, что я вездѣ былъ, всѣхъ засталъ, что ей поклоны шлютъ!.. Пойдемте!

Въ кабинетѣ Ветлугинъ быстро ознакомился съ дѣломъ и отобралъ надобныя бумаги.

— Да, печальны эти факты — проматываніе, пропиваніе своего собственнаго, насущнаго, и не какимъ-нибудь свихнувшимся пьянчугой, а цѣлымъ міромъ, юридическимъ лицомъ... — сталъ

говорить онъ потомъ. — Но иначе и быть не должно. Пока мужикъ будетъ оставаться не человѣкомъ, не гражданиномъ, а специфическою особью, запертою въ своей сословной клѣткѣ,— всѣ поступки его будутъ мужицкіе, а не человѣческіе... И сколько уже поступковъ этихъ, сколько!.. И неизвѣстно, гдѣ конецъ!.. Деревня стремится по покатой плоскости въ тьму, въ невѣжество, нищаетъ, дичаетъ, впадаетъ въ какую-то отчаянную — безцѣльную, безвыгодную жестокость, въ „озорство“, какъ говорится... И ни у кого нѣтъ права помочь бѣдѣ... А помогать надо, надо—насколько можно и какъ можно... О вашемъ дѣлѣ я думалъ, и вотъ мы потолкуемъ... Потомъ я направлю васъ въ городъ — къ служебному Лепорелло моему, Лукѣ Лукичу Модестову: онъ оформитъ все, онъ—мастеръ по этой части!

Въ общихъ чертахъ рѣшено было такъ: Ступинъ давалъ крестьянамъ всего вдоволь, принималъ въ разсчетъ всѣ ихъ надобности; по назначеннымъ Ветлугинымъ условіямъ, крестьяне должны были составить постепенными взносами мірской капиталъ на устройство школы, общественнаго колодца и хлѣбнаго запаснаго магазина, а до того не имѣли права ни продать даримое, ни отдать въ аренду.

Дворецкій доложилъ, что „въ галереѣ кушаютъ чай“.

X.

Галереей звалась легкая, точно кружевная, постройка въ паркѣ, съ разноцвѣтными стеклами, со ступенями во всю длину, спускавшимися съ одной стороны къ пруду, съ другой—къ лужайкѣ съ клумбами. Въ дни именинныхъ и прочихъ торжествъ, когда въ паркѣ происходила „garden-party“ (Ветлугины вообще склонялись ко всему англійскому, а не французскому), галерея убиралась гирляндами зелени, фонариками, озарялась бенгальскими огнями; въ ней танцовали, изъ нея смотрѣли — всегда очень недурной фейерверкъ, устраивавшійся на пруду ученымъ химикомъ-земцемъ. Обыкновенно же, въ хорошую погоду, она служила мѣстомъ деревенскаго чаепитія, запросто.

Теперь гостей собралось достаточно.

Было нѣсколько семействъ изъ города; былъ Бельтищевъ съ женою—очень красивою, милою, но нѣсколько церемонною барыней изъ петербургскихъ; былъ сосѣдъ князь Г* — видный мужчина съ сѣдою, гладко-остриженною головой, съ умнымъ, какъ бы насмѣшливымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ подъ

нависшими бровями, считавшійся оригиналомъ и пользовавшійся въ уѣздѣ за свою прямоту и независимость названіемъ маркиза Позы; была еще старая дѣвица Шипилина, Марья Ерминигельдовна, звавшаяся у всѣхъ Шипилихой... О ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ теперь же, чтобы забыть потомъ...

Послѣ смерти отца она разодралась въ кровь съ явившимся судебнымъ приставомъ и отвоевала себѣ такимъ образомъ наличные капиталы, которыхъ прочіе наслѣдники никакъ не могли доискаться потомъ. Голосъ имѣла она слащавый, вкрадчивый, казалась благожелательною, но съ наружностью это не вязалось совсѣмъ: всегда вся въ темномъ, сутулая, съ пронзительными круглыми глазами и длиннымъ синеватымъ носомъ, она въ совершенствѣ походила на зловѣщую птицу, на ворона; она и теперь, склоняясь рѣзкими движеніями надъ чашкой, казалась теребящей добычу... Спеціальностью ея были... комеражи высшаго разбора. Въ то время, какъ заурядныя городскія кумушки не жалѣли башмаковъ, рыская изъ дома въ домъ и отдаваясь чисто фонографной работѣ, Шипилиха изъѣзживала по уѣзду колеса своего фамильнаго тарантаса, вышивая творчески узоры на канвѣ событій, прибавляя къ интеллектуальности страстность, создавая комеражи широкіе, идеальные... Ее никто не жаловалъ, никто не приглашалъ къ себѣ; но она всѣми интересовалась, ко всѣмъ являлась, всѣхъ разспрашивала, желая знать все, все...

За чайнымъ столомъ хозяйничала миссъ Кэрби, какъ бы стараясь въ то же время умѣрять холодностью взгляда и пріемовъ не схлынувшій еще зной...

На берегу пруда, въ тѣни старыхъ развѣсистыхъ кленовъ, Кэтъ, двѣ барышни-сосѣдки и безбородый юноша-нѣмчикъ, Феллеръ, сынъ управляющаго, тщились удить рыбу. Рыба играла, пуская безчисленные круги по неподвижной водѣ, кишѣла у берега, но не хотѣла прельщаться никакими лакомыми приманками.

— Что *новенькаго*?—спросилъ Ветлугинъ, здороваясь съ Шипилихой и подчеркивая тонко вопросъ.

— Ахъ, почемъ мнѣ знать!—томно отвѣтила та, обмахиваясь чернымъ вѣеромъ изъ казуаровыхъ перьевъ.

Ветлугинъ познакомилъ Ступина съ Бельтищевымъ, и рьяные хозяева-народники, забывъ всѣхъ и все, ушли тутъ же въ свой спеціальный разговоръ. Самого его аттаковали всякими дѣловыми вопросами городскіе дворяне, жены которыхъ бесѣдовали съ Ниной Иракліевной.

Молодежь, покинувъ удочки, поднялась въ галерею. Пажъ

Володя слѣдовалъ, какъ тѣнь, за Кэтъ; повинуясь ея магическому взгляду, онъ отдалъ публикѣ общій поклонъ, шаркнувъ ножкой, а потомъ отдался у чайнаго стола во власть миссъ Кэрби, усадившей его около себя.

Кэтъ направилась къ стоявшему у перилъ князю Г*. Они были большими пріятелями. Онъ состоялъ ея неизмѣннымъ спутникомъ при прогулкахъ верхомъ, слалъ ей изъ своего Никольскаго цѣлые снопы розъ, которыхъ и въ Ртищевѣ дѣвать было некуда. Онъ жилъ одиноко, затворникомъ въ своей прекрасной, но обветшавшей и одичавшей усадьбѣ. Кэтъ однажды попала къ нему случайно, съ отцомъ, и ее поразилъ въ кабинетѣ большой, писанный пастэлью, портретъ необыкновенной красавицы. Отецъ объяснилъ ей потомъ, что это портретъ „бывшей“ жены князя. Она поняла, что князь не вдовецъ, и инстинктивно отвела ему мѣсто жертвы.

Прошло съ полчаса, и все снова перемѣнилось: Кэтъ и нѣмчикъ Феллеръ очутились на лужайкѣ, противниками Ступина и одной изъ барышенъ въ какой-то мудреной игрѣ въ мячъ; вѣчно живой и кипятящійся Бельтищевъ принялся доказывать одному изъ городскихъ дворянъ-оппортунистовъ, что тотъ плохо служитъ добру, кто не борется со зломъ, и что нельзя ожидать благъ, какъ ожидаютъ причастія *„разини“* (раскольничье согласіе въ уѣздѣ) — стоя съ разинутымъ ртомъ, пока сойдетъ ангелъ причастить; князь Г* и Ветлугинъ удалились въ уголокъ галереи и усѣлись тамъ за особымъ столикомъ.

У нихъ было о чемъ поговорить. И чѣмъ дальше шелъ разговоръ, тѣмъ больше и больше омрачалось лицо князя..

XI.

Князь вскорѣ уѣхалъ.

Отъ Ртищева до Никольскаго не насчитывалось и десяти верстъ. Знаменитая призовая пара „на отлетѣ“ шла ровною рысью, сверкая на солнцѣ подковами; брюссельская коляска колыхалась на выбоинкахъ дороги и мягко шаркала крыльями, задѣвая шины колесъ. Князь сидѣлъ, опустивъ голову и опершись на палку. Онъ не шутилъ, сверхъ обыкновенія, со своимъ сѣдымъ, бородатымъ кучеромъ Архипомъ, изъѣздившимъ съ нимъ вѣкъ и въ Петербургѣ, и въ походахъ, не спрашивалъ его, изъ какой деревни косцы тянутся черною полоской вдали, по изволоку; изъ чьего лѣса везутъ навстрѣчу длинныя смолистыя

бревна, дрожащія тонкими верхушками на роспускахъ; чьихъ лошадей, съ переплетенными соломою гривами и хвостами, ведутъ за телѣгою, между привязанными оглоблями...

Онъ отдавался думамъ.

Старикъ князь Г*, взысканный судьбою льстивый придворный, попавшій потомъ въ немилость и удалившійся на покой, былъ какъ бы фокусомъ, въ которомъ сосредоточивалось все недоброе крѣпостничества. Человѣкъ воспитанный, выдержанный, холодный и умный, онъ не кутилъ, не самодурствовалъ, не выказывалъ ни вспыльчивости, ни барственнаго гнѣва, но ужасъ только увеличивался отъ этого... Вѣря въ законность своего феодализма, не допуская и мысли о критикѣ, пользуясь покровительствомъ властей, онъ систематически, просто и спокойно извлекалъ изъ человѣка все надобное, какъ изъ вещи, неуклонно практиковалъ и регламентированное, и обычное — отъ истязаній на конюшнѣ до jus primae noctis включительно... Жилъ онъ широко, окруженный французскою роскошью, и давалъ тонъ всему уѣзду. Никольское было какъ бы сочетаніемъ версальскаго Тріанона съ мрачною инквизиціей. Семью составляли: вторая жена—сухая, бонтонная дама, не знавшая ничего дальше гостиной, и двѣ взрослыя дочери отъ перваго брака. Единственный сынъ, выпущенный изъ пажей въ гвардію, служилъ въ Петербургѣ. Онъ рѣдко навѣщалъ Никольское, и потому сталкивался съ дѣйствительностью сразу, не освоиваясь съ нею, видѣлъ ее въ самомъ яркомъ, истинномъ свѣтѣ. Искательство и низкопоклонство разнокалибернаго уѣзднаго дворянства, примѣрное раболѣпіе дворни, тяжкія картины крѣпостничества, все, составлявшее антуражъ и среду отца, только отталкивало сына, приводило въ недоумѣніе, въ уныніе; прибѣгавшія къ нему, какъ къ защитнику и спасителю, жертвы отцовскаго деспотизма надрывали ему сердце.

Мелькнули года. Все перетасовалось. Рабство отодвинулось въ область исторіи; сестры вышли замужъ; отецъ умеръ; мачиха удалилась навсегда заграницу, коротать время на Брюллевской террасѣ, въ Дрезденѣ. Князь — уже старый холостякъ, много пережившій, передумавшій—рѣшилъ покинуть полкъ, чтобъ поселиться въ Никольскомъ, войти въ новые, укоренявшіеся порядки.

Но судьба, соткавшая въ своей неисповѣдимой таинственности сѣть надобныхъ ей обстоятельствъ, хотѣла иного...

Дружба одной изъ дочерей-красавицъ въ знатной, прожившейся семьѣ, еле державшейся на положеніи „позолоченой нищеты“, перешла вдругъ въ страсть... Пораженный, потрясенный, князь увидѣлъ, что это — только отвѣтъ, что страсть живетъ и

въ немъ самомъ... Попытка образумиться, напоминаніе о своихъ лѣтахъ, просьба подумать—только ускорили развязку: красавица упала къ нему на грудь, лепеча клятвы, роняя слезы счастья...

Ослѣпительно-ярко вспыхнули запоздавшія мечты. Исчезло, точно въ вихрѣ, прозаическое настоящее, уступая мѣсто обольстительному грядущему. Исчезли воля, намѣренія, соображенія, потонувъ въ одномъ, неотразимомъ: ce que femme veut, Dieu le veut...

Молодые супруги, правда, показались въ Никольскомъ, но лишь затѣмъ, чтобъ провести медовый мѣсяцъ, чтобъ плѣнительная княгиня Юлія Арнольдовна изумила уѣздъ туалетами, брилліантами, высокомѣріемъ... Къ осени они были уже заграницей.

Спустя годъ, князь вернулся изъ-за-границы одинъ—не узнаваемый, посѣдѣвшій, осунувшійся. Онъ затворился въ Никольскомъ, занимая въ большомъ, роскошномъ домѣ только лицевую половину внизу, поддерживая лишь близкія знакомства. Печальный самообманъ,—разрѣшившійся въ Ниццѣ постыднымъ поведеніемъ Юліи Арнольдовны,—былъ забытъ имъ (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ себя), и только дивный портретъ въ кабинетѣ на рѣзномъ орѣховомъ треножникѣ напоминалъ о мелькнувшемъ быломъ.

Потянулись годы. Князь весь отдался заботамъ о крестьянахъ, ушелъ въ идею „исполнить долгъ предъ тѣми, кто такъ покорно исполнялъ свой предъ родомъ князей Г*“. Онъ не слѣдовалъ никакимъ теоріямъ, не записывался ни въ народники, ни въ соціалисты, не задавался мыслью просвѣщать, поучать. Онъ просто *жилъ* въ деревнѣ, зная, понимая ее, составляя надобную спицу въ ея колесницѣ, насаждая доброе непосредственно, приходя на помощь въ нуждѣ. Когда случившійся падежъ скота обездолилъ Никольское, князь самъ поѣхалъ на ярмарку въ Бабино и закупилъ тамъ цѣлое стадо коровъ, табунъ лошадей, но потребовалъ, чтобъ отнынѣ крестьяне обращались къ земскому ветеринару и исполняли всѣ его указанія. Онъ отпускалъ даромъ лѣсъ погорѣльцамъ, но отъ общества требовалъ заботъ по пожарной части. Его хлѣбный амбаръ былъ открытъ для крестьянъ при неурожаѣ, при нуждѣ, но съ обратившимся въ законъ условіемъ: „Первая лопата съ гумна—въ амбаръ“!

Главное было впереди.

Свои земли при Никольскомъ, лѣса и угодья князь оставлялъ въ наслѣдство крестьянамъ. Требовалось только выбраться изъ „днѣпровскихъ пороговъ“, которые ставилъ законъ, запрещая дарить или завѣщать родовую недвижимость. Съ этою цѣлью и

зная всѣ малѣйшія особенности, нужды, потребности уголка, князь выработалъ проектъ различныхъ общеполезныхъ учрежденій при Никольскомъ. Предполагалось основать въ собственность общества земледѣльческую школу съ образцовыми полями, народную библіотеку, читальню, чайную, больницу, общественный магазинъ предметовъ первой необходимости. На все это давались въ избыткѣ недвижимость и капиталы. Уголокъ выводился изъ омертвѣнія; селу предстояло превратиться въ цѣлый городокъ.

Спеціальное ходатайство о разрѣшеніи задуманнаго находилось давно въ Петербургѣ. Князь писалъ друзьямъ, знакомымъ, хлопоталъ ускорить дѣло, а оно все по обычаю затягивалось. Отправлявшійся въ Петербургъ Ветлугинъ взялся повидаться съ кѣмъ слѣдуетъ и выяснить все лично. Теперь, бесѣдуя съ хозяиномъ въ галереѣ, князь узналъ о безуспѣшности стараній и услышалъ привезенный краткій, но сильный петербургскій отвѣтъ, что *„фаланстеріи не допускаются“*.

Пороги только умножились, осложнились. Надо было придумывать новый выходъ.

Коляска мѣрно, точно по клавишамъ, застучала по длинной бревенчатой части, соединявшей Никольское съ сосѣдними торфяными болотами.

Князь очнулся отъ своихъ думъ и вскинулъ голову.

Впереди, напоминая старинные литографированные пейзажи, виднѣлась усадьба съ зелеными купами многолѣтнихъ раскудрявившихся деревьевъ, съ темно-красными крышами построекъ, со шпицами, флюгерами.

Встрѣтить вышли: старый, согбенный лакей Пантелеймонъ, съ сѣдыми висячими бакенбардами и въ старомодномъ плюшевомъ жилетѣ, и камердинеръ Аѳанасій—бритый худенькій старичокъ, съ сѣдымъ хохолкомъ на лбу, съ торчавшими сзади, изъза воротника сюртука, завязками манишки.

XII.

Отдавшись наладившемуся дѣлу съ крестьянами, Ступинъ какъ бы нашелъ исходъ всему.

Бродившія мысли его успокоились, вошли въ колею. Избрать долю хозяина, слиться интересами съ окружающимъ, имѣть близкими къ себѣ его радости и печали—стало для него ясною, опредѣлившеюся цѣлью.

Навѣдывавшійся изъ города Модестовъ успѣшно велъ пере-

говоры съ крестьянами, объясняя, одолѣвая то одинъ, то другой пунктъ. Самъ Ступинъ съ бурмистромъ,—уже отлично понявшимъ, „въ чемъ тутъ касательство“, и готовымъ на услуги,—объѣзжалъ лѣсъ, луга, намѣчая болѣе подходящіе для крестьянъ участки, облюбовывалъ на селѣ мѣста для школы и колодца. Съ незнакомымъ прежде сознаніемъ прямого, сосредоточеннаго интереса встрѣчалъ онъ теперь все деревенское, сознавалъ, какъ раскрывается предъ нимъ, шагъ за шагомъ, таинственное содержаніе жизни, дѣйствительности; спокойно и увѣренно готовился къ труду, къ жертвамъ...

При каждомъ практически назрѣвавшемъ вопросѣ или встрѣчавшемся затрудненіи онъ ѣхалъ за совѣтомъ въ Ртищево. Если Ветлугина не оказывалось дома, Кэтъ записывала надобное, для передачи отцу. Она и сама интересовалась дѣломъ Ступина съ крестьянами. Ее не пугали спеціально-школьныя или хозяйственныя сухія, скучныя подробности, въ которыя вдавался Ступинъ при ея разспросахъ. Встрѣчая касавшееся школъ въ получавшихся въ Ртищевѣ англійскихъ журналахъ, она отмѣчала прочитанное, и потомъ, при случаѣ, переводила Ступину. Это вовлекало обыкновенно въ бесѣду, въ оживленный обмѣнъ мнѣній, близкій порою къ спору.

Случалось, что при этомъ присутствовала миссъ Кэрби, не разставававшаяся съ голубымъ гаруснымъ шарфомъ, который вѣчно вязала она для кого-то. При первомъ же возвышеніи голосовъ она поднимала голову и роняла свой клубокъ шерсти; потомъ, видя маневръ незамѣченнымъ, а опасность ростущею, она извинялась, что прерываетъ разговоръ, и освѣдомлялась у Кэтъ: которое сегодня число?

Вѣра и Кэтъ родились въ Лондонѣ и тамъ же поступили въ вѣдѣніе миссъ Гортензіи Кэрби. Былъ еще первенецъ-сынъ, Иванъ, родившійся въ Россіи,—уже женатый и успѣшно служившій въ одномъ изъ петербургскихъ гвардейскихъ полковъ. Имѣя предкомъ баронета, а отцомъ многосемейнаго деревенскаго пастора, миссъ Кэрби рано вступила на самостоятельный путь наставницы и принадлежала по своимъ качествамъ къ числу патентованныхъ англійскихъ издѣлій, не боящихся никакихъ ударовъ судьбы... Она послѣдовала за Ветлугиными въ Россію; а окончивъ наставничество, имѣвшее въ основѣ задачу развивать умъ, сердце и руки, заслужила любовь воспитанницъ и осталась навсегда въ семьѣ.

XIII.

Темная, безлунная ночь съ едва мерцавшими звѣздочками крыла все точно бархатомъ. Въ ртищевскомъ домѣ давно погасли огни.

Свѣтъ мелькалъ только внизу—въ маленькой диванной, выходившей окнами въ паркъ. Она была собственнымъ уголкомъ супруговъ Ветлугиныхъ, и они имѣли обыкновеніе бесѣдовать въ ней передъ сномъ.

Близилась уже полночь. Ветлугинъ, въ туфляхъ и шлафрокѣ, сидѣлъ, горбясь въ креслѣ. Сумрачный, съ усталымъ, осунувшимся лицомъ, онъ не походилъ на себя. Привычная, свойственная вообще придворнымъ и дипломатамъ способность будить въ себѣ энергію, сохранять чуткость, неутомимость, покинула его теперь, свершивъ возможное, и организмъ бездѣйствовалъ.

Вошла Нина Иракліевна, бывшая наверху, у Кэтъ.

— Отчего ты такъ долго?—проговорилъ Ветлугинъ, точно отъ сна очнувшись.

— Кэтъ писала Вѣрѣ, и я ждала, чтобъ приписать.

— А Григорій Васильевичъ и глазъ не кажетъ...

— У него столько дѣлъ!

Ветлугинъ откинулся на спинку кресла; усталый взглядъ его ожилъ на мгновенье.

— Важно не количество дѣлъ, а ихъ значеніе!—отвѣтилъ онъ.

Нина Иракліевна промолчала, по обыкновенію. Она всегда старалась извинять Юрлова, вѣрила, что затрудненія его дѣйствительно временныя, что онъ хлопочетъ выйти изъ нихъ, и надѣялась на лучшее, по общей людской склонности къ этому.

— Всякія дѣла тогда лишь могутъ идти какъ должно,—продолжалъ Ветлугинъ,—когда на соотвѣтствующемъ мѣстѣ находится соотвѣтствующій человѣкъ—the right man in the right place... А Григорій Васильевичъ—*кавалергардъ*,—подчеркнулъ онъ:—и потому ни въ хозяйствѣ, ни въ оборотахъ—не на мѣстѣ... A propos...—началъ онъ, помолчавъ и слѣдуя, видимо, сцѣпленію идей:—Кэтъ, насколько могу я понимать въ такихъ дѣлахъ, не въ ссорѣ, кажется, съ Порозовымъ?..

— Она очень расположена къ нему...

— И онъ заслуживаетъ этого!

Михаилъ Кирилловичъ Порозовъ ухаживалъ за Кэтъ давно и открыто. Во многомъ англоманъ, какъ и Ветлугины, онъ, по

англійскому обыкновенію, объяснился прежде всего не съ родителями, а съ нею. Она искренно отвѣтила, что должна подумать, и осталась съ нимъ въ дружбѣ. Отсрочка сходилась и съ обстоятельствами жениха: требовалось отдѣлать домъ въ Петербургѣ, распорядиться въ имѣніи такъ, чтобъ можно было пожить заграницей.

Нина Иракліевна присѣла на диванъ, подбирая задумчиво волосы подъ гребень, какъ бы соображая что-то.

— Ты знаешь?.. Платоновъ будетъ баллотироваться въ предводители...—сказала она.

— Не думаю...—промолвилъ Ветлугинъ, сохраняя равнодушный видъ.—Не въ такой же степени можетъ утратиться „амбушуръ“ у дворянства...

— Да, да!—подтвердила Нина Иракліевна.—И... ты понимаешь: безъ попутнаго вѣянія не выступилъ бы онъ...

До выборовъ оставался всего годъ. Платоновъ—крайній консерваторъ и человѣкъ съ такимъ нравственнымъ уровнемъ, что доносы о „нехожденіи въ церковь“, о „неблагонадежности“ составляли у него пріемъ борьбы,—не рѣшался никогда выступить кандидатомъ хотя бы въ безличные кандидаты предводительскіе. Почему же теперь?.. Неужели „вѣяніе“ уже такъ ощутительно?..

Ветлугинъ молчалъ.

— Шипилиха звонитъ по уѣзду,—продолжала Нина Иракліевна.—Мнѣ передаютъ... съ доброжелательствомъ, какъ водится... съ несноснымъ, обиднымъ соболѣзнованіемъ...

Голосъ дрогнулъ у нея, слова остановились въ горлѣ.

— Зачѣмъ волноваться такъ изъ-за пустяка!—воскликнулъ утѣшающе Ветлугинъ.—Все это—слухи только, ничтожные, безосновательные... А Платоновъ—пузырь мыльный... Нѣмцы прекрасно смотрятъ на подобныя вещи, говоря: „Lass dir eine Kleinigkeit nicht näher gehn, als sie werth ist!“... А?... И потомъ, помнишь, какъ мы рѣшили?.. Мы рѣшили, что никакіе уѣздные комеражи не существуютъ для насъ... И ты отлично сдѣлаешь, если выкинешь ихъ изъ головы!

— А твоя неудача въ Петербургѣ?

Она затрогивала то, что̀ лежало у него на сердцѣ, чѣмъ заняты были думы до ея прихода... Но онъ не хотѣлъ, чтобъ страдала еще она. Да и что̀ пользы?

— Какое можетъ быть отношеніе!—отвѣтилъ онъ съ видимымъ спокойствіемъ.

— Безъ этого развѣ посмѣлъ бы Платоновъ!—возразила

Нина Иракліевна.—И развѣ не видно того же по петербургскимъ флюгерамъ—друзьямъ-пріятелямъ! Когда Свирскій чрезъ секретаря отвѣчалъ тебѣ?.. Аносовъ—могъ ли онъ раньше „добрѣйшимъ“ титуловать тебя?.. И вотъ всѣмъ этимъ слухомъ земля полнится; все это позволяетъ осмѣливаться людишкамъ... человѣчишкамъ...

Слезы посыпались у нея изъ глазъ...

XIV.

Въ своей спальнѣ, улегшись на гигіеническую кровать съ жесткимъ матрасомъ, Ветлугинъ отогналъ отъ себя все дневное.

Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ, непріятное подступало, овладѣвало мыслями. Онъ зажегъ свѣчу и выкурилъ папироску; а тамъ еще и еще...

Наступила мучительная безсонная ночь.

Потянулись въ памяти годы непрерывныхъ трудовъ, усилій, безъ мысли о корысти, во имя гражданскихъ добросовѣстныхъ стремленій... Встала скорбная вереница эпизодовъ, событій, недоразумѣній, столкновеній, репрессій,—тормозившихъ каждый шагъ, незаслуженныхъ, тяжкихъ, обезкураживающихъ, не щадившихъ ни самолюбія, ни достоинства... Дувшій то туда, то сюда циркулярный вѣтеръ мѣшалъ сосредоточиться, не позволялъ держаться ни опредѣленныхъ взглядовъ, ни выработаннаго плана дѣйствій, смущалъ требованіемъ всякихъ неприглядностей. Заматорѣлая уѣздная жизнь, обреченная покоиться на трехъ своихъ китахъ—картахъ, водкѣ и снѣ,—принуждала однихъ работниковъ бѣжать, атрофировала способности другихъ. Пившій, буйствовавшій инспекторъ народныхъ школъ, креатура охранителей, беззаконно изгонялъ лучшихъ земскихъ учителей, и приходилось закрывать школы. Паря надъ всѣмъ этимъ и вырывая жертву за жертвой, свирѣпствовалъ административный произволъ... Легально достигнутое сегодня, завершенное, рушилось завтра по прихоти „усмотрѣнія“, и приходилось снова начинать трудъ.

...Какъ ни былъ безотраденъ путь, гдѣ „столькихъ славныхъ жизнь поблекла“, какъ ни кидало ладью въ порогахъ, — онъ не терялъ цѣли изъ виду, утѣшался надеждой, что каждая пройденная пядь приближаетъ, что съ каждымъ новымъ испытаніемъ союзъ соратниковъ крѣпнетъ... А что въ результатѣ? Стоило усилиться произволу, приблизиться рѣшительной минутѣ—и нѣтъ уже единства, энергіи, стойкости; противники осмѣливаются,

дерзаютъ... Онъ, носитель лучшихъ сословныхъ завѣтовъ, безкорыстный подвижникъ, долженъ отвоевывать себѣ право на служеніе благу другихъ, на самопожертвованіе... И не пора ли опомниться? Не химера ли, не заманчивыя ли несбыточныя мечтанія эта тяжкая, самоотверженная, опасная забота о деревнѣ, о „меньшемъ братѣ“, о благѣ всѣхъ? Кто проситъ ее? кому она надобна? Не благую ли часть сулитъ жесткая буржуазная формула: „Chacun pour soi, chacun chez soi“?..

...Какъ всегда, онъ хотѣлъ вѣрить, что прогрессъ—стремленіе къ образцу, къ идеалу, а не тяготѣніе къ реальному; что забота о благѣ всѣхъ—долгъ гражданина; что только самоотверженностью избранниковъ держится живящее движеніе, гонится мертвенный застой; что отъ суровой дѣйствительности надо требовать слишкомъ много, чтобъ она дала что-нибудь; что какъ бы доказательно ни развѣнчивалъ разсудокъ свѣтлую, пылкую отзывчивость мечтателей, она всегда будетъ знакомъ лучшихъ людей, свѣтомъ во тьмѣ, Прометеевою искрой, назначенной живить истуканы... Онъ хотѣлъ вѣрить во все это, хватался судорожно за эту вѣру — за свое послѣднее дорогое, внѣ котораго не было больше ни руководящей цѣли, ни нравственной связи съ окружающимъ; а чувства отзывались тупо, апатично, энергія гасла, подавляемая скорбью утомленной души...

XV.

Хорошій лѣтній день уже клонился къ вечеру.

Городъ К* начиналъ приходить въ себя послѣ обѣденнаго отдыха.

Лучшій въ Соборной улицѣ, деревянный, обшитый тесомъ и выкрашенный сѣрою масляною краской, домъ предводительскаго кандидата, Андрея Демьяныча Макушева, тоже подалъ признаки жизни: оконныя зеленыя шторы съ черными деревьями и согнувшимися въ дугу охотниками поднялись; балконная дверь въ палисадникъ, наполненный копавшимися курами, отворилась.

Показался и самъ Макушевъ — хмурый, оплывшій толстякъ въ пестромъ шолковомъ халатѣ.

Онъ остановился въ двери, зѣвнулъ, разогналъ платкомъ кинувшуюся къ потному лицу вереницу мухъ и взглянулъ на ясное, прозрачное небо, какъ бы затканное золотистыми безконечными нитями.

Заспанные глаза его ослѣпило. Онъ заморгалъ учащенно и отступилъ въ комнату.

Зѣвнувъ еще нѣсколько разъ—длительно и смачно, такъ что нижняя челюсть едва-едва стала на мѣсто, — онъ тряхнулъ головою и крикнулъ:

— Эй!

Отъ этого крика ожилъ весь домъ: появилась горничная съ бутылкой смородинной шипучки на подносикѣ; вышла изъ спальни, поправляя прическу, жена, Дарья Зиновьевна, — полная, недурная собою, брюнетка въ брилліантиновомъ капотѣ; на заднемъ крыльцѣ загудѣлъ самоваръ, выбрасывая искорки изъ трубы.

Макушевъ, чувствовавшій обыкновенно послѣ сна неутолимую жажду, осушилъ залпомъ два стакана шипучки.

— Не пей ты такъ, сразу! — сказала жена.—Отъ этого и бурчанье у тебя...

— Когда хочется!

Просвѣтъ балконной двери затемнился. Раздался голосъ:

— Воркуете?

Это пришелъ инвалидный начальникъ Никаноръ Максимовичъ Шубинъ, постоянный партнеръ въ „винтъ“.

— П'ли!—крикнулъ Макушевъ, распечатывая съ трескомъ надъ ухомъ гостя колоду картъ.

— Смотрите, себя не контузьте, какъ въ прошлый разъ—безъ пяти, вмѣсто большого шлема! — отвѣтилъ Шубинъ, беря карту.—Да что вы спѣшите? Не вдвоемъ же садиться!

— Берите, берите! Сейчасъ подой...

Отрыжка шипучкой, шибнувшая въ носъ, вырвавшаяся съ рокотомъ и свистомъ изо рта, не дала Макушеву кончить.

Съ палисадникомъ поровнялась толстенькая блондинка, игриво повертывая яркій зонтикъ на плечѣ.

— Настасья Ниловна!—окликнулъ ее Шубинъ изъ двери.—Куда это вы такъ—чикъ-чикъ-чикъ?! И смотрѣть не хотите!

— Никуда: гуляю.

— Лука Лукичъ что подѣлываетъ?

— На охоту уѣхалъ!

— А не въ Ртищево?

— Можетъ быть... Не знаю.

— Нила Семеныча отчего не видно?

— За книгами сидитъ!

Она кивнула головой и пошла еще бойчѣе, поспѣшнѣе.

— Почему такое любопытство?—обратилась къ Шубину хозяйка, заинтересовываясь сама.

— Такъ это я, чтобъ попытать ее,—отвѣтилъ тотъ.—Никогда правды не скажетъ, хоть ты что! У меня солдатикъ такой есть—Никоновъ, что дрова кололъ вамъ... Я ужъ такъ и спрашиваю его—наоборотъ все: не соображаетъ и попадается...

— Что жъ такого теперь? Въ чемъ можетъ быть неправда?—съ горячностью и допытываясь, сказала Макушева.

— Да во всемъ!—отвѣтилъ Шубинъ. — Лука Лукичъ позавчера въ Ртищево, съ бумагами къ Артемію Петровичу уѣхалъ, а не на охоту; папенька ея, Нилъ Семенычъ, по уѣзду, на вскрытія, отправился, и это отлично извѣстно ей; сама она не гуляетъ, а къ акцизному въ садъ, на свиданіе, спѣшитъ...

— Все, все вамъ извѣстно!—перебила Макушева, съ легкою краской въ лицѣ, отъ волненія.—Подумаешь, что вы женщина!

— Почему же мнѣ собственно извѣстно?—промолвилъ, скромничая, Шубинъ. — Весь городъ знаетъ, что дѣти не Луки Лукича...

— А зачѣмъ онъ женился на ней, послѣ всѣхъ ея романовъ?

— Любовь-съ...

— Нѣтъ, это значитъ—неглижировать обществомъ, игнорировать приличія!...

Макушева, какъ воспитавшаяся въ институтѣ, владѣла изысканною рѣчью.

Въ балконную дверь вступила пара подъ-ручку — секретарь земской управы Кипарисовъ съ женою. Вскорѣ подошли еще гости.

Играть сѣли въ гостиной.

Во время самаго разгара игры, къ палисаднику подъѣхалъ ямской тарантасъ. Изъ него выбрался и торопливо направился въ домъ Модестовъ.

— Лука Лукичъ! — Вотъ онъ! — Вписывайтесь! — раздались голоса игроковъ.

Но Модестовъ, сверхъ обыкновенія, не засмѣялся, не порадовался случаю вписаться. Онъ положилъ на стулъ портфель, повѣсилъ себѣ на руку накидку, оставшись въ форменномъ фракѣ, обмахнулъ платкомъ сконфуженное бритое лицо и остановилъ на Макушевѣ растерянный взглядъ.

— Артемій Петровичъ скончались...—проговорилъ онъ убитымъ голосомъ.

Хозяинъ и гости вскочили.

— Что вы?—Когда?—Быть не можетъ!—раздались голоса.

— Вчера ночью... Поражены... Что-съ?.. Да, да... Извините, Дарья Зиновьевна!..—сталъ лепетать Модестовъ, повертываясь и

не успѣвая отвѣчать обступившимъ его. — Отца родного потерялъ! — сказалъ онъ уже отъ себя и дѣтски-плаксиво. — Вамъ надо въ должность вступать, Андрей Демьянычъ.

— Какъ... вступать?

— Въ званіе предводителя: вы—кандидатъ.

Макушевъ, самый заурядный штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, избранъ былъ въ уваженіе его безвредности и служилъ отъ нечего дѣлать. Вступать въ должность ему приходилось не разъ; но вступленія эти ограничивались обыкновенно лишь тѣмъ, что Модестовъ приносилъ къ нему бумаги и указывалъ, которую изъ нихъ и на какомъ мѣстѣ слѣдуетъ подписать.

Теперь со вступленіемъ связывалось нѣчто.

Макушевъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, а потомъ кинулся изъ гостиной въ кабинетъ такъ стремительно, что пестрый шолковый халатъ его раскинулся сзади точно павлиній хвостъ.

— Вотъ и отлетѣла душа уѣзда, — промолвилъ философски секретарь Кипарисовъ.

— Сынъ, Иванъ Артемьевичъ, заступитъ? Онъ въ Петербургѣ? Служитъ? — стала любопытствовать Макушева, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Флигель-адъютантъ-съ! — отвѣтилъ Шубинъ, проникаясь достоинствомъ при одномъ упоминовеніи такого титула.

Вошелъ Макушевъ.

Онъ былъ одѣтъ во все новое и черное. Изъ-подъ воротника сюртука выглядывала на шеѣ лента Станислава.

— Господа! Тяжкая скорбь, постигнувшая уѣздъ...—обратился онъ къ гостямъ.—Вступая теперь въ обязанности, прошу извинить... Милка!—это было ласкательное для жены—мы ѣдемъ съ Лукой Лукичемъ! Ты—завтра, къ выносу!

XVI.

Подъѣздъ ртищевскаго дома былъ затянутъ черпымъ сукномъ съ плёрезами.

Въ залѣ шла предвыносная панихида.

Сѣдой, благообразный мѣстный священникъ, въ черной съ серебромъ ризѣ, служилъ не торопясь, вдумчиво. Красноватый свѣтъ большихъ восковыхъ свѣчей въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ боролся со свѣтомъ дня. Между двумя рядами этихъ подсвѣчниковъ лежалъ на столѣ Ветлугинъ, прикрытый по грудь парчевымъ покровомъ.

Въ дверяхъ сосѣдней комнаты стояли семья и близкіе, въ глубокомъ траурѣ. Нина Иракліевна, полубольная, сидѣла въ креслѣ.

Залу наполняло съѣхавшееся дворянство.

Макушевъ, неслышно ступая по лоснившемуся паркету, приблизился къ столу и поклонился покойнику. Ветлугинъ лежалъ какъ живой: сѣдоватые, тщательно пробранные волосы серебрились при блескѣ свѣчей, усы и бакенбарды были зачесаны, стоячіе, точно костяные воротнички подпирали выбритый подбородокъ. Что-то таинственно-высокое, властное видѣлось въ неподвижныхъ, какъ-бы сіявшихъ чертахъ.

Растревоженнымъ воображеніемъ Макушевъ впервые представилъ себѣ отчетливо *предводителя*—не человѣка только, а и отвлеченный, казавшійся недосягаемымъ, іерархическій обликъ.

Смущенный, онъ отступилъ отъ стола и замѣшался въ ряды дворянъ.

Ему стали пожимать руку. Кто-то шепнулъ: „Поздравляю“... Приблизившійся дворецкій прошелестилъ чуть слышно:

— Пожалуйте въ угловую...

Макушева дернули за полу, и онъ двинулся вслѣдъ за другими.

Въ угловой, на большомъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, были разложены листы чистой бумаги, стоялъ письменный приборъ. Макушеву предложили предсѣдательское мѣсто. Потомъ всѣ заспорили, точно забывъ о немъ. Когда споръ затихъ, Модестовъ составилъ протоколъ. Макушевъ узналъ, что земство учредитъ школьную стипендію имени *предсѣдателя* Ветлугина, а дворянство почтитъ похороны *предводителя* особою депутаціей. Тутъ же образовали и депутацію, съ Макушевымъ во главѣ.

Похоронами распоряжался Юрловъ, обращавшій особое вниманіе на декоративную сторону, не упускавшій ни одной мелочи, способствовавшей выказать высокое положеніе покойнаго.

Послѣ похоронъ—гробъ опустили въ фамильный склепъ, въ оградѣ ртищевской церкви—началась литія въ залѣ.

Стоя въ толпѣ, Ступинъ увидѣлъ неподалеку отъ себя Кэтъ. Въ большомъ траурномъ чепцѣ, горестно-тихая, она стояла не шевелясь, сжимая платокъ блѣдными пальцами опущенныхъ рукъ. Замѣтивъ его, она придвинулась и пожала ему руку.

— Все счастье опущено въ могилу,—промолвила она.

— Что за причина?

— Докторъ нашелъ, что нервный ударъ.

Уходя потомъ съ дамами, она сказала ему:

— Вы будете пріѣзжать къ намъ? На той недѣлѣ мы брата моего ждемъ.

Тамъ и сямъ, въ обособлявшихся группахъ и у закусочныхъ столовъ, таинственно перешептывались. Уѣздное всезнайство плодило слухи, догадки о неожиданной смерти предводителя, мѣшало быль съ небылицами, катило росшій „снѣжный комъ“...

Достовѣрно-извѣстное было тоже неясно и сводилось къ немногому. Нину Иракліевну разбудили на разсвѣтѣ, сказавъ, что Артемію Петровичу нездоровится. Она нашла мужа въ агоніи. Онъ бредилъ, мѣшая русскія фразы съ англійскими. Послѣднія, вырвавшіяся съ предсмертнымъ хрипѣніемъ, слова были: „...*the battle of life... is over...*“ Находившійся на вскрытіи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ртищева и немедленно вызванный, уѣздный врачъ, тесть Модестова, Нилъ Семенычъ Обольяниновъ, могъ только констатировать кончину, случившуюся, по его заключенію, отъ *apoplexia nervosa*.

XVII.

Ступинъ отправился въ Ртищево спустя недѣли двѣ.

Пріема не было, но обо всемъ докладывалось миссъ Кэрби. Его попросили въ маленькую гостиную.

Миссъ Кэрби была тамъ—вся въ черномъ, чопорная, холодная. Блюдя этикетъ, она заговорила по французски, хотя обыкновенно любила практиковать изучавшуюся ею русскую рѣчь. Ступинъ сначала затруднился, было, но, не видя исхода, осмѣлился. Освѣдомившись о здоровьи дамъ, попросивъ засвидѣтельствовать имъ его соболѣзнованіе, онъ взялся за шляпу.

Миссъ Кэрби проговорила, остановивъ на немъ безстрастный взглядъ:

— Сейчасъ выйдетъ miss Кэтъ.

Вошла Кэтъ, съ усталымъ взглядомъ, блѣдная до синевы, проступавшей сквозь тонкую кожу. На плечахъ у нея была большая, домашняя шаль.

— Ахъ, что дѣлается у насъ! Вы вообразить не можете!—стала говорить она, прохаживаясь со Ступинымъ по комнатѣ.—Бумаги, счеты-разсчеты! Maman измучена, я должна сидѣть и слушать!..

Раздалось мелодическое позваниваніе шпоръ.

Вошелъ пріѣхавшій съ недѣлю тому назадъ молодой Ветлугинъ—въ красивомъ мундирѣ съ аксельбантами, съ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ, очень похожій лицомъ на отца.

Держась прямо и выказывая ту увѣренную паркетную выправку, при которой каждый шагъ, каждое движеніе сами находятъ мѣсто, получаютъ стройность, онъ приблизился къ Ступину и протянулъ ему руку.

— Ветлугинъ,—сказалъ онъ просто.—Я много слышалъ о васъ отъ сестры.

Кэтъ молча поклонилась Ступину и пошла къ двери.

— Ты что же?.. просила г. Ступина?—окликнулъ ее братъ.

— Ахъ, да! Вотъ видишь: я даже память теряю!

Она вернулась, кутаясь въ свою шаль, и стала говорить:

— У меня большая просьба къ вамъ, Матвѣй Николаевичъ, я даже писать хотѣла вамъ... Можете вы пріютить пажа моего, Володю? Вы помните его?... Это не обезпокоитъ васъ? Ему скучно, дико теперь у насъ, да и я рѣшительно не имѣю времени... Чрезъ нѣсколько недѣль за нимъ пришлютъ родственники; а заниматься съ нимъ очень легко—онъ послушный и понятливый.

Ступинъ искренно отвѣтилъ, что мальчикъ будетъ только пріятнымъ компаньономъ для него. Онъ даже вызвался взять его теперь же съ собою.

Сборы оказались недолгими: спустя полчаса, Володя и его сундучокъ съ пожитками были въ тарантасѣ.

— Хорошо тебѣ сидѣть, Володя?—спросилъ Ступинъ, когда тарантасъ, выбравшись за село, застучалъ по жесткой, колеистой дорогѣ.

— Хорошо-съ,—прошепелявилъ Володя, шевельнувшись въ уголкѣ тарантаса и поводя плечиками.

Ступинъ попробовалъ-было продолжать разговоръ, но маленькій спутникъ только взглядывалъ робко и отмалчивался, встревоженный, видимо, перемѣною и всматривавшійся въ своего новаго господина.

Вокругъ, сквозь густой, красноватый воздухъ, виднѣлись площадки жнивья, усѣянныя копнами, выдавались глянцовито-рыжіе загоны проса. Въ кустахъ и на высокихъ придорожныхъ стебляхъ татарника, белены звонко заливались стрекозы. Вдалекѣ, на краю начинавшаго вечерѣть горизонта, стояла темная грозовая туча, отбросивъ внизъ тусклыя дождевыя полосы...

XVIII.

Въ ртищевской „голубой“ гостиной шелъ между тѣмъ семейный совѣтъ, длившійся уже нѣсколько дней.

Косые лучи солнца падали сквозь тюль оконныхъ занавѣсокъ длинными узорными полосами на паркетъ, на блѣдный плюшъ портьеръ.

На диванѣ, обложенная подушками и укрытая пледомъ до колѣнъ, полулежала Нина Иракліевна, нюхая по временамъ спиртъ изъ флакончика. У стола, заваленнаго конторскими книгами, планами, бумагами, помѣщались въ креслахъ Юрловъ, Ветлугинъ, Кэтъ и Вѣра.

Ветлугинъ предлагалъ ликвидировать дѣла, продать имѣніе. Юрловъ стоялъ за продолженіе дѣлъ.

— Какъ же вести дѣла, когда денегъ... вотъ, вотъ!..—воскликнулъ Ветлугинъ, тыча пальцемъ въ развернутый балансъ.— Сколько тамъ?.. Пять тысячъ?

— Да кредитъ же, говорю я! — возразилъ Юрловъ. — Безъ кредита нѣтъ дѣлъ!

— Личный кредитъ отъ личныхъ качествъ и зависитъ. Рара имѣлъ его, а я могу не имѣть. Рара жилъ здѣсь, отдавался всецѣло хозяйству, а у меня служба, я не могу...

— И ликвидировать не значитъ — взять да все и продать сегодня! — перебилъ Юрловъ. — Надо поддерживать ходъ дѣлъ, выжидать, выискивать покупателей!

Ветлугинъ всталъ и задумчиво прошелся по гостиной.

Взявшій хорошее состояніе за женою, стоявшій на видной служебной дорогѣ, онъ заботился въ наслѣдствѣ не о своихъ интересахъ, видѣлъ въ ликвидаціи избавленіе семьи отъ хлопотъ и потерь.

— Jean,—послышался голосъ Нины Иракліевны.—Мнѣ кажется, Григорій Васильевичъ правъ... Какъ ты думаешь?

— Я поступлю такъ, какъ будетъ вамъ угодно, maman, — отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Я согласна съ нимъ.

— Вы какъ?—обратился Ветлугинъ къ сестрамъ.

Тѣ соглашались съ нимъ и съ матерью.

Наступила тишина. Слышалось только позваниванье шпоръ прохаживавшагося Ветлугина.

— Что жъ, будемъ вести дѣла! — сказалъ онъ, остановившись у стола.—Но лично я все-таки не могу принять на себя этого. Если вы,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрлову,—если вы убѣждены въ возможности, знаете условія мѣстныя, имѣете шансы... явиться замѣстителемъ рара, то...

Юрловъ потупился задумчиво.

Каждое слово его на совѣтѣ, всякое усиліе, всякій помы-

селъ—все къ тому и клонилось, чтобы стать замѣстителемъ тестя, водворить „интенсивность“ во всѣхъ хозяйственныхъ статьяхъ, дать полный ходъ кредиту... Окунаться съ головою въ невѣдомое, надѣяться невѣсть на что — составляло въ немъ органическую особенность, „родъ недуга“. Его огромные глѣбовскіе засѣвы, сложнѣйшіе „обороты“ — вплоть до продажи хлѣба на корню — были, собственно говоря, лишь переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, хроническимъ таяніемъ родовыхъ остатковъ, но онъ толокъ эту воду въ ступѣ искренно. На опутанное долгами Глѣбово, давно ставшее пустымъ экономическимъ терминомъ, онъ продолжалъ смотрѣть какъ на реальную цѣнность, вѣрилъ, неизвѣстно почему, что финансовая тѣснота, жмущая спереди, сзади и съ боковъ, есть только временная, что вотъ-вотъ откуда-то придетъ что-то—свалится съ неба, быть можетъ,—и дѣла воспрянутъ, зацвѣтутъ.

И дѣйствительно, фантастическое „что-то“ сваливалось теперь съ неба: заведенное огромное хозяйство, съ поступленіями, съ кредитомъ, съ извѣстностью давалось само въ руки, обезпечивало дальнѣйшіе изворотыъ безнадежныхъ глѣбовскихъ дѣлахъ.

Оріентировавшись мысленно, Юрловъ всталъ и закрутилъ обѣими руками свои длинные шелковистые усы (это была у него привычка).

— Въ виду общихъ семейныхъ интересовъ, я готовъ!—произнесъ онъ, позируя и опираясь о столъ кончиками пальцевъ.—Мнѣ предстоитъ трудъ, на меня ложится отвѣтственность, и я... постараюсь! Но—онъ поднялъ какъ бы со строгостью указательный палецъ:—для успѣха необходимы полная свобода дѣйствій, самостоятельность! И я—онъ сдѣлалъ общій поклонъ—надѣюсь имѣть ихъ! Вы говорите: гдѣ деньги?—продолжалъ онъ, развернувъ инвентарь и обращаясь къ Ветлугину.—Вотъ-съ онѣ... вотъ, на лицо!—Онъ прихлопнулъ кончиками пальцевъ по страницѣ.—Вотъ лѣсъ... Почему онъ только *лѣсъ*, цѣнностью двѣсти рублей за десятину, а не *товаръ*, приносящій съ того же пространства пять, десять тысячъ рублей?! Поставьте лѣсопильню, обратите сырье въ бревна, доски, клепки, въ драпь, гонтъ—вотъ и все!.. А болота?—Онъ прихлопнулъ по другой страницѣ.—Онѣ даже и цѣнности никакой не имѣютъ, да еще налогами бременятъ! А между тѣмъ это—торфъ... парафинъ!.. Потому-то и важны въ предпріятіяхъ интенсивность, кредитъ! Потому-то и являются Круппы, Лессепсы, создающіе изъ ничего сотни милліоновъ!

XIX.

Поздно вечеромъ, въ своей комнатѣ наверху, Ветлугинъ отдавался думамъ.

Нервы были натянуты, на все смотрѣлось точно сквозь темные очки. Да и было отчего. Загадочность смерти отца не укрывалась отъ него, и онъ не могъ не болѣть душою. О состояніи дѣлъ онъ зналъ раньше, но не ожидалъ найти затруднительность такою малопоправимою. Въ неожиданномъ свѣтѣ выступалъ и Юрловъ,—превращавшійся изъ „веселаго человѣка“ въ вершителя судебъ. По балансу, имущество значительно превышало долги, почему ликвидація и казалась лучшимъ исходомъ. Теперь все зависѣло отъ хода дѣлъ. Какими неутѣшительными ни оказались бы результаты, за себя онъ мирился съ ними заранѣе, но объ участи матери и Кэтъ нельзя было не думать.

Получивъ толчокъ, мысли бѣжали дальше, за обычный кругозоръ, цѣплялись то за одно, то за другое. Ветлугинъ какъ бы прозрѣвалъ, открывалъ горизонты. Многое изъ уѣздной дѣятельности отца—раньше малопонятное, скользившее только по вниманію, — выступало въ живомъ, яркомъ свѣтѣ, перестраивало кругъ обычныхъ понятій, взглядовъ... по иному освѣщало событія, лица...

Въ раскрытое окно—огня не было въ комнатѣ—лилась мягкая ночная прохлада; немногія звѣздочки на темномъ небѣ точно прятались за верхушками деревьевъ парка; вспыхивали и трепетно гасли зарницы вдалекѣ.

Какая-то уснувшая птица оборвалась въ вѣтвяхъ подъ окномъ и зашумѣла крыльями.

Ветлугинъ вскинулъ голову.

Тоскливо, не по себѣ было ему и хотѣлось разсѣяться. Онъ спустился чрезъ балконную въ паркъ и побрелъ по лабиринту дорожекъ.

Въ галереѣ виднѣлось у перилъ что-то бѣлое: это оказалась Кэтъ въ ночномъ капотѣ.

— Ты не спишь?—сказалъ удивленно Ветлугинъ.

— Я часто засиживаюсь такъ. И ты смотри, какъ хорошо тутъ!—стала говорить она.—Прудъ спитъ и дышитъ во снѣ... Деревья обступили его, точно великаны сказочные, и шепчутся о чемъ-то... А за ними—тѣни какія-то хороводомъ кружатся и все уходятъ, уходятъ въ даль... Вѣдь да? Ты всмотрись!

Онъ молча присѣлъ рядомъ съ нею на садовый диванчикъ.

— Всѣ книги Володины въ классной остались,—сообщила она вдругъ.

— Да? Надо отослать завтра,—промолвилъ Ветлугинъ.—А какой славный Ступинъ, отзывчивый!

— Рара очень любилъ его.

— Не знаю, успѣю ли я побывать у него... Отпускъ короткій у меня, а надобности длинныя оказываются... Надо къ князю Г* съѣздить, въ городъ, ко многимъ... На визитъ къ Порозову цѣлый день уйдетъ, а отправиться непремѣнно слѣдуетъ!.. Онъ сколько, два раза уже былъ за это время?

— Три...

— Вотъ видишь!.. А что это за Шипилиха, о которой слышишь то-и-дѣло?

— Газета уѣздная...

— Кумушка—ротъ нараспашку, языкъ на плечо?

— Откуда у тебя такія выраженія?—сказала, усмѣхнувшись, Кэтъ.

— Денщикъ мой о горничной говоритъ такъ.

Они побесѣдовали, перебѣгая съ предмета на предметъ, но, точно сговорившись, не коснулись ни словомъ ртищевскихъ дѣлъ.

XX.

Кэтъ приводила въ порядокъ свою комнату.

Въ синенькомъ рабочемъ фартукѣ англійскаго фасона, усѣянномъ кармашками, точно заплатами, въ старенькихъ перчаткахъ и съ платкомъ на головѣ въ защиту отъ пыли, она методично дѣйствовала то тряпкой, то метелкой изъ перьевъ, устанавливала книги на полкахъ, бездѣлушки на этажеркѣ.

Въ дверяхъ показалась миссъ Кэрби.

Съ минуту она оставалась въ положеніи наблюдательницы, слѣдя за движеніями питомицы и какъ бы экзаменуя, по привычкѣ, выполненіе преподаннаго, потомъ сдѣлала шагъ впередъ и произнесла значительно:

— М-г Порозовъ пріѣхалъ. Я приказала просить его въ голубую гостиную.

Рука Кэтъ съ метелкой опустилась безсильно, на лицѣ выразилось смущеніе.

Миссъ Кэрби помедлила, давая слово, но, не дождавшись его, продолжала:

— Мнѣ кажется, что будетъ не совсѣмъ ловко, если онъ и на этотъ разъ не увидитъ... хозяйку. Какъ вы думаете?

Убитая горемъ Нина Иракліевна почти не показывалась изъ своей комнаты. Гостей принимала миссъ Кэрби или Кэтъ. Къ Порозову не вышла она ни разу за всѣ три его пріѣзда... Чуткое женское сердце подсказывало ей, что первая же встрѣча съ поклонникомъ и другомъ принесетъ развязку, и этой развязки она смутно, безотчетно боялась, отдаляла ее... Смятеніе охватило ее и теперь. Но рѣшиться надо было.

— Да, я одѣнусь сейчасъ,—сказала она.—Займите его пока.

Миссъ Кэрби скрылась къ себѣ.

Съ несвойственною ея націи поспѣшностью она придала своему туалету видъ парадности, выпрямилась до послѣдней возможности и прослѣдовала внизъ.

Порозовъ, во фракѣ, съ черною ленточкой вмѣсто часовой цѣпочки, подстриженный, съ усами въ ниточку,—онъ вообще выходилъ изъ своей деревенской уборной точно изъ столичной парикмахерской,—стоялъ въ гостиной у окна.

Вступившая миссъ Кэрби величественно указала ему мѣсто на козеткѣ, а сама сѣла поодаль, въ кресло.

— Прошу извинить,—сказала она.—Madame все еще не такъ здорова, но она очень рада будетъ узнать о вашемъ любезномъ посѣщеніи. Доложатъ miss Кэтъ. Она, кажется, лучше чувствуетъ себя сегодня.

Она говорила по-англійски, такъ какъ Порозовъ владѣлъ достаточно этимъ языкомъ.

При послѣднихъ словахъ ея онъ поклонился, понимая предупрежденіе, и повелъ должный гостиный разговоръ.

Вошла Кэтъ.

Миссъ Кэрби проводила ее взглядомъ вплоть до козетки, какъ бы направляя магнетически. Потомъ, помедливъ нѣсколько, какъ требовалось правилами, она поднялась, отдала поклонъ кивкомъ головы и удалилась.

— Благодарю васъ, Катерина Артемьевна. Я такъ счастливъ, что вижу васъ, наконецъ,—началъ разговоръ Порозовъ.—Въ дни печали не до гостей. Но мнѣ печаль ваша такъ близка, что я рѣшился... еще разъ...

— Maman очень признательна вамъ,—отвѣтила Кэтъ.

Порозовъ поклонился, отдѣлившись отъ спинки козетки.

Что-то необычное въ другѣ—не то смущеніе, не то разсчитанная холодноватая сдержанность — коснулось его, порвало мысль.

Онъ помолчалъ, постукивая шляпой о колѣно.

Неожиданная смерть Ветлугина давала всему иной оборотъ. Порозовъ относился къ ней какъ къ большому личному своему горю, видѣлъ себя обязаннымъ стать ближе къ семьѣ, объясниться окончательно съ Кэтъ. Съ этою мыслью являлся онъ раньше; съ нею явился и теперь.

— Я просилъ бы у васъ позволенія коснуться извѣстнаго вамъ... того, что составляетъ лучшую надежду мою... мечту...— проговорилъ онъ.

Кэтъ приняла выжидательный видъ.

Порозовъ продолжалъ:

— Я не въ силахъ больше... я изнемогаю подъ отраднымъ, счастливымъ бременемъ моихъ чувствъ къ вамъ... Я рѣшаюсь высказать ихъ еще разъ, отдать въ ваши руки судьбу мою... Теперь, при постигшемъ васъ горѣ, я желалъ бы стать ближе, быть въ правѣ сочувствовать... Катерина Артемьевна! Я у вашихъ ногъ!

Онъ высказалъ это обращеніе лишь какъ установленную формальность, не придавая ему значенія, готовясь услышать желанное: „да“.

Кэтъ подняла на него отуманившіеся сапфирные глаза.

— Благодарю васъ за ваше расположеніе ко мнѣ, за участіе къ нашему горю,—стала говорить она.—Но... прошу забыть... простить мнѣ... Передумавъ о многомъ, я увѣрилась, что не могу составить ваше счастье...

Въ первую минуту Порозовъ счелъ себя ослышавшимся. Потомъ онъ отклонился къ спинкѣ козетки, полузакрывъ глаза и освоиваясь съ услышаннымъ.

— Такъ ли я понялъ васъ, Катерина Артемьевна?—сказалъ онъ, вставъ и смотря, точно сквозь флёръ, на блѣдное лицо Кэтъ.—Мнѣ не остается надежды?

— Не въ моей власти дать ее.

Онъ поклонился и отступилъ.

Она протянула ему руку; онъ тихо, съ чувствомъ, прикоснулся губами къ кончикамъ пальцевъ и вышелъ.

XXI.

Коляска двинулась отъ подъѣзда.

Порозовъ, привалившись въ уголокъ и сложивъ руки на груди, раздумывалъ хмуро. Онъ былъ изумленъ, пораженъ, не

находилъ причины случившемуся. Уязвленное самолюбіе, горечь утраты, отчаяніе—поднимались въ немъ сразу; его корректное, уравновѣшенное существо точно въ куски разбивалось. Съ мукою, еще больше тяжкою отъ неизвѣстности, переносилъ онъ неожиданное крушеніе своей, дѣйствительно, лучшей надежды, увѣренно взлелѣянной мечты...

А Кэтъ долго еще стояла въ гостиной, замеревъ въ неподвижности, едва сдерживая подступавшія слезы.

Ни взгляды и дѣятельность отца, ни собственныя склонности не держали ее въ заколдованномъ кругу касты. Формируясь свободно, получая впечатлѣнія безъ прикрасъ и узкаго подбора, она не была тепличнымъ цвѣткомъ, стремилась къ воздуху, свѣту, инстинктивно жаждала полноты жизни полнотою чувствъ. Порозовъ первый произвелъ на нее впечатлѣніе, первый нарушилъ невинную тишь ея души. Она готова была отозваться, но ласкавшія слухъ восторженныя изліянія поклонника не затронули въ ея внутреннемъ мірѣ чего-то—робкаго, нѣжнаго, бывшаго выше удовольствія чувствъ, не приласкали его.

Оставаясь въ дружбѣ и раздумывая, она, съ быстрою женскою прозорливостью, улавливала въ поклонникѣ каждую выдававшуюся черту. Типичный представитель сословія, дисциплинированный членъ касты совсѣмъ заслонялъ предъ нею въ Порозовѣ „человѣка“; жизнь, общественность были какъ бы инымъ міромъ для него, знавшаго только свѣтъ, общество; можно было подумать, что онъ рожденъ съ органическою особенностью не переносить самаго представленія о заботѣ, трудѣ...

Одинъ случай былъ особенно памятенъ.

Они бесѣдовали вечеромъ въ гостиной. Кэтъ только-что окончила по модели изъ англійскаго журнала пышный бумажный абажуръ и стала примѣрять его на лампу. Абажуръ вдругъ вспыхнулъ, грозя зажечь платье, а сидѣвшій около поклонникъ, другъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ броситься къ звонку и поднять тревогу, вызывая лакеевъ... Предъ Кэтъ — какъ бываетъ иногда это съ мыслящими, впечатлительными людьми— ничтожный самъ по себѣ случай этотъ точно завѣсу отдернулъ.

Недоразумѣніе росло. Кэтъ мучилась, чувствуя себя чужою съ другомъ внѣ свѣтскихъ, обычныхъ условностей, не зная, какъ сблизиться. Когда встрѣтилась надобность пристроить Володю, она подумала о. Порозовѣ, но тутъ же смутилась, поняла, что просьба ея только отяготитъ, а человѣческій поступокъ окажется предъ кастовымъ декорумомъ неумѣстностью, мѣщанствомъ. Она оторопѣла предъ такимъ заключеніемъ, но отрѣшиться отъ него

не могла. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, мысль толкнула ее на Ступина, она не стала и колебаться, сочла какъ бы правомъ поручить ему безпріютнаго мальчика.

Она рѣшила не длить недоразумѣніе, восторжествовала разсудкомъ надъ чувствами, но не безъ боли досталось ей это.

Нину Иракліевну исходъ сватовства и опечалилъ, и удивилъ. Не въ ея правилахъ было вмѣшиваться въ чувства, выказывать въ подобномъ случаѣ родительскую власть; но, смотря субъективно—чрезъ материнское желаніе счастья дочери,—она находила Порозова лучшимъ женихомъ и не скрыла этого отъ Кэтъ.

Пріѣхавшая къ обѣду Вѣра тоже удивилась и спросила, засмѣявшись громкимъ, деревенскимъ смѣхомъ:

— Кто же вытолкнулъ его у тебя изъ сердечка?

— Почему ты такъ думаешь?—возразила обидчиво Кэтъ.

— Не хочешь, не говори.

Кэтъ расплакалась и ушла въ свою комнату.

XXII.

У Ступина сваливали первое привезенное съ луговъ сѣно.

Хозяинъ былъ у сараевъ и распоряжался. Володя, уже успѣвшій свыкнуться, загорѣть и окончательно утратить неупрочившуюся муштровку Кэтъ, кувыркался на сѣнѣ, подавая дурной примѣръ лягавой собакѣ Медору, принимавшемуся лаять отчаянно и подражать шалуну.

На селѣ, поднимая пыль, преслѣдуемый всѣмъ наличнымъ составомъ собакъ, предшествуемый разбѣгавшимися во всѣ стороны курами, показался англійскій шарабанъ парою въ шорахъ, съ форменнымъ грумомъ позади, сидѣвшимъ въ корзинкѣ и сложившимъ руки на груди по-наполеоновски.

Правилъ Юрловъ; рядомъ съ нимъ былъ Ветлугинъ.

Они возвращались изъ города, гдѣ провели все утро у нотаріуса, совершая акты по наслѣдственному дѣлу.

Шарабанъ повернулъ во дворъ.

Ступинъ, весь обсыпанный сѣнною трухой, кинулся встрѣчать нежданныхъ гостей, очищаясь на бѣгу руками, какъ щеткой.

За нимъ кинулась собака.

— Медоръ! Прочь!—крикнулъ онъ ожесточенно.

Но Медоръ успѣлъ уже взвиться ласковымъ прыжкомъ на грудь Ветлугину; потомъ, обскакавъ кругомъ шарабанъ, настигъ Юрлова.

Ступинъ направился, было, съ гостями на крыльцо, но, вспомнивъ, что въ передней Антоновна собираетъ бѣлье для стирки, повернулъ назадъ.

— Черезъ садъ пройдемте... Извините... Совсѣмъ подеревенски у меня...—говорилъ онъ, показывая дорогу гостямъ.

— Но у васъ такой прекрасный домъ! — замѣтилъ Ветлугинъ, окидывая любопытнымъ взглядомъ каріатиды, лѣпные карнизы.

— Да всѣ комнаты позаперты! Дѣдушка жилъ поцарски, а отецъ... Сюда вотъ, черезъ террасу... Медоръ! Ахъ, Боже ты мой!

Онъ притопнулъ на Медора, скакавшаго кругомъ и не дававшаго ходу.

Въ кабинетѣ Ступинъ предупредительно подвинулъ гостямъ табуреты изъ оленьихъ ногъ, но, тутъ же спохватившись, усадилъ ихъ на широчайшій отцовскій диванъ, еще больше неудобный.

Зато въ отпертой, прибранной наскоро столовой, гдѣ Антоновна приготовила чай, нашлось, чѣмъ полюбоваться.

Приглядѣвшись къ новѣйшей легковѣсной роскоши петербургскихъ большихъ домовъ, Ветлугинъ съ уваженіемъ взиралъ на рѣзную моренаго дуба мебель, украшавшую въ Петербургѣ только антикварскія лавки, на старинную, золоченую черезъ огонь бронзу, на потемнѣвшія подлинныя фламандскія картины на стѣнахъ. Старинный толстый хрусталь, игравшій гранями точно алмазами, тяжеловѣсныя серебряныя вазы съ завитками „рококо“, саксонскія тарелки, занятыя запросто домашнимъ печеньемъ, привели его въ восхищеніе. Все это были красовавшіеся только на этажеркахъ въ большихъ петербургскихъ домахъ—въ томъ числѣ и у него—„uniques“, собранные здѣсь въ дюжины, въ комплекты.

Ветлугинъ, уѣзжавшій на слѣдующій день въ Петербургъ, былъ съ прощальнымъ визитомъ. Визитъ Юрлову Ступинъ отдалъ чрезъ нѣсколько дней, — отправляясь въ Бабино за сестрами и завернувъ по дорогѣ въ Глѣбово.

На очереди оставался визитъ въ Ртищево—дамамъ.

Пока Ступинъ раздумывалъ на этотъ счетъ, изъ Ртищева явился посланецъ съ письмомъ отъ Кэтъ.

Это было ея первое письмо къ Ступину. Она спрашивала—здоровъ ли Володя, какъ ведетъ себя, хорошо ли учится; сообщала нѣкоторыя отличительныя черточки его характера, знаніе которыхъ могло быть нелишнимъ для воспитателя.

Володю, оставшагося послѣ смерти отца совсѣмъ полугра-

мотнымъ, учили, примѣняясь къ требованіямъ реальной школы. Ступинъ взялся за перо, чтобъ аттестовать ученика съ наилучшей стороны, но задумался.

— Передай, что самъ пріѣду!—сказалъ онъ посланному.

XXIII.

Въ Ртищевѣ встрѣтилъ Ступина Юрловъ, уже вступившій въ права хозяина-распорядителя. Въ ботфортахъ, въ бѣломъ войлочномъ беретѣ съ шишкой на макушкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, онъ сидѣлъ въ длинномъ вѣнскомъ креслѣ предъ подъѣздомъ и дѣлалъ выводку лошадямъ.

У конторы крикливо разсуждала кучка рядчиковъ въ длинныхъ синихъ чуйкахъ и съ саженями въ рукахъ. Въ передней попались на глаза какіе-то громоздкіе инструменты, круги проволоки.

Встрѣтившая въ гостиной Кэтъ казалась очень похудѣвшею, а трауръ рѣзко отдѣлялъ ровную бѣлизну кожи. Она какъ бы выросла даже. Въ сапфирныхъ глазахъ свѣтилась серьезность, придававшая большое сходство съ отцомъ.

— Мы въ осадномъ положеніи,—сказала она.—Вездѣ подкопы ведутся — и въ лѣсу, и въ полѣ копаютъ. Потомъ тутъ, подъ домомъ, копать станутъ...

— Для чего?—спросилъ удивленно Ступинъ.

— А, можетъ быть, тамъ золото есть!

Онъ понялъ, что она шутитъ, и засмѣялся.

— Что же означаютъ эти подкопы?

— Григорій Васильевичъ хочетъ работать и въ „нѣдрахъ“, какъ говоритъ онъ. Вѣдь онъ взялся завѣдывать дѣлами... Что же нашъ воспитанникъ?

Это „нашъ“ точно на облака подняло Ступина.

Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія и сталъ оживленно разсказывать объ успѣхахъ Володи, о своихъ пріемахъ обученія.

— А ваше дѣло съ крестьянами?—спросила Кэтъ.

— Модестовъ передалъ уже бумаги къ нотаріусу.

— Насчетъ школъ я слѣдила въ журналахъ. Хотите?

Они присѣли, какъ всегда, къ столику у окна. Кэтъ стала перебирать красивыя желтенькія, синенькія тетрадки англійскихъ изданій и переводить, резюмируя.

Вошелъ Юрловъ.

Онъ занималъ въ Ртищевѣ комнаты покойнаго Ветлугина.

Прѝ обязанности хозяйничать и въ Глѣбовѣ, ему приходилось скакать верхомъ туда и обратно по нѣсколько разъ въ день, и это звалось у него „faire la navette".

Онъ и теперь собрался скакать, обѣщая быть къ обѣду.

— Мы увидимся еще! — крикнулъ онъ Ступину, уходя. — Вы обѣдаете у насъ... Да, да! Не слушаю!

Онъ выбѣжалъ, звеня шпорами, сверкая ботфортами.

Обѣдали уже при свѣчахъ и всего вчетверомъ, считая миссъ Кэрби (Нина Иракліевна не выходила изъ своей комнаты). Хозяйничала Кэтъ. Юрловъ все время развивалъ предъ Ступинымъ свои ртищевскіе хозяйственные планы,—проходившіе, впрочемъ, у того мимо вниманія.

За кофеемъ Юрловъ сказалъ:

— Вы должны погостить у насъ день-другой; должны взглянуть на дѣло, помочь мнѣ...

— Въ чемъ?

— У меня вотъ плановъ!

Юрловъ черкнулъ себя розовымъ обточеннымъ ногтемъ по голландскому воротничку и продолжалъ, сдвинувъ серьезно брови:

— Мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться ни одною мыслью; не отъ кого выслушать совѣтъ. А всякій совѣтъ я цѣню на вѣсъ золота!

Онъ показалъ это наглядно, снявъ съ мизинца и взвѣсивъ на рукѣ золотое кольцо съ бирюзой.

— Но я... какой же я совѣтникъ!..—сконфуженно промолвилъ Ступинъ.

— Вы—публика; у васъ посторонній, безпристрастный взглядъ.

— И вы напрасно такъ скромничаете, Матвѣй Николаевичъ,— сказала Кэтъ, поддерживая зятя. — Братъ говорилъ мнѣ, какъ все прекрасно устроено у васъ!

— Не мною-съ...

— Но это показываетъ, что вы можете понимать...

— И судить!—завершилъ Юрловъ.

Рѣшено было, что Ступинъ взглянетъ на дѣло.

Онъ чувствовалъ, какъ между нимъ и Кэтъ точно преграда рушится, чувствовалъ ея довѣріе къ нему, и невольно — пока Юрловъ покоился въ креслѣ, полузакрывъ глаза и докуривая сигару, — разговорился съ нею просто, откровенно о своемъ житьѣ-бытьѣ, объ охотѣ, объ Антоновнѣ...

Комнату приготовили ему внизу, съ окнами въ паркъ. Юрловъ явился обревизовать — хорошо ли гостю, и надѣлилъ его своею надушенною ночною рубашкой.

Ночь выдалась какая-то слишкомъ свѣтлая, безпокойная.

Яркій мѣсяцъ точно серебромъ заливалъ опущенную бѣлую занавѣску, раскидывалъ легкія, блѣдныя пятна по полу. Ступина волновали какія-то тихія, неясныя мечты, и онъ долго не могъ успокоиться, забыться...

XXIV.

Наутро — едва оконная занавѣска заалѣла подъ несмѣлымъ первымъ лучомъ солнца, а пробудившійся Ступинъ соображалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ,—Юрловъ явился, уже одѣтый, въ ботфортахъ и съ крагами для спутника.

Домъ еще безмолвствовалъ. Полусонный лакей, въ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубахи, принесъ изготовленный на спирту чай, корзинку со вчерашнимъ хлѣбомъ.

— По походному! А?.. Военные люди! — сталъ говорить Юрловъ, закрутивъ усы и кромсая хлѣбъ тупымъ ножомъ. — Лошади! А?

— Сѣдлаютъ-съ,—отвѣтилъ лакей, сдерживая зѣвокъ.

Когда показались они въ подъѣздѣ, конюхи держали уже двухъ коней, подъ англійскими сѣдлами.

Ступинъ весело, съ закипѣвшею въ немъ жизнерадостностью, вскочилъ въ сѣдло и подобралъ поводья. Юрловъ занесъ длинную ногу въ стремя разсчитанно, съ важною миной, и перекинулся плавнымъ форменнымъ движеніемъ.

Начинало уже обогрѣвать. Въ паркѣ поднимался съ пруда розоватый туманъ, таявшій въ воздухѣ. Со скотнаго двора тянулись въ поле пестрыя, рослыя коровы, пріостанавливаясь и мыча.

За околицей попался приказчикъ съ мокрыми волосами — только-что выкупавшійся.

— Рабочіе на торфъ вышли? — спросилъ Юрловъ, придерживая своего рыжаго ширококостнаго скакуна.

— И на торфъ, и на глину вышли-съ!

— Первый планъ мой, видите ли, вотъ каковъ-съ! — обратился къ Ступину Юрловъ, стараясь держаться сѣдломъ къ сѣдлу и покачиваясь отъ безпокойныхъ движеній лошади, стряхивавшей съ себя слѣпней, уже начинавшихъ мелькать золотистыми точками въ воздухѣ.—Все вниманіе хозяевъ устремляется обыкновенно лишь на поверхность земли... Между тѣмъ, поверхность бѣдна, ограничена въ хозяйственномъ пространствѣ, наемъ ея дорогъ... Нѣдра — неизмѣримо-богаты, безпредѣльны и не имѣютъ почти никакой цѣнности... Въ ртищевскихъ владѣніяхъ,

напримѣръ, находятся аспидныя залежи, торфъ, известнякъ... богатство цѣлое, остававшееся въ забросѣ!.. Планъ второй — интенсивное эксплуатированіе поверхности, разумѣя извлеченіе продуктовъ изъ почвы и пользы изъ нихъ... Продавать лѣсъ на дубъ, сѣно возами — пріемъ, собственно говоря, допотопный!.. Оставляя въ сторонѣ фабричный способъ изготовленія строительныхъ матеріаловъ, надѣлайте срубовъ изъ бревенъ, сплавьте ихъ въ Бабино по Пехоркѣ, и каждое бревно дастъ вдесятеро!.. Спрессуйте сѣно, двиньте его на большой рынокъ — тотъ же, удесятеренный доходъ!..

Плавная рѣчь его ласкала ухо, точно музыка; всѣ разсчеты казались точнѣйшими. Ступинъ съ любопытствомъ поглядывалъ на него, укладывая въ умѣ общія черты плановъ.

Въ сторонѣ отъ дороги открылось темно-сѣрое пространство торфяныхъ болотъ съ тучами носившихся надъ ними пискливыхъ птичекъ.

Юрловъ повернулъ туда.

Изъ шалаша показался рядчикъ, поднимая кверху руки и напяливая на себя кафтанъ.

— Вонъ, видите! — Юрловъ описалъ рукою полукругъ. — Все это — торфъ, а изъ него — парафинъ! Милліарды пудовъ! Возьмемъ только пять копѣекъ съ пуда: меньшій процентъ немыслимъ! А?

Ступинъ хотѣлъ-было прикинуть въ умѣ барышъ, но Юрловъ далъ шпоры своему коню и направилъ его курцъ-галопомъ къ виднѣйшейся вдалекѣ кучкѣ рабочихъ.

Тамъ расчищали неглубокое мутно-бѣловатое болотце.

— А ну-ка, запусти! — приказалъ Юрловъ рабочему.

Рабочій запустилъ въ землю складной желѣзный щупъ, потомъ вынулъ его и поднесъ Юрлову острый конецъ, наполненный въ извивахъ чѣмъ-то бѣлымъ.

— Полюбуйтесь! — воскликнулъ значительно Юрловъ.

— Бѣлая глина это, — отвѣтилъ равнодушно Ступинъ.

— Каолинъ-съ! фарфоровая глина! На фунты продается она!

— У насъ, въ Пенькахъ, много ее...

— Всю беру, всю! — крикнулъ Юрловъ, не давъ договорить, и завозился въ сѣдлѣ, какъ бы готовясь хлопнуть по рукамъ.

— Горшечники пробовали ее, да не выходитъ ничего, — отвѣтилъ совсѣмъ не по-коммерчески Ступинъ. — Примѣсь какая-то есть въ ней: трескается посуда при обжиганіи.

Юрловъ заморгалъ растерянно глазами, но тутъ же крикнулъ:

— И все-таки беру!

Послѣ этого побывали у известковыхъ и аспидныхъ залежей, казавшихся для непосвященнаго весьма обычными горками да овражками... Осмотрѣли шумѣвшій въ лѣсу ручей, изъ котораго — „если расширить русло и слить источники вверху“ — могла выйти „Ніагара на цѣлый десятокъ лѣсопиленъ“...

Выбравшись на дорогу, всадники ослабили поводья; пріуставшія лошади пошли крупнымъ шагомъ, фыркая и опуская сразу головы.

— Я начинаю съ выработки образцовъ... чтобы всякій могъ получить понятіе наглядно... Собственно разработка — впереди... — сталъ говорить Юрловъ. — Какого вы мнѣнія о моихъ планахъ?

Безсознательно работавшею мыслью Ступинъ успѣлъ уже освоиться нѣсколько съ грандіозностями, разобраться въ главномъ.

— Капиталы большіе, знанія спеціальныя требуются... — сказалъ онъ.

— Dame! — воскликнулъ Юрловъ. — Подобныя дѣла не ведутся личнымъ трудомъ, собственными средствами! Для этого существуетъ акціонерное начало! Хотите участвовать?

— Если устроится компанія, то отчего же...

Солнце стояло уже высоко на голубомъ, безоблачномъ небѣ и прижаривало по осеннему. Близилось время завтрака. Юрловъ посмотрѣлъ на часы и натянулъ поводья.

Около усадьбы обступили его рабочіе; подъѣхалъ верхомъ на буланой лошадкѣ управляющій Феллеръ — типичный круглолицый нѣмецъ съ голубыми глазами и рыжеватыми подстриженными баками.

Ступинъ отдалъ лошадь подбѣжавшему конюху, начавшему тутъ же проваживать ее, и направился къ дому, огибая кирпичныя, съ желѣзными крышами, службы.

Продолжавшая работать, мысль все яснѣе и опредѣленнѣе оттѣсняла грандіозныя предпріятія въ область аферъ, несбыточности. Казалось, что съ хозяиномъ умерло все окружающее и только хранитъ свой видимый остовъ; инстинктивно чувствовалось что-то неблагополучное, удручающее...

Изъ прачешной доносились взвизги, смѣхъ... Въ дверяхъ каретнаго сарая, завидѣвъ Ступина, показался рослый, подгулявшій кучеръ съ балалайкой; рядомъ съ нимъ топорщился, совсѣмъ хмельной, съ раскраснѣвшимся лицомъ, не то мальчуганъ, не то карликъ.

— Ваше благородіе! баринъ хорошій! — выкрикнулъ надорваннымъ голосомъ кучеръ. — Дозвольте для вашей милости... представленіе отъ насъ!

Онъ забрянчалъ на балалайкѣ, выпучивъ глаза, и запѣлъ, подрыгивая колѣномъ въ тактъ:

Выходили дѣвы рая
Изъ кирпичнаго сарая!..
. . . . . —Дѣлай!

Мальчуганъ уже „дѣлалъ“ — откалывая „въ присядку“, падая, вставая, разбрасывая ногами пыль...

Кучеръ продолжалъ, выходя изъ себя:

Я тоскую и скучаю,
Не ѣмъ хлѣба, не пью чаю,
Свой разсудокъ помрачаю
И по этому случаю
Всей деревнѣ наскучаю!!...

XXV.

Къ завтраку вышла Нина Иракліевна—вся въ черномъ, съ недавнею, но замѣтною сѣдиною въ кудряхъ.

Она вела разговоръ, улыбаясь съ обычною привѣтливостью; но улыбка эта не свѣтилась во взглядѣ, не трогала лица. На Ступина посмотрѣла она какъ бы на воспоминаніе былыхъ, лучшихъ дней, подала ему руку, а за столомъ указала мѣсто около себя.

Послѣ завтрака пріѣхали супруги Бельтищевы. Потомъ подъѣхалъ князь I*. Онъ прихрамывалъ по случаю припадка подагры, опирался на стойкую трость изъ американской виноградной лозы, а на правой, больной, ногѣ былъ у него бархатный сапогъ. Пріѣхала еще гостья, городская дама, красавица и львица Олсуфьева — особа бальзаковскаго возраста, съ нѣсколько излишнею нагульной полнотой, съ искрометными черными глазами. Мужъ ея, очень воспитанный человѣкъ, владѣвшій большимъ состояніемъ, не вступался ни во что и бывалъ съ самаго утра „навеселѣ“... Она—играла роль благотворительницы, либералки, выказывала пониманіе земскихъ вопросовъ, покоряла сердца... Ступинъ, какъ новое лицо, тутъ же сталъ ея намѣченною жертвой; но потомъ, угадавъ съ спеціальною чуткостью въ такихъ дѣлахъ его неподходящее настроеніе, она измѣнила тактику и стала лорнировать его и Кэтъ, соображая что-то...

Чай сервированъ былъ въ паркѣ, въ галереѣ.

По ясному небу бѣжали бѣлыя прозрачныя тучки; свѣжо,

тихо было вокругъ; отчетливо отражались опрокинутыя деревья въ неподвижномъ прудѣ.

Кэтъ, взявъ подъ руку Бельтищеву, спросила Ступина, умѣетъ ли онъ грести. Тотъ, вмѣсто отвѣта, очутился однимъ прыжкомъ на берегу и отвязалъ лодку.

За чайнымъ столомъ держалось меланхолическое настроеніе. Хозяйничавшая миссъ Кэрби вздыхала и возводила очи горѣ, точно псалмы напѣвая мысленно. Нина Иракліевна печально бесѣдовала съ княземъ.

— Le temps est un grand maître: il règle bien des choses... — промолвилъ утѣшительно князь.

У перилъ стояли Юрловъ и Олсуфьева съ блюдечками варенья въ рукахъ и вели пикировку. Онъ былъ всегдашнимъ мстителемъ ея за равнодушіе; она не упускала случая подразнить его кокетствомъ.

— Да-съ... вотъ видите ли... Свобода выше всего для васъ,— говорилъ онъ, выступая журавлинымъ шагомъ около нея и выскребывая блюдечко. — А предъ алтаремъ вы „бояться мужа“ клялись...

— Мало ли какія ветхости существуютъ! — отвѣтила она съ задорнымъ лукавствомъ въ искрометныхъ глазахъ.

— Вотъ и это тоже: сами вы православная, а завѣты Христа ветхостью считаете...

— Я не просила дѣлать изъ меня православную, и потому, выросши, могу имѣть свои взгляды!

— Тогда одно что-нибудь: или вы — семьянка, дворянка, или... курсистка, нигилистка...

— И это ветхость уже...

— Развѣ надо возвращаться къ нигилизму, чтобъ мыслить свободно, имѣть свои взгляды?! — воскликнулъ Бельтищевъ, очутившись около Юрлова и закипая своимъ обычнымъ юношескимъ возбужденіемъ. — Мы пережили, переварили...

— Я собственно о религіи! — перебилъ Юрловъ.

— И она въ счету!

— Нельзя же отвергать религію!

— Будто?

— У человѣка безъ религіи не можетъ быть... правилъ,— произнесъ важно Юрловъ.

— Такъ ли?— спросилъ Бельтищевъ и продолжалъ:—Забѣжимъ впередъ—представимъ себѣ, что выдвинулся, занялъ мѣсто религіознаго культъ *благородства*, напримѣръ... благородства поступковъ, разумѣется, чувствъ, понятій... Можетъ ли быть безъ

правилъ послѣдователь?.. И почему не выдвинуться этому культу? Его кодексъ включаетъ въ себя все, чего требуютъ кодексы религіозные, да еще плюсы имѣетъ; безчестіе вполнѣ равняется грѣху, нравственная безупречность—та же праведность. Кромѣ того, благородство одинаково понятно и почтенно всюду, и потому благородный человѣкъ не будетъ оказываться нигдѣ *иновѣрцемъ*; а это положитъ конецъ безумной религіозной враждѣ, нетерпимости!

Юрловъ закрутилъ усы, готовясь если не отразить смѣлый парадоксъ,—онъ не былъ силенъ въ отвлеченностяхъ,—то поговорить красно и въ духѣ попечительнаго охранительства, приверженцемъ котораго считался онъ въ своемъ уѣздѣ; но возвратившіяся съ катанья дамы помѣшали спору, и разговоръ перешелъ на другое.

XXVI.

Бельтищевы и Олсуфьева скоро уѣхали. Ступинъ тоже хотѣлъ уѣхать, но незамѣтно пробылъ въ нерѣшительности и какомъ-то внутреннемъ смущеніи до самаго обѣда; а потомъ пришлось составить—съ княземъ и Юрловымъ—партію въ вистъ Нинѣ Иракліевнѣ.

Услышавъ отъ тещи, что она собирается на утро въ Глѣбово, повидать внучатъ, Юрловъ предложилъ устроить partie de plaisir, съ завтракомъ у него. Нина Иракліевна одобрила мысль. Князь не могъ участвовать по случаю подагры; но Ступину не мѣшало ничто. Онъ и Кэтъ отправлялись верхомъ.

Выйдя въ десятомъ часу утра въ залу, — Юрловъ ускакалъ къ себѣ еще на зарѣ,—Ступинъ нашелъ тамъ Кэтъ.

Въ черной кашемировой амазонкѣ, стройно охватывавшей ея молодой, гибкій станъ, гладко причесанная, въ высокой шляпѣ и съ бѣлою розой на груди, она была изящна и строго-прекрасна.

— Намъ пора,—сказала она, поднявъ на него глаза, свѣтившіеся какъ-то торжественно и пріятно.

Они вышли.

Буропѣгій конь „Зефиръ“ почуялъ хозяйку еще за дверями и заржалъ, переступая ногами. Конюхъ попятилъ его, выровнялъ, передалъ поводья приблизившейся Кэтъ и принялъ на ладонь мускулистой руки кончикъ эластичной ботинки.

Кэтъ ѣздила больше чѣмъ хорошо. Она сидѣла свободно—какъ на стулѣ, держалась прямо—безъ натянутости; ея маленькая

ручка въ черной перчаткѣ управлялась съ поводьями твердо, спокойно—совсѣмъ по-спортсмэнски.

Впереди ѣхали въ колискѣ Нина Иракліевна и миссъ Кэрби. Утро было хорошее, ясное. Пара гнѣдыхъ бѣжала крупною спорою рысью по сухой, гладкой дорогѣ со встрѣчавшимися полосами чернолѣсья по сторонамъ. Близившаяся осень уже трогала коегдѣ деревья своею холодною рукой, набрасывала на темную зелень пурпуръ и желтизну; въ полномъ зрѣлаго аромата воздухѣ чувствовались волны свѣжести.

Помѣстительный красный кирпичный домъ въ Глѣбовѣ былъ типичнымъ дореформеннымъ „дворянскимъ гнѣздомъ“, изобиловалъ лѣстницами, корридорами, остатками стариннаго убранства (въ диванной уцѣлѣли стеклянные „газовые“ рожки на стѣнахъ), былъ набитъ прочною, псевдо-стильною рѣзною мебелью работы крѣпостныхъ столяровъ.

Юрловъ подогналъ парадныя комнаты подъ новѣйшій стиль, завелъ городскихъ лакеевъ, водворилъ французскую кухню.

Завтракъ оказался роскошнымъ—съ трюфелями, съ подогрѣтымъ лафитомъ, съ замороженнымъ шампанскимъ. Живые и веселые мальчики Петя и Ваня—въ шотландскихъ костюмчикахъ, съ обнаженными икрами—не отходили отъ бабушки и тети Кэтъ. На долю Ступина выпало удовольствіе выслушать отъ хозяина продолженіе апологіи ртищевскимъ предпріятіямъ, съ „цифровыми данными“ на этотъ разъ...

Когда собрались въ обратный путь и Нина Иракліевна прощалась у подъѣзда съ внучатами и Вѣрой Артемьевной, Кэтъ,—она и Ступинъ были уже на коняхъ,—сказала:

— Мы поѣдемъ впередъ, мама: позади коляски лошади горячатся очень.

Они двинулись со двора.

— Pas très vite!—крикнула Нина Иракліевна.

Кэтъ улыбнулась и взглянула на Ступина.

— Мама всегда боится за меня и не позволяетъ ѣздить шибко,—стала говорить она, понизивъ голосъ.—Но мы поѣдемъ? Да?.. Только не надо, чтобъ она знала потомъ: это растревожитъ ее...

Дружелюбіе, довѣрчивая близость чувствовались въ ея словахъ. Ступинъ молча кивнулъ головой. Тихая восторженность проникала его и хорошо, радостно было у него на сердцѣ...

За околицей, гдѣ луговая дорога выводила на торную и даль прикрывалъ тянувшійся лѣсъ, они переглянулись молча и пустили сразу коней. Рвавшіеся, горячившіеся скакуны понес-

лись вихремъ; вихрь понесся навстрѣчу, ударилъ въ лица, засвистѣлъ въ ушахъ...

Мелькнуло уже полдороги, когда Кэтъ сдержала коня.

Матовое лицо ея разрумянилось, грудь вздымалась порывисто и высоко, глаза горѣли красивымъ, мягкимъ блескомъ.

Она молча, точно своему, передала Ступину хлыстикъ подержать, и стала поправлять волосы, закинувъ руки назадъ, покачиваясь на сѣдлѣ въ тактъ мѣрному шагу лошади. Спускавшееся солнце разбрасывало среди деревьевъ овальныя пятна свѣта, удлиненныя тѣни; въ безоблачной вышинѣ, чуть шевеля широкими распластанными крыльями, рѣяли два ястреба.

— Какъ хорошо!—сказала она, принявъ обратно хлыстъ и встрѣчая лицомъ вѣявшій вѣтерокъ; потомъ продолжала, заставивъ лошадь идти въ ногу:—Когда вы устроите вашихъ крестьянъ и будете служить,—то въ земствѣ? Да?

Онъ не думалъ, чтобъ она помнила такъ его разговоры, и внимательно посмотрѣлъ на нее добрыми, серьезными глазами.

— Я a priori, принципіально, считаю, что общественная служба—долгъ гражданина,—отвѣтилъ онъ.—И мнѣ хотѣлось бы служить, быть полезнымъ, по возможности. Но теперь... Макушева я совершенно не знаю,—заключилъ онъ, избѣгая печальнаго упоминанія.

— Рара такъ былъ доволенъ, надѣясь имѣть въ васъ помощника себѣ,—промолвила Кэтъ.—Вы не знаете, сколько горя доставляли ему консерваторы ихъ происками всякими, грубостью... Онъ очень, очень страдалъ!

Продолжая разговаривать, они миновали луговину, перебрались черезъ систему мостовъ, разбросанныхъ по широкому ржавому болоту. Направо отъ дороги открылась длинная, прямая какъ стрѣла, просѣка ртищевскаго лѣса. Крупные, высокіе ясени, липы, дубы уходили величественною колоннадою вдаль; бившее наискосокъ солнце прорѣзывало лучами зеленыя верхушки, затопляло листву цѣлымъ моремъ огней...

— Тутъ будетъ немножко въ сторону,—сказала Кэтъ, повертывая коня къ просѣкѣ:—но посмотрите, какая гладкая, прямая дорога!..

Ступинъ усмѣхнулся и, давъ шпоры своему коню, поскакалъ съ нею, держась рядомъ, ощущая ея близость, улавливая ея взглядъ — глубокій, какъ бы вопросительный, мерцавшій ласковымъ блескомъ...

XXVII.

Выѣхавъ къ службамъ усадьбы, они оставили тамъ лошадей и пошли черезъ паркъ къ дому. Ничего особеннаго не было сказано между ними, ничего особеннаго не случилось. Но они взаимно чувствовали, что какая-то черта переступлена и что такъ лучше, что отъ этого какъ будто свѣтлѣе кругомъ... Какъ будто сіяли и лица у нихъ, когда они взглядывали другъ на друга...

Они присѣли въ галереѣ, переждать, пока подъѣдетъ коляска: дорога видна была отсюда, какъ на ладони.

— Отчего балы не веселятъ меня? Не знаю!—сказала Кэтъ, помѣстивъ аккуратно на желѣзный столикъ шляпу, перчатки, хлыстикъ и продолжая разговоръ, перебѣгавшій съ одного на другое.—Капризъ мой...

— У васъ такой дурной характеръ?—прервалъ съ комическимъ удивленіемъ Ступинъ.

— Нѣтъ. Но во мнѣ живетъ какая-то инстинктивная оппозиція многому... кастовому.—Она чуть-чуть вспыхнула, вспоминая отказъ Порозову. — Во многомъ являются у меня свои взгляды, желаніе идти своимъ путемъ...

— И идите.

Глаза ея широко открылись въ привычномъ наивномъ удивленіи.

— Но развѣ это такъ просто? — возразила она. — Надо избрать путь, стать лицомъ къ лицу съ жизнью, найти себѣ цѣль... Я недурно рисую, знаю три европейскихъ языка, считаюсь хорошею музыкантшей, но все это—лишь свѣтскіе talents d'agrément. Выступать съ этимъ самостоятельно въ жизни... Одно время была у меня мысль... я хотѣла избрать живопись, или музыку—чтобъ отдаться вполнѣ, усовершенствоваться, а потомъ отказалась. Теперь такъ много артистокъ всякихъ, такъ труденъ ихъ путь и такъ двусмысленно положеніе... Для меня привлекательнѣе деревня. Я надѣялась стать ближе къ ней, подготовиться къ дѣятельности—къ учительской или фельдшерской, напримѣръ... быть полезной дѣлу рара... Бѣдный рара...

Она отвернула лицо и стала смотрѣть на прудъ, загоравшійся яркими бликами подъ косыми лучами солнца. Волненіе подступало у нея къ горлу; двѣ свѣтлыя слезы упали одна за другою съ рѣсницъ. Она торопливо достала платокъ изъ кармана и отерла глаза.

А Ступинъ опустилъ голову, боясь пошевельнуться, чувствуя, какъ замираетъ и колотится сердце въ груди. Трепетъ пробѣгалъ у него по тѣлу. Нежданное, фатальное мгновенье наступало для него, сводило въ немъ къ ясному все смутное, таившееся, влекло къ развязкѣ, ставя свой ультиматумъ: „теперь или никогда“...

— Катерина Артемьевна, — проговорилъ онъ, вскинувъ голову. — Я тоже потерялъ отца, одинокъ... Я также ищу своего пути, и цѣли однѣ у насъ... Пойдемте вмѣстѣ, объ руку, къ радостямъ и печалямъ...

Онъ взялъ руку Кэтъ и отвелъ отъ лица.

Она не отняла руки. Она только замерла на мгновенье, какъ бы съ испугомъ на блѣдномъ лицѣ; а потомъ склонилась къ нему,—вся дрожа, въ первомъ, боязливомъ восторгѣ любви и стыдливости. Онъ, въ первомъ порывѣ вспыхнувшей страсти, съ силою прижалъ ее къ груди, гдѣ билось преданное ей сердце.

Вернувшаяся и вышедшая искать ихъ, миссъ Кэрби столкнулась съ ними въ аллеѣ.

— Кэтъ! Богъ съ вами!.. Возможно ли это?! — вскрикнула она, очутившись въ объятіяхъ питомицы и стараясь защитить свои, всегда тщательно подвитые, рыжіе локоны.

Грозное: „shocking!“ готово было сорваться съ ея губъ, но, взглянувъ на взволнованное, сіявшее лицо Кэтъ, на краснорѣчиво молчавшаго Ступина, старая миссъ поняла все и обняла въ свою очередь питомицу.

О свадьбѣ нечего было и помышлять раньше окончанія годичнаго траура. Помолвку рѣшили сдѣлать зимой, по истеченіи шести траурныхъ мѣсяцевъ, когда полагалось начаться обычнымъ пріемамъ и выѣздамъ, а до того все оставлялось въ семьѣ.

XXVIII.

Стало по утрамъ сковывать непросыхавшую землю.

Садъ въ Пенькахъ полуоблетѣлъ. Стройныя веселыя березы предъ террасой пересыпались золотомъ по свѣтло-зеленымъ вѣткамъ и казались отъ этого прозрачнѣе, стройнѣе. Хватилъ морозецъ рябину и налилъ ее. На смѣну лѣтнимъ мечтательнымъ пѣвуньямъ явились бойкія, крикливыя синицы; пестрый дятелъ сталъ усерднѣе бѣгать по оголявшимся древеснымъ стволамъ и

стучать носомъ о кору. Антоновна окончила соленье огурцовъ, рубку капусты.

Оставаясь на положеніи необъявленнаго жениха, Ступинъ не упускалъ случая воспользоваться правами гостя, чтобы побывать въ Ртищевѣ и побесѣдовать съ Кэтъ подъ политичнымъ надзоромъ миссъ Кэрби, исполнявшей обязанности свѣтскаго Аргуса.

Въ прочіе дни онъ отдавался усердно хозяйству, а вечера проводилъ за чтеніемъ сельско-хозяйственныхъ книжекъ, — все прибывавшихъ и прибывавшихъ съ каждою почтой, но толковавшихъ какъ бы о какой-то иной странѣ и только приводившихъ хозяина въ недоумѣніе...

Съ наступленіемъ одного изъ такихъ вечеровъ, прибыла подвода, переправленная изъ Ртищева въ Пеньки. Она была прислана за воспитанникомъ Володей. Пробѣжавъ неизвѣстно кому адресованную записку родственницы, просившей „вручить“ мальчика посланному—древнему старцу изъ дворовыхъ, Ступинъ хотѣлъ отложить ее въ сторону, до утра, но въ глаза ему бросилась приписка карандашомъ: писала Кэтъ, извѣщая, что на утро она и миссъ Кэрби пріѣдутъ въ Пеньки, проститься съ Володей.

Ступинъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и захлопоталъ.

Захлопотала еще больше Антоновна. Принять предстояло дочь Артемія Петровича и не одну, а съ „англичанкой“, представленіе о которой соединялось въ ея воображеніи съ чѣмъ-то совсѣмъ апокалипсическимъ.

Затрудненіе вышло съ костюмами Володи: сохранявшіеся все время въ сундукѣ, пересыпанные махоркой съ толченымъ перцемъ, они не потерпѣли отъ моли, но оказывались внѣ возможности даже и „треснуть по швамъ“, такъ какъ совершенно не вмѣщали въ себя подросшаго и раздобрѣвшаго воспитанника. Чтобы поправить бѣду, Ступинъ рѣшилъ отправиться рано утромъ въ городъ и одѣть Володю тамъ, въ магазинѣ.

Отправляясь уже спать, онъ обратилъ вниманіе, что по дому мелькаютъ вездѣ огни.

— Почему огни въ запертыхъ комнатахъ?—спросилъ онъ появившуюся Антоновну, обвѣшанную тряпками и полотенцами.

— Прибираемъ мы тамъ съ Машей.

— Для чего?

— Да къ завтрему...

— Съ чего ты берешь это?!—воскликнулъ удивленный Ступинъ.—Пріѣдутъ всего на одну минуту, повернутся въ гостиной,—вотъ и все! Причемъ тутъ комнаты?

— Можно ли такъ судить, Матвѣй Николаевичъ!—возразила рѣшительно и авторитетно Антоновна.—Это когда мужчины бываютъ у васъ, такъ ничего—посадилъ въ кабинетѣ, поговорилъ—и все тутъ! А пріѣдутъ женщины, важныя—какъ домъ не показать? какъ не объяснить всего? Возможно ли это? Сами скажите!

Ступинъ только махнулъ рукою.

На утро все въ домѣ смотрѣло преобразившимся. Въ растворенныхъ, прибранныхъ комнатахъ, изгоняя многолѣтнюю затхлость, носилось благоуханіе какого-то древняго курева, отысканнаго въ кладовой. Антоновна, въ завѣтномъ шерстяномъ капотѣ и шолковой повязкѣ, имѣла озабоченно-торжественный видъ. Володя, восхищенный городскимъ новенькимъ сюртучкомъ, то-и-дѣло охорашивался украдкой. Въ кухнѣ Маша наводила старымъ шерстянымъ чулкомъ послѣдній лоскъ на самоваръ, казавшійся и безъ того вторымъ солнцемъ.

Послѣ полудня показалась изъ лѣска, виднаго отъ усадьбы, небольшая каретка, сверкая на солнцѣ лакированными спицами колесъ.

Ступинъ и Володя поспѣшили на крыльцо.

Прощаніе состоялось немедленно, въ гостиной, и вышло очень трогательнымъ. Кэтъ подарила своему пажу вязаный шолковый кошелекъ, наполненный серебряными рублями; миссъ Кэрби—вѣрная миссіи англичанъ наводнить міръ Библіей—вручила золотообрѣзный экземпляръ. Володя, несмотря на всѣ старанія крѣпиться, казаться мужчиной, пришелъ въ такую мягкость, что расплакался совсѣмъ по-дѣтски, а вздернутый носикъ его зардѣлся какъ клюква. Присутствовавшая при прощаніи Антоновна тоже выронила невольную слезу.

Миссъ Кэрби поднялась, давая этимъ знакъ къ отъѣзду. Но Антоновна подала свой знакъ хозяину, и Ступинъ,—только теперь постигавшій всю благодѣтельность хлопотъ ея,—предложилъ пройтись по комнатамъ и выпить чашку чаю.

Всѣ пошли по анфиладѣ старинныхъ, величественныхъ покоевъ, отдѣланныхъ еще дѣдомъ Ступина и прекрасно сохранившихся. Истинная, той эпохи, роскошь видѣлась во всемъ, въ каждой мелочи. Лѣпные выдержаннаго стиля бордюры, багеты червонной позолоты, матерчатые шолковые обои крупноцвѣтнаго „gros de bours“, расписанные въ раккурсѣ потолки, мебель съ бронзой и фарфоровыми севрскими медальонами—все смотрѣло скромно, не кидалось въ глаза, а требовало, чтобъ всмотрѣлись, оцѣнили.

Въ угловой Кэтъ заинтересовалась старинными клавикордами розоваго дерева, съ инкрустаціей, съ художественною, потрескавшеюся отъ времени, живописью на выпуклыхъ наружныхъ концахъ. Узенькія, пожелтѣвшія клавиши неровно и туго опустились подъ ея пальцами, вызвавъ пріятные, но нестройные звуки, подхваченные страннымъ резонансомъ въ углахъ пустынной комнаты.

Библіотека—она же и картинная—наполнена была—какъ водилось въ старинныхъ барскихъ домахъ—французскими иллюстрированными изданіями и классиками. Изъ русскихъ книгъ находились только: недоконченный словарь Плюшара, Смирдинскіе томики Пушкина, да неизбѣжный баронъ Брамбеусъ.

Картинъ было всего съ десятокъ, но каждая изъ нихъ чего-нибудь стоила. Миссъ Кэрби остановилась задумчиво предъ небольшимъ испанскимъ портретикомъ Веласкеза и потомъ сообщила со вздохомъ Кэтъ, что онъ напоминаетъ ей черты предка-баронета (увѣковѣченныя эмалью на ея фамильномъ медальонѣ).

Когда спустились въ столовую, соединявшуюся съ верхомъ витою дубовою лѣстницей, тамъ все уже ждало гостей: кипѣлъ самоваръ, застилая тонкимъ паромъ цѣльныя, чисто-промытыя стекла, отливали яхонтомъ и изумрудомъ банки со всякими сортами варенья; дышалъ въ вазѣ тонкимъ ароматомъ теплый еще, пряженый въ маслѣ „хворостъ“...

Ступинъ выбѣжалъ въ садъ и принесъ дамамъ по букету цвѣтовъ—голубыхъ и бѣлыхъ астръ.

— Зачѣмъ вы мнѣ дали?.. Это послѣдніе цвѣты...—тихо проговорила Кэтъ, прикрываясь букетомъ.

— Вы не любите ихъ?

— Не потому... Ихъ не даютъ...

Она договорила взглядомъ: „невѣстѣ“—и вспыхнула.

Благовѣстили уже къ вечернѣ на селѣ, когда каретка отъѣхала и стала подниматься на изволокъ, къ лѣску. Ступинъ оставался на крыльцѣ, провожая ее глазами. Ему показалось, что шолковая бѣлая подушечка, прикрывавшая заднее оконце каретки, поднялась. Онъ махнулъ платкомъ.

Вернувшись въ столовую, онъ присѣлъ задумчиво предъ своимъ недоконченнымъ стаканомъ чаю. Впечатлѣнія мелькнувшаго все еще витали вокругъ, трогали, какъ только-что прервавшееся радостное сновидѣніе.

— Всѣ люди родятся какъ люди—что на селѣ у насъ, что еще гдѣ-нибудь...—стала философствовать убиравшая со стола Антоновна.—А что значитъ обучить-то человѣка всему, понятіе

ему дать!.. И слово-то каждое у ней—особенное... и взглянетъ-то она, и пройдетъ-то—не по нашему, не по-бабьи... И ужъ чего выше, кажется, а обхожденіе какое имѣютъ... Кофточки подала я имъ въ передней, пока карету вы звали, такъ вѣдь поцѣловали меня—англичанка какъ бы съ важностью этакъ, а барышня даже за шею обняла... губки мяконькія такія...—Что-то подступило къ сердцу Антоновны, и она закончила, не выдержавъ:—Вотъ бы жена-то вамъ!

— Боже тебя избави судачить объ этомъ—у о. Никопа или еще гдѣ!..—заговорилъ встрепенувшійся Ступинъ.

— Ахъ, что̀ вы! что̀ вы!—воскликнула, отмахиваясь обѣими руками, Антоновна.

А сердце такъ и покатилось у нея. Лелѣянное въ мечтахъ становилось возможнымъ, видимымъ; все земное свершалось для нея, свѣтло и широко раскидывалось передъ нею будущее Моти...

Н. Сѣверовъ.

БИБЛІОТЕКА
КОЛЛЕГІЯ
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

ЭТИКА

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ

И

ЕЯ ОСНОВЫ

I.

Большинство современныхъ философовъ-моралистовъ, занимавшихся разработкою этики, или ученія о нравственности, какъ Вундтъ, Гефдингъ, Бурдо, а также, хотя и невполнѣ прямо и категорично, и Спенсеръ, и многіе другіе, трактуютъ отдѣльно—нравственность индивидуальную и нравственность соціальную; первую изъ нихъ Бурдо называетъ еще нравственностью элементарною, а вторую—нравственностью уравнительною; Спенсеръ высказалъ сперва, что нравственность есть только высшая форма отношенія къ ближнему, а потому ее слѣдуетъ считать нравственностью соціальною; но затѣмъ, далѣе, онъ все же утверждаетъ, что правила поведенія обусловливаются самой жизнью, ея сохраненіемъ, развитіемъ и совершенствованіемъ, а потому существуютъ также извѣстныя правила поведенія человѣка и по отношенію къ самому себѣ, и за ними также нельзя не признавать значенія правилъ этическихъ, которыя составляютъ законъ нравственности индивидуальной. Вундтъ за основаніе нравственности индивидуальной считаетъ присущій какъ человѣку, такъ и животнымъ инстинктъ удовлетворенія различныхъ органическихъ потребностей индивидуума, какъ потребности питанія, самосохраненія, защиты и проч., а въ основаніе нравственности соціальной онъ кладетъ

инстинктъ защиты и сохраненія рода, къ которому данный индивидуумъ принадлежитъ. Приблизительно на эти же основанія той и другой нравственности указываетъ также и Гефдингъ, считая за основаніе первой, или нравственности индивидуальной, стремленіе индивидуума къ личному благополучію, а за основаніе второй, или нравственности соціальной,—стремленіе индивидуума къ общему благополучію. Бурдо сперва какъ на основаніе той и другой нравственности указываетъ на тотъ законъ жизни, въ силу котораго поступки индивидуума, стремящіеся доставить увеличеніе жизни и содѣйствовать ея развитію, влекутъ за собой здоровье, удовольствіе, радость, между тѣмъ какъ дѣйствія, стремящіяся къ ограниченію жизни, напротивъ, влекутъ за собой печаль, скорбь и безпокойство. Въ виду, однакоже, того обстоятельства, что поступки индивидуума, направленные исключительно на увеличеніе его личной жизни, оказываются недостаточными для развитія жизни не только соціальной, но даже и его личной, представляется, по мнѣнію Бурдо, необходимымъ, чтобы дѣйствія индивидуума выходили изъ круга его узкой личной жизни и были направлены на развитіе жизни той соціальной группы, къ которой онъ принадлежитъ, т.-е. чтобы индивидуумъ дѣйствовалъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ,—съ одной стороны для себя, а съ другой для другихъ,—подобно тому, какъ въ природѣ дѣйствуютъ взаимно силы—центростремительная и центробѣжная („Проблема жизни", стр. 280—281).

Сутерландъ, указавъ сперва, какъ на основанія поведенія индивидуума, на инстинктъ самосохраненія или эгоизмъ и альтруизмъ, затѣмъ, напротивъ, только послѣдній называетъ инстинктомъ нравственнымъ, заслуживающимъ одобренія, хотя затѣмъ все же утверждаетъ, что правильнымъ поведеніемъ индивидуума слѣдуетъ считать то, которое представляетъ собой разумный компромиссъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ („Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта"). Впрочемъ, и по мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ философовъ, какъ Гефдингъ и Бурдо, безусловное предпочтеніе должно быть отдаваемо нравственности соціальной, на томъ основаніи, что наибольшему расширенію жизненной дѣятельности содѣйствуетъ именно альтруизмъ, а никакъ не эгоизмъ, ибо наше индивидуальное существованіе настолько ограничено во всѣхъ отношеніяхъ, что нуждается въ расширеніи черезъ присоединеніе къ группамъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обширнымъ, къ которымъ индивидуумъ привязанъ такими связями, что порвать ихъ или ослабить онъ можетъ только во вредъ себѣ. Въ виду этого обстоятельства, альтруизмъ

и представляется собственно разумнымъ расширеніемъ эгоизма, который, выступая наружу путемъ единенія съ другими, содѣйствуетъ и своему собственному расширенію, обращая въ свою пользу благіе результаты общенія съ другими, и потому представляется даже выгоднымъ для индивидуума согласованіе эгоизма съ альтруизмомъ при помощи взаимныхъ уступокъ, хотя все же, по мнѣнію Бурдо, именно въ одномъ альтруизмѣ жизнь имѣетъ наилучшія условія для движенія впередъ. Въ виду того, что эгоизмъ самъ достаточно защищаетъ себя, онъ нуждается скорѣе въ сдерживаніи, чѣмъ въ поощреніи, между тѣмъ какъ альтруизмъ, какъ нѣчто безкорыстное и соединенное иногда даже съ самоотверженіемъ индивидуума ради пользы общей, напротивъ, долженъ подлежать всегда полному поощренію въ его проявленіи.

Хотя указаніе означенныхъ философовъ на необходимость признанія полнаго предпочтенія нравственности соціальной передъ нравственностью индивидуальной и представляется вполнѣ основательнымъ, но нельзя вполнѣ отвергать значенія и нравственности индивидуальной, какъ дѣлаютъ нѣкоторые другіе; — поведеніе индивидуума и по отношенію себя можетъ оказываться въ противорѣчіи съ развитіемъ индивидуальной жизни, или можетъ оказываться безнравственнымъ, какъ противорѣчащее инстинкту самосохраненія и влекущее за собой не только не укрѣпленіе и не развитіе личной жизни, а даже ея разрушеніе, и потому представляется необходимымъ признавать нравственность непремѣнно въ двухъ ея видахъ, или въ видѣ нравственности индивидуальной и соціальной, а не только въ видѣ послѣдней. Огромная, впрочемъ, заслуга современныхъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о нравственности, заключается въ томъ, что они поставили ученіе о ней на научную почву, указаніемъ, какъ на ея основанія, на причины, коренящіяся въ самой природѣ или въ жизни живыхъ существъ и въ стремленіи ихъ къ ея сохраненію и развитію, чѣмъ совершенно подорвали ученіе теологовъ и метафизиковъ о нравственности и ея основаніяхъ.

Нѣкоторые ученые не ограничиваются, впрочемъ, только указаніемъ основаній нравственности, коренящихся въ самой природѣ и жизни, но подвергаютъ критикѣ ученіе о нравственности теологовъ и метафизиковъ. Такъ, Гефдингъ, указываетъ на совершенную необоснованность указанія Канта, какъ на основаніе нравственности, на категорическій императивъ о долгѣ, которымъ каждый вынуждается исполнять свои обязанности какъ по отношенію себя, такъ и другихъ,—императивъ, неизвѣстно изъ чего возникающій и лишенный, притомъ, всякой санкціи его

соблюденія: Также и по мнѣнію Бурдо—принципы, полагаемые въ основаніе нравственности какъ Кантомъ, такъ и другими метафизиками, съ нимъ во многомъ согласными, какъ, напр., Сократомъ, Аристотелемъ, Спинозой и другими, представляются совершенно безплодными, какъ ни на чемъ не основанные и не пользующіеся поэтому довѣріемъ, вслѣдствіе того, что выставляемыя ими основныя начала нравственности не только не очевидны, но и очень спорны. Также точно, по его замѣчанію, и религіозная нравственность, какъ основанная на сверхъестественномъ откровеніи общественныхъ заповѣдей или, какъ имѣющая въ основаніи ея тайну, является для многихъ лишенной всякой санкціи, тѣмъ болѣе еще потому, что установленныя ею воздаянія за неисполненіе этихъ заповѣдей въ будущей жизни представляются очень призрачными, а для многихъ даже невѣроятными. Въ виду такой шаткости какъ религіозныхъ ученій о нравственности, такъ и метафизическихъ, какъ не обоснованныхъ на доказанныхъ началахъ и лишенныхъ санкціи, тѣмъ болѣе представляется необходимымъ въ настоящее время обоснованіе и развитіе ея на научныхъ началахъ.

Подтвержденіемъ правильности положенія означенныхъ философовъ о томъ, что нравственность должна быть обосновываема и выводима изъ самой природы или законовъ жизни живыхъ существъ и ея развитія, можетъ служить также тотъ фактъ, что нравственность присуща не только человѣку, но и животнымъ, у которыхъ она уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ возникать ни на началахъ религіи, ни на началахъ метафизическихъ, а можетъ корениться только въ ихъ природѣ и вытекаетъ изъ ихъ жизни. Такъ, по замѣчанію Вундта, несмотря на то, что у животныхъ отсутствуютъ религіозныя чувства и представленія, у нихъ все же имѣются въ наличности, хотя и въ зачаточномъ видѣ, извѣстныя формы общественнаго обхожденія, соединеннаго съ актами любви и ненависти, вслѣдствіе чего разсмотрѣніе фактовъ нравственной жизни не можетъ обойти той связи, которая существуетъ въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и животными; простѣйшія чувства и побужденія у человѣка и животныхъ объединяются въ существенномъ очень многими сходными свойствами, такъ какъ и въ общественной жизни животныхъ имѣются въ наличности тѣ стороны нравственной жизни, которыя связаны съ формами жизни общественной у людей, по крайней мѣрѣ на первыхъ ея ступеняхъ, и въ союзахъ животныхъ посредствомъ ихъ достигаются извѣстныя цѣли, благопріятныя какъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и для ихъ большинства. Также и по замѣ-

чанію Спенсера, подобно тому, какъ человѣческая жизнь должна быть разсматриваема какъ дальнѣйшее развитіе жизни дочеловѣческой, такъ и человѣческая справедливость или нравственность должна быть понимаема какъ дальнѣйшее развитіе дочеловѣческой нравственности и справедливости.

Съ особенной, однакоже, подробностью и наглядностью положеніе это развито Сутерландомъ, которымъ въ доказательство его правильности приведены многочисленные примѣры изъ жизни различныхъ животныхъ, начиная съ низшихъ и кончая не только высшими животными, но и человѣкомъ. Такъ, указавъ сперва, какъ на основаніе нравственности соціальной, на чувство симпатіи, возникающей вообще въ животномъ организмѣ, вслѣдствіе родительскихъ и супружескихъ отношеній, и развивающейся затѣмъ въ симпатію соціальную, всегда выгодную для жизни вида, онъ указываетъ далѣе на развитіе этой симпатіи среди насѣкомыхъ и, главнымъ образомъ, муравьевъ и пчелъ. Многія насѣкомыя обнаруживаютъ заботу и о своихъ яйцахъ и дѣтенышахъ, которая имѣетъ сходство съ родительскимъ уходомъ за ними, но наибольшаго развитія эта забота достигаетъ у жалоносныхъ перепончатокрылыхъ, которыя свои яйца выставляютъ на солнце и затѣмъ укрываютъ личинки, выкармливаютъ куколки, помогаютъ вылупиться молодымъ насѣкомымъ, очищаютъ ихъ, питаютъ и даже обучаютъ. Вообще, муравейникъ и пчелиный улей представляютъ собой не простой агломератъ, доходящій иногда до пятисотъ тысячъ индивидуумовъ, но общественный союзъ, основанный на взаимопомощи и сотрудничествѣ, такъ какъ они вообще совмѣстно работаютъ, питаются и предаются играмъ безъ всякихъ ссоръ и недоброжелательства другъ къ другу.

Далѣе, Сутерландъ указываетъ на довольно значительное развитіе чувства симпатіи и основанной на немъ общественной жизни у птицъ, и прежде всего у всѣхъ родовъ гусиныхъ, которые отличаются такими соціальными привычками, что живутъ довольно большими обществами, въ особенности буревѣстники и олуши, стаи которыхъ доходятъ до огромныхъ размѣровъ. Чувство симпатіи проявляется у нихъ въ томъ, что нерѣдко селезни, а также самцы гуси оказываютъ помощь подвергшимся нападенію членамъ ихъ стаи въ защитѣ отъ врага; нерѣдко, услышавъ крикъ страдающаго товарища, они съ необыкновеннымъ мужествомъ нападаютъ на врага, а также оказываютъ помощь страдающимъ товарищамъ и въ другихъ видахъ; такъ, напр., морскія ласточки и чайки нерѣдко поддерживаютъ въ воздухѣ своихъ раненыхъ товарищей и помогаютъ имъ летать,

а упавшимъ въ воду помогаютъ плавать, а иногда и цѣлыми стаями преслѣдуютъ хищниковъ, напр. воронъ, соколовъ, цапель или лисицъ, схватившихъ кого-либо изъ ихъ товарищей. Еще болѣе развитымъ представляется чувство взаимной симпатіи у поморниковъ, которые цѣлыми стаями защищаютъ своихъ товарищей, иногда отъ нападенія орловъ, а также у фламинговъ, которые во время отдыха всегда ставятъ изъ среды своей часовыхъ, обязанныхъ въ случаѣ опасности немедленно поднимать тревогу, послѣ чего вся стая поднимается и улетаетъ; также пеликаны обыкновенно цѣлыми стаями охотятся за рыбами, причемъ сперва широкимъ кольцомъ охватываютъ стаю рыбъ, затѣмъ постепенно суживаютъ его и наконецъ бросаются ихъ хватать, когда онѣ по одиночкѣ стараются прорвать кольцо и освободиться; журавли не только всегда ставятъ часовыхъ для наблюденія за опасностью, но и въ случаѣ нападенія на нихъ какого-либо врага становятся въ кругъ клювами наружу и отбиваются отъ нападенія; наконецъ попугаи всегда живутъ обществами и, притомъ, неразрывными парами выводящими птенцовъ, и чувство симпатіи у нихъ проявляется не только къ своимъ птенцамъ, но и къ сиротамъ другихъ паръ и даже другихъ стай, а также къ ихъ престарѣлымъ и больнымъ товарищамъ, не говоря уже объ общей защитѣ отъ враговъ.

Разумѣется, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ видовъ животныхъ къ высшимъ, все болѣе и болѣе развитымъ представляется и чувство взаимной симпатіи между индивидуумами одного и того же вида, а также и основанное на немъ взаимное ихъ сотрудничество, содѣйствующее развитію у нихъ жизни общественной и нравственности соціальной. Въ подкрѣпленіе правильности этого положенія Сутерландъ приводитъ довольно значительное число примѣровъ, сперва изъ жизни низшихъ млекопитающихъ, а затѣмъ и высшихъ, и наконецъ человѣка. Такъ, онъ указываетъ на довольно развитую жизнь общественную у различныхъ грызуновъ, какъ у бѣлокъ, кроликовъ, крысъ и мышей, встрѣчающихся обыкновенно въ большомъ количествѣ и, притомъ, на значительныхъ пространствахъ земли, въ противоположность видамъ грызуновъ необщественныхъ, какъ кротовъ, дикобразовъ и другихъ, которые, несмотря на ихъ хорошія средства самозащиты—на иглы и другія, все же встрѣчаются довольно рѣдко и, притомъ, на небольшихъ пространствахъ. Чувства взаимной симпатіи у крысъ и мышей заключаются въ томъ, что онѣ не только всегда храбро защищаютъ отъ нападенія враговъ своихъ товарищей, но и всегда дружно соединяются для нападенія на

враговъ, для совершенія грабежей и для сотрудничества въ производствѣ для себя различныхъ работъ, какъ для устройства норъ и другихъ жилищъ, со многими необходимыми приспособленіями для безопасной жизни въ нихъ, или въ видѣ крѣпостей для защиты отъ нападенія, или въ видѣ особыхъ выходовъ для собственнаго ухода изъ нихъ при спасеніи отъ враговъ. Особеннымъ искусствомъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи отличаются бобры, которые хотя и живутъ не особенно многочисленными обществами, но въ сотрудничествѣ проявляютъ необыкновенное искусство въ устройствѣ для себя пещеръ, въ которыхъ они живутъ, а также необходимыхъ для нихъ плотинъ; для устройства послѣднихъ они подрываютъ и опрокидываютъ близъ растущія деревья, съ которыхъ обдираютъ также кору и изъ нея заготовляютъ себѣ необходимые запасы пищи на зиму.

Еще болѣе развиты чувство взаимной симпатіи и инстинктъ необходимости взаимной помощи и сотрудничества у высшихъ млекопитающихъ, какъ у бизоновъ, буйволовъ, антилопъ, сернъ, сѣверныхъ оленей и другихъ, которые обыкновенно цѣлыми стадами, приготовляясь къ оборонѣ отъ врага, становятся въ кругъ, повернувшись мордами и рогами наружу и спрятавъ въ середину круга своихъ дѣтенышей, причемъ иногда подчиняются даже одному опытному руководителю, а для наблюденія за возможной опасностью, выставляютъ часовыхъ, которые даютъ знать крикомъ о приближеніи врага; въ случаѣ же нападенія хищнаго звѣря врасплохъ на одного кого-либо изъ нихъ, какъ, напр., у буйволовъ, другіе, находящіеся вблизи, бросаются ему на помощь и стараются защитить его отъ врага. Общая защита отъ враговъ также организована и у лошадей и слоновъ, которые нерѣдко оказываютъ помощь своимъ товарищамъ, подвергшимся какой-либо опасности, и въ одиночку, какъ въ случаѣ причиненія кому-либо изъ нихъ ранъ охотниками, или паденія въ воду, или въ яму, или борьбы съ нападающимъ врагомъ. Далѣе, еще большее развитіе принимаютъ чувство симпатіи и общественные инстинкты у обезьянъ, даже у четверорукихъ, и, притомъ, почти у всѣхъ видовъ ихъ, а въ особенности у мартышекъ, макака, сапажу и павьяновъ, общественность которыхъ проявляется нерѣдко въ ихъ особенной игривости; вообще же онѣ всѣ очень общественны, и многія изъ нихъ живутъ и бродятъ довольно большими группами, до нѣсколькихъ сотъ особей, по извѣстной опредѣленной территоріи, которой онѣ, подобно низшимъ человѣческимъ племенамъ, завладѣваютъ въ ихъ исключительное пользованіе, какъ своимъ продовольственнымъ райономъ, подъ руководствомъ вождя,

которому они безусловно повинуются, взамѣнъ чего онъ постоянно заботится о благосостояніи группы и находится всегда на стражѣ, наблюдая за угрожающей ей опасностью. Почти на этой же стадіи развитія стоитъ чувство общественности и у человѣкоподобныхъ обезьянъ, какъ у гиббоновъ, орангъ-утанговъ, гориллъ и шимпанзе, съ тѣмъ только отличіемъ, что онѣ представляются еще болѣе кроткими, добродушными, послушными и привязчивыми и, притомъ, не только къ своей группѣ, но и къ другимъ животнымъ. Такъ, у гиббоновъ замѣчались случаи большой сострадательности къ ихъ раненымъ товарищамъ, за которыми ухаживали другіе, съ цѣлью облегчить ихъ страданія, и приносили имъ пищу, а также случаи ихъ въ высшей степени ласковаго отношенія къ человѣку. Подобнымъ же чувствомъ отличаются также орангъ-утанги, гориллы и шимпанзе. Не болѣе развитымъ представляется чувство общественной симпатіи у дикарей, которые, подобно обезьянамъ, но обыкновенно меньшими группами, приблизительно въ количествѣ 20—30 человѣкъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ и питаются только дикими плодами и животными и не имѣютъ другого жилища, кромѣ простой изгороди для защиты отъ вѣтра, какъ, напр., бушмены, негритосы, аборигены Андаманскихъ острововъ, у которыхъ только наблюдается болѣе продолжительный уходъ родителей за дѣтьми, а также болѣе сплоченныя и постоянныя семейныя отношенія и болѣе доброты и взаимопомощи къ своимъ, чѣмъ у обезьянъ; зато они отличаются гораздо большей жестокостью и большимъ проявленіемъ деспотизма къ племенамъ чужимъ. На нѣсколько большей степени развитія чувства общественной симпатіи стоятъ у готентотовъ, полинезійцевъ, австралійцевъ и у нѣкоторыхъ другихъ, проявляющіяся уже въ томъ, что они живутъ гораздо большими группами, въ количествѣ 100 и болѣе человѣкъ.

Самое содержаніе нравственности большинство современныхъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о морали, также опредѣляютъ болѣе или менѣе сходно. Такъ, Спенсеръ, приравнивая нравственность къ альтруизму, утверждаетъ, что подъ нравственностью слѣдуетъ разумѣть тѣ дѣйствія индивидуума, которыми доставляется благополучіе для другого вмѣсто собственнаго. Лучше и подробнѣе, хотя и сходно со Спенсеромъ въ общемъ, опредѣляетъ содержаніе нравственности Гефдингъ: по его словамъ, нравственными поступками должны считаться тѣ, которые имѣютъ цѣлью наивозможно большее благо и наивозможно большій прогресъ для наивозможно большаго числа сознательныхъ существъ. Какъ на существенные признаки такого содержанія нрав-

ственности—онъ указываетъ на два: на одинъ отрицательный, заключающійся въ томъ, что никакому единичному индивидууму не должно удѣляться больше того, что̀ онъ заслуживаетъ по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ родѣ, соотвѣтственно его качествамъ, а на другой положительный, заключающійся въ томъ, что способности и потребности каждаго индивидуума должны быть развиваемы и удовлетворяемы настолько полно и обильно, насколько это совмѣстимо съ тѣмъ, чего требуетъ цѣльность жизни рода. Далѣе, въ объясненіе содержанія нравственности, какъ достиженія наибольшаго благополучія, Гефдингъ замѣчаетъ, что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть все, что̀ служитъ удовлетвореніемъ потребностей человѣческой природы въ ея цѣломъ, и что поэтому предлагаемое имъ опредѣленіе содержанія нравственности представляется болѣе точнымъ, чѣмъ опредѣленіе, дававшееся ему прежними утилитаристами, какъ Миллемъ, Бентамомъ и другими, какъ дѣйствіямъ, имѣющимъ цѣлью наибольшее счастье или наибольшую пользу наибольшаго числа людей. Въ противоположность альтруизму, эгоизмъ, напротивъ, долженъ быть признаваемъ, по его мнѣнію, за такое зло, которое препятствуетъ развитію нравственности, а слѣдовательно и благополучію сознательныхъ существъ, и можетъ вести къ разрушенію общества въ томъ случаѣ, когда или единичные индивидуумы сами сдѣлали бы себя абсолютной цѣлью благополучія, или же были бы сдѣланы такою цѣлью другими.

II.

Хотя опредѣленіе содержанія нравственности по цѣли достиженія общаго благополучія, а не общаго счастья или пользы, какъ утверждали утилитаристы, быть можетъ, сравнительно съ опредѣленіемъ ея содержанія послѣдними, и представляется болѣе правильнымъ, но самое понятіе благополучія даже отдѣльными индивидуумами понимается различно: то, что̀ считается благополучіемъ одними, для другихъ, напротивъ, имѣетъ смыслъ прямо противоположный, вслѣдствіе чего и при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій индивидуумовъ, какъ нравственныхъ или безнравственныхъ, также нерѣдко могутъ возникать серьезныя недоразумѣнія и противорѣчія. Недостаточно выясняютъ понятіе благополучія и указанные Гефдингомъ необходимые „предикаты“, или, какъ онъ говоритъ, заповѣди нравственности, и именно, первая заповѣдь отрицательная потому, что предоставленіе каждому индивидууму не болѣе того, что̀ онъ заслуживаетъ, хотя, быть мо-

жетъ, и представляется справедливымъ, но, въ видахъ опредѣленія значенія и степени достоинствъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, никакого положительнаго объективнаго критерія имъ не указано, а заповѣдь положительная потому, что наиболѣе полное развитіе способностей индивидуума и наиболѣе полное удовлетвореніе его потребностей далеко не всегда могутъ содѣйствовать его собственному благополучію и благополучію того рода, къ которому онъ принадлежитъ, ибо многія способности индивидуума, какъ и его потребности, могутъ быть не только не полезными для общаго благополучія, но нерѣдко даже прямо вредными и опасными, какъ, напр., властолюбіе, способность и стремленіе господствовать надъ другими, разныя прихоти и потребности въ дорого стоящихъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ.

Бурдо также опредѣляетъ содержаніе нравственности какъ поведеніе, имѣющее цѣлью достиженіе блага, но онъ подробнѣе опредѣляетъ въ связи съ этимъ основнымъ признакомъ ея содержанія существо блага, какъ цѣли, сперва нравственности индивидуальной, а затѣмъ соціальной. Именно, говоря о содержаніи нравственности индивидуальной, онъ находитъ, что индивидуумъ, въ силу самой его природы и законовъ жизни, съ одной стороны, стремится къ благамъ, позволяющимъ лучше пользоваться жизнью, т.-е. къ здоровью, счастью, удовлетворенію чувства изящнаго, къ познанію истины, а съ другой—избѣгать золъ, сокращающихъ жизнь, или дѣлающихъ ее болѣзненной, т.-е. избѣгать страданія и несчастья. Блага бываютъ физическія и психическія; первыя установлены научно собственно гигіеной и заключаются не въ чемъ иномъ, какъ въ искусствѣ быть здоровымъ, пользоваться постоянно хорошимъ расположеніемъ духа и долго жить. Правила гигіены, выведенныя изъ законовъ физіологіи, указываютъ самыя вѣрныя средства поддерживать нормальность отправленій организма и охранять такимъ образомъ первое благо жизни, здоровье, являющееся условіемъ и обезпеченіемъ всѣхъ другихъ благъ жизни, какъ физической силы, довольства, способности ко всякому дѣлу. Общее правило гигіены заключается, по замѣчанію Бурдо, въ томъ, чтобы доставлять дѣйствительнымъ естественнымъ потребностямъ организма требуемое ими удовлетвореніе въ надлежащей мѣрѣ, безъ его уменьшенія, но и безъ увеличенія сверхъ необходимаго, почему и представляются противными нравственности какъ излишній аскетизмъ, такъ и неумѣренное стремленіе къ удовольствіямъ. Цѣль, затѣмъ, нравственности индивидуальной психической, стоящей несравненно выше и шире нравственности физической, заключается въ сво-

бодномъ развитіи жизни психической, выражающейся, въ общемъ, въ искусствѣ быть счастливымъ, достигаемомъ съ помощью гигіены чувствъ, или въ благоразумномъ и умѣломъ пользованіи ими и направленіи ихъ и сдерживаніи въ извѣстныхъ границахъ, но никакъ не въ подавленіи страстей, какъ движущихъ силъ жизни. Источникъ этого послѣдняго счастья коренится въ насъ самихъ, такъ какъ отъ каждаго индивидуума самого зависитъ быть настолько благоразумнымъ, чтобы, съ одной стороны, не подавлять слишкомъ свои естественныя желанія, а съ другой и не привязываться особенно страстно къ чему-либо. Затѣмъ, въ объясненіе содержанія нравственности соціальной, Бурдо говоритъ, что общее благо, составляющее ея цѣль, заключается въ достиженіи общаго счастья, — для чего необходимо не только поддержаніе добрыхъ отношеній съ людьми и полезныхъ связей съ ними, а въ сношеніяхъ съ ними дѣловыхъ—строгой честности, но и исполненіе обязанностей взаимопомощи и, главнымъ образомъ, помощи несчастнымъ въ борьбѣ съ разными случайностями и затрудненіями въ жизни, такъ какъ исполненіемъ этихъ обязанностей въ отношеніи другихъ каждый и самъ изъ такого общенія съ людьми извлекаетъ немало выгодъ и для себя, какъ существо въ одиночествѣ очень слабое. Выяснивъ, такимъ образомъ, содержаніе и цѣль той и другой нравственности, или нравственности индивидуальной, какъ основанной на эгоизмѣ индивидуума, и нравственности соціальной, какъ основанной на его альтруизмѣ, остается еще указать, какимъ образомъ въ поведеніи индивидуума обѣ онѣ должны быть комбинируемы, — и это указаніе тѣмъ болѣе необходимо, что при противоположныхъ требованіяхъ эгоизма и альтруизма они нерѣдко, въ случаяхъ превышенія мѣры того или другого изъ нихъ, приходятъ въ столкновеніе между собой. Человѣкъ, будучи отдѣльнымъ самостоятельнымъ существомъ, и въ то же время существомъ, входящимъ въ составъ рода или группы, къ которой онъ принадлежитъ, необходимо долженъ имѣть двоякое побужденіе къ дѣйствіямъ: съ одной стороны, въ качествѣ отдѣльной личности сохранять свое „я“, а съ другой стороны, въ качествѣ члена того общества, къ которому онъ принадлежитъ и безъ котораго онъ не могъ бы жить, нести тяготы и жертвы, требуемыя общественными интересами, чтобы участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ ему жизнью въ обществѣ,—и потому этика и должна установить, въ какихъ разумныхъ и справедливыхъ границахъ долженъ дѣйствовать эгоизмъ, и въ какихъ предѣлахъ полезенъ и обязателенъ альтруизмъ. Слѣдуетъ считать допустимымъ дѣйствіе эгоизма только въ тѣхъ

предѣлахъ, пока онъ ограничивается дѣйствіями, направленными на сохраненіе цѣлости индивидуума и его правъ на существованіе; за этими предѣлами должна уже выступать сфера дѣйствія альтруизма, какъ фактора, наиболѣе содѣйствующаго расширенію жизненной дѣятельности людей, что̀ можетъ имѣть мѣсто, однакоже, только при слѣдованіи индивидуумомъ порядку и законамъ, установленнымъ въ той соціальной группѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Въ виду того, что такой альтруизмъ представляется выгоднымъ для индивидуума и въ его личной жизни, его и можно считать за разумное и благородное расширеніе эгоизма; именно съ помощью альтруизма получаются наилучшія условія для развитія и движенія впередъ жизни людей, и онъ заслуживаетъ самаго широкаго поощренія, какъ порождающій такое безкорыстное поведеніе по отношенію другихъ, которое только и можетъ считаться за добродѣтель. Несмотря на возможность противорѣчія между эгоизмомъ и альтруизмомъ, все же представляется возможнымъ согласованіе ихъ при помощи взаимныхъ уступокъ, потому что оба они представляются необходимыми, и альтруизмъ требуетъ отъ эгоизма лишь того, что̀ для него представляется съ одной стороны лишнимъ, а съ другой и вознаграждаетъ его за такую жертву выгодами жизни въ обществѣ.

Хотя приведенными указаніями Бурдо и выясняются содержаніе и цѣль нравственности вообще, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, и, притомъ, гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ другими, но все же они представляются невполнѣ достаточными, потому что и въ нихъ ничего не говорится объ одномъ изъ существенныхъ признаковъ собственно нравственности соціальной, о необходимости наличности въ дѣйствіяхъ индивидуума на общую пользу того общества или той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ, солидарности съ дѣйствіями другихъ ея членовъ въ этомъ отношеніи,—признака, на необходимость котораго указалъ, однакоже, Гефдингъ, который объяснилъ важное значеніе этого признака въ жизни и дѣятельности различныхъ общественныхъ союзовъ и вліяніе его на нравственность не только соціальную, но и индивидуальную. Въ такомъ союзѣ члены его проходятъ весь циклъ воспитанія отъ эгоизма къ альтруизму; въ немъ они научаются подчинять свои личные интересы общимъ интересамъ союза, что̀ представляется выгоднымъ и лично для каждаго изъ нихъ, ибо, дѣйствуя въ союзѣ, каждый изъ нихъ становится не только болѣе самостоятельнымъ въ жизни, но и можетъ достигать такихъ результатовъ, которыхъ онъ никогда не могъ бы достигнуть, дѣйствуя одинъ особнякомъ. Хорошо вы-

яснено также и взаимное соотношеніе нравственности индивидуальной и соціальной, какъ силъ центростремительной и центробѣжной, находящихся въ борьбѣ между собою. Хотя по природѣ беретъ верхъ, главнымъ образомъ, первая изъ этихъ силъ въ дѣйствіяхъ и поведеніи индивидуума въ обществѣ, но правильное между ними соотношеніе наступаетъ тогда, когда онѣ приходятъ въ равновѣсіе между собой въ дѣйствіяхъ индивидуума, и когда послѣдній проявляетъ наклонности одинаково, какъ эгоистическія, такъ и альтруистическія, притомъ въ должной мѣрѣ, безъ вреда какъ для себя, такъ и для общества.

Та и другая нравственность, какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ ихъ дѣйствіи, проявлялись, однакоже, и проявляются и въ настоящее время у различныхъ народовъ и различныхъ группъ людей неодинаково, вслѣдствіе чего и представляется интереснымъ выясненіе степени и хода ихъ развитія; на это и обратили вниманіе очень многіе изъ философовъ, занимавшихся разработкой ученія о нравственности, особенно о нравственности соціальной; на выясненіе же развитія нравственности индивидуальной мало обращали вниманія, несмотря на то, что и она не всегда и не у всѣхъ одинакова, а также измѣняется съ теченіемъ времени. Мы видѣли, что, по мнѣнію Бурдо, основаніемъ нравственности индивидуальной физической должны служить правила гигіены, выводимыя изъ законовъ физіологіи, а основаніемъ нравственности индивидуальной психической — вообще развитіе ума, и такимъ образомъ, съ развитіемъ гигіены и образованія должна получать болѣе широкое развитіе и нравственность индивидуальная, какъ по ея содержанію, такъ и по ея цѣлямъ. Хотя въ общемъ указаніе это и представляется совершенно правильнымъ, какъ покоящееся на научномъ основаніи, но въ дѣйствительности встрѣчаются такіе случаи, когда съ развитіемъ цивилизаціи и усложненіемъ жизни и потребностей нравственность индивидуальная не только не развивается, но даже падаетъ, когда многіе индивидуумы, вслѣдствіе полученія возможности пользоваться гораздо большими личными удовольствіями и наслажденіями жизни, предаются имъ съ излишествомъ, и это указываетъ на то, что правильное развитіе личной нравственности, въ связи съ поступательнымъ движеніемъ впередъ, обусловливается на самомъ дѣлѣ не только приведенными выше основаніями, но и еще какими-либо другими. Если принять во вниманіе ея тѣсную связь и соотношеніе съ нравственностью соціальной, то необходимо заключить, что развитіе ея во многомъ должно обусловливаться развитіемъ этой послѣдней нравственности, какъ вызывающей необходимость та-

кого поведенія индивидуума, которое должно служить сдержкой слишкомъ широкаго проявленія стремленія къ пользованію личными наслажденіями и слишкомъ широкаго удовлетворенія личныхъ потребностей, что имѣетъ мѣсто непремѣнно въ ущербъ проявленію нравственности соціальной.

На развитіе этой послѣдней нравственности, напротивъ, обращаютъ вниманіе едвали не всѣ современные философы, занимавшіеся разработкой ученія объ основахъ морали, хотя и не всѣ они объясняютъ ея развитіе одинаковымъ образомъ, и, притомъ, большинство ограничивается объясненіями ея довольно краткими. Такъ, Спенсеръ отмѣчаетъ, что альтруизмъ въ людскомъ обществѣ зарождается сперва въ области семейной, затѣмъ переходитъ въ область соціальную, гдѣ появляются такіе союзы, или кооперації, которые содѣйствуютъ развитію жизни, какъ общественной, такъ и индивидуальной, такъ какъ въ нихъ съ благосостояніемъ всѣхъ ея членовъ возрастаетъ и благосостояніе каждаго въ отдѣльности. Далѣе, онъ говоритъ, что этическое содержаніе въ правилахъ поведенія, согласно съ ходомъ соціальной эволюціи въ обществахъ людей, все болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ перехода формъ общежитія отъ военнаго типа къ индустріальному; въ обществахъ перваго типа требованія самосохраненія цѣлаго общества сильнѣе требованій въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, между тѣмъ какъ по мѣрѣ перехода отъ условій быта военнаго къ условіямъ быта индустріальнаго, все болѣе и болѣе ростетъ значеніе послѣднихъ интересовъ, которые и начинаютъ составлять основу общественной жизни;— въ жизни такихъ обществъ добровольные союзы, или кооперації, замѣняютъ постепенно союзы принудительные, какъ различныя сословныя общества и формы организаціи власти, и путемъ борьбы труда съ капиталомъ, а также борьбы съ властью за политическую свободу, достигаютъ осуществленія все большаго и большаго обезпеченія равныхъ средствъ къ индивидуальному благополучію всѣхъ. Наряду съ развитіемъ личнаго благополучія идетъ все большее и большее развитіе средствъ и благополучія общественнаго, или развитіе альтруизма, и на его основаніи развитіе нравственности соціальной, которая проявляется сперва въ видѣ простой справедливости индивидуума къ близкимъ, а затѣмъ и въ видѣ благотворенія или филантропіи, сначала въ видѣ филантропіи отрицательной, заключающейся собственно только въ самоограниченіи эгоистическихъ чувствъ, а потомъ и въ видѣ филантропіи положительной, заключающейся въ прямыхъ дѣйствіяхъ въ интересахъ ближняго, даже вопреки собственнымъ

эгоистическимъ цѣлямъ. Съ теченіемъ времени нравственность соціальная, по объясненію Спенсера, развиваясь все шире и шире, распространяется постепенно и за предѣлы отдѣльныхъ обществъ и народовъ и становится руководящей и въ отношеніяхъ между разными обществами и народами. Почти это же самое, но еще болѣе кратко говоритъ о постепенномъ развитіи нравственности соціальной въ человѣческихъ обществахъ и Гефдингъ, который только указываетъ, что ея дальнѣйшее развитіе должно заключаться въ распространеніи ея и на отношенія между народами и государствами, которые до сихъ поръ во многомъ состоятъ между собой еще въ первобытныхъ естественныхъ отношеніяхъ.

III.

По общему признанію, первоначально соціальная нравственность получила свое начало въ семьѣ, потому что прежде всего въ семейной группѣ протекаетъ жизнь индивидуума, въ которой и образуются самыя непринужденныя и прочныя связи между ея членами, какъ между родителями и дѣтьми и между самими дѣтьми, порождающія между ними и взаимныя обязанности, заключающіяся прежде всего во взаимной поддержкѣ другъ друга. Изъ круга семьи нравственность соціальная переходитъ во взаимныя отношенія между семьями одного и того же племени и заключается въ поддержаніи съ ними добрыхъ и полезныхъ связей и взаимопомощи другъ другу въ борьбѣ съ разными случайностями и затрудненіями въ жизни. Впослѣдствіи нравственность эта распространяется и на отношенія людей въ болѣе обширныхъ обществахъ, образующихъ государства, когда уже необходима извѣстная гражданская доблесть индивидуумовъ по отношенію къ нимъ, заключающаяся въ томъ, чтобы они не только употребляли часть своихъ средствъ на общественныя нужды, но и лично участвовали въ ихъ защитѣ. Дальнѣйшее развитіе этой нравственности должно заключаться въ томъ, чтобы она была установлена и въ международныхъ отношеніяхъ, въ видахъ справедливаго соглашенія между собой всѣхъ интересовъ, и такимъ образомъ была распространена на все человѣчество, и наконецъ въ распространеніи ея и на отношенія человѣка къ животнымъ и въ особенности къ животнымъ домашнимъ.

По мнѣнію Вундта, напротивъ, утвержденіе о первоначальномъ зарожденіи соціальной нравственности въ первобытной семьѣ не выдерживаетъ критики, потому что, какъ доказали

многіе изслѣдователи первобытной культуры, какъ Бахофенъ, Леббокъ и Макъ-Ленанъ, у первобытныхъ народовъ не было правильно заключаемыхъ браковъ, а господствовало случайное, безпорядочное сожительство, вслѣдствіе чего вмѣсто семьи было только материнство или связь дѣтей съ матерью. Въ виду этого обстоятельства слѣдуетъ, по мнѣнію Вундта, искать первоначальное зарожденіе нравственности соціальной не въ семьѣ, а въ родовыхъ или племенныхъ союзахъ, къ образованію которыхъ люди были побуждаемы не только необходимостью защиты отъ враговъ—другихъ племенъ или союзовъ, но и необходимостью производить многія нужныя работы совмѣстно, по невоможности производить ихъ каждымъ отдѣльно, какъ, напр., работы по добыванію огня, по добыванію и приготовленію пищи и многія другія, производство которыхъ и развивало въ нихъ первоначально чувство взаимопомощи, взаимной кооперації и солидарности, составляющихъ основу нравственности соціальной. На этой почвѣ нравственность соціальная возникла прежде всего у дикарей, у дикихъ охотничьихъ племенъ, которыя, не имѣя постояннаго жительства, совмѣстно преслѣдуютъ дичь, гдѣ только ее можно найти, переходя съ мѣста на мѣсто и встрѣчаясь постоянно съ опасностями, требующими единенія для самозащиты не только отъ нападенія дикихъ звѣрей, но и другихъ, подобныхъ же племенъ. Дальнѣйшее развитіе получаетъ эта нравственность у кочевниковъ или номадовъ, такъ какъ они, странствуя съ мѣста на мѣсто съ имѣющимися у нихъ стадами животныхъ, служащихъ имъ пищей, должны проявлять еще болѣе солидарности и заботливости въ отношеніи добыванія пищи для нихъ; затѣмъ еще большее развитіе нравственность эта получаетъ у племенъ, обратившихся къ земледѣлію и ведущихъ уже осѣдлый образъ жизни, вслѣдствіе того, что у нихъ появляется еще болѣе такихъ работъ, которыя для производства ихъ требуютъ совмѣстнаго труда многихъ людей и изъ которыхъ многія производятся не только съ помощью животныхъ, но и рабовъ, обращенныхъ въ неволю изъ покоренныхъ ими племенъ, причемъ появляется уже раздѣленіе занятій, а также раздѣленіе племенъ на классы, изъ которыхъ одни являются повелителями, а другіе—исполнителями ихъ велѣній.

Въ виду того, что у первобытныхъ племенъ не было первоначально организованной и прочной семьи, какъ постояннаго союза между родителями, и затѣмъ между родителями и дѣтьми, а преобладало случайное и безпорядочное сожительство между мужчинами и женщинами, то нельзя не признавать основатель-

нымъ утвержденіе Вундта, что первоначальное возникновеніе нравственности соціальной скорѣе можно видѣть не въ семьѣ. а въ родѣ или племени отдѣльныхъ первобытныхъ народовъ, Совершенно правильнымъ представляется и другое утвержденіе Вундта о постепенномъ развитіи этой нравственности у племенъ кочевыхъ, а затѣмъ у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, какъ также вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительному движенію впередъ культуры.

Съ особой подробностью и обстоятельностью останавливается на выясненіи развитія нравственности соціальной Сутерландъ. Считая за основаніе этой нравственности чувство симпатіи, онъ находитъ источникъ этого чувства въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ; эти отношенія, расширяясь постепенно, возбуждаютъ развитіе такого же чувства симпатіи между братьями и сестрами, а впослѣдствіи и между болѣе отдаленными родственниками и сосѣдями. Высказавъ это общее заключеніе о возникновеніи и развитіи соціальной нравственности, онъ далѣе подробно останавливается на выясненіи ея развитія сперва у дикарей, у которыхъ она стоитъ почти на одномъ уровнѣ, какъ и у высшихъ животныхъ общественныхъ и, главнымъ образомъ, у обезьянъ, а затѣмъ у варваровъ. Болѣе высокое развитіе соціальной нравственности у послѣднихъ, сравнительно съ ея развитіемъ у дикарей, онъ видитъ прежде всего въ ослабленіи у нихъ войнъ съ другими племенами, сравнительно съ войнами дикарей, которые ведутъ ихъ почти постоянно и съ крайней жестокостью, между тѣмъ какъ у варваровъ войны хотя и ведутся почти съ такой же жестокостью и безпощадностью, какъ и у дикарей, зато не постоянно, а хронически, черезъ извѣстные промежутки времени. Жестокость войнъ ослаблялась постепенно у народовъ цивилизованныхъ, какъ у грековъ и римлянъ, которые впослѣдствіи не только не подвергали избіенію или обращенію въ рабство побѣжденные ими народы,—какъ это дѣлали варвары,—и не только сохраняли имъ жизнь, но даже и извѣстную часть ихъ имущества, и даже въ извѣстной степени пользованіе гражданскими правами, причемъ большая часть населенія римской имперіи никакого участія въ войнѣ не принимала, что влекло за собой значительное увеличеніе благосостоянія населенія. Кромѣ этого, обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ развитію нравственности соціальной, было все большее и большее увеличеніе числа членовъ племенныхъ союзовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ сообща. Такъ, въ то время, какъ у низшихъ дикарей первоначально число членовъ племенныхъ союзовъ достигало только отъ 20 до 100 человѣкъ, у высшихъ дикарей, какъ у сѣверо-американскихъ

индѣйцевъ, оно достигаетъ уже, въ среднемъ, 300 человѣкъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ объединялись съ другими племенами въ общіе союзы, численность которыхъ достигала уже 4.000 человѣкъ и болѣе, что̀ значительно содѣйствовало развитію среди нихъ общественнаго чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчало переходъ ихъ отъ бродячаго образа жизни къ осѣдлому и къ земледѣлію, значительно увеличивъ ихъ безопасность отъ нападенія враговъ. Еще болѣе значительное увеличеніе численности племенныхъ союзовъ замѣчается у варваровъ, какъ, напр., у негровъ центральной Африки, у которыхъ число ихъ достигаетъ иногда уже 300.000 человѣкъ; въ случаяхъ объединенія племенныхъ союзовъ въ одинъ общій союзъ, число членовъ ихъ достигало уже и милліона человѣкъ, а у нѣкоторыхъ высшихъ варваровъ, какъ, напр., жителей Мадагаскара,—даже и нѣсколькихъ милліоновъ; изъ объединенія же такихъ племенъ впослѣдствіи стали образовываться и цѣлыя государства съ десятками милліоновъ жителей. Вмѣстѣ съ ростомъ племенныхъ союзовъ въ ихъ численности замѣчаются въ нихъ развитіе и увеличеніе симпатіи между ихъ членами, выражающейся сперва, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, въ подачѣ милостыни слѣпымъ, калѣкамъ, идіотамъ и даже просто неспособнымъ и лѣнивымъ, а затѣмъ превращающейся въ организованную общественную благотворительность, какъ, напр., въ Египтѣ, государствахъ Индіи, въ Китаѣ и въ другихъ, въ которыхъ она выражалась уже въ устройствѣ госпиталей для бѣдныхъ больныхъ, особыхъ пріютовъ для дѣтей и больныхъ стариковъ и различныхъ благотворительныхъ обществъ. Особенное же развитіе общественная благотворительность получала, начиная съ XVI-го столѣтія, въ государствахъ западной Европы: въ Англіи, Франціи и Германіи, и въ этомъ направленіи она развивается и до настоящаго времени.

IV.

Хотя Сутерландъ и указываетъ, какъ на первый источникъ зарожденія и развитія чувства симпатіи и основанной на немъ нравственности соціальной,—на отношенія матери къ ея дѣтямъ, а не на необходимость кооперації или сотрудничества между членами извѣстнаго рода или племени, какъ Вундтъ, но врядъ ли можно видѣть противорѣчіе между обоими указаніями; на самомъ дѣлѣ можно признавать оба эти обстоятельства за основанія зарожденія нравственности соціальной, какъ дѣйствующія одно-

временно и совмѣстно. Самая большая, однакоже, заслуга Сутерланда заключается въ томъ, что онъ не только призналъ источникомъ развитія нравственности соціальной развитіе чувства симпатіи между индивидуумами у людей и у животныхъ, но вмѣстѣ съ этимъ указалъ, какъ на главную причину, двигающую ея развитіе въ теченіе долгаго періода жизни живыхъ существъ, на ихъ борьбу за существованіе, въ которой выигрываютъ и получаютъ преобладаніе и даже побѣду тѣ роды или группы живыхъ существъ, у которыхъ она получила наибольшее распространеніе и развитіе. Чувство взаимной симпатіи, зародившись сперва у животныхъ, все большее развитіе получаетъ у человѣка, въ видѣ сотрудничества извѣстнаго числа индивидуумовъ одной группы или союза, что уже на первыхъ порахъ у дикарей даетъ имъ преимущество въ борьбѣ за обладаніе пищей и вообще въ борьбѣ за существованіе передъ отдѣльными, необъединенными между собой индивидуумами, обитателями лѣсовъ и полей. Впослѣдствіи такія группы, или союзы, состоящіе изъ большаго числа индивидуумовъ и, притомъ, наиболѣе прочно объединенные и лучше организованные, оказываются въ борьбѣ за существованіе фатальными для дикарей, которые въ борьбѣ съ ними постепенно исчезаютъ, какъ расы менѣе соціальныя и потому менѣе способныя къ защитѣ въ борьбѣ за существованіе. Вообще, ретроспективный взглядъ на исторію человѣчества показываетъ, что въ главныхъ чертахъ исторія эта заключалась въ покореніи расъ съ менѣе развитой симпатіей и солидарностью между ихъ индивидуумами, неспособными къ образованію могущественныхъ союзовъ, расами болѣе внутренно солидарными, такъ что разрозненность между членами расы всегда оказывалась гибельной для нея. Весь ходъ всемірной исторіи показываетъ возвышеніе типа, способнаго къ единенію, и въ то же время подчиненіе, поглощеніе, а иногда даже и полное уничтоженіе типовъ, менѣе способныхъ къ сплоченности, или побѣду въ борьбѣ за существованіе соціальныхъ расъ надъ индивидуальными, потому что въ борьбѣ за существованіе сила, берущая верхъ, заключается въ единеніи. Также точно имѣетъ большое значеніе чувство симпатіи, которое сопровождается выгодными послѣдствіями для индивидуума въ его борьбѣ за существованіе съ другими индивидуумами изъ одной и той же расы или союза людей, такъ какъ и въ нихъ нерѣдко индивидуумы, даже физически болѣе сильные, но не проявляющіе чувства симпатіи къ своимъ соплеменникамъ, устраняются ими изъ жизни и предаются смерти. Такимъ образомъ, борьба за существованіе вы-

зывала все большее развитіе чувства симпатіи или соціальной нравственности не только у отдѣльныхъ индивидуумовъ по отношенію ихъ соплеменниковъ, но и большую солидарность въ ихъ дѣйствіяхъ противъ другихъ племенъ и союзовъ, вслѣдствіе того, что люди, проявлявшіе наиболѣе симпатіи къ другимъ своимъ соплеменникамъ, получали и наиболѣе выгодъ въ своей личной жизни въ нихъ, а націи, состоявшія изъ наибольшаго числа такихъ индивидуумовъ, получали наиболѣе выгодъ и преимуществъ, какъ въ своемъ внутреннемъ развитіи, такъ и въ борьбѣ за существованіе съ другими націями, менѣе солидарными и сплоченными въ дѣйствіяхъ ихъ членовъ.

Въ подкрѣпленіе правильности этого положенія Сутерландъ приводитъ немало примѣровъ изъ исторіи, доказывающихъ, что расы или племена, мало соціальныя и жестокія, очень скоро исчезали въ борьбѣ за существованіе съ расами болѣе соціальными, какъ, напр., многія индійскія племена, склонныя къ раздорамъ и затѣвавшія наичаще междоусобныя войны съ другими племенами и отъ нихъ погибшія, а также подобныя же племена арабскія, и затѣмъ въ особенности малайцы, которые вслѣдствіе ихъ жестокости и исчезли съ лица земли. Вообще, приведенные имъ примѣры изъ исторіи безусловно подтверждаютъ правильность его основного положенія, какъ о главномъ двигателѣ развитія нравственности соціальной, о борьбѣ за существованіе, какъ обстоятельствѣ, влекущемъ за собой преобладаніе типовъ союзовъ людей, наиболѣе между собой объединенныхъ и дѣйствующихъ наиболѣе солидарно въ защитѣ ихъ интересовъ въ борьбѣ съ другими группами, такъ что можно сказать, что въ настоящее время объясненіе развитія нравственности поставлено на научномъ основаніи и, притомъ, на основаніи того принципа, дѣйствіемъ котораго объясняется вообще эволюція и развитіе жизни въ природѣ.

Нѣкоторые изъ современныхъ философовъ, занимавшіеся разработкой ученія нравственности, обращаютъ вниманіе на обязательность соблюденія для индивидуумовъ правилъ нравственности, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, въ виду того обстоятельства, что природой установлена санкція какъ ихъ соблюденія, такъ и несоблюденія, заключающаяся, по объясненію Бурдо, въ томъ, что соблюденіе ихъ индивидуумомъ сопровождается извѣстными наградами или благами, а ихъ нарушеніе, напротивъ, извѣстными страданіями, или зломъ для него. Такъ, по его словамъ, въ то время, какъ соблюденіе индивидуумомъ правилъ нравственности индивидуальной, или правилъ

гигіены, сопровождается здоровьемъ, удовольствіями и радостью жизни, отступленіе отъ нихъ вызываетъ въ немъ скорбь, печаль и безпокойство,—и такими же послѣдствіями приблизительно сопровождаются также соблюденіе и нарушеніе правилъ нравственности соціальной. Также и по объясненію Спенсера санкція обязательности соблюденія правилъ нравственности, и въ особенности нравственности соціальной, заключается въ томъ, что каждый долженъ нести послѣдствія своего поведенія по соображеніи соотвѣтствія или несоотвѣтствія его реальнымъ интересамъ жизни. Возникновеніе примѣненія принципа воздаянія замѣчается уже у стадныхъ животныхъ, живущихъ группами, у которыхъ выработаны извѣстные пріемы общественной расправы съ особями, не удовлетворяющими общимъ интересамъ группы, какъ, напр., у бобровъ, которые изгоняютъ изъ своей группы лѣнтяевъ, не принимающихъ участія въ общественныхъ работахъ при постройкахъ; у пчелъ, которыя убиваютъ трутней послѣ того, какъ они сдѣлались имъ ненужными; у воронъ, убивающихъ вообще негодныхъ членовъ группы; у грачей, которые въ возмездіе тѣмъ изъ нихъ, которые крадутъ матеріалъ для постройки гнѣздъ изъ чужихъ гнѣздъ, разрушаютъ ихъ гнѣзда;—и этотъ принципъ развивается все шире и шире сперва у животныхъ высшихъ, какъ у обезьянъ, а затѣмъ у человѣка. Довольно любопытные примѣры такой общественной расправы у животныхъ и въ особенности у птицъ, и, притомъ, въ видѣ расправы вполнѣ сознательной, вродѣ суда народнаго надъ провинившимся въ чемъ-либо индивидуумомъ, приводитъ Эвансъ въ своей „Эволюціонной этикѣ“. Виновныя птицы приговариваются другими не всегда къ лишенію жизни, но иногда только къ тѣлесному наказанію, въ видѣ избіенія, послѣ чего онѣ и остаются въ группѣ. Какъ на примѣры такого общественнаго суда надъ провинившимися членами сообщества, онъ указываетъ на періодическія сборища воронъ на Шетландскихъ островахъ, описываемыя докторомъ Эдмондомъ, которыя, смотря по количеству дѣлъ, продолжаются недѣлю и больше, причемъ, въ случаѣ присужденія виновныхъ къ смерти, они немедленно и убиваются; затѣмъ—на такой же случай суда воронъ въ Берлинѣ, въ одномъ изъ садовъ, когда онѣ, послѣ продолжительнаго карканья, заклевали до смерти одну изъ воронъ, сидѣвшую отдѣльно отъ нихъ, и затѣмъ еще на случай суда журавлей, также въ Берлинѣ, на которомъ было насчитано болѣе 500 птицъ и собраніе которыхъ длилось полъ-дня, до произнесенія приговора надъ одной изъ самокъ за то, что ею въ трубѣ дома было высижено случайно подмѣненное хозяиномъ

дома журавлиное яйцо на гусиное, за что она была немедленно вмѣстѣ съ выводкомъ убита, а гнѣздо ея было разорено.

Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія въ томъ, что имѣющіяся въ дѣйствительности извѣстныя санкціи соблюденія правилъ нравственности, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, заключающіяся въ воздаяніи добромъ за соблюденіе правилъ той и другой нравственности, или, напротивъ, зломъ за ихъ несоблюденіе, и на самомъ дѣлѣ могутъ служить для индивидуумовъ извѣстнымъ стимуломъ, или побужденіемъ, къ нравственному поведенію, какъ по отношенію себя, такъ и другихъ, но, однакоже, стимуломъ далеко не достаточнымъ къ соблюденію ихъ во всемъ объемѣ и, притомъ, одинаково правилъ той и другой нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, если глубже вникнуть въ значеніе этихъ санкцій, какъ стимуловъ къ соблюденію правилъ нравственности во всемъ ихъ объемѣ, то нельзя, кажется, будетъ не признать, что главнѣйшее и болѣе полное значеніе онѣ могутъ имѣть только относительно соблюденія правилъ нравственности индивидуальной, ибо нарушеніе ихъ индивидуумомъ по отношенію самого себя можетъ влечь за собой болѣе неотразимо и болѣе чувствительно тѣ лично невыгодныя и даже вредныя для него послѣдствія ихъ нарушенія, или несоблюденія, которыми послѣднее сопровождается обыкновенно въ жизни, въ силу самыхъ законовъ ея, какъ, напр., разстройствомъ здоровья, болѣзнями, а иногда и душевными страданіями и другими. Нарушеніе или несоблюденіе индивидуумомъ правилъ нравственности соціальной, напротивъ, можетъ нерѣдко не сопровождаться для него никакими невыгодными послѣдствіями, вслѣдствіе того, что санкція соблюденія ихъ, установленная въ обществахъ не только людей, но и животныхъ, установлена въ нихъ, главнымъ образомъ, по отношенію тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ значеніе только правилъ отрицательныхъ или правилъ, заключающихся въ запрещеніи совершенія тѣхъ или другихъ противообщественныхъ дѣйствій, но не правилъ положительныхъ, заключающихся въ совершеніи со стороны индивидуума какихъ-либо полезныхъ дѣйствій для другихъ, вродѣ оказанія имъ помощи или содѣйствія въ какихъ-либо дѣлахъ ихъ, потому что никакихъ въ этомъ отношеніи понудительныхъ мѣръ въ обществахъ людей большею частью не установлено, между тѣмъ какъ безъ ихъ установленія соблюденіе ихъ и представляется лишеннымъ всякой санкціи. Кромѣ этого, совершеніе какихъ-либо полезныхъ дѣйствій для другихъ можетъ нерѣдко не только не сопровождаться выгодными послѣдствіями для самого индивидуума, ихъ совершившаго, но

можетъ иногда влечь за собой и довольно значительный ущербъ для него, и для совершенія такихъ дѣйствій представляется необходимымъ высокое развитіе чувства симпатіи къ другимъ или значительное преобладаніе въ человѣкѣ альтруизма надъ эгоизмомъ, что̀ можетъ имѣть мѣсто, въ большинствѣ случаевъ, только преимущественно у индивидуумовъ, стоящихъ на болѣе или менѣе высокой степени умственнаго развитія, когда является сознаніе необходимости и полезности совершенія такихъ дѣйствій въ пользу общества, въ видахъ его поддержанія и развитія, внѣ всякихъ соображеній о личныхъ невыгодахъ и опасностяхъ.

V.

При отсутствіи у большинства индивидуумовъ сознанія необходимости совершенія полезныхъ дѣйствій въ пользу общества, а также и при отсутствіи какого-либо воздаянія со стороны общества за ихъ несовершеніе, представляется, кажется, очевиднымъ и отсутствіе какой-либо прямой и очевидной санкціи развитія нравственности соціальной положительной; если же, несмотря на это, нравственность эта все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени развивается и расширяется, то, въ видахъ объясненія такой эволюціи ея, ничего болѣе не остается, какъ признать за основаніе ея развитія, главнымъ образомъ, борьбу за существованіе и ея послѣдствія, заключающіяся, съ одной стороны, въ томъ, что группы людей, дѣйствующія наиболѣе солидарно между собой и оказывающія наибольшую помощь другъ другу, какъ въ защитѣ отъ нападенія враговъ, такъ и въ сотрудничествѣ въ добываніи средствъ къ существованію, побѣждаютъ въ борьбѣ за существованіе и болѣе и болѣе развиваются и улучшаютъ свое положеніе, а съ другой—что группы людей, дѣйствующія разрозненно, вслѣдствіе отсутствія у нихъ достаточной солидарности въ дѣйствіяхъ въ пользу всей группы и преобладанія въ нихъ индивидуумовъ эгоистичныхъ и дѣйствующихъ исключительно въ ихъ личную пользу, постепенно въ борьбѣ за существованіе обезсиливаются и даже вымираютъ. Обстоятельство это съ достаточной очевидностью указываетъ на то, что борьба за существованіе имѣетъ значеніе не только основанія развитія нравственности соціальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и главнѣйшей санкціей соблюденія ея велѣній отдѣльными индивидуумами, хотя большинствомъ изъ нихъ, въ особенности на низшей степени развитія, и безсознательно. Съ развитіемъ, одна-

коже, просвѣщенія и проникновенія въ сознаніе индивидуумовъ все болѣе и болѣе того принципа, что солидарность въ дѣйствіяхъ съ другими на пользу той группы или общественнаго союза, къ которому они принадлежатъ, представляется выгодной и лично для нихъ, самое это основаніе нравственности соціальной и признаніе его за главный стимулъ ея развитія получаютъ все большее и большее значеніе и распространеніе, что вполнѣ наглядно доказывается ходомъ развитія общественности среди людей и въ особенности образованія въ послѣднее время различныхъ между ними кооперацій и союзовъ въ видѣ добровольныхъ соединеній, ради достиженія извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей. Кромѣ того, это основаніе нравственности соціальной и главный стимулъ ея развитія представляются вполнѣ универсальными въ жизни не только человѣка, но вообще всѣхъ живыхъ существъ на землѣ: тѣ животныя, которыя живутъ извѣстными группами и дѣйствуютъ въ нихъ солидарно, какъ въ защитѣ отъ враговъ, такъ и въ поддержаніи ихъ существованія, переживаютъ въ борьбѣ за существованіе съ другими и даже размножаются и занимаютъ все бо̀льшія и бо̀льшія пространства на землѣ, между тѣмъ какъ животныя хищныя, даже очень сильныя, но дѣйствующія врознь, напротивъ, постепенно истребляются и вымираютъ.

Обстоятельство это съ достаточной очевидностью указываетъ, кажется, на такія значительныя преимущества этого основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ и санкціи развитія нравственности соціальной передъ основаніями ея и санкціями исполненія ея велѣній, указываемыми теологами и метафизиками, что эти послѣднія представляются совершенно излишними; — это, впрочемъ, подтверждается еще и тѣмъ, что, несмотря на все большее и большее распространеніе такихъ религій, которыя проповѣдуютъ необходимость проведенія въ жизни индивидуума нравственныхъ началъ любви къ ближнимъ, онѣ все же въ довольно слабой степени содѣйствовали ея развитію и усвоенію этихъ принциповъ людьми въ ихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, быть можетъ, отчасти потому, что указываемыя ими санкціи ихъ соблюденія, заключающіяся въ наградахъ въ другой, будущей жизни, не имѣютъ никакого видимаго значенія; но, разумѣется, нельзя отрицать, что религіи эти оказали нѣкоторое содѣйствіе развитію нравственности соціальной, потому что хотя относительно и очень немногіе изъ людей, поддавшіеся ихъ вліяніямъ въ ихъ поведеніи относительно ближнихъ, все же иногда служили въ этомъ отношеніи примѣромъ для другихъ и тѣмъ хотя сколько-нибудь содѣйствовали ея развитію. По сравненію, однакоже, съ значеніемъ основаній и

санкцій соблюденія правилъ нравственности соціальной, указываемыхъ нѣкоторыми изъ религій, должны имѣть еще меньшее значеніе въ жизни основанія и санкціи соблюденія правилъ этой нравственности, указываемыя метафизиками, прежде всего, разумѣется, вслѣдствіе сравнительно очень малаго распространенія ихъ ученій въ обществахъ людей даже въ настоящее время, а отчасти потому, что указываемыя ими санкціи ихъ соблюденія представляются не только совершенно неопредѣленными, но даже просто призрачными, фиктивными, лишенными поэтому всякаго авторитета. Такимъ образомъ въ настоящее время за единственно правильныя какъ основанія этой нравственности, такъ и санкціи соблюденія правилъ ея, могутъ быть приняты ея основанія и санкціи соблюденія, указываемыя современными учеными теоретиками, занимавшимися разработкой ученія о нравственности, и основанныя ими на данныхъ самой жизни или природы, въ чемъ и заключается ихъ большая заслуга передъ теологами и метафизиками въ области этики. Указаніе на эти основанія нравственности соціальной и на эту санкцію соблюденія ея велѣній, какъ основанія и санкціи, указываемыя самой природой и жизнью живыхъ существъ, представляется съ теченіемъ времени тѣмъ болѣе необходимымъ, что, какъ замѣчаетъ Бурдо, постепенный упадокъ религіозныхъ вѣрованій, а также потеря довѣрія къ основаніямъ ея, указываемымъ метафизиками, вродѣ врожденности нравственнаго чувства, предписанія совѣсти, категорическаго императива и другихъ подобныхъ, оставляютъ нравственность эту безъ всякаго прочнаго основанія и безъ всякой поддержки обязательности соблюденія ея велѣній.

Выясненіе означенныхъ научныхъ основаній нравственности соціальной и санкціи соблюденія ея велѣній, какъ указываемыхъ самой природой или жизнью, съ развитіемъ просвѣщенія, все болѣе и болѣе будетъ входить въ сознаніе людей и будетъ служить все болѣе возрастающимъ стимуломъ къ ея развитію среди нихъ, или къ развитію среди нихъ солидарности и взаимнаго расположенія, съ сознаніемъ, при этомъ, выгодности для нихъ такого поведенія и отношенія къ другимъ въ борьбѣ за существованіе ихъ съ другими группами людей и необходимости, ради этого, подчиненія ихъ личныхъ выгодъ выгодамъ того общества, или группы, къ которымъ они принадлежатъ. Вслѣдствіе, однакоже, преобладанія въ человѣческихъ обществахъ эгоистическихъ натуръ, ставящихъ свои интересы выше интересовъ общественныхъ, а также вслѣдствіе недостаточнаго проникновенія въ ихъ сознаніе вредности такого направленія и необходимости подчиненія ихъ

личныхъ интересовъ общественнымъ, ради ихъ же личной пользы въ борьбѣ за существованіе, нѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго въ томъ, что, несмотря на все значеніе борьбы за существованіе, какъ обстоятельства, двигающаго впередъ развитіе нравственности соціальной, она въ настоящее время стоитъ еще не на особенно высокомъ уровнѣ развитія, и въ будущемъ задача ея развитія еще очень велика, что̀, впрочемъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ очень медленной эволюціей жизни вообще, вытекающей изъ борьбы за существованіе и ею обусловливаемой. И на самомъ дѣлѣ, извѣстныя правила поведенія, благожелательнаго къ другимъ людямъ, составляющія содержаніе нравственности соціальной, еще и въ настоящее время считаются обязательными и практикуются хотя сколько-нибудь въ достаточной степени только въ средѣ болѣе или менѣе ограниченныхъ и замкнутыхъ группъ людей, но никакъ не по отношенію всѣхъ,—и теперь, хотя и въ болѣе или менѣе уже смягченныхъ формахъ, все же еще практикуется въ отношеніи массы народа многое такое, что̀ воспрещено по отношенію членовъ своей группы. Если у народовъ дикихъ и варваровъ допускались всякія жестокости противъ другихъ въ борьбѣ съ ними, то впослѣдствіи, по соединеніи многихъ отдѣльныхъ племенъ въ довольно большія государства, возникла борьба въ нихъ самихъ, между властью съ помощью ея служителей и народомъ, вслѣдствіе того, какъ замѣтилъ Бурдо, что угнетеніе властью народа сопровождается иногда со стороны власти большими жестокостями по отношенію къ народу, и со стороны послѣдняго неизбѣжны иногда бунты и возстанія противъ власти, причемъ жестокая власть нерѣдко имъ и ниспровергается. Такая борьба между властью и народомъ, когда допускаются всякія противонравственныя средства со стороны власти противъ народа, продолжается, по замѣчанію Спенсера, довольно долго, пока народъ не достигнетъ передачи власти ему самому отъ той небольшой группы людей, а иногда и отъ того сословія, въ рукахъ котораго она находилась, и пока не достигнетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣны сословныхъ преимуществъ и уравненія въ правахъ всѣхъ гражданъ, послѣ чего опять начинается борьба между разными группами населенія на экономической почвѣ,—главнымъ образомъ, между трудомъ и капиталомъ, или между капиталистами и рабочими,—борьба, продолжающаяся и въ настоящее время.

Вслѣдствіе такой борьбы между разными группами населенія, нравственность соціальная не получила еще и въ настоящее время надлежащаго развитія и осуществленія даже внутри отдѣль-

ныхъ государствъ, не говоря уже о томъ, что она находится еще на болѣе низкой степени развитія въ отношеніяхъ между различными народами, и это, разумѣется, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока прежде въ самыхъ государствахъ не исчезнетъ антагонизмъ между интересами различныхъ группъ населенія сперва въ ихъ борьбѣ за власть и политическія и гражданскія права, а затѣмъ за экономическую обезпеченность, послѣ чего, быть можетъ, станутъ болѣе солидарными между собой и различныя народности различныхъ государствъ. Однимъ словомъ, по соображеніи всего происходящаго въ борьбѣ какъ изъ-за гражданскихъ правъ, такъ и на почвѣ экономическихъ интересовъ, нельзя не видѣть, что принципы нравственности соціальной могутъ получить осуществленіе еще очень нескоро и именно не прежде, какъ исчезнетъ антагонизмъ между властью и народомъ, что̀ возможно только по переходѣ власти ко всему народу и подъ его контроль, а также—когда исчезнетъ антагонизмъ и между экономическими интересами различныхъ группъ населенія; послѣднее же возможно лишь тогда, когда будетъ достигнуто настолько равномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ между всѣми членами государства, что не будетъ болѣе ни нуждающихся, ни угнетенныхъ, или когда всѣ будутъ обезпечены въ ихъ существованіи настолько, что ни въ какой дальнѣйшей борьбѣ за существованіе между ними не будетъ надобности, и когда, вслѣдствіе этого, всѣ получатъ достаточный стимулъ къ дѣйствію на пользу общую всего народа, а затѣмъ и на пользу общую всѣхъ народовъ, когда не будетъ антагонизма и между ихъ интересами, и когда, вслѣдствіе этого, не будетъ надобности въ борьбѣ за существованіе и между націями, что̀ представляется, разумѣется, осуществимымъ только въ очень отдаленномъ будущемъ. Развитію нравственности соціальной предстоитъ еще довольно тяжелый и длинный путь, пока не сдѣлается ненужной и исчезнетъ въ обществахъ борьба противъ лицъ или сословій, захватившихъ власть и злоупотребляющихъ ею, и пока не будетъ достигнуто, наконецъ, равновѣсіе интересовъ различныхъ группъ населенія въ каждомъ государствѣ, а затѣмъ и интересовъ различныхъ государствъ между собою.

К. Анненковъ.

НЕ РОДНОЙ СЫНЪ

Романъ Клары Фивихъ.

— Einer Mutter Sohn. Roman von Clara Viebig. Egon Fleischel, Berlin. 1906.

X *).

Кэте почти не замѣтила, какъ промелькнули недѣли разлуки съ домомъ. Пребываніе на водахъ оказалось менѣе непріятнымъ, нежели она думала. Ее охватило ощущеніе покоя, какого она не испытывала дома. Она писала веселыя письма, и сообщенія мужа о „чудныхъ горахъ и дивной погодѣ“—радовали ее. Ихъ домашній врачъ Гофманъ сообщалъ ей утѣшительныя свѣдѣнія о Вольфѣ. Мальчикъ копается въ своемъ садикѣ, посадилъ редиску и саладъ, двое товарищей его—мальчикъ и дѣвочка—больны, а съ третьимъ—толстоголовымъ—онъ не любитъ играть. Иногда застаешь его и за книжкой, словомъ—тревожиться о немъ нечего.

Слава Богу! Кэте облегченно вздохнула, у нея гора свалилась съ плечъ; она написала мальчику довольное письмо, и отъ него получила такое же; правда, оно было очень забавное, начиналось словами: „Дорогая мать“, и было словно откуда-то списано; онъ ничего не сообщалъ о себѣ, не просилъ ее „скорѣе пріѣхать“, но оно, противъ его обыкновенія, было написано старательно и чисто, что̀ она сочла за доказательство любви. Къ письму была приложена картинка: ягненокъ, держащій красное знамя, на которомъ золотыми буквами было написано: „Agnus Dei miserere nobis“. Ее тронула безвкусная картинка,—онъ хотѣлъ сдѣлать ей

*) См. выше: іюль, стр. 233.

подарокъ. Добрый мальчикъ! Она положила картинку вмѣстѣ со своими драгоцѣнностями и вдругъ почувствовала, что ей страшно его недостаетъ.

Сентябрь былъ уже въ половинѣ, когда Кэте собралась домой.

Мужъ выѣхалъ встрѣтить ее въ Дрезденъ; свиданіе ихъ было самое сердечное; онъ не могъ нарадоваться ея свѣжему цвѣту лица, ея свѣтлому взгляду. Она въ свою очередь нашла, что онъ загорѣлъ, помолодѣлъ, сдѣлался почти такимъ же стройнымъ, какъ прежде.

Они заняли отдѣльное купэ, какъ влюбленные. Имъ столько нужно было передать другъ другу!

— Какъ я рада, что ты снова со мною!—сказала она, выслушавъ разсказъ объ его поѣздкѣ.

— А я!—онъ обнялъ ее, привлекъ къ себѣ, и она, задумчиво улыбаясь, прислонилась головою къ его плечу.

Передъ ихъ полузакрытыми глазами кружились въ падавшемъ наискось широкомъ столбѣ свѣта безчисленныя золотыя пылинки; однообразный стукъ колесъ и сознаніе тихой радости въ душѣ—дѣйствовали на нихъ убаюкивающимъ образомъ.

Вдругъ она встрепенулась, словно отъ толчка, ее охватилъ испугъ: она забыла спросить о ребенкѣ!

— Вольфъ? Что съ Вольфомъ?

— Прекрасно себя чувствуетъ. Но ты разскажи о себѣ: какъ же ты проводила дни?

— Утромъ выпивала стаканъ воды, затѣмъ—другой, а послѣ завтрака...

Но ей было уже не до разсказовъ. Съ Вольфомъ что-нибудь случилось? Онъ только не хочетъ сказать...

Пауль удивился. Ничего ровно съ нимъ не случилось. Спитъ себѣ, ѣстъ, пьетъ, ходитъ въ школу и процвѣтаетъ. Пусть она лучше разскажетъ о себѣ...

— Что же обо мнѣ говорить?.. Видишь, я хорошо себя чувствую...

Какъ равнодушно относится онъ къ ребенку! А она, мать, тоже забыла о немъ! Ей сдѣлалось такъ стыдно, что она подняла голову съ плеча мужа и сѣла выпрямившись. Они уже не влюбленные, они—отецъ съ матерью, которые должны думать о ребенкѣ. И она стала говорить только о немъ.

Пауль почувствовалъ перемѣну въ ея настроеніи, и это огорчило его. Неужели опять все пойдетъ по старому? У него тоже пропала охота говорить о своей поѣздкѣ. Ихъ разговоръ дѣлался все односложнѣе. На слѣдующей станціи онъ купилъ газету, а

она попробовала задремать, думая о томъ, обрадуется ли ей Вольфъ? Окликъ мужа:—Берлинъ! Собирайся, душа моя!—разбудилъ ее. Поѣздъ уже грохоталъ подъ стеклянною крышею вокзала.

Прохладный вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо ея, покуда они ѣхали домой. Когда экипажъ остановился передъ домомъ, окруженнымъ вѣчно зелеными соснами, съ его балконами, уставленными яркими осенними цвѣтами, сердце у нея забилось, словно отъ быстрой ходьбы. Но Вольфъ не выбѣжалъ навстрѣчу. Странно, что онъ не ждалъ ее.

— Они, вѣроятно, сидятъ на верандѣ, какъ всегда по вечерамъ,—сказалъ Шлибенъ, пропуская Кэте впередъ, чтобы она могла поздороваться съ мальчикомъ. Кэте, не обращая вниманія на сіяющее лицо кухарки, на домашій тортъ ея изготовленія, на ливрею Фридриха, убравшаго чайный столъ цвѣтами, поспѣшила черезъ столовую прямо на веранду, дверь на которую была открыта. Она остановилась незамѣченною на порогѣ.

На столѣ горѣла одна свѣча подъ колпакомъ. Но Цилла ничего не дѣлала. Чулокъ, который она штопала, лежалъ у нея на колѣняхъ, рука съ иглою покоилась на краю стола; лицо, казавшееся въ полумракѣ красивѣе и тоньше, было поднято кверху, она о чемъ-то задумалась.

Вольфа не было видно, но мать услышала, какъ онъ заговорилъ тономъ сожалѣнія:—Неужели ты не помнишь дальше? Продолжай, продолжай, Цилла... Это такъ хорошо!

Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ у ногъ дѣвушки, прижавшись къ ея колѣнямъ. Лицо его было поднято къ ней съ молящимъ выраженіемъ въ темныхъ, блестящихъ словно агатъ глазахъ. Онъ продолжалъ тономъ, какимъ никогда не говорилъ съ матерью:

— Спой, Циллочка, милая Циллочка, спой!

Служанка затянула:

„— Не дрожи,—она сказала другу...“

— Нѣтъ, не такъ!

„Я къ тебѣ явилась не со зломъ...“

— Опять не то!

„Ахъ, зачѣмъ я вѣрила въ былломъ“...

— Нѣтъ, не помню дальше... Ишь ты! А сколько разъ я это пѣвала въ деревнѣ, гуляя съ моимъ миленькимъ; экая досада,

право!—она сердито топнула ногою:—совсѣмъ изъ памяти вонъ!

— Не сердись, Циллочка, милая Циллочка... Начни сначала! Я еще разъ послушаю... Это такъ хорошо!

Циллочка? Какъ нѣжно это звучитъ! Какъ онъ словно прикованъ къ ея губамъ!

Кэте вытянула голову,—она стояла уже на верандѣ, но они оба не видѣли ее. Служанка затянула монотонно и ворчливо:

„Генрихъ спалъ съ женою молодою—
Богачихой съ рейнской стороны,
Но, тревожимъ совѣстью больною,
Видѣлъ онъ мучительные сны.
Полночь бьетъ; откинулась гардина,
Протянулась бѣлая рука...
Видитъ онъ...“

Цилла остановилась,—по верандѣ пронеслось какое-то дуновеніе... Мальчикъ испуганно вскрикнулъ:—Вотъ она, вотъ она стоитъ!

— Вольфгангъ! Вольфъ!—Мать протянула къ нему руки, но онъ спряталъ голову въ колѣняхъ у служанки. Кэте мрачнымъ взоромъ скользнула по ней. Какое безуміе—пѣть ему подобныя пѣсни!..

— Ахъ, барыня! Сама барыня!—Цилла вспыхнула и вскочила, уронивъ все, что̀ лежало у нея на колѣняхъ: чулокъ, ножницы, клубокъ нитокъ и—мальчика въ томъ числѣ. Почему они оба такъ испугались? Вольфъ такъ смотрѣлъ на нее, словно она была привидѣніе!

Мальчикъ всталъ, поздоровался съ матерью, машинально принялъ ея поцѣлуй, но она не замѣтила въ немъ никакой радости. Сконфузился онъ, что-ли? Было ли это съ его стороны мальчишескою застѣнчивостью? Или она вдругъ стала ему до такой степени чужою?

Невыразимое разочарованіе охватило вернувшуюся домой женщину, и она невольно рѣзкимъ тономъ выслала дѣвушку. Сѣвъ на ея мѣсто, она привлекла его къ себѣ. Хорошо ли ему было? Онъ кивнулъ головою. Скучалъ ли онъ немножко по мамѣ? Онъ вторично кивнулъ. Она привезла ему много гостинцевъ...

Онъ оживился.—Привезла ли что-нибудь Циллѣ? Рабочій ящичекъ? У нея совсѣмъ старый, еще со школы остался. А какъ она хорошо разсказываетъ! И поетъ... Вотъ я тебѣ спою...

„На дѣвушкѣ-кровь съ молокомъ
Женился мужикъ, проживавшій богато,

Но плохо ей жить со своимъ старикомъ,
Она полюбила солдата..."

— Просто умрешь со смѣху!—И онъ продолжалъ напѣвать, но она закрыла ему ротъ рукою.

— Это нехорошая пѣсня, гадкая пѣсня... Ты никогда больше не долженъ пѣть ее.

— Но почему же?—Онъ посмотрѣлъ на нее округлившимися глазами.

— Потому что я этого не хочу!—коротко отвѣтила мать. Она была возмущена. Завтра она сдѣлаетъ выговоръ дѣвушкѣ. Лицо ея уже не горѣло, у нея пробѣжалъ по тѣлу ознобъ, и когда Пауль закричалъ:—Да сними же пальто!—она быстро пошла на его зовъ.

Мальчикъ остался одинъ и задумчиво смотрѣлъ блестящими мечтательными глазами въ мягкій сумракъ.

Завтра Цилла снова споетъ и разскажетъ ему... Найдется гдѣ-нибудь мѣстечко.

Кэте, несмотря на смертельную усталость, плохо спала въ эту ночь. Она имѣла длинный разговоръ съ Паулемъ; онъ согласился съ нею, что обѣ пѣсни были неподходящими, но мало ли чего не слышатъ дѣти, и это проходитъ для нихъ безслѣдно!

— Для *него*—нѣтъ. Сколько разъ я пробовала знакомить его съ настоящею поэзіей, но онъ не проявлялъ никакого интереса, никакого пониманія, и вдругъ такая... такая...—она не находила словъ—приводитъ его въ восторгъ! Но я этого не потерплю.

— Тогда откажи прислугѣ,—проговорилъ онъ нетерпѣливо; онъ уже засыпалъ, и ему хотѣлось покоя.—Покойной ночи, душа моя! Выспись хорошенько. Теперь ты дома и можешь дѣлать по-своему.

Такъ она и сдѣлаетъ.

Кэте стала слѣдить за мальчикомъ, вся обратившись въ зрѣніе и слухъ. Отказывать Циллѣ не было причинъ, такъ какъ она исполняла свою работу добросовѣстно, отличалась честностью и опрятностью; ей только не слѣдовало проводить время съ Вольфомъ. Ему шелъ двѣнадцатый годъ, и вообще не годилось, чтобы за нимъ ходила горничная.

Но Кэте не легко было осуществить свои намѣренія. Мужъ, хозяйство, общество—имѣли на нее свои права; она не могла забросить все это ради ребенка. Она опасалась также вооружить противъ него своего мужа, который желалъ, чтобы она выѣзжала; ему нравилось, когда она, въ качествѣ интересной, элегантной женщины, имѣла успѣхъ въ обществѣ.

Вольфгангъ хорошо развивался, особенно физически, хотя онъ больше раздавался въ ширину; тѣлосложеніе его было крѣпкое, плечи широкія. Когда онъ игралъ съ Лемке въ снѣжки, онъ казался старше своего однолѣтка-Артура, даже — Фриды. Правда, его кормили иначе, чѣмъ ихъ. Мать съ удовольствіемъ смотрѣла на его свѣжую, чистую кожу, выхоленную съ помощью теплыхъ ваннъ и холодныхъ обливаній. Каждыя двѣ недѣли парикмахеръ подстригалъ и мылъ его густые, темные, стоявшіе ежикомъ волосы, нѣсколько грубые, не взирая на уходъ. Лемке казались на ряду съ нимъ заморышами; правда, что они перенесли скарлатину. Только бы Вольфъ не заболѣлъ ею! Къ Лемке его не пускали, но въ школѣ есть всегда возможность заразиться.

Вольфъ съ половиною своего класса весело катался на конькахъ по озеру, лежавшему за дачами. Кэте также пришла послѣ обѣда взглянуть на мальчика. Какъ хорошо онъ бѣгалъ! Увѣреннѣе и лучше многихъ, выписывавшихъ вензеля и танцовавшихъ съ дамами. Она простояла до тѣхъ поръ, покуда у нея не застыли ноги. Вольфъ, какъ нарочно, стремился на середину рѣки, гдѣ ледъ еще былъ ненадеженъ, но ей думалось, что при ней съ нимъ ничего не можетъ случиться.

Когда онъ въ сумерки вернулся домой, отъ него такъ и вѣяло свѣжестью и здоровьемъ.—Вотъ хорошо-то!—Онъ готовъ кататься на конькахъ сегодня, завтра, послѣ-завтра, всегда—и все дальше, дальше... Озеро черезчуръ мало...

— Развѣ ты не усталъ? — спросила мать, улыбаясь. Она не могла на него наглядѣться — до такой степени онъ весь сіялъ.

— Усталъ?—почти презрительная улыбка мелькнула у него на губахъ:—Я никогда не устаю. Есть отъ чего! Цилла говоритъ, что ей тоже бы хотѣлось покататься со мною.

— Почему же нѣтъ?—Шлибенъ, прихлебывавшій кофе, усмѣхнулся съ насмѣшливымъ добродушіемъ: ему доставляло удовольствіе подразнить румянаго мальчугана.—Только матери придется взять на это время другую горничную.

Вольфгангъ не понялъ легкой насмѣшки.—Что жъ? Пусть возьметъ!—Но тутъ же лицо у него вытянулось.

— Вотъ бѣда... У нея нѣтъ коньковъ. Ты купи ей, папа!

— Конечно! Только этого недоставало!...—Шлибенъ искренно расхохотался.—Нѣтъ, мальчуганъ, при всемъ уваженіи къ Циллѣ—это было бы немножко черезчуръ... Не правда ли?

Онъ взглянулъ на Кэте, которая, противъ обыкновенія, громко застучала чашками.

Мальчикъ не понималъ, почему бы Циллѣ не кататься на конькахъ? Что̀ такое мать имѣетъ противъ нея? Смѣшно! Стоило только, чтобы ему что-нибудь понравилось, какъ ей—наоборотъ.

Сидя за письменнымъ столомъ, онъ подперъ обѣими руками голову. Она была тяжела. Глаза у него ломило, и они слезились, какъ только онъ устремлялъ ихъ на тетрадь. Хороша будетъ латинская письменная работа! Онъ уже видѣлъ, какъ учитель пожимаетъ плечами: „Шлибенъ! Десять ошибокъ! Десять ошибокъ, молодой человѣкъ... Если ты не приналяжешь, къ Пасхѣ тебя не переведутъ“.

Въ сущности ему это все равно. Вообще, ему сегодня все—все равно. Онъ вдругъ почувствовалъ себя уставшимъ до смерти. Почему она не взлюбила Циллу? Цилла такъ хорошо разсказываетъ! Вчера, когда родители были въ гостяхъ, что̀ такое она разсказывала ему, сидя у его постели? Онъ не могъ припомнить. Мысли его путались. Голова его опустилась на столъ, и онъ заснулъ. Проснулся онъ черезъ часъ, но усталость его не прошла; дрожа отъ озноба, онъ оглянулся, ничего не понимая. Всѣ члены у него болѣли.

Утромъ онъ всталъ совсѣмъ зеленый, но послѣ занятій снова пошелъ на катокъ, хотя скоро вернулся. За обѣдомъ онъ ничего не могъ ѣсть,—его тошнило; къ вечеру началась лихорадка, боль въ горлѣ и колотье въ ушахъ. Къ утру онъ сталъ бредить, и докторъ, котораго немедленно вызвали по телефону, объявилъ, что это—скарлатина.

Скарлатина? Кэтъ едва устояла на ногахъ. То̀, чего она всегда опасалась!

Свѣжая морозная погода съ солнцемъ и голубымъ небомъ—смѣнилась сѣрыми днями, тяжело нависшими надъ виллою.

Болѣзнь овладѣла мальчикомъ съ невѣроятною силою, словно его, полное соковъ, хорошо упитанное тѣло, представляло пищу для пожирающаго пламени лихорадки. Гофманъ качалъ головою: всюду скарлатина протекаетъ благополучно, только здѣсь дѣло пошло неладно. Онъ прописывалъ то и другое, дѣлалъ все отъ него зависящее не только въ качествѣ врача, но и друга дома, искренно привязаннаго къ ребенку. Всѣ дѣлали все, что̀ могли. Кэте была неутомима, она отвергла помощь сестры милосердія. Мать не можетъ чувствовать усталости, ухаживая за своимъ ребенкомъ.

Пауль никогда не думалъ, чтобы жена его—при ея нервности—оказалась такою выносливою. У нея всегда была легкая походка, но теперь она безшумно скользила по комнатѣ больного, появляясь то съ правой, то съ лѣвой стороны кровати. Она—такая слабая—неотлучно оставалась на своемъ посту. Въ теченіе многихъ ночей ей не пришлось заснуть ни на минуту, но зато она радовалась: Вольфъ проспалъ около двухъ часовъ.

— Не надорви своихъ силъ!—умолялъ ее мужъ, но она отвѣчала, что не чувствуетъ утомленія.

Долго ли она выдержитъ такое напряженіе? Хотя бы она позволила дѣвушкѣ смѣнить себя! Та долго уже проситъ, чтобы ей дозволили дежурить при больномъ.

— Цилла? Ни за что!

Во время долгихъ темныхъ ночей въ сердце Кэте каждый разъ вонзалась стрѣла, когда мальчикъ звалъ въ бреду свою Циллочку. Какъ ненавидѣла она эту круглолицую, со свѣтлыми глазами дѣвушку! Ночью она словно выростала передъ нею, принимала призрачныя очертанія, становилась между нею и ребенкомъ. И это была уже не Цилла, а—мать или фрау Лемке; всѣ онѣ вмѣстѣ.

По лицу Кэте текли слезы; она наклонялась къ нему и шептала:—Мама—здѣсь, мама—съ тобою!—Но онъ не узналъ ее.

У Циллы было заплаканное лицо, когда фрау Лемке робко постучалась въ дверь кухни; до сихъ поръ она посылала дѣтей, но сегодня они вернулись съ такими тревожными извѣстіями, что она рѣшила пойти сама. У воротъ стояло два докторскихъ экипажа, и это испугало ее.

— Ну что? Какъ онъ сегодня?

Цилла залилась слезами; кухарка, не дотрогиваясь до посуды, стояла у плиты, а Фридрихъ, услыхавъ звонокъ, ураганомъ понесся наверхъ.

Фрау Лемке всплеснула руками. Неужто мальчику такъ плохо?

Цилла закрыла лицо передникомъ, а кухарка глухо сказала:

— Къ концу дѣло идетъ.

Къ концу? Неужели онъ умретъ—Вольфгангъ, мальчикъ? Не можетъ быть! Фрау Лемке сильно поблѣднѣла. Кухарка заговорила:—Ужъ такъ-то ему плохо! Докторъ привезъ профессора изъ самыхъ знаменитыхъ; онъ и вчера былъ, да врядъ ли что можно сдѣлать. Съ сердцемъ нехорошо. Сегодня она видѣла его: лежитъ пластомъ, какъ восковой...

Всѣ три женщины плакали, сидя вокругъ кухоннаго стола. Фрау Лемке забыла, что она дала слово не переступать порога

этой кухни, что дома она поставила вариться обѣдъ, который будетъ испорченъ.—Господи, Господи, Ты, Боже мой! Какъ *она* это перенесетъ? Единственный ребенокъ!

Наверху, у постели больного, стояли двое докторовъ. Сыпь совершенно исчезла, не было никакихъ слѣдовъ красноты на его лицѣ съ закрытыми глазами, и только черныя рѣсницы страшно чернѣли на немъ. Губы его посинѣли; широкая, теперь ввалившаяся грудь вздрагивала и тяжело приподнималась. При каждомъ вздохѣ его Кэте тяжело переводила дыханіе. Она сидѣла въ креслѣ, въ ногахъ кровати,—такъ просидѣла она всю ночь.

Ее тревожно-вопросительный взоръ переходилъ отъ одного озабоченнаго лица къ другому и затѣмъ устремлялся въ пространство. Они стояли одинъ — съ правой, другой — съ лѣвой стороны, а въ головахъ постели стояла та, кого они не видѣли—смерть.

Врачи сдѣлали ребенку впрыскиваніе; сердце было очень слабо, и можно было опасаться худшаго. Знаменитость уѣхала, проговоривъ: „до завтра!“ но въ этомъ: „до завтра!“ слышалось: кто знаетъ? Домашній врачъ остался; онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Шлибеномъ въ его кабинетѣ, за рюмкою вина, но хозяинъ только угощалъ его, самъ же не могъ пить. Какъ *она* перенесетъ этотъ ударъ?

Кэте стояла на колѣняхъ возлѣ своего кресла, прижимая руки ко лбу. Она обращалась къ Богу, который нѣкогда даровалъ ей этого ребенка, а теперь желаетъ взять его. „Боже, Боже! Не отнимай его у меня! Вѣдь у меня ничего больше нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!“

Все, даже мужъ ея — было позабыто. У нея былъ только этотъ ребенокъ — такой милый, добрый, славный, послушный, такой красивый, очаровательный, достойный любви, до того осчастливившій и обогатившій ея жизнь, что, потерявъ его, она все потеряетъ, она станетъ нищею! Она забывала о пролитыхъ изъ-за него слезахъ, а если она и плакала, то это были слезы радости...

Поднявшись съ колѣнъ, она наклонилась надъ нимъ и, обхвативъ его остывающее тѣло, прижала его къ своей груди, стараясь согрѣть его своимъ дыханіемъ, влить въ него свою жизненную теплоту, удержать его силою своей воли. Она боролась со стоявшею въ головахъ смертью. Что окажется сильнѣе—смерть или ея материнская любовь?

Наступилъ вечеръ, настала полночь. Съ вечера бушевала метель, но теперь стало очень тихо. Тишина смерти. Вѣтеръ

не шелестилъ въ соснахъ, поднимавшихся прямо какъ свѣчи къ ясному морозному небу. Безжалостно сверкали звѣзды; въ серебряномъ зеркалѣ замерзшаго озера, съ котораго смело весь снѣгъ, отражалась полная луна. Наступилъ страшный холодъ, обвѣявшій землю дуновеніемъ смерти.

Взглянувъ на термометръ, Шлибенъ испугался. Неужели отопленіе не дѣйствуетъ? Виденъ паръ отъ дыханія. Онъ рѣшилъ сойти самъ въ нижній этажъ. Это бездѣйствіе ужасно. Жена его сидѣла молча, съ широко раскрытыми застывшими глазами; сидѣлка, на приглашеніи которой настоялъ докторъ, дремала, и ребенокъ лежалъ тихо, словно онъ былъ уже мертвъ.

Тяжелыми шагами спустился онъ въ кухню. Тамъ тоже не спали. Всѣ сидѣли вокругъ стола и дрожали отъ холода, несмотря на то, что кухня весь день топилась. Даже крѣпкій, сваренный кухаркою кофе—не согрѣвалъ людей. Во всемъ домѣ чувствовался холодъ смерти.

Сидѣлка предложила сдѣлать больному горячую ванну; въ подобныхъ случаяхъ это употребляется, какъ послѣднее средство, и иногда помогаетъ. Мигомъ закипѣла работа. Фридрихъ и Цилла ведрами таскали наверхъ кипятокъ, и дѣвушка, при каждомъ ведрѣ, которое она ставила у ванны, повторяла молитву. Она не могла перекреститься, такъ какъ руки у нея были заняты, но она была увѣрена, что святые услышатъ ее.

— Пресвятая Марія! Св. Іосифъ! Св. Варвара! Ангелъ-хранитель! Архангелъ Михаилъ! Спасите его и помилуйте!

Покуда Шлибенъ, Кэтъ и сидѣлка опускали мальчика въ ванну, Цилла стояла за дверью и повторяла всѣ молитвы, какія только могла припомнить наизусть, со всею глубиной своей вѣры. Между тѣмъ щеки смертельно блѣднаго мальчика начали окрашиваться румянцемъ; съ его губъ — до этого времени безмолвныхъ—вырвался легкій вздохъ. Онъ согрѣлся, когда его уложили въ постель, но скоро онъ началъ горѣть, появился сильный жаръ. Сестра милосердія встревожилась.

— Льду! Скорѣе льду!

— Есть ли въ домѣ ледъ?—Шлибенъ такъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты больного, что едва не ударилъ дверью по лбу молившуюся Циллу. Они вмѣстѣ сбѣжали внизъ. Кухарка растерялась. Льду нѣтъ—не думали, чтобы онъ могъ попадобиться... Фридрихъ помчался въ аптеку, но прежде, чѣмъ ему откроютъ и онъ кого-нибудь добудится, отъ пламени, вспыхнувшаго съ такою силою, бѣдная свѣчечка успѣетъ догорѣть. Совсѣмъ ошалѣвъ отъ страха, Шлибенъ озирался по сторонамъ; тутъ онъ

замѣтилъ, что Цилла, схвативъ ведро и топоръ, кинулась къ наружной двери.

— Я достану льду.

— Откуда?

— Оттуда! — Она засмѣялась и указала рукою, въ которой сверкалъ топоръ, по направленію къ озеру. — На озерѣ много льду. Я пойду, нарублю.

Она исчезла; онъ безъ шапки и пальто побѣжалъ въ догонку, какъ былъ, въ одномъ сюртукѣ. Въ виду затеплившейся надежды, ужасы ночи отступили, разсѣялись,—онъ не ощущалъ холода. Но когда всѣ виллы остались позади и онъ очутился одинъ на берегу замерзшаго озера, сверкавшаго какъ твердый металлическій щитъ, окруженнаго черными безмолвными соснами-гигантами, онъ такъ озябъ, что ему показалось, что онъ замерзнетъ. И онъ ощутилъ страхъ, какого никогда еще не испытывалъ. Смертельный страхъ.

Что это за голосъ доносится къ нему изъ лѣсу, изъ чащи, залитой обманчивымъ голубымъ свѣтомъ лунныхъ лучей? Кто-то дразнитъ его, наполовину плачетъ, наполовину смѣется? Страшно! Кто можетъ такъ кричать?

— Сова кричитъ,—сказала Цилла. Она занесла топоръ обѣими руками и съ силою ударила по глыбѣ. Ледъ треснулъ, раскололся такъ, что гулъ далеко пошелъ по всему озеру, что-то загрохотало, застонало, словно голосъ изъ глубины. Умретъ ли ребенокъ? Будетъ ли жить?

Шлибенъ озирался какъ потерянный. О, Боже, и это напрасно, все напрасно! Несмотря на свою твердость, онъ ощутилъ слабость. Да, здѣсь онъ былъ слабъ. Здѣсь была ночь, одиночество, лѣсъ и вода. Все это было ему давно знакомо, но никогда оно не было такимъ—такимъ безмолвнымъ и вмѣстѣ—одареннымъ ужасающею жизнью. Деревья никогда не были такъ высоки, озеро—такъ велико, обитаемый міръ—такъ далекъ.

Ему казалось, что за ними кто-то притаился. Не стоитъ ли тамъ охотникъ, желающій пустить стрѣлу ему въ сердце? Среди великаго молчанія раздавались лишь удары топора, повторяемые эхомъ. Цилла, не смущаясь, дѣлала свое дѣло; онъ изумлялся хладнокровію дѣвушки, но таившаяся въ этомъ молчаніи угроза отъ того не уменьшалась.

Дрожь пробѣгала по тѣлу Шлибена; нѣтъ, онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что противъ этой незримой власти человѣкъ безсиленъ... Все было напрасно. Великая скорбь охватила его. Онъ бралъ обѣими руками холодные куски льду и складывалъ ихъ въ

ведро; онъ порѣзался объ острые, какъ стекло, края, но не чувствовалъ физической боли. Кровь капала у него по пальцамъ.

И вдругъ что-то закапало изъ его глазъ, что-то жгучее и ѣдкое потекло у него по щекамъ—медленныя невольныя слезы. Но это были слезы отца, оплакивающаго своего ребенка.

XI.

— Господи Боже мой, до чего ты выросъ!—говорила фрау Лемке.—Скоро придется говорить тебѣ: „вы“ и „молодой баринъ“.

— Никогда!—Вольфгангъ бросился ей на шею.

Фрау Лемке удивилась. Что такое сталось съ Вольфгангомъ? Послѣ болѣзни нельзя его узнать: до того онъ сдѣлался обходительнымъ. Положимъ, онъ былъ всегда славнымъ мальчикомъ, но такихъ нѣжностей за нимъ не замѣчалось. И какъ онъ былъ веселъ; когда онъ смѣялся, глаза у него такъ и свѣтились.

Вольфъ былъ полонъ жизнерадостности и безграничнаго веселья. Онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать. Ни на одну минуту онъ не могъ посидѣть спокойно, земля горѣла у него подъ ногами.

Онъ сдѣлался ужасомъ учителя. Весь его примѣрный классъ отбился отъ рукъ изъ-за одного ученика. И главное—на него даже нельзя было серьезно разсердиться. Къ досадѣ утомленнаго человѣка, всходившаго годъ за годомъ, день за днемъ на ту же каѳедру, для того, чтобы задавать тѣ же самыя задачи, примѣшивалась легкая грусть: вотъ гдѣ была радость жизни, здоровье, свѣжесть, неиспользованная сила, вотъ гдѣ была молодость! У Вольфа не было честолюбія; онъ и не думалъ вѣшать головы, когда мать, указывая на дурную отмѣтку, взволнованно говорила:—Неужели я изъ-за этого столько билась съ тобою?

Какъ женщины честолюбивы! Отецъ принималъ это спокойнѣе; положимъ, ему и не пришлось столько биться съ мальчикомъ. Послѣ его болѣзни Кэте неутомимо репетировала съ нимъ, писала, читала, считала, заучивала правила и достигла того, что, несмотря на потерянное время, Вольфъ былъ на Пасхѣ переведенъ. Она вздохнула съ облегченіемъ, словно поднялась на гору, но и послѣ этого дѣло затормозилось. Когда въ саду защебетали первые дрозды, Вольфъ былъ пятнадцатымъ; когда запѣли соловьи — онъ спустился нѣсколькими степенями ниже; когда же наступило лѣто—онъ уже принадлежалъ къ числу послѣднихъ учениковъ. Слишкомъ было заманчиво работать въ саду: сѣять, поливать, просто лежать на мягкомъ дернѣ подъ солнеч-

нымъ пригрѣвомъ; еще лучше — бродить по лѣсу или купаться въ озерѣ, уплывая такъ далеко, что товарищи кричали ему: — Шлибенъ, вернись, утонешь!

— Радуйся, что онъ такъ веселъ! — говорилъ Шлибенъ Кэте. — Кто бы могъ подумать, полгода тому назадъ, что онъ такъ поправится? Хорошо, что онъ не любитъ сидѣть сиднемъ. Гофманъ говорилъ, что ему необходимо больше быть на свѣжемъ воздухѣ, больше дѣлать движенія. Такая тяжелая болѣзнь не проходитъ безслѣдно для организма. Итакъ, будемъ выбирать изъ двухъ золъ меньшее; конечно, шалопай долженъ все-таки помнить, что учиться надо.

Это трудно было соединить. Кэте чувствовала себя безсильною. Когда глаза мальчика, похожіе на темныя блестящія ягоды, молили ее: „пусти меня гулять!“, она не рѣшалась оставить его дома, хотя знала, что онъ не приготовилъ уроковъ. Слова доктора припоминались ей и та ужасная ночь, когда жаръ у больного все усиливался, пульсъ бился бѣшенымъ темпомъ и подгонялъ ослабѣвшее сердце, до тѣхъ поръ, покуда ледъ не охладилъ горячки, которая лишь съ заалѣвшею на востокѣ зарею разрѣшилась благодѣтельною испариною.

Но когда онъ виснулъ на рукѣ посланной за чѣмъ-нибудь Циллы, или бѣжалъ съ нею, чтобы опустить въ ящикъ письмо, и притаскивалъ ей стулъ, когда она садилась штопать чулки подъ сиренью, росшей близъ кухонной двери, — это казалось Кэте нестерпимымъ. Когда же она узнала, что Цилла свое свободное воскресенье провела съ мальчикомъ на лужайкѣ — произошла сцена.

Дѣвушка плакала горькими слезами. Что же она сдѣлала дурного? Она только разсказывала ему о томъ, что „у нихъ на деревнѣ“.

— Какое ему до этого дѣло? — воскликнула Кэте, которой хотѣлось бы сказать еще многое другое. Она ненавидѣла эту круглолицую дѣвушку, такъ „дерзко“ смотрѣвшую на нее своими свѣтлыми глазами. Сама Фрида Лемке была предпочтительнѣе.

Но Фриду теперь рѣдко можно было видѣть. Она уже носила полудлинныя платья, училась шитью, а послѣ конфирмаціи ей предстояло поступить — о чемъ она говорила съ важностью — „въ магазинъ“.

— Я откажу ей, — заявила Кэте однажды послѣ обѣда.

— Вотъ какъ! — Шлибенъ не разслышалъ, въ чемъ дѣло. — Почему?

— Потому! — Въ сдержанномъ тонѣ Кэте слышалось не только

раздраженіе, но нѣчто бо̀льшее; ея кроткіе золотисто-каріе глаза потемнѣли и гладѣли мрачно.

— Ты вся дрожишь... Что̀ такое опять случилось?—спросилъ онъ съ досадою, откладывая газету, которую собирался прочесть.

— Такъ не можетъ продолжаться! — Голосъ Кэте звучалъ глухо и она крѣпко стиснула руки. Сегодня она вышла на одинъ часъ; онъ долженъ былъ заниматься, но оказалось, что въ комнатѣ его нѣтъ, онъ былъ у кухонныхъ дверей съ этою... съ Циллою. Онъ обнялъ ее руками за шею и цѣловалъ, цѣловалъ... „Милая Циллочка!“ И та притянула его къ себѣ, почти посадила на колѣни—такого большого мальчика—и что-то все говорила ему.

— Ты слышала: что̀ именно?

— Нѣтъ, но они засмѣялись, а потомъ она шлепнула его по рукамъ, онъ—ее, и пошло! Прилично ли это?

— Ты права, это заходитъ слишкомъ далеко, но дурного я тутъ ничего не вижу. Она—хорошая, неиспорченная дѣвушка, онъ—глупый мальчишка. Неужели ты изъ-за этого откажешь дѣвушкѣ? Видѣли они тебя?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлай видъ, что и ты ихъ не замѣтила. Это будетъ гораздо умнѣе. А съ мальчикомъ я при случаѣ поговорю.

— И ты полагаешь, что можно... что не слѣдуетъ отказывать ей?—Кэте совсѣмъ стихла, видя его такимъ спокойнымъ.

— Для этого нѣтъ никакой причины.—Онъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, и хотѣлъ снова приняться за газету, но, встрѣтивъ ея взглядъ, протянулъ ей руку черезъ столъ:—Душа моя, не дѣлай изъ всего такой трагедіи... Ты портишь жизнь себѣ... мальчику и... ну, да, и мнѣ въ томъ числѣ. Смотри на все легче. А теперь дай мнѣ почитать газету.

Кэте тихо встала—онъ уже читалъ—и отняла у него свою руку. Его спокойствіе оскорбляло ее. Оно переходило въ равнодушіе, въ лѣность. Но она не можетъ такъ относиться.

Вольфгангъ былъ уже у себя въ комнатѣ. Сегодня Цилла, какъ онъ ни просилъ ее, подкравшись къ ней позади и обхвативъ ее обѣими руками, не пожелала ничего ему разсказать, отвѣтивъ коротко:—Я ничего не знаю.

— Ну, разскажи что-нибудь! О крестномъ ходѣ?.. Или хотя о вашей свиньѣ? Сколько поросятъ было у нея прошлый разъ?

— Тринадцать. — Противъ этого вопроса Цилла не могла устоять, но она оставалась скупою на слова.

— А ваша корова будетъ телиться въ нынѣшнемъ году? Сколько коровъ у самаго богатаго изъ вашихъ крестьянъ?—Вольфъ зналъ всѣ подробности о тамошнихъ людяхъ, объ ихъ скотѣ. Онъ не могъ наслушаться разсказовъ о деревнѣ, о маломъ колоколѣ, трезвонящемъ къ ранней обѣднѣ и вечернѣ, о торжественномъ звонѣ въ воскресные и праздничные дни. Онъ разспрашивалъ о поляхъ золотистой ржи и голубого льна, о синѣющихъ на горизонтѣ полоскахъ лѣса, о широкихъ, широкихъ лугахъ, надъ которыми вьются пчелы, о тихихъ водахъ, гдѣ отражаются огни заката...

Но Цилла оставалась задумчивой.—Ступай, ступай... Не буду и не буду! Барыня такъ на меня сегодня поглядѣла... Она откажетъ мнѣ.

Онъ съ досадою вернулся къ себѣ и раздѣлся. Онъ привыкъ засыпать подъ разсказы Циллы, и ему снились покрытыя розовымъ цвѣтомъ поля, тихія воды и утки, за которыми онъ охотится. Что такое сегодня съ Циллой? „Барыня мнѣ откажетъ“. Что за вздоръ! Развѣ онъ дозволитъ?

Дверь скрипнула. Не она ли все-таки пришла? Нѣтъ, мать. Онъ живо юркнулъ въ постель и прикрылся одѣяломъ до подбородка. Пусть думаетъ, что онъ спитъ.

Но она этого не подумала, а сказавъ:—„Ты еще не спишь?“—сѣла на стулъ, на которомъ сиживала Цилла. Мальчикъ про себя началъ сравнивать ихъ лица. Цилла—красивѣе; она такая бѣлая, румяная, и когда она смѣется, на полныхъ щекахъ у нея проступаютъ ямки. Хотя и мать тоже нельзя назвать некрасивою.

Онъ внимательно разглядывалъ ее, и вдругъ у него явилось совсѣмъ новое чувство: какія у нея худенькія щеки! А мягкіе волосы у висковъ... да вѣдь они...

— Ты сѣдѣешь?—вдругъ проговорилъ онъ съ испугомъ и указалъ пальцемъ:—совсѣмъ сѣдѣешь?..

Она кивнула головою. Ей было непріятно, и отъ этого ея нѣжное лицо какъ-то удлиннилось.

— Ты должна чаще смѣяться,—воскликнулъ онъ,—тогда не будетъ замѣтно, что у тебя морщины.

— Морщины? Да!—Она нервно провела рукою по лбу. До чего безжалостны глаза у дѣтей! Съ молодостью и красотою покончено,—остатокъ ихъ взялъ вотъ этотъ ребенокъ. И отвѣтъ ея прозвучалъ почти упрекомъ:

— Это отъ заботъ... Твоя тяжелая болѣзнь и... (сказать ли ему о томъ, что ее гложетъ?) и... многое,—заключила она со вздохомъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ безцеремонно,—да вѣдь ты уже и немолода!

Положа руку на сердце, нужно было сознаться, что онъ лишенъ сердечной деликатности. Она не могла подавить легкаго раздраженія. Не особенно пріятно, когда дѣти напоминаютъ вамъ о вашихъ годахъ.

— Во всякомъ случаѣ я не *такъ* еще стара.

— Ну, да, конечно не *такъ*. Но гораздо старше, напримѣръ, чѣмъ я или Цилла.

Кэте вздрогнула. Опять она!

— Цилла—красивая дѣвушка, не правда ли, мама?

Гнѣвъ охватилъ ее съ такою силой, что она уже не могла владѣть собою.

— Да?—проговорила она коротко и встала.—Она уходитъ 1-го октября.

— Она уходитъ? Неправда?—Онъ недовѣрчиво уставился на мать.

— Нѣтъ, правда!—Она самой себѣ казалась жестокою, но въ его недовѣріи было столько тревоги!—Я откажу ей.

— Ты этого не сдѣлаешь,—онъ засмѣялся,—ни за что не сдѣлаешь!

— Я это сдѣлаю!—Она подчеркнула каждое слово.

Онъ все еще недовѣрчиво качалъ головою, но вдругъ ему вспомнился удрученный видъ Циллы, ея слова. Онъ вдругъ поднялся и сѣлъ на постели. Онъ повторилъ:

— Ты этого не сдѣлаешь!

— Не стану ли я спрашивать позволенія у тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ онъ. Лицо дѣвушки, ея довѣрчивые глаза всплыли передъ нимъ. Его охватилъ гнѣвъ.

— Она не должна уходить, не должна, не должна!—вдругъ завылъ онъ, повторяя эти слова все громче и громче.

Онъ бросился ничкомъ и, зарыдавъ, сталъ яростно колотить ногами о кровать, затрещавшую подъ ударами.

Кэте испугалась,—она никогда не видѣла его въ подобномъ бѣшенствѣ. Но какъ она была права, хотя ей было и жаль его! Она стала его уговаривать:—Вольфъ! Милый Вольфъ!—Любящею рукою она потянула на него упавшее одѣяло, но, почувствовавъ ея прикосновеніе, онъ оттолкнулъ ее.

— Вольфъ да Вольфъ! Убирайся ты со своимъ Вольфомъ! Что я за маленькій! Меня зовутъ Вольфгангъ. И ты несправедлива... Ты завидуешь... Ты хочешь, чтобы она ушла, потому что я больше ее люблю, гораздо больше, чѣмъ тебя...

Онъ прокричалъ ей это въ лицо. Она очень поблѣднѣла, ей захотѣлось крикнуть отъ боли. Ей сразу припомнились всѣ пролитыя изъ-за него слезы; ни одинъ часъ его болѣзни не былъ для нея такимъ тяжелымъ, какъ этотъ. Она забыла, что онъ—еще дитя, глупый мальчикъ. Не самъ ли онъ сказалъ: „Я уже не маленькій!“... Не говоря ни слова, она вышла изъ комнаты.

Онъ, пораженный изумленіемъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ: неужели онъ ее обидѣлъ? У него не было намѣренія обидѣть ее. Онъ уже спустилъ ноги съ кровати, намѣреваясь босикомъ бѣжать за нею, удержать ее за платье, спросить: — Ты сердишься? — но тутъ ему снова вспомнилась Цилла. Нѣтъ, слишкомъ дурно со стороны матери отказывать ей.

Онъ, плача, сложилъ руки подъ одѣяломъ. Цилла сказала ему, что нужно молиться Пресвятой Дѣвѣ Маріи, той улыбающейся женщинѣ въ голубомъ, усѣянномъ звѣздами одѣяніи, съ короною на головѣ, которая царитъ надъ алтаремъ. Она все можетъ. Она попроситъ Господа Бога, и для нея Онъ все сдѣлаетъ.

Во время отсутствія родителей Цилла брала его однажды въ свою церковь, взявъ слово, что онъ никому ничего не скажетъ, и прелесть тайны усилила для него очарованіе этого храма, куда его неодолимо влекло съ тѣхъ поръ. Въ церкви, въ которой онъ бывалъ съ родителями, онъ не испытывалъ ничего подобнаго.

„Богородица-Дѣва, радуйся!“—повторялъ онъ много, много разъ начало молитвы,—дальше онъ не зналъ. И снова пахло ладаномъ, звенѣлъ колокольчикъ, и священникъ, въ богатомъ облаченіи, склонялся передъ алтаремъ. Какъ онъ завидовалъ мальчикамъ изъ хора, преклонявшимъ колѣна рядомъ съ нимъ! Подъ высокимъ куполомъ дивно звучало: „Procedenti ab utroque“... И затѣмъ священникъ высоко вознесъ сіяющую чашу, и всѣ люди преклонились передъ нею. „Qui vivis et regnas in saecula saeculorum!“ Эту латынь онъ запомнилъ. Цилла должна была за руку увести его изъ великолѣпнаго и все же родного ему храма, въ которомъ не было ничего чуждаго и холоднаго. Онъ вылѣзъ изъ-подъ одѣяла и, ставъ на колѣни на коврѣ, сложилъ руки, какъ видѣнные имъ на картинкахъ ангелы. Глаза его горѣли, его возмущеніе смѣнилось покорностью.

Когда онъ снова легъ въ постель и отъ чрезмѣрной усталости глаза его сомкнулись, онъ увидѣлъ во снѣ прекрасную Дѣву-Марію съ хорошо знакомыми ему чертами, и сердце его загорѣлось любовью къ ней.

1-го октября Циллу разсчитали. Фрау Шлибенъ дала ей хорошій аттестатъ, но до поступленія на другое мѣсто она хотѣла съѣздить домой,—она соскучилась по своимъ и разлука съ мальчикомъ ее огорчала. Какъ онъ убивался! Наканунѣ онъ повисъ у нея на шеѣ и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, какъ маленькій ребенокъ. Сколько имъ нужно было сказать другъ другу!—но барыня спугнула ихъ: они заслышали ея шаги и разбѣжались. Цилла разсчитывала, что она простится съ нимъ сегодня, но, тотчасъ по уходѣ Вольфа въ школу, барыня заявила ей, что она можетъ идти. Новая горничная была уже здѣсь. Цилла наскоро вырвала картинки изъ своего молитвенника, завернула ихъ въ бумагу и, надписавъ сверху: „На память отъ Циллы“, положила ихъ въ ящикъ его столика.

Корзину свою она отправила багажемъ; въ рукахъ у нея были только кожаный мѣшечекъ и картонка. На вокзалѣ ей пришло въ голову, что она можетъ уѣхать и позже. Въ часъ кончаются занятія въ гимназіи. Какъ обрадуется Вольфъ, если она все-таки простится съ нимъ!

Прохожіе съ любопытствомъ смотрѣли на молодую особу, стоявшую на часахъ вблизи отъ подъѣзда гимназіи. Картонку она поставила на землю, а сакъ держала въ рукѣ, не сводя глазъ съ дверей и спрашивая у проходящихъ: „который часъ?“ Время тянулось медленно, но вотъ уже близко къ первому часу. Сердце ея забилось. Милый мальчикъ! Она уже видѣла радостный блескъ его темныхъ глазъ, слышала его изумленное:—„Циллочка? Ты?..“

Сейчасъ раздастся звонокъ, и онъ выбѣжитъ изъ класса... Но тутъ она вдругъ увидѣла барыню. Она?! Фрау Шлибенъ быстрыми шагами направлялась къ гимназіи. Вотъ горе-то!

Дѣвушка поспѣшно юркнула за кусты. Сегодня она сама пришла за своимъ Вольфгангомъ. Приходится уходить. Глубоко опечаленная, вернулась она на вокзалъ. Вся ея радость пропала. Одно утѣшало ее: Вольфгангъ никогда, никогда ее не забудетъ.

За обѣдомъ Вольфъ очень удивился, увидѣвъ новую горничную съ острымъ лицомъ, похожую на барышню, и, не выдержавъ, спросилъ: гдѣ Цилла?

— Она ушла, вѣдь ты знаешь,—отвѣтила мать.

— Ушла?—Онъ поблѣднѣлъ и сейчасъ же густо покраснѣлъ.

— Ушла, не простясь?—У него пропалъ аппетитъ; онъ давился каждымъ кускомъ и боялся расплакаться.

Какъ могла она уйти, не простясь съ нимъ, не давъ ему своего адреса, уйти именно въ то время, когда онъ былъ въ

школѣ? У него зародилось мгновенное подозрѣніе. Не такъ онъ глупъ, какъ они думаютъ. Мать нарочно ее услала, чтобы не дать имъ проститься. Какая это гадость съ ея стороны!

Злобно пробормотавъ послѣобѣденную молитву, онъ кинулся къ себѣ наверхъ. Тамъ онъ нашелъ картинки съ припискою Циллы и предался гнѣву и отчаянію. Онъ топалъ ногами и цѣловалъ картинки, причемъ отъ его слезъ на нихъ расплывались темныя пятна. Затѣмъ онъ сбѣжалъ въ столовую, гдѣ отецъ еще сидѣлъ за столомъ, а мать убирала фрукты въ свой буфетъ въ стилѣ Помпадуръ. Ага! Она еще предлагала идти съ нимъ сегодня гулять. Такъ онъ и пошелъ съ нею!

— Гдѣ Цилла? Почему ты не дала ей проститься со мною?

Мать смотрѣла на него, словно окаменѣвшая: какъ онъ угадывалъ самыя затаенныя ея мысли? Она не произнесла ни слова, а его мальчишескій голосъ обрывался отъ волненія и звучалъ глухо:

— Да, ты, ты... я это отлично знаю... не хотѣла, чтобы она простилась со мною. Ты отправила ее для того, чтобы я никогда больше ее не увидѣлъ,—ты, ты... Это постыдно съ твоей стороны, это низко! — Онъ наступалъ на нее, руки его поднялись. Не хотѣлъ ли онъ ее ударить?

— Негодяй! — Сильная рука отца схватила его за шиворотъ.— Какъ ты смѣешь? Поднять руку на мать? Дрянь ты этакая, негодный мальчишка!

— Она не позволила ей со мною проститься, — закричалъ мальчикъ,—она отослала ее, потому что...

— Если ты осмѣлишься сказать еще хотя одно слово...

— Скажу! Почему она не позволила Циллѣ попрощаться? Цилла ничего ей не сдѣлала, я такъ ее любилъ, и вотъ именно потому...

— Молчи!

Шлибенъ ударилъ мальчика по губамъ. Онъ вышелъ изъ себя; упорство мальчугана взбѣсило его. Какъ онъ упирался, стараясь вырваться, какими дерзкими глазами смотрѣлъ ему въ лицо! Какъ осмѣливался онъ возвышать голосъ?—Ахъ, ты дерзкій, неблагодарный негодяй! Что было бы съ тобою? Ты бы погибъ въ нищетѣ... Она сдѣлала изъ тебя человѣка... Она подобрала тебя изъ...

— Пауль!—крикъ жены прервалъ Шлибена. Кэте, какъ безумная, схватила его за руку.—Не надо, не надо... Оставь его! — Она зажала мужу ротъ, и когда тотъ гнѣвно отстранилъ ее, она отняла у него мальчика, спрятала голову его у себя въ колѣняхъ и даже закрыла ему уши. Трепетно, съ широко-

раскрытыми глазами на поблѣднѣвшемъ лицѣ, она умоляла его:— Ни слова! Прошу, прошу тебя...

Гнѣвъ его еще не улегся. Право, Кэте сходитъ съ ума! Защищать мальчишку отъ заслуженнаго наказанія! Съ рѣзкимъ: „пусти пожалуйста!“ онъ шагнулъ къ нему, но Кэте вытолкнула Вольфа за дверь, заперла ее и встала передъ нею, словно преграждая путь своимъ тѣломъ.

Они были одни и съ полнымъ укора возгласомъ: „Ты едва не выдалъ нашу тайну!“ она, шатаясь, дошла до дивана и, скорѣе упавъ, чѣмъ сѣвъ на него, залилась безудержными слезами.

Шлибенъ большими шагами ходилъ по комнатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ слишкомъ далеко зашелъ. Но въ сущности едвали было бы несчастіемъ, еслибы мальчуганъ узналъ правду! Пусть бы онъ узналъ и свое происхожденіе, и то, что онъ всѣмъ пользуется здѣсь изъ милости. Напрасно было дѣлать изъ этого тайну.

Онъ остановился передъ плачущею Кэте. Ему стало безконечно жаль ее. Вотъ что она получила въ награду за свою любовь, за свое самоотверженіе! Тихо, не говоря ни слова, онъ положилъ руку на ея низко склонившуюся голову. Кэте выпрямилась и схватила его руку. — Не наказывай его, прошу тебя! Не бей его! Я виновата, онъ угадалъ... Я терпѣть ее не могла, я отказала ей и нарочно отправила ее безъ него, потому что онъ любилъ ее, — именно потому. Я боялась ее... Пауль! — она отчаянно заломила руки:—Пауль, я стыжусь передъ ребенкомъ, стыжусь передъ собою...

Вольфгангъ сидѣлъ у себя наверху и держалъ въ рукѣ картинки съ изображеніями святыхъ. Онѣ были его драгоцѣннѣйшей, единственною собственностью, дорогою памятью. Гдѣ она теперь? Еще здѣсь или уже въ Берлинѣ? Какъ онъ скучалъ по ней! Ему недоставало ея милаго, улыбающагося лица, и это чувство доходило до нестерпимости. Здѣсь никто не любитъ его такъ, какъ она, и онъ никого не любитъ такъ, какъ ее. Онъ забывалъ, что онъ часто дразнилъ ее, по-дѣтски ссорился съ нею. Влеченіе его выросло до безграничности, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и ея образъ.

Онъ кинулся на коверъ и запустилъ въ него ногти,—иначе онъ все перебилъ бы, переломалъ.

Послышались шаги отца. Онъ постучался въ дверь. Пускай себѣ стучитъ! Вольфгангъ заперся.

— Сію минуту открой!

Должно быть, предстоитъ взбучка. Вольфъ отеръ слезы и стиснулъ зубы.

— Ну, скоро ли?—Стукъ дѣлался все нетерпѣливѣе.

Онъ всталъ и открылъ дверь. Отецъ вошелъ, — но не съ тростью въ рукахъ, а съ выраженіемъ скорби и гнѣва на лицѣ.

— Сейчасъ сойди внизъ. Ты обидѣлъ твою бѣдную, добрую, черезчуръ добрую мать... Ступай къ ней, попроси прощенія, выкажи ей свое раскаяніе, слышишь? Пойдемъ.

Мальчикъ не тронулся съ мѣста. Съ безконечно несчастнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрямымъ выраженіемъ онъ уставился глазами въ пространство.

— Ты долженъ пойти, слышишь? Мать ожидаетъ.

— Не пойду!—Вольфъ процѣдилъ это сквозь зубы.

— Что такое? — Ошеломленный подобною дерзостью, взрослый человѣкъ глядѣлъ на ребенка. Тотъ отвѣтилъ на его взглядъ вызывающимъ взглядомъ. Юное лицо было такъ блѣдно, что темные глаза казались еще болѣе темными — мрачными, какъ бездна.

— Злые глаза!—сказалъ себѣ Шлибенъ. И, повинуясь давно забытому, дремавшему въ тайникахъ его души и внезапно проснувшемуся гнѣву, онъ съ силою схватилъ мальчика за грудь, такъ что тотъ не могъ пошевельнуться.—Чурбанъ безчувственный, неужели у тебя нѣтъ сердца? Она—сдѣлавшая тебѣ столько добра, она ждетъ тебя, а ты не хочешь?.. На колѣни, говорю тебѣ! Ступай, проси прощенія! Сію минуту!

Онъ взялъ его за воротъ и повелъ передъ собою внизъ по лѣстницѣ до той комнаты, гдѣ погруженная въ свое горе сидѣла Кэте съ до-красна наплаканными глазами.

— Кто-то пришелъ просить прощенія!—сказалъ Шлибенъ, толкая къ ней мальчика.

Вольфгангъ хотѣлъ уже крикнуть: — Не стану! Не хочу!—но вдругъ ему сдѣлалось такъ жаль ее! Вѣдь она была такъ же несчастна, какъ и онъ: они не подходятъ другъ къ другу! Это было внезапнымъ открытіемъ, придавшимъ такую глубину его взору, такъ обострившимъ линіи его дѣтскаго лица, что оно сразу стало казаться старѣе.

Рыдая, воскликнулъ онъ:—Прости!—Онъ самъ не слышалъ, сколько муки было въ этомъ возгласѣ; онъ не чувствовалъ, какъ ея руки обхватили его; онъ былъ въ полусознательномъ состояніи и ощущалъ лишь громадную пустоту и необъяснимую безутѣшность. Какъ во снѣ онъ услышалъ слова отца: — Ну, хорошо, теперь ступай заниматься и постарайся исправиться! — Онъ сошелъ по лѣстницѣ, какъ лунатикъ. Заниматься—теперь? Зачѣмъ? Для чего? Ему было до того безразлично—хвалятъ его

или бранятъ! И вообще онъ не желаетъ здѣсь дольше оставаться. Онъ содрогнулся, словно отъ отвращенія.

Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, смотря въ пространство. И передъ его неподвижнымъ взоромъ мало-по-малу возставалъ безконечный просторъ: поля ржи, цвѣтущіе холмы, за которые заходитъ солнце, тихія воды съ кружащей надъ ними птицею и торжественно-прекрасный колокольный звонъ. Вотъ куда влечетъ его! Съ тоскою протянулъ онъ руки впередъ; его заплаканные глаза заблестѣли. Его попробуютъ здѣсь удержать. Нѣтъ, они его не удержатъ. Его потянуло къ окну. Положимъ, оно слишкомъ высоко надъ землею для того, чтобы можно было спрыгнуть, но онъ все же спустится. Въ двери уйти нельзя.

Стоя на колѣняхъ на наружномъ карнизѣ окна, онъ старался достать ногами до водосточной трубы. Вотъ она! Онъ соскользнулъ съ карниза, придерживаясь за него лишь кончиками пальцевъ, повисъ на минуту въ воздухѣ и затѣмъ, почувствовавъ водосточную трубу между колѣнъ, выпустилъ карнизъ, обхватилъ ее обѣими руками и быстро, безъ шума спустился внизъ.

Онъ робко оглянулся: никто не видѣлъ его. Въ одну минуту онъ очутился въ саду, перелѣзъ черезъ заборъ, причемъ разорвалъ себѣ панталоны, и затѣмъ съ чувствомъ дикаго торжества оглянулся на домъ. Вольфъ стоялъ на пустырѣ, гдѣ когда-то игралъ въ разбойники. Въ немъ не шевельнулось ни малѣйшее чувство сожалѣнія. Какъ звѣрь, слышащій позади себя выстрѣлы, онъ помчался къ лѣсу.

Вольфъ бѣжалъ и бѣжалъ — до полнаго изнеможенія. Онъ бѣжалъ все прямо, не выбирая дороги, и по его соображеніямъ былъ уже далеко. Тогда онъ бросился на землю; вокругъ него, подобно стройнымъ колоннамъ, поднимались къ небу молчаливыя деревья.

Вольфъ пролежалъ нѣкоторое время на спинѣ, давая успокоиться крови, безумно струившейся у него по жиламъ. Ему казалось, что онъ слышитъ непонятно скорое и громкое біеніе своего сердца. Какъ непріятно колотилось оно у него въ груди, — временами онъ ощущалъ даже колотье. Ничего подобнаго не бывало ранѣе съ его сердцемъ. Правда, онъ еще никогда такъ не бѣгалъ, въ особенности — послѣ болѣзни. Ему недоставало воздуху; онъ думалъ, что задохнется. Наконецъ онъ сталъ дышать свободнѣе; теперь ему уже не приходилось ловить воздухъ открытымъ ртомъ. Мало-по-малу имъ овладѣло глубокое довольство.

Еще не наступили сумерки, когда онъ продолжалъ свой путь,

но въ воздухѣ уже чувствовалась осень. Падавшій сквозь красноватыя вѣтви сосенъ солнечный свѣтъ имѣлъ въ себѣ нѣчто безконечно ласковое, примиряющее, смягчившее сердце бѣглеца. Онъ шелъ какъ во снѣ—куда? Онъ не зналъ этого, не думалъ объ этомъ; онъ просто шелъ и шелъ. Онъ шелъ вослѣдъ непреодолимому влеченію, которое кружилось надъ нимъ, ворковало, манило его, какъ голубь, ищущій свое гнѣздо.

Здѣсь было торжественно-тихо. Нога безшумно ступала по мху и невысокой травѣ. Сосны стояли какъ тонкія свѣчи, и вершины ихъ пламенѣли въ огняхъ заката. Сухіе листья не шуршали подъ ногами; мохъ усыпанъ былъ лишь гладкими иглами. До чего здѣсь было хорошо! Вольфгангъ осматривался съ изумленнымъ восхищеніемъ; взоръ его погружался въ сумракъ лѣса, мягкій, таинственный сумракъ. Здѣсь стоялъ такой ароматъ, прохладно-влажный, острый и свѣжій, что грудь словно расширялась и чувствовался притокъ свѣжихъ силъ.

Среди этого великаго спокойствія Вольфгангъ впервые ощутилъ послѣдствія сегодняшнихъ волненій. Онъ схватился за свой пылающій лобъ—и лишь теперь замѣтилъ, что онъ безъ фуражки. Но не все ли равно? Онъ свободенъ, свободенъ! Мальчикъ испустилъ крикъ торжества, но испугался своего собственнаго громкаго голоса. Его больше не запрутъ... На волѣ! На волѣ! На волѣ!

Онъ уже никуда не рвался. Его охватило великое блаженство, безграничный восторгъ. Глаза его сіяли; онъ не могъ насмотрѣться на міръ, словно видѣлъ все это впервые.

Вольфъ растянулся на мягкомъ мху и катался отъ удовольствія, но затѣмъ снова вскочилъ; онъ долженъ все видѣть, вполнѣ насладиться своею свободою. Надъ синѣющимъ лѣсомъ догорала послѣдняя алая полоса, когда мальчикъ впервые сообразилъ, что она находится вблизи отъ бывшей дороги между Потсдамомъ и Шпандау. Какое горе! Неужели неподалеку есть дома и люди, онъ даже слышитъ пѣніе пѣтуха и отдаленный стукъ колесъ? Мальчикъ прыгнулъ въ сторону, какъ олень, и снова углубился въ чащу.

И вотъ наступилъ вечеръ. По землѣ поползли легкіе туманы, пронесся вечерній вѣтеръ, туманъ сгущался и окутывалъ лѣсъ призрачной пеленою, но Вольфъ не испытывалъ страха. Что могло съ нимъ случиться здѣсь, куда доносится свистокъ локомотива и по временамъ поднимается легкій, какъ облако, дымокъ?

Вольфу представлялось, что онъ ночуетъ гдѣ-нибудь въ преріи или въ степи. Къ блаженству свободы примѣшивалась нѣкоторая

жажда приключеній. Къ сожалѣнію, нельзя развести огонь, чтобы испечь на немъ что-нибудь: у него ничего для этого не было, да ему и не хотѣлось ѣсть. Онъ желалъ одного—хорошенько и подольше выспаться.

Не думая долго, онъ растянулся на землѣ, которая была уже сыровата, но на немъ было теплое платье, не пропускавшее холода. Устроивъ для головы нѣкоторое возвышеніе, онъ обратилъ лицо къ ночному небу, на которомъ сіяли улыбавшіяся мальчику кроткія звѣзды. Онъ думалъ, что скоро заснетъ, но онъ еще долго лежалъ съ открытыми глазами. Непонятное ощущеніе мѣшало ему спать: это было слишкомъ прекрасно, похоже на дивную сказку. Золотистыя очи охраняли его, бархатный плащъ окуталъ его, мать нѣжно убаюкала его на сонъ грядущій. Миновали — влеченіе и тоска, упорство, страданіе, гнѣвъ, все, что причиняетъ боль. Въ безконечномъ спокойствіи осталось одно лишь ощущеніе блаженства.

XII.

Фрида Лемке была конфирмована; она носила почти длинныя платья и, встрѣтивъ долго не видѣннаго ею Вольфганга Шлибена, поздоровалась съ нимъ уже не прежнимъ дѣтскимъ кивкомъ головы, но все-таки остановилась.

— Ну, какъ поживаешь, Вольфгангъ?—спросила она, смѣясь, хотя нѣсколько покровительственно, какъ подобаетъ взрослой дѣвицѣ.—Что подѣлываешь?

— Хорошо!—онъ дерзко вздернулъ голову, но ему было не по себѣ.

Она оглядѣла его. Какой онъ большой, но какимъ увальнемъ держится! И она еще больше выпрямила свой похожій на тростинку станъ.—Чего ты горбишься?—Она прищурила глаза.—Попалъ бы ты къ моей хозяйкѣ, она выпрямила бы тебѣ горбъ!—и Фрида засмѣялась.

— Ты, кажется, довольна?

— А почему бы мнѣ не быть довольной? Чтобъ я позволила какой-нибудь старой вѣдьмѣ вогнать меня въ тоску? Не такъ я глупа! Когда она ругается, я молчу, а про себя потѣшаюсь... Ха! ха!

Какъ она похорошѣла! Темные глаза мальчика остановились на Фридѣ, словно онъ никогда не видѣлъ ее раньше. На ея бѣлокурыхъ волосахъ, подобранныхъ теперь тяжелымъ узломъ,

играло солнце. Лицо ея было такое круглое, цвѣтущее. Почему она больше не приходитъ къ нимъ?—Очень просто! Весь день она въ мастерской, возвращается къ десяти и отсыпается. По воскресеньямъ же она гуляетъ послѣ обѣда съ Артуромъ и Флеббе.—Гдѣ?—Тамъ, куда его не пустятъ!—Она опять расхохоталась.

— Правда!—Онъ повѣсилъ голову.

— Ну, развеселись!—и она провела указательнымъ, высунувшимся изъ лопнувшей перчатки пальцемъ подъ его подбородкомъ.—Зато ты—гимназистъ. Артуръ также поступаетъ на будущій годъ въ ученье къ парикмахеру...

— Да,—проговорилъ Вольфгангъ. Онъ стоялъ, какъ потерянный, со своими книгами, на той улицѣ, гдѣ они играли въ разбойниковъ; всѣ они—уже взрослые люди, только онъ—ихъ атаманъ—все еще глупый школьникъ.

— Будь онѣ прокляты!—Онъ съ такою силою швырнулъ на землю связку, что ремни развязались, а книги и тетради разсыпались по пыльной улицѣ.

— Ахъ, Вольфъ, что же ты это!—Фрида испуганно нагнулась и стала собирать книги, а онъ, не помогая ей, сумрачно смотрѣлъ вдаль. Она связала ихъ и сунула ему подъ-мышку; онъ хотѣлъ снова ихъ швырнуть, но тутъ она прямо разсердилась. Швырять дорогія книги! Если у отца его много денегъ, это еще не причина, чтобы такъ обходиться съ вещами. Фрида украдкою поглядывала на него. Почему онъ такъ перемѣнился? А ему стало стыдно: что она подумаетъ о немъ?

— Надо идти,—сказала она вдругъ,—не то я останусь безъ обѣда. У насъ сегодня селедка съ картофелемъ. Вотъ важно-то!

— И я пойду съ тобою!—Онъ пошелъ рядомъ съ нею.

Она покраснѣла. Что скажетъ мать, если она приведетъ Вольфа? Сегодня у нихъ уборка, да къ тому же она солгала: и селедки нѣтъ къ картофелю, а только луковая подливка.

— Нѣтъ, ступай домой,—сказала она, сдѣлавъ видъ, что надулась.—Ты долго не ходилъ къ намъ, я на тебя сердита.

— Сердита? На меня? Да вѣдь я не могъ придти... Мнѣ не позволяли! Фрида!

Весь красный, онъ бѣжалъ за Фридою и просилъ ее не сердиться. Въ кои-то вѣки они встрѣтились, и она вотъ какая съ нимъ... Въ голосѣ его слышалась печаль. Ей было жаль его, и вмѣстѣ—досадно. Чего пристаетъ? И Флеббе будетъ недоволенъ. И она проговорила сухо:—Мы тебѣ—не компанія. Ступай къ барышнямъ.

— Повтори это еще разъ!—грубо крикнулъ онъ и схватилъ ее за руку.—Что мнѣ за дѣло до этихъ глупыхъ обезьянъ?

Она знала, что онъ говоритъ правду, и была польщена. Поэтому она проговорила ласково, но уклончиво:—Я знаю, Вольфъ, но все же ты не долженъ къ намъ ходить. Прощай!

Они были одни въ аллеѣ, лежавшей позади виллъ, но будь здѣсь кто-нибудь, Вольфъ не обратилъ бы на это вниманія. Онъ почти яростно обхватилъ ее руками:—Не пущу тебя! Пойду съ тобой!

Хотѣлъ ли онъ поцѣловать ее или ударить? Она зашипѣла на него, какъ разсерженная киска. Глупый мальчишка! Бѣгунъ! Хорошъ, нечего сказать! Бѣгаетъ изъ дому, прячется въ лѣсу... И все-таки тебя изловили... Что взялъ?

Онъ очень покраснѣлъ, выпустилъ ее и стоялъ, повѣсивъ голову, а она не безъ злорадства продолжала издѣваться. Не собирался ли онъ бѣжать въ Америку—безъ куска хлѣба, безъ гроша въ карманѣ, даже—безъ шапки?

Онъ продолжалъ стоять, повѣсивъ голову, и пробормоталъ:

— Ты не должна надъ этимъ смѣяться.

— Плакать, что-ли? Мать твоя достаточно плакала, а твой отецъ бѣгалъ какъ сумасшедшій. Всѣхъ лѣсничихъ на поиски разослали. Скажи по правдѣ: хорошо тебѣ влетѣло, когда тебя привели домой?

— Нѣтъ!—Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее сердито засверкавшими глазами.—Нѣтъ, меня не били,—этого бы я не позволилъ.

— Запирали?—спросила она съ любопытствомъ.

Онъ молчалъ.—Что могъ онъ сказать? Нѣтъ, его не запирали, онъ могъ ходить по дому и саду, по улицѣ, и все же... и все же онъ не былъ свободенъ. Изъ глазъ его вдругъ хлынули слезы.

— Не смѣйся, Фрида, я такъ, такъ...—Онъ хотѣлъ сказать: несчастенъ, но это слово такъ много и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало выражало, что онъ постыдился его произнести. Слезы гнѣва и горя катились у него по лицу. Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода, но это удручало его, словно случилось вчера. Онъ не могъ забыть, какъ скоро, какъ легко его поймали. Ранѣе, чѣмъ наступила заря слѣдующаго дня. И то, что казалось ему геройствомъ, подвигомъ, было въ ихъ глазахъ мальчишескою глупостью. Правда, мать много плакала, но отецъ только взялъ его за ушко.—Помни, чтобъ это было въ послѣдній разъ, сынъ мой!—Фрида смотрѣла на его слезы, и вдругъ глаза ея тоже увла-

жились вмѣстѣ съ нимъ.—Вольфъ,—проговорила она сквозь слезы,—не плачь. Ну, что за бѣда!? Это скоро позабудется. Теперь, когда тебя не станутъ къ намъ пускать, скажи дома: „я опять убѣгу!“ Приходи въ будущее воскресенье послѣ обѣда,—я не пойду гулять съ Артуромъ и Флеббе, стану тебя ждать.

Она одною рукою утерла слезы ему, другою—себѣ.

Они стояли среди цвѣтущихъ кустовъ въ ясный солнечный день; благоухала сирень, съ краснаго терновника сыпались на нихъ лепестки. Темная и бѣлокурая головы сблизились.

— Фрида,—сказалъ онъ и крѣпко сжалъ ея руку,—Фрида, ты все еще мнѣ другъ?

— Ну, само собою разумѣется!—и она весело разсмѣялась:—хорошая была бы эта дружба, еслибы я такъ скоро тебя забыла. Вотъ!

Она сложила губки и поцѣловала его.

— Вотъ еще!—Она вторично его поцѣловала.—А теперь развеселись, мой мальчикъ. Погода такая чудесная!

Радостное настроеніе, вызванное встрѣчей съ Фридою, разсѣялось дома при вопросѣ матери: почему онъ запоздалъ? Онъ снова почувствовалъ узы. Но онъ много думалъ о Фридѣ, и головка ея съ золотистымъ узломъ волосъ вставала между нимъ и классною работою. Онъ всегда ее любилъ и игралъ съ нею охотнѣе, чѣмъ съ другими; она лучше всѣхъ понимала его и была на его сторонѣ. Увы! какъ онъ завидовалъ тому мальчику, который пекъ картофель въ золѣ и игралъ въ разбойниковъ! Вольфгангу казалось, что золотая пора дѣтства невозвратно миновала и впереди нѣтъ уже никакихъ радостей. Недаромъ и пасторъ, готовившій его къ конфирмаціи, говорилъ:—Вы уже не дѣти! Заботы жизни скоро коснутся васъ.—И онѣ уже коснулись его.

Вольфгангъ сидѣлъ, наморщивъ лобъ; ему лѣзли въ голову разныя мысли, никогда не приходившія раньше.

Почему въ классѣ такъ интересуются его родителями? Порою товарищи перемигиваются между собою и усмѣхаются. Что въ немъ смѣшного? Недавно противный Леманъ, скосивъ глаза и надувъ щеки, поглядѣлъ на него и расхохотался:—А вѣдь ты чертовски мало похожъ на твоего отца!—Развѣ онъ дѣйствительно не похожъ ни на отца, ни на мать?

Сегодня, раздѣваясь, Вольфгангъ долго разглядывалъ себя въ зеркало, висѣвшее надъ умывальнымъ столомъ. Онъ держалъ

свѣчу въ рукѣ и освѣщалъ себя со всѣхъ сторонъ. Ни одной черты похожей. Похожъ ли его грубый носъ на тонкій носикъ матери? И у отца совсѣмъ другой носъ. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ такого широкаго лба съ низко ростущими волосами, такихъ почти сросшихся бровей. Положимъ, у отца темные глаза, но похожи ли они сколько-нибудь на эти глаза, такіе черные, что они не становятся свѣтлѣе, даже если поднести къ нимъ совсѣмъ близко свѣчу?

Мальчикъ вздохнулъ, но въ этомъ вздохѣ слышалось какое-то облегченіе. Если онъ такъ мало походитъ на нихъ физически, мудрено ли, что онъ часто думаетъ и чувствуетъ по иному?

Удивительно, какъ другіе мальчики въ школѣ до сихъ поръ держатся за юбку матери. Кульрихъ, напримѣръ: у него, двѣ недѣли тому назадъ, умерла мать, и когда онъ явился въ школу съ черною повязкою на рукавѣ — съ нимъ всѣ носились, какъ съ сырымъ яйцомъ, говорили шопотомъ и не дурачились. Во время урока Закона Божія, когда случайно прочли: „Если отецъ и мать оставятъ васъ, Отецъ вашъ Небесный не покинетъ васъ“,—Кульрихъ опустилъ голову на свою библію и такъ просидѣлъ цѣлый часъ.

Послѣ урока учитель подошелъ къ нему и долго съ нимъ говорилъ. Это было уже давно, но Кульрихъ и до сихъ поръ не повеселѣлъ; во время рекреаціи, когда всѣ ѣли или играли, онъ сидѣлъ въ сторонѣ и ни къ чему не притрогивался. Неужели такъ тяжело лишиться матери?

Надъ молчаливыми соснами царила чудная свѣтлая лунная ночь, и мальчикъ долго сидѣлъ на окнѣ; глаза его горѣли, мысли роились какъ мошки. Откуда налетали онѣ на него?

Хотя онъ былъ еще слишкомъ молодъ, но физически онъ такъ развился, что Шлибенъ рѣшилъ конфирмовать его на Пасхѣ, прежде чѣмъ онъ начнетъ „разсуждать“. Но Кэте казалось, что онъ уже началъ; онъ, видимо, избѣгалъ съ нею разговоровъ о религіи, и уроки знаменитаго доктора теологіи Баумана, славившагося своими проповѣдями и умѣньемъ привлекать сердца учениковъ, скользили по немъ безслѣдно или вызывали скуку. Зато, что-то неудержимо влекло его въ ту церковь, гдѣ онъ былъ когда-то съ Циллою, и по дорогѣ къ д-ру Бауману онъ часто заходилъ туда, чтобы постоять съ минуту въ уголкѣ, подышать таинственнымъ, мистическимъ, убаюкивающимъ ароматомъ ладана! Эта церковь всегда была открыта, и когда, по выходѣ изъ нея, онъ попадалъ въ сумятицу и шумъ Берлина, ему казалось, что онъ былъ сейчасъ въ иномъ мірѣ.

Такъ прошли лѣто и зима. Къ Пасхѣ Шлибенъ велѣлъ заново отдѣлать и окрасить виллу,—и она должна была облечься въ праздничный нарядъ по случаю семейнаго праздника. Бѣлый домъ съ красною крышею и зелеными жалузи былъ очарователенъ; въ немъ было бы нѣчто деревенское, еслибы не устроенный недавно зимній садъ съ пальмами и цвѣтущими азаліями. Въ саду посѣяли свѣжій дернъ; всюду пробивались молодые побѣги; на фруктовыхъ деревьяхъ уже завязывались почки. На улицѣ показались дѣтскія бѣлыя и голубыя колясочки; рядомъ съ ними топали другія маленькія ножки. Изо всѣхъ дверей появлялись няньки съ дѣтьми; хихикающія барышни-подростки играли въ теннисъ, а кавалеры-третьеклассники ухаживали за ними. Повсюду были свѣтъ и веселье, въ вершинахъ сосенъ шелестилъ вѣтерокъ, а журавли искали мѣста для гнѣздъ.

На постели Вольфганга лежалъ новый черный костюмъ, который ему предстояло примѣрить. Сердце Кэте трепетало, когда она помогала ему одѣваться. До сихъ поръ онъ ходилъ въ матросской курточкѣ и панталонахъ до колѣнъ; теперь въ первый разъ онъ одѣнетъ костюмъ взрослаго человѣка. Платье изъ тонкаго чернаго сукна было ему не къ лицу,—теперь впервые можно было замѣтить, что черты его грубоваты.

Длинные панталоны стѣсняли его, сюртукъ сидѣлъ на немъ неловко; онъ сдѣлалъ несчастное лицо.

— Посмотрись же въ зеркало! — сказала Кэте, толкая его къ зеркалу. Онъ посмотрѣлъ, но не на себя, а на ея лицо, отражавшееся рядомъ съ его лицомъ, и увидѣлъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

— Мы ничуть не похожи,—пробормоталъ онъ, но Кэте не разслышала.

— Что ты говоришь? Тебѣ не нравится костюмъ?

— Отвращеніе! — Онъ снова разсѣянно уставился въ зеркало. Что такое опять говорили вчера Леманъ и фонъ Кессельборнъ, тоже будущіе конфирманты? Они язвили его,—быть можетъ потому, что отецъ его такъ богатъ? Онъ заявилъ имъ, что у него были серебряные часы съ тѣхъ поръ, какъ ему исполнилось восемь лѣтъ, а теперь онъ получитъ золотые. Это страшно взбѣсило ихъ. Кессельборнъ провозгласилъ: „Шлибенъ — болванъ!“—а его подголосокъ Леманъ не менѣе громогласно сказалъ при всемъ классѣ: „Сколько ни важничай, а мы знаемъ то, что знаемъ!“

— Что такое ты знаешь?—Онъ собирался кинуться на Лемана, какъ тигръ, но приходъ учителя помѣшалъ этому; а за-

тѣмъ оба они удрали, но онъ подмѣтилъ во взорахъ многихъ товарищей любопытство и затаенное злорадство,—или, можетъ быть, это ему лишь показалось?

— Я ничуть не похожъ на тебя,—повторилъ онъ,—и на отца тоже.

— О, нѣтъ!—воскликнула она съ живостью: — на отца — очень.

— Ни капли.

Онъ увидѣлъ, что она покраснѣла, а потомъ сильно поблѣднѣла и сказала съ насильственнымъ смѣхомъ:

— Мало ли есть дѣтей, не похожихъ на родителей! Что же изъ этого?

— Да, но...—Онъ не договорилъ и сумрачно сдвинулъ брови: очевидно, мысль его работала напряженно.

Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей онъ бросалъ въ зеркало такіе недовѣрчиво-вопрошающіе взгляды, что Кэте невольно отстранилась. Умышленно ли онъ говорилъ, или безъ намѣреній? Что онъ подозрѣвалъ? Что ему сказали? Что онъ знаетъ?

Ея руки, оправлявшія его костюмъ, дрожали; она стояла на колѣняхъ и обдергивала его панталоны, но пальцы ея безпомощно цѣплялись за сукно. Теперь онъ смотрѣлъ уже не въ зеркало, а на нее, съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ. Обыкновенно лицо его не было выразительно; оно не было ни красиво, ни некрасиво,—обыкновенное гладкое, неопредѣлившееся мальчишеское лицо, но теперь въ немъ замѣчалось нѣчто тревожное, сомнѣвающееся; морщинки на лбу, складки вокругъ губъ—старили его.

Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо. Мать и сынъ молчали. За окномъ чирикали птицы и въ вершинахъ сосенъ шелестѣлъ весенній вѣтерокъ. Кэте медленно поднялась съ колѣнъ, словно у нея онѣмѣли члены, и она ухватилась рукою за ближайшій стулъ.

— Раздѣнься!—тихо проговорила она.

Онъ съ облегченіемъ сталъ снимать съ себя непривычный нарядъ. Ей такъ хотѣлось заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь, хотя бы о пустякахъ, но только бы говорить, говорить... Но она его боялась; ей казалось, что онъ скажетъ: „Ты мнѣ чужая!“—и она нѣмѣла отъ страха.

Онъ снялъ новое платье и стоялъ передъ нею со своей широкою грудью въ полуразстегнутой рубашкѣ, съ мускулистыми крѣпкими ногами, съ которыхъ сползли чулки; его ширококостное сильное тѣло было полуобнажено. Она отвернулась, но тот-

часъ же смутилась. Почему же матери бояться взглянуть на сына? Матери?...

У нея потемнѣло въ глазахъ. Не оборачиваясь, она пошла къ двери, сказавъ: — Я иду внизъ. Ты справишься и безъ меня.

Конфирмація была назначена на Вербное воскресенье. Докторъ Бауманъ постарался выяснить молодымъ людямъ все значеніе предстоящаго имъ шага, и лучъ благоговѣнія озарилъ равнодушіе Вольфганга. Онъ былъ внимательнѣе на послѣднихъ урокахъ, классная комната показалась ему не такою скучною; сквозь окна ея падалъ смягченный свѣтъ, и та же мягкость, примиренность закрадывалась въ его душу. Даже Кессельборнъ съ Леманомъ уже не казались ему такими противными. Его жесткая душа смягчалась, и когда священникъ подчеркнулъ слова: „Чти отца твоего и матерь твою!“ — онъ подумалъ, что онъ во многомъ передъ ними виноватъ, — особенно передъ матерью. Иногда, по возвращеніи домой, ему хотѣлось сказать ей что-нибудь ласковое, но это у него не выходило. Кэте ходила на станцію — встрѣчать его; она жалѣла мальчика, которому, помимо занятій въ школѣ, приходилось ежедневно ѣздить въ городъ; ей хотѣлось попрежнему приголубить его; но когда она видѣла, что онъ шелъ, не глядя по сторонамъ, не подозрѣвая, что она здѣсь, и не ожидая ее, она поворачивала за уголъ или отходила за дерево и пропускала его мимо себя, не окликнувъ.

Однажды Кэте рѣшилась поговорить съ пасторомъ о томъ, что̀ смутно съ давнишнихъ поръ лежало у нея на душѣ. Докторъ Бауманъ знаетъ, что мальчикъ былъ крещенъ въ католической вѣрѣ? — Да, онъ видѣлъ его свидѣтельство о крещеніи, но можетъ по совѣсти увѣрить г-жу Шлибенъ, что юноша — истинный христіанинъ евангелическаго вѣроисповѣданія. Что̀ же еще тревожитъ ее?

Она съ трудомъ проговорила: — Итакъ, вы полагаете, вы дѣйствительно полагаете, что мы... поступили правильно?

Она глядѣла на него, жадно ожидая отвѣта, и онъ наклонилъ голову.

— Насколько нашъ разумъ и сознаніе могутъ подсказать — да!

Ночь передъ конфирмаціей Вольфгангъ провелъ безъ сна. Пасторъ сказалъ, что онъ долженъ приготовиться, и онъ самъ чувствовалъ, что это — важный день, переломъ въ его жизни. Но мысли его постоянно отвлекались. Какой-то текстъ выпадетъ на его долю? У многихъ мальчиковъ были любимые тексты,

и они надѣялись, что пасторъ изберетъ именно ихъ для напутственнаго изреченія. Получитъ ли онъ завтра золотые часы?

Конечно, получитъ. Вотъ обозлятся Кессельборнъ съ Леманомъ—негодяи! Онъ поднесетъ имъ часы прямо къ носу,—пусть позеленѣютъ отъ зависти. Чего они суются въ то, что̀ ихъ не касается? И опять онъ увидѣлъ въ зеркалѣ свое лицо рядомъ съ лицомъ матери. Ни одной схожей черты! Что̀ за мучительная неувѣренность! Онъ бродитъ, точно въ потьмахъ.

Онъ метался въ постели, не зная, какъ добиться правды. Сынъ ли онъ своихъ родителей, или не сынъ ихъ? Будетъ ли ему жаль, если онъ окажется не ихъ сыномъ? Нѣтъ! Но будетъ такъ страшно! Его бросало въ потъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лихорадило. Онъ натянулъ на себя одѣяло. Сердце его такъ и трепыхалось въ груди. Только бы заснуть и позабыть обо всемъ этомъ! Онъ судорожно зажмуривалъ вѣки, но сонъ не приходилъ; въ столовой гудѣли старинные часы, и бронзовые часики изъ будуара матери вторили имъ серебристымъ голоскомъ. Никогда часы такъ громко не били. Скоро ли настанетъ утро?

Утромъ рано, когда сквозь закрытыя ставни прокрадывались въ комнату золотые лучи, Кэте вошла къ сыну. Она была блѣдна; всю ночь она боролась съ собою. Сказать ли ему правду? Что-то нашептывало ей: „Вотъ день, въ который ты обязана это сдѣлать“. Но когда взошло солнце, голоса ночи смолкли. Надо молчать для того, чтобы не потерять его.

Но ей хотѣлось выказать ему какимъ-нибудь способомъ свою любовь. Войдя къ нему, она была удивлена, найдя его уже одѣтымъ; онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на пустырь, на которомъ недавно начали строить домъ.

— Съ добрымъ утромъ, милый сынъ!—сказала Кэте.

Онъ не слышалъ ея словъ.

— Вольфгангъ!

Онъ испуганно обернулся, словно не узналъ ее.

— Да ты уже готовъ!—Въ ея голосѣ слышалось разочарованіе; ей хотѣлось помочь ему при одѣваніи. Она никогда не думала, что этотъ день такъ растрогаетъ ее. Она подошла къ нему, положила руки ему на плечи и заглянула ему въ глаза.—Дитя мое! Поздравляю тебя.

— Съ чѣмъ?—Онъ такъ безучастно взглянулъ на нее, что все задушевное, теплое, рвавшееся изъ души, осталось невысказаннымъ. Очевидно, онъ былъ еще ребенкомъ, не понимавшимъ всего значенія этого дня.

Она ограничилась тѣмъ, что оправила его костюмъ, стряхи-

вая съ него каждую пылинку. Когда онъ нагнулъ голову, она не удержалась, взяла его обѣими руками за лицо и быстро поцѣловала его въ лобъ.

„Почему не въ губы?—подумалъ онъ:—мать поцѣловала бы своего ребенка въ губы".

Они вмѣстѣ сошли къ завтраку. На столѣ стояли цвѣты, отецъ былъ въ черномъ сюртукѣ, и на приборѣ Вольфганга лежали золотые часы. Это были дорогіе часы. Онъ критически осмотрѣлъ ихъ. Да, они понравились ему. Внутри золотой крышки было вырѣзано: „На память о 1-мъ апрѣля 1901 г." Никто изъ конфирмующихся не получитъ и приблизительно такихъ часовъ. Страшно тяжелые.

Родители слѣдили за Вольфгангомъ, державшимъ часы въ рукахъ. Да, онъ, несомнѣнно, былъ радъ подарку.

— Они бьютъ,—сказала Кэте,—ты и въ потьмахъ будешь знать, который часъ. Видишь, если вотъ здѣсь нажать пружинку...

— Гдѣ? Покажи!..—Онъ очень заинтересовался.

Они чуть не опоздали. Вольфъ шелъ между родителями. Фрида, уже одѣтая и премиленькая, стояла у дверей, а фрау Лемке высунула голову изъ окна своего подвала, глядя вслѣдъ мальчику. Она была совсѣмъ растрогана.

Сегодня былъ настоящій весенній день; виллы имѣли праздничный видъ, цвѣли крокусы, тюльпаны; даже Берлинъ съ его сѣрыми громадами и шумомъ — казался тише обыкновеннаго, и самыя улицы—какъ будто шире. Церковь наполнялась конфирмантами. О, молодость! Кэте подавила легкое чувство сожалѣнія, почти зависти... Еслибы можно было помолодѣть! Но оно мгновенно потонуло въ сознаніи того, что ея мальчикъ дѣлается сегодня взрослымъ человѣкомъ. Да благословитъ его Господь!

Давно не испытанныя, дѣтски-наивныя, молитвенныя ощущенія охватили ее. Все принесенное годами и свѣтскою жизнью—отпало отъ нея. Сегодня она была такою же молодою, какъ и они, стоявшіе передъ алтаремъ, блаженно-вѣрующею, полною радостныхъ надеждъ.

Докторъ Бауманъ придалъ обряду большую торжественность; многія дѣти и матери плакали. Трепетъ благоговѣнія пробѣжалъ по церкви; низко склонились темныя и бѣлокурыя головы. Кэте искала глазами Вольфганга; его голова была темнѣе всѣхъ, но онъ не склонилъ ее,—его блуждающій взоръ скользилъ по церкви и остановился на окнѣ. Чего онъ искалъ? О чемъ думалъ? Она шепнула мужу:—Ты видишь его?

Онъ кивнулъ головою, прошептавъ:—Да, онъ выше всѣхъ!—Въ его словахъ слышалась отцовская гордость. Сегодня онъ чувствовалъ себя отцомъ. Несмотря на многія заботы, неудобства, непріятности,—все-таки мальчикъ доставлялъ имъ и радости; изъ него еще можетъ выйти хорошій человѣкъ. Какимъ солиднымъ дѣлаетъ его черный сюртукъ!

Мысли Вольфганга шли своимъ, не намѣченнымъ путемъ. Всѣ впечатлѣнія скользили по немъ, ни одно не оставалось, онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ толпѣ...

Когда настала его очередь, онъ машинально сталъ рядомъ съ Кульрихомъ; впереди были Кессельборнъ и Леманъ. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ! Онъ швырнулъ бы имъ подъ ноги свои золотые часы; пусть они берутъ ихъ, но пусть также возьмутъ назадъ и свои слова! Что это была за ужасная ночь! Теперь, когда онъ опускался на колѣни, въ ногахъ чувствовалась боль. Кульрихъ тихо плакалъ,—онъ думалъ о своей матери. Бѣдняжка! Что-то влажное и жгучее затуманило глаза Вольфганга.

Органъ тихо гудѣлъ, а священникъ произносилъ тексты, которыми онъ напутствовалъ причастниковъ.

„И Господь утретъ ихъ слезы, не будетъ больше ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная“.

Это—Кульриху. Тотъ приподнялъ свое заплаканное покраснѣвшее лицо, слыша слова утѣшенія.—Теперь его чередъ. Что-то онъ услышитъ?

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны, ибо мы ищемъ ее въ грядущемъ“.

Это — его текстъ? Что онъ означаетъ? Безпредѣльное разочарованіе овладѣло Вольфгангомъ. Онъ ждалъ его, какъ откровенія, какъ приговора Господня. Изъ него онъ долженъ былъ узнать истину. И вдругъ?.. Обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, онъ поднялся съ колѣнъ. Онъ не видѣлъ привѣтственнаго взора матери, не видѣлъ, какъ отецъ потихоньку кивалъ ему. Онъ былъ совершенно оглушенъ, уничтоженъ этимъ разочарованіемъ.

Наконецъ раздался заключительный хоралъ. Толпа хлынула изъ церкви, дѣти спѣшили подойти къ родителямъ, Вольфгангъ также присоединился къ своимъ. Онъ увидѣлъ Кульриха съ его отцомъ; они не были особенно дружны, но тутъ онъ схватилъ его за руку, молча пожалъ ее и отошелъ. Кэте, вообще мягко настроенную, — тронулъ порывъ мальчика. Какой онъ добрый! Горячія надежды и пожеланія возносились изъ ея души къ небу. А небо сіяло надъ ними—такое голубое, свѣтлое, безоблачное.

Они вернулись домой въ экипажѣ, не желая портить себѣ настроеніе въ переполненномъ вагонѣ. Вольфгангъ молчалъ; онъ сидѣлъ напротивъ матери, рука его лежала въ ея рукѣ, но пальцы его не отвѣчали на ея нѣжное, теплое пожатіе.

Снова проѣхали они мимо Лемке. При стукѣ колесъ по улицѣ, Фрида подбѣжала къ окну, улыбнулась и кивнула, но фрау Лемке не было видно, и Вольфгангъ рѣшилъ, что сегодня же послѣ обѣда, какъ только ему удастся отдѣлаться, онъ зайдетъ къ Лемке.

На виллѣ ихъ ожидали гости. Шлибены не пожелали устроить изъ конфирмаціи сына свѣтское празднество, но пришлось пригласить добраго стараго доктора съ женою и обоихъ компаньоновъ. Все это были пожилые люди; Вольфгангъ, сидя между ними, говорилъ лишь: „да!“ и „нѣтъ!“—но кушалъ онъ и пилъ основательно. Столъ былъ всегда хорошъ, но икра и дорогія закуски подавались не каждый день. Въ заключеніе пили за его здоровье, а старшій компаньонъ-весельчакъ то-и-дѣло подливалъ ему шампанскаго.

— За ваше здоровье, Вольфгангъ! За ваше вступленіе въ фирму!

Изъ-за стола встали около пяти часовъ; мужчины пошли курить, дамы усѣлись за кофе. Вольфгангъ незамѣтно ускользнулъ къ Лемке. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ показать имъ свои золотые часы и спросить: какой текстъ получила Фрида? А затѣмъ... Затѣмъ, не скажетъ ли ему чего-нибудь фрау Лемке?..

„Нѣтъ у насъ здѣсь отчизны“ — глупое изреченіе, но оно не выходило у него изъ головы, и, глядя на неподвижныя вершины сосенъ, онъ повторялъ: „мы ищемъ ее въ грядущемъ“,— но гдѣ же? Гдѣ?

Странный блескъ появился въ его темныхъ глазахъ. Многое припомнилось ему... слова противной старой горничной Лизбеты: „тебя держатъ здѣсь изъ милости“. Проклятая баба! Будь она здѣсь — онъ бы вынудилъ у нея сознаніе. Онъ имѣетъ право знать правду—какъ бы ужасна она ни была.

Вольфгангъ выпрямился; ротъ его принялъ выраженіе упорства и непреклонности. „Мы ищемъ свою отчизну“. Да, онъ станетъ искать ее! Сердце его билось. Глупое сердце, которое бьется порою какъ дикая птица, запертая въ тѣсную клѣтку...

У Лемке Фрида кинулась къ нему навстрѣчу, схватила его за обѣ руки; ея голубые глаза свѣтились восхищеніемъ:—Какой ты нарядный, Вольфгангъ! Совсѣмъ баринъ—да и только!

Онъ улыбнулся,—это было мило съ ея стороны.

Когда же фрау Лемке сказала растроганно:—Ну, Вольфгангъ, хотя я теперь и буду говорить вамъ: „вы“, но, видитъ Богъ, отъ этого я не стану васъ меньше любить,—онъ почувствовалъ радость, какой еще не испытывалъ сегодня. Лицо его смягчилось, и онъ крѣпко пожалъ ея огрубѣлую отъ работы руку.

Затѣмъ онъ сѣлъ: онъ долженъ былъ все разсказать по порядку; онъ показалъ свои часы и заставилъ ихъ бить, но ему не хотѣлось говорить,—атмосфера этой комнаты какъ-то убаюкивала его. Снова здѣсь пахло свѣже-смолотымъ кофе, а мирта и мѣсячныя розы на окошкѣ—примѣшивали къ нему свой болѣе слабый ароматъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что уже давно здѣсь сидитъ, но вдругъ вспомнилъ это и почувствовалъ сильный страхъ: вѣдь онъ долженъ былъ что-то спросить!

Когда фрау Лемке сказала:—Ваша мать радуется, поди, что у нея такой большой сынъ? — онъ вдругъ неожиданно выговорилъ:—Да развѣ я—ея сынъ?—и, не получивъ отвѣта, такъ какъ фрау Лемке смотрѣла на него испуганными глазами, почти прокричалъ:—Развѣ я—ея сынъ?

Мать съ дочерью обмѣнялись быстрымъ взглядомъ. Фрау Лемке очень покраснѣла и смутилась.

— Не лгите мнѣ... Я все равно узнаю. Я долженъ узнать. Мать ли она мнѣ? И отецъ мой — дѣйствительно ли онъ мнѣ отецъ?

— Боже милостивый, Вольфгангъ! Что это вамъ вздумалось?.. Мало ли что люди зря болтаютъ!

— Нѣтъ! Я уже въ такихъ годахъ, что могу все знать.

Фрау Лемке не сдавалась. Пусть онъ спроситъ у своихъ родителей. Она въ такія дѣла не мѣшается. Фрида раскрыла было ротъ, но мать прикрикнула на нее. Лемке до смерти убьетъ ее; они, чего добраго, еще потеряютъ мѣсто, а дѣти еще не стали на ноги... Она матери его не знала, да и отецъ его, поди, уже давно про нее забылъ...

— Мой, мой отецъ?—прервалъ Вольфгангъ:—значитъ, онъ—дѣйствительно мой отецъ?

Фрау Лемке утвердительно кивнула.

— Но моя... моя настоящая ма....—Онъ не въ состояніи былъ договорить; онъ закрылъ лицо руками и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, охваченный внезапною, страстною, могучею тоскою по матери, родившей его. Онъ не произнесъ ни слова, но вздохъ его походилъ на стонъ.

Когда онъ вернулся домой, отецъ не безъ раздраженія спросилъ, гдѣ онъ такъ долго пропадалъ и какъ разъ въ такой день?

Часы, дѣйствительно, показывали восемь, но это было ему все равно. Устремивъ глаза въ одну точку, словно онъ видѣлъ передъ собою опредѣленную цѣль, Вольфгангъ выступилъ передъ родителями.

— Я долженъ у васъ спросить,—началъ онъ, и вдругъ безъ всякаго перехода выговорилъ рѣзко:—Чей я сынъ?

Слово было сказано. Молодой голосъ жестко прозвучалъ. Или только въ ушахъ Кэте онъ раздался какъ трубный гласъ? Вотъ онъ—грозный вопросъ. У нея потемнѣло въ глазахъ; она не видѣла своего мальчика, она только слышала его вопросъ. Безпомощно, какъ слѣпая, она протянула руку,—слава Богу, мужъ ея былъ тутъ, и она услышала его отвѣтъ:

— Какъ пришелъ тебѣ въ голову подобный вопросъ? Нашъ сынъ, разумѣется. Чей же еще?

— Этого я не знаю, и это именно я хочу узнать отъ васъ,—повторилъ жесткій молодой голосъ.

Удивительно, какъ спокойно онъ звучалъ, и потому самому казался Кэте еще ужаснѣе.

— Отвѣчай, я хочу, я *долженъ* знать!

Какое упорство, какая неумолимость слышались въ этомъ словѣ! Она опустилась на свое мѣсто, совсѣмъ уничтоженная, и даже въ голосѣ мужа почувствовалась тайная дрожь. Кто распространилъ подобную сплетню и возстановилъ его противъ нихъ? Развѣ не были они всегда ему отцомъ и матерью?

Эти слова прозвучали для Кэте фальшью. Она протянула руки:—Мой мальчикъ!

Но онъ словно не замѣтилъ ея простертыхъ рукъ; сдвинувъ брови, онъ обращался только къ Шлибену.—Я знаю, что ты—отецъ мой, но она—онъ скользнулъ взоромъ въ сторону Кэте,—она не мать мнѣ.

— Кто это сказалъ?—громко вскричала Кэте.

— Всѣ говорятъ.

— Никто! Это неправда. Ложь, ложь и ложь! Ты — мое дитя, мой сынъ, нашъ сынъ! И тотъ, кто это отрицаетъ—лжетъ, обманываетъ, клевещетъ... Онъ...

— Кэте!—Мужъ взглянулъ на нее, и въ тонѣ его послышались укоръ и предупрежденіе:—Кэте!

Затѣмъ онъ обернулся къ молодому человѣку, стоявшему съ поднятою головою и вызывающимъ видомъ, и сказалъ:

— Мать слишкомъ взволнована, ты долженъ былъ бы ее пощадить,—хотя на сегодняшній день. Ступай. Мы завтра...

— Нѣтъ, нѣтъ!—Кэте не дала ему договорить и продол-

жала въ сильнѣйшемъ возбужденіи:—Не надо откладывать, пусть онъ спрашиваетъ, и отвѣть ему теперь же, сейчасъ, что онъ—нашъ сынъ, нашъ родной сынъ. Вольфъ, милый Вольфъ,—она давно уже не называла его этимъ дѣтскимъ именемъ,—Вольфъ, неужели ты уже совсѣмъ насъ не любишь? Поди ко мнѣ!

Она снова простерла къ нему любящія, умоляющія руки; онъ былъ очень блѣденъ и смотрѣлъ въ одну точку.

— Вольфъ, поди ко мнѣ!

— Не могу.

Ничто не шевельнулось въ его лицѣ, не дрогнуло въ его тонѣ. Она зарыдала и обратила взоры къ мужу,—онъ долженъ помочь ей! Но Шлибенъ мрачно глядѣлъ на нее; она ясно читала въ выраженіи его лица: „Почему ты не слушала меня?“ Нѣтъ, онъ не поможетъ ей! Глаза ея расширились отъ ужаса; она ухватилась руками за ручки кресла и приподнялась, словно желая защититься отъ того, что̀ сейчасъ произойдетъ. Не сошелъ ли Пауль съ ума? Что̀ онъ говоритъ: Ты не нашъ сынъ!

— Не вашъ сынъ?—Мальчикъ запнулся, этотъ отвѣтъ смутилъ его; онъ вспыхнулъ и поблѣднѣлъ, взоръ его переходилъ отъ лица мужа къ лицу жены.

Какъ? Значитъ и онъ—не его отецъ? Но вѣдь фрау Лемке сказала?.. Не хочетъ ли онъ отъ него отречься? Недовѣрчиво взглянулъ онъ на Шлибена, и затѣмъ въ немъ поднялось чувство обиды. Если и тотъ не былъ его отцомъ, значитъ у него нѣтъ никакого, рѣшительно никакого права быть здѣсь? Подойдя ближе, онъ быстро проговорилъ:

— Ты—навѣрное мой отецъ? Ты не хочешь только этого сказать... Но она,—онъ кивнулъ по направленію къ креслу,—она не мать мнѣ!—Глаза его вспыхнули, онъ глубоко перевелъ духъ, словно почувствовавъ облегченіе:—Я всегда это зналъ!

— Тебѣ сказали неправду. Еслибы это зависѣло отъ меня, я давно бы сказалъ тебѣ правду. Къ сожалѣнію, удобная минута пропущена, и приходится говорить ее сегодня. Говорю тебѣ—какъ одинъ мужчина другому, удостовѣряя моимъ честнымъ словомъ: я—не родной тебѣ отецъ, какъ и она—не родная мать. По рожденію ты намъ чужой. Мы взяли тебя въ сыновья, такъ какъ у насъ не было дѣтей и мы желали имѣть ребенка. Мы взяли тебя изъ...

— Пауль!—Какъ и въ тотъ разъ, когда Пауль, возмущенный неблагодарностью ребенка, хотѣлъ открыть ему его происхожденіе, Кэте съ громкимъ крикомъ упала къ нему на грудь. Она обвила руками его шею и шептала, дрожа:—Не говори ему:

откуда? Ради Бога, не говори! Онъ уйдетъ, онъ броситъ насъ, мы его потеряемъ!.. Я этого не перенесу... Сжалься... Не говори ему, откуда онъ!

Онъ хотѣлъ ее отстранить, но она не выпускала его, продолжая отчаянно умолять.

Великая жалость къ ней охватила Шлибена. Бѣдная, бѣдная жена его! Почему этотъ ударъ долженъ былъ обрушиться на нее? И въ немъ пробудился гнѣвъ противъ мальчика, который такъ дерзко требовалъ, да, требовалъ того, о чемъ онъ долженъ былъ бы просить, и глядѣлъ на нихъ такими холодными, безжалостными глазами.

Серьезный, но мягкій голосъ, какимъ до сихъ поръ отвѣчалъ ему Шлибенъ, сдѣлался строгимъ.

— Я запрещаю тебѣ говорить со мною въ такомъ тонѣ.

— Я имѣю право спрашивать.

— Да, ты имѣешь.

Взрослый человѣкъ былъ пораженъ. Онъ, дѣйствительно, имѣетъ право. Кто здѣсь неправъ—это ясно.

— Но если ты—не сынъ нашъ по крови, то все же я полагаю, что заботы многихъ лѣтъ, воспитаніе—сдѣлали тебя нашимъ сыномъ по духу. Поди сюда, сынъ мой, и если всѣ говорятъ, что ты намъ не родной, я говорю тебѣ: ты—воистину нашъ сынъ.

Онъ протянулъ ему свободную руку, другою онъ поддерживалъ жену; на груди его еще оставалось мѣсто для раскаявшагося мальчика. Но Вольфгангъ отступилъ и не взялъ протянутой руки.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ, и, попрежнему не сводя безслезныхъ глазъ съ тѣхъ, кого онъ такъ долго считалъ своими родителями, онъ пошелъ къ двери.

— Мальчикъ, куда же ты? Останься!—воскликнулъ Шлибенъ сердечно. Мальчикъ былъ въ тяжеломъ положеніи, надо быть съ нимъ терпѣливымъ, и онъ еще разъ позвалъ его:—Останься, Вольфгангъ!

Но Вольфгангъ покачалъ головою.—Не могу. Вы меня обманули. Пусти меня!—Онъ рѣзко стряхнулъ руку отца, которую тотъ положилъ на его рукавъ.

И тутъ онъ закричалъ, какъ раненый звѣрь:

— Что вы меня мучите? Пустите меня! Я хочу уйти, я хочу думать о моей матери—гдѣ-то она?!..

Съ нѣм. О. Ч.

МОЕ УЧАСТІЕ

ВЪ

АМЕРИКАНСКОМЪ ТРЁСТѢ

Лѣтъ десять тому назадъ, я разсказалъ на страницахъ „Вѣстника Европы“ о моемъ удаленіи отъ активной дѣятельности въ Америкѣ на промышленномъ поприщѣ и переходѣ къ мирной жизни земледѣльца [1]). Съ тѣхъ поръ я жилъ то въ имѣніи, то въ городѣ, неуклонно отказываясь отъ многихъ, дѣлавшихся мнѣ отъ времени до времени, очень соблазнительныхъ дѣловыхъ предложеній и предпочитая тихую кабинетную жизнь кипучей промышленной или финансовой дѣятельности, требующей въ настоящее время въ Америкѣ неослабнаго и самаго усиленнаго напряженія всѣхъ способностей. Я разсчитывалъ окончить дни свои на покоѣ—до денегъ я никогда не былъ жаденъ,—и, обезпечивъ свою приблизившуюся старость и семью, только наблюдалъ за своимъ состояніемъ, помѣщеннымъ такъ, что оно не требовало особенныхъ хлопотъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ прежде, тяготѣнія русскаго интеллигента, все еще очень во мнѣ живучія, пересилили требованія обычной американской жизненной колеи. У насъ, за самыми рѣдкими исключеніями, люди работаютъ до смерти — нашъ типичный дѣлецъ, business man, не зналъ бы, что съ собою дѣлать, еслибъ ему пришлось перестать ѣздить каждый день въ свою контору и работать тамъ съ утра до ночи. Онъ бы прямо повѣсился отъ бездѣлья и скуки,

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, январь 1896: „Американская деревня“.

такъ какъ внѣ своей работы, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, онъ неспособенъ ни на что другое. Проработавъ безостановочно лѣтъ тридцать или сорокъ, онъ утрачиваетъ способность наслаждаться жизнью внѣ своей работы,—она ему необходима, какъ воздухъ и свѣтъ, и безъ нея онъ не зналъ бы, за что взяться и къ чему приткнуться. Года три тому назадъ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ теперь уже покойнымъ С. П. Хюнтингтономъ—C. P. Huntington,—тогда 78-лѣтнимъ старикомъ, владѣльцемъ и главноуправляющимъ южной тихо-океанской желѣзной дороги—Southern Pacific R. R.,—человѣкомъ, „стоившимъ“ больше двухсотъ милліоновъ долларовъ и не имѣвшимъ дѣтей, этого ходячаго извиненія всѣхъ стяжателей. Сѣдой какъ лунь, съ неизгладимой печатью хроническаго, и умственнаго, и физическаго переутомленія на лицѣ, онъ работалъ съ утра до ночи, неизмѣнно путешествуя и переѣзжая съ мѣста на мѣсто по ночамъ, чтобы не терять времени; никто не умѣлъ зорче его слѣдить за своими служащими, чтобъ и они не потеряли ни минуты изъ ихъ обычнаго рабочаго дня. Онъ зналъ, что я уже удалился отъ активной дѣятельности,—retired from business,—какъ это здѣсь называется.

— Ну, какъ же вамъ это не стыдно? Сколько вамъ лѣтъ?—привѣтствовалъ онъ меня.

— Мнѣ уже за пятьдесятъ, и я наработался досыта на моемъ вѣку,—отвѣчалъ я.

— Да вы еще юнецъ, просто юнецъ! Мнѣ уже стукнуло семьдесятъ-восемь, а я разсчитываю поработать еще лѣтъ двадцать. Безъ работы я пропаду, какъ муха на морозѣ.

— А я обладаю способностью наслаждаться жизнью и безъ ежедневнаго торчанія въ дѣловой конторѣ. Да и не въ этомъ дѣло. Вѣдь если мы, съ нашимъ опытомъ, съ нашими средствами, съ нашими дѣловыми связями, будемъ продолжать активную работу до ста лѣтъ,—какой же шансъ будутъ имѣть наши молодые люди? Вѣдь имъ не совладать съ нами: мы стоимъ во много разъ въ лучшихъ условіяхъ на жизненномъ полѣ битвы, чѣмъ они. Нужно дать и имъ возможность подняться на ноги; — съ нами, какъ противниками, никакая конкурренція имъ не возможна. Да и гдѣ же предѣлъ скопленію богатствъ въ однѣхъ рукахъ, если и сто, и двѣсти милліоновъ все еще мало?

— Какое кому дѣло до частныхъ милліоновъ и кто ихъ считалъ? И мнѣ что за дѣло до всего этого? Всякій самъ за себя. На то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ. Неужели я долженъ сдать себя въ архивъ и пропасть съ тоски

только потому, что какой-нибудь самолюбивый юнецъ желаетъ занять мое мѣсто? Это, батенька, филантропія, а не дѣло.

И хотя я и пустилъ въ ходъ всѣ мои діалектическія способности, и не разъ успѣлъ запереть упрямаго старика въ уголъ, онъ, тѣмъ не менѣе, внутренно только еще сильнѣе укрѣпился въ своей позиціи. Работа до конца, до смерти въ хомутѣ—была единственной вещью, которую онъ понималъ и признавалъ; а черезъ полгода онъ скоропостижно умеръ, и изъ-за его милліоновъ и посейчасъ ссорятся и судятся наслѣдники, и, мнѣ сдается, немалая ихъ часть пойдетъ „на кормъ“ адвокатамъ и судамъ.

Въ декабрѣ 1902 года, благодаря желанію выручить пріятеля-соотечественника, неожиданно попавшаго въ бѣду изъ-за неосторожности дѣлового партнера, мнѣ пришлось сдѣлаться формальнымъ главой довольно значительнаго промышленнаго древообработывающаго предпріятія. Предпріятіе это состояло членомъ ассоціаціи владѣльцевъ древообработывающихъ заводовъ нашей мѣстности; мнѣ пришлось принять участіе въ ея засѣданіяхъ, и, въ апрѣлѣ 1903 г., эта ассоціація, на своемъ годичномъ собраніи, единогласно выбрала меня своимъ президентомъ и главноуправляющимъ. Предвидя, по предшествовавшему ходу дѣлъ, этотъ выборъ и не желая опять влѣзать въ хомутъ, я всячески старался отъ него уклониться, но, благодаря крайне неблагопріятному для меня стеченію обстоятельствъ, въ концѣ концовъ пришлось-таки согласиться,—и такимъ образомъ меня, такъ сказать, насильно „сняли съ полки“ и поставили во главѣ одного изъ американскихъ трѣстовъ, о которыхъ мнѣ не разъ приходилось писать на страницахъ „Вѣстника Европы“, и мнѣ пришлось проработать въ немъ почти три года. Вопреки моимъ ожиданіямъ, работа эта очень меня заинтересовала; — она, во-первыхъ, дала мнѣ возможность провѣрить на практикѣ мои теоретическія представленія о разныхъ сторонахъ современныхъ комбинацій капитала, а во-вторыхъ, опять свела меня очень близко съ повседневной жизнью, отъ которой я совсѣмъ было-ушелъ. Кабинетное уединеніе весьма своеобразно дѣйствуетъ на человѣка особенно въ томъ отношеніи, что ослабляетъ его способность оцѣнивать событія всесторонне и правильно;—онъ все больше и больше поддается симпатіямъ и антипатіямъ своего индивидуализма и дѣлается склоненъ освѣщать ихъ только съ своей собственной, болѣе или менѣе узкой точки зрѣнія. Только повседневное общеніе съ людьми можетъ вылечить его отъ этого серьезнѣйшаго порока, котораго онъ обыкновенно совсѣмъ не

склоненъ самъ замѣчать. Настоящая статья посвящена, во-первыхъ, моему опыту и впечатлѣніямъ по поводу этой дѣятельности, а во-вторыхъ,—описанію того положенія, которое занимаютъ промышленные и другіе трёсты въ современной американской жизни.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ, весной 1892 года, я переѣхалъ изъ Сѣверной Каролины въ Калифорнію, до апрѣля 1903 г., когда я занялъ мѣсто главноуправляющаго калифорнскимъ лѣснымъ трёстомъ, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ я не имѣлъ ничего общаго съ лѣснымъ и древообработывающимъ дѣломъ. Покидая его, я стоялъ au courant всего, что было съ нимъ связано—съ цѣнами, требованіями и, въ особенности, съ его техникой. Не было такого метода или пріема, такой машины, которыхъ бы я не зналъ. Мои послѣднія лѣсопилки и древообработывающая фабрика были снабжены рѣшительно всѣми новостями въ этихъ производствахъ; — я внимательно слѣдилъ за всякимъ усовершенствованіемъ, за всякой мелочью. Занявшись въ Калифорніи совсѣмъ другими дѣлами, я мало-по-малу совсѣмъ отсталъ отъ лѣсного дѣла, и очень мало имъ интересовался. Вернувшись къ нему въ декабрѣ 1902 г., я нашелъ его совершенно преобразованнымъ, не только относительно методовъ и пріемовъ, но и почти всѣхъ основъ его техники. Нигдѣ въ мірѣ, конечно, машинныя производства не мѣняются такъ быстро и такъ всеобъемлюще, какъ въ Америкѣ. Новыя изобрѣтенія и усовершенствованія идутъ одни за другими такъ быстро, что въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ измѣняютъ все производство отъ начала до конца самымъ кореннымъ образомъ. Не только улучшаются до неузнаваемости старыя машины, и является масса новыхъ, работающихъ на другихъ, вновь изобрѣтенныхъ основаніяхъ, но и мѣняется устройство силы, паровиковъ и паровыхъ машинъ; — за послѣднее десятилѣтіе эти послѣдніе, благодаря усовершенствованіямъ въ конструкціи, удвоили и даже утроили свою силу и производительность, требуя гораздо меньше воды и топлива, и будучи доведены почти до безусловно-автоматическаго совершенства. На моихъ лѣсопилкахъ и фабрикахъ во Флоридѣ и Сѣверной Каролинѣ, пятнадцать—двадцать лѣтъ тому назадъ, машинистъ былъ очень важнымъ чиномъ, у котораго были всегда полны руки работы, хлопотъ и отвѣтственности. Ему нужно было и топить паровикъ, и наблюдать за уровнемъ воды въ немъ, и постоянно

слѣдить за машиной, не выпуская изъ рукъ ключа и маслянки. Теперь въ паровыхъ приборахъ топливо снабжается автоматически, нефтью ли, опилками или стружками отопляется паровикъ; мѣсто постоянно засорявшихся и требовавшихъ безпрестаннаго вниманія питательныхъ помпъ заняли автоматически работающіе инжекторы; паровая машина снабжена автоматически же работающими маслянками и не требуетъ абсолютно никакого вниманія. Вся ихъ конструкція и размѣры радикально измѣнились. Тамъ, гдѣ паръ ненуженъ и работаютъ газолиномъ или электричествомъ, хлопотъ и заботъ еще меньше, и машинистъ сдѣлался ненужной роскошью. Нѣтъ ни остановокъ, ни всегда сопряженныхъ съ ними значительныхъ убытковъ, изъ-за того, что паровой приборъ пришелъ въ неисправность. Словомъ, заводчикъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ и не заглядываетъ въ свое паровое отдѣленіе, тогда какъ прежде оно было постоянно напоминающимъ о себѣ больнымъ мѣстомъ всякаго производства. У насъ въ Калифорніи очень дешевое топливо—нефть, стоящая всего 40—50 центовъ за бочку въ 42 галлона, но и съ этой дешевизной съ большимъ успѣхомъ конкуррируетъ теперь еще болѣе дешевое электричество:—силу можно нанять въ какомъ угодно количествѣ, измѣряя ея расходъ особымъ, очень точнымъ, приборомъ, у нѣсколькихъ компаній, спеціально этимъ промышляющихъ. Одна получаетъ ее въ горахъ, за 90 миль отъ нашего города, имѣя проводники въ каждое мѣстечко по пути, другая—изъ запруженной въ средней Калифорніи цѣлой водной системы, за 300 миль отсюда. Вообще, вопросъ о силѣ все меньше и меньше принимается заводчикомъ въ соображеніе,—онъ разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно, и сила удешевляется съ каждымъ годомъ, причемъ пользованіе ею доведено до такого совершенства, что я лично не вижу, чего еще можно ожидать въ этомъ отношеніи.

Какъ деревообработывающая, такъ и, въ особенности, лѣсопильная техника ушли далеко впередъ съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ узналъ. Круглыя пилы почти совсѣмъ исчезли изъ употребленія и замѣнились ленточными; все производство усовершенствовалось настолько, что лѣсопилка съ семью, восемью рабочими, выпиливавшая, 15—20 лѣтъ тому назадъ, всего 5—6 тысячъ футовъ теса и когда-то казавшаяся мнѣ совершеннымъ чудомъ по своей производительности, вырѣзаетъ теперь, въ тотъ же рабочій день, 15—20 тысячъ, и притомъ теса гораздо лучшаго качества и съ несравненно меньшимъ убыткомъ на опилки. Какъ важны и существенны всѣ подобныя усовершенствованія, всего

лучше иллюстрируется именно такимъ кажущимся на первый взглядъ пустякомъ, какъ уменьшеніе расхода на опилки. Тонкая ленточная пила дѣлаетъ разрѣзъ въ бревнѣ не болѣе, чѣмъ въ $^1/_{16}$ дюйма, тогда какъ толстая круглая требовала $^3/_{16}$ и даже больше,—и эта разница, при распилкѣ дюймоваго теса, составляетъ экономію въ 12—15% въ количествѣ получаемаго изъ даннаго бревна теса. Въ сравненіи съ прежнимъ, одна эта экономія не только покрываетъ полностью *всѣ* издержки производства, но и оставляетъ еще значительный барышъ. Само собой разумѣется, что она обогатила многихъ лѣсопиловъ, прежде чѣмъ сдѣлалась общимъ достояніемъ, и понизила вездѣ цѣну теса соотвѣтственно. Я лично знаю нѣсколькихъ лѣсопиловъ, сдѣлавшихся въ короткое время милліонерами, благодаря одному этому усовершенствованію, введенному ими у себя очень рано. Произошли самыя существенныя измѣненія и въ древообработывающемъ производствѣ. Чтобы не вдаваться въ техническія тонкости и подробности, я охарактеризую ихъ тѣмъ положеніемъ, что отношеніе числа рабочихъ на машинахъ на современной древообработывающей фабрикѣ къ числу ручныхъ столяровъ совершенно измѣнилось. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на одну машину приходилось держать, въ среднемъ, около двухъ столяровъ—приходилось додѣлывать руками то, чего не могла сработать машина. Теперь на пять разныхъ машинъ нуженъ всего одинъ столяръ,—до того эти машины усовершенствованы и до того законченнѣе онѣ обработываютъ продуктъ. Нѣкоторыя изъ нихъ чуть-чуть не говорятъ,—до того изумительно совершенна и окончена ихъ работа;—и тогда какъ прежде девять десятыхъ продукта требовали додѣлыванія ручнымъ трудомъ столяра, теперь, наоборотъ, цѣлыхъ девять десятыхъ выходятъ изъ машинъ готовыми къ употребленію. Фабрика съ двадцатью машинистами держитъ всего трехъ-четырехъ столяровъ, и даже меньше.

Хотя вопросъ о современной быстротѣ технической эволюціи во всякомъ производствѣ въ Америкѣ и не имѣетъ, повидимому, прямого отношенія къ сущности настоящей статьи, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался настолько важенъ во всей промышленной жизни нашей страны, что я не могу покончить съ нимъ только тѣмъ, что̀ я уже сказалъ выше, тѣмъ болѣе, что, въ моихъ глазахъ, онъ и сыгралъ уже, и все еще играетъ огромную роль въ общемъ дѣлѣ консолидаціи всѣхъ нашихъ промышленныхъ предпріятій. За послѣднія двадцать лѣтъ онъ измѣнилъ главныя политико-экономическія основанія этихъ предпріятій въ томъ смыслѣ, что затрачиваемый на нихъ капиталъ оказывается по-

ставленнымъ въ совершенно новое положеніе. Прежде, ставя въ фабричный корпусъ извѣстныя силу и машины, предприниматель могъ разсчитывать использовать ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не износятся и не обратятся въ ломъ—расходъ на погашеніе былъ болѣе или менѣе опредѣленной величиной, которую можно было разсчитать напередъ,—теперь же онъ всегда, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, рискуетъ тѣмъ, что эти машины придется сдать въ архивъ, можетъ быть, всего черезъ три, четыре мѣсяца по установкѣ, хотя онѣ и стоятъ огромныхъ денегъ, и не потому, что онѣ износились, а потому, что изобрѣтено нѣчто новое, гораздо болѣе совершенное. Машина устарѣваетъ теперь всегда гораздо раньше, чѣмъ она успѣваетъ износиться, и устарѣваетъ настолько, что какая бы то ни было конкурренція съ новымъ изобрѣтеніемъ для нея совершенно невозможна. И пути сообщенія, и методы торговыхъ и промышленныхъ сношеній въ Америкѣ такъ совершенны, что мѣстная изолированность и мѣстныя условія утратили всякое значеніе, утратили свои охранительныя, такъ сказать, въ этомъ отношеніи способности;—всякая новинка почти мгновенно разносится по всей странѣ, вызываетъ пониженіе цѣнъ и убиваетъ сразу и навсегда всякую отсталость въ какомъ-либо производствѣ. Разъ фабрикантъ гдѣ бы то ни было поставилъ у себя новую и успѣшную машину—не пройдетъ и полугода, какъ и всякій другой въ той же отрасли будетъ вынужденъ сдѣлать то же самое,—иначе онъ очень быстро останется не у дѣлъ. Необходимо зорко и неустанно слѣдить за всей техникой, за всѣми методами и пріемами извѣстнаго производства; необходимо не отставать,—иначе сразу вмѣсто барышей пойдутъ убытки, и нѣтъ той силы, которая могла бы ихъ отвратить. Ни средства, ни дѣловыя связи, ни долгій промышленный престижъ не въ состояніи бороться съ идущимъ на пониженіе рынкомъ; единственное средство—не упуская ни минуты, приспособиться къ его новымъ требованіямъ. И этому, сравнительно очень новому даже у насъ, по своей быстротѣ и всемогуществу закону подчинены теперь въ Америкѣ не только торговля и промышленность, но и все другое—желѣзныя дороги, городскія постройки, парусное и паровое судоходство. Если домовладѣлецъ въ дѣловой части города не слѣдитъ за требованіями времени, не приспособляетъ своего дома сообразно тому, что̀ могутъ получить жильцы въ другомъ,—онъ не только потеряетъ ихъ, но и дѣловая часть города уйдетъ отъ него: дѣловые центры новыхъ, быстро ростущихъ западныхъ городовъ, а съ ними и высокая поземельная стоимость и высокая рента передвигаются съ пора-

зительной быстротой тамъ, гдѣ предпріимчивость и отзывчивость домовладѣльцевъ отстаютъ отъ публичныхъ требованій. Въ нашемъ городѣ центръ этотъ, на моихъ глазахъ, за послѣднія пять лѣтъ подвинулся на нѣсколько кварталовъ на югъ, разоривъ въ конецъ почившихъ на лаврахъ прежнихъ его хозяевъ и обогативъ чуткихъ владѣльцевъ его настоящаго мѣстопребыванія. Наши трансконтинентальныя желѣзныя дороги за послѣднее десятилѣтіе вынуждены были затратить десятки милліоновъ на выпрямленіе и перестройку своихъ путей: Northern Pacific, Union и Central Pacific въ сущности выстроили новыя линіи на огромныхъ протяженіяхъ, дабы имѣть возможность сократить время переѣзда между востокомъ и нашимъ побережьемъ;—новыя линіи, выстроенныя болѣе прямо и болѣе солидно, грозили имъ совершеннымъ уничтоженіемъ тѣми преимуществами, которыя они могли дать своимъ пассажирамъ и грузоотправителямъ. Трансъатлантическіе почтово-пассажирскіе пароходы должны выходить въ чистую отставку и быть перестроены въ товарные черезъ десять, много пятнадцать лѣтъ по своей постройкѣ—такъ быстро вытѣсняютъ ихъ новые, болѣе скорые, болѣе удобные и совершенные. Затраченный на предпріятіе основной капиталъ долженъ быть вырученъ назадъ въ гораздо болѣе короткое время,—представляемая имъ собственность какого бы то ни было рода приходитъ въ негодность гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и не потому, что она изнашивается, а потому, что новыя изобрѣтенія и усовершенствованія заставляютъ владѣльца изъять ее изъ обращенія за убыточностью эксплоатаціи.

Эта бѣшеная быстрота технической эволюціи и осложненіе и усиленіе требованій отъ всякаго дѣла, идущія все crescendo, кажутся мнѣ однимъ изъ главнѣйшихъ, если не самымъ главнымъ факторомъ въ современномъ положеніи всякаго промышленнаго предпріятія въ Америкѣ, факторомъ все еще недостаточно понятымъ и оцѣненнымъ ея общественнымъ мнѣніемъ, хотя въ дѣйствительности онъ уже и успѣлъ измѣнить всѣ основы ея дѣловой жизни. Штаты Новой Англіи утратили одну за другой почти всѣ свои прежнія промышленныя монополіи,—фабрики и заводы распространились по всей странѣ, и мануфактурное дѣло сдѣлалось общимъ достояніемъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, капиталы востока и его промышленный престижъ были всемогущи; извѣстныя фирмы вели извѣстныя мануфактурныя дѣла изъ поколѣнія въ поколѣніе; дѣло улучшалось медленно, шло само собой и не требовало отъ хозяевъ особой талантливости,—фабричная дѣятельность была очень консервативна и болѣе или

менѣе обезпечена. А въ такомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, лѣсопильное, всякій, кто располагалъ двумя-тремя тысячами долларовъ и крупицей здраваго смысла, могъ купить лѣсопилку, пустить ее въ ходъ и разсчитывать на большій или меньшій успѣхъ. Съ одной стороны, приходъ и расходъ могли быть заранѣе опредѣлены довольно обстоятельно; съ другой—конкурренція не была такъ сильна и процентъ барыша былъ сравнительно гораздо выше; съ третьей—мѣстныя условія были гораздо устойчивѣе и имѣли гораздо больше вліянія на исходъ дѣла. Въ настоящій моментъ всѣ эти факторы или перестали существовать, или, во всякомъ случаѣ, измѣнилось крайне существенно ихъ относительное значеніе. Къ хозяину какого бы то ни было промышленнаго предпріятія предъявляются гораздо бо́льшія требованія—у посредственности не осталось, въ сущности, никакихъ шансовъ. Успѣхъ, больше чѣмъ когда-либо прежде, сталъ зависѣть отъ личности. Къ солидности, осторожности и благоразумію, обезпечивавшимъ его прежде, теперь присоединилась необходимость быстроты соображенія, рѣшительности, отзывчивости, тонкой, широко-развитой чуткости,—всякое промышленное производство, даже такое, сравнительно, примитивное какъ лѣсопильное, всякое торговое дѣло требуютъ всего этого, требуютъ прямо талантливости. Прежде дѣло могло идти при однихъ прилежаніи и рутинности,—теперь они одни неизбѣжно погубятъ его въ самое короткое время.

То же лихорадочное усиленіе темпа жизненной эволюціи въ Америкѣ и подъема прежнихъ требованій къ ея современнымъ дѣятелямъ замѣчается и проявляется весьма осязательно во всѣхъ другихъ сферахъ,—даже, напримѣръ, въ сферѣ народнаго образованія. За послѣднія десять лѣтъ, многіе штаты, въ томъ числѣ и Калифорнія, совсѣмъ измѣнили свои недавніе взгляды на цѣлесообразность пожизненности учительскихъ дипломовъ. Прежде учитель, получивъ извѣстный дипломъ, пріобрѣталъ имъ право учить до смерти,—теперь это осталось только какъ исключеніе въ почему-либо выдающихся случаяхъ, и дипломъ хорошъ только на извѣстный, довольно короткій срокъ,—два, три, maximum, кажется, пять лѣтъ; по ихъ истеченіи, требуется новый экзаменъ: штатъ желаетъ знать, не устарѣлъ ли учитель, не отсталъ ли онъ отъ современныхъ на него требованій, въ состояніи ли онъ отвѣчать имъ; требованія эти измѣняются и ростутъ такъ быстро, что учителю, желающему продолжать практику своей профессіи, необходимо неустанно слѣдить за ними и соотвѣтственно расширять свои познанія и улучшать свою технику. Законъ не

даетъ ему возможности опочить на лаврахъ и довольствоваться устарѣвшими, забракованными методами и пріемами,—къ чему, къ сожалѣнію, дипломированные люди такъ склонны вездѣ и всюду.

Въ виду всего вышеизложеннаго, силѣ капитала и его консолидаціи, въ общей оцѣнкѣ положенія, по моему крайнему разумѣнію, отводится далеко не принадлежащее имъ въ дѣйствительности значеніе. Блестящія индивидуальныя способности, на мой взглядъ, больше, чѣмъ когда-либо прежде, обезпечиваютъ успѣхъ вездѣ и во всемъ. Не самыя деньги, а умѣнье пользоваться ими и своевременно и вѣрно опредѣлять именно то, что нужно во всякій данный моментъ, рѣшаетъ дѣло. Присмотрѣвшись внимательно и на опытѣ къ дѣятельности нашихъ трёстовъ, и крупныхъ, и мелкихъ, и абсолютныхъ, и временныхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что и самая консолидація капитала, такъ галлопирующая у насъ за послѣднюю четверть вѣка, была вызвана и вызывается въ большинствѣ случаевъ именно стремленіемъ уравновѣсить такъ или иначе вліяніе на извѣстную отрасль промышленности особенно сильныхъ въ ней личностей. Дѣйствительно способный человѣкъ, ставъ во главѣ промышленнаго предпріятія, можетъ погубить теперь своихъ конкуррентовъ гораздо скорѣе и эффективнѣе, чѣмъ когда-либо прежде;—объединеніе интересовъ является обыкновенно единственнымъ средствомъ къ спасенію предпріятій съ менѣе одаренными руководителями, хотя сила капитала и престижа и можетъ случайно быть въ ихъ рукахъ. Соотношеніе и значеніе необходимыхъ для успѣха факторовъ измѣнились,—и въ этомъ измѣненіи главную роль, по моему крайнему разумѣнію, играетъ не сила капитала, а людская талантливость. То подавляющее, универсальное значеніе, которое придаетъ силѣ капитала соціализмъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Что сила индивидуальныхъ способностей получила теперь неприсущее ей прежде значеніе, доказывается всего нагляднѣе тѣмъ фактомъ, что онѣ оплачиваются въ настоящее время прямо баснословными содержаніями. Спросъ на выдающіяся организаторскія способности и погоня крупныхъ предпріятій за талантливыми людьми уже успѣли серьезно отозваться на персоналѣ нашихъ государственныхъ и штатныхъ учрежденій, и законодательныхъ, и исполнительныхъ, и судебныхъ. Я еще засталъ въ Америкѣ то время, когда государственная или общественная служебная карьера считалась не только наиболѣе почетной, но и наиболѣе выгодной, приносившей наилучшее возможное вознагражденіе.

Теперь высшіе оклады этой карьеры—окружныхъ судей, сенаторовъ, министровъ, губернаторовъ—оказываются прямо ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ можетъ дать успѣшная промышленная или торговая карьера, и выдающіеся политиканы-чиновники одинъ за другимъ переходятъ на нихъ, пользуясь своими политическими успѣхами только какъ первыми ступенями для достиженія несравненно лучше оплачиваемыхъ мѣстъ въ дѣловыхъ сферахъ. Высшіе федеральные и штатные чины бѣгутъ съ государственной и общественной службы, такъ какъ ихъ способности оцѣниваются дѣловымъ міромъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ государствомъ. Я уже имѣлъ случай указать на этотъ фактъ въ одной изъ моихъ предыдущихъ статей, къ которой и отсылаю читателя для подробностей [1]).

Къ сожалѣнію, эта современная погоня за выдающимися индивидуальными способностями въ вожакахъ отнюдь не связана съ требованіемъ отъ нихъ же прямоты и честности ихъ дѣлового характера. Уровень американской дѣловой морали, промышленной и торговой, несомнѣнно упалъ весьма чувствительно за послѣднее десятилѣтіе. Финансовый кризисъ 1893 года, разорившій у насъ массу народа и вызвавшій тяжелый промышленный и торговый застой и безработицу 1893—1896 годовъ, подѣйствовалъ крайне существенно на наши дѣловые нравы. Многіе пріемы и методы, абсолютно не допускавшіеся до этого кризиса, получили съ тѣхъ поръ права гражданства, такъ сказать, укоренились и сдѣлались обыденнымъ явленіемъ. Дѣловая мораль — какъ и вообще понятіе о томъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно, — матерія крайне растяжимая, не поддающаяся хоть сколько-нибудь точнымъ опредѣленіямъ, и въ обыденной жизни представляется мнѣ довольно широкой и очень покатой полосой, отдѣляющей добросовѣстность отъ преступленія. Десять лѣтъ тому назадъ, наши дѣловые классы только очень рѣдко рѣшались вступать на эту полосу, и это обыкновенно клеймило ихъ извѣстнымъ образомъ и навсегда,—теперь чуть ли не большинство прогуливается на ней почти постоянно, рискуя въ сущности только очень мало. Я долженъ сознаться съ большимъ сожалѣніемъ, что почувствовалъ мою отсталость въ этомъ отношеніи очень скоро и очень чувствительно, и что мнѣ приходится теперь встрѣчаться съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ чуть ли не каждый день. Меня увѣряютъ, что, благодаря общему дѣловому процвѣтанію и поразительному подъему въ народномъ благосостояніи за

[1]) См. „Американская злоба дня“: „Вѣстникъ Европы“, апрѣль, 1906 г.

послѣднія четыре-пять лѣтъ, положеніе постепенно улучшается, и дѣловая мораль опять поднимается,—тѣмъ не менѣе, мнѣ лично она представляется теперь очень низкой, гораздо ниже того уровня, на которомъ я ее оставилъ въ 1894 году. Кромѣ того, завелся особый, сравнительно очень многочисленный, новый классъ людей, выбившихся изъ своихъ профессій и обратившихся къ эксплоатаціи довѣрчивости и недальновидности своихъ согражданъ, къ эксплоатаціи иногда очень грубой, иногда очень утонченной, какъ къ исключительному источнику добыванія средствъ къ существованію. Конца нѣтъ самымъ разнообразнымъ затѣямъ выманить такъ или иначе ваши деньги. Изощренность этихъ аферистовъ просто изумительна. Не проходитъ дня, чтобы въ каждую дѣловую контору не явилось двухъ-трехъ представителей этого новаго у насъ класса. Превосходные говоруны, отлично одѣтые и, повидимому, преуспѣвающіе—отъ нихъ такъ и несетъ довольствомъ, хотя они и работаютъ исключительно языкомъ и своими wits—ловкостью, хитростью и изощренностью, умѣньемъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Газеты обличаютъ ихъ ежедневно,—и все-таки они съ успѣхомъ находятъ многочисленныя новыя жертвы, ускользая во-время и перебираясь изъ города въ городъ по мѣрѣ надобности.

II.

Современные американскіе промышленные трёсты распались довольно рѣзко на два класса: одни, которые скупили всѣ отдѣльныя предпріятія одного рода въ извѣстной мѣстности или всей странѣ, лишивъ ихъ всякой индивидуальности, и управляютъ ими всецѣло посредствомъ одного центральнаго управленія; другіе, которые оставили индивидуальность отдѣльныхъ предпріятій нетронутой, не измѣнили ихъ фактическаго владѣнія, а сконцентрировали только въ центральныхъ управленіяхъ дѣло регулированія ихъ производства и сбыта ихъ произведеній. Первые, конечно, гораздо компактнѣе и управлять ими несравненно легче—они, въ сущности, стали однимъ предпріятіямъ, гораздо, конечно, бо́льшимъ по размѣрамъ, но всѣ части котораго подчинены безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ распоряженіямъ одной управляющей силы, какъ бы эта сила ни была организована. Разъ консолидація достигнута и оформлена, отдѣльные члены уже не могутъ выдѣлиться изъ нея по своему усмотрѣнію. Къ этой формѣ организаціи прибѣгаютъ обыкновенно желѣзныя дороги и всѣ такія производства, которыя болѣе или менѣе рѣзко огра-

ничены извѣстными районами, какъ напр. нефтяное, стальное, стекольное, сахарное, въ послѣднее время каменноугольное. Они не боятся конкурренціи, такъ какъ во всей странѣ только извѣстныя мѣстности обладаютъ совокупностью тѣхъ условій, которыя необходимы для ихъ успѣха, и всѣ такія мѣстности обыкновенно входятъ въ составъ такихъ трёстовъ съ самаго начала. Такіе трёсты въ сущности всемогущи и быстро обращаются въ самыя откровенныя монополіи. Они—такая сила, съ которой до сихъ поръ совершенно безуспѣшно ратуютъ и законъ, и населеніе. Такихъ трёстовъ, сравнительно, немного; ихъ организація отличается отъ индивидуальныхъ предпріятій только своими размѣрами, и всѣ трудности преодолѣваются и оканчиваются разъ навсегда, когда консолидація достигнута и оформлена. Опытъ прошлаго доказалъ, что для ихъ успѣха необходимъ почти полный контроль всего производства въ странѣ; если это условіе недостижимо, попытки принять эту форму организаціи оканчиваются обыкновенно весьма печально—разореніемъ пайщиковъ и распаденіемъ трёста, что и случилось съ трёстами водочнымъ, веревочнымъ, пивнымъ, нѣсколькими банковскими и многими другими. Дѣло въ томъ, что разъ организуется трёстъ при отсутствіи почти полнаго контроля производства, остающіяся внѣ его предпріятія тоже сплочиваются—и возникаетъ немедленно самая убійственная конкурренція, борьба за существованіе и борьба на смерть. Въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, составляющихъ извѣстный трёстъ, индивидуальное ими управленіе хозяевами смѣняется наемнымъ трудомъ,—они мгновенно теряютъ тѣ преимущества отдѣльнаго частнаго дѣла, которыя являются результатомъ того, что во главѣ его можетъ стоять особенно талантливая личность, и этими-то преимуществами и пользуется обыкновенно возникающая конкурренція. Общественное мнѣніе всегда и вездѣ возстановлено противъ трёстовъ, всегда окажетъ поддержку такой конкурренціи, и она, привлекая къ себѣ въ то же время выдающіяся личныя силы производства, въ концѣ концовъ всегда подтягиваетъ такой трёстъ и вынуждаетъ его распаденіе. Абсолютные трёсты, совмѣщающіе въ себѣ все извѣстное производство въ странѣ, удерживаютъ въ своемъ распоряженіи и всѣ выдающіяся въ немъ личныя силы,—онѣ вынуждены мириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, дѣлаютъ это болѣе или менѣе охотно, такъ какъ,—какъ уже было упомянуто выше,—обыкновенно трёсты платятъ имъ огромное содержаніе. Заручившись монополіей въ дѣлѣ съ билліонными годовыми оборотами, такіе трёсты могутъ платить огромныя деньги дѣйствительно способнымъ личностямъ и наслаждаются

монополіей и въ этомъ отношеніи. Если же успѣшная конкурренція возможна, талантливый человѣкъ не довольствуется подчиненнымъ положеніемъ, и обыкновенно переходитъ на сторону этой конкурренціи;—до сихъ поръ этотъ фактъ и былъ всегда причиной разоренія и распаденія трёстовъ, не контролировавшихъ всего извѣстнаго производства въ странѣ, и этотъ-то неуспѣхъ такой формы организаціи для такихъ производствъ и вызвалъ къ жизни гораздо болѣе многочисленный второй классъ консолидацій, въ которыхъ входящія въ ихъ составъ отдѣльныя предпріятія остаются собственностью ихъ владѣльцевъ и вступаютъ въ союзъ, передавая въ распоряженіе центральной организаціи только извѣстныя стороны своего дѣла—прежде всего регулированіе производства, установленіе цѣнъ на продуктъ и его сбытъ. Формы ихъ организаціи чрезвычайно разнообразны;—кромѣ того, онѣ крайне растяжимы, такъ какъ подлежатъ во всякое время соглашеніямъ и измѣненіямъ, сообразно потребностямъ дѣла и минуты. Абсолютный трёстъ перваго класса неподвиженъ; трёсты второго то расширяютъ, то суживаютъ юрисдикцію своихъ центральныхъ управленій, и главы отдѣльныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, предпріятій постоянно вліяютъ на всю ихъ работу своими индивидуальностями. Они въ сущности представляютъ собою не что иное, какъ частныя временныя соглашенія, оформленныя только весьма поверхностно самодѣльными конституціями, нигдѣ не явленными и не имѣющими никакой законной силы; нельзя преслѣдовать члена за ихъ нарушеніе судомъ, и потому все соглашеніе можетъ держаться только пока всѣ члены добровольно подчиняются его требованіямъ. Личная добросовѣстность вожаковъ предпріятій и ихъ дѣловая мораль являются рѣшающимъ факторомъ въ ихъ успѣхѣ. Хотя консолидація капитала въ промышленности и торговлѣ, къ которой онѣ обратились въ теченіе послѣдней четверти прошлаго столѣтія, и началась именно такими соглашеніями, формы ихъ организаціи все еще быстро эволюціонируютъ; выдѣливъ и выдѣляя изъ себя время отъ времени абсолютные трёсты перваго класса, уже вполнѣ опредѣлившіеся, громадное большинство остальныхъ все еще ищетъ болѣе практичныхъ путей и болѣе цѣлесообразныхъ методовъ для того, чтобы выработать нѣчто болѣе прочное и совершенное, нѣчто такое, что, не принимая формы абсолютнаго трёста, въ то же время обладало бы болѣе устойчивой жизнеспособностью и не зависѣло бы такъ всецѣло отъ дѣлового характера входящихъ въ соглашеніе личностей. До самаго послѣдняго времени, до успѣха сахарнаго и мясного трёстовъ,

этого не удавалось достигнуть: — примѣнялись и пробовались самыя разнообразныя формы организаціи, и все-таки дѣло въ концѣ концовъ неизмѣнно сводилось къ тому, что всякое такое соглашеніе состоитъ всякую минуту въ прямой зависимости отъ усмотрѣнія участниковъ;—одинъ членъ, почему-либо недовольный, отступая отъ соглашенія, могъ сразу сдѣлать продолженіе его невозможнымъ. Одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ организаціи такихъ комбинацій—въ американскомъ языкѣ уже появилось для ихъ опредѣленія новое, въ примѣненіи именно къ нимъ и въ отличіе ихъ отъ абсолютныхъ трѣстовъ, слово combine — является уплата всѣми учениками впередъ въ кассу организаціи извѣстной суммы, болѣе или менѣе значительной, которая можетъ быть конфискована резолюціей исполнительной власти организаціи за доказанный фактъ нарушенія участникомъ какого-либо изъ установленныхъ ею правилъ. Оштрафованный такимъ образомъ членъ обязанъ немедленно пополнить сумму штрафа,— иначе онъ исключается изъ организаціи. Исполнительная власть вручается обыкновенно выборному совѣту директоровъ, состоящему изъ пяти-семи членовъ—иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, единоличной власти президента организаціи. Само собой разумѣется, что всегда и вездѣ главнымъ факторомъ является степень довѣрія участниковъ какъ другъ къ другу, такъ и къ выборной исполнительной власти организаціи. Общее пониженіе дѣловой морали, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, сказывается на каждомъ шагу именно въ отсутствіи достаточной степени довѣрія въ обоихъ случаяхъ. Участники и не довѣряютъ одинъ другому, и не довѣряютъ своему же выборному центральному управленію;—подозрѣнія, нерѣдко безусловно неосновательныя, постоянно отравляютъ отношенія, осложняютъ дѣло и очень часто приводятъ къ распаденію организацій. Въ штатѣ Калифорніи и въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ нѣтъ въ сущности ни одного производства, которое бы не было комбинировано такъ или иначе;—въ нѣкоторыхъ эти комбинаціи за послѣднее десятилѣтіе организовались и распадались по нѣскольку разъ. Мясники, оптовые и розничные, булочники, молочники, даже мелочные бакалейщики—всѣ эти отрасли организованы, и цѣна ихъ продуктовъ опредѣляется и регулируется центральными управленіями. Въ строительномъ дѣлѣ имѣются организаціи лѣсопиловъ, лѣсоторговцевъ, производителей разнаго рода кирпича, извести, водяныхъ, газовыхъ и электрическихъ приспособленій, кровельной драни и черепицы, гальванизированнаго желѣза и жести, наконецъ всей деревообработывающей промышленности. Организованы

банки, извозчики, отели, рестораны, паровыя прачешныя; даже у докторовъ, ветеринаровъ и аптекарей существуютъ соглашенія относительно цѣнъ за извѣстнаго рода услуги публикѣ. Словомъ, обыватель всюду и вездѣ встрѣчаетъ въ своихъ жизненныхъ издержкахъ болѣе или менѣе стойкія цѣны; конкурренція такъ или иначе устранена, и у него остается только свобода выбора того или другого профессіонала, той или другой фабрики или лавки,—цѣна же въ сущности одинакова, куда бы онъ ни обратился. Тотъ же порядокъ вещей существуетъ и на рабочемъ рынкѣ. Ремесленные союзы, слѣдя по стопамъ промышленныхъ и торговыхъ трѣстовъ, также стремятся главнымъ образомъ къ абсолютному контролю рабочаго рынка, къ монополіи на требуемый въ ихъ производствахъ трудъ. За послѣднее десятилѣтіе рабочій вопросъ въ С.-А. С. Штатахъ сведенъ въ сущности къ тому, чтобы уничтожить трудъ несоюзный—то меньшинство, которое уклоняется отъ организаціи и которымъ искусно пользуется капиталъ для подрыва союзныхъ вліяній. Преслѣдуя главнымъ образомъ эту цѣль и нерѣдко не останавливаясь ни передъ чѣмъ для ея достиженія, ремесленные союзы въ своихъ современныхъ методахъ мало чѣмъ отличаются отъ трѣстовъ и въ практикѣ своей дѣятельности, и въ достигаемыхъ ими результатахъ, и въ своемъ воспитательномъ значеніи въ общественной жизни.

III.

Лѣсное и деревообработывающее дѣло тихоокеанскаго побережья, какъ по суммѣ затраченнаго на него капитала, такъ и по числу занятыхъ имъ рабочихъ, является, безспорно, главной и далеко преобладающей промышленностью всего дальняго запада Америки. Особенныя, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ не повторяющіяся, почвенныя и климатическія условія этого побережья дали ему нѣсколько лѣсныхъ породъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся—красное дерево [1]), орегонскую, желтую и сахарную сосну. Всѣ эти мѣстныя породы отличаются

[1]) Redwood. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что называютъ въ Россіи краснымъ деревомъ, употреблявшимся въ старину для выдѣлки цѣнной мебели, породы тропической, растущей на Вестъ-Индскихъ островахъ и въ Центральной Америкѣ и называемой здѣсь mahogany. Redwood—видъ сосны, sequoia, съ темно-красной сердцевиной, дерево, достигающее огромныхъ размѣровъ и высоты, довольно мягкое и употребляемое здѣсь для всѣхъ родовъ внутренней и наружной отдѣлки какъ жилыхъ домовъ, такъ и всякихъ другихъ сооруженій.

прежде всего удивительнымъ богатствомъ и густотой лѣсонасажденія — деревья достигаютъ огромной высоты и толщины, и ростутъ, буквально, одно на другомъ, такъ что экръ дѣвственнаго лѣса нашего побережья даетъ въ 10 и даже въ 20 разъ больше дерева, чѣмъ какая-либо порода востока и Европы. Разсчитываютъ, что на тихоокеанскомъ побережьи, несмотря на относительную незначительность пространства его лѣсной территоріи, остается больше, чѣмъ двѣ трети всего стоячаго лѣса, которымъ располагаетъ теперь весь Сѣверо-Американскій Союзъ. Лѣсная полоса довольно рѣзко ограничена, и заключаетъ въ себѣ отчасти центральную и всю сѣверную часть штата Калифорніи и приморскія части, на западъ отъ Каскадныхъ горъ, штатовъ Орегона и Вашингтона. На самомъ сѣверѣ послѣдняго сосновыя породы исчезаютъ и замѣняются кедромъ—spanish cedar—и елью и спрюсомъ. Лѣсъ, тесъ, кровельная дрань, шпалы, телеграфные и телефонные столбы, кромѣ пополненія внутренняго рынка, вывозятся въ огромныхъ количествахъ на всѣ острова Тихаго океана, въ Австралію, Китай, Японію, Сибирь, — чѣмъ занятъ значительный парусный и отчасти паровой флотъ, около 500 судовъ, — а также на всѣ рынки востока Союза, и все это дѣло организовано въ нѣсколько трѣстовъ и комбинацій, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собою. Вся деревообработывающая промышленность тихоокеанскаго побережья получаетъ свой сырой матеріалъ отъ нихъ—только нѣкоторыя дорогія породы для роскошной внутренней отдѣлки идутъ изъ Мексики и Центральной Америки—и, будучи въ свою очередь организована, находится съ ними въ самой тѣсной аффиліаціи: трудно разграничить, гдѣ начинается и гдѣ кончается дѣятельность организацій обоихъ родовъ, такъ онѣ сплетены между собою многочисленными постоянными и временными договорами и соглашеніями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредствующимъ звеномъ служатъ лѣсоторговцы, также организованные въ различныхъ мѣстностяхъ въ особыя комбинаціи, состоящія въ тѣсной связи съ лѣсопильнымъ дѣломъ, съ одной стороны, и съ деревообработывающимъ—съ другой. Лѣтъ пять тому назадъ, деревообработывающіе заводы Калифорніи образовали особую организацію, которая, благодаря разнообразію и разрозненности интересовъ, не была особенно успѣшной, и хотя и выработала обширную программу и цѣлый сводъ руководствующихъ производствомъ установленій, не была въ состояніи слѣдить за приведеніемъ ихъ въ исполненіе:—внутренніе раздоры не прекращались, установленныя цѣны не соблюдались, и неумѣренная конкурренція вызвала нѣсколько

банкротствъ, несмотря на то, что потребность въ строительномъ матеріалѣ была громадна, такъ какъ строительныя операціи все расширялись. Фабрики были завалены заказами, были вынуждены работать по ночамъ, и все-таки къ концу года, вмѣсто дивидендовъ, оказывались дефициты. Въ томъ же положеніи были и лѣсопильныя и лѣсоторговыя комбинаціи. Во-первыхъ, не было довѣрія другъ къ другу между членами; во-вторыхъ, управленіе центральными органами было связано разными многочленными совѣтами и директоратами; рѣшенія по разнымъ вопросамъ требовались немедленно, а на созваніе совѣта нужно было время, его члены могли быть въ отлучкѣ или больны, и исполненіе всѣхъ требовавшихся формальностей для обязательнаго постановленія часто откладывало все дѣло въ дальній ящикъ и тормозило успѣхъ самымъ существеннымъ образомъ. Лѣсная торговля и деревообработывающая промышленность нашей части штата особенно страдали, благодаря самой чувствительной разницѣ въ положеніи рабочаго вопроса сравнительно со штатами Орегономъ и Вашингтономъ. Тогда какъ у насъ принятъ восьмичасовой рабочій день, на сѣверѣ все еще въ силѣ десяти- и даже одиннадцати-часовой. У насъ нѣтъ зимы, и работа идетъ круглый годъ,—тамъ же заводы закрываются совсѣмъ на зиму, и заводчикъ нагоняетъ время длиннымъ рабочимъ днемъ лѣтомъ. Ремесленные союзы у насъ гораздо сильнѣе и гораздо прочнѣе организованы, чѣмъ въ городахъ Портлэндѣ и Сіэттлѣ, и заработная плата тамъ соотвѣтственно ниже, и останется ниже на долгое время, благодаря отчасти и сравнительной дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ потребностей. Намъ приходится платить машинисту четыре доллара за восемь часовъ, тогда какъ въ Портлэндѣ онъ довольствуется тремя и даже двумя съ половиной за одиннадцать. У насъ нѣтъ своего лѣса, и приходится привозить его съ сѣвера же,—а обработанный тесъ вѣситъ меньше необработаннаго,—его провозъ, слѣдовательно, дешевле,—и вотъ мы быстро очутились въ такомъ положеніи, что могли конкуррировать съ этимъ сѣверомъ только въ убытокъ себѣ. Получились невыносимыя дѣловыя условія, цѣлая революція, происшедшая и очень быстро, и, главное, вполнѣ неожиданно для громаднаго большинства нашихъ заводчиковъ, людей недостаточно дальновидныхъ;—ниже мнѣ придется дать ихъ общую характеристику, и читатель будетъ въ состояніи и самъ сопоставитъ факты и оцѣнить положеніе. Несмотря на то, что въ нашемъ, напримѣръ, городѣ, въ теченіе всего 1902 года производилось новыхъ построекъ слишкомъ на милліонъ долларовъ въ мѣсяцъ и работы было

всѣмъ по горло, къ декабрю многіе заводы были въ неоплатномъ долгу, и съ началомъ 1903 года всѣмъ ясно стало, что безъ общихъ мѣръ ожидать какого бы то ни было улучшенія нельзя. Абсолютная необходимость болѣе цѣлесообразной, болѣе консолидированной организаціи была очевидна,—и такой организаціи, которая, контролируя внутреннюю, домашнюю конкурренцію, въ то же время ограждала бы наши заводы и отъ внѣшней, сѣверной. Хотя нѣкоторыя отдѣльныя предпріятія и понимали положеніе дѣла вполнѣ, они были совершенно безсильны исправить его хоть сколько-нибудь. Быстро и радикально измѣнились общія индустріальныя условія всей деревообработывающей промышленности обширной мѣстности, и измѣнились настолько, что для ихъ исправленія оказались необходимыми новые методы.

Я умышленно остановился такъ подробно на этомъ фактѣ, такъ какъ онъ очень картинно иллюстрируетъ нѣкоторыя изъ тѣхъ силъ, которыя создали современные трѣсты и комбинаціи и оказываются такими всемогущими въ коренномъ политико-экономическомъ переустройствѣ всей нашей промышленной и коммерческой дѣятельности. Комбинація факторовъ и ихъ относительное значеніе могутъ быть различны въ различныхъ мѣстностяхъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности и торговли, но результатъ получается одинъ и тотъ же—необходимость организаціи въ той или другой формѣ. Было бы крайне поучительно изучить и опредѣлить, что именно вызвало первые трѣсты въ странѣ,—а въ настоящее время, когда ими охвачено почти все, ни одна отрасль уже не можетъ избѣжать обращенія къ нимъ же. До австро-прусской войны 1866 г. — всѣ страны довольствовались пистонными ружьями; послѣ нея—оставалось только или ввести игольчатыя, или распустить армію. Съ пистоннымъ ружьемъ она была абсолютно безполезна.

И калифорнскіе деревообработывающіе заводчики не могли съ теченіемъ времени не понять всего этого. И имъ пришлось или закрыть свои заводы, или присоединиться къ общему движенію и основательно организоваться. Произошло нѣсколько митинговъ, составлена была новая конституція организаціи, и дѣло остановилось на нѣкоторое время за исполнительнымъ главой, пока, наконецъ, мнѣ не пришлось взять на себя эту роль. Я былъ человѣкомъ совершенно новымъ въ этомъ производствѣ въ нашей мѣстности, къ тому уже лѣтъ восемь удалившимся отъ всякой активной дѣятельности,—тѣмъ не менѣе, выборъ остановился упорно именно на мнѣ, главнымъ образомъ вѣроятно потому, что я не былъ причастенъ старымъ ссорамъ и столкно-

венiямъ; свѣжій человѣкъ былъ необходимъ, такъ какъ только къ такому человѣку всѣ члены организаціи могли относиться съ довѣріемъ и безъ камня за пазухой. Послѣ выбора рѣшено было отказаться отъ какихъ-либо совѣтовъ или правленій и предоставить исполнительную власть президенту-главноуправляющему, съ правомъ дѣлать обязательныя постановленія единолично и немедленно приводить ихъ въ исполненіе. Съ этого и началась въ апрѣлѣ 1903 года моя работа; съ теченіемъ времени мы вступили въ соглашеніе и съ лѣсопилами побережья, и съ лѣсоторговцами, и организація съ ея аффиліаціями разрослась во всѣхъ направленіяхъ, обнявъ все лѣсное и деревообработывающее дѣло Калифорніи.

Первоначальнымъ ядромъ организаціи были, какъ выяснено выше, деревообработывающіе заводчики штата Калифорніи, около 30 фирмъ съ 65—70 членами. Со всѣми ими я находился въ постоянномъ личномъ соприкосновеніи, и имѣлъ полную возможность изучить ихъ со всѣхъ сторонъ весьма основательно. Лѣсопилы и лѣсоторговцы, помимо принадлежности къ нашей, имѣютъ и свои отдѣльныя организаціи, и я состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ихъ представителями, президентами и главноуправляющими, выборными совѣтами и директоратами, съ которыми тоже успѣлъ всесторонне ознакомиться,—съ рядовыми ихъ членами сношенія у меня были рѣже, только на общихъ собраніяхъ ихъ организацій, но все-таки значительное ихъ большинство я тоже знаю лично. Ихъ нѣсколько сотъ, и во всей ихъ средѣ, ведущей безспорно самое важное и самое большое промышленное и торговое дѣло всего нашего побережья, за исключеніемъ двухъ-трехъ европейцевъ, нѣтъ положительно ни одного образованнаго человѣка, нѣкоторые прямо малограмотны. Всѣ начали свою жизненную карьеру простыми рабочими—выучились ремеслу, уже заработывая свой хлѣбъ, и затѣмъ выдвинулись изъ рядовъ и перешли въ разрядъ хозяевъ-заводчиковъ исключительно благодаря своимъ личнымъ способностямъ и энергіи. Все тихоокеанское побережье—страна очень молодая, въ которой еще не успѣла образоваться наслѣдственная переходимость дѣловыхъ предпріятій. Большинство, конечно, кровные американцы—но немало между ними и европейцевъ — эмигрантовъ перваго поколѣнія—нѣмцевъ, англичанъ, ирландцевъ, французовъ, даже русскихъ двое — вашъ покорный слуга и такой же когда-то гвардейскій офицеръ съ немалымъ числомъ декорацій на груди. Самый крупный изъ деревообработывающихъ заводчиковъ — еще сравнительно молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти, всего

пятнадцать лѣтъ тому назадъ вывозилъ на тачкѣ стружки изъ-подъ строгальной машины, съ жалованьемъ въ пять долларовъ въ недѣлю, въ нашемъ же городѣ. Самый энергичный и дѣловитый—двадцать лѣтъ тому назадъ бѣжалъ изъ Ирландіи безъ гроша и чуть не задохся въ угольномъ трюмѣ парохода, куда спрятался отъ полиціи, разыскивавшей его за то, что онъ пырнулъ ножомъ въ бокъ хозяина-столяра, у котораго былъ въ ученьи. Два партнёра-лѣсопила, въ настоящій моментъ владѣющіе самымъ большимъ заводомъ нашего побережья, съ сотнями тысячъ экровъ лѣсовъ и цѣлой самостоятельной желѣзнодорожной системой, собственностью, въ общей сложности стоящей свыше пяти милліоновъ долларовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ были чернорабочими поденщиками,—теперь же они живутъ въ настоящихъ дворцахъ въ Санъ-Франциско, женились на дѣвушкахъ изъ хорошаго круга, и только очень, очень рѣдко, и то при самомъ вниматательномъ наблюденіи, можно замѣтить въ ихъ обращеніи и разговорѣ мимолетные остатки старыхъ временъ. Одинъ изъ нихъ даже сдѣлался крупнымъ меценатомъ въ области искусства—покупаетъ ежегодно на нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ почему-либо выдающихся картинъ и уже составилъ себѣ завидную картинную коллекцію. Самый крупный лѣсоторговецъ южной Калифорніи, нѣмецъ, обратившій свое дѣло въ корпорацію, дабы еще при жизни выдѣлить извѣстныя части своему многочисленному потомству, повезъ прошлымъ лѣтомъ свою жену умирать на родину, въ Вюртембергъ,—и старушка, дѣйствительно, скончалась тамъ, въ крестьянской нѣмецкой избѣ, тогда какъ ея сыновья ворочаютъ здѣсь милліонами. Несмотря на самыя тщательныя развѣдки, я не могъ открыть въ числѣ нѣсколькихъ сотъ моихъ соработниковъ, вожаковъ этихъ огромныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, ни одного человѣка, который пользовался бы преимуществами рожденія, воспитанія, образованія, состоянія. Всѣ они вышли изъ рядовъ, изъ тѣхъ же рабочихъ, свыше сотни тысячъ которыхъ работаютъ теперь на нихъ самихъ. Громадное ихъ большинство принадлежали сами когда-то къ различнымъ ремесленнымъ союзамъ. Нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ въ нашихъ засѣданіяхъ, при обращеніяхъ ко мнѣ или другимъ сочленамъ, не могутъ отвыкнуть отъ употребленія слова brother, братъ, обязательнаго при обращеніяхъ въ засѣданіяхъ этихъ союзовъ. И, само собой разумѣется, хотя многіе изъ нихъ давно освоились съ своимъ благопріобрѣтеннымъ положеніемъ хозяина-заводчика, хотя одно это положеніе уже достаточно аттестуетъ ихъ выходящія изъ ряда способности и

энергію, тѣмъ не менѣе огромное большинство все еще неспособно вполнѣ и всесторонне оцѣнивать всѣ потребности этого положенія во всякій данный моментъ, слѣдить за быстрой эволюціей и техники, и дѣловыхъ осложненій, и отзываться—и своевременно, и цѣлесообразно—на безпрерывно колеблющіяся и измѣняющіяся требованія и производства, и рынка. Одни выдвинулись благодаря своему умѣнью купить, другіе — благодаря умѣнью продать, третьи—умѣнью ладить съ рабочими и способности добиться отъ нихъ высокой степени производительности; четвертые—благодаря своему знанію технической части или организаторскимъ способностямъ въ распредѣленіи работы именно такъ, что она обходится имъ особенно дешево,—но только у очень немногихъ и рѣдкихъ исключеній имѣется соединеніе этихъ способностей въ связи съ промышленной и торговой дальновидностью и умѣньемъ пользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами въ одно и то же время. Для этого у нихъ не хватаетъ ни общаго развитія, ни теоретическихъ знаній, ни способности правильно понимать различіе между причинами и результатами. Я знаю систему каждой фабрики, знаю отношеніе на нихъ хозяевъ къ рабочимъ и наоборотъ, знаю главныя характеристическія особенности каждаго вожака—у однихъ идутъ особенно хорошо извѣстныя особенности дѣла, у другихъ—другія, у третьихъ—третьи,—и въ то же время каждая фабрика хромаетъ болѣе или менѣе въ томъ или другомъ отношеніи. Я всегда считалъ себя экспертомъ въ американскомъ лѣсопильномъ и деревообработывающемъ производствѣ,—и только теперь, получивъ возможность сразу слѣдить и изслѣдовать результаты дѣятельности нѣсколькихъ десятковъ промышленныхъ предпріятій самаго разнообразнаго калибра, понялъ, какъ мало, сравнительно, въ сущности я зналъ это производство во всѣхъ его фазахъ. Каждый день приходилось открывать что-нибудь новое, что-нибудь такое, что навсегда остается закрытымъ для владѣльца отдѣльнаго предпріятія и что поддается изученію только при возможности сравнительныхъ методовъ и только для людей вполнѣ посвященныхъ во всѣ перипетіи дѣла и могущихъ одновременно слѣдить за вліяніями однихъ и тѣхъ же факторовъ при различныхъ условіяхъ производства. Люди, стоящіе во главѣ современныхъ американскихъ промышленныхъ трёстовъ и способные правильно оцѣнивать вліянія и результаты различныхъ общихъ индустріальныхъ факторовъ нашего времени, пріобрѣтаютъ такой цѣнный запасъ знаній, какой недоступенъ никому другому,—и благо имъ, если они не пускаютъ его въ ходъ въ ущербъ своимъ же сочленамъ!

Далеко не одинаковы, конечно, и средства, и приспособленія, и техническія и машинныя способности различныхъ предпріятій. Большія, дѣйствительно первоклассныя во всѣхъ отношеніяхъ машины очень дороги, и, хотя окупаются скоро, требуютъ для этого извѣстнаго обезпеченнаго размѣра производства,—небольшія фабрики не могутъ разсчитывать на успѣхъ съ ними, и вынуждены конкуррировать, обладая только машинами съ меньшей производительностью. Извѣстный заказъ, попадая на фабрику со всѣми необходимыми для него приспособленіями, при извѣстной цѣнѣ даетъ хозяину хорошій барышъ, тогда какъ на другой, не обладающей всѣмъ нужнымъ, онъ дастъ только убытокъ. Затѣмъ огромное вліяніе на успѣхъ дѣла имѣетъ и способъ покупки сырого матеріала. Заводъ съ большими средствами или установленнымъ кредитомъ—что у насъ въ сущности одно и то же—можетъ покупать свое дерево оптомъ, вагонами или даже судовыми грузами прямо съ сѣвера, тогда какъ небольшая фабрика съ недостаточнымъ оборотнымъ капиталомъ вынуждена покупать его у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ, часто съ большими приплатами за разсрочку платежей и по болѣе высокой, сравнительно съ рыночной за наличныя, цѣнѣ. Вотъ эти-то особенности и неравномѣрности, и личныя, и техническія, и матеріальныя, въ связи съ тѣми факторами, которые я выяснилъ въ предыдущихъ главахъ, и помимо разорительности конкурренціи внѣшней и внутренней, и вынуждаютъ современную американскую промышленность къ организаціи. Конечно, у сильнаго больше средствъ и, повидимому, больше вѣроятности осилить слабаго въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы,—но и слабый, если почему-либо пользуется извѣстными благопріятными случайностями, обыкновенно личной энергіей и способностями руководителей, нерѣдко можетъ довести до разоренія и сильнаго,—и вотъ эта-то неизвѣстность, эта-то возможность неуспѣха при всякой борьбѣ и гонитъ въ организацію съ одинаковой силой и сильныхъ, и слабыхъ. Таково, по крайней мѣрѣ, положеніе лѣсного дѣла и на нашемъ побережьи, и по всей Америкѣ, и потому-то организація во что бы то ни стало, несмотря на всѣ трудности ея устройства и поддержки, несмотря на преимущества особенно благопріятно обставленныхъ предпріятій, составляетъ главную и жгучую злобу дня и возобновляется неминуемо, несмотря на многочисленныя неудачи;—то положеніе, что безъ нея успѣхъ абсолютно невозможенъ, уже сдѣлалось аксіомой для всякаго дѣлового американца.

IV.

Американская литература и статистика по предмету трёстовъ чрезвычайно обширны, но весьма ненадежны:—пользоваться ими можно только при условіи большой осмотрительности. Съ одной стороны страстныя нападки на трёсты и на всѣхъ и на все, что̀ съ ними связано,—со стороны политикановъ всякаго рода, ищущихъ при этомъ посредствѣ дешевой популярности, и разоренныхъ такъ или иначе бывшихъ владѣльцевъ поглощенныхъ и поглощаемыхъ трёстами самостоятельныхъ предпріятій въ разныхъ отрасляхъ промышленност и итторговли; съ другой—столь же страстная и обыкновенно очень искусная защита ихъ интересовъ купленными ими элементами. Я не знаю ни одной книги или журнальной статьи, относящихся къ вопросу вполнѣ безпристрастно и хладнокровно,— повидимому, еще не пришло время для такого обсужденія. Громадность и всесторонность произведеннаго во всей американской жизни появленіемъ трёстовъ переворота таковы, и аргументація pro и contra такъ обширна и запутана, что придти къ обоснованнымъ опредѣленнымъ выводамъ чрезвычайно трудно. Успѣшныхъ трёстовъ, достигшихъ монополіи и прочной, крѣпко установленной организаціи, въ Америкѣ крайне мало — это единица въ тысячахъ, — и такіе трёсты, на мой взглядъ, безусловно вредны для народнаго благосостоянія уже по одному тому, все остальное заслоняющему результату, что они усилили возможность скопленія въ однѣхъ рукахъ неслыханныхъ доселѣ частныхъ богатствъ, своими размѣрами предоставляющихъ отдѣльнымъ личностямъ подавляющее вліяніе на всю жизнь страны. Но такіе трёсты—рѣдкія исключенія; это крайности, которыя неизбѣжны, повидимому, во всѣхъ отрасляхъ эволюціи человѣческаго рода — религіозной, нравственной, политической, политико-экономической, и ихъ слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ явленія исключительныя, ненормальныя. Но даже и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ числѣ первой дюжины крупнѣйшихъ современныхъ американскихъ отдѣльныхъ состояній только одно—Джона Д. Рокфеллера—сдѣлано посредствомъ трёста, а всѣ остальныя имѣли своимъ основаніемъ ничего общаго съ трёстами не имѣющіе источники. Асторы и Гетти Гринъ, самая богатая женщина въ Америкѣ, разбогатѣли благодаря феноменальному поднятію поземельной цѣнности въ городѣ Нью-Іоркѣ; Вандербильты —

вслѣдствіе замѣчательныхъ организаторски-созидательныхъ способностей цѣлаго ряда представителей рода въ постройкѣ и эксплоатаціи важнѣйшихъ въ странѣ желѣзно-дорожныхъ системъ; Гульды — благодаря хищническому разоренію собственниковъ цѣлаго десятка крупныхъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій; Руссель Сэджъ—успѣшному ростовщичеству; Маршаль Фильдъ—удачнымъ нововведеніямъ въ торговлѣ краснымъ товаромъ; Арморы—введенію консервированія мясныхъ продуктовъ; Пульманъ и Вестингаузъ—привилегіямъ на чрезвычайно выгодныя изобрѣтенія; Морганъ—смѣлости и обширности банкирскихъ оборотовъ; Карнэги—скупкѣ патентовъ на сталелитейное производство и дальновидности въ выборѣ наиболѣе выгодной для стального дѣла мѣстности; Макэй—долговременной монополіи кабельнаго дѣла между Европой и Америкой; Хиллъ, Станфордъ и Хюнтингтонъ—выгоднымъ контрактамъ по постройкѣ трансконтинентальныхъ дорогъ. Въ спискѣ милліонеровъ штата Нью-Іорка, заключающемъ въ себѣ свыше 2.000 именъ и обнимающемъ значительное большинство крупныхъ американскихъ богачей, я не нахожу почти ни одного связаннаго съ трёстами имени. Все это — или банкиры — Мортонъ, Бельмонтъ, Шиффъ, или крупные поземельные владѣльцы въ городѣ Нью-Іоркѣ—Гоелэ, Мартинъ, Ливингстонъ, или крупные спекуляторы на денежной и товарныхъ биржахъ — Муръ, Харриманъ, Гэтсъ, Лейтеръ, Райянъ, или желѣзнодорожники-строители — Кассатъ, Еркесъ, Плантъ, или купцы — Ванамакеръ, Рисъ, Стюартъ. Успѣшнѣйшимъ организаторомъ трёстовъ послѣдняго десятилѣтія считается Джонъ Пирпонтъ Морганъ; это—очень богатый человѣкъ, но его дѣятельность ограничивается организаціей трёстовъ и помѣщеніемъ ихъ бумажныхъ цѣнностей въ публикѣ, — а своими средствами онъ въ устроенныхъ имъ трёстахъ не участвуетъ совсѣмъ. Доходность громаднаго большинства работающихъ трёстовъ, какъ читатель усмотритъ ниже изъ приводимыхъ мною статистическихъ данныхъ, крайне сомнительна; только очень немногіе выплачиваютъ регулярные дивиденды; вообще, едвали подлежитъ сомнѣнію, что средній процентъ на капиталъ, заключенный въ промышленныхъ трёстахъ, крайне низокъ, и что ихъ успѣшность въ этомъ отношеніи въ дѣйствительности совершенно не соотвѣтствуетъ представленіямъ публики.

Какъ я уже имѣлъ случай изложить выше, американскіе трёсты раздѣляются на абсолютные и временные. Только первые изъ нихъ, представляющіе собою самостоятельныя юридическія единицы и подлежащіе федеральнымъ и штатнымъ требованіямъ

относительно зарегистрованія присяжной ежегодной финансовой отчетности, поддаются болѣе или менѣе систематичной статистикѣ. Вторые, несравненно болѣе многочисленные, представляютъ собою секретныя соглашенія и не поддаются никакимъ изслѣдованіямъ. Пресса и публика обыкновенно только случайно узнаютъ объ ихъ существованіи и функціяхъ, и сколько-нибудь достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ о нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Только сами участники знаютъ правду, и только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, при острыхъ ссорахъ между ними самими, такіе секреты выходятъ на свѣтъ. Я уже много лѣтъ собираю всѣ доступныя статистическія данныя о нашихъ трёстахъ изъ всевозможныхъ источниковъ, тщательно провѣряя ихъ одни другими. Многіе трёсты опаздываютъ съ своими отчетами, и потому что-либо общее можно составить изъ данныхъ только не ближе двухъ лѣтъ тому назадъ, — тѣ цифры, которыя я привожу ниже, относятся къ январю 1904 г.

Хотя желѣзнодорожныя комбинаціи по своей организаціи и не представляютъ трёстовъ абсолютныхъ, избѣгая столкновеній съ закономъ, тѣмъ не менѣе онѣ прочнѣе другихъ и по своей дѣятельности и вліянію на нашу жизнь совершенно съ ними тождественны, и относительно ихъ существуютъ весьма точныя статистическія данныя, такъ какъ всѣ американскія желѣзныя дороги обязаны представлять весьма подробную, строго систематизированную ежегодную отчетность и федеральной Interstate Commerce Commission, и штатнымъ контрольнымъ учрежденіямъ. Несмотря на четверть вѣка упорнѣйшаго законодательнаго противодѣйствія желѣзнодорожной консолидаціи, всякая сколько-нибудь дѣйствительная конкурренція въ американскомъ желѣзнодорожномъ мірѣ совершенно искоренена, и ограничивается большей или меньшей скоростью сообщеній, различіями въ удобствахъ пассажировъ, срочностью грузовъ и т. д.,—цѣна же на одинаковыя разстоянія всюду одинакова. Тѣ времена, когда соперничавшія желѣзныя дороги везли пассажира отъ Нью-Іорка до Чикаго, или отъ Чикаго до Миннеаполиса, или даже отъ Чикаго до Лосъ-Анжелеса, разстояніе въ 3.300 верстъ, за одинъ долларъ, а бочку муки отъ Миннеаполиса до Нью-Іорка за десять центовъ, — прошли безвозвратно. Чрезвычайно поучительно, что въ исторіи желѣзнодорожнаго развитія и тарифовъ Сѣверо-Американскій Союзъ шелъ совершенно по слѣдамъ Англіи, пережилъ тѣ же фазисы и пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. И въ Англіи періодъ 1836 — 1872 годовъ прошелъ въ свирѣпой конкурренціи, въ правительственномъ поощреніи ея и въ за-

тратѣ огромныхъ капиталовъ на постройку параллельныхъ конкуррирующихъ линій. Но уже въ теченіе семидесятыхъ годовъ тѣ нѣсколько сотъ отдѣльныхъ компаній, которыя въ теченіе сороковыхъ годовъ владѣли всего пятью тысячами миль желѣзнодорожныхъ путей, сократились на 12, владѣвшихъ уже 13 тысячами миль, а въ 1904 г. и эти 12 консолидировались въ 6, владѣющихъ 15 тысячами миль. Оказалось, что всякая желѣзнодорожная линія составляетъ сама по себѣ монополію, и что постройка параллельныхъ линій отнюдь не обезпечиваетъ конкурренціи, хотя несомнѣнно сводится въ концѣ концовъ къ безсмысленной потерѣ затраченнаго на ихъ постройку капитала. Совершенно тѣ же фазы и тѣ же явленія были пережиты и американскими желѣзными дорогами, и къ 1-му января 1904 г. онѣ представляли собой слѣдующія немногія комбинаціи:

	Число миль:	Число вошедшихъ въ ея составъ отдѣльныхъ компаній:	Капитализація:
1. Группа Моргана . .	47.206	225	$ 2.265.116.350.00
2. Группа Кассата . . .	19.300	280	$ 1.822.402.335.00
3. Группа Гульда	28.157	185	$ 1.368.877.540.00
4. Группа Харимана . .	22.943	85	$ 1.321.243.711.00
5. Группа Вандербильта.	21.888	132	$ 1.169.196.132.00
6. Группа Мура	25.092	91	$ 1.070.250.939.00
Итого .	164.586	998	$ 9.017.016.907.00

Первая контролируетъ югъ и сѣверо-западъ; вторая — центральный востокъ; третья — центральный западъ; четвертая — тихоокеанское побережье; пятая — сѣверо-востокъ, и шестая — центръ и западъ.

Въ Союзѣ приблизительно 204.000 миль желѣзныхъ дорогъ, съ общей капитализаціей въ 12 билліоновъ долларовъ, — слѣдовательно, внѣ вышеперечисленныхъ шести комбинацій остается всего около 39.500 миль съ капитализаціей около 3 билліоновъ. Изъ нихъ около 15.000 миль связаны такъ или иначе одновременно съ двумя или болѣе изъ предыдущихъ шести крупныхъ группъ,—ихъ еще нельзя причислить къ которой-либо изъ нихъ, но онѣ, тѣмъ не менѣе, не самостоятельны и контролируются ими болѣе или менѣе, и ихъ полное поглощеніе той или другой группой есть только вопросъ самаго короткаго времени—нѣсколькихъ лѣтъ. По самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, послѣ 1-го января 1904 г., 42 компаніи съ капитализаціей въ $ 380.277.000.^{00} уже опредѣленно примкнули къ той или другой, и должны быть причислены къ нимъ. Независимыхъ компаній остается около

300, съ 22.779 милями путей и капитализаціей значительно ниже двухъ билліоновъ. Огромное ихъ большинство—небольшія питательныя вѣтки, имѣющія только мѣстное значеніе, не играющія никакой роли въ опредѣленіи перевозныхъ тарифовъ и находящіяся въ болѣе или менѣе плохомъ и матеріальномъ, и финансовомъ положеніи. Ни одна изъ комбинацій не заинтересована въ ихъ поглощеніи настолько, чтобы принять на себя ихъ денежныя обязательства, слишкомъ тяжелыя при ихъ малой производительности. Онѣ самостоятельны только благодаря или своей изолированности, или своей настоящей невыгодности и преждевременности постройки, вызванной чрезмѣрной спекуляціей того или другого рода.

Хотя вышеприведенное раздѣленіе на группы и представляетъ собою дѣйствительно отдѣльныя владѣнія различныхъ капиталистическихъ комбинацій, тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ, чтобы группы эти были хоть сколько-нибудь антагонистичны одна другой,—напротивъ, всѣ онѣ работаютъ болѣе или менѣе гармонично между собою, а въ цѣлой массѣ отдѣльныхъ случаевъ ихъ интересы вполнѣ тождественны. То время, когда личныя недоразумѣнія и несогласія между владѣльцами или управляющими могли мгновенно вызвать самую разорительную желѣзнодорожную войну, давно прошло. Политика группъ и входящихъ въ ихъ составъ системъ опредѣляется многочленными совѣтами съ взаимнымъ представительствомъ отъ сосѣднихъ группъ и системъ, и все желѣзнодорожное дѣло страны находится, въ сущности, въ рукахъ очень немногихъ лицъ, пользующихся безусловнымъ довѣріемъ заинтересованнаго въ немъ капитала и безапелляціонно рѣшающихъ всѣ встрѣчающіеся вопросы. И, несмотря на это все болѣе и болѣе дѣлающееся безусловно монополистическимъ положеніе желѣзнодорожныхъ дѣлъ въ Союзѣ, цѣны на перевозку пассажиро-мили и тонно-мили неудержимо понижаются съ каждымъ годомъ. Въ этомъ отношеніи современная консолидація желѣзнодорожныхъ линій въ Америкѣ не представляетъ, по моему крайнему разумѣнію, никакой опасности для публики, такъ какъ какія-то невидимыя силы не только удерживаютъ ее отъ поддержанія перевозныхъ тарифовъ, но и непрерывно гонятъ ихъ внизъ. Зато та же консолидація упростила и развила несравненно болѣе острую и чувствительную опасность для публики—тайное неравенство тарифовъ на перевозку товаровъ, создающее и предоставляющее самую дѣйствительную монополію въ пользу отдѣльныхъ лицъ. Такое неравенство вызвало къ жизни и укрѣпило Standard Oil Company, самый успѣшный трѣстъ Аме-

рики, и создало богатства Рокфеллера и его соумышленниковъ— его брата Вильяма, Флаглера, Роджерса, Арчбольта. Самъ по себѣ, при обыкновенныхъ условіяхъ, никакой трѣстъ не опасенъ,— онъ дѣлается вреднымъ для общественнаго благосостоянія только если пользуется исключительными преимуществами, изъ которыхъ главнымъ оказывается тайная скидка за перевозку товара. Теперь, когда вся исторія возникновенія и роста Standard Oil Company возстановлена документально, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что тайныя желѣзнодорожныя скидки были главнымъ факторомъ его баснословнаго успѣха. Безъ нихъ онъ былъ бы немыслимъ. Его преслѣдовали много лѣтъ, упорно и свирѣпо, но не въ томъ направленіи, которое создавало его силу и въ которомъ онъ и былъ уязвимъ. И правительство, и общественное мнѣніе требовали и поощряли желѣзнодорожную конкурренцію, и она-то, стремясь во что бы то ни стало захватить грузы такого крупнаго грузоотправителя, какимъ былъ Standard Oil Co., и создала ему его главный рычагъ для монополіи. Консолидація желѣзныхъ дорогъ уничтожаетъ такую конкурренцію; а такъ какъ она безсильна поднимать тарифы, то слѣдуетъ только лишить ее возможности дѣлать тайныя скидки, которыя, особенно при контролѣ консолидаціей сквозныхъ тарифовъ на дальнія разстоянія, и представляютъ собою корень зла. И только въ самое послѣднее время и правительство, и общественное мнѣніе сообразили все это. Билль Хенбурна касательно федеральнаго регулированія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, изъ-за котораго волнуется вся страна и президентъ Рузевельтъ воюетъ теперь съ федеральнымъ сенатомъ, направленъ именно противъ возможности произвольнаго, пристрастнаго пониженія тарифовъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ, а уже не противъ консолидаціи желѣзныхъ дорогъ, которая безмолвно признана и благодѣтельной, и неизбѣжной. Такъ-то, съ теченіемъ времени, разрушаются предубѣжденія, долгое время считавшіяся всей націей аксіомами.

Процессъ консолидаціи американскихъ желѣзныхъ дорогъ находится уже въ его конечномъ періодѣ, и, по всѣмъ видимостямъ, недалекъ тотъ моментъ, когда все управленіе ими будетъ находиться фактически въ однѣхъ рукахъ. Несмотря на это, рыночная стоимость и доходность ихъ бумажныхъ цѣнностей нисколько не повышаются въ общемъ и подвержены сильнѣйшимъ колебаніямъ [1]). Общая ихъ капитализація въ 12 билліоновъ дол-

[1]) См. мою статью: „Спекулятивная сатурналія въ С.-А. С. Штатахъ“—„Вѣстникъ Европы“, ноябрь 1903 г.

ларовъ раздѣлена, приблизительно, поровну между облигаціями и акціями, и далеко не всѣ дороги способны оплачивать проценты по облигаціямъ,—акціи же въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно бездоходны. Только дороги группъ Вандербильта и Кассата стоятъ на болѣе или менѣе прочномъ финансовомъ основаніи; всѣ остальныя, съ самыми незначительными исключеніями, все еще время отъ времени находятся вынужденными увеличивать свою задолженность. Можно утверждать, не обинуясь, что отъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ до сихъ поръ наживались и наживаются ихъ организаторы и строители, управляющіе и подрядчики, а не ихъ владѣльцы-акціонеры. Только желѣзныя дороги небольшой, сравнительно, территоріи между верхнимъ Атлантическимъ побережьемъ и Аллеганскими горами и озерами Эри и Онтаріо выбрались на торный путь финансоваго успѣха, и то почти исключительно благодаря хозяйственной разсчетливости и дальновидности четырехъ поколѣній подрядъ семьи Вандербильтовъ. Все остальное—не что̀ иное, какъ обремененная огромными долгами бездоходная спекулятивная собственность, весьма чувствительная ко всякимъ случайностямъ и въ особенности подверженная финансовымъ паникамъ. Ея дѣйствительные хозяева—не акціонеры, затратившіе свои капиталы на ихъ постройку, и не мѣстные въ районахъ ихъ работы люди, а дѣльцы-воротилы нью-іоркскаго денежнаго міра, у которыхъ нѣтъ ни умѣнья, ни охоты, ни интереса заниматься систематичной созидательной работой, а есть только спекулятивные инстинкты биржевыхъ хищниковъ.

Ни одна отрасль промышленности не доставила такъ много законодательной работы и федеральному, и штатнымъ правительствамъ, какъ желѣзнодорожное дѣло. Законодательство это пыталось и остановить, и задержать процессъ консолидаціи, и регулировать тарифы пассажирскіе и торговые, и подчинить правительственной регламентаціи разныя детали эксплоатаціи. Было время, когда лучшіе люди страны надѣялись подчинить желѣзныя дороги правительственному контролю, отнять у нихъ возможность пристрастно господствовать надъ обслуживаемою ими территоріей и создавать монополіи, оставивъ ихъ въ частномъ владѣніи. Опытъ цѣлаго полустолѣтія разочаровалъ ихъ въ этихъ надеждахъ. Хотя президентъ Рузевельтъ все еще обѣщаетъ лучшее будущее при посредствѣ законодательства, серьезные люди перестали вѣрить возможности какого-либо существеннаго улучшенія этимъ путемъ безъ перемѣны всѣхъ основъ, считаютъ его въ лучшемъ случаѣ ничтожнымъ палліативомъ и все чаще и

чаще обращаются къ государственному владѣнію путями сообщенія, какъ единственно дѣйствительному выходу. Я думаю однако, что, при обычномъ теченіи дѣлъ, безъ примѣненія революціонныхъ методовъ къ современнымъ политико-экономическимъ основамъ, пройдетъ еще очень много времени, прежде чѣмъ такое владѣніе можетъ быть осуществлено, если оно вообще достижимо. Къ этому выводу меня приводитъ та медленность, съ которой распространяется въ Америкѣ идея муниципальнаго владѣнія разными жизненными необходимостями, вродѣ городскихъ трамваевъ, снабженія городовъ и общинъ водой, электричествомъ, газомъ. Идея муниципальнаго владѣнія,—гораздо легче осуществимаго на практикѣ, чѣмъ владѣніе государственное, такъ какъ она охватываетъ только чисто мѣстные, строго ограниченные интересы,—появилась въ Америкѣ очень давно, но, несмотря на массу успѣшныхъ европейскихъ примѣровъ, прививается очень туго и до сихъ поръ находится въ экспериментальномъ состояніи. Одни города принимаютъ ее въ разныхъ отрасляхъ своего хозяйства, другіе покидаютъ ее послѣ неудачныхъ опытовъ и переходятъ опять къ частному владѣнію, несмотря на то, что въ этой отрасли консолидація отдѣльныхъ предпріятій въ однѣхъ рукахъ очевидно образуетъ безусловную монополію. Какъ я выдѣлилъ желѣзныя дороги изъ обыкновенныхъ промышленныхъ трёстовъ, такъ я выдѣляю и тѣ, которымъ для ихъ существованія необходимы спеціальныя хартіи для права отчужденія путей для прокладки проволокъ (компаніи телеграфныя, телефонныя, электрическія силы и освѣщенія), рельсовъ (трамваи и всякія городскія желѣзныя дороги, возвышенныя, электрическія, кабельныя и т. д.), трубъ (компаніи водопроводныя, газопроводныя, паропроводныя) и т. п. Эти отрасли, кромѣ хартій штатныхъ, должны имѣть и спеціальныя городскія, и, повидимому, могли бы быть и должны бы быть регулированы въ ихъ дѣятельности болѣе успѣшно, чѣмъ трёсты общіе. Въ дѣйствительности же это совершенно не достигается, и отличаются они отъ обыкновенныхъ трёстовъ только бо́льшей мѣстной публичностью своихъ конституцій и доступностью своей отчетности. Зато отчетность эта, не подлежа федеральной юрисдикціи, такъ разбросана по мелкимъ, чисто мѣстнымъ газетамъ, что добыть сколько-нибудь полныя свѣдѣнія о ней по всему Союзу очень трудно, и, несмотря на то, что такихъ комбинацій очень много, у меня подъ рукой находятся документы только относительно 111 изъ нихъ, представляющихъ собою консолидацію 1.336 отдѣльныхъ предпріятій, съ капитализаціей въ 3.735.456.071$^{00}_{-}$.

О многихъ крупныхъ городахъ совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, въ другихъ имѣются свѣдѣнія только о нѣкоторыхъ отрасляхъ. Вообще эти цифры едвали включаютъ половину всѣхъ подобныхъ комбинацій.

Переходя затѣмъ къ обыкновеннымъ промышленнымъ трёстамъ, я имѣю полныя свѣдѣнія о 318 изъ нихъ, представляющихъ собою консолидацію 5.288 отдѣльныхъ предпріятій, съ капитализаціей въ $ 7.246.342.533.^{00}.

Сводя общій итогъ трёстамъ желѣзнодорожнымъ, хартійнымъ и обыкновеннымъ промышленнымъ, получаются слѣдующія цифры:

Число трестовъ:	Число отдѣльныхъ въ нихъ предпріятій:	Капитализація:
6 желѣзнодорожныхъ	1.140	$ 9.397.363.907.00.
111 хартійныхъ	1.336	$ 3.735.456.071.00.
318 промышленныхъ	5.288	$ 5.246.342.533.00.
435	7.664	$ 20.379.162.511.00.

Кромѣ того, у меня имѣются свѣдѣнія о 35 промышленныхъ трёстахъ, съ капитализаціей въ $ 602.579.600^{00}, юридически организованныхъ, но, по разнымъ причинамъ, или еще не работающимъ, или уже находящимся въ процессѣ распаденія и реорганизаціи.

Главный упрекъ, который дѣлаетъ наша пресса организаторамъ трёстовъ, это—дутость ихъ капитализаціи, во много разъ, якобы, превосходящая дѣйствительную стоимость предпріятій и разсчитанная на то, чтобы придать ихъ бумажнымъ цѣнностямъ непринадлежащую имъ стоимость только благодаря предполагаемой монопольности ихъ характера. Другими словами, извѣстная, весьма значительная часть ихъ стоимости представляется не дѣйствительнымъ имуществомъ, а фикціей, состоящей въ объединеніи производства и контролѣ цѣнъ на его продукты, и ожидаемомъ соотвѣтственно этому увеличеніи дивидендовъ. Газетная война противъ этой дутости капитализаціи постоянна и по временамъ просто свирѣпа, а денежный рынокъ и покупающая бумажныя цѣнности трёстовъ публика крайне чувствительны къ ней, но дѣйствительное положеніе дѣлъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ этимъ обвиненіямъ. Нью-іоркскій „Wall Street Journal“, газета очень консервативная, осторожная и отлично знакомая съ дѣломъ, въ нумерѣ отъ 24 октября 1903 года, посвящаетъ ему большую статью и даетъ цѣны на нью-іоркской биржѣ ста наиболѣе активныхъ промышленныхъ трёстовъ за предшествовавшее трехлѣтіе, активныхъ въ смыслѣ постояннаго и болѣе или менѣе остраго спроса и предложенія ихъ бумагъ на рынкѣ. Капита-

лизація этихъ ста трёстовъ представляетъ собою сумму въ $ 3.693.410.837$^{00}_{--}$; высшая ихъ общая стоимость на биржѣ доходила за этотъ періодъ времени до $ 4.090.047.450$^{00}_{--}$; низшая—опускалась до $ 2.336.078.657$^{00}_{--}$. Разница въ стоимости въ $ 1.753.959.793$^{00}_{--}$, или въ 43,4% Низшая представляетъ собою дни финансоваго кризиса, высшая—процвѣтаніе всѣхъ дѣлъ въ странѣ. Слѣдовательно, средняя ихъ стоимость за наличныя деньги представляла собой сумму въ $ 3.213.067.553$^{00}_{--}$, только приблизительно на 13% ниже номинальной. Газета прибавляетъ, что и эта разница гораздо выше дѣйствительной общей,—капитализація всѣхъ промышленныхъ трёстовъ того времени достигала суммы въ 8 билліоновъ, и бумажныя цѣнности остальныхъ, около $4^1/_3$ билліоновъ, не вошедшихъ въ число разсмотрѣнныхъ ею ста изъ нихъ, гораздо устойчивѣе и стоятъ относительно гораздо выше, чѣмъ эти сто, такъ какъ находятся въ солидныхъ рукахъ и не такъ чувствительны къ излишествамъ биржевой спекуляціи.

Разсматривая внимательно эти списки и колебанія бумажныхъ цѣнностей промышленныхъ трёстовъ, я пришелъ къ тому заключенію, что общаго обвиненія въ дутости капитализаціи къ нимъ предъявить отнюдь нельзя, и что въ этомъ отношеніи промышленные трёсты должны быть раздѣлены, по меньшей мѣрѣ, на два класса. Тѣ изъ нихъ, которые организованы благодаря неумолимымъ требованіямъ всего современнаго промышленнаго строя, и управленіе которыми остается въ рукахъ бывшихъ владѣльцевъ вошедшихъ въ нихъ отдѣльныхъ предпріятій, непосредственно заинтересованныхъ въ ихъ благосостояніи, обыкновенно капитализированы болѣе или менѣе консервативно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и гораздо ниже дѣйствительной стоимости ихъ собственности. Это чисто дѣловыя предпріятія, хотя и въ бо́льшемъ масштабѣ, но подлежащія обычнымъ дѣловымъ требованіямъ для всякаго предпріятія. Биржевая спекуляція имъ чужда, а дутая капитализація прямо невыгодна, такъ какъ неизбѣжно вноситъ въ дѣло лишнія осложненія и затрудненія, требующія частыхъ и щекотливыхъ объясненій и передъ акціонерами, и передъ публикой. Тѣ же, которые организованы спекуляторами-спеціалистами, заинтересованными въ нихъ только какъ организаторы, относящіеся совершенно безразлично къ ихъ будущности и стремящіеся только къ тому, чтобы быстро нажиться на этой организаціи, а затѣмъ свалить все дѣло на плечи довѣрчивой публики, всегда капитализированы слишкомъ высоко и представляютъ собою не что́ иное, какъ дутый мыльный пузырь, съ

самаго основанія не имѣющій ни малѣйшаго шанса не только на успѣшное, но и на сколько-нибудь долгое существованіе. Страсть къ легкой наживѣ и къ спекулятивной горячкѣ, такъ присущая всему американскому народу, сдѣлала изъ организаціи трёстовъ новый и очень обильный источникъ къ возможно быстрому обогащенію и привила и къ этому дѣлу всевозможные эксцессы. Я думаю, что этотъ фактъ въ самой значительной степени затрудняетъ достиженіе правильныхъ выводовъ относительно трёстовъ вообще; — дѣло настолько ново, находится еще на такой экспериментальной ступени развитія и такъ затемнено всяческими спекулятивными крайностями, возможными и осуществленными именно благодаря недостатку сколько-нибудь точныхъ и основательныхъ теоретическихъ познаній, что время сдѣлать ему серьезную и всестороннюю оцѣнку еще далеко не наступило.

Вышеприведенный списокъ американскихъ трёстовъ далеко не полонъ. Только желѣзнодорожные входятъ полностью,—остальные ограничиваются тѣми, о которыхъ имѣются достовѣрныя оффиціальныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, въ число хартійныхъ не входитъ огромный трёстъ уличныхъ желѣзныхъ дорогъ нашего города, Лосъ-Анжелеса, такъ какъ онъ организованъ по новому методу, только-что начавшему входить въ употребленіе и заключающемуся въ томъ, что всѣ уже существующія бумажныя цѣнности консолидируемыхъ предпріятій переводятся на имя особаго совѣта, составленнаго изъ представительства отъ этихъ предпріятій съ правомъ голоса сообразно ихъ оцѣнкѣ по соглашенію участниковъ, и трёстъ управляется этимъ совѣтомъ безъ спеціальной юридической организаціи и выпуска новыхъ бумагъ. Всѣ цѣли абсолютныхъ трёстовъ, въ томъ числѣ и прочность, вполнѣ достигаются этимъ методомъ, но въ то же время избавляютъ его отъ возможности правительственнаго преслѣдованія или чьего-либо вмѣшательства въ отчетность, такъ какъ хартія ненужна и вся документальная сторона дѣла остается и неуязвимой, и секретной. Такія организаціи называются security holding company, т.-е. компаніями, учрежденными для владѣнія бумажными цѣнностями, и своимъ успѣшнымъ существованіемъ вполнѣ доказываютъ несостоятельность какого-либо законодательства противъ промышленной да и всякой другой консолидаціи.

Не подлежатъ ни статистикѣ, ни какимъ-либо оффиціальнымъ разслѣдованіямъ и трёсты торговые. Этимъ именемъ должны быть названы современные department stores, магазины, объединившіе подъ одной кровлей всевозможныя отрасли торговли. Магазины эти, съ роскошнѣйшими помѣщеніями, огромными ка-

питалами и обширнѣйшими коммерческими связями во всемъ мірѣ, все больше и больше вытѣсняютъ мелкаго купца-спеціалиста въ одномъ какомъ-либо сортѣ товара. Они продаютъ товаръ дешевле, даютъ лучшій выборъ и окружаютъ покупателя такими удобствами, какихъ не можетъ дать мелкій торговецъ.

V.

Я дамъ теперь краткое описаніе нѣкоторыхъ особенно выдающихся американскихъ трѣстовъ.

Телефонный трѣстъ—American Telephone and Telegraph Company—заключаетъ въ себѣ 36 меньшихъ консолидацій и отдѣльныхъ предпріятій, и капитализированъ въ $ 391.826.500^{00}.

Александръ Грэгамъ Беллъ получилъ свою первую привилегію на телефонный инструментъ 7-го марта 1876 года, и въ первомъ годовомъ отчетѣ организованной имъ American Bell Telephone Company показано въ дѣйствіи за 1881 годъ всего 408 центральныхъ аппаратовъ съ 132.000 инструментами. Теперь оперируется въ Союзѣ непосредственно телефоннымъ трѣстомъ свыше 4.000.000, да находящимися отъ него въ зависимости отдѣльными компаніями около 2.000.000 инструментовъ. Телефонный трѣстъ реорганизовался нѣсколько разъ, соотвѣтственно измѣненіямъ практики телефоннаго дѣла въ странѣ, при всякой реорганизаціи значительно увеличивая свою капитализацію, пока она не достигла вышеприведенныхъ размѣровъ. Сначала онъ продавалъ независимымъ мѣстнымъ компаніямъ право на пользованіе инструментами за извѣстную ежегодную плату съ каждаго, и не заботился объ увеличеніи собственнаго района дѣйствій, предпочитая вѣрный доходъ риску затраты капитала на открытіе новыхъ предпріятій. Когда было изобрѣтено и начало быстро распространяться говореніе въ телефонъ на дальнихъ разстояніяхъ, мелкія мѣстныя компаніи были вынуждены значительной цѣнностью постройки длинныхъ линій къ консолидаціи, и консолидація эта пошла чрезвычайно быстро. Дабы не дать основаться возможнымъ серьезнымъ соперникамъ въ будущемъ, когда привилегіямъ наступитъ срокъ, телефонный трѣстъ сначала вынужденъ былъ принять участіе въ этой консолидаціи, а затѣмъ и руководить ею,—и въ результатѣ въ его рукахъ оказывается теперь 65% всего телефоннаго дѣла въ странѣ, и процентъ этотъ ростетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ вытѣсненія независимыхъ компаній, которыя онъ скупаетъ. Едвали под-

лежитъ сомнѣнію, что въ близкомъ будущемъ онъ поглотитъ все независимое и будетъ пользоваться безусловной монополіей, пока не будетъ изобрѣтено что-нибудь болѣе совершенное, дешевое и удобное. До 1891 года телефонный трёстъ выплачивалъ 18% дивиденда на свою капитализацію, затѣмъ спустилъ его до 15%, а въ 1900 г.—и до 7½. Онъ всецѣло обязанъ своимъ успѣхомъ своей привилегіи.

Телеграфный трёстъ—Western Union Telegraph Company—заключаетъ въ себѣ около 25 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ $ 121.874.000⁰⁰. Первоначальная компанія была организована еще въ 1851 году, но быстрый ея ростъ начался только въ шестидесятыхъ годахъ, и уже къ 1881 году она успѣла поглотить всѣ конкуррировавшія линіи. Успѣхъ телеграфнаго трёста слѣдуетъ приписать его исключительнымъ контрактамъ съ желѣзными дорогами, доставившими ему возможность болѣе дешевой эксплоатаціи, чѣмъ та, къ которой прибѣгли его соперники. Въ 1870 г. онъ владѣлъ 112 тысячами миль проволоки при 4.000 конторъ, и средняя цѣна на телеграмму въ Союзѣ была 75 центовъ. Въ 1880 г. онъ владѣлъ уже 9.000 конторъ и 223 тысячами миль проволоки, при средней цѣнѣ телеграммы въ 38,5 центовъ. Въ 1890 г.—19.000 конторъ съ 670.000 миль проволоки, при средней цѣнѣ телеграммы въ 32,4 цента, а въ 1903 г.—23.000 конторъ съ 1.100.000 миль проволоки, при средней цѣнѣ телеграммы въ 31.4 цента. Валовой ея доходъ въ этомъ году достигъ 29 милліоновъ долларовъ, а чистый—8. Его бумаги стоятъ на биржѣ нѣсколько ниже ихъ номинальной стоимости. За все время своего существованія онъ платилъ 5% на свою капитализацію. Послѣднія двадцать лѣтъ онъ контролируется семьей Гульда. За послѣднее десятилѣтіе, по мѣрѣ того какъ оканчивались сроки его контрактовъ съ желѣзными дорогами, у него успѣлъ вырости чрезвычайно серьезный соперникъ—Postal Telegraph-Cable Company, контролируемый Макэемъ,—но острой борьбы между ними нѣтъ, и цѣны на телеграммы одинаковы.

Табачный трёстъ—Consolidated Tobacco Company—заключаетъ въ себѣ около 150 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ $ 502.915.700⁰⁰. Рыночная стоимость этихъ бумагъ значительно превосходитъ номинальную, и его акціи за все время его существованія приносили отъ 10 до 20% дивиденда. Начало этому трёсту было положено въ 1890 году консолидаціей 8 крупнѣйшихъ въ то время табачныхъ предпріятій Союза, и съ тѣхъ поръ его исторія состоитъ въ сплошной и свирѣпой,

но всегда успѣшной борьбѣ и съ конкурренціей, и съ законодательствомъ. Въ табачномъ дѣлѣ нѣтъ и не можетъ быть какихъ-либо ему одному присущихъ элементовъ монополіи — оно открыто вездѣ и каждому; — тѣмъ удивительнѣе его блестящій финансовый успѣхъ и его сила, и тѣмъ болѣе его исторія заставляетъ призадуматься безпристрастнаго наблюдателя относительно правильности и цѣлесообразности какихъ-либо общихъ выводовъ по поводу современной консолидаціи промышленныхъ предпріятій. Въ настоящій моментъ табачный трёстъ контролируетъ свыше 90% всего табачнаго дѣла въ Союзѣ, и отъ 40 до 60% табачнаго дѣла во всемъ остальномъ мірѣ, хотя онъ не располагаетъ никакими осязательными спеціальными преимуществами, вродѣ привилегій или тайныхъ скидокъ на перевозку его товаровъ. Онъ, послѣ самой свирѣпой войны, охватилъ все табачное дѣло Великобританіи съ ея колоніями, отчасти Германіи, Россіи, Мексики, Японіи, острова Кубы. Онъ и владѣетъ обширнѣйшими и лучшими табачными плантаціями въ разныхъ мѣстностяхъ, и выработываетъ всѣ сорта табака: курительнаго, жвачки, нюхательнаго, сигаръ и папиросъ, и быстро подвигается къ полному контролю табачной торговли во всемъ мірѣ. Основалъ этотъ трёстъ нѣкто Джэмсъ В. Дюкъ, но въ его послѣдовательномъ развитіи и успѣхѣ приняла непосредственное участіе цѣлая масса лицъ, и онъ отличается рѣзко отъ всѣхъ остальныхъ крупныхъ американскихъ трёстовъ тѣмъ, что съ нимъ не связано одного какого-либо выдающагося имени, каковы, напримѣръ, Беллъ въ телефонномъ, Рокфеллеръ въ нефтяномъ, Морганъ въ стальномъ. Онъ выросъ постепенно, но очень быстро, и съ каждымъ годомъ поглощаетъ все большее и большее число отдѣльныхъ предпріятій, будучи руководимъ въ этой работѣ не отдѣльной личностью, а соединенными усиліями весьма многочленнаго директората, постоянно пополняемаго новыми силами.

Нефтяной трёстъ — Standard Oil Company. Это старшій, самый успѣшный и самый богатый трёстъ въ Америкѣ. Нельзя подсчитать числа поглощенныхъ имъ за сорокъ лѣтъ его существованія отдѣльныхъ предпріятій. Его капитализація въ 1904 г. не превышала $ 97.500.000$^{00}_{--}$, но рыночная стоимость этихъ бумажныхъ цѣнностей достигаетъ почти до $ 700.000.000$^{00}_{--}$, и ежегодные дивиденды на эту капитализацію за послѣднія двадцать лѣтъ простирались отъ 60 до 80 милліоновъ долларовъ въ годъ. Это самое доходное и самое выгодное дѣло въ мірѣ. Нефтяной трёстъ теперь контролируетъ безусловно около 85% всего нефтяного дѣла въ Союзѣ, серьезно вліяя и на осталь-

ные 15%, и держитъ въ своихъ рукахъ свыше 90% всего экспорта заграницу. Единственнымъ его серьезнымъ соперникомъ на всемірномъ рынкѣ могла бы быть Россія съ ея гораздо болѣе богатыми, чѣмъ американскіе, кавказскими нефтяными залежами,— но, по всѣмъ видимостямъ, контролирующіе эти источники элементы мирно подѣлили съ американскимъ нефтянымъ трёстомъ этотъ рынокъ, и ихъ современная торговая политика идетъ рука объ руку.

Standard Oil Company былъ основанъ въ 1867 г. Джономъ Д. Рокфеллеромъ съ полдюжиной товарищей и находится всецѣло въ ихъ же рукахъ и въ настоящій моментъ, сдѣлавъ изъ нихъ за этотъ періодъ времени богатѣйшихъ частныхъ людей всего міра. Дѣятельность и методъ этого трёста, по своей систематичности, жестокости и безпринципности, совершенно исключительны во всей дѣловой исторіи Америки, и несомнѣнно сыграли главную роль въ оцѣнкѣ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ трёстовъ вообще. Трёсты, эта въ дѣйствительности неизбѣжная и совершенно логическая фаза политико-экономической эволюціи, сдѣлались предметомъ острой ненависти въ глазахъ народныхъ массъ именно благодаря яркости и назойливости феноменальнаго успѣха Standard Oil Company. Трезвое и безпристрастное къ нимъ отношеніе сдѣлалось на долгое время невозможнымъ, такъ какъ главный и повсюду распространенный ихъ представитель и, по всѣмъ видимостямъ, прототипъ дѣйствительно совмѣщаетъ въ себѣ, и самымъ очевиднымъ образомъ, всѣ ихъ наиболѣе несимпатичныя и вредныя для общаго благосостоянія стороны. Это крайность во всѣхъ отношеніяхъ, крайность самая возмутительная, и въ то же время оказавшаяся абсолютно неуязвимой. Всѣ мѣры, частныя, общественныя, штатныя и государственныя, до сихъ поръ принимавшіяся и принимаемыя по всему Союзу, оказались безусловно тщетными—весь американскій народъ упорно и свирѣпо борется съ полдюжиной дѣльцовъ вотъ уже сорокъ лѣтъ, а ихъ дѣло ростетъ неудержимо и ихъ барыши увеличиваются съ каждымъ годомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Standard Oil Company, какъ учрежденіе, и Джонъ Рокфеллеръ, какъ человѣкъ, представляютъ собою трёстъ и лицо, наиболѣе ненавидимые во всемъ Союзѣ; жизнь послѣдняго находится въ постоянной опасности; говорятъ, что личная охрана обходится ему въ цѣлый милліонъ долларовъ въ годъ.

Въ исключительномъ по своимъ размѣрамъ успѣхѣ Standard Oil Company сыграли главную роль два фактора: во-первыхъ, преступныя въ его пользу сдѣлки со стороны желѣзныхъ дорогъ;

во-вторыхъ, изумительная, изъ ряду вонъ выходящая, энергія, изощренность и изворотливость Рокфеллера и небольшой кучки его соработниковъ. Въ Америкѣ нѣтъ ни одного учрежденія, общественнаго или частнаго, исторія котораго была бы такъ подробно, такъ всесторонне разработана и опубликована, какъ исторія нефтяного трёста, и эта исторія съ начала до конца полна неустанной борьбой, искуснѣйшими подвохами, всевозможными правонарушеніями, дабы такъ или иначе достичь цѣли—полученія исключительныхъ преимуществъ по перевозкѣ и искорененію конкурренціи. Противники нефтяного трёста съ теченіемъ времени, такъ или иначе, но добивались раскрытія его секретовъ и тайныхъ соглашеній,—однако всегда настолько поздно, что трёстъ успѣвалъ достичь своихъ цѣлей, и уже переходилъ къ другимъ методамъ. Не было времени, чтобъ у Standard Oil Company не было на рукахъ десятковъ и даже сотенъ уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ и тяжбъ,—нѣтъ такого способа торговой пронырливости, коммерческихъ ухищреній, къ которымъ бы не прибѣгалъ онъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, раньше или позже. Нефтяной трёстъ разорилъ тысячи людей, такъ или иначе ему противодѣйствовавшихъ, проституировалъ и легислатуры, и суды, и исполнительныхъ чиновъ, и все общество. Его служащіе и рабочіе—а ихъ больше двухсотъ тысячъ человѣкъ по всему Союзу—обезличиваются, отъ нихъ требуются безусловное повиновеніе, готовность на всякое преступленіе. Онъ платитъ имъ хорошія деньги, обезпечиваетъ имъ содержаніе значительно выше обычнаго въ тѣхъ же должностяхъ, но и порабощаетъ ихъ личность и ихъ совѣсть окончательно. Поступая на службу Standard Oil Company, человѣкъ долженъ проститься со своей самостоятельностью и сдѣлаться слѣпымъ исполнителемъ какихъ бы то ни было предначертаній его воротилъ.

Создавъ себѣ сначала искусственную монополію, благодаря тайнымъ скидкамъ со стороны желѣзныхъ дорогъ на перевозку его товаровъ [1]), скидкамъ, долгое время исключавшимъ возможность успѣшной конкурренціи, нефтяной трёстъ затѣмъ обратился къ проложенію собственныхъ трубъ для дальнѣйшаго удешевленія перевозки, и, затративъ на ихъ сооруженіе огромныя деньги, пріобрѣлъ съ теченіемъ времени такія исключительныя преимущества, что сколько-нибудь серьезная торговая борьба съ нимъ сдѣлалась слишкомъ рискованною. Борясь непрерывно сорокъ

[1]) Товаровъ громоздкихъ, тяжелыхъ и дешевыхъ, цѣнность которыхъ, особенно на дальнихъ разстояніяхъ, заключается главнымъ образомъ въ стоимости перевозки.

лѣтъ, онъ истощилъ и энергію, и средства цѣлыхъ тысячъ соперниковъ, и сдѣлалъ безплодными усилія длиннаго ряда законодательныхъ противъ него мѣропріятій. Въ борьбѣ съ этимъ своимъ послѣднимъ дѣтищемъ вся Америка оказывается покуда совершенно безсильной.

Баснословное, не поддающееся хоть сколько-нибудь опредѣленнымъ вычисленіямъ, богатство Рокфеллера и его сообщниковъ оказываетъ все болѣе и болѣе замѣтное вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ Союзѣ. Большинство желѣзнодорожныхъ комбинацій, включая группы Моргана, Гульда и Кассата, въ дѣйствительности, вѣроятно, вполнѣ подлежитъ его контролю. Онъ же господствуетъ и въ стальномъ, мѣдномъ и свинцовомъ трёстахъ, и въ большинствѣ крупныхъ кредитныхъ учрежденій города Нью-Іорка.

Стальной трёстъ—United States Steel Corporation—организованъ въ 1901 году, заключаетъ въ себѣ около 785 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ $ 1.370.000.000$^{00}_{--}$. Онъ владѣетъ и огромными пространствами богатѣйшей въ Союзѣ желѣзной руды, и обширными каменноугольными и известковыми площадями, и цѣлымъ флотомъ пароходовъ на великихъ озерахъ, и многими значительными желѣзнодорожными линіями, и нѣсколькими стами стальныхъ заводовъ всякаго сорта и наименованія. Рыночная стоимость его бумагъ подвержена сильнымъ колебаніямъ и никогда не достигала номинальной—ея maximum'омъ былъ итогъ въ $ 1.265.000.000$^{00}_{--}$, minimum спускался до $ 700.000.000$^{00}_{--}$. Доходность стального трёста еще не успѣла установиться,—до сихъ поръ она опредѣлялась отъ 70 до 130 м. въ годъ, но уходила почти цѣликомъ на скупку другихъ стальныхъ предпріятій, не вошедшихъ въ трёстъ при его организаціи, и на улучшеніе, такъ что дивиденды были ничтожны. Дѣйствительная стоимость владѣемой имъ собственности до сихъ поръ служитъ пищей сильнымъ спорамъ. Тогда какъ скептики опредѣляютъ ее не болѣе какъ въ $ 300.000.000$^{00}_{--}$, промышленные оптимисты оцѣниваютъ ее въ $1^1/_2$ билліона и даже болѣе. Эта огромная разница въ оцѣнкѣ происходитъ отъ различія взглядовъ на стоимость принадлежащихъ трёсту рудъ. Его организаторы утверждаютъ, что руды эти составляютъ около 75% всѣхъ имѣющихся на континентѣ Сѣверной Америки, и что континентъ этотъ уже изслѣдованъ настолько, что никакихъ новыхъ сколько-нибудь существенныхъ открытій быть не можетъ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ въ рукахъ трёста будетъ находиться почти абсолютная монополія всѣхъ источниковъ стали. Оппоненты же возражаютъ, что ничего подобнаго не существуетъ,

что новыя залежи руды открываются ежегодно, и что всякая возможность монополіи въ этомъ направленіи—не что иное, какъ праздная мечта. Кто изъ нихъ правъ—разрѣшитъ только будущее, и я нарочно упомянулъ объ этомъ спорѣ, дабы уяснить, почему капитализація многихъ трѣстовъ по самой силѣ вещей можетъ и будетъ считаться и произвольной, и дутой:—основанія къ ней во многихъ случаяхъ также спорны и неопредѣленны. Достаточно сравнить вышеприведенныя цифры относительно бумажныхъ цѣнностей стальнаго и нефтянаго трѣстовъ, чтобы усмотрѣть, что какіе-либо общіе выводы въ этомъ отношеніи невозможны. Тогда какъ капитализація перваго превосходитъ второй въ 14 разъ, ихъ рыночная стоимость почти одинакова.

Утверждаютъ, что организація стальнаго трѣста была вызвана главнымъ образомъ европейской, преимущественно нѣмецкой и англійской, конкурренціей на всемірномъ стальномъ рынкѣ. То, что она встрѣтила у себя дома гораздо меньше противодѣйствія, чѣмъ другіе трѣсты, объясняется стремленіемъ къ установленію болѣе прочныхъ цѣнъ на стальныя издѣлія. Огромный ростъ стальнаго дѣла въ Америкѣ за послѣднюю четверть вѣка сдѣлалъ сталь однимъ изъ излюбленныхъ предметовъ нью-іоркской биржевой спекуляціи и вызвалъ сильныя колебанія цѣнъ на нее, колебанія острыя и часто совершенно неожиданныя и необъяснимыя дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, вызывавшія быстрое обогащеніе однихъ и разореніе другихъ—и въ то же время сильно затруднявшія взятіе какихъ-либо подрядовъ на сколько-нибудь отдаленное будущее. Трѣстъ дѣйствительно упрочилъ цѣны, не поднявъ ихъ.

Исторія организаціи стальнаго трѣста существенно отличается отъ всѣхъ другихъ въ томъ отношеніи, что онъ не выросъ постепенно, а образовался цѣликомъ сразу. Организація эта, по громадности, разнообразію и множеству вошедшихъ въ нее отдѣльныхъ предпріятій и по итогу капитализаціи представляла собою особенныя трудности и долго считалась недостижимою. Потребовались замѣчательныя организаторскія способности Джона Пирпонта Моргана и его вліяніе на всѣ американскія денежныя и промышленныя сферы, дабы довести ее до конца. Въ числѣ современныхъ американскихъ дѣльцовъ Морганъ занимаетъ единственное мѣсто,—равныхъ ему по смѣлости и находчивости людей у насъ нѣтъ. Онъ, какъ и Рокфеллеръ, стоитъ самъ по себѣ, внѣ сравненій, и о нихъ у насъ говорятъ и пишутъ за послѣднее время болѣше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, не исключая и президента Рузевельта.

Управленіе стальнымъ трёстомъ чрезвычайно своеобразно. По своей организаціи онъ принадлежитъ отчасти къ типу security holding companies,—о которыхъ я говорилъ выше,—отчасти къ абсолютнымъ трёстамъ, и добровольно публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе частые и очень подробные отчеты о всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности. Такая необычная откровенность успокаиваетъ общественное мнѣніе, и оно относится къ стальному трёсту существенно мягче, чѣмъ къ трёстамъ вообще. Дѣятельность различныхъ собственностей и заводовъ стального трёста не сведена къ одному знаменателю,—напротивъ, имъ предоставлена довольно широкая самостоятельность. Обобщены только производство и доставка сырыхъ матеріаловъ и продажа издѣлій, техника же дѣла и мѣстныя дѣла—вродѣ рабочаго вопроса—предоставлены вполнѣ самодѣятельности заводскихъ властей. Стальной трёстъ—не абсолютная монархія, управляемая неограниченно центральнымъ управленіемъ, какъ Standard Oil Company или табачный трёстъ, а федеральная республика, члены которой, отдѣльные заводы, подчинены центральному совѣту только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ общность управленія желательна и выгодна для цѣлаго. Рѣзко разграничены власти законодательная и исполнительная. До сихъ поръ дѣла стального трёста, повидимому, процвѣтаютъ, хотя ему и пришлось уже пережить довольно острый промышленный кризисъ въ своей области.

Сахарный трёстъ — American Sugar Refining Company — организованъ въ 1891 году, заключаетъ въ себѣ 145 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ $ 145.000.000^{00}. Рыночная стоимость его бумагъ—около $ 130.000.000^{00}, доходность—около 7%. Сахарный трёстъ контролируетъ такъ или иначе все сахарное дѣло Союза, хотя публику и увѣряютъ, что существуютъ двѣ или три якобы самостоятельныя компаніи. Организованъ онъ чрезвычайно искусно и осторожно, ловко обходя разныя требованія закона, такъ что его отчетность не подлежитъ ни федеральному, ни штатному контролю, и онъ не публикуетъ своихъ годовыхъ отчетовъ, ведя все дѣло въ глубочайшей тайнѣ. И самый трёстъ, и его руководитель, Хавемейеръ, отъявленный врагъ всякой публичности, очень непопулярны, хотя цѣны на сахаръ и стоятъ очень низкія, и, повидимому, сахарный трёстъ или не расположенъ, или почему-либо не можетъ воспользоваться своей несомнѣнной монополіей для поднятія цѣнъ. Въ послѣднее время оптовая цѣна на сахаръ спускалась до трехъ центовъ за фунтъ, ниже, чѣмъ когда-либо прежде. О сахарномъ трёстѣ публикѣ извѣстно меньше, чѣмъ о какомъ-

либо другомъ. Развитіе свеклосахарнаго производства подавало было надежду на конкурренцію,—но теперь уже извѣстно достовѣрно, что и оно перешло всецѣло въ руки трёста.

Мѣдный трёстъ—Amalgamated Copper Company—организованъ въ 1899 году, объединилъ въ себѣ 11 отдѣльныхъ предпріятій и капитализированъ въ $ 175.000.000$^{00}_{--}$, но рыночная стоимость его бумагъ не превосходила ста милліоновъ и подвержена частымъ и чрезмѣрнымъ колебаніямъ, а его доходность крайне проблематична. Исторія этого трёста весьма поучительна. Онъ былъ основанъ младшимъ Рокфеллеромъ и Роджерсомъ, при участіи остальныхъ владѣльцевъ Standard Oil Company, съ откровенной цѣлью контроля добычи мѣди во всемъ мірѣ и поддержанія цѣнъ на нее. Самые крупные рудники трёста находятся въ штатѣ Монтанѣ. Но, несмотря на безграничныя въ сущности средства и исключительныя дѣловыя способности его организаторовъ, несмотря на сравнительную немногочисленность залежей мѣдной руды, трёстъ этотъ не только не имѣлъ успѣха, но и находится теперь въ безнадежномъ положеніи. Методы, создавшіе и упрочившіе нефтяной трёстъ, оказались совершенно непригодными для контроля мѣднаго рынка. Добыча мѣди во всемъ мірѣ вычисляется въ 1.200.000.000 фунтовъ въ годъ (изъ нихъ въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ 535.000.000); изъ нихъ мѣдный трёстъ контролируетъ 180.000.000, или около одной трети. Несмотря на всевозможныя усилія трёста, на активную поддержку Ротшильдовъ, контролирующихъ богатѣйшіе мѣдные рудники Европы въ Ріо-Тинто въ Испаніи, на огромную, постоянно возрастающую потребность на мѣдь въ Союзѣ, благодаря быстрому развитію электричества и всѣхъ основанныхъ на немъ отраслей промышленности, цѣна на мѣдь съ 19 центовъ за фунтъ въ 1899 г. упала до $10^1/_2$ въ 1902 и не поднималась съ тѣхъ поръ выше 13-ти. Соперники мѣднаго треста и его европейскихъ союзниковъ оказались сильнѣе его въ томъ смыслѣ, что они, благодаря болѣе благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ для добычи мѣди, могли производить ее дешевле, чѣмъ трёстъ, и заставили его продавать свой продуктъ въ убытокъ себѣ. Трёстъ былъ съ самаго начала слишкомъ заносчивъ, слишкомъ много полагался на престижъ своихъ организаторовъ, предпочелъ войну соглашенію — и до сихъ поръ оказывается побитымъ на всѣхъ пунктахъ и отброшеннымъ далеко назадъ. Онъ дискредитированъ въ глазахъ публики, достигъ только прямо противоположныхъ своимъ намѣреніямъ результатовъ, и былъ вынужденъ прекратить дивиденды, хотя при своей организаціи

и обѣщалъ публично 20% на свою капитализацію. Мѣдный рынокъ не только остался покуда свободнымъ, но и цѣна на мѣдь стоитъ упорно ниже стоимости ея производства трёсту. Внимательное изученіе тѣхъ превратностей судьбы и паденія цѣнности бумагъ, которыя пережилъ мѣдный трёстъ за семь лѣтъ своего существованія, доказываетъ неопровержимо, что факторы, которые воздѣйствуютъ на дѣятельность трёстовъ, вообще очень многочисленны и все еще могутъ оказаться вполнѣ неожиданными и неподлежащими предусмотрѣнію, какъ бы дѣловиты, опытны и ловки ни были ихъ организаторы. Еслибъ не магическое имя Рокфеллеровъ, мѣдный трёстъ давно бы развалился окончательно,—онъ держится только благодаря ихъ господствующему и энергичному участію въ немъ и покуда успѣлъ только вызвать острое искусственное паденіе цѣнъ.

Мясной трёстъ—Meat trust—не имѣетъ оффиціальнаго имени, такъ какъ юридически не оформленъ и организованъ втайнѣ, хотя въ дѣйствительности и представляетъ собою одинъ изъ самыхъ прочныхъ и выгодныхъ трёстовъ Америки. Федеральное правительство цѣлыхъ три года разслѣдовало преступное соглашеніе входящихъ въ его составъ предпріятій всѣми находящимися въ его распоряженіи способами; президентъ Рузевельтъ лично принялъ самое энергичное участіе въ направленіи этого разслѣдованія,—но всѣ эти усилія, несомнѣнно добросовѣстныя на этотъ разъ, оказались въ концѣ концовъ тщетными, и трёстъ этотъ не только остался безнаказаннымъ, но и продолжаетъ свою дѣятельность съ большимъ успѣхомъ и понынѣ. — Основы соглашенія и способы распредѣленія дѣла и дѣлежа барышей между участниками такъ и остались тайными,—трёстъ существуетъ и функціонируетъ, но добраться до его секретовъ оказалось невозможнымъ. Извѣстно, что имъ объединены всѣ большія мясныя фирмы Союза; многія изъ нихъ сами по себѣ представляютъ крупныя консолидаціи прежде отдѣльныхъ предпріятій. Капитализація только восьми изъ нихъ достигаетъ $ 94.150.000^{00}, хотя такія крупныя компаніи, какъ Кюдахай и Морриса, не включены въ этотъ итогъ. Мясной трёстъ заключаетъ въ себѣ не только скотобойные и консервирующіе мясо разнаго рода заводы, но и желѣзнодорожно-вагонныя компаніи—рефригераторы,—фабрики туковъ изъ мясныхъ отбросовъ, клея, мыла и нѣсколькихъ другихъ спеціальностей. Его обороты и барыши громадны, и онъ безусловно контролируетъ цѣны во всемъ Союзѣ и на живой товаръ, и на всѣ сорта мяса и мясныхъ продуктовъ; онъ же контролируетъ

и всю американскую экспортную торговлю какъ живымъ скотомъ, такъ и мороженнымъ и консервированнымъ мясомъ.

Полное пораженіе правительства въ его преслѣдованіи мясного трёста еще разъ доказало до очевидности абсолютную безуспѣшность какихъ-либо законодательныхъ мѣръ противъ трёстовъ вообще, какова бы ни была форма ихъ организаціи. Когда, послѣ многолѣтней борьбы, законъ полагалъ, что добился того, что, для достиженія прочности посредствомъ юридической оформленности, трёсты были таки наконецъ вынуждены публиковать свою отчетность, — сейчасъ же нашлись люди, которые сумѣли обойти и это требованіе закона. Были изобрѣтены такіе тайные методы, которые, доставляя имъ желательныя устойчивость и прочность и помимо юридической оформленности, въ то же время избавляли ихъ отъ публичности. Сахарный и мясной трёсты были піонерами успѣшнаго примѣненія такихъ методовъ, и уже нашли себѣ многочисленныхъ подражателей, — что ясно изъ того, что за послѣдніе два-три года число юридически оформляющихся трёстовъ чрезвычайно упало. Всякій трёстъ прежде всего всячески избѣгаетъ публичности, избѣгаетъ привлеченія къ себѣ вниманія общественнаго мнѣнія. Публикованіе организаціи и, въ особенности, годичной отчетности подрываетъ спекулятивную способность ихъ бумажныхъ цѣнностей, — для успѣшной спекулятивной игры ими имъ нужна тьма, а не свѣтъ. Немало трёстовъ распалось фиктивно за послѣднее время, немедленно реорганизуясь втайнѣ, — соотвѣтственно этимъ вновь выяснившимся возможностямъ. Изворотливость нашихъ дѣльцовъ справляется шутя съ неповоротливостью и непрактичностью нашихъ законовъ.

VI.

Изъ всего вышеизложеннаго читатель, вѣроятно, уже успѣлъ усмотрѣть и самъ, какъ трудно сдѣлать какіе-либо положительные общіе выводы относительно современныхъ американскихъ трёстовъ. Въ моемъ распоряженіи, помимо продолжительнаго личнаго опыта, находится цѣлая масса самаго разнообразнаго печатнаго матеріала, кипы малодоступныхъ публикѣ отчетовъ, разобраться въ которыхъ болѣе или менѣе правильно я считаю себя вполнѣ компетентнымъ, — тѣмъ не менѣе, у меня не хватаетъ смѣлости выводить общія заключенія, и я попытаюсь только описать въ общихъ чертахъ то вліяніе, которое они уже успѣли оказать на наши жизненныя условія.

Еще только пятнадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, признаніе трёстовъ вообще злѣйшими врагами не только народнаго благосостоянія, но и всего американскаго государственнаго и общественнаго порядка и радикальная проповѣдь въ пользу ихъ немедленнаго искорененія были самой жгучей злобой дня и вынесли на поверхность нашей жизни немало реформаторовъ, обѣщавшихъ публикѣ ихъ конечную гибель. И конгрессъ, и штатныя легислатуры были завалены сотнями и тысячами самыхъ удивительныхъ проектовъ съ этой цѣлью. Самозваннымъ спасителямъ отечества не было счету и удержу, и чаявшая движенія воды легковѣрная наша публика платила имъ безпрекословно и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ огромныя деньги. Но весь этотъ трескучій политическій фейерверкъ оказался въ концѣ концовъ только новымъ успѣшнымъ выборнымъ фокусомъ, безвредной шумихой, балаганнымъ представленіемъ, неспособнымъ не только хоть сколько-нибудь измѣнить, но и задержать ходъ дѣлъ. Трёсты и размножаются, и укрѣпляются, и постепенно вырабатываютъ болѣе прочныя, болѣе цѣлесообразныя формы организаціи и методы дѣятельности. Кромѣ того—и это, на мой взглядъ, является самымъ важнымъ симптомомъ послѣдняго времени—они успѣли сдѣлаться чисто народнымъ достояніемъ въ томъ смыслѣ, что всѣ классы населенія обратились теперь къ ихъ помощи. Если четверть вѣка тому назадъ они были дѣтищемъ исключительно крупныхъ капиталовъ, крупныхъ отраслей промышленности, то теперь они обнимаютъ собою всякое самое мелкое, чисто мѣстное дѣло. Если въ городкѣ — два булочника или два мясника или двѣ молочныя или желѣзныя лавки, они немедленно вступаютъ въ соглашеніе и образуютъ мѣстный булочный или мясной или молочный трёстъ. Формы, методы, имена могутъ быть различны, но сущность остается та же. Идея проникла и привилась повсемѣстно даже къ земледѣльческимъ сферамъ. Производители пшеницы, масла, хлопка, апельсиновъ, клубники—всѣ организованы въ прочныя ассоціаціи и всѣ представляютъ потребителю сомкнутый фронтъ. Въ извѣстной мѣстности онъ можетъ купить извѣстный продуктъ только у центральной организаціи. Все объединено больше или меньше—и все стремится къ дальнѣйшему, еще болѣе тѣсному объединенію. Наиболѣе способные мѣстные люди заняты не войной съ объединяющими организаціями, какъ это было прежде, а ихъ упрощеніемъ и укрѣпленіемъ. Ремесленникъ или рабочій не можетъ не видѣть и начинаетъ сознавать, что и его союзъ стремится къ тому же и добивается тѣхъ же результатовъ. Въ то же время

онъ помѣщаетъ свои сбереженія въ бумажныхъ цѣнностяхъ тѣхъ же трёстовъ—или самъ, или, чаще, при посредствѣ сберегательныхъ банковъ, отчеты которыхъ показываютъ ему, какъ помѣщены его деньги. Значительная часть тѣхъ 20 билліоновъ долларовъ капитала, которые помѣщены въ капитализаціи трёстовъ, какъ было вычислено мной въ одной изъ предыдущихъ главъ, разошлась по всей странѣ. Изъ 168.000 рабочихъ стального трёста, 27.000 состоятъ въ то же время и его акціонерами на цѣлые десятки милліоновъ долларовъ. Пока газеты и политиканы воевали, трёсты незамѣтно подрывали активную себѣ оппозицію прямымъ захватомъ разныхъ слоевъ народныхъ массъ. Принципіально отрицательное къ нимъ отношеніе общественнаго мнѣнія медленно, но вѣрно измѣнялось по мѣрѣ того, какъ публика мало-по-малу становилась сама непосредственно заинтересованной въ ихъ успѣхѣ. Карманъ—вездѣ и всегда очень односторонній моралистъ. Аудиторіи страстныхъ публичныхъ противниковъ трёстовъ постепенно рѣдѣли и ограничиваются все больше и больше крайними непримиримыми элементами, недовольными всѣмъ современнымъ общественнымъ строемъ вообще. Народныя же массы осваиваются съ трёстами, съ ихъ очевидной неизбѣжностью, и, по мѣрѣ распространенія и популяризаціи, такъ сказать, ихъ дѣятельности и вліяній, начинаютъ замѣтно измѣнять свое къ нимъ отношеніе. Эта перемѣна едвали подлежитъ теперь сомнѣнію. Отъ общей борьбы съ трёстами осталась только застарѣлая традиціонная ненависть къ тѣмъ изъ нихъ, которые съ самаго начала привлекли къ себѣ почему-либо общественное вниманіе, какъ, напр., Standard Oil Company. Я лично думаю, что исключительная непопулярность Рокфеллера обусловливается главнымъ образомъ личными причинами—его несимпатичностью какъ человѣка, отвратительно сухими и жестокосердыми крайностями всѣхъ его методовъ. Его ненавидѣли бы и на всякомъ другомъ жизненномъ поприщѣ. Морганъ, самый яркій представитель новѣйшей формаціи организаторовъ и воротилъ трёстовъ, несомнѣнно очень популяренъ среди нашихъ народныхъ массъ,—ему удивляются и апплодируютъ публично, не обинуясь.

Американецъ по всей своей натурѣ прежде всего крайній индивидуалистъ. За все время его самостоятельной исторіи, ни одно политическое или политико-экономическое явленіе не имѣло такого сильнаго нивеллирующаго вліянія именно противъ индивидуализма, какъ трёсты. Они не только уничтожили десятки тысячъ самостоятельныхъ предпріятій, но и все болѣе и болѣе закрываютъ самый доступъ къ нимъ во всѣхъ отрасляхъ и по

всему Союзу. А эти самостоятельныя предпріятія, эта легкость сдѣлаться самому независимымъ хозяиномъ служили главной отдушиной индивидуализму, удовлетворяли сильныя натуры. Съузивъ самымъ существеннымъ образомъ этотъ выходъ, трёсты кромѣ того ввели желѣзную дисциплину во всѣ охваченныя ими дѣла, требуютъ отъ своихъ служащихъ безпрекословнаго повиновенія. Я уже имѣлъ случай указать выше, какъ тяжелъ въ этомъ отношеніи гнетъ Standard Oil Company. По его стопамъ, больше или меньше, идутъ всѣ трёсты. Не только ихъ успѣхъ, самое ихъ существованіе требуетъ абсолютизма, обусловлено слѣпымъ подчиненіемъ всего механизма распоряженіямъ руководителей. Стальной трёстъ представляетъ въ этомъ отношеніи единственное исключеніе,—и знатоки дѣла думаютъ, что и онъ скоро будетъ вынужденъ покинуть свои новшества. Непомѣрно возвышая немногихъ, обладающихъ такъ важными для нихъ исключительными дѣловыми способностями, трёсты самымъ безжалостнымъ образомъ нивеллируютъ массы.

Въ этомъ направленіи на моихъ собственныхъ глазахъ за ту четверть вѣка, что я прожилъ въ Америкѣ, произошла здѣсь разительная перемѣна. Вступающій въ активную жизнь молодой человѣкъ имѣетъ теперь гораздо меньше шансовъ на самостоятельную дѣятельность въ будущемъ, чѣмъ 15 — 20 лѣтъ тому назадъ. И самое число самостоятельныхъ мелкихъ предпріятій значительно сократилось, и шансы ихъ на успѣхъ уменьшаются съ каждымъ годомъ. Разъ извѣстная отрасль начала объединяться въ извѣстной мѣстности, борьба отдѣльнаго предпріятія съ объединенными интересами становится очень трудной, такъ какъ такому предпріятію придется встрѣчаться на каждомъ шагу съ тѣми болѣе благопріятными частными условіями, которыми такъ или иначе пользуются эти объединенные интересы, и которыхъ оно не въ состояніи будетъ достичь. Мѣстныя объединенія и начинаются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, именно съ того, что выговариваютъ своимъ сочленамъ извѣстныя преимущества, поступаясь для достиженія этого сначала извѣстными сторонами своей самостоятельности, а затѣмъ обыкновенно и своимъ независимымъ существованіемъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ это уже дошло до того, что самостоятельный отдѣльный предпринимать сдѣлался прямо невозможнымъ. Таково водо- и газопроводное дѣло, всегда объединенное у насъ подъ именемъ plumbing business. Для того, чтобы заниматься имъ гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Союза, необходимо быть, съ одной стороны, членомъ водо- и газо-проводнаго трёста, съ другой—чле-

номъ водо- и газо-проводнаго ремесленнаго Союза. Оба эти учрежденія имѣютъ національныя, штатныя и мѣстныя организаціи, работаютъ совмѣстно, рука объ руку, и успѣли уже искоренить абсолютно все къ нимъ непринадлежащее. Посторонній имъ человѣкъ не можетъ купить за наличныя деньги никакого водо- или газо-проводнаго матеріала. Получило въ разныхъ концахъ Союза публичную огласку немало случаевъ, когда строившіе свои собственные дома удалившіеся отъ дѣлъ водо- и газо-проводчики ремесленники были лишены возможности сами произвести свою собственную работу, такъ какъ не могли купить нужнаго матеріала,—необходимо было сдѣлать ее на подрядъ водо- и газо-проводному Союзу.

Лучшіе люди Америки уже давно указываютъ на устарѣлость нашего государственнаго устройства. Оно остается безъ всякой перемѣны уже столѣтіе съ четвертью. За этотъ періодъ времени радикально измѣнились всѣ американскія жизненныя условія, и физическія, и соціальныя. Уничтожено разстояніе, и для сообщеній, и для сношеній; изобрѣтеніе пара и электричества и ихъ развитіе измѣнили существовавшее дотолѣ соотношеніе въ значеніи и вліяніи мускульной и головной работы; ускорился и обострился весь жизненный темпъ; измѣнился характеръ правящихъ классовъ и перемѣстился центръ воздѣйствія на какую бы то ни было власть. Развитіе капитализма, съ одной стороны, и объединеніе рабочихъ массъ, съ другой, вызвали къ жизни и на первый планъ новые могучіе политическіе факторы. Долгіе сроки между выборомъ и вступленіемъ въ должность новыхъ составовъ представительства и властей, непрямые выборы въ такіе важные органы правительственной власти, какъ федеральный сенатъ и должность президента Союза, назначеніе исполнительной властью—а не народный выборъ—федеральнаго судебнаго персонала, безотвѣтственность кабинета министровъ, двойныя палаты конгресса и штатныхъ легислатуръ и многія другія основы успѣли сдѣлаться вредными анахронизмами, и законодательные механизмы страны перестали соотвѣтствовать ея жизненному темпу и бѣшеной скачкѣ технической и политико-экономической эволюціи. Опытъ американскаго народа съ трёстами доказалъ очевидно и наглядно, что механизмы эти перестали повиноваться народной волѣ и сдѣлались безсильными при новомъ порядкѣ вещей, и что новыя эти явленія требуютъ и новыхъ методовъ,—конституція, созданная столѣтіе съ четвертью тому назадъ, не въ состояніи справиться съ ними. Не она упра-

вляетъ страной, а эти новыя явленія, обратившія ее самое въ свое послушное орудіе;—конституція сдѣлалась фикціей, наборомъ красивыхъ фразъ, утратившихъ свою силу и значеніе. Ея либерализмъ и растяжимость, съ одной стороны, и мудрая, выработанная долгимъ опытомъ система организаціи и работы политическихъ партій, съ другой, сдѣлали возможнымъ то, что она просуществовала безъ перемѣнъ такъ долго,—но наступило такое время, когда ни то, ни другое уже не достаточно для народнаго благосостоянія и должно быть измѣнено соотвѣтственно новымъ требованіямъ. Я думаю, что въ выясненіи и сознаніи этой необходимости дѣятельность трёстовъ сыграла главную роль.

Она же, принеся съ собою ускореніе и усиленіе скопленія огромныхъ богатствъ въ рукахъ небольшихъ людскихъ группъ и даже отдѣльныхъ личностей, вызвала къ жизни и новую страшную опасность для народнаго благосостоянія всей страны, это—увеличеніе значенія денежныхъ знаковъ. Утверждаютъ, что одинъ Рокфеллеръ контролируетъ бумажныя цѣнности стоимостью въ $5^1/_2$ билліоновъ долларовъ, въ связи же съ группой Моргана—въ 10 билліоновъ. Вычисляютъ, что денежныхъ знаковъ всякаго рода обращается во всемъ мірѣ не больше 12 билліоновъ долларовъ, изъ нихъ въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ—около 2-хъ билліоновъ. При обыкновенныхъ условіяхъ, этого итога денежныхъ знаковъ больше чѣмъ достаточно для правильнаго теченія дѣлъ—бо́льшая ихъ часть лежитъ неподвижно въ разныхъ казначействахъ и банкахъ. Въ Америкѣ же наличныя деньги вообще употребляются очень мало, такъ какъ вся дѣловая публика считаетъ банковскіе чеки гораздо болѣе удобнымъ и безопаснымъ орудіемъ торговаго и ежедневнаго обмѣна. Тѣмъ не менѣе, Рокфеллеръ, бросивъ на денежный рынокъ неожиданно всего незначительную часть контролируемыхъ имъ бумажныхъ цѣнностей, можетъ въ 24 часа вызвать самую ужасную панику — разорить кого и что́ ему угодно. Еще въ 1869 году Джэй Гульдъ, оперируя съ несравненно меньшими наличными средствами, чѣмъ тѣ, которыми теперь располагаютъ въ Америкѣ цѣлыя сотни людей, и играя не на зажимку наличныхъ денегъ, а только на повышеніе курса на золото, вызвалъ умышленно въ трое сутокъ знаменитую „черную пятницу“, мгновенно разорившую больше народу, чѣмъ какой-либо денежный кризисъ прежде или послѣ. Въ Америкѣ биржевая игра не составляетъ достоянія только извѣстныхъ сферъ въ денежныхъ центрахъ,—въ ней принимаетъ участіе вся страна, милліонеры и рабочіе, и всякая паника отзывается остро и непосредственно въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ. Что́ же

могъ бы учинить теперь Рокфеллеръ, еслибъ его средства попали въ руки дѣльца такого сорта, какимъ былъ всю свою жизнь Гульдъ?

За послѣдніе года воротилы нью-іоркскаго денежнаго рынка все чаще и все сильнѣе „выдавливаютъ“ почтеннѣйшую публику періодическими зажиманіями наличныхъ денегъ и неожиданнымъ поднятіемъ учетнаго процента до 100 и даже 150%. Въ текущемъ году, несмотря на положительное отсутствіе какихъ-либо законныхъ основаній къ этому, уже продѣлано было нѣсколько такихъ „выдавливаній“—squeezes. Воротилы эти могутъ во всякое время, совершенно произвольно, и повторить Гульдовскую „черную пятницу“, и придать ей какіе имъ заблагоразсудится размѣры.

Рокфеллеръ, человѣкъ старый,—ему 67 лѣтъ,—хронически больной и очень слабый, тѣмъ не менѣе и до настоящаго момента держитъ исключительно въ своихъ рукахъ всѣ нити распоряженія своимъ огромнымъ денежнымъ имуществомъ. Утверждаютъ, что его единственный сынъ не принимаетъ въ этомъ распоряженіи никакого участія и не сочувствуетъ дѣлу отца. Понятно, почему знатоки нью-іоркской биржи опасаются, что даже смерть Рокфеллера, въ особенности если она будетъ внезапной, окажетъ острое и, по всей вѣроятности, весьма пагубное вліяніе на обычное теченіе дѣлъ въ Союзѣ. Это—Дамокловъ мечъ, висящій теперь надъ всѣми американскими спекулятивными элементами, то-есть, въ сущности, надъ всей страной.

Несмотря на все очевидное значеніе совокупности выше перечисленныхъ вліяній трёстовъ на всю нашу современную жизнь, я думаю, что она все-таки составляетъ только незначительную величину, сравнительно съ тѣмъ тлетворнымъ воздѣйствіемъ, которое они оказали на весь нравственный обликъ современнаго зауряднаго американца. Считая трёсты неизбѣжной фазой всесильной эволюціи, я въ настоящей статьѣ пытался относиться къ нимъ по возможности безпристрастно, и, повторяю, ихъ всестороннее дѣйствительное значеніе и будущность еще далеко не ясны для меня самого. Но въ то же время тотъ фактъ, что они, хотя, можетъ быть, и volens-nolens, развратили нашъ народъ и въ особенности нашу молодежь,—не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Извѣстно, что американскій народъ отнюдь не отличается ни теоретическими познаніями, ни философскими наклонностями, ни отвлеченностью міровоззрѣнія. Это народъ-практикъ, на-

родъ настоящей минуты и логики фактовъ. Въ то же время это народъ тщеславный, съ спекулятивной натурой самаго азартнаго игрока въ мірѣ. Такой народъ, особенно при благопріятныхъ для этого обстоятельствахъ, крайне склоненъ сдѣлать деньги своимъ Молохомъ, а легкую, быструю наживу — своимъ идеаломъ. Такіе примѣры, какъ Рокфеллеръ съ его Standard Oil Company, или Морганъ съ его билліонными трёстами, дѣйствуютъ на его воображеніе и грубые вкусы гораздо дѣйствительнѣе добродѣтельныхъ книжекъ и проповѣдниковъ. Мнѣ пришлось не разъ видѣть интеллигентныхъ людей, захлебывавшихся отъ самодовольства надъ каррикатурой, изображающей негра-посыльнаго Моргана, выносящаго изъ европейскаго королевскаго зала тронъ, якобы купленный имъ для своей кухни. Вѣра во всемогущество силы денегъ быстро ростетъ при такихъ наглядныхъ примѣрахъ. Хотя народъ и ненавидитъ Рокфеллера и увѣренъ, что онъ сто разъ заслужилъ позорнѣйшую висѣлицу, тѣмъ не менѣе втайнѣ гордится его успѣхомъ, его энергіей, его силой, даже его безнаказанностью—и стремится по его стопамъ. Успѣхъ, успѣхъ во что бы то ни стало—вотъ тотъ девизъ, который прибили трёсты къ современному народному знамени, развративъ имъ и его воображеніе, и его вкусы, и его нравственные критеріи.

Въ заключеніе я обращу вниманіе читателя на только-что вышедшую книгу симпатичнѣйшаго и популярнѣйшаго нашего современнаго писателя Оуэна Вистера—„Lady Baltimore“. Написанная въ формѣ романа, въ дѣйствительности она представляетъ собою самую могучую, самую талантливую филиппику противъ этого современнаго американскаго духа времени—противъ поклоненія успѣху во что бы то ни стало.

П. А. Тверской.

Апрѣль 1906 г.
г. Лосъ-Анжелосъ.

ДЕБРИ

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

I.

Вѣнчаніе кончилось въ четыре часа, и начался съѣздъ гостей. На улицѣ толпились любопытные, привлеченные бурной экспансивностью Маріи Берчинской. Вся отвѣтственность за удачу торжества лежала на ея широкихъ плечахъ. Ей поручено было слѣдить за точнымъ выполненіемъ всѣхъ обрядовъ, согласно завѣтамъ далекой родины; сознавая всю важность своей роли, она металась съ утра какъ угорѣлая, сбивала всѣхъ съ ногъ, кричала и командовала, давая полную волю своему мощному голосу. Слѣдя за соблюденіемъ всѣхъ формальностей, она была такъ занята другими, что сама совершенно не подчинялась установленному ею же этикету,—на это у нея не хватало времени. Изъ церкви она вышла самой послѣдней, и чтобы быть на мѣстѣ раньше гостей, стала энергично торопить своего кучера. Видя, что онъ глухъ къ ея окрикамъ, она стала ругаться. Пока она ругалась на своемъ родномъ литовскомъ нарѣчіи, онъ молчалъ. Тогда она перешла на польскій, понятный ему, и онъ сталъ возражать. Началась крупная перепалка, къ великой радости уличныхъ мальчишекъ, которые обступили коляску съ обѣихъ сторонъ.

Новый наплывъ публики былъ, однако, весьма нежелателенъ, такъ какъ и безъ того у дверей толпился народъ. Музыка уже начала играть, и звуки оркестра, состоявшаго изъ віолончели

и двухъ скрипокъ, слышны были издали. Увидавъ сборище передъ дверьми, Марія прекратила руготню съ кучеромъ, выскочила изъ коляски, нырнула въ толпу и протолкалась въ подъѣздъ. Войдя въ домъ, она принялась энергично оттѣснять толпу назадъ, чтобы очистить дорогу для приглашенныхъ, и громко кричала при этомъ, заглушая музыку своимъ зычнымъ голосомъ.

Вывѣска надъ домомъ—на литовскомъ и англійскомъ языкахъ—возвѣщала о томъ, что тамъ продавались вина и спиртные напитки. Это было питейное заведеніе, расположенное въ одной изъ отдаленныхъ улицъ фабричнаго квартала въ Чикаго. Въ этотъ день одна изъ залъ нанята была для семейнаго торжества. Тамъ праздновалась свадьба юной Оны Лукошайтэ.

Новобрачная стояла въ дверяхъ рядомъ съ кузиной Маріей, которая тяжело дышала, уставъ отъ борьбы съ толпой. У Оны было трогательное счастливое выраженіе лица. Глаза имѣли удивленный видъ, вѣки слегка дрожали и тонкое личико раскраснѣлось. На ней было бѣлое кисейное платье и короткій бѣлый вуаль, спускавшійся до плечъ. Онъ замѣнялъ собой вѣнчальную фату и къ нему были пристегнуты пять бумажныхъ розановъ и восемь ярко зеленыхъ листьевъ. Въ рукахъ у Оны были бѣлыя нитяныя перчатки, и она нервно теребила ихъ, вся дрожа отъ волненія. Ей едва исполнилось шестнадцать лѣтъ и она была такая маленькая, тщедушная—совсѣмъ ребенокъ. Ей самой было такъ странно, что она уже замужемъ—да еще за кѣмъ!—за Юргисомъ Рудкусомъ, который стоялъ теперь неподалеку отъ нея, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петличкѣ чернаго сюртука. Онъ такой широкоплечій, руки у него могучія, какъ у великана. Она голубоглазая блондинка, а у Юргиса большіе черные глаза съ пушистыми бровями и густые черные вьющіеся волосы. На видъ они совершенно не подходящая пара,—но контрасты наружности никогда еще не служили препятствіемъ для семейнаго счастья,—вопреки всякимъ теоріямъ и пророчествамъ. Юргисъ могъ свободно взвалить себѣ на плечи мясную тушу въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ и безъ всякаго усилія снести ее на возъ,—но теперь видъ его не былъ внушительный. Онъ робко жался къ стѣнѣ, какъ затравленный звѣрь, и у него пересыхало во рту отъ волненія, такъ что онъ съ трудомъ могъ выговорить нѣсколько словъ, когда друзья подходили къ нему съ поздравленіями.

Мало-по-малу удалось наконецъ отдѣлить постороннихъ зрителей отъ приглашенныхъ гостей и очистить залу хоть настолько, чтобы по ней можно было двигаться. Вначалѣ пускали всѣхъ,

не предвидя, что толпа любопытныхъ возрастетъ до такихъ размѣровъ. Если кто-нибудь изъ постороннихъ подходилъ поближе или казался голоднымъ, хозяева сейчасъ же предлагали ему стулъ и приглашали принять участіе въ пиршествѣ. Одна изъ священныхъ традицій литовскихъ свадьбъ заключалась въ томъ, чтобы никто не уходилъ голоднымъ. Трудно было, конечно, примѣнить обычай литовскихъ лѣсовъ къ фабричному кварталу Чикаго съ его населеніемъ въ четверть милліона, но хозяева старались все-таки по возможности слѣдовать завѣту отцовъ: уличныя дѣти, привлеченныя заманчивымъ зрѣлищемъ, уходили сытыми и обласканными, а на кухнѣ кормили всѣхъ сбѣжавшихся туда собакъ.

Въ залѣ воцарилась сразу полная непринужденность. Мужчины сидѣли въ шляпахъ или безъ шляпъ, какъ хотѣли. Гости садились за столъ и вставали, не дожидаясь приглашеній. Произносились рѣчи,—но никто не былъ обязанъ слушать ихъ, если не желалъ. Многіе пѣли, хоромъ или по одиночкѣ, но тоже по собственному усмотрѣнію. Въ комнатѣ стоялъ гулъ отъ разнообразныхъ звуковъ,—но это никого не безпокоило, кромѣ младенцевъ, которыхъ матери принесли съ собой, не имѣя на кого оставить дома. Для нихъ въ залѣ отведенъ былъ отдѣльный уголъ, гдѣ стояли кроватки и коляски; они спали въ нихъ подвое и по-трое. А дѣти постарше, которыя уже умѣли ходить, сновали вокругъ столовъ, сосали леденцы и жевали колбасу.

Зала была величиной около тридцати квадратныхъ футовъ. Стѣны были бѣлыя, выштукатуренныя и совершенно голыя, за исключеніемъ висѣвшаго по одной сторонѣ комнаты календаря, картинки съ изображеніемъ скачекъ и родословной хозяевъ въ золотой рамкѣ. Дверь справа вела въ пивную, и оттуда заглядывали въ залу нѣсколько любопытныхъ. Въ углу за дверью устроена была стойка, за которой стоялъ человѣкъ въ довольно грязной бѣлой одеждѣ, съ нафабренными черными усами и со спущеннымъ на лобъ, тщательно припомаженнымъ, однимъ локономъ. Въ противоположномъ углу стояли два стола, занимавшіе треть комнаты и заставленные блюдами съ холодной говядиной. Нѣкоторые изъ проголодавшихся гостей подходили туда закусывать. На столѣ, противъ мѣста для новобрачной, поставленъ былъ великолѣпный свадебный пирогъ съ розами и двумя ангелочками изъ сахара на верхушкѣ. Въ глубинѣ залы открывалась дверь въ кухню, и тамъ мелькали въ облакахъ пара суетящіяся женскія фигуры. Въ лѣвомъ углу, на небольшой эстрадѣ сидѣли три музыканта и дѣлали героическія усилія, чтобы за-

глушить шумъ голосовъ звуками своихъ инструментовъ. Дѣти, въ свою очередь старались перекричать музыку, а толпа, стоявшая въ дверяхъ и у оконъ, наслаждалась и зрѣлищемъ, и звуками, и запахомъ ѣды.

Вдругъ среди облаковъ пара стала болѣе ясно выдѣляться женская фигура. Она шла изъ кухни, и вскорѣ можно было узнать въ ней мачиху Оны, которую всѣ звали „тетей Ельзбетой". Она несла въ рукахъ на большомъ блюдѣ тушоную утку; за нею слѣдовала, осторожно ступая, Котрина, съ такимъ же вторымъ блюдомъ. Черезъ минуту пришла старуха бабушка Маюшкине съ огромнымъ горшкомъ картофеля—почти величиной съ нее самоё. Такъ постепенно опредѣлялись размѣры пиршества. На столѣ появилась ветчина съ гарниромъ изъ тушоной капусты, вареный рисъ, макароны, болонская колбаса, булки, чашки съ молокомъ и кружки пѣнящагося пива. Кромѣ того, за спиной гостей была стойка, къ которой каждый могъ подойти и требовать что̀ угодно, ничего не платя. Марья Берчинская къ тому же усердно всѣхъ подчивала, ѣла сама, чтобы дать примѣръ гостямъ, и говорила со смѣхомъ, что на кухнѣ припасено очень много, и что нужно все съѣсть, а то все равно испортится.

Такъ среди смѣха и шутокъ гости наконецъ принялись за ѣду. Молодые люди, сбившіеся въ кучку у дверей, отважились подойти къ столу и сѣсть. Старики заставили и Юргиса сѣсть по правую руку отъ невѣсты. Сѣли и дружки невѣсты—съ вѣнками изъ бумажныхъ цвѣтовъ на головахъ,—и ихъ примѣру послѣдовали остальные гости, старые и молодые. Величественный сидѣлецъ тоже уступилъ просьбамъ и согласился отвѣдать утки. И толстый полицейскій, которому предстояло въ концѣ вечера разнимать подравшихся, рѣшился подсѣсть къ концу стола. Дѣти кричали, грудные младенцы заливались плачемъ, гости смѣялись, шутили, пѣли,—и надъ всѣмъ этимъ гуломъ возвышался голосъ кузины Маріи, которая отдавала распоряженія музыкантамъ.

Музыканты... но какими словами описать ихъ? Они ни на минуту не переставали играть съ невообразимымъ бѣшенствомъ,—и все, что̀ происходило въ залѣ, совершалось подъ звуки этой дикой музыки. И музыка преображала всю атмосферу залы, превращала питейное заведеніе на задворкахъ чикагскихъ фабрикъ въ какой-то волшебный міръ, въ уголокъ заоблачнаго царства.

Дирижеръ маленькаго тріо игралъ съ истиннымъ вдохновеніемъ. Скрипка его фальшивила, но онъ все-таки казался избран-

никомъ музъ, или, вѣрнѣе, человѣкомъ, одержимымъ дьяволомъ, цѣлымъ роемъ дьяволовъ, которые носились вокругъ него, ускоряя темпъ его игры до того, что у него волосы становились дыбомъ и глаза лѣзли на лобъ. Имя скрипача — Тамочусъ Кушлейка, и онъ — самоучка въ своемъ искусствѣ. Онъ упражнялся въ игрѣ на скрипкѣ по ночамъ — послѣ того, какъ цѣлый день работалъ на бойнѣ. Теперь онъ снялъ сюртукъ и стоялъ въ жилетѣ, расшитомъ полинявшимъ узоромъ — золотыя подковы на бѣломъ фонѣ, — въ полосатой розовой рубашкѣ и въ солдатскихъ панталонахъ, свѣтло-синихъ съ желтой нашивкой. Это былъ его дирижерскій мундиръ. Тамочусъ былъ ростомъ не болѣе пяти футовъ, но все-таки его панталоны не доходили вершковъ на десять до полу. Откуда онъ добылъ такіе панталоны — нельзя было даже представить себѣ, но объ этомъ никто не думалъ, глядя на него. Онъ былъ такъ охваченъ вдохновеніемъ, что это заражало всѣхъ вокругъ. Все въ немъ горѣло вдохновеніемъ — и все порознь. Онъ топалъ ногами, трясъ головой, раскачивался изъ стороны въ сторону. У него было маленькое, необыкновенно комичное лицо, и въ наиболѣе эффектныхъ пассажахъ онъ сдвигалъ брови, шевелилъ губами и усиленно моргалъ. Отъ времени до времени онъ поворачивался къ товарищамъ и краснорѣчивыми жестами умолялъ ихъ быть на высотѣ своего артистическаго призванія.

Два другихъ члена оркестра едвали были достойны своего дирижера. Второй скрипачъ, чехъ, былъ статный человѣкъ высокаго роста и носилъ очки въ черной оправѣ. У него былъ видъ переутомленнаго мула, котораго нельзя подбодрить даже ударами кнута. Третій музыкантъ былъ толстякъ съ толстымъ краснымъ сентиментальнымъ носомъ. Онъ поднималъ глаза къ небу съ мечтательнымъ видомъ, исполняя партію контрабаса на віолончели, и не вникалъ въ игру своихъ партнеровъ. Что бы ни играли, онъ тянулъ всегда одну и ту же протяжную мрачную ноту съ четырехъ часовъ дня до четырехъ часовъ утра, — получая за это треть общей платы по доллару за часъ.

Уже въ самомъ началѣ пира Тамочусъ Кушлейка вскочилъ съ мѣста отъ возбужденія, а черезъ нѣсколько минутъ онъ уже направлялся къ сидѣвшимъ за столомъ. Ноздри у него раздулись, и онъ порывисто дышалъ: имъ овладѣлъ его демонъ. Онъ сталъ подзывать своихъ товарищей, дѣлая имъ знаки скрипкой, и вскорѣ всѣ трое подошли къ гостямъ. Тамочусъ вскочилъ на стулъ — и сразу зачаровалъ всѣхъ своей игрой. Гости ѣли, кое-кто смѣялся и разговаривалъ, но всѣ до одного слушали при этомъ его игру.

Онъ фальшивилъ и скрипка его шипѣла на низкихъ нотахъ и визжала на верхнихъ нотахъ. Но никто не обращалъ на это вниманія — также, какъ на грязь, шумъ и духоту вокругъ себя. Все равно имъ приходилось всѣмъ жить въ этой обстановкѣ, и только среди нея они могли выражать свою душу. А въ этой музыкѣ, то дикой и веселой, то жалобно-тоскливой, страстной и мятежной, выражалась ихъ душа. Это были звуки ихъ родины, и по мѣрѣ того какъ они отдавались имъ всей душой, Чикаго съ его фабриками и питейными заведеніями отходилъ куда-то вдаль, а взору ихъ рисовались зеленые луга, сверкающая на солнцѣ гладь рѣки, лѣса и холмы, покрытые снѣжной пеленой. Они видѣли въ воображеніе поля далекой родины, вспоминали далекое дѣтство, радости и горе минувшихъ лѣтъ. Нѣкоторые изъ гостей закрывали глаза, откинувшись на стулѣ, другіе отбивали тактъ рукой по столу. Отъ времени до времени кто-нибудь вскакивалъ съ мѣста и просилъ сыграть какую-нибудь изъ наиболѣе извѣстныхъ національныхъ пѣсенъ. У Тамочуса вспыхивалъ огонекъ въ глазахъ, онъ взмахивалъ скрипкой по воздуху, кричалъ что-то товарищамъ, и они начинали играть въ бѣшеномъ темпѣ. Всѣ подхватывали хоромъ припѣвъ пѣсни и кричали, надрывая горло. Иные вскакивали съ мѣстъ, грузно притоптывали въ тактъ сапогами, поднимали стаканы съ виномъ и чокались съ сосѣдями. Вскорѣ кто-то предложилъ музыкантамъ сыграть старинную свадебную пѣсню, воспѣвающую красоту новобрачной и радости любви. Тамочусъ Кушлейка началъ играть и въ порывѣ вдохновенія сталъ пробираться промежъ двухъ столовъ, направляясь къ героинѣ торжества и увлекая за собой своихъ товарищей. Очутившись наконецъ возлѣ новобрачной, онъ сталъ по правую сторону отъ нея и заигралъ еще болѣе страстно, изливая всю свою душу въ звукахъ. Она была такъ взволнована, что совсѣмъ не могла ѣсть. Когда кузина Марія отъ времени до времени подталкивала ее локтемъ, она приходила въ себя на минуту, но потомъ опять умолкала и глядѣла въ пространство изумленнымъ взглядомъ. Тетя Ельзбета продолжала суетиться и бѣгать взадъ и впередъ, но она ни на кого не глядѣла, зачарованная звуками музыки, и глаза ея были полны слезъ. Ей совѣстно было вытирать слезы, но нельзя же было дать имъ катиться по щекамъ. Обернувшись, она увидѣла устремленный на нее взглядъ Юргиса и еще сильнѣе покраснѣла. А когда наконецъ скрипачъ подошелъ прямо къ ней и сталъ размахивать почти надъ самой ея головой своимъ волшебнымъ смычкомъ, она вся вспыхнула, и ей хотѣлось бы убѣжать, чтобы

спастись отъ обращенныхъ на нее взглядовъ. Въ эту критическую минуту ее выручила кузина Марія Берчинская, тѣмъ, что отвлекла общее вниманіе на себя: она вдругъ встала и запѣла свою любимую пѣсню о прощаніи влюбленныхъ. Марія была невысокаго роста, но отличалась могучимъ сложеніемъ. Она работала на фабрикѣ консервовъ и по цѣлымъ днямъ держала въ рукахъ жестянки мясныхъ консервовъ, вѣсомъ по четырнадцати фунтовъ. У нея было широкое лицо славянскаго типа, съ выступающими скулами и румяными щеками. Нижняя часть лица имѣла что-то лошадиное. Она носила синюю фланелевую блузу съ засученными рукавами, обнажавшими смуглыя руки. Въ рукахъ у нея была большая вилка — она только-что разрѣзывала жаркое для гостей. Она отбивала ею тактъ по столу и пѣла такъ оглушительно и въ такомъ быстромъ темпѣ, что музыканты съ трудомъ могли аккомпанировать ей.

Наконецъ пѣніе кончилось и начались рѣчи. Первымъ поднялся и сталъ говорить дѣдъ Антонъ. Отцу Юргиса, Антону Рудкусу, не болѣе шестидесяти лѣтъ, но на видъ ему можно дать восемьдесятъ. Онъ пріѣхалъ въ Америку съ полгода тому назадъ, но не поправился здоровьемъ. На родинѣ онъ много лѣтъ работалъ въ бумагопрядильнѣ, но сталъ страдать припадками сильнаго кашля и удушья, и ему пришлось оставить работу.

Въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, кашель прошелъ. Но въ Америкѣ Антонъ Юргисъ поступилъ на фабрику Дургэма и работалъ въ отдѣленіи пикулей, гдѣ приходилось проводить весь день въ холодномъ, сыромъ помѣщеніи. Ему опять сдѣлалось хуже. И теперь, какъ только онъ поднялся, его началъ душить припадокъ кашля; онъ отвернулъ блѣдное, худое лицо, ухватился за столъ и долго откашливался. Обыкновенно ораторы на свадьбахъ выучивали наизусть какую-нибудь рѣчь изъ книги и повторяли ее въ надлежащую минуту. Но дѣдъ Антонъ слылъ за ученаго человѣка; въ молодости даже ему поручали многіе писать ихъ любовныя письма. Всѣ поэтому насторожились слушать, зная, что онъ скажетъ что-нибудь свое.

Рѣчь, дѣйствительно, оказалась очень торжественной. Даже изъ дѣтей кто былъ постарше и понятливѣе подошли поближе и стали слушать, а женщины рыдали и утирали слезы передниками. Антонъ Рудкусъ какъ бы прощался съ семьей, говоря, что ему уже не долго придется жить подлѣ своихъ дѣтей. Онъ такъ разстроилъ всѣхъ своей рѣчью, что одинъ изъ гостей, Якубъ Шедвила, бакалейщикъ съ Гольстэтъ-Стрита, добродушный

толстякъ, поднялся съ мѣста и сталъ говорить, что жизнь вовсе ужъ не такъ печальна. Послѣ того онъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ поздравилъ новобрачныхъ, пожелалъ имъ счастья и всяческихъ благъ, причемъ очень смутилъ бѣдную Ону намеками на радости материнства. У Якуба, по выраженію его жены, было очень живое, поэтическое воображеніе.

Многіе изъ гостей уже насытились и стали вставать изъ-за стола. Кое-кто подходилъ къ стойкѣ; другіе расхаживали по залѣ, смѣясь и разговаривая. Отдѣльныя группы гостей затягивали пѣсни совершенно самостоятельно, не соображаясь ни съ пѣніемъ другихъ, ни съ оркестромъ. Но у всѣхъ замѣтно было выжидательное настроеніе,—повидимому, предстояло еще нѣчто интересное, кромѣ хорошаго угощенія. Такъ оно дѣйствительно и оказалось. Едва кончилась ѣда, какъ столы съ остатками блюдъ отодвинули въ уголъ, стулья и дѣтей убрали съ дороги—и началась главная часть увеселенія. Тамочусъ Кушлейка, подкрѣпившись цѣлымъ кувшиномъ пива, вернулся на эстраду, оглянулъ залу, властно стукнулъ смычкомъ о скрипку, изящно взмахнулъ смычкомъ, закрылъ глаза и самъ унесся въ какой-то волшебный міръ, заигравъ мечтательный вальсъ. Вторая скрипка вторила ему, но скрипачъ игралъ съ открытыми глазами, слѣдя за дирижеромъ, а віолончелистъ отбивалъ нѣсколько времени тактъ ногой, чтобы усвоить темпъ, поднялъ глаза къ потолку и сталъ однообразно пилить: брумъ-брумъ-брумъ!..

Общество быстро разбилось на пары, и всѣ присутствующіе стали кружиться по залѣ. Танцовать вальсъ, повидимому, никто не умѣлъ, но это никого не останавливало,—каждый танцовалъ по-своему, такъ же, какъ прежде они пѣли, каждый на свой ладъ. Молодежь танцовала больше всего вальсъ „въ два па“. Люди постарше предпочитали старомодные танцы, и торжественно продѣлывали какія-то странныя и сложныя па. Иные вовсе не танцовали, а только держались за руки и выражали совершенно произвольными движеніями и притоптываніями свое веселое настроеніе. Къ числу таковыхъ принадлежали бакалейщикъ Якубъ Шедвила и его жена Люція. Они вдвоемъ съѣдали въ день почти столько же, сколько продавали всѣмъ своимъ покупателямъ, и были слишкомъ толсты для танцевъ. Они стояли поэтому посрединѣ залы, крѣпко обнявшись, медленно раскачивались изъ стороны въ сторону и блаженно улыбались отъ удовольствія.

Костюмы гостей постарше напоминали еще далекую родину. Нѣкоторые носили вышитые жилеты, куртки съ широкими об-

шлагами и пестрыми пуговицами, вынимали изъ кармана большіе пестрые платки. Молодежь, напротивъ того, тщательно всего этого избѣгала. Почти всѣ уже говорили по-англійски и старались одѣваться по послѣдней модѣ. На дѣвушкахъ были платья, купленныя готовыми на распродажахъ, или хорошенькія блузки. Нѣкоторыхъ молодыхъ людей можно было принять за американскихъ приказчиковъ, еслибы не то, что они сидѣли въ комнатѣ въ шляпахъ. Каждая пара танцовала по-своему, однѣ тѣсно обнявшись, другія держась за руки на почтительномъ разстояніи. Однѣ вытягивали руки впередъ, другія небрежно свѣшивали ихъ внизъ. Однѣ подпрыгивали, другія старались выступать очень плавно. Нѣкоторыя пары дико неслись по комнатѣ, сбивая съ ногъ всѣхъ другихъ. Пары составлялись на весь вечеръ и дамы не мѣняли своихъ кавалеровъ. Такъ, напримѣръ, Елена Язайтитэ танцовала нѣсколько часовъ кряду со своимъ женихомъ Юзасомъ Рачіусомъ. Она была одной изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ залѣ, но нѣсколько отталкивала своей надменностью. На ней была бѣлая крахмаленная рубашечка, за которую она навѣрное заплатила свой заработокъ за полъ-недѣли,—она, какъ и Марія, раскрашивала жестянки. Юзасъ, ея женихъ, развозилъ товары Дургэма къ заказчикамъ и получалъ хорошее жалованье. У него былъ фатоватый видъ; онъ сдвинулъ шляпу на-бокъ и держалъ во рту папироску. Въ другой парѣ танцовала Ядвига Марцинкусъ, тоже очень хорошенькая дѣвушка, но болѣе скромная, чѣмъ Елена; она тоже раскрашивала жестянки для консервовъ, но ей приходилось содержать больную мать и трехъ маленькихъ сестеръ, и она не можетъ тратить свое жалованье на покупку рубашечекъ. На ней старомодное бѣленькое платьице, которое она уже пять лѣтъ надѣваетъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Но это не мѣшаетъ Ядвигѣ искренно наслаждаться, танцуя весь вечеръ со своимъ Миколасомъ. Они уже пятый годъ какъ обручены, но не могутъ жениться, потому что у Миколаса отецъ пьяница, и заботы о пропитаніи семьи—довольно многочисленной—лежатъ на немъ одномъ. Онъ бы, однако, справился со всѣмъ, такъ какъ работникъ онъ былъ превосходный, но его доканали несчастные случаи. Спеціальность Миколаса заключалась въ очисткѣ костей быка отъ мяса, и такъ какъ ему платили поштучно, и онъ работалъ съ бѣшеной быстротой, то ножъ иногда выскальзывалъ и онъ нѣсколько разъ жестоко порѣзался. Бѣда была не въ самомъ порѣзѣ—рану можно залечить,—а въ зараженіи крови. За послѣдніе три года Миколасъ былъ боленъ зараженіемъ крови и лежалъ въ кровати разъ три мѣсяца, а

другой разъ семь мѣсяцевъ. Въ послѣдній разъ онъ потерялъ мѣсто и опять въ теченіе недѣль шести долженъ былъ съ шести часовъ утра стоять зимой, на морозѣ, передъ дверьми фабричныхъ конторъ, въ ожиданіи, что ему дадутъ работу. Статистика доказываетъ, что этотъ разрядъ рабочихъ оплачивается лучше всего: они заработываютъ по сорока центовъ въ часъ,—но статистики, быть можетъ, никогда не поинтересовались поглядѣть на руки рабочихъ, вырубающихъ кости.

Танцы продолжались очень долго, съ короткими перерывами для отдыха музыкантовъ, и танцующіе, повидимому, совершенно не уставали, носясь въ упоеніи по залѣ подъ звуки скрипки Тамочуса. Онъ вошелъ въ азартъ и сталъ играть вальсъ бѣшенымъ prestissimo, не щадя струнъ своей скрипки, которая тщетно протестовала визгомъ на высокихъ нотахъ. Начался какой-то сатанинскій плясъ, увлекшій всѣхъ гостей, старыхъ и молодыхъ. Когда наконецъ скрипачъ закончилъ свою дикую игру оглушительнымъ, блестящимъ финаломъ, онъ самъ весь дрожалъ; а обезсиленные танцоры и ихъ дамы разсыпались во всѣ стороны, прислонясь къ стѣнамъ для отдыха; сѣсть было негдѣ, такъ какъ всѣ стулья убрали.

Послѣ этого сдѣланъ былъ перерывъ, во время котораго всѣхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ, угощали пивомъ. Гости отдыхали, готовясь къ самому торжественному изъ свадебныхъ обрядовъ—къ „ачъявимасъ“. Это былъ танецъ, который затягивался обыкновенно на три—четыре часа. Гости брались за руки и составляли кругъ, въ середину котораго вступала новобрачная. Затѣмъ каждый изъ мужчинъ по очереди выходилъ изъ круга и танцовалъ съ новобрачной. Можно было длить танецъ сколько угодно, и все это происходило среди общаго веселья и смѣха. Когда гость кончалъ танцовать, къ нему подходила хозяйка — на этотъ разъ это была тетя Ельзбета—со шляпой, въ которую онъ клалъ сколько-нибудь денегъ,—иногда долларъ, а иногда и пять, смотря по своимъ средствамъ и по тому, во сколько онъ цѣнилъ честь танца съ новобрачной. Предполагалось, что гости платятъ такимъ образомъ за пріемъ и угощеніе; друзья новобрачныхъ старались обыкновенно давать столько, чтобы молодой четѣ осталось порядочно денегъ для жизни на первое время послѣ свадьбы.

Расходы по устройству свадебнаго пира были огромные. Свадьба Оны и Юргиса стоила навѣрное до трехъ сотъ долларовъ,—а эта сумма превышала годовой заработокъ многихъ гостей. Нѣкоторые изъ нихъ проводили цѣлый день, отъ ранняго

утра до вечера, въ сырыхъ подвалахъ, а иные въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ въ году не видали солнечнаго свѣта съ воскресенья послѣ обѣда до утра слѣдующаго воскресенья; но и они не могли наработать триста долларовъ въ годъ. Были тутъ и маленькія дѣти, тоже уже работавшія на фабрикахъ — родители прибавляли имъ года, для того, чтобы ихъ приняли,—они не заработывали и ста долларовъ въ годъ. А между тѣмъ такая огромная сумма расходовалась сразу на устройство свадебнаго пира.

Это, конечно, было крайне непрактично,—иногда даже трагично, въ виду послѣдствій такой необдуманности; но нельзя отрицать, что въ этомъ была и большая красота. Эти несчастные люди отказывались мало-по-малу отъ всего, но они не могли отстать отъ стариннаго обычая пышно праздновать свадьбу. Отказаться отъ этого значило бы признать себя побѣжденными, потерять послѣднюю нравственную опору. Обычай свадебныхъ пиршествъ коренился въ завѣтахъ далекой старины. Значеніе его заключалось въ томъ, что можно примириться хотя бы съ жизнью въ темномъ подвалѣ, но необходимо для этого хоть разъ въ жизни порвать цѣпи, взмахнуть крыльями и, взлетѣвъ ввысь, поглядѣть на солнце; необходимо для этого хоть разъ отряхнуть всѣ заботы и страхи, посмотрѣть на жизнь свободно, какъ на игру, самому поиграть ею, какъ жонглеръ золотыми шарами, осушить всю радость жизни за разъ, какъ бокалъ дорогого вина. Испытавъ это, почувствовавъ себя властелиномъ жизни, человѣкъ можетъ вернуться къ своей каторжной работѣ и жить воспоминаніями о минутномъ торжествѣ, о минутѣ своей свободы.

Танцоры продолжали вертѣться по залѣ, и когда у нихъ начинала кружиться голова, они вертѣлись въ противоположномъ направленіи. Уже стемнѣло, и залу тускло освѣтили двѣ коптившія керосиновыя лампы. Музыканты устали, воодушевленіе ихъ прошло, и они вяло повторяли одну и ту же короткую мелодію. Слѣдовало уже собственно прекратить игру и танцы, но Марія Берчинская никакъ не хотѣла этого допустить. Она была съ утра въ какомъ-то упоеніи, и ей было страшно, что эти блаженные часы кончатся. Ей хотѣлось бы крикнуть мгновенію: „Остановись, ты такъ прекрасно!“ —и она почувствовала ненависть къ музыкантамъ, которые смѣли чувствовать усталость и мѣшали ей длить волшебный сонъ. Она кричала своимъ зычнымъ голосомъ, чтобы они продолжали играть, и убѣждала гостей не прекращать танцы. Когда кто-то вышелъ изъ залы, не закрывъ за собой двери, и въ комнату ворвалась струя холод-

наго воздуха, Марія захлопнула дверь пинкомъ ноги, несясь мимо въ бѣшеной пляскѣ. При этомъ она чуть не задавила маленькаго Севастьяна, сына Шедвилы. Ребенокъ заплакалъ. Марія, очень жалостливая въ обыкновенное время, на этотъ разъ разсвирѣпѣла. Она схватила ребенка на руки, стала его успокаивать, понесла его къ стойкѣ и дала ему выпить пѣнящагося пива. Музыканты воспользовались этой минутой, чтобы отдохнуть и тоже выпить чего-нибудь.

Въ другомъ углу комнаты происходило тѣмъ временемъ взволнованное совѣщаніе между тетей Ельзбетой, дѣдомъ Антономъ и еще нѣсколькими друзьями. Они устроили свадебный пиръ, разсчитывая на участіе гостей въ покрытіи расходовъ,—такъ полагалось по старинному обычаю. Доля каждаго въ расходахъ была различная, но всякій отлично зналъ, сколько на него приходится, и старался дать немножко больше, чтобы еще осталось кое-что для молодыхъ. Но здѣсь, въ новой странѣ, все измѣнилось. Молодые люди, какъ отравленные какимъ-то тонкимъ ядомъ, разлитымъ въ воздухѣ, потеряли всякое чувство стыда и чести. Они пришли, угостились вкуснымъ обѣдомъ и стали исчезать подъ разными предлогами. Одинъ, напримѣръ, выбросилъ за окно шляпу товарища, оба вышли поднимать ее и уже не вернулись. Нѣкоторые уходили совершенно открыто, глядя хозяевамъ прямо въ глаза, да еще уводили съ собою другихъ. Иные подходили сначала къ стойкѣ, напивались на счетъ хозяевъ и спокойно уходили. Хозяева были крайне смущены и взволнованы. Столько труда, столько расходовъ, и никто не помогъ имъ покрыть ихъ! Бѣдная Она стояла подлѣ мачихи, широко раскрывъ глаза отъ ужаса. Ее уже давно тревожили мысли о страшныхъ свадебныхъ расходахъ, и она по цѣлымъ ночамъ не спала, подсчитывая, сколько еще придется платить по счетамъ, кромѣ предварительныхъ расходовъ. Пятнадцать долларовъ за залу, двадцать два доллара съ половиной за утокъ, двѣнадцать долларовъ музыкантамъ, пять въ церкви,—и это было далеко не все. Главное—это счетъ, который подастъ Грайчунъ за пиво и спиртные напитки. Всякій трактирщикъ сначала назначаетъ только приблизительную сумму. А когда дѣло доходитъ до разсчета, онъ является, почесывая затылокъ, и говоритъ, что ошибся, что счетъ вышелъ большій, чѣмъ онъ предполагалъ,—но что зато онъ постарался угодить и гости ушли пьяные-препьяные. При этомъ онъ непремѣнно надувалъ: онъ начиналъ цѣдить пиво изъ неполной бочки, а затѣмъ бралъ вторую, тоже уже на половину опорожненную, а въ счетъ ставилъ двѣ цѣлыя бочки. Затѣмъ,

обязавшись ставить водку опредѣленнаго качества за условленную цѣну, онъ на самомъ дѣлѣ давалъ какую-то отвратительную отраву. Жаловаться въ судъ въ такихъ случаяхъ не стоило — всякій кабатчикъ всегда умѣлъ выпутаться, такъ какъ состоялъ въ дружбѣ съ мѣстными властями. Всѣ это знали, и потому не затѣвали исторій и, не споря, уплачивали по счету.

Поведеніе гостей, уклонившихся отъ уплаты своей доли, было особенно неделикатно по отношенію къ гостямъ, которые дали сколько могли, и даже больше. Старикъ Якубъ Шедвила далъ пять долларовъ, а всѣ знали, что онъ одолжилъ деньги подъ залогъ лавки, чтобы уплатить за наемъ помѣщенія. Точно также и старая пани Анеля. Она была вдова съ тремя дѣтьми, ее мучили острые припадки ревматизма, и она занималась стиркой бѣлья за грошевую плату. Она, кромѣ того, разводила цыплятъ, и это было ея единственной радостью. Она дрожала надъ каждымъ цыпленкомъ, проливая потоки слезъ, когда случалось, что у нея украли цыпленка. И все же она отдала тетѣ Ельзбетѣ всю выручку за своихъ цыплятъ за нѣсколько мѣсяцевъ, въ благодарность за то, что тетя Ельзбета одолжила ей разъ деньги, когда хозяинъ гналъ ее съ квартиры.

Около смущенныхъ хозяевъ собрались гости, понимавшіе, о чемъ они шепчутся. Среди собравшихся были, можетъ быть, и виновные въ неуплатѣ денегъ. Подошелъ и Юргисъ; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ нахмурилъ брови и сталъ оглядывать залу. У него, вѣроятно, чесались руки расправиться кое съ кѣмъ изъ незаплатившихъ, но онъ зналъ, что это безполезно. Вышелъ бы только скандалъ. Онъ поэтому спокойно сказалъ тетѣ Ельзбетѣ, что плакать не стоитъ—все равно этимъ дѣлу не помочь,—и успокоилъ также Ону.

— Ничего, моя крошка,—сказалъ онъ ей тихо,—мы за все уплатимъ. Я буду больше работать.

Это было постояннымъ отвѣтомъ Юргиса въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ это сказалъ на родинѣ, на Литвѣ, когда одинъ чиновникъ отобралъ у него паспортъ, а другой арестовалъ его за то, что онъ безъ паспорта, и оба они подѣлили между собой его имущество. Онъ опять повторилъ эти слова въ Нью-Іоркѣ, когда они попались въ руки медоточиваго агента, который ихъ немилосердно обиралъ. И теперь онъ сказалъ это въ третій разъ.

У Оны захватило духъ: какъ это поразительно, что у нея мужъ, какъ у настоящей взрослой женщины! Да еще такой сильный, что ему все нипочемъ.

Оркестръ снова заигралъ и танцы съ новобрачной возобновились, но очень вяло, такъ что вскорѣ пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго сбора денегъ. Начались опять общіе танцы. Было уже, однако, за полночь. Гости отяжелѣли и устали; многіе были совершенно пьяны и танцовали уже въ полузабытьи. Многія пары перестали танцовать, сидѣли по угламъ и шептались. Иные—изъ очень подвыпившихъ—расхаживали кучками по залѣ и громко распѣвали пѣсни; кое-гдѣ затѣвались споры и ссоры. Толстый полицейскій окончательно стряхнулъ сонъ и взялъ въ руку свою внушительную палку. Онъ зналъ, что ему нужно быть наготовѣ: драки, которыя начинались въ два часа ночи, если вò-время не разнять людей, разгорались какъ лѣсной пожаръ, такъ что иногда приходилось вызывать всѣ полицейскіе резервы. Для предупрежденія этого нужно было расшибать голову каждому буяну въ отдѣльности, который попадался на глаза,—не то ихъ уже набиралось столько, что съ ними не было сладу. Тутъ, въ районѣ скотобоенъ и фабрикъ, не велся точный подсчетъ прошибленнымъ головамъ: здѣсь люди такъ привыкли весь день бить по головѣ скотъ, что потомъ упражнялись въ томъ же занятіи на друзьяхъ и товарищахъ, а нерѣдко и на членахъ собственной семьи.

Но въ эту ночь не было дракъ. Юргисъ слѣдилъ за этимъ еще болѣе зорко, чѣмъ полицейскій. Разъ только Марія, сильно подвыпившая къ концу вечера, вздумала-было полѣзть въ рукопашную съ уклонившимися отъ уплаты денегъ. Но ее вò-время остановили. Опять возобновились танцы подъ однообразную игру утомленныхъ, обезсиленныхъ музыкантовъ. Танцы ужъ были совсѣмъ вялые, но музыка всѣхъ какъ бы гипнотизировала своимъ однообразіемъ. Никто не могъ остановиться, хотя было уже три часа ночи и всѣ истощили свою воспріимчивость къ наслажденію, свои силы и свой запасъ нервнаго возбужденія, созданнаго чрезмѣрнымъ количествомъ выпитаго пива и водки. Ни у кого, однако, не хватало энергіи прекратить танцы и пойти спать. Вѣдь уже ровно въ семь часовъ въ то же утро каждый изъ нихъ будетъ на своемъ мѣстѣ на фабрикахъ Дургэма, Броуна или Джонса. Если кто-нибудь опоздаетъ на одну минуту, съ его жалованья скинутъ плату за часъ; а если онъ опоздаетъ больше, то уже можетъ лишиться мѣста. Тогда опять придется стоять среди голодной толпы безработныхъ, съ шести часовъ утра до половины девятаго, и ждать, не найдется ли для него какого-нибудь дѣла. Всѣмъ безъ исключенія придется стать съ утра на работу,—даже Онѣ, которой отказали въ позволеніи не явиться

на работу въ день послѣ свадьбы. Когда у воротъ стоитъ столько безработныхъ, то нельзя разсчитывать ни на какія поблажки.

Бѣдной Онѣ стало совсѣмъ дурно отъ духоты и запаха спирта, которымъ всѣ гости были какъ бы пропитаны насквозь. Юргису хотѣлось скорѣе увести ее домой, и онъ не сталъ дожидаться коляски, тѣмъ болѣе, что идти имъ было совсѣмъ недалеко. Онъ укуталъ Ону въ платокъ, надѣлъ на нее свое пальто и увелъ ее. Пьяные и дремавшіе по угламъ гости даже не замѣтили ихъ ухода. Дѣдъ Антонъ тоже заснулъ, также какъ Якубъ Шедвила и его жена,—они даже громко храпѣли. Юргисъ взялъ Ону на руки, и она беззвучно опустила ему голову на плечо; онъ даже не могъ рѣшить, заснула ли она, или въ обморокѣ. Но когда онъ дошелъ до дому и сталъ держать ее одной только рукой, отворяя дверь другою, она открыла глаза.

— Ты не пойдешь завтра на работу, крошка,—сказалъ онъ, поднимаясь съ нею на лѣстницу. Но она схватила его за руку и съ ужасомъ шепнула:

— Нѣтъ, нельзя,—мы и такъ разорены!

Но Юргисъ повторяетъ свое:—Не бойся,—говоритъ онъ,—я все устрою. У меня будутъ деньги;—я буду больше работать, вотъ и все.

II.

Юргисъ говорилъ такъ беззаботно о работѣ только потому, что былъ молодъ и вѣрилъ въ свои силы. Онъ слышалъ, что работа на чикагскихъ фабрикахъ консервовъ страшно быстро истощаетъ силы, но только смѣялся, слушая всѣ разсказы объ этомъ. Онъ пока прожилъ здѣсь только еще четыре мѣсяца, былъ молодъ и необыкновенно здоровъ и силенъ,—и поэтому не могъ представить себѣ, что судьба готовитъ ему пораженіе.

— Это только съ вами, заморышами, можетъ случиться,—говорилъ онъ,—а у меня плечи широкія, я все выдержу.

Юргисъ былъ настоящій деревенскій силачъ, и такихъ работниковъ, какъ онъ, очень цѣнили на фабрикахъ въ Чикаго. Когда его посылали куда-нибудь, онъ отправлялся бѣгомъ и быстро справлялся со всѣмъ. Когда на минуту ему нечего было дѣлать, онъ отъ избытка энергіи и силъ не могъ устоять спокойно на мѣстѣ. Работая вмѣстѣ съ другими, онъ всегда управлялся со своей долей общей работы гораздо скорѣе, чѣмъ другіе, и всегда поджидалъ медлившихъ товарищей, выдѣляясь своимъ проворствомъ и быстротой движеній. Онъ поэтому сейчасъ же

нашелъ работу. На второй день послѣ пріѣзда въ Чикаго, онъ простоялъ не болѣе получаса передъ конторой Броуна и Компаніи,—его наняли однимъ изъ первыхъ въ тотъ день. Это очень польстило его самолюбію, и онъ еще болѣе смѣялся надъ пессимистами. Ему сказали, что изъ людей, съ которыми онъ стоялъ такъ недолго въ ожиданіи найма, многіе ждали уже нѣсколько мѣсяцевъ и безъ всякаго результата.

— Ну, да что это и за народъ!—отвѣчалъ онъ:—бродяги, неспособные къ работѣ, спившіеся нищіе, которые понесутъ въ кабакъ первый же заработанный грошъ. Но неужели вы полагаете, что съ такими руками,—онъ сжималъ при этомъ руки въ могучіе кулаки и показывалъ ихъ,—я пропаду съ голода?

— Да,—отвѣчали ему,—видно, что ты пріѣхалъ изъ деревенской глуши и города не знаешь.

Юргисъ, дѣйствительно, никогда не видалъ города до того, какъ рѣшился попытать счастья на чужбинѣ, для того, чтобы жениться на Онѣ. Его отецъ, дѣдъ и всѣ предки, о которыхъ сохранились преданія въ семьѣ, жили всегда въ Бѣловѣжской Пущѣ. Тамъ среди сотенъ тысячъ акровъ лѣсовъ есть лишь очень немного крестьянскихъ поселеній, издавна владѣвшихъ своими участками земли. Однимъ изъ немногочисленныхъ тамошнихъ крестьянъ былъ отецъ Юргиса, Антонъ Рудкусъ. У него было акровъ двѣнадцать пахотной земли. Кромѣ Юргиса, онъ имѣлъ еще одного сына и одну дочь. Сына взяли въ солдаты, и онъ пропалъ безъ вѣсти. Дочь Антона вышла замужъ, и мужъ ея откупилъ землю у тестя. Тогда старикъ Антонъ рѣшилъ эмигрировать со своимъ сыномъ. Юргисъ познакомился съ Оной года за полтора до того на конской ярмаркѣ въ ста верстахъ отъ своей деревни. Юргисъ прежде считалъ, что жениться глупо, а тутъ вдругъ дѣвушка ему сразу очень понравилась. Поговоривъ съ нею и поглядѣвъ на нее съ блаженной улыбкой, онъ прямо пошелъ, весь красный отъ смущенія и страха, къ ея родителямъ и предложилъ имъ отдать ему ее въ жены. Онъ предложилъ имъ за нее двѣ отцовскія лошади, которыя привелъ продавать на ярмарку. Но отецъ Оны оказался непреклоннымъ. Онъ сказалъ, что Она еще слишкомъ молода, что онъ самъ человѣкъ богатый и не отдастъ свою дочь такъ дешево. Юргисъ пошелъ домой очень опечаленный и работалъ всю весну и все лѣто, не покладая рукъ, чтобы забыть про свою неудачу. Но осенью, когда кончилась работа на полѣ, имъ опять овладѣла тоска, и онъ отправился къ Онѣ, пройдя въ двѣ недѣли пѣшкомъ пространство, раздѣлявшее ихъ.

Въ семьѣ Оны тѣмъ временемъ все перемѣнилось. Отецъ умеръ, и его земля оказалась въ рукахъ кредиторовъ. Теперь, къ великой радости Юргиса, Она была доступна для него. Семья состояла изъ Ельзбеты Лукошайтэ, мачихи Оны—Она ее называла тетей,—и ея шестерыхъ дѣтей разнаго возраста. Былъ еще у Оны братъ Іонасъ, худощавый, небольшого роста; онъ работалъ на фермѣ. Юргису, пріѣхавшему изъ лѣсной глуши, семья Оны внушала особое преклоненіе своей образованностью. Сама Она умѣла читать и знала, кромѣ того, многое, о чемъ онъ не имѣлъ понятія. Теперь семья очутилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Землю ихъ продали, причемъ кредиторы ихъ надули и ограбили; у нихъ осталось всего на всего семьсотъ рублей капитала. Конечно, Она могла бы теперь выйти замужъ за Юргиса и уйти изъ дому, но она была привязана къ тетѣ Ельзбетѣ и не хотѣла оставить ее въ бѣдѣ. Іонасъ первый предложилъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать въ Америку, гдѣ одинъ его знакомый сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Іонасъ былъ увѣренъ, что ему удастся пристроиться тамъ, что для женщинъ и для дѣтей тоже найдется работа, и имъ будетъ житься лучше, чѣмъ на родинѣ. Юргисъ тоже слыхалъ, что въ Америкѣ рабочій можетъ заработать три рубля въ день; примѣняя эту рабочую плату къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онъ жилъ дома, Юргисъ рѣшилъ, что, отправившись въ Америку, онъ можетъ разбогатѣть и жениться на Онѣ. Тамъ, какъ ему говорили, всѣ свободны. Служить въ солдатахъ не заставляютъ, не нужно тратить всѣ свои деньги на взятки чиновникамъ,—всякій воленъ жить какъ хочетъ и не долженъ унижаться ни передъ кѣмъ.

Только бы раздобыть деньги на проѣздъ,—тогда все устроится къ лучшему! Рѣшено было ѣхать слѣдующей весной, и до того Юргисъ нанялся къ подрядчику и прошелъ пѣшкомъ четыреста верстъ въ Смоленскъ, на работы по постройкѣ желѣзной дороги. Работа была страшно тяжелая, безъ отдыха, пища плохая, приходилось жить среди страшной грязи, но Юргисъ все переносилъ терпѣливо и зато отложилъ къ веснѣ восемьдесятъ рублей.

Слѣдующимъ лѣтомъ они всѣ и пустились въ путь въ Америку. Въ послѣднюю минуту къ нимъ присоединилась Марья Берчинская, двоюродная сестра Оны. Она была сирота и съ дѣтства работала на фермѣ около Вильны, гдѣ хозяинъ вѣчно ее колотилъ. Только въ двадцать лѣтъ Марьѣ пришло въ голову испытать свою силу. Она вздумала дать отпоръ хозяину и чуть не убила его. Послѣ того она ушла.

Ихъ поѣхало въ Америку такимъ образомъ двѣнадцать чело-

вѣкъ — шесть взрослыхъ и шестеро дѣтей. Уже по дорогѣ они попали въ бѣду: имъ взялся помогать какой-то агентъ, который оказался мазурикомъ и повытянулъ у нихъ много денегъ. Въ Нью-Іоркѣ повторилась та же исторія, потому что они растерялись въ чужомъ мѣстѣ и не знали, къ кому обращаться съ вопросами. Когда имъ встрѣтился человѣкъ въ синемъ мундирѣ, говорившій на ихъ языкѣ, онъ безъ всякаго труда завлекъ ихъ въ отель и заставилъ ихъ заплатить огромныя деньги при отъѣздѣ. По закону, у дверей каждаго отеля долженъ быть вывѣшенъ тарифъ, но законъ не требуетъ, чтобы тарифъ написанъ былъ по-литовски.

Пріятель Іонаса разбогатѣлъ на торговлѣ мясными консервами, и поэтому семья литовскихъ эмигрантовъ тоже направилась въ Чикаго. Они знали только одно слово: „Чикаго“, и оно довело ихъ до мѣста назначенія. Но, очутившись — сами не понимая какъ — въ этомъ городѣ, они оказались совершенно безпомощными. Больше всего они теперь боялись людей въ мундирахъ, и при видѣ всякаго полицейскаго спѣшили перейти на другую сторону улицы. Такъ они пробродили цѣлый день, совершенно потерянные въ лабиринтѣ улицъ; подъ вечеръ ихъ подобрала полиція и помѣстила на ночь въ полицейскій участокъ. Утромъ нашли переводчика, и послѣ переговоровъ при его помощи ихъ посадили въ вагонъ электрическаго трамвая, научивъ ихъ новому слову: „скотные дворы“. Они очень радовались, что на этотъ разъ дѣло обошлось безъ лишнихъ расходовъ.

Сѣвъ въ вагонъ трамвая, они стали глядѣть въ окна. Передъ ихъ глазами потянулась длинная, безконечно длинная — они не знали, что длина ея тридцать-четыре версты — улица, и по обѣимъ ея сторонамъ шелъ непрерывающійся рядъ невзрачныхъ двухъ-этажныхъ домиковъ. Боковыя улицы были совершенно такого же типа; нигдѣ ни пригорка, ни зелени: все такія же безобразныя грязныя деревянныя строенія. Иногда путь пересѣкался мостомъ черезъ грязную рѣчку, съ грязными навѣсами и лачугами по берегамъ; или же они пересѣкали полотно желѣзной дороги съ цѣлымъ лабиринтомъ рельсовъ во всѣхъ направленіяхъ. Кое-гдѣ возвышались фабрики, угрюмыя зданія съ безконечнымъ количествомъ оконъ и огромныхъ трубъ; дымъ изъ нихъ наполнялъ весь воздухъ копотью. Потомъ опять начинался однообразный рядъ унылыхъ домиковъ.

Еще за часъ до пріѣзда въ Чикаго, они стали замѣчать перемѣну въ воздухѣ; становилось все болѣе и болѣе темно, краски принимали какой-то грязный оттѣнокъ, вся природа вокругъ

была жалкая и чахлая. И въ то же время они обратили вниманіе на какой-то странный острый запахъ. Людямъ съ болѣе чувствительнымъ обоняніемъ запахъ этотъ показался бы нестерпимымъ,—имъ онъ показался только страннымъ. А теперь, сидя въ электрическомъ трамваѣ, они поняли, что направляются къ источнику его,—и что туда именно велъ ихъ далекій путь съ родины. Запахъ этотъ уже не былъ чѣмъ-то смутнымъ, неуловимымъ. Онъ сталъ плотнымъ, осязательнымъ. Они никакъ не могли согласиться въ опредѣленіи этого запаха. Они только чувствовали запахъ чего-то сырого и остраго, жирнаго, прогорклаго и очень сильнаго. На иныхъ этотъ запахъ дѣйствовалъ какъ опьяняющее питье, другіе съ отвращеніемъ зажимали носъ. Литовская семья все еще не понимала, что̀ это за запахъ, когда трамвай остановился, дверь широко раскрылась и раздался громкій голосъ:—Скотные дворы!

Они очутились на улицѣ и стали оглядываться вокругъ себя. Вдоль боковой улицы тянулись два ряда кирпичныхъ домовъ и посрединѣ было открытое пространство: тамъ изъ шести гигантскихъ трубъ поднимались столбы густого, жирнаго, чернаго какъ ночь дыма. Онъ точно выходилъ изъ нѣдръ земли, гдѣ горятъ еще огни отъ начала вѣковъ. Нескончаемые клубы дыма поднимались къ небу и разстилались по небу черной пеленой, застилавшей весь горизонтъ.

Вниманіе пріѣзжихъ было вскорѣ привлечено еще однимъ страннымъ обстоятельствомъ. Это, какъ и запахъ, было что-то стихійное, какой-то звукъ, составленный изъ тысячи отдѣльныхъ слабыхъ звуковъ. Сразу его трудно было подмѣтить, онъ только слегка вкрадывался въ сознаніе, какъ жужжаніе пчелъ весной или шелестъ листьевъ въ лѣсу; казалось, что до слуха доносится отголосокъ непрерывнаго движенія, чего-то совершающагося безъ перерыва гдѣ-то неподалеку. Постепенно, однако, выяснялось для сознанія, что звукъ этотъ производится животными, что это—далекій вой десяти тысячъ головъ скота, далекое визжанье десяти тысячъ свиней.

Пріѣзжимъ любопытно было бы прослѣдить, откуда идетъ этотъ звукъ, но у нихъ не было времени. Полицейскій на углу уже обратилъ на нихъ вниманіе, и они по обыкновенію поспѣшили перейти на другую сторону улицы, спасаясь отъ него. Вдругъ Іонасъ испустилъ радостный крикъ и исчезъ въ лавкѣ, на вывѣскѣ которой было написано: „Я. Шедвила. Лавка бакалейныхъ товаровъ“. Черезъ минуту онъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи толстаго господина безъ сюртука и въ передникѣ. У

обоихъ были радостно-возбужденныя лица. Оказалось, что Шедвила и былъ тотъ пріятель Іонаса, которому повезло въ Америкѣ. Тотъ фактъ, что онъ разбогатѣлъ именно на продажѣ съѣстныхъ товаровъ, былъ особенно пріятнымъ сюрпризомъ, такъ какъ всѣ они еще ничего не ѣли съ утра, и дѣти уже начинали хныкать отъ голода.

Шедвила и его жена очень радушно приняли пріѣзжихъ, и Якубъ сталъ поучать своихъ земляковъ, объяснять имъ условія, въ которыхъ имъ теперь придется жить. Онъ сказалъ имъ, какъ бы они должны были поступить, въ чемъ состояли ихъ ошибки до сихъ поръ, и, главное, указалъ имъ, что дѣлать теперь, какъ начать жизнь въ новыхъ условіяхъ. Прежде всего онъ совѣтовалъ имъ поселиться у пани Анели Юкнинъ. Тамъ, конечно, жить имъ будетъ не особенно удобно, но на первыхъ порахъ это—самое подходящее. Тетя Ельзбета поспѣшила сказать, что самое главное для нихъ теперь—дешевизна; они и такъ въ полномъ ужасѣ отъ того, что уходитъ столько денегъ. За нѣсколько дней пребыванія въ странѣ высокой заработной платы они успѣли убѣдиться, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, страна невообразимо высокихъ цѣнъ на предметы первой необходимости; бѣдные люди здѣсь, навѣрное, нуждаются еще гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ грёзы Юргиса о богатствѣ сразу разсѣялись. Но самое ужасное было то, что они теперь должны были тратить по американскимъ цѣнамъ деньги, заработанныя на родинѣ по тамошней платѣ за трудъ. За послѣдніе дни они почти ничего не ѣли—до того ихъ ужасала дороговизна съѣстныхъ припасовъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Но все-таки, попавъ на квартиру вдовы Юкнинъ, они пришли въ полный ужасъ. Въ такой трущобѣ имъ еще ни разу не приходилось бывать за все время путешествія. У пани Анели была квартира въ четыре комнаты, въ одномъ изъ двухъ-этажныхъ домовъ фабричнаго района. Въ каждомъ такомъ домѣ были четыре квартиры, и каждая квартира была пансіономъ для эмигрантовъ-литовцевъ, поляковъ, чеховъ. Квартиры эти содержались иногда частными предпринимателями, а иногда устраивались на кооперативныхъ началахъ. Въ каждой комнатѣ помѣщалось обыкновенно человѣкъ по шести, но иногда бывало и по тринадцати—четырнадцати, и случалось, что во всей квартирѣ жило человѣкъ шестьдесятъ. Каждый долженъ былъ имѣть собственную постель. Тюфяки разстилались на полу и занимали всю комнату,—кромѣ маленькаго пространства, занятаго печкой. Однимъ и тѣмъ же тюфякомъ пользовались иногда два человѣка, изъ которыхъ одинъ

работалъ днемъ и спалъ ночью, а другой работалъ ночью и спалъ днемъ. Хозяйка, пани Юкнинъ, была блѣдная маленькая женщина съ морщинистымъ лицомъ. Квартира ея была невообразимо грязна, тѣмъ болѣе, что кромѣ множества людей, спавшихъ въ комнатахъ, въ сѣняхъ съ кухоннаго хода устроено было еще изъ досокъ помѣщеніе для цыплятъ. Жильцы пани Анели говорили въ шутку, что для чистки и уборки комнатъ хозяйка пользовалась своими цыплятами. Она пускала ихъ ходить по комнатамъ, и они истребляли—по крайней мѣрѣ—паразитовъ. Возможно, впрочемъ, что это дѣлалось вовсе не ради чистоты, а для доставленія дарового корма цыплятамъ. Какъ бы то ни было, но пани Анеля совсѣмъ перестала заботиться объ уборкѣ дома. Она сильно страдала ревматизмомъ и большею частью сидѣла въ своемъ углу, скрючившись отъ боли.

Вотъ куда попали на первыхъ порахъ пріѣзжіе. Они все-таки рѣшили остаться пока. Женщинамъ и дѣтямъ пани Анеля предложила раздѣлить съ нею ея комнату, гдѣ она спала со своими тремя дѣтьми. Юргисъ былъ увѣренъ, что достанетъ работу для себя на слѣдующій же день, а затѣмъ, можетъ быть, и Іонаса удастся пристроить-куда нибудь, и тогда они займутъ собственную квартиру.—А пока нужно потерпѣть.

Въ тотъ же день, попозже, Юргисъ и Она пошли пройтись по кварталу, гдѣ имъ предстояло поселиться. Всюду тянулись одинаковые унылые домики въ два этажа, и ряды ихъ прерывались только кое-гдѣ пустыми пространствами, гдѣ торчали пучки чахлой желтой зелени и тянулись плантаціи томатовъ. На этихъ пустошахъ рѣзвились дѣти. Они бѣгали, гнались другъ за дружкой, дрались. Количество дѣтей было какое-то поражающее. Сначала казалось, что это толпа школьниковъ, высыпавшая на улицу послѣ уроковъ, но мѣстные жители знали, что никакой школы тутъ не было: все это были дѣти мѣстныхъ рабочихъ, и улицы квартала были запружены ими настолько, что ѣхать по нимъ приходилось шагомъ.

Впрочемъ, и такъ трудно было бы скоро ѣздить здѣсь по улицамъ въ виду ихъ неисправности. Середина улицы была повсюду ниже уровня домовъ и соединялась съ ними высокими троттуарами. Улицы были немощенныя, съ ухабами и рытвинами на каждомъ шагу, съ глубокими впадинами, наполненными водой мутнаго зеленаго цвѣта. Въ такого рода прудахъ барахтались дѣти, извлекая оттуда какіе-то непонятные трофеи. Вокругъ нихъ носились рои мухъ и чувствовался ужасный запахъ разложенія. Если пораженный этимъ запахомъ посторонній посѣти-

тель спрашивалъ мѣстныхъ жителей о причинахъ зловонія,—ему спокойно отвѣчали, что вся почва здѣсь наносная, и образовали ее тѣмъ, что сюда свозили и сваливали городскіе отбросы. Черезъ нѣсколько времени запахъ исчезнетъ, — но пока, конечно, непріятно, особенно лѣтомъ, въ жару и дождь. И нехорошо также, что столько мухъ.—А развѣ это не вредно для здоровья?—спрашивалъ посѣтитель.—Можетъ быть, но утверждать навѣрное нельзя.

Пройдя нѣсколько шаговъ дальше, Юргисъ и Она воочію увидѣли, какъ создавалась эта наносная почва. Въ огромную квадратную яму сваливали возы съ отбросами. Оттуда шло невообразимое зловоніе. Но несмотря на это, тамъ копалась цѣлая куча дѣтей до поздней ночи, и нельзя было въ точности рѣшить, ищутъ ли они тамъ кормъ для куръ, или пищу для самихъ себя. За свальной ямой высились высокія трубы кирпичнаго завода. Такъ что сначала землю раскапывали, чтобы добыть изъ нея глину, а потомъ снова засыпали ямы отбросами. Юргисъ и Она были поражены предпріимчивостью американцевъ, умѣвшихъ такимъ образомъ извлекать пользу изъ всего. Пройдя дальше, они увидѣли яму, не засыпанную еще. Тамъ была вода, которая простояла все лѣто, покрываясь плѣсенью. Зимой она замерзала, и оттуда выкалывали ледъ и продавали его мѣстнымъ жителямъ. Это имъ тоже понравилось своей практичностью: они вѣдь не читали газетъ и ничего не знали про „микробы“.

Они долго стояли тамъ, не глядя на величественный закатъ, озарявшій крыши домовъ. Имъ было не до заката; повернувшись спиной къ солнцу, они глядѣли на разстилавшійся передъ ними вдали городъ. Линія зданій рѣзко вырисовывалась на горизонтѣ. Кое-гдѣ надъ домами поднимались высокія трубы, и изъ нихъ потоки дыма разливались далеко-далеко — какъ бы до краевъ міра. Въ вечернемъ освѣщеніи дымъ принималъ самые разнообразные свѣтовые оттѣнки, становился смѣсью чернаго, коричневаго, сѣраго и багрово-краснаго. Все жалкое, нищенское исчезло—въ сумеркахъ оставалось только впечатлѣніе гигантской мощи. Юргису и Онѣ казалось, что все это волшебный сонъ о жизни, озаренной любовью, сознаніемъ свободы, перспективой работы для тысячи рукъ. Возвращаясь домой, Юргисъ сказалъ Онѣ еще болѣе увѣренно:—Завтра я поступлю на работу.

III.

Среди многочисленныхъ знакомыхъ Якуба Шедвилы оказался также одинъ полицейскій, состоявшій на службѣ у фабриканта Дургэма. Такъ какъ въ его обязанность входило и подыскиваніе рабочихъ на фабрику, то Якубъ попросилъ его пристроить куда-нибудь старика Антона и Іонаса. Самъ Юргисъ не нуждался въ протекціи. Онъ зналъ, что и самъ найдетъ себѣ работу,—и дѣйствительно не ошибся. Онъ пошелъ на фабрику Броуна и прождалъ тамъ не болѣе получаса. Надзиратель сейчасъ же замѣтилъ въ толпѣ высокаго, сильнаго литовца, и послѣ короткихъ переговоровъ жестами—свой запасъ англійскихъ словъ Юргисъ исчерпалъ послѣ первой же фразы—послѣдовало соглашеніе, и Юргису назначили явиться на работу на слѣдующее же утро, въ семь часовъ. Юргисъ поспѣшилъ домой съ радостной вѣстью. Получить работу въ первый же день—развѣ это не величайшая удача? Тѣмъ временемъ Якубъ успѣлъ повидаться съ знакомымъ полицейскимъ, и тотъ обѣщалъ доставить работу Антону и Іонасу. Вся семья пришла въ радужное настроеніе, и чтобы отпраздновать удачу, Якубъ рѣшилъ провести весь день съ своими земляками. Онъ оставилъ лавку на попеченіе жены и отправился съ пріѣзжими, показывать имъ достопримѣчательности города. Онъ былъ мѣстный старожилъ, городъ выросталъ на его глазахъ, и онъ гордился его великолѣпіемъ. Земля, конечно, принадлежала собственникамъ скотопригонныхъ дворовъ и фабрикантамъ консервовъ, но внѣшній видъ всего былъ его собственностью, и его правъ на это никто не могъ оспаривать. Онъ водилъ друзей своихъ по улицамъ, какъ помѣщикъ, показывающій свои владѣнія гостямъ.

Они прошли внизъ по улицѣ, которая вела къ скотопригоннымъ дворамъ. Утренняя работа была еще въ полномъ разгарѣ. Въ ворота вливался потокъ людей—въ этотъ часъ являлись на службы служащіе высшихъ категорій—клерки, стенографы и т. д. Женщинъ ждали большіе дилижансы, запряженные каждый парой лошадей. Они быстро наполнялись и уѣзжали. И опять доносился откуда-то вой скота, похожій на далекій рокотъ океана. Пріѣзжіе направились по направленію, откуда шли эти звуки,—ихъ влекло туда острое любопытство, и они шли, какъ дѣти, которыхъ ведутъ въ звѣринецъ. Перейдя черезъ рельсы, они увидѣли по обѣ стороны улицы загоны, переполненные скотомъ. Имъ хотѣлось бы

остановиться и посмотрѣть, но Якубъ торопилъ ихъ идти дальше. Онъ провелъ ихъ по лѣстницѣ на высокую галерею, откуда можно было все ясно увидѣть. Тамъ они долго стояли, пораженные открывшейся ихъ взглядамъ картиной.

Скотопригонные дворы занимали около квадратной версты, и половина этого пространства отведена была подъ загоны для скота. Во всѣ стороны тянулось цѣлое море загоновъ. Когда они были полны, то казалось почти невѣроятнымъ, чтобы могло существовать столько скота на свѣтѣ. Скотъ былъ самый разнообразный: бурый, черный, старый и молодой, ревущіе быки и новорожденные телята, коровы съ кроткими глазами и буйные длиннорогіе тексасскіе быки. Количество головъ казалось неисчислимымъ,—точно ихъ согнали сюда со всего міра. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были проѣзды, загражденные на опредѣленныхъ разстояніяхъ воротами, и Якубъ пояснилъ, что такихъ воротъ двадцать-пять тысячъ. Когда это число вызвало крикъ изумленія у его земляковъ, Якубъ почувствовалъ нѣкоторую гордость, и подобное же чувство начало овладѣвать Юргисомъ. Вѣдь и онъ теперь соучастникъ этой гигантской производительности, одинъ изъ винтовъ поразительной машины.

Вдоль проѣздовъ неслись галопомъ люди верхомъ, въ ботфортахъ и съ длинными бичами въ рукахъ. Это были закупщики скота для крупныхъ консервныхъ фабрикъ въ далекихъ штатахъ. Они останавливались, осматривали партію скота, и переговоры съ продавцомъ длились обыкновенно не больше минуты. Закупщикъ кивалъ головой или опускалъ бичъ; это значило, что сдѣлка заключена, и онъ только отмѣчалъ ее въ книжкѣ, рядомъ съ сотней другихъ покупокъ, сдѣланныхъ за это утро. Затѣмъ Якубъ показалъ мѣсто, гдѣ взвѣшивали скотъ на огромныхъ вѣсахъ. Они выносили тяжесть въ сто тысячъ пудовъ и автоматически отмѣчали вѣсъ поставленнаго на гигантскія площадки скота. Вѣсы эти стояли вблизи отъ входа, а вдоль всей восточной стороны шли рельсы, по которымъ подвозили вагоны, нагруженные скотомъ. Подвозъ длился всю ночь, и теперь загоны были полны. Но къ вечеру они опять опоражнивались, и подвозъ начинался сызнова.

— А что же станется со всѣми этими животными? — въ ужасѣ спросила тетя Ельзбета.

— Къ вечеру всѣ они будутъ убиты и разрѣзаны на куски. Съ другой стороны дворовъ опять идутъ рельсы, по которымъ пріѣзжаютъ вагоны за тушами убитаго скота.

Якубъ продолжалъ давать дальнѣйшія поясненія. По его

словамъ, вокругъ скотопригонныхъ дворовъ тянутся двѣсти-пятьдесятъ верстъ рельсоваго пути. По нимъ перевозятся ежедневно около десяти тысячъ быковъ, столько же свиней и половинное количество овецъ. Такъ что въ общемъ здѣсь превращаютъ ежегодно восемь или девять милліоновъ живыхъ существъ въ пищу для людей. Постоявъ на галереѣ нѣсколько времени, можно было, наконецъ, услѣдить за направленіемъ потока, который шелъ по направленію къ бойнямъ. Скотъ сначала гнали на помосты, поднимавшіеся высоко надъ головами; шириной они были футовъ въ пятнадцать. Притокъ скота на помосты былъ непрерывный, и жутко было глядѣть, какъ животныя толпились тамъ, не подозрѣвая о томъ, что̀ ихъ ожидаетъ. Якубъ объяснилъ, что помосты, на которые становились свиньи, поднимали ихъ на самый верхъ виднѣвшихся вдали зданій,—и что свиней поднимала туда ихъ собственная тяжесть; потомъ онѣ тоже силой своей тяжести автоматически проходили черезъ всѣ стадіи своего превращенія изъ живыхъ свиней въ съѣдобную свинину.

— Здѣсь ничего не пропадаетъ даромъ,—сказалъ со смѣхомъ Якубъ, и повторилъ ходячую остроту о томъ, что фабриканты извлекаютъ пользу изъ всего въ свиньѣ—и не могутъ использовать только ея визга. Эта острота была однимъ изъ рѣдкихъ проблесковъ юмора среди мрачнаго рабочаго населенія.

Насмотрѣвшись на скотъ въ загонахъ, компанія прошла со своимъ проводникомъ дальше къ зданіямъ, занимавшимъ середину двора. Зданія эти были кирпичныя, закопченныя дымомъ и расписанныя сплошь множествомъ объявленій. Читая ихъ, посѣтитель убѣждался, что здѣсь-то—очагъ цѣлаго ряда мелкихъ мученій его жизни. Здѣсь изготовлялись продукты, рекламируемые на огромнѣйшихъ пестрыхъ афишахъ среди полей, на улицахъ всѣхъ городовъ, на страницахъ газетъ и журналовъ. Здѣсь изготовлялись „Броуновская императорская ветчина и сало“, „Броуновское копченое мясо“, „Броуновскія сосиски эксельзіоръ“. Здѣсь же родина „Дургэмовскаго очищеннаго сала“ и Дургэмовскихъ мясныхъ консервовъ разнаго наименованія.

Войдя въ одно изъ зданій фабрики Дургэма, они застали много постороннихъ посѣтителей, и вскорѣ явился одинъ изъ служащихъ, чтобы повести ихъ осматривать заведеніе. Это дѣлалось очень охотно, въ видахъ рекламы, но Якубъ шепнулъ друзьямъ, что посѣтители видятъ, конечно, только показную сторону производства и даже не заглядываютъ туда, куда фабрикантамъ невыгодно ихъ водить.

Якубъ повелъ своихъ земляковъ по лѣстницѣ снаружи зда-

нія, и они поднялись на высоту пяти или шести этажей. Тамъ останавливался помостъ, поднимавшій вверхъ цѣлую рѣку свиней. Наверху имъ давали остыть, а потомъ черезъ другой проходъ гнали въ комнату, откуда уже для нихъ не было возврата.

Это было длинное узкое помѣщеніе съ устроенной во всю длинну галереей для посѣтителей. Тамъ стояло большое желѣзное колесо съ вдѣланными въ края его кольцами. Съ обѣихъ сторонъ колеса было узкое пространство, и туда попадали свиньи въ концѣ своего путешествія изъ загона вверхъ. У колеса стояли съ обѣихъ сторонъ два могучихъ негра съ высоко засученными рукавами. Въ эту минуту они отдыхали; колесо остановили, чтобы дать время вымыть полъ. Но вотъ оно опять пришло въ движеніе и началась работа. Стоявшіе у колеса два человѣка схватывали каждый ближайшую свинью за ногу и подвѣшивали ее цѣпочкой съ крючкомъ на концѣ на одно изъ колецъ колеса. Когда колесо поворачивалось, оно подхватывало свинью за ногу и поднимало ее вверхъ. Въ ту же секунду раздавался страшный крикъ, отъ котораго посѣтители невольно вздрагивали, а женщины блѣднѣли. И крикъ уже больше не смолкалъ, потому что подхваченная колесомъ свинья переживала въ послѣдующія минуты всѣ ужасы смертной казни. Поднявъ ее наверхъ, ее скатывали тотчасъ же внизъ по спуску, а тѣмъ временемъ поднимали слѣдующую, и такъ непрерывно, пока не образовывался двойной рядъ свиней, повисшихъ въ воздухѣ за одну ногу и визжавшихъ изо всѣхъ силъ. Это визжаніе на разные голоса сливалось въ страшный крикъ предсмертнаго ужаса и муки. Посѣтители прямо не выдерживали этого звука. Мужчины нервно смѣялись, чтобы побѣдить внутренній ужасъ, а женщины стояли въ слезахъ.

Работа, однако, шла своимъ чередомъ. Ни визгъ свиней, ни слезы посѣтителей не останавливали мясниковъ: одинъ подвѣшивалъ свинью на колесо, съ тѣмъ, чтобы другой въ концѣ пути быстрымъ ударомъ ножа разрѣзалъ ей горло. Горячая струя крови заливала полъ, а животное тотчасъ же исчезало въ чанѣ съ кипяткомъ. Все это совершалось съ поразительной автоматичностью. Это было какое-то машинное производство свинины, убой посредствомъ прикладной математики. И все-таки нельзя было отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тутъ совершается нѣчто ужасное—что все это живыя существа, которыхъ никто не имѣетъ права убивать. Казалось, что совершается потихоньку, вдали отъ правосудія, невѣдомо для міра, какое-то гнусное преступленіе. Непрерывный страшный визгъ свиней начиналъ ка-

заться безпомощнымъ протестомъ всего человѣчества, обреченнаго страдать отъ грубаго произвола. Каждое изъ этихъ животныхъ имѣло свою индивидуальность—тутъ это было совершенно ясно. Нѣкоторыя свиньи были бѣлыя, нѣкоторыя черныя, однѣ старыя, другія молодыя, однѣ худыя, другія чудовищно-толстыя. Всѣ онѣ довѣрчиво шли, куда ихъ гнали,—не зная, что ихъ ждетъ роковое колесо. Почему? какой смыслъ этой жертвы?.. Можетъ быть, эти мысли приходили въ голову и простодушному Юргису. Уходя вмѣстѣ съ другими, онъ пробормоталъ:

— Не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этихъ свиней!

Свиную тушу поднимали машиной изъ чана съ кипяткомъ, и она падала въ нижній этажъ, гдѣ ее пропускали на проводѣ между двумя рядами людей, изъ которыхъ каждый производилъ надъ нею какое-нибудь опредѣленное дѣйствіе. Одинъ соскабливалъ ногу снаружи, другой выскабливалъ ее изнутри. Одинъ быстрымъ ударомъ ножа перерѣзывалъ горло, другой отдѣлялъ двумя быстрыми ударами голову отъ туловища; голова падала на полъ и исчезала черезъ отверстіе въ полу. Слѣдующій дѣлалъ продольный прорѣзъ вдоль туловища, другой углублялъ прорѣзъ, третій распиливалъ грудную кость, четвертый отдѣлялъ внутренности отъ тканей, пятый вынималъ ихъ, и они тотчасъ же исчезали черезъ отверстіе въ полу. Были отдѣльные люди для чистки каждаго бока и спины, затѣмъ другіе чистили тушу изнутри и вымывали ее. Передъ глазами зрителя тянулась линія рядовъ въ сто медленно подвигавшихся тушъ, и на всемъ этомъ пространствѣ, на разстояніи ярда одинъ отъ другого стояли люди и работали каждый съ головокружительной быстротой. На протяженіи этого пути каждый дюймъ свиной туши подвергался спеціальной обдѣлкѣ, и тогда только тушу отправляли въ холодильню, гдѣ она оставалась сутки. Попавъ въ холодильню, посторонній посѣтитель могъ бы съ непривычки заблудиться въ лѣсу мороженныхъ мясныхъ тушъ.

Прежде, однако, чѣмъ тушу направляли въ холодильню, ее досматривалъ правительственный инспекторъ, сидѣвшій въ дверяхъ. Онъ долженъ былъ ощупывать гланды, чтобы посмотрѣть, не заражено ли было животное туберкулезомъ. Но инспекторъ не имѣлъ вида переутомленнаго человѣка. Онъ не былъ, повидимому, охваченъ ужасомъ, что, можетъ быть, пропуститъ одну, другую тушу безъ тщательнаго осмотра. При случаѣ онъ даже радъ былъ поговорить съ посѣтителями, разсказать имъ о смертоносномъ дѣйствіи птомаинъ, находимыхъ въ мясѣ туберкулезныхъ свиней. Ну, а если во время научной бесѣды проносили

дюжину другую тушъ, не подвергая ихъ осмотру, то ужъ изъ деликатности не слѣдовало обращать на это вниманіе. Инспекторъ былъ въ синемъ мундирѣ съ блестящими пуговицами и придавалъ однимъ своимъ присутствіемъ законный видъ всему, что производилось на фабрикѣ Дургэма.

Юргисъ, какъ и другіе посѣтители, смотрѣлъ на все вокругъ съ разинутымъ отъ изумленія ртомъ. Онъ самъ разводилъ свиней у себя на Литвѣ и зналъ, какъ обдѣлывать туши, но чтобы одна свинья перебывала въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, этого онъ не могъ раньше и представить себѣ. Все, что онъ видѣлъ здѣсь, казалось ему подлиннымъ чудомъ,—и онъ вѣрилъ всѣмъ объясненіямъ служащихъ. Его даже возмущали циничные комментаріи Якуба, который предлагалъ показать потайныя комнаты, гдѣ „лечили“ испорченное мясо.

Они спустились этажемъ ниже, гдѣ обработывались разные остатки. Тамъ промывали кишки, для приготовленія оболочекъ для колбасъ и сосисокъ. Мужчины и женщины работали тамъ въ ужасающемъ затхломъ воздухѣ, отъ котораго у посѣтителей спирало дыханіе. Въ слѣдующей комнатѣ вываривали остатки, для изготовленія мыла и сала; подъ этой комнатой была другая, гдѣ сортировали остатки,—тамъ посѣтители тоже не засиживались. Въ другихъ комнатахъ разрѣзали туши, уже прошедшія черезъ холодильникъ. Прежде всего особые рѣзники — самые искусные во всемъ заведеніи и получавшіе по пятидесяти центовъ въ часъ, занимались весь день только тѣмъ, что разрубали туши посрединѣ. Разрубленная пополамъ туша переходила въ руки мясниковъ другой категоріи, могучихъ людей съ желѣзными мускулами. У каждаго изъ нихъ было по два сподручныхъ, которые разстилали передъ нимъ половинки туши, держали ее пока онъ рѣзалъ, и переворачивали для второго разрѣза. Ножъ у него былъ фута въ два длиной, и онъ рѣзалъ имъ сразу и такъ ловко, что лезвіе не прорѣзало мясо насквозь и не тупилось. Онъ употреблялъ на это движеніе ровно столько силы, сколько нужно было для того, чтобы сдѣлать разрѣзъ въ совершенствѣ. И такимъ образомъ, черезъ спеціально предназначенныя для этого отверстія въ полу падали внизъ разныя части свиной туши: въ одну комнату попадали окорока, въ другую—передки, и т. д. Можно было спуститься затѣмъ туда и осмотрѣть помѣщенія, гдѣ коптили окорока, гдѣ приготовляли солонину; огромные подвалы были набиты ею снизу до верху. Въ другихъ помѣщеніяхъ мясо упаковывалось въ ящики и боченки, а сало и окорока завертывались въ промасленную бумагу, ихъ запечаты-

вали и зашивали и наклеивали на нихъ этикетки. Изъ этихъ помѣщеній вывозили нагруженныя телѣжки на платформу, гдѣ стояли вагоны, куда грузъ складывался для отправки по желѣзной дорогѣ. Пройдя туда за нагрузчиками, посѣтитель замѣчалъ къ своему изумленію, что наконецъ опустился на самый низъ огромнаго зданія.

Послѣ того Якубъ повелъ ихъ черезъ улицу туда, гдѣ убивали быковъ,—гдѣ каждый часъ четыреста или пятьсотъ головъ рогатаго скота превращали въ говядину. Тамъ вся работа производилась въ одномъ этажѣ. И вмѣсто одной линіи тушъ, передвигавшихся отъ одного рѣзника къ другому, здѣсь было пятнадцать-двадцать рядовъ скота, и люди переходили отъ одного быка къ другому. Это создавало удивительное зрѣлище кипучей дѣятельности и торжества человѣческой силы. Все это происходило въ одной большой комнатѣ—точно въ циркѣ, съ галереей для зрителей надъ самой серединой.

По одну сторону комнаты шла узкая галерея, поднимавшаяся на нѣсколько футовъ отъ пола. Туда загоняли скотъ. Каждаго быка сначала оглушали электрическимъ токомъ, а потомъ вталкивали въ отдѣльный загонъ, гдѣ онъ не могъ повернуться, когда захлопывалась дверца. И пока онъ стоялъ тамъ, воя и пытаясь вышибить дверь головой, надъ загономъ появлялась голова „бойца“ съ тяжелымъ молотомъ въ рукахъ. Онъ выжидалъ удобную минуту, чтобы нанести ударъ. Удары молота раздавались непрерывно, и за ними слѣдовалъ грохотъ отъ паденія быка. Какъ только онъ падалъ, „боецъ“ переходилъ къ слѣдующему загону, а другой человѣкъ открывалъ дверцу посредствомъ рычага, и быкъ, продолжая отбиваться, но обезсиленный и еле живой, попадалъ въ убойную камеру. Тамъ ему накидывали цѣпь на одну ногу и поднимали его на воздухъ, надавивъ на другой рычагъ. Загоновъ было пятнадцать-двадцать, и нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы повалить пятнадцать-двадцать быковъ и вывести ихъ на убой.

Потомъ дверь опять раскрывалась, и новый притокъ скота наполнялъ всѣ загоны. А оттуда опять шелъ непрерывный притокъ тушъ въ убойную камеру, и тамъ начиналась обдѣлка ихъ.

Тому, кто разъ присутствовалъ при этомъ зрѣлищѣ, оно оставалось въ памяти навсегда. Люди работали тамъ съ бѣшеной скоростью, которую можно сравнить только съ бѣгомъ при игрѣ въ „футболъ“. Работа разбита была на множество отдѣльныхъ опредѣленныхъ спеціальностей. Каждый дѣлалъ два-три опредѣленныхъ разрѣза и пробѣгалъ вдоль ряда изъ пятнадцати-двад-

цати тушъ, повторяя свои разрѣзы на каждой. Сначала „мясникъ“ выпускалъ кровь: одинъ быстрый ударъ ножа, столь быстрый, что въ воздухѣ сверкало только лезвіе ножа, и онъ уже бѣжалъ дальше, а на полъ лилась ярко-красная струя крови. Полъ былъ залитъ кровью на дюймъ, несмотря на поспѣшность, съ которой особо приставленные къ этому дѣлу люди направляли кровь къ сточнымъ отверстіямъ. Полъ былъ, вѣроятно, очень скользкій, но этого нельзя было бы предположить, глядя на проворный бѣгъ мясниковъ.

Тушѣ давали висѣть нѣсколько минутъ для того, чтобы изъ нея вытекла кровь. Но время при этомъ не терялось, потому что туши висѣли всегда по нѣскольку рядомъ, и одна была всегда готова для дальнѣйшихъ манипуляцій. Ее опускали на полъ, и за нее брался спеціалистъ, который нѣсколькими быстрыми ударами отдѣлялъ голову отъ туловища. Затѣмъ слѣдующій дѣлалъ первый надрѣзъ въ кожѣ, другой отдѣлялъ кожу отъ мяса посреди̇нѣ, затѣмъ еще съ полдюжины людей подбѣгали быстро одинъ за другимъ и заканчивали снятіе кожи. Когда это дѣло было сдѣлано, тушу опять поднимали вверхъ. Человѣкъ съ палкой въ рукахъ осматривалъ кожу, чтобы удостовѣриться, что она не порѣзана; другой ее сворачивалъ и спускалъ въ соотвѣтствующее отверстіе на полу. Послѣ того бычачья туша продолжала свой путь. Ее разрѣзали, выворачивали, чтобы вынуть внутренности, вычищали внутри. Были люди съ насосами въ рукахъ; они ошпаривали тушу струей кипятку; потомъ другіе отдѣляли ноги и наносили послѣдніе, окончательные удары ножомъ. Въ концѣ концовъ бычачьи туши, какъ и свиныя, направлялись въ холодильники, гдѣ висѣли опредѣленное время.

Якубъ провелъ своихъ друзей и туда, и показалъ имъ висящія аккуратными рядами туши, снабженныя каждая печатью правительственнаго инспектора; а нѣкоторыя, убитыя особымъ способомъ, были отмѣчены знакомъ: „кошеръ“; знакъ этотъ дѣлался раввиномъ и свидѣтельствовалъ о пригодности мяса въ пищу правовѣрнымъ евреямъ. Въ другихъ помѣщеніяхъ посѣтителямъ показывали, что̀ дѣлается со всѣмъ тѣмъ, что̀ сплавлялось въ сточныя отверстія убойныхъ камеръ. Они осмотрѣли коптильни, помѣщенія для соленія, для изготовленія консервовъ и для упаковки, комнаты, гдѣ отборное мясо приготовлялось для перевозки въ особыхъ вагонахъ-ледникахъ во всѣ страны свѣта. Выйдя изъ главнаго помѣщенія, они еще ходили съ своимъ проводникомъ среди лабиринта зданій, предназначенныхъ для побочныхъ производствъ, связанныхъ съ мяснымъ дѣломъ. Фирма Дургэмъ

и Комп. вырабатывала сама почти все нужное для своей фабрики. У нея былъ собственный электрическій заводъ, собственное бочарное заведеніе и мастерская для изготовленія и починки котловъ. Въ одномъ зданіи вываривали жиръ, варили мыло и топили сало, въ другомъ изготовляли жестянки для сала. Было зданіе, гдѣ вычищали и сушили щетины для изготовленія волосяныхъ подушекъ; было зданіе, гдѣ сушили и дубили кожу, затѣмъ — гдѣ варили клей изъ головъ и ногъ, и наконецъ гдѣ изготовляли изъ костей искусственное удобреніе. Ни одна частица органической матеріи не пропадала даромъ на фабрикѣ Дургэма. Изъ бычачьихъ роговъ изготовляли гребешки, пуговицы, шпильки и поддѣльную слоновую кость; изъ большихъ костей — черенки для ножей и ручки для зубныхъ щетокъ, а также мундштуки для трубокъ; изъ копытъ дѣлали тоже шпильки и пуговицы, а затѣмъ варили клей. Изъ ногъ, жилъ и т. д. вырабатывали желатинъ, фосфоръ, ваксу, костяное масло. Была мастерская для выдѣлки волосъ изъ бычачьихъ хвостовъ и шерстобитныя для обработки овечьихъ шкуръ; изъ свиныхъ желудковъ добывали пепсинъ, изъ крови—альбуминъ; изъ зловонныхъ внутренностей дѣлали струны для скрипокъ. Уже когда ничего больше нельзя было сдѣлать изъ остатковъ, изъ нихъ вываривали жиръ и сало, а также изготовляли искусственное удобреніе. Всѣ эти промыслы сосредоточивались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, соединенныхъ галереями и рельсовыми путями съ главнымъ. По точному подсчету выходило, что со времени основанія фирмы отцомъ теперешняго ея владѣльца черезъ руки рабочихъ прошло четверть билліона головъ скота, и по словамъ Якуба это заведеніе со всѣми побочными промыслами представляло собой самое большое сосредоточеніе работы и капитала въ одномъ мѣстѣ. Оно содержало тридцать тысячъ рабочихъ, поддерживало непосредственно двѣсти пятьдесятъ тысячъ людей, живущихъ по близости, а косвеннымъ образомъ — болѣе полумилліона людей. Оно посылало предметы своего производства во всѣ страны цивилизованнаго міра и доставляло пищу не менѣе, чѣмъ тридцати милліонамъ людей.

Всѣ эти свѣдѣнія и статистическія данныя преисполняли изумленіемъ и благоговѣніемъ земляковъ Якуба, а непочтительный тонъ Шедвилы въ сужденіяхъ о фабрикантахъ казался истиннымъ святотатствомъ наивному Юргису. Ему казалось, что тутъ дѣйствуютъ какіе-то особые законы, не подлежащіе человѣческому суду. Слѣдовало, по его мнѣнію, принимать все какъ должное, исполнять все, чего потребуютъ, и считать за счастье свое скромное участіе въ столь великомъ дѣлѣ. Теперь Юргисъ

еще болѣе радовался тому, что онъ поступилъ на службу къ Броуну. Ему казалось, что огромное заведеніе какъ бы взяло его подъ свое покровительство и приняло на себя отвѣтственность за его дальнѣйшее благополучіе.

IV.

На слѣдующее утро, ровно въ семь часовъ, Юргисъ уже явился на работу. Но онъ прождалъ подлѣ указанной имъ наканунѣ двери два часа, не зная, что нужно было сразу войти. Когда надзиратель уже отправился-было нанимать другого рабочаго на его мѣсто, онъ увидалъ у дверей новичка и здорово выругалъ его. Но Юргисъ ничего не понялъ и молчалъ. По знаку надзирателя, Юргисъ переодѣлся въ рабочее платье, которое купилъ наканунѣ у старьевщика и принесъ съ собой въ узелкѣ, и отправился въ убойную камеру. Тамъ ему поручили на первыхъ порахъ очень простую работу. Ему дали метлу, и обязанность его заключалась въ томъ, чтобы идти слѣдомъ за человѣкомъ, вынимавшимъ внутренности изъ быка, и сметать эти внутренности въ особое отверстіе на полу; затѣмъ нужно было скорѣе захлопнуть крышку для того, чтобы никто не могъ, поскользнувшись, упасть туда. Юргисъ пришелъ какъ разъ когда стали подвозить скотъ, и сразу принялся за работу, не имѣя времени ни оглянуться вокругъ себя, ни поговорить съ кѣмъ-нибудь. Былъ душный іюльскій день, и полъ былъ весь залитъ дымящейся горячей кровью. Запахъ крови былъ ужасенъ, но Юргису было все равно. Радость его была безгранична,—онъ уже получилъ работу и заработываетъ деньги! Цѣлый день онъ мысленно подсчитывалъ свой дневной заработокъ. Ему платили необычайно много по его понятіямъ — по семнадцати съ половиной центовъ въ часъ,—а такъ какъ въ этотъ день было какъ разъ очень много дѣла, и онъ проработалъ почти до семи часовъ вечера, то могъ вернуться домой съ радостнымъ сознаніемъ, что заработалъ въ одинъ день болѣе полутора доллара.

Дома его ждали пріятныя извѣстія и относительно другихъ членовъ семьи. Іонасу обѣщали мѣсто на фабрикѣ съ начала слѣдующей недѣли. А Марія, подзадоренная успѣхомъ Іонаса, отправилась самостоятельно искать работу. Она терпѣливо обошла всѣ фабрики, заходя во всѣ мастерскія, всюду, гдѣ видѣла признаки какого-либо производства, и всюду повторяла единственное слово, которое знала на чужомъ ей языкѣ: — „работы“.

Ее во многихъ мѣстахъ выгоняли, но въ концѣ концовъ она добилась своего. На одной изъ фабрикъ она попала въ отдѣленіе, гдѣ множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ постарше сидѣли за длинными столами и упаковывали копченое мясо въ жестянки. Проходя изъ комнаты въ комнату, она попала наконецъ туда, гдѣ занимались раскрашиваніемъ упакованныхъ жестянокъ съ консервами и наклейкой этикетокъ. Тамъ она попала на глаза „надзирательницѣ“ и, къ счастью, понравилась ей. Добродушное лицо и мускулистыя руки Маріи внушили довѣріе, и надзирательница сказала, чтобы она пришла на слѣдующій день и поучилась раскрашивать жестянки. Такъ какъ за эту работу платили по два доллара въ день, то Марія вернулась домой внѣ себя отъ радости и перепугала своими дикими криками и прыжками младшаго ребенка тети Ельзбеты чуть не до судорогъ. Словомъ, всѣмъ повезло сразу, и оставалось пристроить еще только одного члена семьи. Что касается тети Ельзбеты, то рѣшено было, что она будетъ вести хозяйство, и Она будетъ ей помогать. Юргисъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Она работала гдѣ-нибудь на фабрикѣ. Неужели же онъ самъ не сможетъ прокормить семью, въ особенности если Марія и Іонасъ будутъ платить за свое содержаніе? Юргисъ настаивалъ также на томъ, чтобы и дѣти не работали, а учились,—въ Америкѣ вѣдь есть отличныя дѣтскія школы. Сыну тети Ельзбеты, Станиславу, было только тринадцать лѣтъ, и нужно, чтобы онъ научился говорить по-англійски и сдѣлался знающимъ и умѣлымъ ремесленникомъ.

Оставалось, значитъ, найти работу для старика Антона. Юргисъ находилъ, что отцу его въ сущности тоже пора бы на покой; но старикъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ пріѣхалъ въ Америку съ самыми свѣтлыми надеждами, увѣренный, что ему найдется дѣло, а вдругъ оказалось, что пристроить его будетъ очень трудно. На фабрикахъ не брали стариковъ. Шедвила сказалъ Юргису, что хозяева отказываютъ отъ мѣста даже рабочимъ, состарившимся у нихъ же, такъ что о томъ, чтобы принимать стариковъ со стороны, не могло быть и рѣчи. И онъ говорилъ, что во всей Америкѣ то же самое. По просьбѣ Юргиса, онъ обратился за посредничествомъ къ своему пріятелю полицейскому,—тотъ подтвердилъ его слова. Чтобы не огорчить старика, отъ него скрыли положеніе дѣлъ, и онъ провелъ два дня, бродя самъ съ фабрики на фабрику и предлагая свои услуги. Когда, придя домой, онъ узналъ объ удачѣ другихъ членовъ

семьи, онъ мужественно улыбнулся и сталъ утѣшаться тѣмъ, что придетъ и его чередъ.

Въ виду удачнаго начала новой жизни, они стали подумывать о томъ, какъ устроиться своимъ домомъ. Сидя на крыльцѣ у пани Анели, они стали строить планы, и Юргисъ вдругъ ошеломилъ всѣхъ необычайно смѣлымъ предложеніемъ. Онъ разсказалъ, что ему случайно попалось въ руки необыкновенно интересное объявленіе, которое онъ прочелъ съ помощью одного земляка; теперь онъ желаетъ познакомить съ этимъ объявленіемъ всю семью. Онъ вынулъ изъ кармана художественно напечатанную афишу и показалъ ее всѣмъ. Афиша была большого формата и раскрашенная такими яркими красками, что онѣ блестѣли даже при лунномъ свѣтѣ. На ней былъ изображенъ ярко раскрашенный красивый домъ. Крыша была пурпурно-красная, самъ домъ серебристаго цвѣта, а двери и окна тоже красныя. Домикъ былъ двухъ-этажный. На картинкѣ было воспроизведено все до мелочей, даже ручки дверей и бѣлыя занавѣски на окнахъ. А подъ этой картинкой въ одномъ углу была изображена любящая парочка — мужъ и жена, нѣжно обнимающіе другъ друга. Въ другомъ углу представлена была колыбель съ занавѣсками и улыбающійся херувимъ съ серебристыми крыльями. Для полной ясности картинка сопровождалась надписью по-польски, по-литовски и по-нѣмецки: „Dom. Namai. Heim“. Кромѣ картинки, былъ еще пояснительный текстъ: „Зачѣмъ платить за наемъ квартиры?— спрашивалъ составитель объявленія.—Не лучше ли имѣть собственный домъ? Вѣдь вы можете пріобрѣсти домъ, выплачивая меньше, чѣмъ вамъ стоитъ квартирная плата. Мы построили уже тысячи домовъ, гдѣ теперь живутъ счастливыя семьи“. Слѣдовало затѣмъ и краснорѣчивое описаніе семейнаго счастья въ домѣ, за который уже не приходится платить квартирной платы. Для большей убѣдительности приводилось начало знаменитой англійской пѣсни: „Home, sweet home“,—и стихъ этотъ переведенъ былъ на польскій языкъ.

Семья долго изучала этотъ заманчивый документъ. Изъ объявленія выяснилось, что въ домѣ имѣются четыре комнаты, кромѣ подвальнаго этажа, и что домъ можно купить за тысячу пятьсотъ долларовъ, со всѣми расходами включительно. Изъ нихъ нужно уплатить при покупкѣ всего триста долларовъ, а затѣмъ выплачивать остальное по двѣнадцати долларовъ въ мѣсяцъ. Конечно, это огромныя деньги, но они уже знали, что въ Америкѣ счетъ деньгамъ совсѣмъ другой, чѣмъ у нихъ на родинѣ. Они уже знали, что имъ придется платить за самую маленькую квартирку

девять долларовъ въ мѣсяцъ,—если они не захотятъ жить какъ теперь, всѣ вмѣстѣ въ одной или двухъ комнатахъ. Не лучше ли поэтому потратить нѣсколько больше сначала, чтобы затѣмъ уже ничего не платить всю жизнь?

Они стали считать. Немножко денегъ осталось еще у тети Ельзбеты, а также и у Юргиса; у Маріи тоже было спрятано гдѣ-то въ чулкѣ пятьдесятъ долларовъ, а у дѣдушки Антона осталась еще часть денегъ отъ продажи его земли. Если все это собрать, то составится сумма, нужная для перваго взноса. А если у всѣхъ у нихъ будетъ работа, обезпечивающая жизнь, то, можетъ быть, этотъ планъ—самый благоразумный изъ всѣхъ. Конечно, не слѣдуетъ дѣйствовать опрометчиво, нужно хорошенько обсудить все въ подробностяхъ. Но, съ другой стороны, ужъ если рѣшать, то лучше всего сейчасъ же, а то вѣдь приходится платить за наемъ помѣщенія,—да еще какого отвратительнаго при этомъ. Юргисъ самъ-то привыкъ къ грязи и паразитамъ, работая на построкѣ желѣзной дороги, но для Оны немыслимо было такъ жить. Необходимо какъ можно скорѣе переселиться. Юргисъ настаивалъ на этой необходимости съ твердостью человѣка, заработывавшаго долларъ и пятьдесятъ-семь центовъ въ день и спокойнаго относительно своего будущаго. Онъ въ сущности даже не могъ понять, почему, заработывая такъ много, люди живутъ здѣсь какъ нищіе.

На слѣдующій день Марія пошла на фабрику и вернулась домой сіяющая: ее приняли, и съ слѣдующей недѣли она начнетъ раскрашивать жестянки. Разсказавъ это, она отправилась съ Оной и ея мачихой собирать справки относительно дома. Въ тотъ же вечеръ онѣ передали свои впечатлѣнія мужчинамъ. Повидимому, все въ дѣйствительности совершенно такъ, какъ сказано въ объявленіи,—по крайней мѣрѣ, такъ выходило по словамъ агента. Дома выстроены подальше на югъ, въ двухъ англійскихъ миляхъ отъ фабрикъ. Купить такой домъ необычайно выгодно, — такъ агентъ увѣрилъ ихъ, имѣя въ виду только ихъ пользу. Онъ объяснилъ имъ, что самъ совершенно не заинтересованъ въ покупкѣ, а является только агентомъ акціонернаго общества, которое построило дома. Эти дома послѣдніе, такъ какъ общество ликвидируетъ свои дѣла. Онъ даже не зналъ навѣрное, остался ли хоть одинъ еще незанятый домъ,—можетъ быть, всѣ уже проданы. Но, видя, до чего тетя Ельзбета огорчена его словами, онъ прибавилъ послѣ нѣкотораго колебанія, что если они дѣйствительно хотятъ купить домъ, то онъ на свой собственный счетъ протелефонируетъ, чтобы одинъ домикъ оста-

вили за ними. На этомъ они и порѣшили, и условились отправиться осматривать домъ въ слѣдующее же воскресенье утромъ.

Эта бесѣда происходила въ четвергъ и въ теченіе слѣдующихъ дней. Работа у Броуна была очень горячая, и Юргисъ заработывалъ ежедневно по доллару и семидесяти-пяти центовъ. Это составляло сорокъ-пять долларовъ въ мѣсяцъ. Марія и Іонасъ условились платить за содержаніе по шестнадцати долларовъ въ мѣсяцъ, и старикъ Антонъ настаивалъ на томъ, что и онъ будетъ платить столько же, какъ только получитъ работу,—и онъ надѣялся, что это будетъ очень скоро. Такимъ образомъ у нихъ будетъ девяносто-три доллара. Затѣмъ Марія и Іонасъ рѣшили участвовать въ покупкѣ дома, согласившись платить треть вдвоемъ, такъ что Юргису придется платить только восемь, а не двѣнадцать долларовъ. Въ общемъ выходило, что даже если дѣдъ Антонъ не получитъ работы, то все-таки у нихъ будетъ семьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ,—а на это вѣдь можетъ жить семья въ двѣнадцать человѣкъ.

Въ воскресенье утромъ, за часъ до назначеннаго времени, вся семья отправилась осматривать домъ. Оказалось, что двѣ мили, о которыхъ говорилось въ объявленіи, очень длинныя, но они все-таки дошли пѣшкомъ. Агентъ явился только черезъ полчаса. Это былъ очень любезный, краснорѣчивый господинъ, изящно одѣтый,—и, главное, онъ отлично говорилъ на ихъ языкѣ. Онъ провелъ ихъ въ домъ, который оказался однимъ изъ длиннаго ряда совершенно одинаковыхъ домовъ, построенныхъ безъ всякаго притязанія на какой-либо архитектурный стиль. Бѣдная Она упала духомъ: домъ въ дѣйствительности вовсе не походилъ на изображеніе его на картинкѣ. Во-первыхъ, краски были совершенно другія, и затѣмъ онъ былъ гораздо меньше, чѣмъ можно было предположить по афишѣ. Но онъ былъ все-таки заново выкрашенъ и имѣлъ довольно привлекательный видъ. Онъ былъ къ тому же совершенно новый, по увѣренію агента, который говорилъ безъ умолку и такъ ихъ этимъ оглушалъ, что имъ не удалось спросить его о самыхъ важныхъ вещахъ. Они какъ-то не рѣшались приставать къ нему съ вопросами, хотя и очень хотѣли разузнать обо многомъ. Другіе дома въ томъ же ряду не казались новыми, и, повидимому, лишь очень небольшое число ихъ занято было жильцами. Когда они отважились наконецъ обратить на это вниманіе агента, онъ сказалъ, что собственники домовъ еще не успѣли въѣхать въ нихъ. Они не рѣшались предлагать еще вопросы: это вѣдь значило бы, что они сомнѣваются въ правдѣ его словъ, а они никогда не раз-

товаривали съ „господами“ иначе, какъ съ чрезвычайной почтительностью и смиреніемъ.

Въ домѣ былъ подвальный этажъ, фута на два ниже уровня улицы, и затѣмъ одинъ этажъ футовъ на шесть надъ улицей; туда вело нѣсколько ступенекъ. Кромѣ того, была еще комнатка въ крышѣ съ маленькими окошками по обѣимъ сторонамъ. Улица передъ домомъ была немощеная и неосвѣщенная, и видъ изъ оконъ открывался на рядъ такихъ же домиковъ, построенныхъ на участкахъ земли, обсаженныхъ чахлой травой. Внутри дома были четыре комнаты, съ выбѣленными стѣнами, но нижній этажъ былъ еще недоконченъ,— не было еще ни пола, ни штукатурки на стѣнахъ. Агентъ объяснилъ, что всѣ дома продаются въ такомъ видѣ, потому что покупатели предпочитаютъ заканчивать нижній этажъ по собственному вкусу. Верхняя комнатка въ крышѣ тоже была незакончена,—тамъ были только приготовлены балки и не было ни пола, ни потолка. Они предполагали сдавать эту комнатку въ наемъ, но, очевидно, этого теперь нельзя будетъ сдѣлать. Но все это не расхолодило пылъ покупателей, благодаря словообилію агента. Онъ не переставалъ выхваливать удобства дома, показывалъ замки въ дверяхъ, запоры, ставни, восхитилъ тетю Ельзбету удобствомъ водопровода въ кухнѣ. Все это было такъ поразительно, что ужъ изъ чувства благодарности никто изъ нихъ не рѣшался обратить вниманіе на недостатки.

Но все-таки, какъ настоящіе крестьяне, они не поддались уговорамъ агента и рѣшили обсудить еще разъ все дома. Вернувшись домой, они провели весь день и вечеръ, производя выкладки. Они никакъ не могли всѣ придти къ общему соглашенію. Все время кто-нибудь настаивалъ на какомъ-нибудь особомъ мнѣніи, а потомъ, какъ только остальнымъ удавалось общими усиліями переубѣдить его, оказывалось, что его доводы убѣдили кого-нибудь другого и опять онъ начиналъ протестовать. Они уже было совсѣмъ рѣшились, какъ явился Шедвила и сталъ ихъ отговаривать отъ покупки. Онъ былъ вообще противъ пріобрѣтенія собственности. Онъ имъ сталъ разсказывать о несчастіяхъ людей, которые попались на удочку ловкихъ мошенниковъ, предлагавшихъ покупать дома на выгодныхъ условіяхъ. Они тоже навѣрное потеряютъ всѣ деньги въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, весь домъ ни къ чорту не годится. Можетъ быть, ихъ обманутъ при заключеніи контракта,—вѣдь они ничего не знаютъ. Все это грабежъ, и лучше всего держаться подальше отъ такихъ предложеній.—„Ну, а платить за наемъ дома или квартирки—развѣ

лучше?“ — Конечно это грабежъ, — согласился Шедвила:—бѣдняковъ вообще всячески грабятъ и обманываютъ. Послѣ получаса разговора съ нимъ, они окончательно рѣшили, что онъ спасъ ихъ на самомъ краю пропасти. Но Шедвила ушелъ, и Іонасъ сталъ соображать, что, въ виду собственныхъ неудачъ въ торговомъ дѣлѣ, Шедвила естественно смотритъ на все очень мрачно, и что поэтому нельзя вполнѣ полагаться на его мнѣніе. Слова Іонаса опять поколебали уже принятое-было рѣшеніе отказаться отъ покупки дома.

Какое-нибудь рѣшеніе имъ было, однако, необходимо принять: оставаться тамъ, гдѣ они временно поселились, было невозможно. А платить девять долларовъ въ мѣсяцъ за наемъ крошечнаго помѣщенія имъ казалось ужаснымъ. Цѣлую недѣлю они все совѣщались, не зная, на что рѣшиться,—и наконецъ Юргисъ сказалъ, что беретъ отвѣтственность на себя и что нужно купить домъ во что бы то ни стало. Іонасъ получилъ обѣщанное мѣсто у Дургэма; Юргисъ попрежнему отлично заработывалъ, работая на бойнѣ у Броуна, и увѣренъ былъ, что всегда будетъ въ состояніи прокормить семью своей работой. Онъ готовъ былъ работать вдвое, втрое больше, пока не уплатитъ за домъ,—и, по крайней мѣрѣ, семья будетъ имѣть свой уголъ навсегда. Такимъ образомъ окончательно рѣшено было купить домъ.

Сначала они подумывали-было о томъ, чтобы осмотрѣть еще нѣсколько домовъ, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выборъ. Но они не знали, гдѣ искать; кромѣ того, они уже привыкли къ мысли, что имъ будетъ принадлежать именно этотъ домикъ.— Они пошли къ агенту сказать, что готовы пріобрѣсти домикъ,—и страшно обрадовались, узнавъ, что домъ еще не проданъ, какъ они опасались. Хорошо, что они успѣли воспользоваться такими выгодными условіями покупки.

Рѣшено было, что они придутъ на слѣдующій день, и агентъ приготовитъ контрактъ для подписи. Юргисъ зналъ, что во всякихъ дѣлахъ, гдѣ подписываютъ документы, требуется крайняя осторожность, и очень хотѣлъ бы самъ пойти къ агенту. Но онъ рисковалъ бы потерять работу, пропустивъ утренніе часы, и пришлось поэтому положиться на женщинъ. Къ счастью, Шедвила согласился сопровождать ихъ. Наканунѣ Юргисъ провелъ цѣлый вечеръ, объясняя имъ серьезность сдѣлки, которую онѣ должны заключить. И тогда всѣ стали вынимать изъ всевозможныхъ мѣстъ храненія отложенныя деньги; составивъ нужную сумму, ее зашили въ сумочку, и тетя Ельзбета спрятала ее въ въ своей кофтѣ.

Рано утромъ на слѣдующій день они пустились въ путь. Юргисъ далъ имъ столько инструкцій и предостерегалъ ихъ отъ столькихъ опасностей, что онѣ были блѣдны какъ смерть отъ страха, и даже Шедвила, считавшій себя опытнымъ въ дѣлахъ человѣкомъ, чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ. Когда они пришли, агентъ пригласилъ ихъ сѣсть и предложилъ прочесть приготовленный уже контрактъ. Шедвила сталъ медленно читать — до того медленно, что агентъ началъ слегка барабанить по столу, сдерживая нетерпѣніе. Тетя Ельзбета была такъ смущена, что у нея выступили на лбу крупныя капли пота. Ей казалось, что они обижаютъ столь почтеннаго господина чтеніемъ бумаги: выходитъ—точно они не довѣряютъ ему. Но Якубъ Шедвила продолжалъ невозмутимо читать дальше, и вскорѣ оказалось, что дѣйствительно слѣдовало прочесть бумагу сначала до конца самымъ тщательнымъ образомъ. У Якуба появилось въ самомъ началѣ страшное подозрѣніе, и оно все усиливалось по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ. Онъ нахмурилъ брови съ очень сердитымъ видомъ. Да вѣдь это—насколько онъ могъ судить—была вовсе не купчая крѣпость,—въ бумагѣ рѣчь шла только о наемной сдѣлкѣ. Трудно, конечно, разобраться въ судейскомъ языкѣ, съ которымъ Якубъ былъ совершенно незнакомъ, но все же вѣдь тутъ было сказано совершенно ясно о наймѣ, о наемной платѣ въ двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ и т. д. Шедвила снялъ очки, взглянулъ на агента и робко предложилъ ему вопросъ, что это значитъ?

Агентъ съ чрезвычайной любезностью объяснялъ ему, что такова обычная формула, что это только юридическій терминъ, что характеръ найма выясняется въ слѣдующемъ параграфѣ,—но Шедвила не хотѣлъ вникать въ его объясненія. Когда онъ перевелъ тетѣ Ельзбетѣ, въ чемъ дѣло, она пришла въ полный ужасъ. Въ теченіе девяти лѣтъ, пока они всего не выплатятъ, они даже не будутъ собственниками дома. Агентъ сталъ съ ангельскимъ терпѣніемъ снова все объяснять. Но тетя Ельзбета твердо помнила слова Юргиса: „Если выйдетъ малѣйшее замѣшательство, не давай денегъ, а пойди спросить совѣта у какого-нибудь адвоката“. Ей было тяжело объявить агенту о своемъ рѣшеніи, но все-таки она собралась съ духомъ и сказала. Якубъ перевелъ ея слова агенту, но агентъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться, — какъ предполагала тетя Ельзбета, — напротивъ, сейчасъ же согласился на то, чтобы пригласить адвоката. Онъ предложилъ даже сходить за адвокатомъ, но она отклонила его предложеніе. Они пошли нарочно какъ можно дальше, чтобы не

попасть на какого-нибудь сообщника агента. Но до чего они были непріятно поражены, когда пришли наконецъ черезъ полчаса съ адвокатомъ—и тотъ поздоровался съ агентомъ, называя его уменьшительнымъ именемъ! Они оказались друзьями.

Тетя Ельзбета и остальные почувствовали, что они погибли.—попались въ разставленныя имъ сѣти. Адвокатъ прочелъ бумагу и сказалъ, что она составлена совершенно правильно. Старикъ Якубъ повторилъ условія покупки и спросилъ, такъ ли все передано въ бумагѣ, и адвокатъ успокоилъ его, говоря, что все именно такъ написано, какъ онъ говоритъ. Шедвила продолжалъ предлагать разные вопросы,—говоря, что они люди бѣдные и теперь рискуютъ всѣмъ своимъ состояніемъ. Женщины, не понимавшія, что объяснялъ адвокатъ, понимали только, что отъ этого разговора зависитъ вся ихъ дальнѣйшая жизнь, и глядѣли на адвоката съ нѣмой мольбой во взглядахъ. Когда наконецъ старикъ Шедвила предложилъ всѣ вопросы, какіе только могъ придумать, и насталъ моментъ принять окончательное рѣшеніе, т. е. заключить сдѣлку или окончательно отказаться, тетя Ельзбета чуть не разрыдалась. Что ей было дѣлать? Какъ знать, правду ли говоритъ адвокатъ, не состоитъ ли онъ въ заговорѣ? Но, съ другой стороны, какъ отказаться заключить дѣло, когда глаза всѣхъ присутствовавшихъ обращены на нее? Наконецъ, она стала вынимать пристегнутый къ подкладкѣ кофточки мѣшокъ съ деньгами. Она открыла мѣшокъ и стала вынимать и считать деньги передъ адвокатомъ. Ея падчерица сидѣла въ уголку, сжавъ руки отъ волненія. Ей хотѣлось крикнуть матери, чтобы она отказалась, не платила денегъ, но у нея сжалось въ горлѣ, и она не могла выговорить ни слова. А тетя Ельзбета тѣмъ временемъ выложила деньги на столъ; агентъ взялъ ихъ, пересчиталъ, выдалъ квитанцію и контрактъ. Послѣ того онъ облегченно вздохнулъ, поднялся и пожалъ имъ всѣмъ руки, все еще держась съ ними такъ же учтиво, какъ сначала. Они заплатили адвокату и наконецъ вышли на улицу. Тетя Ельзбета судорожно сжимала въ рукахъ подписанный договоръ; обѣ онѣ такъ обезсилѣли отъ волненія, что не могли идти, и сѣли отдохнуть. Онѣ вернулись домой, охваченныя смертельнымъ страхомъ, и когда Юргисъ явился, разсказали ему обо всемъ. Юргисъ пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ былъ увѣренъ, что ихъ надули и что они разорены. Онъ сталъ въ бѣшенствѣ рвать на себѣ волосы и кричалъ, что пойдетъ и убьетъ агента. Въ концѣ концовъ онъ схватилъ бумагу, выбѣжалъ изъ дому и прежде всего побѣжалъ къ Шедвилѣ. Онъ потащилъ его съ собой, не давъ

ему даже поужинать, и отправился вмѣстѣ съ нимъ посовѣтоваться съ другимъ адвокатомъ. Когда они вошли къ нему въ контору, у Юргиса былъ видъ сумасшедшаго. Его спутникъ объяснилъ положеніе дѣлъ, адвокатъ взялъ бумагу и сталъ читать ее. Юргисъ стоялъ, весь дрожа отъ волненія, и прислонился къ стѣнкѣ—до того у него кружилась голова.

Адвокатъ нѣсколько разъ поднималъ глаза отъ бумаги и предлагалъ разные вопросы Шедвилѣ. Юргисъ не понималъ ихъ разговора и только смотрѣлъ на адвоката съ выраженіемъ муки въ глазахъ. Наконецъ адвокатъ кончилъ чтеніе, сказалъ что-то Шедвилѣ съ короткимъ смѣхомъ, и у Юргиса замерло сердце отъ ожиданія.

— Ну что?—спросилъ онъ.

— Онъ говоритъ, что все въ порядкѣ,—отвѣтилъ Шедвила,—что никакого обмана тутъ нѣтъ.

Юргисъ облегченно вздохнулъ и сѣлъ на стулъ у стола.—Да неужели же это правда?—спросилъ онъ, и опять сталъ предлагать адвокату множество вопросовъ черезъ Якуба. Онъ хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться. И оказалось, что все въ порядкѣ, что они—собственники дома, что они его дѣйствительно купили и что нужно только выплатить деньги. Юргисъ закрылъ лицо руками, скрывая слезы. Очень ужъ онъ испугался, и теперь даже чувствовалъ слабость отъ пережитого волненія.

Адвокатъ объяснилъ, что покупка только номинально называется наймомъ до уплаты послѣдняго взноса, потому что, благодаря этому, покупателя, который не платитъ денегъ, можно прямо выгнать изъ дома. Но пока они будутъ аккуратно платить, имъ нечего опасаться,—домъ былъ ихъ собственностью. Юргисъ былъ такъ счастливъ, что, не торгуясь, заплатилъ полъ-доллара адвокату за совѣтъ и поспѣшилъ скорѣе домой, чтобы обрадовать семью добрыми вѣстями. Оказалось, что Она въ обморокѣ, дѣти кричали и весь домъ былъ на ногахъ,—такъ какъ всѣ рѣшили, что онъ пошелъ убивать агента. И прошло еще нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ они всѣ успокоились. И всю ночь Юргисъ слышалъ, какъ въ комнатѣ рядомъ Она и ея мачиха по временамъ тихо всхлипывали.

Съ англ. З. В.

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ

Литературный очеркъ.

I.

Прошло уже тринадцать лѣтъ съ того времени, какъ появилась послѣдняя драма Ибсена: „Когда мы мертвые проснемся“. Недаромъ названа она „драматическимъ эпилогомъ“. Послѣ нея вышло уже только собраніе писемъ Ибсена. А между тѣмъ, при извѣстіи о его смерти получилось впечатлѣніе какой-то пустоты. Въ теченіе почти полувѣка мысль этого писателя порывалась могучими крыльями впередъ и вверхъ, не только въ сферу возможной, болѣе совершенной человѣческой будущности, основанной на правдѣ и свободѣ, но и еще выше—въ какой-то міръ таинственный и запредѣльный.

Порывы эти слѣдовали почти ритмической чередою, какъ догонявшія одна другую волны, изъ которыхъ многія прокладывали слѣды во всемірномъ литературномъ творчествѣ, а иныя хотя раскатывались безслѣдно, но указывали направленіе современныхъ теченій, приносили намъ какъ бы рокотъ современной душевной борьбы. И хотя давно уже не появлялось новыхъ произведеній этого писателя, но мы въ умѣ продолжали слышать его голосъ, имѣли его своимъ современникомъ, знали, что и онъ, вмѣстѣ съ нами, читаетъ все новѣйшее и въ немъ находитъ немало своихъ слѣдовъ. Такъ, когда мы уже не видимъ моря, въ ушахъ нашихъ еще отзывается шумъ волнъ.

И вдругъ—онъ пропадаетъ. Литература лишилась Ибсена, иниціатора, возбудителя и вмѣстѣ свидѣтеля фазъ недавней

борьбы. Значеніе его въ литературѣ очень велико. Въ дѣйствительности, оно было гораздо больше того индивидуальнаго наслѣдства, какое онъ оставилъ. Благодаря своеобразности, силѣ и самой продолжительности своего творчества, Ибсенъ оказалъ очень значительное вліяніе на всю современную литературу. Можно сказать, что въ каждомъ изъ новѣйшихъ писателей проявляется хоть отчасти Ибсеновская струя. А поэтому и невозможно взвѣсить и измѣрить съ точностью размѣры этого вліянія.

Напомнимъ, что Ибсенъ выступалъ съ первымъ своимъ произведеніемъ въ 1850 году, когда Ницше было всего шесть лѣтъ отъ роду, Зудерманъ, Гауптманъ и Метерлинкъ еще не родились, а Мопассанъ только-что родился. Итакъ, можно признать, что именно Ибсенъ явился первымъ по времени иниціаторомъ той литературной революціи, которая началась съ 70-хъ годовъ и хотя разбилась на много теченій, но во всѣхъ нихъ представляется своимъ общимъ знаменемъ, знаменемъ индивидуализма. Нѣмецкая критика указываетъ непосредственно вліяніе Ибсена на Гауптмана, а Ницше—на Зудермана. Но едвали можно сомнѣваться, что всѣ эти германскіе писатели, не исключая самого Ницше,—который болѣе всего былъ все-таки художникъ,—подвергались хотя отчасти вліянію Ибсена, какъ то замѣтно на Метерлинкѣ и на представителяхъ новыхъ направленій въ разныхъ иныхъ литературахъ, не говоря уже о скандинавскихъ.

Положимъ, Ницше—философъ, а Ибсенъ—поэтъ и драматургъ. Но во всякомъ случаѣ, со знаменемъ освобожденія индивидуальности и даже стремленія къ крайнему, непомѣрному ея развитію Ницше выступилъ не первымъ. Его „Заратустра“ появился въ 1888 году. Но уже съ 1866 года Ибсеномъ былъ выведенъ въ „Брандѣ“ типъ все ломающей силы воли, а съ 1867 года существовалъ Перъ Гинтъ, наиболѣе цѣнное въ Норвегіи произведеніе Ибсена, „драматическая поэма“, въ которой стремленіе къ безпредѣльному развитію и господству сильной личности выражено въ типѣ фантастическомъ по приключеніямъ, но вполнѣ человѣчномъ, несмотря на стремленіе къ „сверхчеловѣчности“. Въ смыслѣ символическомъ типъ этотъ повторился въ „Строителѣ Сольнессѣ“, который также явился ранѣе „Заратустры“.

Затѣмъ, тотъ же типъ повторился у Ибсена еще разъ—въ „Джонѣ-Габріэлѣ Боркманѣ“, но—уже подъ взаимнымъ воздѣйствіемъ со стороны Ницше въ нѣмецкой критикѣ. А намъ „Боркманъ“ вовсе не кажется болѣе заимствованнымъ у Ницше, чѣмъ „Перъ Гинтъ“, появившійся еще ранѣе анти-вагнеровскаго періода

Ницше. Правда, стремленіе къ могуществу въ лицѣ Боркмана дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ лицѣ Пера Гинта, но только потому, что оно выражено болѣе реально, безъ невыясненныхъ скачковъ и безъ фантастическихъ примѣсей. Во всякомъ случаѣ, если Ницше могъ подпадать подъ вліяніе композитора Вагнера, то едвали не слѣдуетъ допустить, что на него могла подѣйствовать та своеобразная идея, которой символами уже являлись у Ибсена „Перъ Гинтъ“ и „Строитель Сольнессъ“.

Впрочемъ, нѣтъ, конечно, основанія доказывать, что Ибсенъ былъ непосредственнымъ и единственнымъ иниціаторомъ той литературной революціи, какая совершилась въ послѣдніе десятки лѣтъ XIX-го столѣтія. Но что ему принадлежала въ ней одна изъ наиболѣе выдающихся ролей и что, по своему духу, онъ явился писателемъ именно революціоннымъ,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Эта революціонная черта проявилась уже въ первомъ произведеніи его—въ драмѣ „Катилина“, поставленной въ 1850 году, когда Ибсену было 22 года (родился въ 1828 г.). Но революція въ смыслѣ политическомъ прельщала его недолго. Въ болѣе зрѣломъ періодѣ творчества онъ даже относился къ ней прямо свысока, признавая ее узкою и одностороннею. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ переводчиковъ онъ высказываетъ такую мысль: „политики стремятся только къ революціямъ спеціальнымъ, внѣшнимъ, политическимъ. А между тѣмъ, дѣло главнымъ образомъ—въ революціонизированіи человѣческаго духа“.

Во имя чего, въ виду какой цѣли? Этого Ибсенъ не сказалъ нигдѣ. Наоборотъ, есть даже прямое его признаніе: „Я обыкновенно только ставлю вопросъ; давать отвѣтъ—не мое дѣло“. Да онъ и не могъ дать отвѣта уже потому, что не вѣрилъ въ какой-либо вѣчный, безсмѣнный идеалъ. Въ одной публичной рѣчи, произнесенной въ Стокгольмѣ, Ибсенъ высказалъ увѣренность, что „идеалы нашего времени близки къ паденію“ и что они уступятъ мѣсто тому, что̀ въ одной изъ своихъ драмъ („Цезарь и Галилеянинъ“) имъ было названо „третьимъ царствомъ“. „Я думаю,—говорилъ онъ,—что естественно-научная теорія эволюціи примѣняется также и къ факторамъ жизни духовной. Я думаю, что очень близко то время, когда идея политическая и идея соціальная, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, исчезнутъ,—онѣ сольются въ нѣчто цѣльное, нѣчто такое, что̀ *до времени* представитъ собой условіе блага для человѣчества... Обо мнѣ отзывались при разныхъ случаяхъ, какъ о пессимистѣ, да я и въ самомъ дѣлѣ пессимистъ, въ томъ смыслѣ, что не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ“.

Итакъ, революцію духа Ибсенъ понималъ собственно противъ идеаловъ ему современныхъ и уже осужденныхъ на паденіе, но никакого рецепта для будущаго онъ не прописывалъ. Однако, первая же его попытка въ этомъ направленіи, его „Комедія любви", представленная въ 1863 году, возбудила противъ него общество и вызвала такія на него нападки за посягательство на святость любви и брака, что Ибсенъ долженъ былъ уѣхать заграницу, при помощи одного покровителя и при поддержкѣ назначенной ему государственной стипендіи.

Другія произведенія изъ перваго періода дѣятельности Ибсена, кромѣ названныхъ, были посвящены возстановленію въ памяти норвежскаго народа старинныхъ сагъ и героическихъ преданій. Половина 50-хъ годовъ ознаменовалась въ Норвегіи нѣкоторымъ національно-литературнымъ возрожденіемъ послѣ четырехсотлѣтняго полнаго господства датской культуры. Требовалось придать литературѣ отпечатокъ національный. И вотъ, такія произведенія Ибсена, какъ „Могила гунновъ", „Владычица Эстрота", „Празднество въ Сольгоугѣ", „Гельголандскіе богатыри", „Претенденты на корону", были проникнуты духомъ патріотически-національнымъ и для общеевропейской литературы никакого значенія не имѣютъ.

Среднюю ступень составляетъ „Перъ Гинтъ". Здѣсь проявляется еще обиліе сказочнаго элемента, фантасмагорія воображенія, создающаго волшебство, которое трудно отличить отъ реальныхъ фактовъ... Но это—та изъ Ибсеновскихъ драмъ, въ которой общечеловѣческая идея индивидуализма, сильной воли, стремленія къ господству выражена съ богатствомъ чисто-національныхъ повѣрій и бытовыхъ особенностей. И вотъ почему въ Норвегіи это произведеніе и признается за chef d'oeuvre Ибсена. Національный композиторъ Григъ даже написалъ къ нему музыку.

Такъ какъ только-что упомянуто о проявившемся въ Норвегіи движеніи къ созданію національной литературы, въ которомъ на долю Ибсена выпало главное участіе, то необходимо пояснить, что движеніе это, насколько оно пріобрѣло дѣйствительное значеніе, ставило себѣ цѣлью только приданіе литературѣ національнаго характера, но не возсозданіе стариннаго, національнаго языка и завоеваніе для него правъ языка литературнаго и государственнаго, какъ то было въ Финляндіи, въ Чехіи, отчасти въ Греціи, гдѣ литература стремится къ очищенію новогреческаго языка, съ замѣной словъ албанскихъ и турецкихъ эллинскими. Движеніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ

также возникло въ Норвегіи, но не охватило сколько-нибудь значительной части общества и осталось въ предѣлахъ дѣятельности извѣстнаго кружка. Языкомъ общества и литературы остается въ Норвегіи языкъ датскій, такъ какъ страна эта была соединена съ Даніею съ конца XIV вѣка до 1814 года и культуру свою заимствовала главнымъ образомъ изъ Даніи.

Что касается Ибсена, то онъ не только не принадлежалъ къ кружку „маальстреверовъ“ (буквально—языкоревнителей), стремящихся къ возрожденію и распространенію стараго, забытаго образованнымъ обществомъ норвежскаго языка, но въ той же популярной драмѣ „Перъ Гинтъ“ осмѣивалъ ихъ усилія. Въ концѣ своихъ фантастическихъ приключеній въ Марокко, Перъ Гинтъ сходитъ съ ума и попадаетъ въ домъ умалишенныхъ въ Каирѣ. Здѣсь, въ числѣ больныхъ, оказывается нѣкій Хуху, ревнитель того „первобытнаго“ малабарскаго языка, который состоитъ изъ ворчанья и крика орангъ-утанговъ. Онъ сообщаетъ Перу, что „первобытный языкъ уступилъ мѣсто чужимъ, какъ нагота уступила мѣсто рубахамъ и четырехсотлѣтняя темнота (соединеніе Норвегіи съ Даніей) господствовала тамъ, гдѣ нѣкогда бодрствовали обезьяны“. На его жалобы о недостаткѣ сочувствія къ его стараніямъ о древнемъ языкѣ безумный Перъ Гинтъ вспоминаетъ, какъ онъ на западѣ Африки отбивался въ лѣсу отъ обезьянъ, и даетъ товарищу по заключенію совѣтъ отправиться во внутренность Марокко, подвязать себѣ хвостъ и предпринять культурную миссію среди своихъ „земляковъ“. И тотъ сумасшедшій соглашается: „я отъ родныхъ ученыхъ удалюсь фаланги; пойду туда, гдѣ здравствуютъ орангъ-утанги“.

Извѣстность Ибсена на материкѣ Европы началась съ его драмъ не спеціально-норвежскаго, но обще-европейскаго характера, какъ „Союзъ юношества“ (1869 г.), „Подпоры общества“ (1877 г.), „Кукольный домъ“ или „Нора“ (1880 г.), „Призраки“ (1881 г.), „Врагъ народа“ (1882 г.), „Дикая утка“, „Женщина моря“, „Строитель Сольнессъ“, „Маленькій Эйольфъ“, „Джонъ-Габріэль Боркманъ“, „Когда мы мертвые проснемся“ (1893), и др. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ направлена яркая и неумолимая струя свѣта на тѣ побужденія, которыя соединяютъ людей въ бракъ, семью и общество, на тѣ чувства, какими побужденія эти именуются, и тѣ идеалы, которыми чувства освящаются. При этомъ авторъ, который самъ вовсе не вѣритъ въ правдивость, а тѣмъ болѣе въ непреложность этихъ идеаловъ, напоминаетъ оператора, который объективно изслѣдуетъ раны и вырожденія организма, предоставляя больному согласиться на отсѣ-

ченіе нароста на органѣ, но не даетъ никакого терапевтическаго совѣта и „внутренними средствами“ не лечитъ.

Почему эта скандинавская драма и новѣйшая нѣмецкая драма, которая послѣдовала по ея пути, производили съ самаго начала столь сильное, захватывающее впечатлѣніе? Потому что эта драма, немилосердно и безъ всякихъ оговорокъ въ пользу или въ смыслѣ „идеаловъ“, обличаетъ фальши жизни. Сама по себѣ, задача не нова. Драма или комедія, въ которыхъ выставлялось современное авторамъ общество, съ его предразсудками и пороками, существовали давно, начиная хотя бы отъ Мольера, продолжая „Коварствомъ и любовью“ и кончая вполнѣ реальными, прекрасно написанными, остроумными пьесами Ожье, Фёллье, Дюма-сына и Сарду.

Но дѣло въ томъ, что прежніе авторы избирали предметомъ анализа не самыя основы семьи и общества, а только отдѣльные предразсудки или пороки, какъ напр. неравенство происхожденія, богатство и бѣдность, безусловное отверженіе падшихъ, спѣсь, тщеславіе, самодурство и т. д. Тронутый жалостью или уколотый сатирой, каждый зритель въ духѣ своемъ временно становился выше такихъ, въ сущности общепризнанныхъ, хотя и процвѣтающихъ недостатковъ и выходилъ изъ представленія довольный, въ полномъ душевномъ равновѣсіи.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе выносилъ зритель, когда ему стали показывать, напр., семью, по общимъ понятіямъ, совершенно образцовую, гдѣ мужъ работаетъ, молодая жена хозяйничаетъ, играетъ и веселится съ дѣтьми, совершенно какъ ребенокъ, а мужемъ устраняется также какъ ребенокъ отъ всякихъ заботъ о будущемъ и столкновеній въ житейской борьбѣ, и сама воспитывается въ духѣ безусловнаго довѣрія къ мудрости и силѣ мужа, а затѣмъ, показавъ такой идеалъ, которому зритель даже позавидовалъ, вдругъ позволяетъ перипетіямъ драмы обнаружить,— какъ въ „Норѣ“,—что все это семейное счастье женщины было въ сущности кукольной комедіей. Достаточно было, чтобы обнаружилась дѣловая неосторожность, совершенная женой-ребенкомъ въ пользу самого мужа, чтобы онъ жестко осудилъ ее, призналъ глупой и глубоко виновной по отношенію къ нему, не считая ни во что тѣхъ опасеній и мученій, какихъ ей стоила эта давнишняя жертва, принесенная мужу. Случай, то-есть постороннее вмѣшательство, устраняетъ опасность, и вотъ мужъ уже снова готовъ приголубить свое „большое дитя“.

„—Я тебѣ въ самомъ дѣлѣ простилъ, Нора; опирайся на меня, я буду твоимъ совѣтникомъ, я тебя буду вести и руково-

дить тобой. Я не былъ бы мужчиной, еслибы именно эта твоя женская безпомощность не дѣлала тебя еще вдвое мнѣ милѣе; я тебѣ простилъ, Нора... О, какъ у насъ чудно въ домѣ! Я тебя буду охранять здѣсь, какъ загнанную голубку, которую мнѣ удалось еще счастливо спасти изъ когтей ястреба...“

На это Нора отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Она уже не вѣритъ въ любовь ни своего отца, ни мужа, которые оба воспитывали ее какъ куклу и обращались съ ней какъ съ куклой. Она уйдетъ изъ дому. Мужъ напоминаетъ ей объ ея обязанностяхъ, о религіи... Нора отвѣчаетъ, что у нея есть еще обязанность передъ самой собой, а религіи она совсѣмъ не знаетъ; помнитъ только, что̀ говорилъ ей пасторъ при конфирмаціи; но теперь она хочетъ провѣрить, вѣрно ли она помнитъ и вѣрно ли говорилъ пасторъ. Нора оставляетъ мужа, не давъ ему даже надежды на возвращеніе, и дѣтей,—не простившись съ ними.

Сошлемся для сравненія на „L'honneur et l'argent“ и на „Le Gendre de M. Poirier“. Когда одно изъ дѣйствующихъ лицъ доказываетъ, что „честь“—одно, а „дѣло“—совсѣмъ другое, то на вопросъ: „да что̀ же это такое—les affaires?“—другое лицо отвѣчаетъ: „les affaires, c'est l'argent des autres“. И прекрасно. Всѣ поняли сатиру и признали ея вѣрность; даже самые безцеремонные дѣльцы, и тѣ не обидѣлись, по тому соображенію, „что на комъ грѣха нѣтъ“.

Или когда г. Пуарье́, во время второй имперіи, добивался титула за свои финансовыя и политическія услуги правительству, но на вопросъ, желаетъ ли онъ графскаго достоинства, возмущается, какъ истый демократъ, то заканчиваетъ онъ этотъ демократическій протестъ словами: „comte! allons donc! mais... baron?“ Это было очень хорошо, и чистосердечно смѣялись сами финансовые бароны. Обличеніе такихъ „фальшей жизни“ представлялось безобиднымъ, особенно для большинства.

Но совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось, когда драма и комедія „посягнули“ на семью и самую любовь, на родительскую заботливость о дѣтяхъ и сыновнее чувство, на супружескія обязанности, какъ въ „Норѣ“, „Комедіи любви“, „Призракахъ“, „Дикой уткѣ“, „Строителѣ Сольнессѣ“, „Маленькомъ Эйольфѣ“ и „Когда мы мертвые проснемся“. А вмѣстѣ, въ тѣхъ и другихъ драмахъ, выступало, иногда съ безпощадной силой, право индивидуальности, стремленіе къ личному могуществу и счастью, къ господству надъ средою и даже надъ человѣчествомъ.

Тутъ большинство, боязливое къ правдѣ, легко смущаемое самымъ звукомъ нѣкоторыхъ словъ, заняло сперва оборонитель-

ное положеніе. Что впечатлѣніе все-таки получалось сильное, болѣе сильное, чѣмъ отъ прежнихъ буржуазныхъ, но знакомыхъ страстей и столкновеній, это приписывали не силѣ правды, а только могучему таланту и неудержимому воображенію автора, который умѣлъ поражать зрителей и читателей совсѣмъ новыми пріемами и съ такой стороны, откуда не ожидалось удара.

Но зато его обвинили въ крайнемъ пессимизмѣ, преувеличеніи и прямо таки въ болѣзненности фантазіи, вродѣ того, какъ Чацкій оказывался сумасшедшимъ среди стараго московскаго общества. Нора, по ребяческому незнанію, все-таки совершила дѣйствіе, наказуемое закономъ, а мужъ ея былъ безупреченъ. Жизнь семьи была счастливая; семья эта, съ заботливымъ руководительствомъ молодой жены мужемъ, казалась образцовой, особенно обществу скандинавскому и германскому, гдѣ жена не только не пользуется равноправностью, какъ и на всемъ свѣтѣ, но и не допускается мужемъ къ отношеніямъ почти товарищескимъ, какъ въ романскихъ земляхъ, а особенно въ мелкой французской буржуазіи. И вотъ съ развязкой „Норы“ многіе не могли примириться, особенно съ тѣмъ, что она оставляетъ дѣтей для того, чтобы идти въ свѣтъ и сдѣлаться „человѣкомъ“. Это объявляли совершенно неправдоподобнымъ, если Нора любила дѣтей. А если она не любила ни дѣтей, ни мужа и не дорожила семейными обязанностями, въ такомъ случаѣ эта жена и мать, бросающая домъ, является просто безсердечной искательницей приключеній, которая разыграетъ еще впослѣдствіи не одну комедію, прикрываясь громкими фразами объ обязанностяхъ передъ собой и о необходимости познать правду жизни. Такъ говорилось о „Норѣ“.

Ни одна изъ Ибсеновскихъ драмъ не возбудила столько нареканій, какъ именно „Нора“, —развѣ „Комедія любви“, которая, впрочемъ, менѣе извѣстна на континентѣ. Иные осуждали „Нору“, какъ пьесу прямо вредную, такую, которая подала примѣръ и мнимое оправданіе многимъ безсердечнымъ женщинамъ, ломавшимъ жизнь семьи подъ предлогомъ высшаго призванія. Въ этомъ стоитъ нѣсколько разобраться, такъ какъ нѣкоторые изъ приведенныхъ упрековъ примѣняются и къ другимъ пьесамъ того же автора.

Начнемъ съ того, что пьеса, будто бы, вредна. Но что за дѣло, если она даетъ лишній предлогъ для самооправданія такимъ натурамъ, которыя все равно нашли бы не тотъ, такъ другой предлогъ для прикрытія своего каприза или хотя бы похоти? Справедливо ли вмѣнять автору въ вину тѣ злоупотребленія,

какія могутъ быть оправдываемы его произведеніями? И каково же было бы положеніе писателя, а особенно писателя, имѣющаго сказать нѣчто новое, писателя революціоннаго, какъ Ибсенъ, еслибы онъ боялся подобной цензуры и принималъ на себя отвѣтственность за все, что̀ можетъ произойти вслѣдствіе вызываемаго имъ движенія?

Затѣмъ—о Норѣ. Еслибы она горячо любила дѣтей и вдругъ бросила̀ бы ихъ, то это, конечно, представляло бы развязку неправдоподобную. Но въ томъ-то и дѣло, что Нора — не настоящій человѣкъ, а существо, воспитанное отцомъ и мужемъ въ кукольныхъ понятіяхъ. Ею забавлялись болѣе, чѣмъ ее любили, и она такъ же относилась къ своимъ дѣтямъ. Да, наконецъ, для смысла пьесы, по намѣренію автора, вовсе неважно, есть ли у героини дѣти, или ихъ нѣтъ. Еслибы дѣтей не было, то смыслъ драмы остался бы тотъ же, и утратилась бы только та черта характера Норы, что она съ дѣтьми дѣлается сама ребенкомъ—на глазахъ зрителей.

Можно возразить, что такъ какъ авторъ, однако, ввелъ дѣтей, то развязка и является неправдоподобной. Ну, и пусть будетъ такъ; мало ли у Ибсена встрѣчается неправдоподобнаго... А все-таки Нора должна была оставить мужа. Это представлялось необходимымъ для яснаго выраженія мысли драмы. Индивидуализмъ совсѣмъ не былъ развитъ въ Норѣ. Жизнь ея самой протекала какъ бы въ пеленкахъ дѣтства, хотя самое „преступленіе“, совершенное ею для спасенія жизни мужа, свидѣтельствовало о прирожденной энергіи. Она заняла деньги подъ вексель съ поддѣльнымъ бланкомъ отца, чтобы дать мужу, приговоренному къ смерти врачами, возможность провести годъ въ Италіи, а мужу сказала, что добыла эти средства отъ отца. Объяснить мужу необходимость такого займа она не могла потому, что для этого пришлось бы сообщить ему о приговорѣ врачей, а просить денегъ у отца было невозможно, такъ какъ онъ самъ въ то время находился въ безнадежномъ состояніи и умеръ за два дня до дня выставленія Норой бланка. Нора не понимала свойства своего дѣянія и впослѣдствіи никакъ не могла понять, что, придумавъ средство скрыть отъ мужа приговоръ врачей и не требовать денегъ отъ умиравшаго отца, она этимъ совершала преступленіе.

Но когда все раскрылось, когда мужъ жестко осудилъ ее, не оцѣнивъ ея любви и оказанной ему услуги, упрекалъ ее, что она не имѣетъ ни вѣры, ни нравственности, ни чувства долга,—въ этой женщинѣ-ребенкѣ внезапно проснулось *я* съ сознаніемъ

нравственной правоты и вмѣстѣ нравственнаго закабаленія, даже отсутствія истинной любви со стороны мужа. И она должна была вдругъ разлюбить и оставить этого нестерпимаго педанта. Этого требовала не только идея пьесы, но и дѣйствительная справедливость.

Какъ уже упомянуто, идея индивидуализма, личной энергіи, стремленія къ могуществу была выражена Ибсеномъ въ двухъ драмахъ гораздо раньше появленія Ницшевскаго „Заратустры". Особенно сильно она преобладаетъ въ „Перѣ Гинтѣ", къ которому здѣсь необходимо возвратиться по поводу той неправдоподобности, какая часто встрѣчается у этого автора. Странное дѣло! Едвали не главнымъ свойствомъ, заинтересовавшимъ и привлекавшимъ общество къ произведеніямъ Ибсена, была—правдивость, а между тѣмъ, наряду съ ней, нерѣдко у него встрѣчается неправдоподобность. Въ этомъ, повидимому, есть противорѣчіе. Но достаточно вникнуть въ сущность того и другого свойства, какъ они проявляются у этого автора, и тогда уяснится, почему эти особенности могутъ уживаться одна съ другой. Правдивость, которая привлекала къ изображеніямъ Ибсена и справедливо казалась „новымъ словомъ", которое онъ вносилъ въ драматическое творчество, заключалась, во-первыхъ, въ глубокомъ проникновеніи въ психическій процессъ дѣйствующихъ лицъ и нестѣсненномъ раскрытіи истинныхъ ихъ побужденій при томъ или другомъ дѣйствіи, безъ всякаго опасенія, что объ этомъ скажутъ жрецы идеаловъ, близкихъ къ паденію. Во-вторыхъ, правдивость представлялась еще въ строго выдержанной простотѣ языка. Никогда герои Ибсена не произносятъ „фразъ",—развѣ только когда они прямо предназначены представлять фразеровъ, какъ, напримѣръ, адвокатъ Стейнгоффъ въ „Союзѣ юношества". У Ибсена дѣйствующія лица избѣгаютъ громкихъ словъ, иногда—даже прямого названія своего чувства. Очень многое не договаривается или говорится намеками, именно изъ особой деликатности, какъ бы стыдливости чувства, которая гораздо болѣе свойственна германской, а отчасти и славянской расѣ, чѣмъ расѣ романской.

Что касается неправдоподобности, то она истекаетъ изъ двухъ другихъ особенностей автора. Ибсенъ, какъ возбудитель, какъ глашатай свободы личности—писатель несомнѣнно тенденціозный. Не въ смыслѣ политическомъ или соціальномъ, конечно. Никакой теоріи этого рода, да и какого-либо иного рода у него нѣтъ. Но пьесы его всегда имѣютъ прямой задачей проявленіе одной или двухъ изъ главныхъ его идей: индивидуализма, фальши уста-

новленныхъ отношеній между людьми, несоотвѣтствія между волей и возможностью и истекающихъ изъ этого безвыходности, пессимизма, часто сумасшествія или самоубійства.

Идею онъ проводитъ властно и рѣзко, а для этого беретъ часто совсѣмъ необыкновенныя, исключительныя условія и, сверхъ того, порою даже распоряжается дѣйствіями своихъ персонажей нѣсколько произвольно, заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, поступить такъ, какъ это нужно для яркаго осуществленія идеи. Дѣйствительно, это иногда нарушаетъ правду нормальную, создаетъ неправдоподобность въ смыслѣ отступленія отъ общепризнаннаго.

А тѣмъ не менѣе, самые типы и ихъ психическія движенія все-таки остаются правдивыми, и неправдоподобность является скорѣе только утрировкою, допущенною авторомъ для болѣе яркаго выраженія мысли. Иногда утрировку эту слѣдуетъ даже понимать только какъ пріемъ для матеріализаціи идеи, подобно тому, какъ спириты пытаются матеріализировать вызываемыхъ духовъ посредствомъ движеній, стуковъ, блеска, прикосновеній, даже появленія туманныхъ формъ. Этого рода утрировка у Ибсена иногда представляется уже прямо символикой. Такъ, напримѣръ, въ „Строителѣ Сольнессѣ“ — пока индивидуализмъ и стремленіе къ великимъ дѣламъ выражаются въ величавыхъ постройкахъ и въ полномъ одиночествѣ духа, въ отчужденіи отъ семьи, въ опасеніи, что наросшее молодое поколѣніе вскорѣ сумѣетъ затмить его изобрѣтеніемъ какихъ-нибудь новыхъ формъ, которыя понравятся не потому, что онѣ будутъ болѣе красивы, но потому именно, что будутъ новы и явятся какъ законная смѣна для прежнихъ; затѣмъ и въ усиліяхъ Сольнесса не давать хода молодымъ талантамъ, т.-е. вѣроятнымъ соперникамъ,— все это остается въ предѣлахъ полной вѣроятности и реальности. Но когда тотъ же строитель влѣзаетъ на самый верхъ построенной имъ колокольни и оттуда говоритъ съ Богомъ, объявляетъ ему, что больше никогда церквей строить не будетъ, такъ какъ убѣжденъ, что Богъ отнялъ у него малолѣтнихъ дѣтей для того, чтобы онъ всей душой отдался только церковностроительству, то этого, разумѣется, буквально понимать нельзя, такъ какъ это было бы ребячество.

Здѣсь уже только — поэтическій символъ крайняго индивидуализма, крайняго стремленія къ возвышенному и могучему. Точно такъ же—когда въ домъ Сольнесса вдругъ является молодая дѣвушка, восторженная поклонница его таланта, увлекаетъ своимъ порывомъ, своей откровенностью и очаровываетъ его, ску-

чавшаго съ неразвитой женой, у которой третьимъ словомъ было „обязанность“, мы видимъ въ этомъ нѣчто естественное, по самому сходству этихъ двухъ эксцентричныхъ натуръ. Но когда та же дѣвушка, напомнившая Сольнессу о восхожденіи его на верхъ колокольни, котораго она была свидѣтельницей, требуетъ, чтобы онъ повторилъ это, взойдя на вновь построенную башню — изъ любви къ избранной, для доказательства, что онъ — „ея зодчій“, такой именно, какъ она его любитъ, и Сольнессъ поднимается на башню, не взирая на головокруженія, которыми онъ страдаетъ, и летитъ съ вершины на мостовую,—то это опять символъ безусловной вѣры въ силу своей воли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несоотвѣтствія между волей и возможностью, стремленіемъ и достижимостью, то-есть, тѣхъ неизмѣнныхъ условій человѣческаго бытія, въ результатѣ которыхъ такъ часто являются преждевременная смерть, сумасшествіе, нравственное паденіе, пьянство, а едвали не для всего сознательнаго большинства — разочарованіе въ жизни, т.-е. пессимизмъ.

Затѣмъ надо отмѣтить еще добавочный элементъ неправдоподобности у Ибсена. Это — необычайная сила фантазіи, взлелѣяная въ туманахъ и лѣсахъ и на чудесныхъ сагахъ его родины, любовь къ таинственному, чудесному. Отсюда у него истекаетъ особаго рода мистицизмъ, очевидно, врожденный, но затѣмъ воспитанный уже психологическимъ анализомъ, который безпрестанно встрѣчался съ явленіями загадочными, намекавшими на дѣйствіе какихъ-то силъ неизвѣстныхъ. Это то, что Метерлинкъ впослѣдствіи назвалъ „моремъ потемокъ“ въ человѣческой душѣ.

Сила фантазіи то побуждаетъ Ибсена выводить типы совершенно исключительные, вѣрные идеѣ, но туманные въ личности, создавать необычайную, фантастическую обстановку дѣйствія, какъ въ „Когда мы мертвые проснемся“, то смѣшивать дѣйствительное съ народно-сказочнымъ, дѣлать произвольные скачки черезъ цѣлые годы жизни героевъ, не показывая, какимъ образомъ они достигали перемѣны положенія. Послѣднія черты выступаютъ наиболѣе рѣзко въ Перѣ Гинтѣ. Всѣ его похожденія въ юности, скачки съ горъ на оленяхъ, все, о чемъ онъ разсказываетъ матери и постоянно слышитъ отъ нея: „полно врать“,—его знакомство съ кобольдами и т. п.—представляетъ міръ полубаснословный, въ которомъ выростаетъ духъ, безгранично увѣренный въ своихъ силахъ, отважный, какъ средневѣковые норвежскіе викинги, эти пираты, цари морей и завоеватели далекихъ южныхъ береговъ, духъ, не знающій категоріи добра и зла, а признающій только силу.

Простой охотникъ исчезъ съ родины, гдѣ покинулъ безумную мать и дѣвушку, которая его любила и продолжала „ожидать его до самой смерти“. И вотъ, черезъ десять лѣтъ, въ четвертомъ дѣйствіи, онъ появляется на юго-западномъ берегу Марокко, въ видѣ богача, угощающаго какую-то странную компанію, состоящую изъ нѣмца, американца и француза. Богатство онъ добылъ въ Америкѣ, имѣлъ верфи въ Чарльстоунѣ и велъ самъ торговлю, между прочимъ торговалъ невольниками, привозимыми въ Каролину. Изъ этого обстоятельства видно, что время дѣйствія относилось къ періоду 50—60-хъ годовъ („Перъ Гинтъ“ написанъ въ 1867 г.), купилъ землю, сдѣлался самъ рабовладѣльцемъ и развелъ плантаціи, но уже не столько для выгоды, сколько для того, чтобы быть властителемъ надъ людьми и распоряжаться ихъ судьбой. По его разсказу, онъ отлично содержалъ своихъ невольниковъ, строилъ школы и даже „до нѣкоторой степени“ заботился о нравственности. Наконецъ, всѣ свои предпріятія въ Америкѣ онъ продалъ, сталъ настоящимъ Крезомъ и возвратился въ Старый Свѣтъ съ намѣреніемъ достигнуть самаго высокаго положенія, даже сдѣлаться императоромъ. Войска у него, покамѣстъ, не было, но были огромные капиталы, а главное — было сознаніе своего могучаго „я“, непреклонная воля, которая могла осуществить все, чего бы онъ ни пожелалъ.

Казалось бы, достаточно было и самаго обыкновеннаго теченія обстоятельствъ, чтобы ниспровергнуть сумасбродные и, притомъ, крайне неясные планы Гинта. Чтобы пріобрѣсть власть, онъ хотѣлъ воспользоваться возстаніемъ въ Греціи, то-есть, вѣроятно (хотя это вовсе не сказано), возстаніемъ 1862 года на островѣ Критѣ. Инсургентовъ онъ намѣревался снабдить оружіемъ и снаряжать для нихъ подкрѣпленія, а въ то же время думалъ взять на себя осуществленіе займа для Турціи. Все это довольно непонятно, а особенно неясно, зачѣмъ было высаживаться на южномъ берегу Марокко, чтобы дѣйствовать на пользу грековъ и сдѣлаться императоромъ, неизвѣстно какимъ, греческимъ или турецкимъ? Но это вопросы ненужные, когда рѣчь идетъ о произведеніи совершенно фантастическомъ.

И для ниспроверженія честолюбивыхъ плановъ Гинта потребовались обстоятельства необычайныя. Сперва товарищи его отплываютъ на яхтѣ, покидая его на берегу, и увозятъ съ собой часть его капиталовъ. Затѣмъ Гинтъ блуждаетъ въ оазисѣ и выдаетъ себя среди кочевыхъ арабовъ за пророка. Онъ уже мечтаетъ о томъ, чтобы обводнить внутренность Африки по-

средствомъ канала, проведеннаго изъ моря, такъ, чтобы самая Сахара обратилась въ море, а Томбукту — въ промышленный центръ. На одномъ изъ оазисовъ онъ думалъ основать норвежскую колонію, „Гинтіану“, со столицей „Пирополемъ“, при одной изъ бухтъ моря.

Но Гинтъ влюбляется въ дочь вождя одного изъ бедуинскихъ племенъ, даритъ ей драгоцѣнные камни, ввѣряетъ ей свое золото и, въ знакъ рыцарскаго ей служенія, сходитъ со своего коня и ведетъ ея лошадь подъ уздцы. Тогда бедуинка ударомъ вѣера отбиваетъ его руку отъ повода и летитъ на своемъ конѣ домой. Оставшись безъ средствъ, Гинтъ хочетъ сдѣлаться археологомъ и пріобрѣсть славу научными открытіями, но, какъ уже упомянуто, попадаетъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ въ разстроенномъ умѣ его и осуществляется его мечта объ императорской коронѣ. По выздоровленіи, Гинтъ возвращается въ Норвегію, но уже какъ сломленный, до полусмерти утомленный старикъ, и на порогѣ дома, куда онъ инстинктивно прибрелъ, встрѣчаетъ ту любимую дѣвушку, которая обѣщала ждать его до смерти. „Гдѣ же было мое „я“, котораго я лишился, мое прежнее „я“, когда-то озаренное блескомъ Божества?“—спрашиваетъ онъ. — „Оно было со мной, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви“, — отвѣчаетъ ему постарѣвшая возлюбленная. Гинтъ ухватывается за ея одежду и обращается къ ней какъ къ матери:—„О, мать, ты мнѣ прощаешь, укрой, укрой меня на своей груди“. Онъ умираетъ, и возлюбленная его Сольвейгъ поетъ надъ нимъ трогательную колыбельную пѣсню. Пѣсня эта имѣется въ партитурѣ Грига.

Самъ Ибсенъ видѣлъ въ „Перѣ Гинтѣ“ символъ духа норвежскаго народа, одареннаго влеченіемъ къ фантастическому, чудесному, а вмѣстѣ—сильно развитымъ чувствомъ индивидуальности, предпріимчивостью и смѣлостью. Можно найти въ этой фантастической драмѣ еще такую мысль, что чрезмѣрное развитіе воображенія, доходящее до необузданности, можетъ остаться безнаказаннымъ только для писателя, художника или композитора, у которыхъ избытокъ этой силы находитъ себѣ отливъ въ ихъ произведеніяхъ, оставляя ихъ личную жизнь нормальною. Такъ, самъ Ибсенъ, бо́льшая часть произведеній котораго отмѣчены фантастичностью, а всѣ—свидѣтельствуютъ о сильномъ воображеніи, въ личной своей жизни не только не проявлялъ анормальности, но былъ образцовымъ семьяниномъ и даже старался ничѣмъ не выдѣляться изъ условій, принятыхъ въ окружавшей его средѣ.

Что такая мысль могла быть у автора „Пера Гинта“—это

находитъ подтвержденіе въ послѣдней драмѣ его, а именно въ пьесѣ „Когда мы мертвые проснемся“, написанной черезъ 26 лѣтъ послѣ „Пера Гинта“, а именно въ 1893 году. Въ ней выведенъ типъ прямо противоположный Гинту, но выражающій ту же мысль, только „съ другого конца“. Какъ у Гинта фантазія, не имѣвшая исхода въ творчествѣ, вошла въ личную его жизнь, изуродовала ее ложью, сумасбродствомъ, а наконецъ и прямымъ помѣшательствомъ, такъ у скульптора Рубека жизнь текла нормально, пока сильное воображеніе его выливалось въ художественномъ творчествѣ. А когда онъ потерялъ эту способность творчества, то вся жизнь его поглотилась смутной мечтою, и онъ сдѣлался неспособнымъ къ дѣйствію и къ счастью въ реальной жизни.

II.

Ибсенъ такъ многостороненъ, что въ большей части его произведеній проводится не одна мысль, но комбинація двухъ, трехъ темъ, связанныхъ въ одномъ дѣйствіи, какъ то и бываетъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ въ каждомъ кризисѣ или хотя бы крупномъ столкновеніи почти всегда можно найти подтвержденіе не для одной только, но иногда и для нѣсколькихъ психологическихъ и соціальныхъ гипотезъ или временныхъ правдъ. Поэтому, при изученіи его намѣреній и особенностей таланта, необходимо обращаться къ отдѣльнымъ произведеніямъ его по нѣскольку разъ, сопоставляя ихъ въ свѣтѣ той или другой идеи. Такъ, мы уже упомянули о „революціи духа“ и о борьбѣ за право индивидуальности, идеяхъ, которыя проявляются совмѣстно въ нѣсколькихъ произведеніяхъ Ибсена. Прибавимъ сюда еще мысль о несоотвѣтствіи намѣреній наиболѣе одаренныхъ, стремящихся натуръ—съ возможностью, силы воли—съ инерціею среды или съ неизмѣнностью нѣкоторыхъ основныхъ условій человѣческой жизни. Въ предисловіи къ позднѣйшему изданію первой своей драмы „Катилина“ Ибсенъ прямо говоритъ, что постоянной темой его творчества служило „противорѣчіе между силой и стремленіемъ, человѣческой волей и возможностью, трагедіею, а вмѣстѣ и комедіею быта человѣчества и жизни индивидуальной“.

Избираемыя имъ темы Ибсенъ умѣлъ комбинировать въ стройности, такъ сказать, контрапунктической, такъ что каждая изъ нихъ поочередно преобладала, но и другая звучала одновременно, въ дополненіе, будто случайно, какъ то бываетъ и въ жизни. И эта особенность несомнѣнно содѣйствуетъ замѣчатель-

ной жизненности его драмъ. Тенденціозность, при такой гармонизаціи съ мнимой случайностью, прямо ускользала отъ зрителя, и только раздумывая надъ видѣннымъ, вслѣдствіе вынесеннаго сильнаго впечатлѣнія, зритель находилъ возраженія. Какъ уже сказано, возраженія эти большей частью сводились къ неправдоподобности. А неправдоподобность не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ тенденціозно, то-есть, безусловно высказанной мысли. „Что же онъ могъ сдѣлать противъ троихъ? Умереть!“ Въ этихъ стихахъ старика Корнеля высказано также требованіе неправдоподобнаго. Но оно умѣстно и даже превосходно, какъ символъ героическаго духа Гораціевъ. Подобное замѣчаніе примѣнимо и къ нѣкоторымъ развязкамъ у Ибсена.

Особую группу въ ряду его столь многообразныхъ произведеній составляютъ тѣ, которыя имѣютъ характеръ болѣе общественный, чѣмъ семейный или индивидуально-психологическій. Сюда принадлежитъ слѣдующая группа: „Союзъ юношества“, „Подпоры общества“ и „Врагъ народа“. Пьесы эти появились одна непосредственно за другой, кромѣ двухъ первыхъ, но принадлежатъ къ одному 13-ти-лѣтнему періоду (1869—1882 гг.). Всѣ три запечатлѣны отчасти „революціею духа“, но болѣе — противъ существующихъ понятій общественныхъ, чѣмъ противъ понятій семейнаго долга, хотя и семейнымъ связямъ перепадаетъ тутъ кое-что на долю, въ видѣ второго мотива.

Мы уже говорили, что Ибсенъ пренебрегалъ борьбой политической и политическими идеалами, считая ихъ односторонними и узкими. Дѣйствіе въ трехъ названныхъ драмахъ разыгрывается на почвѣ муниципальнаго патриціата или самоуправленія и общую ихъ цѣль можно выразить словами: „взгляните, каковы ваши общественные и, вмѣстѣ, нравственные авторитеты“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ пьесамъ можно бы дать и иное еще названіе, а именно — „динамика толпы и общественнаго мнѣнія“. Наконецъ, въ третьей изъ нихъ проявляется еще дополнительно и протестъ сильной индивидуальности противъ порабощенія эгоистическимъ интересамъ среды. Вотъ какъ идейно-сложны даже тѣ изъ произведеній этого писателя, которыхъ задача, повидимому, наиболѣе проста.

Но именно потому, что онъ вовсе не увлекался политикой, Ибсенъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи дать въ „Союзѣ юношества“ нѣсколько каррикатурный типъ такого политическаго оратора, который наиболѣе сильно, даже неудержимо дѣйствуетъ на толпу. Главное значеніе пьесы и заключается въ этомъ, превосходно подмѣченномъ и воспроизведенномъ типѣ адвоката-

фразёра Стейнгоффа, рѣчи котораго дѣйствуютъ на толпу, какъ огонь на порохъ, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего поучительнаго, ни реальныхъ фактовъ, ни разумныхъ аргументовъ, ничего, кромѣ зажигательныхъ фразъ и хлёстко выражаемыхъ общихъ мѣстъ. Но фразы эти, совершенно тривіальныя по своему смыслу, направлены въ сторону готовыхъ уже антипатій толпы и потому дѣйствуютъ на нее просто какъ бранный (въ обоихъ смыслахъ) кличъ. И ей ничего больше не надо. Она не хочетъ разсуждать, она даже совсѣмъ лишена критической способности. Ей только нуженъ призывъ къ дѣйствію противъ людей ей неугодныхъ, а для этого достаточно нѣсколькихъ громкихъ словъ и ядовитыхъ намековъ, достаточно самоувѣренности, въ которой она видитъ смѣлость, и вотъ она несетъ такого оратора на плечахъ, въ тріумфѣ.

Стейнгоффъ, въ теченіе дѣйствія драмы, мѣняетъ фронтъ нѣсколько разъ, смотря по тому, что при каждомъ новомъ оборотѣ дѣла онъ признаетъ для себя болѣе выгоднымъ,—наконецъ, запутывается и проваливается. Можно бы назвать его глупымъ, такъ какъ иначе онъ долженъ былъ бы понимать, что противорѣчія въ его дѣйствіяхъ и словахъ наконецъ выдадутъ его. А въ такомъ случаѣ не понятно не только вліяніе его на толпу, но и то, что нѣкоторыя черты въ немъ нравятся даже совсѣмъ неглупымъ людямъ, пока они его не раскусили. Но это противорѣчіе объясняется огромнымъ самомнѣніемъ этого трибуна, который убѣжденъ, что онъ сумѣетъ обойти кого угодно, что никто не въ силахъ разгадать его. Притомъ онъ такъ изолгался, что въ каждый моментъ, когда онъ хочетъ убѣдить въ чемъ-нибудь, онъ самъ какъ будто безусловно вѣритъ тому, въ чемъ хочетъ убѣдить другихъ и что просто самъ измышляетъ для ихъ убѣжденія.

Стейнгоффъ отчасти похожъ на Хлестакова, и Гоголь въ наше время, конечно, не сдѣлалъ бы Хлестакова заѣзжимъ въ провинцію мелкимъ петербургскимъ чиновникомъ. Это—проходимецъ и интриганъ, какъ его съ самаго начала называетъ одно лицо въ пьесѣ, но называетъ втихомолку. А это — тоже, что у насъ доселѣ называлось въ государственной службѣ „карьеристъ“, то-есть человѣкъ, который, въ видахъ своей выгоды, готовъ проводить какое угодно дѣло, представляя себя совершенно въ немъ убѣжденнымъ, и завтра же перейдетъ на другую сторону, если это нужно, чтобы подняться на одну ступень выше. Онъ каждому готовъ подставить ножку или, какъ говорятъ чиновники, „подложить свинью“. Вотъ такой-то молодецъ въ общественномъ и

частномъ быту и называется проходимцемъ. Прибавьте къ этому самоувѣренность, доведенную до нахальства, и изолганность, доходящую до того, что онъ наконецъ самъ начинаетъ вѣрить въ сочиненное имъ и почти не различаетъ между словами и дѣйствительными фактами. Нагородивъ кучу общихъ фразъ о мѣстныхъ злоупотребленіяхъ и деспотизмѣ толстосумовъ, руководящихъ дѣлами, между тѣмъ какъ самъ недавно пріѣхалъ въ данный городъ и о дѣлахъ знаетъ только изъ нѣсколькихъ сплетенъ, Стейнгоффъ, пируя съ единомышленниками, слышитъ хвалебные для него возгласы толпы. „Слышите, это въ мою честь! А вѣдь, ей Богу, то, что̀ дѣйствуетъ на столь многихъ, должно же быть правдой!“

Эта легкость въ усвоеніи себѣ любой, нужной ему „правды“ обусловливаетъ тонъ добродушія и мнимой откровенности, съ какими онъ лжетъ и которыя располагаютъ ему вѣрить. Но отсюда же истекаетъ и беззаботность его, убѣжденіе, что его никто не разгадаетъ, что ему все сойдетъ. Однимъ словомъ — тотъ же Хлестаковъ. Но дѣло въ томъ, что Стейнгоффъ — адвокатъ, который владѣетъ техникой популярнаго ораторства. Иное мѣсто у него состоитъ все изъ однихъ синонимовъ, такъ что въ дѣйствительности оно просто глупо.

Но, благодаря модуляціи голоса, каждый изъ этихъ синонимовъ дѣйствуетъ на толпу, какъ подтвержденіе всѣхъ предшествовавшихъ. Георгъ Брандесъ, въ своемъ разборѣ этого типа, замѣчаетъ: „здѣсь Ибсенъ избралъ героемъ пьесы одного изъ тѣхъ господъ, которые черезъ десять лѣтъ будутъ нами править, насколько это уже и теперь не сдѣлалось фактомъ“.

Дѣйствіе происходитъ на горно-заводскомъ поселкѣ, вблизи торговаго пункта. Мѣстными авторитетами и властями являются владѣлецъ завода камергеръ Мальсбергъ, землевладѣлецъ Монсенъ, управляющій горнымъ заводомъ и арендаторъ казенныхъ земель Дрансфельдъ, мѣстный депутатъ въ сеймѣ. Предстоятъ новые выборы. Всѣ эти мѣстные *honoratiores* — люди такъ, ничего себѣ, — нельзя сказать, чтобы недобросовѣстные или какіе-либо особенные притѣснители. Заводчикъ, разумѣется, заботится о своихъ интересахъ, но не видно никакого покушенія его на заработокъ или число часовъ работы. Онъ даже готовъ признать необходимость нѣкоторыхъ улучшеній въ управленіи. Сеймовой депутатъ поддерживается вліяніемъ заводчика и уже постарѣлъ въ своемъ званіи. Совсѣмъ плохъ нравственно только Монсенъ, который ведетъ торговыя, притомъ спекулятивныя и даже лихвенныя дѣла, а съ нимъ имѣетъ дѣловыя связи сынъ заводчика-камергера, Эрикъ Мальсбергъ, также купецъ.

Монсенъ ненавидитъ камергера Мальсберга, который, зная темный характеръ нѣкоторыхъ его спекуляцій, держитъ его здали отъ мѣстнаго „порядочнаго круга“. И вотъ, только-что поселившійся въ городѣ новый адвокатъ Стейнгоффъ начинаетъ свою карьеру съ того, что сближается съ Монсеномъ. Онъ былъ бы не прочь прислужиться камергеру, но узнаетъ изъ сплетни, что тотъ, со словъ депутата Дрансфельда, назвалъ его интриганомъ и проходимцемъ. Поэтому за базу своей кампаніи онъ принимаетъ вліяніе и средства Монсена. На торжественномъ митингѣ въ годовщину норвежской конституціи Стейнгоффъ громитъ деспотизмъ, отсталость и злоупотребленія мѣстныхъ авторитетовъ. „Да, братья! Здѣсь чувствуется въ воздухѣ нѣкая темная сила, нѣкій призракъ, уцѣлѣвшій отъ ветхихъ дней. Отъ него исходитъ мракъ, подкашивающій ваши порывы, которымъ необходимы свѣтъ и свобода движеній. Долой это привидѣніе, да исчезнетъ оно туда, гдѣ мракъ царитъ по праву—въ нѣдра земли!“

И такъ далѣе. Крики восторга, ура! Еще нѣсколько словъ изъ продолженія: „Кто мы? Мы—молодежь. Намъ принадлежитъ время, но и мы принадлежимъ нашему времени. Наше право есть и наша сила! Прочь съ дороги, просторъ для силы творческой, для каждой воли, которая сознаетъ въ себѣ силу! Слушайте меня! Мы, молодыя силы, учреждаемъ союзъ. Золотой мѣшокъ пересталъ здѣсь царствовать!“ Въ толпѣ: „ура! вверхъ его!“ Стейнгоффа подхватываютъ на руки. Крики: „Дальше, дальше! Продолжать!“ Стейнгоффъ: „Соединимся дружно! Съ союзомъ юношества будетъ въ союзѣ само Провидѣніе. Отъ насъ самихъ зависитъ править міромъ — въ нашемъ округѣ!“ Одна дама — мужчинѣ: „Нѣтъ, какъ говоритъ, какъ говоритъ! Просто расцѣловать“. Мужчина: „Ну, я бы не поцѣловалъ“. Дама: „Еще бы вы!“ Мужчина: „Можетъ быть, вамъ угодно?“ Дама: „Вы — противный!“

Союзъ юношества осуществляется. Къ нему пристаютъ и далеко не одни юноши. Стейнгоффъ требуетъ для себя безусловнаго руководительства въ общемъ дѣлѣ. Опираясь на этотъ союзъ, онъ станетъ мѣстнымъ диктаторомъ, проведетъ свою кандидатуру въ сеймъ и женится на дѣвушкѣ съ богатствомъ и связями. Любопытно, что всѣ поняли намеки оратора на камергера Мальсберга, кромѣ его самого. Въ разговорѣ съ Дрансфельдомъ, онъ замѣчаетъ: „Привидѣніе, чудище и еще золотой мѣшокъ! Это было ужасно грубо. А вѣдь подходило къ человѣку!“ Онъ убѣжденъ, что рѣчь была направлена противъ Монсена, и это доставляетъ ему удовольствіе. „А вѣдь, знаете, я передъ этимъ

замѣчательнымъ молодымъ человѣкомъ виноватъ: онъ былъ у меня съ визитомъ дважды, я его не принялъ. Но въ дѣйствительности виноватъ былъ Дрансфельдъ, который мнѣ сказалъ, что онъ — интриганъ и... еще что-то такое, не могу вспомнить... Ну, я эту ошибку исправлю".

Стейнгоффъ — популярнѣйшій человѣкъ; камергеръ приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Стейнгоффъ, чтобы не терять времени, уже началъ-было ухаживать за дочерью Монсена, но, пользуясь благоволеніемъ, какое ему оказываетъ Мальсбергъ, пріударяетъ за дочерью камергера, который и вліятельнѣе, и богаче Монсена. Стейнгоффъ убѣжденъ, что Мальсбергъ принимаетъ его только изъ страха передъ нимъ. Но для того, чтобы устранить окончательно предполагаемое нерасположеніе къ себѣ Мальсберга за ту рѣчь, онъ рѣшаетъ извиниться передъ нимъ, откровенно сознаться въ незнаніи истиннаго положенія дѣлъ и въ ошибкѣ. Но Мальсбергъ, услыхавъ это обѣщаніе и узнавъ, что рѣчь относилась къ нему самому, выгоняетъ Стейнгоффа изъ своего дома.

Огромное большинство голосовъ на выборахъ получаетъ Стейнгоффъ, на половину меньшее — прежній депутатъ Дрансфельдъ. Но у Стейнгоффа нѣтъ мѣстнаго ценза, и онъ думаетъ пріобрѣсти его, женясь на дочери Мальсберга, принудивъ его къ этому векселемъ сына его, на которомъ поддѣлана бланковая надпись отца. Происходитъ цѣлый рядъ перипетій, которыя заставляютъ Стейнгоффа нѣсколько разъ мѣнять фронтъ. Наконецъ, онъ готовъ жениться на трактирщицѣ, но и это ему не удается. Круглый провалъ. И Мальсбергъ еще разъ выгоняетъ его изъ дома, узнавъ о новой его продѣлкѣ. При этомъ Мальсбергъ спрашиваетъ Дрансфельда: „Какъ это вы называли этого господина?... Интриганъ и еще что... не могу вспомнить". Дрансфельдъ: „Проходимецъ". Стейнгоффъ, прощаясь: „Имѣю честь кланяться". Мальсбергъ ему во слѣдъ: „Проходимецъ!" Постъ сеймоваго депутата остается за Дрансфельдомъ.

Въ „Союзѣ юношества" нельзя видѣть политической сатиры, такъ какъ извѣстно, что Ибсенъ стоялъ совершенно внѣ политическихъ теорій. Въ этой пьесѣ, повторяемъ, темой служитъ противорѣчіе между нормальной склонностью толпы къ инерціи и способностью ея къ внезапнымъ, хотя и кратковременнымъ увлеченіямъ, безъ достаточной провѣрки поводовъ. Естественно, что, по большей части, подобныя увлеченія направляются все-таки къ защитѣ общихъ интересовъ, но всего чаще только ближайшихъ, а иногда и понимаемыхъ слишкомъ узко.

Отъ писателя, который постоянно проводилъ идею индиви-

дуализма, порою даже непримиримаго, нельзя было и ожидать иного отношенія къ „толпѣ“, къ „большинству“, какъ именно критическаго. Въ рѣчи, произнесенной въ Римѣ въ 1885 году, Ибсенъ прямо выразилъ такой взглядъ, что „первымъ долгомъ человѣка должна быть выработка своей индивидуальности, а не подчиненіе ея всеобщимъ интересамъ“.

Если изъ такого взгляда выводить заключенія прямо противъ мѣстнаго и даже политическаго самоуправленія и представительнаго строя, то это значило бы придавать философскому взгляду такое практическое примѣненіе, на которое авторъ нигдѣ насъ не уполномочилъ. Можно только констатировать ту очевидность, что крайній индивидуализмъ, превознесеніе себя надъ уровнемъ общихъ правъ и интересовъ, а тѣмъ болѣе „сверхчеловѣчество“ Заратустры, исключили бы общее гражданское равноправіе и свободу отъ разныхъ посягательствъ—уже не установленныхъ властей, но самозванныхъ „сверхъ-людей“.

Теперь мы приведемъ мѣсто изъ драмы „Врагъ народа“, гдѣ толпа, съ ея близорукими интересами, осуждается еще гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Союзѣ юношества“. Надо замѣтить, что „Врагъ народа“ былъ написанъ вслѣдъ за „Норой“ и „Призраками“, т.-е. такими произведеніями, которыя вызвали въ части общества ропотъ на колебаніе семейнаго начала. Въ слѣдующій (1882) годъ послѣ „Призраковъ“, Ибсенъ, какъ бы въ видѣ вызова такъ-называемымъ филистерамъ, выступилъ съ „Врагомъ народа“. Драматическое его содержаніе состоитъ въ томъ, что врачъ, который подалъ мысль объ учрежденіи въ его родномъ городѣ курорта и управляетъ лечебнымъ заведеніемъ, вдругъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ тифа, впадаетъ въ подозрѣніе о доброкачественности мѣстной воды и начинаетъ ее изслѣдовать. Черезъ годъ онъ получаетъ отъ профессора въ Христіаніи анализъ присланныхъ ему изъ курорта банокъ воды, съ полнымъ подтвержденіемъ наличности въ нихъ множества органическихъ примѣсей и вредныхъ бактерій.

Но мѣстныя власти и избиратели возстаютъ противъ требуемыхъ докторомъ Штокманомъ работъ, которыя обошлись бы городу въ нѣсколько сотъ тысячъ марокъ, обличили бы неспособность бургомистра (братъ Штокмана) и строителей при первомъ устройствѣ, а главное, лишили бы домовладѣльцевъ и населеніе большей части ихъ дохода, такъ какъ пришлось бы закрыть курортъ года на два. Пьеса эта очень извѣстна, и достаточно было напомнить въ нѣсколькихъ словахъ о ея содержаніи. Но когда д-ръ Штокманъ уволенъ отъ должности, когда ни

мѣстная газета, ни типографія не хотятъ печатать его статьи или брошюры, когда на митингѣ онъ единогласно провозглашенъ врагомъ народа, когда ему выбили окна, а сыновей его товарищи прибили въ школѣ, то Штокманъ расширяетъ прежнее свое обвиненіе властей и гражданъ въ эгоизмѣ и безсовѣстности и мечетъ громы противъ самой идеи господства и правленія большинства, противъ политическихъ партій и въ особенности противъ ихъ предводителей.

Уже на томъ митингѣ, который произнесъ надъ нимъ приговоръ, онъ высказался рѣшительно противъ авторитета большинства, то-есть толпы. „Нѣтъ болѣе опаснаго врага истины и свободы, какъ компактное, либеральное большинство... Большинство никогда не бываетъ право, уже потому, что большинство состоитъ изъ глупыхъ. Право всегда меньшинство, состоящее изъ нѣсколькихъ людей, болѣе развитыхъ, независимыхъ, видящихъ дѣло яснѣе. Я останусь здѣсь и поведу борьбу противъ той лжи, будто правда является достояніемъ большинства. Каковы тѣ истины, которыя исповѣдуются большинствомъ? Это именно престарѣлыя и уже почти пережившія себя истины. А такая отжившая истина обратилась въ ложь. Истины вовсе не такіе долговѣчные Маѳусаилы, какъ люди думаютъ. Нормально сложившаяся истина живетъ обыкновенно пятнадцать, шестнадцать, самое большое— двадцать лѣтъ, рѣдко дольше. Но и такія пожилыя истины успѣли уже слишкомъ исхудать и даже высохнуть. Большинство продолжаетъ носиться съ ними и рекомендовать ихъ человѣчеству, какъ здоровую пищу. Но въ этой пищѣ осталось ужъ слишкомъ мало питательнаго... Истины, которыя теперь усвоены массою, это—тѣ, за которыя люди боролись во время нашихъ дѣдовъ. И вотъ мы, нынѣ живущіе передовые стрѣлки въ борьбѣ за правду, мы тѣхъ истинъ уже не признаемъ. Я думаю даже, что и не имѣется болѣе несомнѣнной правды, какъ та, что никакое общество не можетъ жить здоровой жизнью, питаясь устарѣвшими истинами, въ которыхъ уже высохъ мозгъ“.

Но та часть рѣчи Штокмана, которая наиболѣе возмутила участниковъ митинга, касалась именно равнаго права на участіе въ управленіи. „Общепризнанная истина, а въ дѣйствительности просто газетная и, притомъ, очень некрасивая ложь, унаслѣдованная вами отъ отцовъ, заключается въ ученіи, будто множество, толпа, масса составляетъ истинное ядро народа, даже будто она-то и представляетъ собой личность всего народа, будто нашъ невѣжественный, умственно незрѣлый собратъ имѣетъ одинаковое право господствовать и править, какъ немногочислен-

ные умственно-знатные и свободные". Тутъ уже противъ оратора поднялся настоящій вопль, который, однако, не помѣшалъ ему ссылаться на общеизвѣстный фактъ, что въ каждомъ видѣ животныхъ есть породы улучшенныя, высшія и низшія, напр., испанская или японская курица, въ сравненіи съ простой крестьянской. Куда же послѣдней сравниться съ первыми и по мясу, и по яйцамъ, которыя она несетъ, и т. д. Вотъ оратора и провозгласили „вдвойнѣ" —врагомъ народа.

Въ послѣдней сценѣ, обращаясь уже только къ своей семьѣ, Штокманъ подтверждаетъ свое намѣреніе вести борьбу съ отсталыми, мѣщанскими элементами, филистерами, которые держатся стада, потому что внѣ стада они не имѣли бы никакого значенія и никакой цѣны. „Я постараюсь уяснить незрѣлымъ умамъ, что именно либералы—это и есть самые злые враги каждаго, кто хочетъ остаться свободнымъ человѣкомъ, что партійныя программы душатъ именно тѣ юныя, жизнеспособныя истины, которыя наросли по времени, но еще не признаются; что вѣчная оглядка на общепринятое и на свою партію принуждаетъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ переворачивать кверху ногами и нравственность, и справедливость, такъ что, наконецъ, жизнь обращается въ адъ... А главный вредъ идетъ отъ вождей партій; ихъ слѣдовало бы просто истреблять. Такой вождь, это—волкъ, голодный волкъ, которому ежегодно необходимо пожрать столько то штукъ мелкаго скота. Ихъ-то, ихъ, прежде всего, необходимо гнать, гнать на самый отдаленный западъ!"

Характеристика Ибсена была бы неполна безъ приведенія этой тирады, имѣющей отношеніе къ политической жизни, отъ успѣховъ которой онъ не ожидалъ усовершенствованія человѣческаго рода. Многія изъ приведенныхъ сейчасъ словъ звучатъ реакціонно, но идея Ибсена, наоборотъ, революціонна, каково, въ сущности, и ученіе Ницше. Несомнѣнно, что толпа всегда только твердитъ зады, а человѣчество движется идеями и открытіями, которыя выработаются избранными умами. Но изъ этого, конечно, никакъ не истекаетъ, что, напримѣръ, такія практическія общественныя функціи, какъ утвержденіе бюджета или искорененіе произвола властей, слѣдуетъ предоставлять инціативѣ случайныхъ „избранныхъ умовъ" или возложить на какую-либо наслѣдственную касту, которая непремѣнно явилась бы такой же толпою филистеровъ, да еще замкнутой олигархіей, то-есть, толпой прямо эксплоататорской.

Основной взглядъ Ибсена, общій ему съ Ницше, а затѣмъ и ихъ новѣйшимъ послѣдователямъ, именно, что развитіе инди-

видуальности для человѣчества важнѣе, чѣмъ подчиненіе ея интересамъ большинства, сохранитъ въ исторіи культуры значеніе, главнымъ образомъ, именно въ смыслѣ протеста противъ преобладанія буржуазнаго, обезличивавшаго позитивизма, который слишкомъ умалялъ личный починъ, отрицалъ случайность и самостоятельную роль великихъ умовъ, значеніе воли и, подъ именемъ детерминизма, воскрешалъ, въ сущности, древнее фаталистическое ученіе.

Напомнимъ, что въ томъ же періодѣ, когда были написаны „Союзъ юношества“ и „Врагъ народа“, въ которыхъ встрѣчаются слова, могущія (по недоразумѣнію) показаться политически-реакціонными, появилась и драма „Подпоры общества“. А въ этомъ произведеніи достается уже не толпѣ, но именно властямъ и авторитетамъ, которыхъ господство основано на лжи и притворствѣ. Безусловнымъ заправилой въ нѣкоторомъ прибрежномъ городѣ Норвегіи является богатый негоціантъ Берникъ, котораго называютъ „консуломъ“, такъ какъ онъ занимаетъ, между прочимъ, и должность иностраннаго консула. Это—дѣлецъ, который завладѣлъ состояніемъ матери и долею сестры, измѣнилъ своей невѣстѣ и женился на богатой, воспользовался самопожертвованіемъ ея брата, взявшаго на себя вину Берника по отношенію къ другой женщинѣ и уѣхавшаго въ Америку, да еще распустилъ про него клевету, будто пріостановка въ платежахъ умершей матери была вызвана похищеніемъ у нея денегъ этимъ же человѣкомъ. Однимъ словомъ, консулъ Берникъ—это типъ толстосума изъ „темнаго царства“ Островскаго.

Но богатствомъ своимъ и вліяніемъ онъ воспользовался между прочимъ, и для разныхъ улучшеній въ городѣ, причемъ каждое такое улучшеніе, какъ, напримѣръ, осуществленіе соединительной желѣзнодорожной вѣтви и прочее, служило, разумѣется, и новымъ источникомъ для обогащенія самого заправилы. Онъ и двое его единомышленниковъ изъ богатаго купечества да еще кандидатъ въ пасторы (кандидатъ—для смягченія, конечно) — эта клика обдѣлываетъ свои дѣла, во имя общей пользы, постоянно ссылается на Провидѣніе, на вѣру и нравственность, слыветъ и даже открыто называетъ себя „подпорами общества“.

Внезапно все это благополучіе нарушается появленіемъ исчезнувшаго въ Америку шурина, который значительно моложе Берника и, вскорѣ по возвращеніи, одновременно влюбляется, хочетъ жениться и узнаетъ о распущенной про него клеветѣ. Онъ требуетъ возстановленія своего добраго имени, и это какъ разъ въ такое время, когда судьба предпринимаемой Берникомъ

желѣзной дороги виситъ на волоскѣ. Какъ только обнаружится одна ложь, раскроются и другія, авторитетъ Берника будетъ разрушенъ, и самъ онъ, въ виду сдѣланныхъ затратъ по скупу земель, разорится.

Тогда возникаетъ такое сцѣпленіе обстоятельствъ, что Берникъ готовъ на все, чтобы прикрыть свою ложь. Онъ даже рѣшается пожертвовать для этого жизнью шурина и нѣсколькихъ другихъ людей. Но вмѣшательство прежней его невѣсты, которая узнала всю правду, кромѣ задуманнаго злодѣянія, спасаетъ Берника, и все кончается благополучно, причемъ онъ самъ, по случаю устроенной въ честь его демонстраціи, приноситъ публичное покаяніе—не во всѣхъ, конечно, но въ нѣкоторыхъ изъ своихъ темныхъ дѣлъ. Это покаяніе является довольно неправдоподобнымъ. Но зато все остальное построено мастерски, и эта пьеса является одной изъ наиболѣе сценичныхъ драмъ Ибсена. Она оканчивается словами спасительницы Берника: „Подпоры общества —это свобода и правда!“

Послѣ этой группы произведеній, имѣющихъ значеніе преимущественно общественное, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ пьесахъ, относящихся къ сферѣ отношеній семейныхъ. Такова „Нора“, о которой мы уже говорили. Вслѣдъ за ней появились „Призраки“; затѣмъ, послѣ „Врага народа“ — „Дикая утка“, „Женщина моря“, „Гедда Габлеръ“ и „Маленькій Эйольфъ“. Остановимся на болѣе значительныхъ изъ нихъ.

„Призраки“ вызвали не менѣе нареканій, чѣмъ „Нора“. Правда, возмущеніе неоцѣненной мужемъ жены не ведетъ въ „Призракахъ“ къ разрыву. Но оно все-таки однажды проявилось, только осталось неизвѣстнымъ обществу. Женщина здѣсь совсѣмъ иная, чѣмъ ребенокъ-Нора. Елена Альвингъ, по уговору родныхъ, вышла за богатаго и блестящаго офицера, впослѣдствіи камергера, который черезъ годъ сталъ кутить, ухаживать за женщинами, пить постоянно и наконецъ дошелъ до размягченія мозга. Послѣ перваго же года Елена бѣжала отъ мужа къ пастору Мандерсу, котораго полюбила, и сказала ему: „Вотъ я, возьми меня!“ Но добродѣтельный пасторъ, который не признавался и самъ себѣ въ любви къ замужней женщинѣ, уговорилъ ее и отвезъ назадъ къ мужу. Когда у Альвинговъ родился сынъ, Елена старалась удержать мужа, по крайней мѣрѣ, отъ расточительности, но не помѣшала ему сильно разстроить состояніе. Когда сынъ могъ уже понимать, что̀ дѣлается въ домѣ, мать отправила его въ Парижъ, учиться живописи, такъ какъ въ немъ проявлялась охота къ рисованію. А сама она, чтобы спасти мужа

отъ разоренія и отвратительной среды, въ которой онъ вращался, взяла всѣ дѣла въ свои руки, пріобрѣла господство надъ мужемъ и стала проводить съ нимъ всѣ вечера, не выпуская его изъ дома, причемъ даже пила вмѣстѣ съ нимъ и укладывала его спать, когда онъ сваливался съ ногъ. Между тѣмъ, дѣла подъ ея руководствомъ поправились. Сердцемъ Елена жила уже только для сына и въ письмахъ къ нему говорила объ умершемъ отцѣ съ притворными любовью и уваженіемъ. Таково было торжество долга къ мужу и материнскаго попеченія, въ которыхъ ее утвердилъ пасторъ Мандерсъ.

Вдругъ сынъ является на родину, и мать вскорѣ замѣчаетъ, что и онъ пьетъ и ухаживаетъ тутъ же, въ домѣ, за дѣвушкой, которая была принята въ домъ, потому что была незаконной дочерью Альвинга. Елена хочетъ удалить эту дѣвушку, но тогда сынъ признается матери, что на эту дѣвушку онъ разсчитываетъ для очень важной услуги. Въ Парижѣ съ нимъ бывали странные припадки, и вслѣдъ за наиболѣе сильнымъ изъ нихъ врачи объявили ему, что ему угрожаетъ размягченіе мозга, и что если случится еще одинъ припадокъ, то онъ будетъ уже окончательнымъ. Тогда любимая дѣвушка сдѣлаетъ для него то, что онъ уже не сумѣетъ сдѣлать самъ и чего не можетъ сдѣлать мать,— именно, дастъ ему находящійся при немъ порошокъ морфина, заключающій въ себѣ нѣсколько прописанныхъ ему во время припадковъ дозъ, достаточныхъ для пресѣченія дальнѣйшихъ страданій.

Все это раскрывается мало-по-малу. Напрасными оказались всѣ жертвы и усилія жены и матери. Въ разговорѣ съ пасторомъ она прямо заявляетъ, что, отвергнувъ ее, онъ погубилъ ея жизнь, превратилъ эту жизнь въ безплодную ложь, которая не позволила ей даже сообщить сыну во-время правду объ отцѣ и тѣмъ, быть можетъ, предохранить сына отъ той же судьбы. Наслѣдственность взяла верхъ надъ всѣми усиліями матери; всѣ обязанности и добродѣтели оказались призраками, которые насилуютъ жизнь и ведутъ людей къ гибели. Въ послѣдней сценѣ, ночью, когда сынъ, подъ вліяніемъ страха, не хочетъ оставаться одинъ, а она пытается ободрить его, они досидѣлись вмѣстѣ до восхода солнца. Вдругъ сынъ говоритъ: „Маменька, пожалуйста, дайте мнѣ это солнце“. Мать, въ ужасѣ, оборачивается къ нему и видитъ, что онъ осунулся въ креслѣ, руки его повисли, а лицо исказилось. „Солнце,—бормочетъ онъ,—солнце“...

И вотъ, вслѣдствіе возраженій и упрековъ, вызванныхъ этими пьесами, Ибсенъ и написалъ свой приговоръ надъ тупостью и

раболѣпствомъ толпы въ „Врагѣ народа“. Принадлежащая къ тому же семейному циклу „Дикая утка“, по оригинальности замысла, рѣзкой очерченности и реальности характеровъ, наконецъ, по драматичности дѣйствія, является едвали не самымъ сильнымъ изъ всѣхъ произведеній Ибсена. Сюжетъ ея слишкомъ сложенъ для передачи въ десяткѣ-другомъ словъ, да и пьеса эта—одна изъ наиболѣе извѣстныхъ. Упомянемъ только о тѣхъ типахъ, которые здѣсь приходятъ въ столкновеніе на почвѣ сплошной муки семейнаго быта.

Крутой нравомъ и сластолюбивый заводчикъ Верле, деспотъ въ семьѣ, довелъ жену до скрытаго пьянства и преждевременной смерти, а своего сына Грегора—до открытаго возмущенія и обличенія отца, впрочемъ, не публичнаго, и до нѣкоторой маніи въ обличеніи всякой фальши. Фотографъ Хяльмаръ Экболь, женившійся на бывшей содержанкѣ Верле, не зная объ этомъ фактѣ, какъ и о томъ, что она была уже беременна, самъ ничего не дѣлаетъ, но и не хочетъ знать, покрываютъ ли доходы фотографіи расходы семьи. На словахъ онъ исполненъ самолюбія, даже щепетиленъ, а на дѣлѣ долженъ мириться со всѣмъ, потому что неспособенъ къ работѣ. Мнимая дочь его, правдивая и прелестная дѣвочка, которая застрѣливается вслѣдствіе обнаруженія всей лжи и горя, что отецъ ея уже не любитъ, — наконецъ и второстепенныя лица, выгнанный изъ службы офицеръ, отецъ Хяльмара, спившійся богословъ и врачъ, и сама жена фотографа, малообразованная женщина, но хорошая хозяйка, которая признается, что за хлопотами о семьѣ она ужъ давно и забыла о тѣхъ прежнихъ глупостяхъ и интригахъ, — все это типы совершенно живые, отдѣланные съ замѣчательнымъ мастерствомъ.

Гораздо слабѣе принадлежащій къ этой группѣ семейныхъ драмъ „Маленькій Эйольфъ“. Зато слѣдующее за нимъ по времени произведеніе „Джонъ-Габріель Боркманъ“, о которомъ мы уже упоминали, дѣйствуетъ сильно. Это—новое и послѣднее подтвержденіе, какъ неудержимаго стремленія сильной индивидуальности ко власти, такъ и противорѣчія между стремленіемъ и возможностью. Наконецъ, послѣдняя драма Ибсена: „Когда мы мертвые проснемся“, уже въ другомъ мѣстѣ нашего очерка характеризована, какъ pendant къ „Перу Гинту“ по мысли о томъ, что необузданная фантазія должна изливаться въ художественное творчество,—иначе она дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ дѣйствію въ реальной жизни. То обстоятельство, что послѣднее произведеніе Ибсена, если не считать собранія его писемъ изъ

разныхъ лѣтъ, появилось тринадцать лѣтъ назадъ, также не лишено значенія. Положимъ, ему уже и въ 1893 году было 65 лѣтъ. Но едвали одному этому слѣдуетъ приписать полное его молчаніе въ теченіе послѣдующихъ тринадцати лѣтъ.

Скорѣе можно предположить, что онъ считалъ свое дѣло уже сдѣланнымъ. Писательская его дѣятельность длилась болѣе сорока лѣтъ, и, какъ мы видѣли, большая-ея часть была посвящена борьбѣ со старыми идеалами и той общественной и семейной ложью, которая истекаетъ изъ отсталости, инерціи или малодушія, нежелающихъ открыто нарушать того, что̀ считается установленнымъ и общепризнаннымъ. Ибсенъ не считалъ себя призваннымъ къ провозглашенію идеаловъ новыхъ, но онъ могъ полагать, что уже подошла пора для приступа къ работѣ созидательной. Во-всякомъ случаѣ, ему, который общественные идеалы и истины не только не считалъ многовѣковыми, но признавалъ даже довольно кратковременными, могло казаться, что дальнѣйшая освободительная, но одновременно и творческая уже работа должна происходить подъ болѣе свѣжими, болѣе близкими къ потребностямъ „новѣйшихъ дней“ девизами, чѣмъ тѣ, съ какими выступалъ онъ самъ и его сподвижники въ теченіе почти полувѣка. Эти девизы и пріемы въ свою очередь устарѣли, и, сверхъ того, вульгаризировались многочисленными подражателями.

Освободительное движеніе идетъ уже нѣсколько вѣковъ; оно неудержимо будетъ продолжаться и впредь. Но въ немъ нынѣ все болѣе проявляется преобладаніе характера экономическаго надъ философскимъ и даже политическимъ. Прежніе идеалы уже достаточно расшатаны, и личность надо освобождать уже не столько отъ нихъ сколько отъ тѣхъ желѣзныхъ условій, которыя все могущество вручили капиталу, обратившемуся въ новую привилегію, въ новый „феудъ“, а трудъ, то-есть живую личность, отдали на произволъ рыночныхъ колебаній и спекулятивныхъ видовъ могучихъ синдикатовъ.

Эта фальшь, которая общепризнанную фикцію противопоставляетъ дѣйствительному могуществу всего трудящагося человѣчества, гораздо болѣе выступаетъ наружу и волнуетъ умы въ наше время, чѣмъ тѣ, сравнительно мелкія, лжи, которыя обличались Ибсеномъ и другими проповѣдниками „переоцѣнки цѣнностей“.

Современное движеніе, въ новѣйшей его фазѣ, должно вызвать свою литературу, имѣющую сказать еще не одно новое слово. Движеніе это, продолжаясь во имя освобожденія человѣческой личности, можетъ, однако, примирить идею индивидуализма

съ идеею общечеловѣческой солидарности, и въ такомъ случаѣ оно явится скорѣе продолженіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ одухотвореніемъ стараго позитивизма, чѣмъ пессимистическаго самосокрушенія и безплодныхъ порывовъ въ область пантеистическаго мистицизма.

Л. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906.

Высочайшій манифестъ 9-го іюля. — Значеніе досрочнаго распущенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ. — Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненія, взводимыя на Думу. — Слова и дѣйствія новаго министерства.—Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія.— Беззастѣнчивое пророчество.—Post-scriptum.

9-го іюля состоялся слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Волею Нашею призваны были къ строительству законодательному люди избранные отъ населенія.

„Твердо уповая на милость Божію, вѣря въ свѣтлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

„Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Нами крупныя преобразованія и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельнаго труда. Ожиданіямъ Нашимъ ниспослано тяжкое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

„Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

„Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ отечествѣ.

„Да возстановится же спокойствіе въ землѣ Русской и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ Нашихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ, по призыву Нашему, всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

„Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ, указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20-ое февраля 1907 года.

„Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

„Вѣрные сыны Россіи!

„Царь вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины.

„Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской“.

Одновременно съ манифестомъ обнародованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го іюля, слѣдующаго содержанія:

„На основаніи статьи 105 свода основныхъ Государственныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ: Государственную Думу распустить, съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на 20-ое февраля 1907 года.

„О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ Насъ особыя указанія“.

Распущеніе палаты задолго до нормальнаго срока окончанія ея полномочій—и, тѣмъ болѣе, распущеніе палаты только-что избранной—принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и наиболѣе рискованныхъ государственныхъ актовъ. Выборы всегда волнуютъ страну, всегда нарушаютъ спокойное теченіе общественной жизни. Для возобновленія только-что закончившейся выборной агитаціи нужны весьма серьезныя причины—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточныя основанія разсчитывать на побѣду. Большую роль играетъ, въ этомъ отношеніи, промежутокъ времени, истекшій послѣ выборовъ. Чѣмъ онъ длиннѣе, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что измѣнилось настроеніе избирателей и, слѣдовательно, результатъ выборовъ получится иной, чѣмъ прежде. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, слишкомъ мало, чтобы произвести такую перемѣну. Шансы ея обусловливаются, въ значительной мѣрѣ, еще другимъ обстоятельствомъ: численностью и устойчивостью партій, на которыя распадалась распущенная палата. Если ихъ силы были почти равны, если достаточно перемѣщенія нѣсколькихъ голосовъ, чтобы превратить большинство въ меньшинство, то соотвѣтственно этому растетъ вѣроятность достиженія цѣли, преслѣдуемой распущеніемъ. Она понижается, наоборотъ, если въ распущенной палатѣ рѣшительный, крупный перевѣсъ имѣли именно тѣ элементы, противъ которыхъ направлено распущеніе. Примѣровъ этому новѣйшая исторія представляетъ немало. Въ 1830 г. король французскій Карлъ X-й распустилъ палату, до окончанія полномочій которой оставалось еще пять лѣтъ—и новые выборы привели къ значительному усиленію оппозиціи. Въ 1862 г. король прусскій Вильгельмъ I-й распустилъ избранную за три мѣсяца передъ тѣмъ палату—и въ новой палатѣ оппозиція оказалась еще многочисленнѣе, еще упорнѣе; такой же результатъ имѣло досрочное распущеніе палаты въ 1863-мъ году. Французская палата депутатовъ, избранная въ 1876-мъ году и въ слѣдующемъ году распущенная маршаломъ Макъ-Магономъ, возродилась, при новыхъ выборахъ, въ томъ же почти составѣ, несмотря на всѣ усилія министерства доставить торжество угоднымъ ему кандидатамъ.

Чѣмъ прочнѣе укоренился въ государствѣ конституціонный строй, тѣмъ менѣе опасно досрочное распущеніе палаты. Въ странѣ, давно живущей конституціонною жизнью, каждое изъ высшихъ государственныхъ учрежденій сроднилось съ своимъ мѣстомъ и своею ролью, привыкло подчиняться требованіямъ основного закона и уважать чужое право. Временной пробѣлъ въ ихъ ряду, вызываемый распущеніемъ палаты, чувствуется слабо. Сознавая свою отвѣтственность, всѣ дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы палата вовсе не сходила со сцены. Совершенно инымъ положеніе дѣлъ представляется тамъ, гдѣ только-

что блеснули первые лучи конституціоннаго солнца. Распущеніе палаты при такихъ условіяхъ грозитъ возвращеніемъ къ порядкамъ, признаннымъ несостоятельными, но не успѣвшимъ еще исчезнуть безслѣдно. Старыя традиціи, не встрѣчая противовѣса, могутъ воскреснуть съ новой силой. Движеніе впередъ должно остановиться, за отсутствіемъ главнаго двигателя. Нелегко, притомъ, возобновить, на время, дѣйствіе прежней правительственной машины; нелегко—или, лучше сказать, невозможно—исправить аваріи, понесенныя ею въ моментъ перехода къ новому строю. Хорошо еще, если измѣненіе политическихъ формъ не совпадаетъ съ перестройкой всѣхъ частей законодательства: тогда распущеніе палаты можетъ повлечь за собою только остановку законодательной работы, а не продолженіе ея безъ участія народнаго представительства. Именно послѣдняго слѣдуетъ опасаться у насъ въ Россіи, гдѣ все поколеблено, все требуетъ обновленія.

Государственная Дума распущена въ моментъ всеобщей смуты, все болѣе и болѣе усиливающейся. Есть ли основаніе думать, что при отсутствіи Думы легче будетъ возстановить спокойствіе и тишину? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается уже тѣмъ, что смута возникла и разрослась задолго до созыва Думы, задолго даже до рѣшенія созвать ее. Кампанія банкетовъ началась еще въ 1904-мъ году; за нею послѣдовало образованіе союзовъ. Волненіе среди рабочихъ достигло высокой степени уже въ самомъ началѣ 1905-го года. Аграрное движеніе рѣзко проявилось весною и вновь повторилось осенью того же года. Конецъ года былъ ознаменованъ открытымъ возстаніемъ въ Москвѣ и въ остзейскомъ краѣ. Еще раньше произошли извѣстныя событія въ Кронштадтѣ и Севастополѣ. Съ открытіемъ Думы наступило нѣкоторое затишье, прерванное только въ концѣ іюня новыми аграрными погромами. Ставить эти погромы въ пассивъ Думы невозможно уже потому, что какъ экстенсивностью, такъ и интенсивностью они ничуть не отличаются отъ прежнихъ: все происходившее недавно, напримѣръ, въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губерніи было какъ бы повтореніемъ событій, совершившихся въ 1902 г. въ полтавской, въ 1905 г.—въ саратовской губерніи... Если на крайней лѣвой сторонѣ Думы раздавались рѣчи революціоннаго характера, то онѣ встрѣчали рѣшительный отпоръ въ средѣ самой Думы и становились, вслѣдствіе этого, менѣе опасными, нежели ничѣмъ не сдерживаемыя и никѣмъ не опровергаемыя рѣчи въ собраніяхъ крайнихъ партій. Соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ у насъ давно уже немало; невозможность открытаго ихъ выступленія скорѣе способствовала, чѣмъ препятствовала ихъ пропагандѣ. Съ другой стороны, надежды, возлагавшіяся на Думу, безъ сомнѣнія сдерживали нетерпѣливыхъ, оттѣснялн на задній планъ мысль о насиліи.

Особенно многаго ожидало отъ Думы крестьянство, въ первый разъ, благодаря ей, получившее возможность возвысить свой голосъ и заявить о своихъ нуждахъ. Съ роспускомъ Думы исчезаетъ, такимъ образомъ, не ферментъ, вызывающій или усиливающій броженіе, а регуляторъ, предупреждающій уклоненія съ прямой дороги.

Чѣмъ можетъ быть замѣнено дѣйствіе этого регулятора? Диктатурой—утверждаетъ реакціонная печать, неустанно пропѣвдывавшая разгонъ „крамольной“ Думы и вызывавшая тѣнь Муравьева-Виленскаго, какъ „указателя пути“, на которомъ можетъ быть обрѣтено спасеніе. Но что̀ такое диктатура? Власть, стоящая внѣ закона и выше закона. Такою властью облечены у насъ уже давно генералъ-губернаторы, градоначальники, губернаторы, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны. Право предавать военному суду, право отказывать въ принятіи кассаціонной жалобы на приговоръ суда, право заключать подъ стражу и высылать въ дальніе края, право издавать обязательныя постановленія и карать за ихъ нарушеніе, право пріостанавливать періодическія изданія—все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно образуетъ диктатуру, въ самой рѣзкой ея формѣ. Или, можетъ быть, настоящая диктатура предполагаетъ соединеніе въ одномъ лицѣ чрезвычайной власти надъ *всѣмъ* государствомъ? Но, во-первыхъ, въ такой обширной странѣ, какъ Россія, центральному диктатору, кто бы онъ ни былъ, нельзя было бы обойтись безъ передачи значительной части своихъ полномочій мѣстнымъ диктаторамъ; иначе не могла бы быть достигнута быстрота дѣйствій, составляющая необходимую принадлежность диктатуры. Во-вторыхъ, развѣ не былъ, въ сущности, „центральнымъ диктаторомъ“ П. Н. Дурново, когда стоялъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и развѣ не соединяетъ въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ этого званія всякій министръ, стоящій надъ мѣстными диктаторами? Не рискуя впасть въ ошибку, можно, поэтому, утверждать, что пріемъ диктатуры испытанъ и исчерпанъ у насъ вполнѣ. Если онъ не далъ до сихъ поръ ожидавшихся отъ него результатовъ, если посягательствъ на личность и имущество съ политическою цѣлью совершается всего больше именно тамъ, гдѣ существуетъ военное положеніе или чрезвычайная охрана, если переполненіе мѣстъ заключенія и ссылки не водворяетъ тишины и порядка, если взамѣнъ однихъ „безпокойныхъ элементовъ“, изъятыхъ изъ обращенія, немедленно появляются новые, то не ясно ли, что и въ будущемъ, при употребленіи тѣхъ же средствъ, не получится другихъ результатовъ? Усилить, обострить дѣйствіе власти нельзя какъ потому, что она и безъ того уже доходитъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго, такъ и потому, что Россія все-таки остается, de jure, конституціоннымъ го-

сударствомъ; манифестъ 9-го іюля подтверждаетъ законъ объ учрежденіи Государственной Думы и устраняетъ, тѣмъ самымъ, мысль о возвращеніи къ прежнему режиму.

Представимъ себѣ теперь, что, не смотря на продолжающуюся фактическую диктатуру, будетъ задуманъ рядъ законодательныхъ мѣръ прогрессивнаго характера, направленныхъ къ успокоенію умовъ и къ удовлетворенію главнѣйшихъ запросовъ жизни. Формальное основаніе для такого образа дѣйствій можно найти въ ст. 45-ой зак. основн. (изд. 1906 года). Если—такъ гласитъ эта статья—во время прекращенія занятій Государственной Думы чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ мѣрѣ, требующей обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, то совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору непосредственно. Нетрудно замѣтить, что изданіе такихъ временныхъ законовъ—*временныхъ*, потому что дѣйствіе ихъ должно прекратиться въ случаѣ послѣдующаго неодобренія ихъ Государственной Думой или Государственнымъ Совѣтомъ,—поставлено въ условія, не благопріятствующія полнотѣ и правильности ихъ содержанія. При старомъ режимѣ каждый новый законъ долженъ былъ проходить черезъ Государственный Совѣтъ — учрежденіе, конечно, крайне несовершенное, но все же болѣе компетентное для законодательной работы, чѣмъ совѣтъ министровъ, хотя бы и усиленный нѣсколькими приглашенными лицами. Отступленіе отъ нормальнаго порядка допущено ст. 45-ою только на случай чрезвычайныхъ обстоятельствъ, *необходимо* вызывающихъ немедленную законодательную дѣятельность: къ числу такихъ обстоятельствъ нельзя отнести соображенія о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ уступокъ общественному мнѣнію. Допустимъ, однако, что сила вещей оправдываетъ явную натяжку въ толкованіи закона: достигнутъ ли своей цѣли подобныя уступки, низведенныя, быть можетъ, на степень уступочекъ? Это мало вѣроятно. Еслибы министерство имѣло въ виду обезпечить права личности и общества, создать новую, болѣе разумную избирательную систему, расширить полномочія народнаго представительства, ему незачѣмъ было бы откладывать исполненіе своихъ плановъ до роспуска Государственной Думы. Своевременно внесенныя, предложенія этого рода могли бы радикально измѣнить отношеніе Думы къ министерству.

Если роспускъ Думы грозитъ обостреніемъ замѣшательствъ, безъ того уже крайне тяжелыхъ, то нельзя не пожалѣть, что не были испробованы всѣ средства къ его предупрежденію. Такимъ средствомъ было бы, напримѣръ, назначеніе, хотя бы и не всецѣло изъ среды большинства Думы, новаго министерства, менѣе связаннаго своимъ прошедшимъ, болѣе склоннаго къ соглашеніямъ, болѣе способнаго и готоваго приноровиться къ условіямъ минуты. Въ послѣднее время

министерства и министры мѣнялись такъ часто, что одна лишняя перемѣна не могла бы поколебать авторитетъ правительственной власти. Чѣмъ больше, затѣмъ, уклонялось бы влѣво меньшинство Думы, тѣмъ скорѣе большинство могло бы явиться твердой опорой для кабинета, пользующагося его довѣріемъ. Въ законодательной дѣятельности не наступило бы остановки; страна не была бы повергнута въ тревогу, не была бы охвачена чувствомъ неизвѣстности, такъ рѣзко выразившимся въ небываломъ паденіи курса государственныхъ бумагъ. Что образованіе „благоразумнаго кадетскаго министерства“ было вполнѣ возможно и цѣлесообразно—это признаетъ такой достовѣрный, въ данномъ случаѣ, свидѣтель, какъ А. И. Гучковъ. Правительство—сказалъ онъ московскому корреспонденту „Новаго Времени“—„нѣсколько поторопилось“, рѣшившись на роспускъ Думы... Съ особенною силой говоритъ противъ своевременности этого акта одно характерное обстоятельство: радостно онъ былъ встрѣченъ только въ двухъ крайнихъ политическихъ лагеряхъ—въ средѣ революціонеровъ и въ средѣ ультра-монархистовъ грингмутовскаго типа. Ликованіе первыхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что роспускъ Думы облегчаетъ ихъ борьбу противъ основъ общественнаго строя; послѣдніе торжествуютъ потому, что видятъ въ роспускѣ Думы „начало конца“ новорожденной русской конституціи.

Посмотримъ теперь, что̀ ставится, главнымъ образомъ, въ вину распущенной Думѣ. Выборные отъ населенія, по словамъ манифеста 9-го іюля, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій мѣстныхъ властей, къ указаніямъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Ст. 66-ая основн. зак. предоставляетъ Государственной Думѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу такихъ дѣйствій администраціи, высшей и низшей, которыя представляются незаконными. Чтобы воспользоваться этимъ правомъ, необходимо, во многихъ случаяхъ, привести въ ясность все относящееся къ дѣйствіямъ, которыя должны составить предметъ запроса. Нельзя, очевидно, полагаться исключительно и безусловно на свѣдѣнія, исходящія отъ обвиняемыхъ или отъ ихъ начальства: заинтересованныя лица могутъ умолчать объ одномъ, другое представить въ неполномъ или невѣрномъ освѣщеніи. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего противозаконнаго въ стремленіи собрать или провѣрить данныя, отъ которыхъ зависитъ направленіе дѣла. Дума вышла бы за предѣлы своихъ функцій въ такомъ только случаѣ, еслибы стала *требовать* показаній или принимать другія мѣры,

на которыя уполномочена только слѣдственная власть. Ничего подобнаго Дума не допускала. Въ томъ единственномъ случаѣ, вогда ея члены выѣзжали на мѣсто изслѣдуемаго событія (въ Бѣлостокъ), они бесѣдовали съ спрошенными ими лицами точно такъ же, какъ это могли бы сдѣлать газетные корреспонденты. Ихъ авторитетность, какъ народныхъ представителей, увеличивала, конечно, значеніе собранныхъ ими свѣдѣній, но отнюдь не давала ихъ дѣйствіямъ характеръ формальнаго разслѣдованія. Если запросы о неправильныхъ дѣйствіяхъ администраціи заняли такое громадное мѣсто въ думской работѣ, то это случилось вопреки желанію Думы, очень хорошо понимавшей, что не въ этомъ заключается главное ея призваніе. Слишкомъ много накопилось въ недавнемъ прошломъ вопіющихъ беззаконій, слишкомъ сильна была потребность населенія пролить на нихъ яркій свѣтъ, чтобы предупредить ихъ продолженіе и повтореніе.

Государственной Думѣ ставится въ вину *указаніе* на несовершенства основныхъ законовъ, измѣненіе которыхъ можетъ быть предпринято только монаршею волею. Дѣйствительно, такое указаніе было сдѣлано въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь; но это не было формальнымъ предложеніемъ измѣнить тотъ или другой основной законъ. Никакихъ законопроектовъ, направленныхъ къ такому измѣненію, въ Думу со стороны ея членовъ внесено не было. Народное представительство, призванное къ установленію единенія между монархомъ и народомъ, не могло не высказать въ первомъ своемъ обращеніи къ монарху, что̀ именно, по его убѣжденію, необходимо для достиженія этой цѣли... Между представленіемъ адреса и роспускомъ Думы прошло два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ никѣмъ не было заявлено о противозаконности указанія, содержащагося въ адресѣ. Въ сообщеніи 13-го мая совѣтъ министровъ ограничился заявленіемъ, что не считаетъ себя въ правѣ останавливаться на предложеніяхъ, касающихся пересмотра основныхъ законовъ; но вѣдь отвѣтный адресъ Думы былъ обращенъ не къ совѣту министровъ, а къ монарху, вниманіе котораго она желала привлечь къ средствамъ успокоить страну и обезпечить благосостояніе народа.

Явно незаконнымъ признается, наконецъ, обращеніе Думы къ населенію. Можно быть того или другого мнѣнія о цѣлесообразности этого обращенія, но едвали можно видѣть въ немъ превышеніе правъ, принадлежащихъ Думѣ. Мысль объ обращеніи къ населенію по аграрному вопросу возникла только тогда, когда появилось въ печати правительственное сообщеніе по тому же предмету, всецѣло, въ сущности, направленное противъ Думы, провозглашавшее неправильность и неосуществимость предположеній, только-что одобренныхъ, въ принципѣ, громаднымъ ея большинствомъ, и дѣлавшее народъ какъ

бы судьей между министерствомъ и Думой. Можно было, конечно, оставить сообщеніе безъ отвѣта, разсчитывая на то, что населеніе больше вѣритъ Думѣ, чѣмъ министерству; можно было дать ему отпоръ въ формѣ мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ. Послѣдній способъ дѣйствій, безспорно легальный, отличался бы весьма мало отъ обращенія къ населенію: вѣдь свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ Думѣ весьма быстро получали самое широкое распространеніе. Достаточно ли небольшой разницы въ формѣ, чтобы можно было признать нарушенною границу между законнымъ и незаконнымъ?.. Что касается до содержанія сообщенія, то уже въ первой своей редакціи, составленной аграрною коммиссіею, оно отличалось большою корректностью и сдержанностью. За изложеніемъ фактовъ, вполнѣ согласнымъ съ истиной, за напоминаніемъ о томъ, что никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Думы, слѣдовало выраженіе рѣшимости не отступать отъ одобреннаго уже Думою принципа принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Въ концѣ сообщенія высказывалась надежда, что населеніе будетъ спокойно и мирно ожидать окончанія работъ по изданію аграрнаго закона. Въ окончательной редакціи сообщенія, принятой Думою въ засѣданіи 6-го іюля, мирный его характеръ подчеркнутъ еще сильнѣе. „Государственная Дума“—читаемъ мы здѣсь—„стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельнаго закона“. Особенно яркій свѣтъ на значеніе обращенія бросаютъ происходившія о немъ пренія, а также результаты голосованія. Трудовая группа предлагала выразить въ сообщеніи увѣренность, что населеніе обезпечитъ Думѣ своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести въ жизнь ея начинанія. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту этой поправки, видно, что въ основаніи ея вовсе не лежала мысль о переходѣ къ открытому возстанію или вообще къ насильственнымъ дѣйствіямъ; но большинство Думы тѣмъ не менѣе высказалось противъ поправки, во избѣжаніе недоразумѣній, къ которымъ могли бы дать поводъ слова объ „организованной“ поддержкѣ. Еще знаменательнѣе мотивы, въ силу которыхъ соціалъ-демократы рѣшились прекратить участіе въ преніяхъ, а при окончательномъ голосованіи подать голосъ противъ сообщенія: они нашли, что главный смыслъ сообщенія „сводится къ укору народа и къ призыву его къ спокойствію“, а не къ обличенію тѣхъ, „которые не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю“. За сообщеніе, въ концѣ

концовъ, было подано 124 голоса противъ 53, при 101 воздержавшемся. Въ виду всѣмъ извѣстнаго распредѣленія думскихъ партій, можно сказать утвердительно, что подали голосъ противъ сообщенія преимущественно представители крайнихъ (правыхъ и лѣвыхъ) партій, а среди воздержавшихся отъ голосованія главное мѣсто принадлежало трудовой группѣ. Это показываетъ съ достаточною ясностью, въ чемъ заключался настоящій смыслъ сообщенія и какъ мало оправдывается имъ столь крайняя мѣра, какъ распущеніе Думы.

Призванная къ разрѣшенію страшно трудной и безконечно сложной задачи, наша первая Государственная Дума была поставлена съ самаго начала въ крайне неблагопріятныя условія. Главнымъ изъ нихъ было полное и неустранимое разногласіе между Думой и министерствомъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ обращеніи къ избирателямъ, составленномъ, послѣ роспуска Думы, уполномоченными отъ партіи мирнаго обновленія [1]), гр. Гейденомъ, Н. Н. Львовымъ и М. А. Стаховичемъ: „со стороны находившагося у власти министерства мы встрѣчали не помощь, а противодѣйствіе, вовлекшее насъ въ борьбу съ нимъ, при которой совмѣстная работа явилась невозможной". Исходя отъ наиболѣе умѣренной изъ всѣхъ думскихъ партій, эти слова даютъ ключъ къ пониманію событій, предшествовавшихъ распущенію Думы. Министерство явилось въ Думу съ пустыми руками; имъ не было представлено ни одного законопроекта, направленнаго къ осуществленію обѣщаній 17-го октября. Оставалась въ силѣ система управленія, давно вызывавшая всеобщее неудовольствіе въ странѣ; не только не была поставлена на очередь отмѣна законовъ, легализирующихъ произволъ, но почти не измѣнился способъ ихъ примѣненія. Министерское сообщеніе 13-го мая уничтожило надежду на соглашеніе по главнымъ вопросамъ, возбужденнымъ жизнью. И все-таки, тратя цѣлые дни на неизбѣжные, но безплодные запросы, Дума успѣла кое-что сдѣлать и многому положить начало. Ея коммиссіи разсмотрѣли нѣсколько важныхъ законопроектовъ, сильно подвинули впередъ подготовку другихъ, еще болѣе крупныхъ; сама Дума провела законъ объ отмѣнѣ смертной казни, нашедшій сочувственный отголосокъ даже въ средѣ Государственнаго Совѣта. Законъ объ ассигнованіи суммъ на первоначальную помощь голодающимъ—единственный

---

[1]) Партія мирнаго обновленія, образовавшаяся незадолго до роспуска Государственной Думы, обнимаетъ собою, повидимому, бывшихъ членовъ союза 17-го октября, нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ конституціонно-демократической партіи, составлявшихъ правое ея крыло, и часть безпартійныхъ депутатовъ.

принятый какъ Думой, такъ и Совѣтомъ, и утвержденный верховною властью,—показалъ, какъ бережно Дума намѣрена относиться къ государственнымъ средствамъ. Несогласіе ея на заключеніе займа было мотивировано возможностью сокращенія смѣтныхъ расходовъ — возможностью, которую министерство сначала отрицало, а теперь по необходимости признаетъ: для рѣшенія вопроса, чего именно должны коснуться сбереженія, учреждено, уже послѣ роспуска Думы, особое совѣщаніе. Такими результатами, добытыми въ короткое время, уравновѣшиваются немногіе невѣрные шаги, сдѣланные Думой. Обойтись безъ ошибокъ новое дѣло не могло, особенно въ той обстановкѣ, въ которой приходилось дѣйствовать Думѣ. Когда настанетъ время для исторіи Думы, въ ея балансѣ, мы въ этомъ убѣждены, активъ окажется значительно высшимъ, чѣмъ пассивъ.

Какъ предполагаетъ дѣйствовать министерство, сосредоточившее въ своихъ рукахъ, на время, всю полноту правительственной власти? Нѣкоторымъ указаніемъ на это служитъ телеграмма, посланная предсѣдателемъ совѣта министровъ, 11-го іюля, генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ. Отъ мѣстныхъ властей требуется здѣсь „самое рѣшительное, безъ всякихъ колебаній, руководительство подчиненными органами въ дѣлѣ быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка. Открытые безпорядки должны встрѣчать неослабный отпоръ. Революціонные замыслы должны пресѣкаться всѣми законными средствами. Принимаемыя мѣры должны при этомъ отличаться строгою обдуманностью. Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества. Поэтому огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены. Дѣйствія незакономѣрныя и неосторожныя, вносящія вмѣсто успокоенія озлобленіе, не терпимы. Намѣренія Государя неизмѣнны. Правительство проникнуто, поэтому, твердымъ намѣреніемъ способствовать отмѣнѣ и измѣненію въ законномъ порядкѣ законовъ устарѣвшихъ и не достигающихъ своего назначенія. Старый строй получитъ обновленіе. Порядокъ же долженъ быть охраненъ въ полной мѣрѣ. Въ этомъ мѣстныя власти должны проявить собственную инціативу и отвѣтственность за это лежитъ на нихъ“. Не лишено, конечно, значенія признаніе министерства, что старый строй подлежитъ обновленію, что необходимо отмѣнить устарѣвшіе законы; но вѣдь все это должно совершиться въ неопредѣленномъ будущемъ, а пока осужденные министерствомъ законы остаются въ полной силѣ, и объ измѣненіи способа пользованія ими въ телеграммѣ г. Столыпина сказано очень мало. Мѣстныя власти, отъ которыхъ требуется *быстрое* возстановленіе порядка—замѣтьте, *возстановленіе*, а не охрана—весьма

легко могутъ понять это требованіе въ смыслѣ уполномочія дѣйствовать *всѣми законными средствами* не только при пресѣченіи открытыхъ безпорядковъ или революціонныхъ замысловъ. Онѣ могутъ придти къ убѣжденію, что для возстановленія порядка необходимо удалить всѣхъ когда-либо замѣченныхъ въ его нарушеніи, всѣхъ способныхъ его нарушить, всѣхъ „несогласно мыслящихъ“. Правда, телеграмма предостерегаетъ противъ „огульныхъ репрессій“; но если этими словами запрещаются дѣйствія противъ цѣлой группы, безъ отдѣльнаго разбирательства по отношенію къ каждому ея члену, то ими отнюдь не устраняются мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ, основанныя на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ.

Лучшимъ комментаріемъ къ словамъ служатъ дѣйствія. Одновременно съ роспускомъ Думы и назначеніемъ новаго министерства значительно увеличено число мѣстностей, состоящихъ на положеніи чрезвычайной охраны и, слѣдовательно, особенно живо чувствующихъ гнетъ „устарѣвшихъ законовъ“. Въ Петербургѣ, принадлежащемъ къ числу этихъ мѣстностей, въ Петербургѣ, гдѣ *надзоръ* центральной власти часто переходитъ въ *распоряженіе* подчиненными ей органами, 11-го іюля закрытъ, по приказанію градоначальника, такъ называемый „кадетскій клубъ“, т.-е. сборный пунктъ конституціонно-демократической партіи; закрыты также всѣ отдѣленія этого клуба. Едвали эта мѣра соотвѣтствуетъ смыслу телеграммы г. Столыпина. Государственному и общественному порядку мѣсто собраній партіи, составлявшей центръ Государственной Думы и противодѣйствовавшей стремленіямъ крайнихъ группъ, отнюдь не угрожало. Нельзя же допустить, чтобы партія, распространенная по всей странѣ, игравшая столь видную роль на прошлыхъ выборахъ, была внезапно лишена возможности открыто совѣщаться о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Вмѣсто открытыхъ совѣщаній неизбѣжно начнутся частныя, закрытыя, предупредить которыя нельзя будетъ никакими репрессіями, даже „огульными“... Такое же впечатлѣніе, какъ закрытіе „кадетскаго клуба“, производитъ пріостановка изданія газетъ „Страна“ и „Наша Жизнь“, никогда не служившихъ органами крайнихъ партій [1]), или арестованіе молодого человѣка за восклицаніе, въ публичномъ мѣстѣ: „да здравствуетъ свобода“! Мѣры этого рода могутъ только увеличивать сумму общественнаго неудовольствія, отнюдь не укрѣпляя положеніе правительства.

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы не сочувствуемъ и систематическому уничтоженію соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной прессы, начавшемуся еще до роспуска Думы. Мы останавливаемся на мѣрѣ, принятой противъ двухъ названныхъ выше газетъ, только потому, что она особенно ярко характеризуетъ образъ дѣйствій министерства.

Становится страшно, когда подумаешь, что положеніе вещей, созданное роспускомъ Государственной Думы, можетъ продлиться еще семь мѣсяцевъ. Невольно возникаетъ вопросъ, почему и для чего установленъ такой дальній срокъ созыва Государственной Думы? Выборы, даже въ той сложной и запутанной формѣ, какая установлена избирательными законами 6-го августа и 11-го декабря, продолжались не болѣе двухъ мѣсяцевъ, но и то потому, что они были назначены не вездѣ въ одно и то же время. Для приготовленія къ выборамъ, въ особенности теперь, когда имѣется уже нѣкоторая избирательная практика, также болѣе чѣмъ достаточенъ двухмѣсячный срокъ. Ничто не мѣшало бы созвать Думу по крайней мѣрѣ тремя мѣсяцами раньше, между 15 ноября и 1 декабря. Въ западной Европѣ быстрое возобновленіе распущенной палаты составляетъ общее правило, соблюдаемое даже тогда, когда поводомъ къ распущенію былъ конфликтъ между правительствомъ и народными представителями. Такъ напримѣръ, въ Пруссіи, въ самомъ началѣ спора изъ-за реорганизаціи войска, палата депутатовъ была распущена 11-го марта (1862-го года), а новая сессія открыта 19-го мая. Въ 1866-мъ году между роспускомъ палаты (9-го мая) и открытіемъ сессіи (5-го августа) прошло менѣе трехъ мѣсяцевъ. Немногимъ больше былъ промежутокъ времени, отдѣлявшій, въ 1877-мъ году, распущеніе французской палаты депутатовъ отъ возвращенія къ нормальной парламентской жизни. Громадное пространство Россіи не мѣшаетъ столь же скорому ходу дѣла и у насъ; разстоянія не играютъ большой роли, разъ что вездѣ широко распространена телеграфная сѣть... Если замедленіе новыхъ выборовъ вызвано разсчетомъ на дѣйствіе времени, какъ способа умиротворенія страны, то этотъ разсчетъ легко можетъ оказаться ошибочнымъ: не находя исхода въ дебатахъ и рѣшеніяхъ Думы, возбужденныя страсти могутъ разгораться все больше и больше. Понадобится, съ обычной административной точки зрѣнія, новый рядъ репрессій, которыя, въ свою очередь, подольютъ масла въ огонь. Получится, такимъ образомъ, тотъ самый волшебный кругъ, въ которомъ растратило свои силы министерство Витте-Дурново. Мы думаемъ, что единственнымъ средствомъ успокоить умы и обезпечить правильное теченіе выборовъ было бы значительное приближеніе срока, назначеннаго для открытія новой сессіи. Препятствій къ этому ни со стороны формы, ни по существу, нѣтъ никакихъ. Созванная до конца года, Дума—что въ высшей степени важно—имѣла бы возможность разсмотрѣть своевременно смѣту на 1907-ой годъ... Какъ бы то ни было, мирное окончаніе кризиса, обезсиливающаго и истощающаго Россію, въ нашихъ глазахъ все еще возможно. Ни къ

чему, кромѣ новыхъ бѣдствій, не привели бы вспышки революціоннаго насилія.

Каковъ будетъ составъ новой Думы—объ этомъ теперь, конечно, трудно и догадываться. Провидятъ будущее только „Московскія Вѣдомости“, утверждающія, съ свойственною имъ беззастѣнчивостью, что вторая Дума несомнѣнно будетъ еще *хуже* первой, если выборы въ нее будутъ произведены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ апрѣлѣ. И это случится—вѣщаетъ газета—„не по недостатку усердія и энергіи русскаго народа“; „благомыслящіе русскіе люди“, объединенные еще до апрѣльскихъ выборовъ и съ тѣхъ поръ объединившіеся еще больше, единодушно примутъ участіе въ новыхъ выборахъ, но, при неизмѣнившихся условіяхъ, все-таки потерпятъ пораженіе. Что же это за условія, непреодолимыя даже для все преодолѣвающаго усердія? Это—„хаотическій ураганъ революціонной смуты“, свирѣпствовавшій, будто бы, во время апрѣльскихъ выборовъ. Болѣе безцеремоннаго обращенія съ истиной нельзя себѣ и представить. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ и раньше, и позже, были отдѣльныя проявленія революціонной агитаціи, но вовсе не было общей смуты, которая могла бы извратить исходъ выборовъ. Когда и гдѣ были попытки насиловать волю избирателей, помѣшать ихъ явкѣ, нарушить нормальный ходъ избирательной процедуры? Выборы совершились въ образцовомъ порядкѣ, конечно—подъ вліяніемъ всего предшествовавшаго имъ, но не подъ давленіемъ какой бы то ни было внѣшней силы. Цѣль, къ которой стремится московская газета, весьма понятна: гг. Грингмуту и К° нужно именно давленіе — давленіе со стороны правительства, послушнаго реакціоннымъ внушеніямъ. На ихъ языкѣ „полный порядокъ и спокойствіе“, необходимые для правильнаго производства выборовъ, означаютъ спокойствіе кладбища, порядокъ гнетущей дисциплины. Да, только при такомъ спокойствіи и такомъ порядкѣ возможно торжество „союза русскаго народа“, жалкое безсиліе котораго обнаружилось такъ ярко и на выборахъ, и въ самой Думѣ. Въ сущности „союзъ“ желаетъ только одного: возвращенія къ выгодному для него старому режиму; но, въ виду манифеста 9-го іюля, выражающаго рѣшимость сохранить новый государственный строй Россіи, руководителямъ „союза“ приходится скрывать свою конечную цѣль и стремиться къ созданію условій, обѣщающихъ искусственное подавленіе оппозиціонныхъ элементовъ. Еслибы, паче чаянія, этотъ маневръ увѣнчался успѣхомъ, побѣда обскурантизма и ретроградства была бы недолговѣчна; однажды проснувшись, русскій народъ не могъ бы возвратиться въ прежнее состояніе апатіи и застоя.

P. S.—Когда наше обозрѣніе было уже отпечатано, наступилъ періодъ переговоровъ г. Столыпина съ уважаемыми общественными дѣятелями, съ цѣлью составить изъ нихъ умѣренно-либеральное министерство. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, результатъ переговоровъ еще неизвѣстенъ. Успѣшное ихъ окончаніе увеличило бы, конечно, шансы возстановленія внутренняго мира; но каковъ бы ни былъ составъ министерства, настоящая законодательная работа не можетъ начаться до открытія новой Думы, и мы продолжаемъ считать безусловно необходимымъ возможно скорѣйшій созывъ ея.

КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ
И
ПРИЧИНЫ ИХЪ МАЛОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Письмо въ Редакцію.

Въ настоящее время бѣдственное положеніе крестьянъ, живущихъ на надѣльныхъ земляхъ—фактъ совершенно безспорный. Они дошли до такой степени бѣдности, что малѣйшіе недороды влекутъ у нихъ за собой уже голодъ, а статистика пригодности лицъ, призываемыхъ къ исполненію воинской повинности, показываетъ, что отъ хроническаго недоѣданія народъ начинаетъ вырождаться. Наконецъ, событія послѣдняго времени показываютъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне, обратившись въ толпу голодныхъ людей, при малѣйшемъ поводѣ начинаютъ волноваться, разграбляя и разрушая помѣщичьи усадьбы. Такимъ образомъ, вышеуказанный безспорный фактъ обращается въ серьезное бѣдствіе, которое грозитъ уже благополучію всего государства.

Для того чтобы помочь дѣлу, необходимо выяснить причины этой бѣдности. Извѣстно, что крестьянская надѣльная земля во всей Россіи менѣе производительна, чѣмъ рядомъ расположенная земля личныхъ землевладѣльцевъ. Напримѣръ: въ центральномъ нечерноземномъ районѣ средній урожай ржи у крестьянъ 5 четвертей, а за вычетомъ сѣмянъ—$3^1/_2$ четверти; у личныхъ же владѣльцевъ—$6^1/_2$ четв., а за вычетомъ сѣмянъ $5^1/_2$ четв. Приблизительно то же отношеніе оказывается во всѣхъ районахъ (см. изданіе Девріена „Справочная книжка русскаго сельскаго хозяина“ за 1896 годъ, стр. 87; то же подтверждаютъ и новѣйшіе статистическіе матеріалы).

Нельзя, конечно, предположить, — да этого никто и не высказываетъ,—что вся земля, находящаяся въ обладаніи крестьянъ, по своимъ природнымъ качествамъ хуже остальной земли. Она, дѣйствительно, крайне истощена сборами урожаевъ безъ соотвѣтствующаго удобренія, но это касается уже самаго способа веденія хозяйства, а не качествъ земли. Въ западной Европѣ земля уже обработывалась тогда, когда вся Россія была еще подъ сплошнымъ лѣсомъ, а между тѣмъ на такой старопахатной землѣ тамъ и въ настоящее время извлекаютъ

урожаи, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше, чѣмъ у насъ въ соотвѣтствующихъ по климату и почвѣ районахъ.

Изъ этого факта малой производительности крестьянскихъ надѣльныхъ земель напрашивается ближайшій выводъ, что наши крестьяне, руками которыхъ обработывается вся земля въ Россіи, т.-е. лица, ближе всѣхъ стоящія къ землѣ и живущія главнымъ образомъ промысломъ земледѣлія, — худшіе хозяева на собственной землѣ, чѣмъ личные владѣльцы, обработывающіе землю наемнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ оказывается, что бѣдственное положеніе нашихъ крестьянъ, пользующихся надѣльной землей, зависитъ отъ неудовлетворительнаго, малоуспѣшнаго, веденія ихъ полевого хозяйства. Въ виду этого, всѣ силы изслѣдователя должны быть направлены къ выясненію причинъ этой малоуспѣшности или тѣхъ тормазовъ, которые препятствуютъ продуктивности сельскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, а, по выясненіи этихъ тормазовъ, вся энергія должна быть направлена къ ихъ устраненію.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ указанію этихъ причинъ, я долженъ еще остановиться на разсмотрѣніи того, что обыкновенно выдается за главную изъ этихъ причинъ. Большею частію указываютъ именно на *малоземелье* крестьянскаго владѣнія. Во многихъ случаяхъ количество земли у крестьянина настолько ничтожно, что не можетъ быть уже рѣчи о какомъ-либо сельскомъ хозяйствѣ. Такой владѣлецъ уже не землевладѣлецъ, а вѣрнѣе мелкій домовладѣлецъ, т.-е. по существу долженъ быть отнесенъ правильнѣе всего къ мѣщанамъ. Если такого владѣльца надѣлять землей, то это будетъ уже не дополнительный, а, вѣрнѣе, первоначальный земельный надѣлъ. Многіе изъ такихъ владѣльцевъ уже отбились отъ земледѣлія и живутъ инымъ промысломъ или мастерствомъ. Можетъ случиться, что такой крестьянинъ, получивъ землю, не сумѣетъ ничего лучшаго съ ней сдѣлать какъ отдать ее въ аренду. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о помощи въ сельскомъ хозяйствѣ и такимъ крестьянамъ, которые хотя даже и имѣютъ землю, но ею вовсе не занимаются, а живутъ, занимаясь чѣмъ-либо другимъ. Вообще, нельзя считать званіе „крестьянина“ непремѣннымъ признакомъ или принадлежностью земледѣльца и придавать сословію крестьянъ значеніе какой-то касты. Сельское хозяйство—это профессія, и естественнымъ подборомъ эта профессія должна оставаться за тѣми, кто наиболѣе къ ней склоненъ, наиболѣе въ ней преуспѣваетъ, совершенно независимо отъ того, къ какому сословію принадлежитъ данный человѣкъ по рожденію. Государство въ своихъ интересахъ можетъ только профессіональнымъ, способнымъ къ дальнѣйшему прогрессу сельскимъ хозяевамъ оказывать помощь въ ихъ сельскохозяйственной дѣятельности. Итакъ, утверждая, что безуспѣшность

сельскаго хозяйства нашихъ крестьянъ на ихъ надѣльной землѣ зависитъ лишь оттого, что у нихъ слишкомъ малы ихъ земельные участки, надо доказать, что при увеличеніи этихъ участковъ сельское хозяйство пойдетъ у нихъ успѣшнѣе, т.-е., по крайней мѣрѣ, такъ, какъ у сосѣднихъ личныхъ землевладѣльцевъ. Надо доказать, что если крестьянинъ теперь съ одной десятины ржи собираетъ, съ отчисленіемъ расхода на сѣмена, $3^1/_2$ четв., то, имѣя двойное количество земли, онъ будетъ съ двухъ десятинъ ржи собирать не $3^1/_2+3^1/_2$, т.-е. 7 четвертей, а какъ у личныхъ землевладѣльцевъ въ той же мѣстности $5^1/_2+5^1/_2$, т.-е. 11 четвертей. Такихъ доказательствъ никто не приводилъ и не приводитъ. Напротивъ того, имѣются доказательства противнаго: никогда не замѣчалось, чтобы надѣльная земля тѣхъ деревень, которыя случайно получили бо́льшій надѣлъ по отношенію къ числу наличныхъ душъ или дворовъ, была болѣе производительна.

Но мало этого. Повсюду, кромѣ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, мелкія земельныя владѣнія болѣе производительны по отношенію къ занимаемой ими площади, чѣмъ крупныя владѣнія. Объясняется это тѣмъ: 1) что земля съ пользой для своей производительности въ состояніи воспринимать большія затраты труда и капитала; 2) что земля вообще лучше окупаетъ значительныя затраты, чѣмъ незначительныя, напр. выгоднѣе дать небольшому пространству земли полное удобреніе, чѣмъ положить то же количество удобренія на вдвое большее пространство, и 3) что, въ виду дороговизны капитала, затрата на землю не столько капитала, сколько труда, окупается всегда лучше. Поэтому мелкій землевладѣлецъ, имѣющій возможность затрачивать на небольшой участокъ земли много личнаго, хорошаго по качеству труда, находится въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ. Выгоды интенсивнаго хозяйства при современныхъ условіяхъ въ Россіи подтверждаются извѣстными каждому хозяину фактами, что малый урожай не окупаетъ производства, средній урожай только окупаетъ все хозяйство и лишь большіе урожаи даютъ дѣйствительный доходъ. На этомъ экономическомъ законѣ основывается извѣстная спекуляція—покупать большія имѣнія и распродавать ихъ мелкими участками за повышенную подесятинную плату. Примѣромъ сравнительной выгоды мелкихъ земельныхъ владѣній можетъ служить землевладѣніе въ Даніи, гдѣ 40% всѣхъ землевладѣльцевъ обладаютъ участками менѣе чѣмъ въ 2 десятины и 28% менѣе чѣмъ въ 9 десятинъ (характернѣ), и благосостояніе всѣхъ этихъ лицъ не подлежитъ сомнѣнію.

Вышеизложенное какъ бы противорѣчитъ извѣстному экономическому закону относительно капиталистическаго производства, но надо

имѣть въ виду, что послѣдній законъ доказанъ лишь по отношенію къ обработывающей промышленности. Относительно же добывающей сельскохозяйственной промышленности оказываютъ существенное вліяніе такіе факторы, какъ: 1) невозможность сосредоточить ее на небольшомъ пространствѣ, какъ на фабрикѣ; 2) большое значеніе качества труда, постоянно измѣняемаго въ зависимости отъ погоды, слѣдовательно полнаго личной иниціативой, далеко не механическаго; и наконецъ 3) слабое значеніе конкурренціи, т.-е. невозможность давленія однимъ хозяиномъ на другихъ посредствомъ низкихъ цѣнъ, такъ какъ продуктъ производства, исключая развѣ разныхъ спеціальныхъ культуръ, настолько необходимъ человѣчеству, что всегда обезпеченъ въ сбытѣ и можетъ быть потребляемъ и самимъ производителемъ.

Итакъ, крестьяне, какъ мелкіе землевладѣльцы, должны были бы производить съ своей земли на равной площади не меньше, а больше, чѣмъ крупные землевладѣльцы. Такъ какъ странная и печальная особенность обратнаго замѣчается лишь на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ, то, очевидно, въ самой формѣ ихъ землевладѣнія и кроется порокъ, тормозящій успѣхи крестьянскаго хозяйства.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію другого обычно высказываемаго объясненія малоуспѣшности крестьянскаго хозяйства. Все объясняютъ *невѣжественностью* крестьянъ. Находятъ, что, вотъ, если будутъ заведены повсюду школы и всѣ крестьяне будутъ грамотными, то дѣло хозяйства пойдетъ у нихъ уже совершенно иначе. Нисколько не отрицая громаднаго значенія народнаго образованія, я долженъ, однако, замѣтить, что по отношенію къ изслѣдуемой задачѣ, т.-е. относительно способовъ поднятія производительности крестьянскихъ надѣльныхъ земель, въ указанномъ совѣтѣ кроется крупное недоразумѣніе. Общеобразовательное школьное обученіе вовсе не создаетъ, да и не имѣетъ цѣлью создавать, спеціалистовъ по разнымъ ремесламъ и профессіямъ. Весьма возможно и даже вѣроятно, что неграмотные мужики гораздо больше понимаютъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ учителя и учительницы сельскихъ школъ. Даже извѣстный профессоръ А. Н. Энгельгардтъ, выпустившій въ свѣтъ въ свое время хорошій учебникъ агрономической химіи, впослѣдствіи, когда онъ сталъ вести хозяйство въ своемъ имѣніи „Батищево“, научился, какъ онъ это самъ признавалъ въ своихъ знаменитыхъ „Письмахъ изъ деревни“, весьма многому у своихъ неграмотныхъ крестьянъ и за все время своего хозяйничанія ничего серьезнаго не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно съ нѣкоторыми мужиками. Выходитъ, что даже профессору агрономіи еще пришлось учиться у крестьянъ. То, что многіе крестьяне могутъ отлично вести

хозяйство, видно уже изъ того, что самые образованные люди, имѣя землю, находятъ для себя выгоднѣе отдавать свою землю въ аренду именно крестьянамъ, обыкновенно не обучавшимся ни въ какой школѣ.

Гордые своимъ школьнымъ дипломомъ и часто весьма поверхностными познаніями, весьма многіе совершенно упускаютъ изъ виду, что существуетъ еще школа жизни. Не надо забывать, что успѣхъ въ любой профессіи человѣку даютъ вовсе не книжки, а его интересъ или любовь къ дѣлу, продолжительный навыкъ, опытъ, наблюдательность, спеціальныя наклонности и способности. Желающій научиться будетъ замѣчать, искать и всегда найдетъ нужныя ему свѣдѣнія. Крестьянамъ же даже нѣтъ надобности долго искать образцовыя хозяйства—послѣднія имѣются повсюду, и весьма многіе изъ крестьянъ отлично знаютъ, что̀ именно надо дѣлать, чтобы поднять плохое хозяйство. Основныя правила техники хозяйства общеизвѣстны, и недоумѣніе можетъ вызвать лишь вопросъ объ организаціи. Въ этомъ отношеніи вся наука относительно крестьянскаго хозяйства можетъ быть высказана въ нѣсколькихъ словахъ, которыя еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ проповѣдывались Шубартомъ, а затѣмъ Тэеромъ въ Германіи, и преобразили тамъ постепенно всѣ хозяйства. Сводятся они къ слѣдующему: крестьянская земля малопроизводительна, потому что она плохо обработана и крайне недостаточно удобрена. Для устраненія этого нужны хорошій рабочій скотъ и побольше навоза. Это достижимо лишь при условіи обладанія достаточнымъ количествомъ корма для скота. Поэтому крестьяне всегда съ жадностью рвутся за сѣнокосами, а треть своихъ полей они оставляютъ подъ паръ, эксплоатируемый въ качествѣ выгона. Но вслѣдствіе послѣдней мѣры они запаздываютъ съ обработкой пара, что̀ очень вредно отзывается на послѣдующемъ урожаѣ ржи (см. VI томъ „Энциклопедіи русскаго сельскаго хозяйства“, стр. 908), а навоза все же мало. Шубартъ и Тэеръ нашли выходъ изъ этого положенія въ посѣвѣ на пахатномъ полѣ кормовыхъ травъ, въ особенности клевера. Урожай клевера съ одной десятины можетъ прокормить, какъ это показываетъ русская практика, въ витебской, смоленской и псковской губерніяхъ до четырехъ коровъ (см. „Письма деревенскаго хозяина“, Мещерскаго, стр. 239, 263 и 269) [1]. При болѣе интенсивномъ хозяйствѣ можно перейти еще къ кормовымъ корнеплодамъ, которые съ той же площади земли даютъ еще больше корма. Вотъ и вся теорія для необходимаго прогресса хозяйства къ слѣдующей ступени, которая

[1]) Между тѣмъ какъ десятина средняго луга можетъ прокормить за годъ лишь одну корову и для достаточнаго удобренія полей навозомъ необходимо имѣть для корма скота двойное пространство земли подъ лугомъ сравнительно съ пашней (см. тамъ же, стр. 216).

должна быть достигнута. Но почему же крестьяне на своей землѣ не слѣдуютъ этой теоріи? На то имѣются особыя причины.

Успѣхи знанія и практической дѣятельности всегда связаны съ опредѣленными лицами, которыя являлись проводниками этихъ культурныхъ успѣховъ. Эти передовые люди всегда должны были бороться съ косностью большинства, съ установившейся рутиной, нежеланіемъ окружающихъ понять ихъ и оцѣнить ихъ дѣятельность, даже враждебнымъ къ себѣ отношеніемъ. Затѣмъ, самая возможность какой-либо плодотворной практической дѣятельности передовыхъ людей обусловлена развитіемъ и признаніемъ извѣстныхъ индивидуальныхъ правъ, въ области которыхъ они могли бы оперировать, неся единолично всѣ плоды своего успѣха или неуспѣха. Достигнувъ же замѣтныхъ успѣховъ, они обязательно вызывали у окружающихъ подражаніе. Всѣ указанныя условія, однако, совершенно отсутствуютъ при общинномъ строѣ землевладѣнія, установленномъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Тамъ въ корнѣ пресѣчена всякая возможность не только совершенствованія хозяйства, но даже удовлетворительнаго его веденія. Лишь при условіи полной обезпеченности обладанія какъ ближайшими, такъ и отдаленными плодами своихъ трудовъ, человѣкъ можетъ заинтересоваться и съ полнымъ усердіемъ заняться производительнымъ трудомъ. Земля становится производительной лишь при условіи значительнаго ея удобренія. Но развѣ стоитъ кому-либо серьезно заняться ея улучшеніемъ, когда владѣніе ею—не прочное и не личное, когда можетъ еще грозить ея передѣлъ? На сѣнокосной надѣльной землѣ такой передѣлъ, т.-е. раздѣленіе сѣнокоса на участки, кому гдѣ косить, совершается ежегодно. Поэтому понятно, что крестьянскіе сѣнокосы всегда будутъ оставаться заросшими кустарникомъ, въ кочкахъ, съ неубранными камнями и проч. Улучшеніе же пахатной земли требуетъ несравненно большаго труда и затратъ, дѣйствуя зато на большой срокъ. Слѣдовательно, для улучшенія ея требуется и большая обезпеченность владѣнія. Въ результатѣ, общинный строй горькимъ опытомъ приводитъ даже самыхъ предпріимчивыхъ крестьянъ къ печальному заключенію, что улучшеніемъ своихъ полосъ заниматься невыгодно.

Когда отдѣльные крестьяне лишены возможности перейти отъ трехполья къ болѣе совершеннымъ формамъ хозяйства и заняться травосѣяніемъ на поляхъ, когда земля каждаго хозяина разбросана на большихъ между собой разстояніяхъ въ видѣ узкихъ полосъ, которыя и обработывать нельзя какъ слѣдуетъ, такъ какъ невозможно перепахать ихъ хоть разъ поперекъ, а значительная часть земли уходитъ на межи, остающіяся безъ обработки и засоряющія рядомъ лежащую землю; когда, наконецъ, и владѣніе каждымъ своей полосой

оказывается не безусловно личнымъ и постояннымъ, а лишь до передѣла,—то такое хозяйство не можетъ, даже въ лучшихъ рукахъ, идти впередъ, а въ такомъ случаѣ оно по необходимости идетъ назадъ.

Насъ даже перестало поражать, какъ ставшее обычнымъ, такое грозное явленіе, что въ самомъ земледѣльческомъ районѣ во многихъ деревняхъ почти все взрослое мужское населеніе уходитъ на заработки, обыкновенно весьма плохо оплачиваемые, а свою надѣльную землю оставляетъ на обработку самую неудовлетворительную, а многія полосы даже совсѣмъ безъ обработки. Общеизвѣстны также установившіяся у крестьянъ привычки такого безучастнаго отношенія къ своему хозяйству, что они какъ бы рады каждому празднику, прибавляя къ оффиціальнымъ и много мѣстныхъ, значеніе которыхъ, въ томъ смыслѣ, какое событіе собственно ими знаменуется, большинству даже неизвѣстно. Между тѣмъ они такъ свято соблюдаютъ эти праздники, что иногда, когда каждый часъ работы дорогъ, они совершенно спокойно оставляютъ неубранное сѣно мокнуть и гнить подъ дождемъ, неубранную рожь осыпаться, бросаютъ всякую работу и предаются полному бездѣйствію на цѣлыя сутки. Такое отношеніе къ дѣлу, вѣроятно, выработалось у крестьянъ еще при крѣпостномъ правѣ, но вѣдь съ того времени уже прошло сорокъ лѣтъ и земля у крестьянъ своя. Вѣдь не надо забывать, какъ дорога крестьянину каждая копѣйка, если она дѣйствительно своя. Но въ томъ-то и дѣло, что земля для каждаго крестьянина, члена общины, не совсѣмъ своя, что немедленно и отражается на его отношеніи къ ней. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ земельное владѣніе—вполнѣ личное и всякая личность можетъ дѣйствовать въ своемъ дѣлѣ совершенно самостоятельно, мы замѣчаемъ совсѣмъ другое отношеніе къ дѣлу. Праздники тамъ сами собой свелись до минимума, а когда нужно, то работаютъ и ночью, при искусственномъ освѣщеніи, и мелкіе землевладѣльцы не бѣгутъ отъ своей земли на заработки.

Эти явленія русской жизни составляютъ тревожные симптомы неблагополучной постановки земельнаго владѣнія у крестьянъ, и совершенно невѣрно объясненіе подобныхъ фактовъ національной нашей чертой или религіознымъ чувствомъ народной массы. Россію населяютъ разныя народности, но всѣ онѣ сходятся на такомъ же отношеніи къ дѣлу тамъ, гдѣ мы наталкиваемся на общинное землевладѣніе. Среди коренныхъ русскихъ мы нерѣдко встрѣчаемъ весьма предпріимчивыхъ людей, составившихъ себѣ большія состоянія на разныхъ другихъ предпріятіяхъ, но, конечно, только не на земледѣліи въ предѣлахъ общины. Недостатки общинной формы землепользованія могутъ быть выяснены также и на примѣрахъ. На Сахалинѣ дѣлались попытки колонизаціи изъ отбывшихъ каторгу ссыльно-поселенцевъ, причемъ

отдѣльнымъ колонистамъ давались участки земли въ полное ихъ распоряженіе. По наблюденію Чехова, въ сѣверномъ Сахалинѣ, при крайне неблагопріятномъ климатѣ и почвѣ, такой колонистъ все же можетъ прокормиться съ участка въ четыре десятины.Между тѣмъ въ херсонской губерніи, при общинномъ строѣ владѣнія, такое пространство земли на хозяина считается нерѣдко уже недостаточнымъ. Еще лучшимъ примѣромъ можетъ служить наблюденіе надъ латышами: латыши населяютъ всю курляндскую, половину лифляндской губерніи и четыре западныхъ уѣзда витебской губерніи. Въ витебской губерніи они получили земельные надѣлы, притомъ весьма большіе и за дешевую цѣну, съ сервитутнымъ правомъ пользоваться помѣщичьей землей для пастьбы скота, такъ какъ послѣ польскаго мятежа 1863 года было признано необходимымъ по возможности экономически ослабить помѣщиковъ витебской губерніи, а латыши курляндской и лифляндской губерній не получили никакого надѣла. Между тѣмъ благосостояніе латышей послѣднихъ двухъ губерній (многіе изъ нихъ пріобрѣли себѣ тамъ небольшіе участки земли на собственный счетъ въ личную собственность) замѣтно и значительно выше, чѣмъ латышей витебской губерніи. Это подтвердитъ всякій безпристрастный наблюдатель. Объясняется указанная разница тѣмъ, что въ прибалтійскихъ, т.-е. курляндской и лифляндской, губерніяхъ всѣ латыши—личные собственники на началахъ римскаго права, лежащаго въ основѣ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, а въ витебской губерніи владѣніе крестьянъ-латышей построено на началахъ другого рода: это не такое общинное владѣніе, какъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, а такъ называемое подворное владѣніе, обладающее, однако, всѣми недостатками общиннаго строя. Многіе защитники общиннаго землевладѣнія прибѣгаютъ, какъ къ доказательству отсутствія вреднаго вліянія общины, къ сравненію послѣдствій типично-общиннаго и подворнаго владѣнія, указывая, что послѣднее лучшихъ результатовъ не даетъ; но этотъ доводъ часто является лишь результатомъ недоразумѣнія или недостаточнаго знакомства съ существующими у насъ формами подворнаго владѣнія. Поэтому опишу здѣсь вкратцѣ хорошо извѣстную мнѣ конструкцію подворнаго владѣнія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Хотя въ данныхъ крѣпостяхъ, писанныхъ не на каждый дворъ, а на всю деревню, здѣсь и указано, сколько десятинъ земли числится за каждымъ дворомъ, но мѣстоположеніе и границы этихъ подворныхъ участковъ въ крѣпостяхъ не указаны и фактически они никогда не были вымежеваны къ отдѣльнымъ мѣстамъ, такъ что на практикѣ осталось то же, что̀ и при общинномъ владѣніи, т.-е. дѣленіе всей пахатной земли на полосы, раскиданныя для каждаго владѣльца по разнымъ мѣстамъ, съ дѣленіемъ ихъ на общія для

всей деревни три поля и общими сѣнокосомъ, пастбищами и лѣсомъ, гдѣ послѣдній имѣется. Затѣмъ, по закону, каждый дворохозяинъ— вовсе не личный собственникъ; онъ не можетъ завѣщать кому-либо свои права на подворный участокъ и вообще со смертью его никакого наслѣдства не открывается, такъ какъ собственникомъ подворнаго участка признается не какое-либо физическое лицо, а абстрактное понятіе: „дворъ“ или „рабочая крестьянская семья“ въ качествѣ юридическаго лица. Но это юридическое лицо не имѣетъ никакой организаціи: оно не состоитъ изъ пайщиковъ и не имѣетъ отвѣтственнаго правленія или уполномоченнаго. Члены крестьянскаго двора, обыкновенно вовсе не совпадающіе съ личной семьей дворохозяина, а превосходящіе ее, не имѣютъ опредѣленныхъ долей въ этомъ общемъ владѣніи и въ приносимыхъ имъ выгодахъ: они не могутъ требовать отчета у дворохозяина, такъ какъ онъ не выборное отъ нихъ лицо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не существуетъ никакого закона, опредѣляющаго порядокъ или условія назначенія дворохозяина, и онъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ за свои дѣйствія въ качествѣ представителя двора. Онъ можетъ, не спрашивая у остальныхъ согласія, отдать весь подворный участокъ въ аренду. За его личный долгъ можетъ быть даже проданъ подворный участокъ (см. Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1894 г. № 88 и 1896 г. № 126. Общ. Собр. Сената 1892 г. № 41 и 1898 г. № 2 и др.). Фактически члены крестьянскаго двора, во избѣжаніе анархіи, всегда дѣлятъ между собой подворный участокъ на полосы, состоящія въ самостоятельномъ владѣніи отдѣльныхъ членовъ двора, но въ случаѣ возникновенія между ними спора относительно владѣнія этими полосами судъ такого спора разрѣшить не можетъ, а обязанъ рекомендовать имъ установленный для нихъ закономъ коммунизмъ. Точно также и относительно распредѣленія между членами двора прибылей отъ хозяйства споры по этому предмету, собственно говоря, вовсе не могутъ подлежать разсмотрѣнію суда, за неимѣніемъ какой-либо законной почвы для ихъ разрѣшенія. На практикѣ это сводится къ тому, что члены двора могутъ свободно другъ друга обворовывать. Изъ вышеизложеннаго видно, что рѣшительно все, что составляетъ недостатокъ общиннаго владѣнія, вполнѣ сохранено и въ существующей у насъ формѣ подворнаго владѣнія.

Основной признакъ всѣхъ этихъ формъ крестьянскаго владѣнія— неопредѣленность и нетвердость имущественныхъ правъ, отсутствіе яснаго и обезпеченнаго правопорядка. Результатъ такого строя землевладѣнія выражается, во-первыхъ, въ замѣтномъ ослабленіи производительности земли; во-вторыхъ, въ дурномъ вліяніи на народный характеръ и привычки: крестьяне понемногу привыкаютъ относиться

даже къ собственному дѣлу невнимательно, небрежно, безъ интереса; и въ-третьихъ, въ томъ, что крестьяне, сами не имѣя земли въ личномъ владѣніи, не умѣютъ уважать и чужое личное владѣніе.

Остается еще сравнить наши условія жизни съ тѣми странами, гдѣ существуетъ правильный правопорядокъ, основанный на глубокомъ уваженіи къ личнымъ правамъ, и выяснить, какъ послѣдній появился. Путешествуя заграницей, вѣроятно многіе видѣли знаменитый во многихъ отношеніяхъ городъ Гейдельбергъ въ южной Германіи. Если выйти тамъ изъ города и пройтись по большой шоссейной проѣзжей дорогѣ, идущей вдоль долины у склона горъ, то всякому бросится прежде всего въ глаза, что дорога эта обсажена по обѣимъ сторонамъ фруктовыми, именно грушевыми деревьями, а осенью всякій можетъ наблюдать, что эти ничѣмъ не огражденныя деревья имѣютъ плоды, которые дозрѣваютъ, никѣмъ изъ прохожихъ не крадутся и собираются хозяиномъ. Далѣе, по начинающемуся склону горы идутъ виноградники. Еще выше—цѣлый лѣсъ сладкаго каштана, посаженнаго съ промышленной цѣлью, пересѣченный многими проѣзжими дорогами и тропинками. Все это, безъ малѣйшей ограды или охраны, остается нетронутымъ и даетъ владѣльцамъ виноградниковъ и каштановыхъ деревьевъ большой доходъ. Между тѣмъ, на вершинахъ окружающихъ горъ видны развалины довольно многочисленныхъ замковъ рыцарей-разбойниковъ, наглядно напоминающія тѣ еще сравнительно недавнія времена, когда владѣльцы этихъ замковъ жили грабежомъ, слѣдовательно личная собственность мало уважалась и недостаточно охранялась.

Что же произвело такой глубокій переворотъ въ отношеніяхъ людей къ чужой собственности въ этой мѣстности? Во всякомъ случаѣ не уголовная репрессія, такъ какъ кража въ средніе вѣка наказывалась смертной казнью, теперь же она наказывается краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Также и не школы, такъ какъ знаменитый разсадникъ просвѣщенія, гейдельбергскій университетъ, древнѣйшій въ Германіи, основанъ былъ еще въ XIII столѣтіи, а религіозное воспитаніе юношества въ средніе вѣка было даже старательнѣе и требовательнѣе, чѣмъ нынѣ. Остается лишь одна основная причина: это—правильное законодательство, построенное на началахъ римскаго права, которое стало дѣйствовать въ южной Германіи съ начала девятнадцатаго столѣтія. Вмѣстѣ съ правильнымъ закономъ установился и правильный правопорядокъ, который въ результатѣ устранилъ произволъ сильныхъ. Однимъ изъ очень реальныхъ результатовъ этого правопорядка оказался тотъ, что пахатная земля въ окрестностяхъ Гейдельберга, которая при рыцаряхъ-разбойникахъ цѣнилась очень

невысоко, нынѣ цѣнится въ двѣ тысячи рублей десятина, принося 80 руб. дохода съ десятины.

Въ защиту общины обыкновенно выставляется, что она предупреждаетъ появленіе пролетаріата. Между тѣмъ первоначальной причиной появленія пролетаріата служитъ недостаточность средствъ крестьянской семьи и связанная съ этимъ необходимость для отдѣльныхъ членовъ семьи покинуть землю и скитаться всюду въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Если же то же пространство земли будетъ приносить дохода въ нѣсколько разъ больше, то очевидно, что та же семья уже не будетъ выдѣлять пролетаріевъ и для послѣднихъ найдется дѣло и у себя дома. Такимъ образомъ, именно существующій въ Россіи общинный строй землевладѣнія, понижая производительность земли, плодитъ пролетаріевъ, а не наоборотъ. Утверждаютъ также, что крестьяне дорожатъ своимъ общиннымъ строемъ и неохотно переходятъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію. Нежеланіе перейти къ подворному владѣнію, собственно говоря, совершенно основательно, такъ какъ подворное владѣніе, какъ это объяснено выше, обладаетъ тѣми же недостатками, какъ и общинное владѣніе. Ошибочна ссылка на симпатіи крестьянъ, какъ на доказательство правильности извѣстнаго порядка. У насъ всегда можетъ быть и имѣется много ошибочныхъ предразсудковъ, навыковъ и воззрѣній, причемъ мы не сознаемъ ихъ ошибочности, считаемъ ихъ нормальными, а нѣкоторые патріоты даже считаютъ ихъ похвальными и гордятся ими, усматривая въ нихъ особую національную черту. Вѣдь послѣдняя война, напримѣръ, обнаружила много неустройствъ и дурныхъ условій въ русской жизни и государственномъ порядкѣ, которыя прежде не замѣчались и вредными не признавались. Поэтому правильнѣе было бы выразиться, что многіе крестьяне еще не сознаютъ вреда, происходящаго отъ общиннаго владѣнія. Но это сознаніе у нихъ отсутствуетъ лишь вслѣдствіе недостаточной ихъ освѣдомленности относительно возможныхъ для нихъ другихъ формъ землепользованія и неумѣнія ихъ глубже вдуматься въ свое положеніе, что̀ совершенно понятно въ виду отсутствія у нихъ необходимыхъ познаній и, наконецъ, въ виду свойственной вообще человѣчеству косности.

Такимъ образомъ, поставленный мною вначалѣ вопросъ о причинахъ бѣдственнаго положенія нашихъ крестьянъ, пользующихся надѣльной землей, находитъ себѣ разрѣшеніе въ той формѣ землепользованія, которая была предоставлена этимъ крестьянамъ при надѣленіи ихъ землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется и тотъ, испытанный исторіей, путь, при которомъ только и возможны развитіе народнаго благосостоянія и успѣхи промышленности, въ особенности же сельскохозяйственной.

При освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости у насъ само правительство, вмѣсто поддержки индивидуальнаго, личнаго землепользованія, установило для новыхъ собственниковъ не личное, а общинное владѣніе. Повидимому, у насъ въ законодательныхъ сферахъ до сихъ поръ совершенно отсутствуетъ сознаніе, что такія формы владѣнія, какъ общинное, или принадлежащая нѣсколькимъ самостоятельнымъ лицамъ общая собственность, или наконецъ существующій у насъ особый видъ послѣдней, черезполосное владѣніе, допустимы лишь какъ временныя, переходныя формы къ строго личному владѣнію и не могутъ быть терпимы какъ нормальныя явленія. Слабые проблески сознанія, что эти формы владѣнія лишь стѣсняютъ личность въ ея полезной дѣятельности, что надо содѣйствовать ихъ устраненію (см. 12 ст. Общ. Полож. о крестьян. и 933 ст. Зак. межев.), у насъ совершенно заглушены распоряженіями администраціи и многими законодательными постановленіями въ прямо противоположномъ направленіи.

Мнѣ неизвѣстны случаи выхода крестьянина изъ общины съ обращеніемъ его въ строго личнаго собственника на участкѣ земли, вымежеванномъ къ одному мѣсту, но мнѣ, какъ судьѣ, хорошо извѣстны всѣ затрудненія и канитель, связанныя съ выходомъ изъ общаго или черезполоснаго владѣнія. Содѣйствіе правительства въ этомъ дѣлѣ выражается въ судебномъ раздѣлѣ наслѣдства и судебно-межевомъ производствѣ. Первое много проще, но какими и оно, какъ нарочно, обставлено затрудненіями! Сначала для несогласныхъ наслѣдниковъ обязательно надо промучиться въ общемъ владѣніи, по крайней мѣрѣ, два года. Выражается такое общее владѣніе въ томъ, что имѣющій даже самую ничтожную долю въ общей собственности можетъ останавливать своимъ несогласіемъ всякое пользованіе общимъ имуществомъ и извлеченіе изъ него выгодъ, можетъ остановить всякій производительный трудъ надъ землей и обратить ее въ пустыню, такъ какъ для каждаго шага относительно общаго имущества обязательно требуется полное единогласіе всѣхъ совладѣльцевъ. Такимъ образомъ крайне затруднена всякая дѣятельность и даны всѣ условія для разрушенія или остановки предпріятія. Въ послѣднемъ случаѣ уже одинъ сильнѣе всѣхъ. Но вотъ два года прошло. Тогда начинается продолжительная и сложная процедура въ окружномъ судѣ (ст. 1412, 1414 и 1419 Уст. гражд. суд.), а затѣмъ можно тянуть дѣло и въ судебной палатѣ. За эту услугу взыскивается въ видѣ штрафа 6% съ цѣны дѣлимаго имѣнія, т.-е. полуторагодовой доходъ съ земли, еслибы она правильно обработывалась. Но это еще не все: въ теченіе года можно еще просить о передѣлѣ.

Еще хлопотливѣе и дороже, и продолжительнѣе судебно-межевое

производство, которое вслѣдствіе этого такъ отвадило отъ себя рѣшительно всѣхъ и появленіе такихъ дѣлъ составляетъ такую рѣдкость, что много судей никогда въ жизни не разрѣшали такого дѣла. Здѣсь характеренъ уже первый шагъ: именно ст. 1 прилож. 1 къ ст. 1400 Уст. гражд. суд. гласитъ: „дѣла, окончательно признанныя подлежащими судебно-межевому разбирательству, подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда". Значитъ, еще кто-то долженъ разрѣшить несчастному совладѣльцу обратиться съ подобнымъ искомъ въ окружный судъ. Но кто же это? Оказывается, никто! Можно обратиться непосредственно въ окружный судъ, которому надо только доказать, что попытки миролюбиво раздѣлиться не удавались (см. Рѣш. Общ. Собр. Прав. Сената 1890 года, № 37). Была еще одна преграда, затягивавшая дѣло до производства судебнаго раздѣла, посредническая коммиссія, но за отсутствіемъ дѣлъ она упразднена!

Чрезвычайно своеобразенъ у насъ институтъ пріобрѣтательной давности. По недосмотру составителей свода законовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, у насъ въ десятомъ томѣ, при опредѣленіи признаковъ пріобрѣтательной давности, было упущено указаніе на добросовѣстность владѣнія. Весьма вѣроятно, что составители свода даже хотѣли сдѣлать это указаніе, но только неудачно выразились. Именно, въ 533 ст. сказано, что владѣніе имуществомъ для пріобрѣтенія его по давности должно быть „спокойное". Хотя психологически только добросовѣстное владѣніе можетъ быть спокойнымъ, но языкъ закона долженъ быть точенъ, и поэтому сенатъ пришелъ къ толкованію, что для пріобрѣтательной давности добросовѣстности владѣнія не требуется. Такимъ образомъ оказывается, что, напр., человѣкъ, на честность котораго положились и довѣрили ему въ качествѣ повѣреннаго или опекуна управленіе чужимъ имуществомъ, можетъ, при слабости надзора надъ нимъ, нарушая оказанное ему довѣріе и дѣйствуя недобросовѣстно, обратиться въ охраняемаго закономъ дарового пріобрѣтателя ввѣреннаго ему имущества, и судъ обязанъ охранять такого собственника противъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ обманулъ (см. Рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1879 года, № 130). То дѣйствіе, которое по отношенію къ движимости называется кражей и грабежомъ, и наказывается тюремнымъ заключеніемъ, становится относительно недвижимости, при условіи, если это преступленіе длящееся, законнымъ способомъ пріобрѣтенія имущества. Краденую вещь всегда возвращаютъ потерпѣвшему, даже и въ томъ случаѣ, если воръ освобождается отъ наказанія, а такимъ же способомъ присвоенную недвижимость судъ обязанъ присудить при извѣстныхъ условіяхъ похитителю! Хотя пріобрѣтательная давность по закону распространяется въ равной мѣрѣ какъ на недвижимость, такъ и на движимость, но вышеуказанная разница

въ судьбѣ недобросовѣстнаго владѣнія тѣмъ и другимъ имуществомъ объясняется тѣмъ, что движимость можно спрятать или имѣть постоянно при себѣ, и присвоеніе или похищеніе ея выражается въ томъ, что ее уносятъ, а недвижимость гораздо труднѣе охранить, обладаніе ею не связано съ обязательнымъ пребываніемъ на ней ея собственника, завладѣніе же ею, тайное—въ видѣ незамѣтныхъ захватовъ ея съ краевъ, или обманное—въ видѣ разныхъ дѣйствій лицъ, допущенныхъ самихъ же собственникомъ на свою землю въ качествѣ управляющихъ или арендаторовъ, и т. д., имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Напр., арендаторъ можетъ заявить, что онъ пріобрѣлъ отданную ему въ аренду недвижимость въ собственность по давности владѣнія, такъ какъ десять лѣтъ не платилъ аренды и владѣлъ недвижимостью какъ своею собственностью. Тогда уже собственникъ долженъ доказывать, что это невѣрно, что онъ получалъ аренду. Это не всегда легко доказать. А если онъ этого не докажетъ, то судъ поставленъ въ необходимость санкціонировать нѣчто очень похожее на грабежъ. Или бываетъ такъ, что кѣмъ-либо куплено имѣніе, а когда покупщикъ начинаетъ провѣрять границы, то оказывается, что цѣлый рядъ участковъ захваченъ посторонними лицами, которыя ссылаются на свою давность владѣнія и указываютъ въ подтвержденіе этого на свидѣтелей. Случается, что показаніями двухъ, трехъ свидѣтелей неизвѣстнаго достоинства такая давность подтверждается, и это доказательство оказывается тогда сильнѣе всякихъ купчихъ или иныхъ крѣпостей, дорого стоившихъ и ничего не охранившихъ. Во всякомъ случаѣ, соблазнъ такимъ своеобразнымъ способомъ пріобрѣсти чужую собственность настолько великъ, что въ судахъ трудно найти дѣло по спору о правѣ собственности на недвижимость, гдѣ та или другая сторона не дѣлала бы ссылки на давность владѣнія и не шелъ бы спросъ свидѣтелей по этому вопросу. Въ результатѣ выходитъ крайне необезпеченное обладаніе недвижимостью и заваленность судовъ спорами о правѣ собственности на недвижимость.

Между тѣмъ, еще 24 столѣтія тому назадъ, во времена Римской республики и XII таблицъ, когда захватъ ничьей земли и давность владѣнія были обычными способами пріобрѣтенія, обязательно требовались для пріобрѣтательной давности не только добросовѣстность владѣнія (bona fides), но и юридическое основаніе такого владѣнія (justus titulus).

Въ „Дигестахъ“ высказано, между прочимъ, слѣдующее основное юридическое положеніе: „Nemo ex suo delicto meliorem suam conditionem facere potest“, т.-е.: „никто изъ своего правонарушенія не можетъ выводить лучшее для себя положеніе“. Деликтъ, т.-е. сознательное нарушеніе чужого права, по римскому праву долженъ влечь

за собой лишь отвѣтственность, но не обогащеніе. Это правило не только права, но и нравственности, нашимъ закономъ, какъ оказывается, не всегда признается. Еслибы оно было помѣщено въ нашихъ законахъ, то было бы немыслимо толкованіе, что *недобросовѣстное* владѣніе, если оно продолжалось непрерывно десять лѣтъ, приводитъ къ пріобрѣтенію имущества въ собственность.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ далеки мы еще отъ надлежащей охраны индивидуальныхъ правъ и личной собственности. Съ одной стороны у насъ нагромождено много вредныхъ препонъ для всякой личной иниціативы и самостоятельной дѣятельности, а съ другой стороны недостаточно охранена эта личность даже въ дѣлѣ обладанія своимъ собственнымъ имуществомъ...

Э. А. Шильдеръ-Шульднеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906.

I.

— Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), составленный профессорами Д. И. Багалѣемъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ. Изданіе университета.—Харьковъ, 1906.

Настоящій очеркъ является первымъ изъ серіи изданій, предпринятыхъ харьковскимъ университетомъ къ исполнившемуся въ 1905 г. столѣтнему юбилею. Очеркъ имѣетъ цѣлью дать вкратцѣ понятіе о заслугахъ харьковскаго университета, какъ *учебнаго* заведенія и учрежденія *ученаго* и *просвѣтительнаго*. По содержанію своему онъ распадается на четыре періода, обусловленныхъ введеніемъ въ дѣйствіе и характеристикой дѣятельности уставовъ 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. Дѣйствительно, введеніе въ дѣйствіе новыхъ уставовъ соотвѣтствовало обыкновенно крупнымъ измѣненіямъ въ отношеніи правительства къ университетамъ и къ университетской наукѣ, а измѣненія эти налагали каждый разъ рѣзкій отпечатокъ на весь характеръ университетской науки и жизни. Нѣкоторыя черты изъ исторіи харьковскаго университета интересны тѣми мѣстными данными, которыя пополняютъ обширный, но пока еще разбросанный матеріалъ исторіи университетскаго просвѣщенія въ Россіи, въ борьбѣ его за свою независимость и свободу. Историкъ харьковскаго университета могъ начать свой трудъ указаніемъ на ту особенность, что возникновеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ общественной иниціативѣ, украшенной именемъ замѣчательнаго для своего времени дѣятеля, В. Н. Каразина. Первые годы были вообще благопріятны для развитія университета. По уставу 1804 года харьковскій университетъ пользовался такою широкою автономіею, какой не давалъ русскимъ университетамъ ни

одинъ изъ послѣдующихъ уставовъ. Въ основу его было положено коллегіальное начало, при чемъ университетъ ставился во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ—во главѣ всѣхъ среднихъ и высшихъ школъ. Въ отношеніи научныхъ занятій уставъ признавалъ необходимость развитія ученыхъ обществъ, ученыхъ путешествій заграницу и широкаго общенія со студентами на почвѣ научныхъ бесѣдъ. „Изъ этого видно,—говоритъ историкъ,—что уставъ 1804 года явился результатомъ просвѣтительныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми проникнуты были лучшіе дѣятели западно-европейскаго общества и университетовъ, а вмѣстѣ съ ними имп. Александръ. Правда, уставъ этотъ отличался теоретическимъ характеромъ и мало считался съ условіями русской дѣйствительности; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе университеты не имѣли корней въ нашемъ историческомъ прошломъ, и, такимъ образомъ, сама жизнь должна была сдѣлать ему испытаніе; огромнымъ же достоинствомъ его было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, ни университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ общественной дѣятельности всѣ живыя силы профессорской корпораціи и создать мало-помалу добрую университетскую традицію, подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграницы. Этотъ вызовъ иностранцевъ былъ необходимъ, особенно на первыхъ порахъ—Россія часто должна была обращаться къ роднику знаній, Западной Европѣ,—но уставъ 1804 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи одну чрезвычайно справедливую и разумную оговорку: при избраніи адъюнктовъ „природные россіяне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны были быть предпочитаемы чужестраннымъ".

Однако пользоваться свободой харьковскому университету пришлось недолго. Уже съ 1811 г. широта университетской автономіи вызвала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія недовѣріе, которое, развиваясь и отражая на себѣ всѣ перипетіи правительственнаго отношенія къ наукѣ, на судьбѣ харьковскаго университета сказывалось вторженіями въ коллегіальную независимость попечительской власти и, въ извѣстной зависимости отъ этого, приводило къ ослабленію научной дѣятельности, къ равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ, къ преобладанію узкихъ, эгоистическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, университетъ занялъ прочное положеніе въ мѣстномъ обществѣ, благодаря просвѣтительнымъ вліяніямъ профессоровъ. Важнымъ средствомъ общенія въ этомъ отношеніи были актовыя рѣчи, которымъ общество придавало важное значеніе въ виду поднимаемыхъ имъ общихъ вопросовъ и доступной формы изложенія. „Публика привыкла къ этой формѣ собесѣдованія съ нею: авторы такимъ способомъ могли удобнѣе всего бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, ока-

зывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая, въ свою очередь, внимательно слушала, что̀ скажутъ ей представители науки. Нужно сознаться, что профессора того времени, особенно перваго десятилѣтія, умѣли выбирать живыя, интересныя темы, могшія, какъ увидимъ далѣе, имѣть образовательное значеніе. Въ первое десятилѣтіе число научныхъ работъ у профессоровъ иностраннаго происхожденія было нѣсколько выше, чѣмъ у ихъ русскихъ товарищей; но вообще можно сказать, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились на пользу науки; только сочиненія на русскомъ языкѣ имѣли большее распространеніе у читателей".

Особеннымъ распространеніемъ и уваженіемъ пользовались рѣчи на философскія темы, которыя уносили мысль въ область возвышенныхъ интересовъ, вызывая ее на умственный трудъ, истинная цѣнность котораго еще далеко не была признана современнымъ обществомъ. Въ другихъ актовыхъ рѣчахъ затрогивались вопросы, которые, въ глазахъ мѣстной аудиторіи, должны были пріобрѣтать важное общественное значеніе: доказывалась польза наукъ и просвѣщенія, превосходство общественнаго образованія надъ частнымъ, домашнимъ, разъяснялось вліяніе университетовъ на культуру и благосостояніе народа и т. д.

Съ теченіемъ времени научная и журнальная дѣятельность членовъ ученой коллегіи или корпораціи, благодаря начальственному управленію цензуры, мало-по-малу заглохла, и къ концу третьяго десятилѣтія своего существованія университетъ впалъ въ „ученую летаргію", по выраженію помощника попечителя гр. Панина, которую этотъ почтенный дѣятель старался излечить энергическими распоряженіями. „По его собственнымъ словамъ, для возстановленія *увядшаго* достоинства университета, онъ *приказалъ* ускорить изданіе цѣлаго ряда сочиненій, „назначалъ" Черняеву и Каленниченку составить руководство для украинскаго садоводства, „велѣлъ" проф. Криницкому отправиться въ Крымъ для изслѣдованій и „поручилъ" проф. Шагину начать астрономическія наблюденія. Гр. Панинъ, очевидно, думалъ, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и порученіями, забывъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно горѣть въ сердцахъ „священное пламя любви къ просвѣщенію", т.-е. существовать живая внутренняя потребность для развитія научной университетской жизни въ теченіе второго и третьяго десятилѣтія, и для возстановленія ихъ нужно было воздѣйствіе благопріятныхъ условій въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени".

Уставъ 1835 г. былъ проникнутъ совершенно иными началами, чѣмъ уставъ 1804 г. Въ новомъ уставѣ дѣйствительно вырази-

лись общій духъ и режимъ царствованія имп. Николая Павловича. Въ основу были положены три миѳическіе кита нашей государственности, какъ она понималась въ Николаевскую эпоху, — православіе, самодержавіе и народность. Авторъ очерка даетъ подробную характеристику устава 1835 г., который выразился главнымъ образомъ усиленіемъ попечительской власти и особенно въ ограниченіи университетской автономіи. Европейскія событія 1848 г. заставили правительство предпринять еще новыя, дополнительныя мѣры, имѣвшія цѣлью оградить русскіе университеты отъ бурь, „волнующихъ окрестныя государства". Такъ, была усилена дисциплина и строгости экзаменовъ „для очищенія университетовъ", сокращены программы политическихъ и юридическихъ наукъ, комплектъ студентовъ ограниченъ 300 чел., запрещены научныя поѣздки заграницу; даже министръ Уваровъ не былъ въ состояніи быть исполнителемъ подобныхъ требованій,—съ нимъ случился нервный ударъ, и въ 1849 г. онъ вышелъ въ отставку. Назначая преемникомъ Уварову кн. Ширинскаго-Шихматова, Николай Павловичъ сказалъ ему: „Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному ученію". Новый министръ постарался оправдать довѣріе государя. Онъ еще болѣе сократилъ дѣйствіе выборнаго начала и заботился болѣе всего о централизаціи министерской власти и объ инструкціяхъ по надзору за университетскимъ преподаваніемъ. „Въ 1849 г. министръ вошелъ съ докладомъ объ исключеніи изъ программъ государственнаго права. Государь положилъ резолюцію: „дѣльно, совершенно лишнее". Въ 1850 г. упразднено было преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, а взамѣнъ ея поручено было чтеніе логики и психологіи преподавателямъ богословія". Въ харьковскомъ университетѣ этотъ режимъ отразился на исторіи съ магистерской диссертаціей Н. И. Костомарова „объ уніи", которая, какъ извѣстно, была сожжена. Въ провинціи не было недостатка въ попечителяхъ, которые являлись ревностными исполнителями просвѣтительныхъ заботъ центральной власти. Вотъ что̀ разсказываетъ историкъ о попечительствѣ Кокошкина: „Попечительство Кокошкина было печальною эпохою въ исторіи Харьковскаго университета какъ потому, что оно совпало съ самой тяжкой реакціей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ отчасти и вслѣдствіе личныхъ особенностей самого попечителя, генералъ-губернатора. По словамъ Депуле, „довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ поэтическихъ вольностей въ студенческомъ костюмѣ. Онъ началъ останавливать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ костюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ,—требовалъ строгаго

отчета, почему они все „шатаются“ по городу, а не сидятъ дома и „не учатъ уроковъ“. Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія“. Въ результатѣ „было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе minimum'а уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли навѣки; умственная „тишь и гладь“, т.-е. посредственность и духовная нищета стали считаться идеаломъ, „Божьею благодатью“; харьковскіе натуралисты поспѣшили именемъ Кокошкина назвать какое-то растеніе „Кокошкинія метельчатая“.

Въ 1863 г. былъ утвержденъ новый уставъ, который историкъ харьковскаго университета называетъ „славнымъ въ лѣтописяхъ университетской жизни“. Этотъ уставъ дѣйствительно предопредѣлилъ развитіе университетовъ на двадцать лѣтъ и постоянно привлекалъ къ себѣ вниманіе и въ послѣдующее время, какъ противоположность тѣмъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, которыми характеризовался послѣдующій уставъ. Въ жизни харьковскаго университета періодъ дѣйствія этого устава ознаменовался значительнымъ развитіемъ дѣятельности какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Примѣчательны два факта, выражающіе соціально-политическіе взгляды профессорской коллегіи реформированнаго харьковскаго университета. Одинъ изъ этихъ фактовъ представляетъ собой всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный совѣтомъ университета государю по поводу польскаго возстанія. Указавъ, что исторія произнесла свой приговоръ надъ посягательствами на цѣльность и нераздѣльность всероссійскаго государства, адресъ говоритъ: „Но, написавъ свой приговоръ кровью двухъ единоплеменныхъ народовъ, исторія предоставила будущему ихъ братское примиреніе путемъ уравненія и расширенія ихъ гражданскихъ правъ, удаленія тѣхъ преградъ, которыя постановило между ними прошедшее, и скрѣпленія ихъ кровнаго племенного союза силой взаимной любви и довѣрія для будущихъ историческихъ подвиговъ. Рядомъ дарованныхъ уже правъ, выраженнымъ Вашимъ Величествомъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и всепрощеніемъ, изреченнымъ въ день общаго христіанскаго примиренія, Вы предначертали, Государь, этотъ путь мира и любви, въ которыхъ заключается—мы вѣримъ—вѣрный долгъ спокойствія и благоденствія народовъ“. Другимъ фактомъ былъ отвѣтъ университетскаго совѣта на предложеніе министерства усилить занятія студентовъ, чтобы отвлечь ихъ отъ волненій. „Несомнѣнно до очевидности,—говорилось въ постановленіи совѣта,—что не только въ Россіи, но и въ странахъ, гдѣ наука уже давно пустила глубокіе корни, не отъ однихъ

университетовъ, но и отъ цѣлой совокупности государственныхъ и общественныхъ условій зависитъ полное возвышеніе уровня научнаго развитія студентовъ".

Объ уставѣ 1884 г. историкъ предпочитаетъ говорить больше фактами, чѣмъ общими характеристиками, но и при этомъ способѣ изложенія картина получается въ высокой степени яркая и удручающая. Профессора разсматриваются какъ чиновники государства, а студенты—какъ люди, готовящіеся нести государственную службу. „Ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою". Но „вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ не противодѣйствуя имъ ни явно, ни скрытно".

Какъ приведенныя „соображенія", такъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ убѣждаютъ историка въ томъ,—„что при составленіи устава 1884 г. не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями"...

Такъ изъ исторіи мѣстныхъ университетовъ складывается въ общественномъ сознаніи печальная въ существѣ своемъ картина, наглядно иллюстрирующая то близкое къ всеобщему признанію положеніе, что именно конфликту русской власти съ „чистой независимой наукой" наше общество и народъ обязаны тѣмъ, что наша культура до послѣдняго времени оставалась безъ того воздѣйствія этой науки, которое помогло бы пріобщить ихъ въ культурномъ и политическомъ отношеніи къ семьѣ европейскихъ народовъ.

II.

— Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й. Тунгусы собственно. Спб. 1906.

Эта обширная работа представляетъ прежде всего тотъ интересъ, что она исполнена на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи, причемъ авторъ воспользовался и тою частью переписного матеріала, касающеюся населенія Сибири, которая, заключая весьма цѣнныя свѣдѣнія статистическаго, географическаго и этнографическаго характера, не подлежала обнародованію въ общемъ изданіи результатовъ переписи. „Съ этой цѣлью,—говоритъ Паткановъ,—онъ (авторъ) посвятилъ свои досуги послѣднихъ восьми лѣтъ на изученіе

переписного матеріала, касающагося Сибири, на составленіе самыхъ подробныхъ выборокъ изъ него, которыя были совершены частью имъ самимъ и частью,—въ виду невозможности единолично окончить всю работу ко времени окончанія разработки переписи, когда использованный матеріалъ подлежалъ быть проданнымъ на бумагу,—опытными лицами подъ его личнымъ наблюденіемъ и при его провѣркѣ; затѣмъ автору пришлось заняться группировкой полученнаго матеріала въ таблицы, изученіемъ литературы предмета и, наконецъ, составленіемъ сводовъ, обобщеній и выводовъ изъ всего накопленнаго матеріала, а также племенныхъ картъ". Настоящая работа, какъ видно изъ предисловія, служитъ лишь началомъ аналогичныхъ работъ, которыя охватятъ полные списки населенныхъ мѣстъ Сибири, гдѣ обитаютъ инородцы, съ показаніемъ численности въ нихъ представителей отдѣльныхъ народностей, съ подробной пояснительной племенной картой Сибири и, затѣмъ, положатъ начало научнымъ изслѣдованіямъ въ области географіи и статистики туземныхъ племенъ Сибири.

Работы г. Патканова, не заключая въ себѣ результатовъ непосредственнаго изученія, цѣнны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ предпринимается опытъ широкаго обобщенія. Несмотря на существованіе обширной литературы, охватывающей почти всѣ стороны сибирской жизни и заключающей въ себѣ цѣнные вклады по этнографіи, экономикѣ и лингвистикѣ, изученіе нашихъ инородцевъ, съ точки зрѣнія ихъ географическаго распространенія, ихъ численности, естественнаго прироста, родового устройства и т. д., представляется автору все еще въ зачаточномъ состояніи. Авторъ объясняетъ это въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство изслѣдователей края могли посѣтить и изучить сравнительно лишь небольшіе районы Сибири и были притомъ часто ограничены во времени и средствахъ; обширный же и разнородный литературный матеріалъ, не обобщенный и критически не разработанный, доступенъ лишь немногимъ спеціалистамъ. „Вслѣдствіе этого почти всѣ географіи, этнографіи, руководства по народовѣдѣнію, а также племенныя карты, поскольку онѣ затрогиваютъ сибирскихъ аборигеновъ, въ большей или меньшей степени грѣшатъ противъ истины, а нѣкоторыя изданія прямо повторяютъ изъ года въ годъ заимствованныя изъ прежнихъ и часто устарѣлыхъ сочиненій невѣрныя свѣдѣнія, пріобрѣтшія, такимъ образомъ, какъ бы въ силу давности, права гражданства".

Первый выпускъ посвященъ краткой общей характеристикѣ тунгусскихъ племенъ Сибири и затѣмъ, главнымъ образомъ, вопросу о географическомъ распространеніи и численности тунгусовъ. Группируя въ одно цифровыя данныя о численности тунгусовъ въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ Сибири, авторъ получаетъ цифру наличнаго

тунгусскаго населенія, по даннымъ переписи 1897 года, въ 62.068 душъ обоего пола (31.375 м.). Что касается плотности населенія, то осѣдлая и полуосѣдлая части населенія тунгусовъ (ок. 33.500 душъ) оказываются живущими сравнительно густо (74,2 д. на 1 кв. милю въ Читинскомъ округѣ), бродячая же часть племени (до 28.600 д.) раскинулась на огромномъ пространствѣ, занимающемъ не менѣе 3.600 тысячъ квадратн. верстъ, что, даже принимая во вниманіе постороннихъ жителей, обитающихъ въ чисто тунгусскихъ районахъ, не составитъ и 0,01 д. на кв. версту.

Второй выпускъ содержитъ въ себѣ рядъ очерковъ изъ исторіи и быта тунгусовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ не лишены общественнаго значенія, выходя изъ рамокъ спеціальной темы. Такова, напримѣръ, глава, гдѣ авторъ останавливается на вопросѣ о вымираніи бродячихъ тунгусовъ и выясняетъ его причины. Главную причину вымиранія авторъ видитъ въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, которыя съ каждымъ годомъ ухудшаются: падаетъ охотничій промыселъ, падаетъ оленеводство, а помощи, конечно, получить не отъ кого. Невольно напрашивается тотъ же вопросъ, который ставилъ г. Тюшовъ въ своей книгѣ о Камчаткѣ: что сдѣлало русское правительство за двухсотлѣтній періодъ обладанія этимъ богатѣйшимъ краемъ. „При прогрессирующемъ уменьшеніи звѣря и дичи,—читаемъ въ названной главѣ,—и упадкѣ оленеводства инородцы естественно бѣднѣютъ, попадаютъ въ неоплатные долги и, не имѣя подъ конецъ ни откуда помощи, подвергаются періодическимъ голодовкамъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ длятся не только весеннее время, какъ, напр., у части якутовъ, но мѣсяцы и даже бо́льшую часть года. Случаи смерти отъ голода у нихъ весьма нерѣдки; иногда отъ этой причины вымираютъ цѣлыя семьи и стойбища, не говоря уже о томъ, что подобное обнищавшее и полуголодное населеніе легче всего падаетъ жертвой всевозможныхъ болѣзней и показываетъ склонность къ вымиранію“. Нужда толкаетъ тунгусовъ въ кабалу къ якутамъ и русскимъ. Кабала эта состоитъ въ томъ, что денежные люди ссужаютъ ихъ подъ обезпеченіе будущаго улова и промысла разнородными припасами и предметами первой необходимости, съ такимъ разсчетомъ, чтобы за тунгусами всегда оставались значительныя суммы долга, съ которымъ они не были бы въ состояніи раздѣлаться даже въ благопріятные для промысла годы. Средняя тунгусская семья должна такимъ кредиторамъ отъ двухсотъ до пятисотъ рублей. Еще недавно якуты за взятые тунгусомъ сто рублей получали отъ него сотню оленей, стоимостью среднимъ числомъ до восьмисотъ рублей. Приходя къ выводу, что теперь всѣ тунгусы обѣднѣли и зажиточные уже не могутъ кормить бѣдныхъ, какъ прежде, г. Патканов цитируетъ извѣст-

наго изслѣдователя Якутской области г. Майнова, который такъ изображаетъ судьбу обѣднѣвшаго тунгуса: „Участь тунгуса, если онъ не богатъ, вездѣ одинакова, будетъ ли онъ бродить въ лѣсу и горахъ за пушною добычей, или же водворится на покосахъ и пастбищахъ, которые ему не принадлежатъ: вездѣ его подстерегаетъ жадный къ наживѣ и готовый къ услугамъ якутъ, вездѣ караулятъ его кабала, задолженность, нужда и горе со всѣми ихъ роковыми послѣдствіями".

Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ очеркъ—„Нѣкоторыя этнографическія черты тунгусовъ", гдѣ весьма любопытны замѣчанія о ясакѣ и кредитной системѣ тунгусовъ. Изъ другихъ очерковъ останавливаютъ на себѣ вниманіе главы о приростѣ тунгусовъ, ихъ ассимиляціи, родахъ тунгусовъ и ихъ численности. Нечего и говорить, что главное значеніе книги основывается на географическихъ и статистическихъ данныхъ. Литературой предмета г. Патканов пользуется постольку, поскольку это ему необходимо для болѣе полнаго и нагляднаго изображенія предмета.

III.

— Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. I. Часть первая. Спб., 1905.—Часть вторая. Спб., 1906.

На тѣхъ, кто знаютъ, какія скудныя средства отпускаются въ распоряженіе Географическаго Общества, настоящее изданіе не можетъ не произвести впечатлѣнія самой пріятной неожиданности. Превосходно выполненныя таблицы, прекрасная бумага, четкій, крупный шрифтъ—все это мы привыкли видѣть въ трудахъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, а въ Россіи привыкли мириться съ обычнымъ, довольно сѣренькимъ типомъ научныхъ изданій, наглядно показывающихъ, насколько наука не въ авантажѣ у распоряжающихся судьбами нашего просвѣщенія. Но г. Козлову посчастливилось. Какъ видно изъ вступительнаго очерка, Географическому Обществу въ снаряженіи экспедиціи помогло военное министерство, посодѣйствовавшее тому, что въ апрѣлѣ 1899 г. на расходы по экспедиціи было отпущено 42.000 рублей. П. К. Козловъ участвовалъ до этого въ трехъ большихъ экспедиціяхъ — Пржевальскаго, М. В. Пѣвцова и В. П. Роборовскаго. Авторъ осуществилъ до извѣстной степени мысль Пржевальскаго, собиравшагося предпринять особое (пятое) путешествіе для изслѣдованія природы Кама (крайняго востока Тибета). Цѣною утомительнаго путешествія, продолжавшагося два съ половиной года,

сопровождавшагося многими приключеніями и едва не стоившаго жизни участникамъ экспедиціи, г. Козлову удалось достигнуть Кама и провести въ немъ нѣкоторое время, но проникнуть въ средній Тибетъ не пришлось.

Во время пути авторъ велъ дневникъ, въ которомъ отмѣчалъ, какъ научныя наблюденія, такъ и впечатлѣнія, встрѣчи, различные эпизоды. Въ обработанномъ видѣ дневникъ этотъ и составилъ двухъ-томное описаніе, представляющее, помимо научной цѣнности, большой общій интересъ. Этому содѣйствуетъ прежде всего значительный этнографическій элементъ: авторъ вездѣ, гдѣ возможно, останавливается на нравахъ и обычаяхъ жителей, на особенностяхъ ихъ жилища, на ихъ одеждѣ, вооруженіи, орудіяхъ производства, предметахъ культа и т. д. Все это сопровождается превосходными фотографическими снимками, еще болѣе усиливающими занимательность книги.

На Алтаѣ г. Козловъ встрѣтилъ весьма любопытнаго человѣка—старовѣра Рахманова, одного изъ тѣхъ искателей удачи и „свободы вѣры", которые выразили собой, наглядным образомъ, тотъ бродильный элементъ славянской расы, который, на протяженіи русской исторіи, взялъ верхъ надъ упорствомъ финской и неустрашимостью монгольской крови. Лѣтъ сорокъ тому назадъ и онъ искалъ того миѳическаго „бѣловодья", которое и понынѣ составляетъ завѣтную мечту уральскихъ и отчасти печорскихъ старовѣровъ. „Въ 1859 г.—разсказываетъ г. Козловъ,—крестьянинъ деревни Корбихи, Хрисанфъ Бобровъ отправился „ходокомъ" вмѣстѣ съ двумя близкими семьями за хребетъ Нарымскій и далѣе по направленію къ югу. Миновавъ на своемъ пути озеро Улюнгуръ, городъ Карашаръ, онъ вступилъ на нижній Таримъ и, продолжая двигаться въ томъ же южномъ направленіи, прибылъ на Лобъ-норъ. Достигнувъ послѣдняго и предполагая, что въ такой дали, среди мирныхъ магометанъ и теплаго климата, въ связи съ другими удобствами страны, старовѣры могутъ жить привольно, Бобровъ оставилъ своихъ спутниковъ, а самъ, ободренный успѣхомъ, возвратился тѣмъ же путемъ въ Алтай. Разсказами о путешествіи, а главное о благахъ и богатствахъ Лобъ-нор'а, предпріимчивый алтаецъ настолько увлекъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, что въ скоромъ времени туда былъ снаряженъ большой караванъ, съ которымъ отправилось до 50-ти семействъ или свыше 200 человѣкъ. Старовѣры, везя съ собою необходимый скарбъ, въ то же время запаслись, подобно купцамъ, въ цѣляхъ мѣновой торговли, и кое-какимъ товаромъ, преимущественно ситцемъ, ластикомъ, дешевымъ сукномъ и немногими другими. Охотники имѣли за плечами ружья. До города Карашара путешествіе алтайцевъ шло сравнительно благополучно, но, вступивъ въ прилежащія къ Баграшъ-кул'ю, съ юга, пустынныя горы

Курукъ-тагъ, они принуждены были, послѣ тяжкихъ скитаній, оставить ихъ и возвратиться въ сосѣдній Карашару городъ—Курля. Здѣсь мѣстное начальство разрѣшило скитальцамъ отдохнуть нѣсколько дней и обстоятельно снарядиться въ дорогу, но предварительно потребовало отъ старовѣровъ ружья, которыя были затѣмъ возвращены имъ только въ день выступленія въ дальнѣйшій путь. На вопросъ китайскаго начальника города: „куда идете?"—старовѣры отвѣтили: „въ тихія мѣста изъ за притѣсненія вѣры". Въ 1860-мъ году старовѣры, наконецъ, достигли „обѣтованной земли", поселившись частью въ селеніи Чархалыкъ, частью въ его окрестностяхъ—гдѣ ближе, гдѣ дальше отъ озера Лобъ-нор'а. „Сѣвъ на землю", русскіе крестьяне устроили землянки и завели хлѣбопашество. Мѣстные туземцы относились къ нимъ хорошо, и они жили во взаимной дружбѣ. Тѣмъ не менѣе старовѣры скоро разочаровались: богатѣйшая, каковой казалась издали, страна Лобъ-норъ, далеко не оправдала надеждъ вблизи, добровольно же покинутый родной, богатый Алтай сталъ, въ новомъ представленіи скитальцевъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ!.."

Здѣсь все характерно—и мотивы, по которымъ старовѣровъ потянуло на новыя мѣста, и способъ исканія, и въ особенности отношеніе къ нимъ туземцевъ. И позже, когда Рахмановъ возвращался обратно и прибылъ въ оазисъ Са-джоу, мѣстныя власти не притѣсняли старовѣровъ, старались лишь вѣжливо уговорить скорѣе идти дальше, не засиживаясь въ городахъ. Вообще, по разсказамъ Рахманова, китайцы и магометане были предупредительны и любезны, особенно съ тѣми старовѣрами, которые имѣли отъ консуловъ паспорта, говоря имъ: „вы наши гости". Разсказы подобнаго рода — лишь незначительные эпизоды изъ исторіи странствованія многихъ русскихъ людей, пытливо ищущихъ новыхъ мѣстъ, гдѣ оказался бы полный просторъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, ихъ предпріимчивости, энергіи, природной смѣткѣ.

Въ этнографическомъ отношеніи интересны послѣднія главы перваго выпуска, заключающія въ себѣ очерки цайдамскихъ монголовъ, ихъ внѣшній бытъ, семейные обычаи, занятія, юридическія понятія; въ числѣ приведенныхъ пословицъ встрѣчаются весьма характерныя, рисующія жизненные взгляды монголовъ. Во второмъ выпускѣ, вообще болѣе богатомъ этнографическими чертами, особенно интересны главы о восточномъ Тибетѣ и его обитателяхъ, объ округѣ Лхадо, о населеніи Дза-чю-кава, гдѣ авторъ собралъ цѣнныя свѣдѣнія о чертахъ внутренняго управленія, о правѣ собственности, о различныхъ обычаяхъ и обрядахъ, а также объ округѣ Алашань (южной Монголіи). О дикости страны и опасностяхъ путешествія живо знакомятъ главы, гдѣ авторъ изображаетъ случаи враждебнаго отношенія туземцевъ

къ экспедиціи, которой пришлось отражать нападенія нѣкоторыхъ племенъ и вообще быть въ боевой готовности. Однажды, при нападеніи лингузцевъ, маленькому отряду пришлось отбиваться отъ нѣсколькихъ сотенъ нападавшихъ дикарей, и только хорошія дальнобойныя винтовки спасли отрядъ отъ поголовнаго истребленія. Повсюду въ книгѣ разбросано много чертъ, рисующихъ положеніе тибетскаго духовенства и монастырей.

Къ обоимъ выпускамъ приложены карты.

IV.

— Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Исторія русской интеллигенціи. Изданіе В. М. Саблина. М. 1906.

Новая книга Д. Н. Овсянико-Куликовскаго относится къ числу такихъ литературныхъ явленій, которыя важны прежде всего тѣмъ, что въ нихъ ставится на очередь цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ литературно-общественнаго изученія. Она отличается тѣми же качествами, которыя давно уже поставили автора въ ряды лучшихъ изслѣдователей нашихъ въ области родной литературы, и читается съ неостывающимъ интересомъ. „Предлагаемая книга не претендуетъ на титулъ исторіи русской художественной литературы. Задача автора состояла въ томъ, чтобы прослѣдить, въ историческомъ порядкѣ (начиная съ 20-хъ годовъ), послѣдовательное развитіе и смѣну нашихъ общественно-психологическихъ типовъ, созданныхъ самой жизнью и нашедшихъ свое художественное воплощеніе въ извѣстныхъ образахъ—Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Рудина и т. д. Это, стало быть, не исторія русской литературы, а исторія русской интеллигенціи, изучаемая по даннымъ или по „итогамъ“ художественной литературы, которые авторъ старался провѣрить и комментировать данными литературной критики, мемуаровъ, писемъ и другихъ документовъ соотвѣтственной эпохи“. Сообразно съ задачею труда, авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія и даже безъ упоминанія тѣ первостепенныя произведенія нашей художественной литературы, которыя, представляя большой историко-литературный интересъ, или не относились по сюжету къ изучаемой эпохѣ, или не воспроизводили типовъ мыслящей части общества. „Авторъ не претендовалъ,—говорится далѣе въ предисловіи,—на полноту изложенія и оставилъ въ сторонѣ или упустилъ многое, что могло бы дать различнаго рода указанія и поясненія по вопросамъ, разсматриваемымъ въ этой книгѣ. Такъ, между прочимъ, обойденъ знаменитый романъ Герцена „Кто виноватъ?“ съ централь-

ною фигурою Бельтова, откуда можно было бы извлечь немало чертъ, характеризующихъ психологію передовыхъ дѣятелей времени. Это, несомнѣнно,—упущеніе, но оно отчасти извиняется тѣмъ, что фигура Бельтова не художественна; кромѣ того, этотъ пробѣлъ восполненъ характеристикою личности самого Герцена; вмѣсто не совсѣмъ удачнаго портрета взятъ его „оригиналъ", въ высокой степени типичный для эпохи".

Не претендуя на полноту изображенія русской интеллигенціи, изучаемой по даннымъ художественной литературы, авторъ, конечно, еще менѣе будетъ претендовать на полноту изображенія русской интеллигенціи вообще, въ той формѣ, въ какой эта исторія ощущается общественнымъ сознаніемъ, и съ этой стороны заглавіе книги обѣщаетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ то, что̀ дается ея содержаніемъ. По существу, это рядъ въ высокой степени интересныхъ этюдовъ по изученію идеологіи и психики русскаго типичнаго интеллигента, въ его трансформаціи и разновидностяхъ на протяженіи девятнадцатаго вѣка, причемъ задача автора ограничивалась лишь тѣмъ матеріаломъ, который представила ему художественная литература. Послѣдняя, при всей широтѣ ея захвата, далеко не имѣла возможности отразить всѣ и особенно крайнія теченія передовой общественной мысли и чувства, какъ не могло свободное слово выразить со всей непосредственностью любого момента всю полноту и остроту общественной духовной жажды. Какъ ни считается критика съ классовымъ характеромъ изображенія на протяженіи большей половины истекшаго вѣка, все же ей трудно, не прибѣгая къ постороннимъ свидѣтельствамъ, отрѣшиться, не сходя съ исторической почвы, отъ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на тотъ или иной типъ самъ авторъ. Этими посторонними свидѣтельствами могли бы быть записки современниковъ, мемуары, историческіе документы, въ которыхъ найдется не только обширный оправдательный матеріалъ для доказательства типичности художественныхъ изображеній, но и черты для исторіи индивидуализма въ русской интеллигенціи, для тѣхъ явленій, которыя нельзя подвести подъ опредѣленный типъ, но которыя сыграли во многихъ случаяхъ огромную роль при смѣнѣ міросозерцаній и настроеній въ такъ наз. переходныя эпохи. Авторъ сознаетъ это, отступая отъ своей первоначальной цѣли исходить изъ художественныхъ воплощеній и пользоваться мемуарами, письмами и т. д. лишь въ видѣ комментарія,— и давая, вмѣсто фигуры Бельтова, его „оригиналъ", типичный для эпохи, но интересно, куда авторъ отнесъ бы Чаадаева или Бакунина, которыхъ изъ исторіи русской интеллигенціи вычеркнуть невозможно. Весьма существеннымъ дополненіемъ къ обѣщанному въ началѣ книги, очевидно внѣ ея первоначальнаго плана, но въ извѣстной внутренней

связи, являются двѣ послѣднія главы, изъ которыхъ первая (XII) посвящена Н. А. Некрасову, а вторая (XIII)—сжатому очерку передовыхъ направленій 60-хъ годовъ и значенію дѣятельности Некрасова. Предыдущія же главы посвящены общественно-психологическому уясненію типовъ Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Рудина, Лаврецкаго, Тентетникова и Обломова.

Чтобы показать, насколько важны поднимаемые книгою г. Овсянико-Куликовскаго вопросы, укажемъ на слѣдующій фактъ. Авторъ останавливается на вопросѣ о розни между „отцами“ и „дѣтьми“, или, по терминологіи автора, на розни двухъ психологическихъ типовъ. „Представители разныхъ психологическихъ типовъ могутъ сходиться во взглядахъ, въ стремленіяхъ, въ идеалахъ, могутъ имѣть однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, но взаимное душевное, интимное пониманіе и сочувствіе устанавливается между ними съ большимъ трудомъ, и то — больше теоретически, чѣмъ практически; всего труднѣе имъ сговориться и понять другъ друга тогда, когда они сталкиваются въ жизни, среди однихъ и тѣхъ же условій времени, ибо на одинаковыя впечатлѣнія и воздѣйствія среды они реагируютъ различно въ силу различнаго уклада психики и, реагируя различно, по необходимости расходятся въ разныя стороны, поворачиваются другъ къ другу спиной. И часто различіе въ идеяхъ, во взглядахъ оказывается явленіемъ вторичнымъ,—не причиною разлада, а слѣдствіемъ уже существующей розни, обусловленной кореннымъ различіемъ душевныхъ организацій“. Чѣмъ вызывалось это различіе, почему на смѣну поколѣнія съ извѣстнымъ укладомъ душевныхъ силъ выступало поколѣніе съ совершенно другимъ укладомъ? Авторъ ставитъ этотъ вопросъ и сознаетъ, что это — „трудный вопросъ общественной психологіи“. Ставя своей цѣлью не столько раскрыть причины, сколько установить и описать фактъ коренного различія въ духовномъ обликѣ двухъ поколѣній эпохи, онъ, тѣмъ не менѣе, самой постановкой вопроса оказываетъ дѣлу изученія исторіи общественнаго развитія огромную услугу. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы безъ промежуточнаго объясненія, въ которомъ должны были бы принять участіе не только историки литературы и психологи, удовлетвориться дальнѣйшимъ выводомъ автора, что такъ назыв. люди сороковыхъ годовъ представляли—„по своему душевному складу, по преобладающему настроенію и по самому способу реагировать на получаемыя впечатлѣнія и умственныя возбужденія—*прямую противоположность* людямъ 20-хъ годовъ“? Столь же любопытны затронутые авторомъ вопросы о развитіи личности въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, о психологіи „лишнихъ людей“, а также о психологіи національности, которую (національность) авторъ разсматриваетъ какъ психологическую форму, а не

содержаніе, т.-е. содержаніе душевной жизни человѣка, мѣняющееся съ возрастомъ, степенями развитія и т. д., между тѣмъ какъ національность человѣка и народа остается въ своихъ основныхъ чертахъ измѣняющеюся крайне медленно, незамѣтно. Національные пути мышленія и дѣйствія авторъ опредѣляетъ какъ тѣ различныя дороги, которыя ведутъ въ одинъ и тотъ же Римъ—общечеловѣческихъ идеаловъ. Понимая такъ идею національности, авторъ рѣшительно отрицаетъ всякій націонализмъ. „Всякая національная программа заключаетъ въ себѣ—скрыто или явно—враждебное отношеніе къ другимъ націямъ. Національность, какъ таковая, а равно и ея данное историческое содержаніе не должны быть поставляемы цѣлью и возводимы въ идеалъ. Идеалъ одинъ—человѣчность, и онъ не можетъ быть національнымъ. Къ нему ведутъ національные пути мысли и дѣйствованія, но самъ онъ слагается не изъ этихъ путей, а изъ результатовъ мысли и дѣла, которые, по существу, интернаціональны и образуютъ общее достояніе, общее благо всего человѣчества". Какъ все психическое, разсуждаетъ далѣе авторъ, такъ и національность имѣетъ не только свою психику, но и психопатологію. Къ числу болѣзней и ненормальностей въ функціяхъ національнаго мышленія и дѣйствованія авторъ относитъ, съ одной стороны, націонализмъ цѣлей, политики, идеаловъ, а съ другой—извращенія указанныхъ функцій подъ вліяніемъ дефектовъ классовой психологіи. Такой именно случай наблюдаетъ авторъ въ обломовщинѣ. Въ картинѣ обломовщины раскрывается передъ нимъ „картина болѣзни" русской національной психики, иначе опредѣляемая авторомъ, какъ „гипертрофія" русскаго національнаго уклада мысли и воли. Этюдъ, посвященный изслѣдованію обломовщины, вмѣстѣ съ этюдомъ о Рудинѣ, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ въ книгѣ.

V.

— Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 годъ. Книга десятая. Спб. 1906.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ какомъ именно — неизвѣстно, совершается революція; въ другомъ царствѣ или странѣ—объ этомъ можно лишь догадываться—стоитъ въ горахъ обсерваторія. Въ этой обсерваторіи изучаетъ теченіе небесныхъ свѣтилъ знаменитый русскій ученый съ своими ассистентами; тутъ же, этажемъ ниже, живутъ его жена и дѣти.

Такова обстановка драмы г. Леонида Андреева „Къ звѣздамъ". Высокія молчаливыя горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, завываніе вѣтра, рефракторъ, какъ гигантскій людской глазъ, похищающій небесныя

тайны,—все это необычно, оригинально, все это создаетъ настроеніе и усиливаетъ интересъ къ драмѣ. Словно кусокъ жизни выхваченъ невѣдомой рукой изъ самаго ея горнила, чтобы показать, что и здѣсь, высоко надъ міромъ, въ сосѣдствѣ съ вѣчностью, она такая же страдающая, страстная, полная борьбы, обмановъ и лишеній. Съ большимъ талантомъ давая отдѣльныя яркія сцены и жизненные, мѣткіе очерки характеровъ, авторъ разбавилъ ихъ монотонностью длинныхъ разсужденій, холодомъ надуманности; онъ словно вылилъ ихъ изъ воска и далъ застыть въ холодномъ прозрачномъ воздухѣ горъ, и потому все роковое, ужасное, что подчасъ въ разсказахъ г. Андреева бываетъ такъ близко человѣческому сердцу, здѣсь только рисуется отчетливо, рѣзко, наглядно, но оставляетъ читателя безучастнымъ, не шевелитъ въ немъ глубокихъ отзывно-трагическихъ струнъ. Рисуетъ ли г. Андреевъ стараго астронома профессора—и этотъ образъ у него безспорно красивъ, съ мыслью, устремленной въ вѣчность, съ сердцемъ, раскрытымъ тайнамъ вселенной, среди которыхъ личныя привязанности и скорби занимаютъ лишь ничтожную частицу,—но этому образу не хватаетъ жизненной теплоты, энергіи, самооправданія въ томъ смыслѣ, что онъ—не бездушный механизмъ, воспринимающій теченіе свѣтилъ, а живой человѣкъ, съ живымъ, заблуждающимся мозгомъ, съ трепещущимъ сердцемъ и кровью, и когда сынъ его Николай, гордость его и всей семьи, борется на баррикадахъ, вся молодежь вокругъ него настроена революціонно, всѣ говорятъ объ ужасахъ революціи, о непримиримой борьбѣ, а профессоръ ужъ такъ, будто бы, увлеченъ своими исчисленіями, что ничего не замѣчаетъ и даже при извѣстіи о томъ, что Николай раненъ и въ тюрьмѣ, наивно спрашиваетъ: „развѣ тамъ еще убиваютъ? развѣ тамъ еще есть тюрьмы?“

И когда г. Андреевъ выводитъ Терновскаго изъ оцѣпененія и бросаетъ на него лучъ солнца, отъ котораго онъ оживаетъ и начинаетъ страдать и любить по-человѣчески, весь предыдущій образъ уничтожается, восковая фигура таетъ, и на минуту всѣ звѣзды, и луна, и солнце становятся ничто для него передъ скорбью о сынѣ, погибшемъ жертвою революціи. Правда, Терновскій спохватывается и утѣшаетъ себя и другихъ тѣмъ, что—„жизнь вездѣ; сейчасъ, въ эту минуту,—да, въ эту минуту!—родится кто-то—такой же, какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ—у природы нѣтъ повтореній“... Но читатель ему уже не вѣритъ; онъ увидалъ въ Терновскомъ живого человѣка, на мигъ сроднился съ нимъ и не хочетъ отдать его обратно холодному небу и безучастнымъ звѣздамъ. Что имъ до того моря людскихъ страданій, горя и слезъ, въ которомъ захлебывается міръ, въ которомъ гибнутъ лучшіе умы и благороднѣйшія сердца! отъ всплесковъ этого моря некуда уйти на

землѣ; они долетаютъ до вершинъ самыхъ высокихъ горъ и скоро, кажется, досягнутъ и до звѣздъ, и неправда, чтобы чуткое человѣческое сердце не могло содрогнуться отъ ужаса и могло бы растворить этотъ ужасъ въ идеѣ вселенной, сдѣлавъ его лишь ничтожнѣйшимъ атомомъ непостижимаго панпсихизма великой міровой жизни...

Прелестно задуманъ и обрисованъ нѣжными и мягкими чертами образъ жены Терновскаго—Инны Александровны. Въ основу его положена жизненная правда, можетъ быть вдумчивая наблюдательность въ сферѣ не „дѣтей вѣчности“ или „дѣтей солнца“ (оставимъ эти побрякушки!), а изъ среды обыкновенныхъ хорошихъ и сильныхъ душою людей, и все-таки этотъ образъ вышелъ блѣденъ и какъ-то малокровенъ у г. Андреева, можетъ быть потому, что онъ слишкомъ длительно рисовалъ его, въ перемежку съ совсѣмъ уже безкровными фигурами Житова, Поллака, Лунца, ассистентовъ стараго профессора. Въ другихъ лицахъ почти повсюду типичность замысла борется съ эскизностью исполненія: недурно очерчены типичныя разновидности дѣятелей революціонной борьбы, чета Верховцевыхъ, грубыхъ и самодовольныхъ, изъ числа людей, заслуги которыхъ тяжело отзываются на окружающихъ; ихъ такъ оттѣняетъ простой, скромный и мужественный рабочій Трейчъ, въ которомъ такъ и хочется видѣть типичнаго дружинника недавнихъ московскихъ событій. Революція вообще даетъ себя чувствовать на сценѣ: обсерваторія пріютила ея храбрѣйшихъ участниковъ, которые являются сюда, то ища убѣжища отъ ранъ и преслѣдованія, то запасаясь новыми силами и средствами для продолженія борьбы. Роковымъ, связующимъ звеномъ для большинства различныхъ по своему складу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, родственныхъ между собою людей является трагическая судьба старшаго сына Терновскихъ, Николая, раненаго при вооруженномъ возстаніи, избитаго въ тюрьмѣ и потерявшаго разсудокъ. „Какъ садовникъ, жизнь срѣзываетъ лучшіе цвѣты,—но ихъ благоуханіемъ полна земля“... Примѣръ Николая не устрашаетъ, но, напротивъ, воспламеняетъ чистыя сердца. Чистое сердце—это Маруся, и она же—единственное въ пьесѣ лицо, о которомъ можно сказать, что оно—горячее сердце. Эта дѣвушка, непосредственная, порывистая, согрѣваетъ всю пьесу. Когда Терновскій произноситъ торжественную тираду о безконечныхъ пространствахъ, о мракѣ преисподней, откуда, на зовъ его, выползаетъ „трепещущая тайна“ и, радуясь, онъ говоритъ „въ вѣка и пространства“, привѣтствуя сына вѣчности,—Маруся не раздѣляетъ его холоднаго, примирительнаго экстаза, и рѣчь ея—простая, трогательная рѣчь—полна протестующаго чувства. „Но смерть, но безуміе,—восклицаетъ она,—но дикое торжество рабовъ? Отецъ, я не могу уйти отъ земли, я не хочу уходить отъ нея: она такъ несчастна. Она дышетъ ужасомъ и

тоской,—но я рождена ею и въ крови моей я ношу страданія земли. Мнѣ чужды звѣзды, я не знаю тѣхъ, кто обитаетъ тамъ.—Какъ подстрѣленная птица, душа моя вновь и вновь падаетъ на землю".

У г. Горькаго въ „Дѣтяхъ солнца", въ отвѣтъ на томленіе Лизы о темныхъ норахъ, въ которыхъ живутъ слѣпые кроты, художникъ Вагинъ гордо заявляетъ о новой породѣ людей:

Какъ искры въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней будущаго зёрна!
Мы въ ней—грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты—
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

Въ пьесѣ г. Андреева нѣтъ орловъ, но есть уже орлята,—Инна Александровна такъ и называетъ свою молодежь. Но ассоціаціи, изъ которыхъ рождаются эти прообразы, различны у обоихъ писателей: орлы г. Горькаго хищны, жадны до жизненныхъ благъ, сильны индивидуализмомъ своей воли. Орлята г. Андреева символизуются инымъ образомъ—образомъ желѣзной клѣтки, въ которой „сидитъ за рѣшеткой въ темницѣ сырой—вскормленный на волѣ орелъ молодой", и когда онъ вырвется на волю, онъ не бросится за добычей, а полетитъ къ своимъ товарищамъ—спасать и освобождать ихъ. Маруся у г. Андреева и является чуднымъ прообразомъ дѣйственной любви къ свободѣ и людямъ, и читатель ни на минуту не усомнится повѣрить ей, когда она говоритъ, что она пойдетъ въ жизнь и принесетъ туда, какъ святыню, все, что осталось отъ Николая—его мысль, его чуткую любовь, его нѣжность, чтобы поддержать вѣчный огонь въ тѣхъ, кто гибнетъ за высокую, безсмертную дѣль. Въ чувствѣ глубокой, всеоживляющей и всевозвышающей человѣчности съ Марусей сливается и старикъ астрономъ, и плачетъ слезами глубокаго, чисто человѣческаго страданія и глубокой братской любви.

И, призывая на подвигъ во имя любви къ человѣчеству, старикъ восклицаетъ: „къ звѣздамъ!" Къ нимъ можно подняться не только забираясь въ горы, съ обсерваторіей, телескопомъ. Онѣ близки и къ тѣмъ, кто спускается внизъ, въ разгаръ битвы, въ юдоль страданія и скорби. Высокій порывъ равно окрыляетъ душу и дѣлаетъ ее доступной великимъ идеямъ, въ которыхъ отражаются и тайны вселенной, и неразрѣшимыя загадки человѣческаго бытія. И тѣмъ дороже этотъ порывъ изстрадавшимся людямъ, чѣмъ болѣе согрѣтъ онъ кровью благороднаго сердца, чѣмъ болѣе онъ одухотворенъ рѣшимостью претворить эту кровь въ живое дѣло любви, то дѣло, которое, какъ

солнца въ планетной системѣ, зажигаетъ по пути человѣчества идеалы его грядущей свободы и счастья.

За пьесой г. Андреева помѣщено нѣсколько стихотвореній и очерковъ. И въ нихъ говорится о возстаніи, о крови и ужасахъ, о безуміи слѣпоты, владѣющей насиліемъ,—какъ будто весь интересъ человѣческой жизни сосредоточился на одномъ натискѣ, на одной огненной мечтѣ согрѣть въ пылу битвы или добиться желанной, какъ утренняя заря, побѣды. И точно, кровавый отблескъ превратилъ общественную мысль въ какую-то клокочащую волну кошмарныхъ сновъ, отравившую своимъ дыханьемъ все, чѣмъ могли бы жить культурные люди нашей родины — мирный трудъ, семейныя радости, поэзію, искусство. Мучительный разладъ отнялъ счастье жизни у милліоновъ мыслящихъ существъ и вмѣстѣ съ призывомъ къ борьбѣ ввергнулъ ихъ въ атмосферу нравственной загрубѣлости, отчаянія и злобы.

Слѣпцы и безумцы! Насильемъ владѣя,
Людей вы хотите въ крови утопить,
Но ярко, какъ солнце, сіяетъ идея—
И ей суждено побѣдить!

Такъ начинаетъ г. Лукьяновъ свое стихотвореніе, помѣщенное въ „Сборникѣ“, и эти четыре строчки могли бы служить эпиграфомъ къ яркому до боли изображенію того, что происходило въ памятные московскіе дни „на Прѣснѣ“, о чемъ разсказываетъ г. Серафимовичъ. Разсказываетъ просто, почти протокольно, но отъ этой простоты вѣетъ тѣмъ бо́льшимъ ужасомъ смерти, что переданныя имъ событія еще такъ болѣзненно свѣжи у всѣхъ въ памяти...

Кромѣ отмѣченныхъ произведеній, въ книгѣ помѣщенъ переводъ г. А. Колтоновскаго „Гимнъ гарибальдійцевъ“ (Л. Меркантини) и „Огарки“ (типы русской богемы) г. Скитальца.—Евг. Л.

VI.

— Маякъ. — Литературно-публицистическій сборникъ. Съ 3-мя фототипіями, изд. А. Лугового, Спб. 1906 г.

Бо́льшую половину сборника занимаетъ политическая трагедія „Максимиліанъ—императоръ мексиканскій“ г. Ал. Лугового. Это и наиболѣе интересная вещь въ книгѣ. Собственно здѣсь помѣщенъ только прологъ къ трагедіи, читающійся съ большимъ интересомъ, какъ общественно-художественнымъ, такъ и историческимъ. Въ обширномъ и богатомъ фактическимъ матеріаломъ предисловіи авторъ не

безъ основанія указываетъ на тотъ интересъ, съ какимъ люди, переживающіе событія, подобныя нашимъ, относятся къ тѣмъ кореннымъ переворотамъ въ формахъ правленія, которые совершались въ другихъ странахъ и въ другое время. Позабытая теперь трагическая исторія эрцгерцога Максимиліана (младшаго брата императора Франца Іосифа), процарствовавшаго три года и семь дней въ Мексикѣ и разстрѣлянаго при провозглашеніи республики, способна сама по себѣ заинтересовать воображеніе современнаго читателя; въ изображеніи же г. Лугового, положившаго на обработку этого сюжета обширный трудъ и тщательное изученіе источниковъ, эта трагедія получаетъ особый интересъ, создаетъ ей положеніе одного изъ серьезнѣйшихъ произведеній послѣдняго времени, вообще не весьма располагающаго къ обширнымъ твореніямъ на историческія темы.

Какъ видно изъ предисловія, г. Луговой уже много лѣтъ работаетъ надъ своей трагедіей. Это даетъ намъ право остановиться на нѣкоторыхъ, сообщенныхъ имъ тамъ же подробностяхъ ея созданія. На мысль о ней навела г. Лугового извѣстная картина Лоранса „Послѣднія минуты императора Максимиліана въ Кверетаро“.

По мѣрѣ того какъ авторъ сталъ собирать историческій матеріалъ и знакомиться ближе съ событіями и съ лицами избранной имъ эпохи, онъ началъ убѣждаться, что это не только интересный драматическій сюжетъ,—„это богатѣйшая канва, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для разработки вѣчныхъ вопросовъ, „проклятыхъ вопросовъ“, волнующихъ все человѣчество съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, вопросовъ, которые для многихъ, вѣроятно, еще долго останутся нерѣшенными. Борьба свободомыслящихъ съ клерикалами, борьба республики съ монархіей, борьба патріотизма съ вторженіемъ иноземцевъ въ страну, раздираемую междоусобіями, а на заднемъ планѣ, какъ фонъ для картины, борьба расъ за политическое первенство въ мірѣ: расы англо-саксонской—въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ—и расы романской—въ лицѣ французовъ съ Наполеономъ III во главѣ,—вотъ что развернулось предо мной на страницахъ источниковъ, относящихся къ данной эпохѣ; и чѣмъ больше читалъ я эти источники, тѣмъ значительнѣе представлялась мнѣ разыгравшаяся тогда въ Мексикѣ, теперь полузабытая, трагедія“. Интересъ ея, какъ чисто драматическаго произведенія, скоро отошелъ для автора на второй планъ, и передъ нимъ создалась перспектива „исторической хроники“, въ которой міровой политикѣ предназначалась первенствующая роль. О размѣрахъ всей трагедіи можно судить по тому, что черновой ея набросокъ заключаетъ въ себѣ тридцать отдѣльныхъ дѣйствій, или картинъ (въ настоящей книгѣ двѣ картины пролога заняли 131 стр.), со 140 дѣйствующими лицами! Конечно, нужно очень привязаться къ

сюжету, чтобы предпринять такую гигантскую работу для его воплощенія, но несомнѣнно не слѣдуетъ упускать изъ виду и будущаго читателя, которому не подъ силу окажется историческая хроника, если художественный элементъ не явится у нея на первомъ планѣ. Но мы не станемъ предрѣшать того, что̀ будетъ, и пожелаемъ, чтобы вся трагедія, въ ея цѣломъ, была столь же интересна, какъ тѣ двѣ картины, изъ которыхъ скадывается ея прологъ. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

При чтеніи этихъ сценъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующія строки автора: „Я писалъ свое произведеніе съ чисто-художественной объективностью, съ безпристрастіемъ художника, которому одинаково дороги и императоръ Максиміліанъ, и президентъ республики Хуаресъ. Я старался держать въ равновѣсіи чашки вѣсовъ, не склоняя ихъ умышленно ни въ ту, ни въ другую сторону. Печатая теперь то, что̀ было уже отдѣлано въ окончательной формѣ болѣе шести лѣтъ назадъ, я ничего не измѣняю по соображеніямъ настоящей минуты; но я долженъ обратиться къ читателямъ съ просьбой не дѣлать заключеній о личности Максиміліана и о самой трагедіи по ея первымъ картинамъ. Вся эта исторія въ высшей степени сложна, и самъ Максиміліанъ пережилъ столько колебаній подъ вліяніемъ совершавшихся вокругъ него событій, что сужденіе о немъ можно сдѣлать только по трагедіи въ ея полномъ объемѣ".

Мѣстомъ пролога служитъ очаровательный замокъ Мирамаре, съ чудесной растительностью и безконечной перспективой моря, залитого лучами южнаго солнца, — мѣсто, лучше котораго придумать нельзя для поэтическаго бездѣлья, ботаническихъ восторговъ и легкаго, иронически-философскаго отношенія къ судьбамъ всего остального міра. Еслибы Максиміліанъ не былъ эрцгерцогомъ Габсбургской крови, онъ прожилъ бы вѣкъ свой безпечнымъ баловнемъ счастья, въ безконечныхъ упоеніяхъ стихами, красотой, природой, въ чередованіи эпикурейскихъ восторговъ и меланхоліи; но онъ былъ рожденъ принцемъ, и съ молокомъ матери въ него перешли всѣ предразсудки и самообманы, свойственные людямъ исключительнаго происхожденія, отъ которыхъ могутъ освободиться лишь геніальныя натуры. Не будемъ, выполняя желаніе автора, дѣлать заключеній о личности Максиміліана въ ея цѣломъ, но едвали и самъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своей трагедіи пойдетъ дальше суда исторіи и будетъ отстаивать, хотя бы изъ художественныхъ цѣлей трагическаго конфликта, необычайность душевныхъ силъ несчастнаго мексиканскаго императора. Максиміліанъ не былъ геніальной натурой. Въ прологѣ онъ передъ нами, какъ живой — романтически настроенный, нѣжный, добрый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивный и упрямый, какъ истый принцъ,

мечтающій быть королемъ и воображающій, что именно онъ созданъ для счастья милліоновъ подданныхъ. Право его покоится не на силѣ завоевателя, не на реальномъ знаніи тѣхъ сложныхъ фактовъ, изъ которыхъ образуется перспектива его отвѣтственной и трудной дѣятельности, даже не на традиціяхъ прямой наслѣдственности, — нѣтъ, право свое онъ основываетъ на томъ, что въ немъ течетъ кровь Габсбурговъ, что онъ—„потомокъ Карла V“,—и все это говорится имъ не шутя, не вскользь, но серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ. И стоитъ только одной изъ враждующихъ партій поманить его блескомъ сомнительной короны, втянувъ въ игру разнузданныхъ страстей и международныхъ самолюбій, — какъ у него инстинктивно возникаетъ воспитанная въ крови увѣренность, что это избраніе провиденціально, что оно явилось слѣдствіемъ иной, высшей воли. Для этого-то прежде всего и нужна религія Максимиліану, нужна не въ грубомъ смыслѣ, но какъ часть цѣлаго міросозерцанія, сверху до низу построенная на самовозвышающихъ обманахъ. Поэтому такъ нервно перебиваетъ Максиміліанъ мексиканца Терана, когда тотъ допускаетъ возможность для народа обходиться и безъ римскаго папы, и добавляетъ, что, пожалуй, для извѣстной части неразвитого грубаго народа, религія нужна...—„О, ради Бога, не говорите этого! — перебиваетъ его Максиміліанъ: „о, нѣтъ, такими взглядами не унижайте и самого себя...“ И высказавъ возвышенную мысль о томъ, что религія нужна народу не только какъ цѣпи для рабовъ, Максиміліанъ добавляетъ снисходительно: „О, нѣтъ, религія и мнѣ нужна“... Да, религія нужна даже ему, принцу, взысканному благами міра, да, она нужна ему, какъ луна тихой южной ночи, какъ звено міровой гармоніи, какъ поэзія кроткой и мало испытавшей души. Поэтому, еще не ставъ королемъ, онъ уже говоритъ о томъ, что — „безусловная свобода культовъ и пропаганды врядъ ли могутъ быть терпимы“, и что „государство каждое должно имѣть свою религію, и это призналъ и самъ Наполеонъ Великій“...

Мексиканецъ Теранъ,—лицо не совсѣмъ живое, введенное очевидно за тѣмъ, чтобы облегчить читателю пониманіе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Максиміліана, въ длинныхъ монологахъ, нерѣдко сильныхъ и яркихъ,—истощаетъ всѣ силы разума и воли, чтобы убѣдить эрцгерцога отказаться отъ престола,—но того трудно убѣдить, кто вѣритъ въ провиденціальность своего назначенія. Возраженія Максиміліана чрезвычайно шатки, порою даже ребячливы въ капризномъ упорствѣ идей уже расшатаннаго въ то время кодекса европейскаго абсолютизма, совершенно чуждаго духу американской свободы. Въ то время, какъ Максиміліанъ борьбу Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою оцѣниваетъ борьбой двухъ расъ, англосаксон-

ской и романской, и наивно замѣчаетъ, что въ этой борьбѣ для Мексики другого мѣста нѣтъ, какъ въ тѣхъ рядахъ, гдѣ борются французы,—Теранъ смотритъ на дѣло иначе:

Нѣтъ! Вашему высочеству скажу
На это я, что здѣсь борьба другая, —
Борьба гораздо шире, чѣмъ двухъ расъ.
Два міра здѣсь стоятъ другъ передъ другомъ.
Здѣсь Новый Свѣтъ ведетъ борьбу со Старымъ,
Республиканство съ монархизмомъ, разумъ
Съ слѣпою вѣрой и свобода съ гнетомъ.
Здѣсь прошлое столкнулось съ настоящимъ.
На жизнь и смерть здѣсь бьются межъ собой
Романтика вѣковъ давно минувшихъ
Съ задачами всѣхъ будущихъ вѣковъ.

На Максимиліана слова эти производятъ замѣтное впечатлѣніе. Онъ еще никогда не ставилъ вопроса такимъ образомъ и, пожалуй, готовъ былъ бы призадуматься надъ нимъ, еслибъ ему не были такъ ясны „задачи будущихъ вѣковъ“. Онъ — представитель монархизма, Теранъ — республиканецъ, и потому — такъ думаетъ Максимиліанъ— имъ столковаться невозможно. А существо вопроса, насколько онъ, дѣйствительно, нуженъ волнуемой домашними распрями Мексикѣ, исчезаетъ для него до конца. Существо это заслоняется цѣлымъ рядомъ мелочей и побрякушекъ, изъ которыхъ складывается мишурное величіе новаго императора, когда онъ (во второй картинѣ), въ вычурномъ до смѣшного мексиканскомъ мундирѣ, даетъ отвѣтъ довольно подозрительной депутаціи, что онъ принимаетъ мексиканскую корону и видитъ въ томъ знаменіе Божіе, „что онъ потомокъ Карла V, въ имперіи котораго обширной не заходило солнце никогда“ — и пр. въ томъ же родѣ. Подобныя безсодержательныя рѣчи Максимиліанъ слышалъ съ колыбели, и ему доставляетъ истинное удовольствіе самому разыграть роль величества, готовясь разсѣять лучи своихъ благодѣяній, пропуская ихъ для пробы чрезъ среду своихъ старыхъ и новыхъ приближенныхъ и разной придворной челяди,—среду, которая, какъ извѣстно, служитъ весьма дурнымъ проводникомъ тепла и свѣта. Съ какою величавою ласковостью совершаетъ онъ свои первыя назначенія, съ какой снисходительностью острится съ придворными дамами—къ роли короля ему не привыкать стать! И, рядомъ съ распоряженіями по будущему управленію страной, голова его занята и такими мелочами, какъ отдѣлка верхнихъ комнатъ дворца въ покидаемомъ Мирамаре. Идея, которая пришла ему въ голову, весьма характерна: она живо передаетъ общій колоритъ его мыслей и чувствъ въ тотъ день, когда онъ принялъ обязанность остановить

революцію въ далекой и совершенно невѣдомой ему странѣ. „Подъ свѣжимъ впечатлѣньемъ“ онъ приказываетъ архитектору:

—Тронный залъ
Украсьте вы вездѣ изображеньемъ
Орла, держащаго въ когтяхъ змѣю,—
Таковъ гербъ Мексики, какъ вамъ извѣстно.
А на стѣнахъ должны быть двѣ картины.
Пусть родословнымъ деревомъ моей
Династіи украсится одна
Изъ стѣнъ, а на другой изобразимъ
Мы аллегорію: богъ солнца, Фебъ
Въ своей, какъ солнце свѣтлой, колесницѣ
Несется въ вышинѣ, на облакахъ;
Подъ нимъ земля; на ней изобразить
Границы государствъ, какъ это было
Въ эпоху Карла Пятаго, окрасивъ
Одною краской всѣ его владѣнья.
И пусть лучи отъ колесницы Феба
Распространяются на нихъ,—на всѣ.

Максимиліанъ искренно вѣритъ, что онъ можетъ совершить нѣчто „великое“, и, подражая римлянамъ, онъ не хочетъ забыть на пути завоеваній и дѣлъ культуры мирной, среди которыхъ отдѣлка собственнаго дворца занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Шарлотта, кроткое, самоотверженное существо, старается всѣми силами скрасить невыгоды своего новаго державнаго положенія обворожительностью и добротой. Въ ней нѣтъ мелкой суетности тщеславія, нѣтъ грубаго самообмана своимъ величіемъ, но она слишкомъ сателлитъ своего мужа и восторженно дѣлитъ всѣ его мечты о томъ, что стоитъ имъ явиться только въ Мексику, и въ странѣ наступитъ покой, разовьется высокая культура, промышленность, міровая торговля, словомъ, создадутся новыя Аѳины.

Мексики здѣсь еще не видно, той Мексики, въ которой въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ со дня освобожденія было двѣсти сорокъ революцій, при чемъ форма правленія мѣнялась тридцать разъ! Исключая Терана, дѣйствующіе на сценѣ мексиканцы — изысканные, льстивые дипломаты, а не суровые сыны пустыни и скалъ, готовые поминутно изъ мирныхъ гражданъ превратиться въ мятежниковъ и проливать кровь. Мексики еще не видно,—къ ней несутся только страстныя поэтическія мечты коронованной четы, но уже отъ этихъ грезъ вѣетъ предчувствіемъ ихъ роковой несбыточности, которая сулитъ въ будущемъ жестокія разочарованія и неудачи. Отъ этого предчувствія невольно сжимается сердце у читателя, когда онъ разстается съ прологомъ подъ впечатлѣніемъ тающихъ мечтаній Макси-

миліана, вечерѣющаго неба и безбрежнаго моря, къ которому царственная чета медленно спускается, счастливая и безпечная...

Послѣ этой пьесы какъ-то не хочется переходить къ остальнымъ очеркамъ „Маяка“. Внутренняя связь между ними, конечно, есть, но связь слишкомъ отвлеченная, и впечатлѣнія, получаемыя отъ „Максимиліана“ и отъ остальныхъ очерковъ, лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ; но переходъ изъ замка Мирамаре къ „Карійскимъ воспоминаніямъ“ („Молотокъ“ — разсказъ В. Илличъ-Свитычъ) кажется на первый взглядъ слишкомъ рѣзкимъ, правда, лишь на первый взглядъ. Справившись съ первыми внѣшними впечатлѣніями, читатель быстро свыкается съ новой обстановкой разсказа и начинаетъ видѣть зависимость между поэтическими мечтами принцевъ изъ дома Габсбурга и жандармомъ карійской тюрьмы, открывшимъ въ одной изъ камеръ „настоящій“ сапожный молотокъ. Въ „Дневникѣ свободнаго человѣка“, принадлежащемъ перу г. А. Лугового, авторъ дѣлаетъ попытку разобраться въ впечатлѣніяхъ „дней революціи безъ числа“, начиная съ 9-го января и позже. Во второмъ отдѣлѣ находимъ интересный очеркъ г. К. Чуковскаго — „Уотъ Уитманъ, личность и демократія въ его поэзіи“, и двѣ замѣтки: Евг. Ляцкаго — „Радищевъ и Екатерина II“ (эпизодъ изъ исторіи „дерзновенныхъ“ книгъ), гдѣ авторъ подчеркиваетъ принципіальную сторону борьбы императрицы съ книгой Радищева, и г. А. Л. о брошюрѣ „Китай или мы“.

Сборникъ изданъ внимательно и со вкусомъ; его оживляютъ три прекрасно выполненныя фототипіи, относящіяся къ „Максимиліану“.

W.

VII.

— Справочная книга соціалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Книгоиздательство „Голосъ“, т. I-ый, выпуски I, II, III. Спб. 1906.

Соціализмъ представляетъ теперь всемірное явленіе общественной жизни. Изъ полу-утопическаго ученія объ общемъ равенствѣ и солидарности онъ превратился въ государственно-экономическую доктрину, въ реальную политическую силу, оставаясь въ то же время вѣрнымъ завѣтамъ первоучителей, проповѣдывавшихъ не только политическое, но и экономическое равноправіе. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это ученіе, знакомство съ нимъ необходимо не только для интересующагося общественными вопросами, но и вообще для всякаго, кто привыкъ читать книги и газеты,—иначе онъ не пойметъ цѣлаго ряда явленій общественной жизни, которыя волнуютъ циви-

лизованный міръ. Будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на провозвѣстника общественнаго устройства будущаго или только какъ на временное явленіе, которое, сыгравъ свою роль, будетъ замѣнено другой болѣе совершенной доктриной,—въ обоихъ случаяхъ именно современному человѣку нельзя обойтись безъ свѣдѣній о соціализмѣ. Разумѣется, можно отдѣлаться отъ излишняго умственнаго труда, рѣшивъ, что соціализмъ слѣдуетъ не изучать, а отрицать; но еще Базаровъ у Тургенева сказалъ, что онъ могъ бы отрицать смерть, но она-то его не отрицаетъ. Для русской публики поэтому изданіе справочника по соціализму нельзя не назвать очень полезнымъ предпріятіемъ. Изданіе „Голоса“ позволяетъ предъявить къ нему нѣсколько бо̀льшія требованія—это справочная книга соціалиста, т.-е. человѣка, который долженъ знать эволюцію идей своего ученія основательно; онъ не можетъ, какъ всякій любознательный читатель, обойтись общимъ знакомствомъ съ вопросомъ. При такомъ заданіи весьма неожиданно было встрѣтить заявленіе редакціи, что книга нѣмецкихъ авторовъ „не отличается необходимой полнотой, оставляя безъ изслѣдованія исторію соціализма послѣдняго десятилѣтія (а до этого срока все достаточно полно?); кромѣ того, за книгой признается недостаточная разработанность касательно русскаго соціализма и замѣтная тенденціозность... въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ идей и личностей“. Все это редакторы обѣщаютъ дополнить и исправить. Авторы относятся къ своей книгѣ нѣсколько иначе: они увѣряютъ, что старались, гдѣ это было въ ихъ силахъ, избѣгать субъективныхъ сужденій и ихъ цѣлью было—„спокойное и безпристрастное изложеніе явленій“.

Безпристрастное изложеніе и тенденціозность—какъ помирить это? Зачѣмъ было тогда гнаться за полнымъ переводомъ, отчего не сократить того, что̀ навѣяно враждой, зачѣмъ оставлять завѣдомыя искаженія истины? Не особенно удобно для читателя, взявъ первый томъ въ руки, справляться съ дополнительнымъ томомъ и смотрѣть, правда ли написана въ первомъ томѣ или ложь? Неужели г.г. Гуго и Штегманнъ такіе великіе мыслители, что и ошибки ихъ слѣдуетъ сохранять неприкосновенными?

Сперва скажемъ нѣсколько словъ относительно полноты—за время послѣдняго десятилѣтія. Между испанскими соціалистами мы не находимъ Альбижеса, игравшаго очень видную роль въ соціалистическомъ движеніи семидесятыхъ годовъ, особенно въ Алькоѣ; но испанцевъ вообще мало въ книгѣ. Изъ французовъ мы не видимъ Вермореля; нѣтъ и Гамбона, одного изъ немногихъ, дожившихъ до коммуны и пережившихъ ее, послѣдователей и друзей Барбеса (кое-что изъ Гамбона было переведено и на русскій языкъ),—зато есть знаменитый генералъ Клюзере, начавшій свою карьеру съ Кавеньякомъ

въ іюньскіе дни. Всѣ права его на помѣщеніе въ „Справочникѣ“ заключаются въ томъ, что во время коммуны онъ записался въ члены интернаціонала; но кто тогда не записывался въ него? Джемса нѣтъ, нѣтъ Гильома, который съ самаго основанія былъ редакторомъ бюллетеня южной федераціи и авторомъ многихъ статей по анархизму. Болѣе внимательные къ нѣмецкимъ соціалистамъ, авторы пропустили Грэлиха, редактора Tagewacht. О Журдѣ сказано всего пять съ половиною строкъ. При нѣкоторыхъ французахъ отмѣчено ихъ участіе въ коммунѣ, но о Журдѣ, который былъ въ ней министромъ финансовъ, это не упомянуто. О Жоржъ-Сандъ—ни слова. Изъ итальянцевъ есть Коста, но нѣтъ ни Кафіера, ни Малатесты. Здѣсь нами отмѣчены только нѣкоторые пропуски, которые бросились въ глаза по памяти.

Однако, неполнота еще извинительный недостатокъ,—абсолютной полноты достигнуть нельзя, и при этомъ недостаткѣ еще можно было бы сказать, что г.г. Гуго и Штегманнъ даютъ, все-таки, что могутъ; но неточности уже составляютъ болѣе серьезный недостатокъ. Напримѣръ, изложеніе анархизма—чисто уличное, гдѣ его легко смѣшать съ ученіемъ ассасиновъ, туговъ и т. д. Невѣрно и изложеніе мыслей Прудона объ этомъ предметѣ. Въ общемъ у Прудона анархія является не какимъ-либо учрежденіемъ вродѣ монархіи, республики, общины,—это—вѣрнѣе—тенденція, цѣль которой сведеніе правительственныхъ функцій до возможнаго минимума и доведеніе до возможнаго maximum'а личной свободы. Литературы по анархизу не приводится никакой. Нужно вѣрить авторамъ на слово. Они отказываются отъ обязанности излагать ученіе объ анархіи. Это, по ихъ мнѣнію, немыслимо, да и безполезно перечислять всѣ исторіи кражъ, убійствъ и т. д. Неужели же вся дѣятельность Джемса Гильома, Бруса, Кафіера, Коста, Малатеста, Реклю, Кропоткина, Де-Пана заключалась только въ проповѣди грабежей и убійствъ и въ осуществленіи такихъ предпріятій? Анархизмъ въ существѣ дѣла является протестомъ противъ приниженія личности гнетомъ большинства; но въ немъ, какъ въ ученіи о новомъ рѣшеніи этой задачи, и пути, къ ней ведущіе, понимаются различно. Родоначальникъ его, Прудонъ, вообще имѣлъ пристрастіе къ „страшнымъ словамъ“,—объявивъ собственность кражей, онъ явился защитникомъ мелкой собственности; отстаивая автономію личности, свободу индивидуума, онъ пустилъ въ обиходъ страшное слово „анархизмъ“, но крайнихъ мѣръ онъ не проповѣдывалъ. Воинствующій анархизмъ ведетъ свое начало съ Бакунина. Для бельгійца Де-Пана анархія является не тенденціей ума, а особымъ общественнымъ строемъ. По его схемѣ, соціальное устройство проходитъ или должно пройти слѣдующія ста-

діи развитія: монархія абсолютная, монархія конституціонная, буржуазная республика, демократическая республика, республика съ прямымъ законодательствомъ и, наконецъ, анархія. Вычисливъ преимущества этой послѣдней передъ предыдущими, онъ заканчиваетъ: „да пріидетъ царствіе твое, анархія". Гильомъ пользовался аргументами изъ книги Бокля въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было доказать, что большая часть функцій, которыя беретъ на себя государство, можетъ такъ же хорошо или даже лучше выполняться обществомъ или частной иниціативой. Кропоткинъ выдвигаетъ на первый планъ развитіе принципа взаимной помощи; онъ—сторонникъ автономныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая удовлетворяетъ всѣмъ или большинству своихъ потребностей, а излишками дѣлится съ другими. Дальше всѣхъ заходилъ въ своихъ гаданіяхъ о будущемъ Поль Брусъ. Оно ему рисовалось въ видѣ „соціальнаго тѣла", само собой реагирующаго на внѣшній міръ, приспособляющаго этотъ міръ къ своимъ потребностямъ и въ свою очередь готовящагося къ нему. Конечно, среди всѣхъ такихъ схемъ много проблематическаго, какъ и во всякомъ новомъ воззрѣніи; но безъ гаданій и гипотезъ невозможно никакое движеніе мысли.

Что касается до тактики анархистовъ, то уже американскіе анархисты показали, что ни бомбы, ни кинжалы не составляютъ неизмѣннаго аттрибута анархизма. Практическая тактика не всегда обусловливается теоретическими принципами, а чаще обстоятельствами внѣшними. Либкнехтъ высказывался въ началѣ своей дѣятельности:— Wer parlamentirt mit seinem Feinde, der parlamentelt mit ihm, wer parlamentelt — pactirt. Это было предостереженіе противъ какихъ бы то ни было соглашеній съ правительствомъ, а принявши званіе депутата рейхстага, онъ оказался вынужденнымъ отступить отъ своей формулы. Сеиды Наполеона III-го не были анархистами, но они показали себя 2-го декабря достойными преемниками творцовъ Варѳоломеевской ночи, которые тоже не были анархистами; не былъ имъ и агентъ іезуитовъ Равальякъ.

Мы ожидали встрѣтить что-нибудь объ анархіи подъ рубрикой „коллективизмъ"; но этого слова и не оказалось въ книгѣ подъ особымъ заголовкомъ. Можетъ быть, гдѣ-нибудь и упоминается въ книгѣ объ этомъ въ разныхъ мѣстахъ; но мы не рѣшились перерыть всю книгу для того, чтобы узнать, какъ думаютъ господа Гуго и Штегманнъ о коллективизмѣ. Составленіе указателя къ указателю не входитъ въ нашу задачу.

Чтобы не возвращаться болѣе къ анархизму, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще все, что̀ улица подвергаетъ поруганію и преслѣдованію, слѣдуетъ разсматривать съ особеннымъ тщаніемъ и возможной объе-

ктивностью. Особенно если идея нова и мало выработана. Теперь любой грамотный гимназистъ изложитъ удовлетворительно догматы соціалъ-демократіи, а изложеніе ученія объ анархіи и у заправскихъ литераторовъ характеризуется, какъ собраніе нелѣпостей и разбойничества. Кому другому, а соціалистамъ не мѣшало бы помнить, что и къ ихъ ученію нѣкогда относились такимъ же образомъ, и выяснять только то въ своихъ работахъ, что согласуется съ дѣйствительностью.

Все касающееся земельныхъ вопросовъ изложено крайне сжато и плохо. Коммуну гг. Гуго и Штегманнъ знаютъ только парижскую. Скупость на термины необыкновенная: нѣтъ, напр., „аграрнаго вопроса". Слово „альмендъ" приведено только въ скобкахъ,—почему бы не написать отдѣльно, со ссылкой?

Перломъ объективизма и добросовѣстности авторовъ является статейка о Бакунинѣ. Вся масса сплетенъ, гулявшая о немъ по Европѣ, тщательно собрана здѣсь. Дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка приравнивается къ работѣ агента-провокатора. Здѣсь излилась вся злоба, накопившаяся у нѣмца противъ русскаго, который былъ и поборникомъ освобожденія славянъ, и противникомъ корифеевъ нѣмецкаго соціализма, Маркса и Энгельса. Вся статейка написана въ самомъ злостномъ тонѣ и полна клеветъ. Извѣстный русскій агитаторъ Нечаевъ былъ нѣкоторое время въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ; но потомъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ и возникла подъ его руководствомъ извѣстная Нечаевская организація въ Москвѣ. Авторы наши, не смущаясь, считаютъ Бакунина отвѣтственнымъ за все, что совершилъ Нечаевъ, считая послѣдняго Бакунинскимъ эмиссаромъ, конечно, не принимая во вниманіе того, что Бакунинъ, эмигрантъ, не могъ руководить Нечаевымъ изъ Женевы. Въ сущности Нечаеву нужно было одно — заручиться именемъ Бакунина, а что касается какихъ-либо инструкцій и т. п., то Нечаевъ никого не слушался, ничѣмъ не смущался и всегда былъ эмиссаромъ отъ самого себя. Это ясно изъ того, что, вернувшись послѣ убійства Иванова снова въ Швейцарію, Нечаевъ скоро разошелся съ Бакунинымъ и его друзьями. Въ эту пору онъ и сочинилъ свой нелѣпый проектъ будущаго строя, напоминающій порядки русской каторги. Этотъ проектъ былъ напечатанъ, и Нечаевъ предлагалъ его всѣмъ знакомымъ; но проектъ нигдѣ ничего, кромѣ ироническаго отношенія, не вызывалъ. Является почти необъяснимымъ, какъ и Нечаевъ, человѣкъ большого практическаго смысла, могъ ожидать какого-нибудь благопріятнаго впечатлѣнія отъ такой выдумки. Нечаевъ былъ не невѣжда какой-нибудь,—это былъ человѣкъ съ большой начитанностью. Единственное, что можно сказать въ объясненіе такой попытки — это привычка Нечаева разсчитывать на людское легковѣріе, на свою способность гипнотизировать. Что такое въ

самомъ дѣлѣ убійство Иванова, какъ не результатъ гипноза? Цѣлая группа людей идетъ на убійство своего же товарища по подозрѣніямъ, что онъ, можетъ быть, „выдаетъ“ кого-нибудь. На судѣ никто, кромѣ того, что Нечаевъ считалъ Иванова способнымъ выдать, ничего не могъ и привести въ объясненіе своего поведенія.

Заграницей Нечаевъ не нашелъ благопріятной почвы для своей пропаганды. Во-первыхъ, потому, что тамъ уже было извѣстно о московскихъ и петербургскихъ арестахъ, извѣстно было, что его попытка не удалась: кромѣ выпущенныхъ имъ прокламацій, никакихъ слѣдовъ дѣятельности его не было въ наличности, а человѣкъ, потерпѣвшій неудачу, всегда падаетъ въ глазахъ публики. Во-вторыхъ, тамъ были люди, всю жизнь свою проведшіе надъ программами партій, плановъ общественнаго устройства, любители теоретическихъ дебатовъ. Неуклюжій проектъ Нечаева, конечно, скорѣе могъ помѣшать его планамъ. Издававшаяся имъ газета „Община“ тоже ничьего вниманія не обратила на себя. О ней и не говорили даже. Только когда Эльпидина сопричислили въ Россіи къ числу участниковъ „Общины“—онъ отвѣтилъ въ Коршевскихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что считаетъ „Общину“ Нечаева протестомъ противъ здраваго смысла, логики и грамматики. Все выше сказанное, однакоже, не мѣшаетъ безъ всякихъ оговорокъ гг. Гуго и Штегманну выдавать эту прокламацію-программу за изложеніе мыслей самого Бакунина. Въ біографіи, кромѣ невѣрностей, есть также и тенденціозная подтасовка. Намекается, напримѣръ, на то, что Бакунинъ бѣжалъ изъ Сибири при помощи своего родственника генералъ-губернатора. Бакунинъ, говорятъ, дѣйствительно, какъ-то приходился родственникомъ Муравьеву-Амурскому; но Бакунинъ бѣжалъ не при Муравьевѣ, а при Корсаковѣ.

Безусловно были, конечно, недостатки, промахи у Бакунина, были въ немъ, какъ и во всякой живой книгѣ, опечатки. Какой энтузіастъ избѣгалъ ихъ? А Бакунинъ былъ несомнѣнно энтузіастомъ; но въ филистерскомъ изложеніи нѣмецкихъ компиляторовъ не видно въ Бакунинѣ даже и прежняго простодушнаго энтузіаста, вродѣ Георга Гервега. Передъ нами какой-то не то провокаторъ, не то маньякъ, не то фантастическій агентъ фантастическаго панславизма, ничтожный, суетливый крикунъ, участникъ нелѣпыхъ предпріятій, которыя, благодаря ему, всѣ оказываются шуточными. Идей его нельзя изложить связно потому, что онъ не написалъ ни одного лейтфадена и гандбуха. Гдѣ же тутъ Бакунинъ,—тотъ Бакунинъ, котораго знали въ Германіи, Франціи въ сороковыхъ годахъ, въ шестидесятыхъ годахъ въ Лондонѣ, который всюду вносилъ свою энергію и свой воспламеняющій энтузіазмъ? Откуда взялъ талантливый, умный, глубоко-образованный

и совершенно несогласный во взглядахъ съ Бакунинымъ испанецъ Гарридо тѣ поэтическія яркія краски для изображенія Бакунина и его роли въ европейскомъ соціальномъ движеніи? Онъ велъ за собой массы, онъ оказывалъ несомнѣнное вліяніе на выдающихся людей.

По нашему скромному мнѣнію, мы полагали бы, что было бы полезнѣе и для читателя, да и для успѣха книги, еслибы Бакунинъ, да и всѣ русскія имена были выключены изъ нѣмецкаго справочника. Редакторы сами сознаютъ необходимость дополненій для Россіи и для исторіи соціалистическаго движенія послѣдняго десятилѣтія. Вмѣсто того, чтобы заставлять читателя рыться въ двухъ книгахъ, собирая свѣдѣнія объ одномъ и томъ же лицѣ или вопросѣ, лучше было бы дать ему подъ однимъ заголовкомъ все, что̀ можно.—Д. Клеменцъ.

Въ теченіе іюля поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бакъ, Белфортъ и Квичъ, Г.—І. Соціалистическій катехизисъ. Переводъ съ англійскаго.—*П. Лазаревъ*.—Аграрный катехизисъ. Кн—во „Новое товарищество“. М. 906. 112 стр.

Геккель, Э.—Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Съ послѣсловіемъ „Исповѣданіе чистаго разума“ и пр. Книгоиздательство „Мысль“. Спб. 906. Стр. 227. Ц. 80 к.

Грушевскій, Мих., проф. — Украинство въ Россіи. Его запросы и нужды. (Глава изъ Очерка исторіи украинскаго народа). Спб. 906. 48 стр. Ц. 25 к.

Диль (Diehl), К.—Соціализмъ. Коммунизмъ. Анархизмъ. Курсъ лекцій, читанныхъ въ 1906 г. І. Сущность и главныя направленія соціализма. Кн—во „Живое Слово“. Стр. 18. Ц. 6 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В. — Мемуары декабристовъ. Кіевъ. 906. Стр. XLIV+346. Ц. 1 р. 50 к.

Карабчевскій, Н. П.—Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи“.—Изданіе (2-е) М. Пирожкова. Спб. 906. 27 стр. Ц. 25 к.

Кольцовъ, Н., прив.-доц. московскаго у—та. — Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрскіе и декабрскіе дни. Ц. 50 к. М. 906. 88 стр.

Косинскій, В. А., проф. — Къ аграрному вопросу. Вып. І. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Одесса, 906. Стр. XIV+532.

Котляревскій, Н. — Кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ. Спб. 907. 435 стр. Ц. 2 р.

Круковскій, Адр. — Характеръ творчества Ибсена. Вильна, 906. 16°. Стр. 35. Ц. 10 к.

Лисенковъ, Г. И.—Опытъ систематическаго построенія аграрной программы. Изслѣдов. въ пяти частяхъ. Части I и II. Спб. 906. Стр. 90.

Луначарскій, А. — Отклики жизни. Сборникъ статей. Книгоиздательство О. Н. Поповой. Спб. 906. 225 стр. Ц. 80 к.

Малышевъ, Кронидъ.—Гражданскіе законы Калифорніи въ сравнит. изложеніи съ законами Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ

правомъ Англіи и Сѣверной Америки. Т. III. Спб. 906. Изд. К. Риккера. Стр. 602. Ц. трехъ томовъ 11 р.

Мигулинъ, П. П., проф.—Аграрный вопросъ. Харьковъ, 906. Стр. X+172. Ц. 1 р.

Новакъ, М. М. — Передъ бурей. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Софія, 906. Стр. 82. Ц. 1 р.

Нордау, М. — Ложь капиталистическаго строя. Переводъ съ нѣмецкаго С. Кувшинскаго. Спб. 906. 75 стр. Ц. 20 к.

Озеровъ, И. Х., проф. — Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. По неизданнымъ документамъ. М. 906. Стр. 322. Ц. 1 р.

——— Нужды рабочаго класса въ Россіи. М. 906. Стр. 64. Ц. 15.

Паткановъ, С. — Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Тунгусы собственно. Ч. I, вып. 1 и 2. Спб. 906.—Изъ Зап. Имп. Русск. Геогр. О—ва", т. XXXI. Стр. 175 и 283.

Рейснеръ, М. А., проф.—Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. Спб. 906. Стр. 102. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Жизнь Іисуса. Перев. безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересмотрѣннаго и дополн. изданія Е. В. Святловскаго. Съ портретомъ Ренана, исп. геліогравюрою. Спб. 906. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. LXXIII+413. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣдинъ, Е. К. — Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ. Харьковъ. 906. 32 стр. Ц. 60 к.

Семеновъ, Вл. — Бой при Цусимѣ. Памяти „Суворова". Спб. 906. Стр. 319. Ц. 50 к.

Тобинъ, А. — Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. Спб. 906. Стр. 40.

Толстой, графъ Л. Н. — Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. I. Спб. 906. Изданіе „Русскаго свободнаго слова". Стр. 319. Ц. 50 к.

Трейманъ, Р.—Тираноборцы. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. проф. М. А. Рейснера. Спб. 906. Стр. 112. Ц. 50 к.

Чернышевскій, Н. Г. — Полное собраніе сочиненій. Т. III. Современникъ 1857. Стр. 780. Т. IV. Современникъ 1858—1859. Стр. 583. Спб. 906. Изд. М. Чернышевскаго.

——— Что дѣлать? — Романъ. Изд. 3-е, М. Н. Чернышевскаго. Спб. 906, Стр. 317. Ц. 1 р.

Эльцбахеръ, П. — Анархизмъ. — Переводъ съ нѣмецкаго Р. Стрѣльцова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 906. 320 стр. Ц. 80 к.

Ястремскій, Ф.—Повинности крестьянъ Минской губ. Изслѣдованіе. Минскъ. 906. Стр. 114+81.

— Басни Косаря (Гр. Кайзермана). Изданіе Р. Ѳ. Львовича. Спб. 906. 64 стр.

— Замѣтка по поводу семибоярщины. Спб. 906. 22 стр.

— Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, издаваемыя подъ ред. секретаря Общества А. А. Достоевскаго. Т. XLII. 1906. Вып. I. Спб. 906. Стр. 352.

— Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и плана будущаго устройства. Подъ редакціей А. К. Бороздина.—Изданіе М. Пирожкова. Спб. 906. 196 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), составленный профессорами Д. И. Багалѣемъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ. Изданіе Университета. Харьковъ, 906. Стр. 329+XIV.

— Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I (1852—1859). М. Изданіе Панафидиной. 906. 389 стр. Ц. 1 р.

— Маякъ. Литературно-публицистическій сборникъ. Изданіе А. Лугового. Съ 3 фототипіями. Спб. 906. 275 стр. Ц. 1 р. 35 к.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899—1901 г.г. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I, ч. 1 и 2. 739 стр.

— „Московскій Еженедѣльникъ", подъ ред. кн. Е. Н. Трубецкого. № 15. Стр. 64. Ц. 15 к.—Тоже № 16 и 17. М. 906.

— Политическая энциклопедія, подъ ред. Л. Слонимскаго. Т. I. Вып. 2 (Антисемитизмъ — Бразилія). Спб. 906. Съ 13 картами и 6 картограммами. Стр. 161—320. Ц. за 12 вып. по подпискѣ 9 р., съ разсрочкою по 1 р. въ мѣс.

— Протоколы делегатскаго совѣщанія Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, 6—10 ноября 1905 г., въ Москвѣ. Кн—во „Новое товарищество". М. 906. 143 стр.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1905 годъ (съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы). Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Изд. министерства торговли и промышленности. Спб. 906. 4°, стр. VII+87.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1906 г.

Международное значеніе русскаго кризиса. — Отсрочка англо-русскихъ манифестацій.—Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшательствѣ.—Личная политика Вильгельма II. — Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. — Британскій премьеръ о роспускѣ Думы. — Междупарламентская конференція мира въ Лондонѣ.—Конецъ дѣла Дрейфуса.

На долю Россіи выпала въ послѣдніе годы печальная привилегія—возбуждать напряженное вниманіе всего культурнаго міра и служить главнымъ предметомъ толковъ и пересудовъ въ печати разныхъ странъ. Мучительная внутренняя трагедія, терзающая великую имперію, не только даетъ ежедневно богатый матеріалъ для иностранныхъ газетъ, но весьма чувствительно отражается на всѣхъ международныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, „русскій кризисъ“ волнуетъ заграничныя биржи и массу держателей нашихъ процентныхъ бумагъ, а съ другой—онъ сильно занимаетъ и тревожитъ иностранные кабинеты, связанные такъ или иначе съ оффиціальной Россіей. Нашей дипломатіи все чаще приходится проглатывать горькія пилюли, подносимыя притомъ безъ всякаго дурного намѣренія и даже вопреки доброй волѣ дружественныхъ иностранныхъ правительствъ, въ силу простого и вполнѣ естественнаго хода событій. Иногда заграницей предпринимается что-нибудь съ спеціальною цѣлью выразить намъ сочувствіе въ нашемъ стѣсненномъ положеніи, а изъ этого выходитъ только непріятность; такъ было, между прочимъ, въ вопросѣ о посылкѣ британской эскадры въ Балтійское море.

Дѣло въ томъ, что даже самые проницательные иностранные наблюдатели не могутъ уловить смыслъ и связь совершающихся у насъ фактовъ; напримѣръ, всѣ привѣтствовали созывъ Государственной Думы, какъ начало дѣйствительной конституціонной эры, и въ виду этой несомнѣнно благополучной, какъ казалось, развязки русскаго кризиса, британское правительство нашло своевременнымъ оффиціально и торжественно засвидѣтельствовать свою готовность сблизиться съ Россіею, чтобы подготовить почву для прочнаго соглашенія по всѣмъ спорнымъ между обѣими державами вопросамъ. Въ началѣ мая лондонскимъ кабинетомъ высказано было желаніе послать эскадру въ русскія воды, и это предложеніе встрѣтило, разумѣется, сочувственный пріемъ въ нашихъ придворно-дипломатическихъ сферахъ. Про-

грамма предстоявшаго плаванія была уже точно установлена; англійскія газеты сообщали, что эскадра, въ составѣ семи броненосцевъ и шести крейсеровъ, подъ командой вице-адмирала сэра Эштона Керзона-Гау, пробудетъ въ Либавѣ отъ 2-го до 7-го, а въ Кронштадтѣ—отъ 11-го до 17-го августа новаго стиля. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ выяснялось обостреніе прежняго антагонизма между властью и народомъ въ Россіи, стремленіе сохранить не только старыя основы административнаго самовластія, но и олицетворявшее ихъ министерство, вопреки существованію народнаго представительства,—и дружественный шагъ Англіи получалъ какъ будто характеръ демонстраціи въ пользу одной изъ борющихся сторонъ, или, по крайней мѣрѣ, могъ бы косвенно послужить къ поддержанію авторитета стараго бюрократическаго режима. Бѣлостокскіе ужасы и вызванныя ими пренія въ Государственной Думѣ показали англичанамъ, что русскій внутренній кризисъ еще очень далекъ отъ разрѣшенія и что само правительство признаетъ себя безсильнымъ положить конецъ погромамъ и безпорядкамъ, устроители которыхъ пользуются особымъ поощреніемъ и покровительствомъ администраціи. Въ Англіи стали громко раздаваться голоса о неумѣстности посылки британской эскадры къ русскимъ берегамъ при подобныхъ обстоятельствахъ; въ палатѣ общинъ, одинъ изъ ея членовъ, Джоржъ Торнъ, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ, сэру Эдуарду Грею, съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли протестовать противъ обращенія русскаго правительства съ своими подданными, прежде чѣмъ отправлять эскадру къ Кронштадту для доказательства дружбы. Другіе ораторы, и въ томъ числѣ Кейръ Гарди, поднимали тотъ же вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и министръ всякій разъ отвѣчалъ отрицательно, оставаясь на почвѣ строгой международной корректности. Въ засѣданіи 5-го іюля сэръ Грей объяснилъ, что русское правительство никѣмъ не считается отвѣтственнымъ за происходящія избіенія и что для Англіи безусловно обязателенъ принципъ невмѣшательства въ чужія внутреннія дѣла; что же касается англійскаго флота, то предстоящій визитъ его одинаково относится къ государю и народу, какъ актъ вѣжливости относительно націи и ея установленныхъ учрежденій, къ которымъ принадлежатъ и государственный совѣтъ, и Государственная Дума, и министры. „Мы должны —закончилъ Эдуардъ Грей—идти по своей дорогѣ, не отвлекаясь намеками на внутреннія затрудненія Россіи, въ убѣжденіи, что наша симпатія не можетъ быть доказана лучше, чѣмъ полнымъ невмѣшательствомъ“. Однако, неудобства предположеннаго посѣщенія Кронштадта и Либавы британской эскадрой въ наше смутное время—предвидѣлись и съ русской стороны, и лондонскому кабинету дано было знать, что русское правительство ничего не бу-

детъ имѣть противъ отсрочки выполненія этого плана до будущаго года. Такимъ образомъ, первый крупный шагъ къ англо-русскому сближенію не состоялся, благодаря запутанности нашего внутренняго положенія, и надежды русской бюрократіи на сочувствіе и поддержку западныхъ державъ оказались въ данномъ случаѣ преждевременными. Конечно, нельзя было разсчитывать на то, что либеральное англійское правительство сознательно выразитъ свою солидарность съ представителями господствующей у насъ бюрократической партіи, и ничего подобнаго не имѣлось въ виду въ Англіи при обсужденіи проектовъ оффиціальнаго соглашенія съ Россіею; оттого и мысль о визитѣ британской эскадры была тотчасъ же оставлена, какъ только стали извѣстны тѣ толкованія и выводы, къ которымъ она давала поводъ.

Совершенно другое значеніе имѣютъ недавніе толки о планахъ и намѣреніяхъ Германіи, въ связи съ возможнымъ дальнѣйшимъ ходомъ нашего внутренняго политическаго кризиса. Странныя сообщенія и разсужденія оффиціозной петербургской газеты „Россія“ о какихъ-то дипломатическихъ комбинаціяхъ, устраиваемыхъ будто бы въ Берлинѣ и Вѣнѣ на случай серьезныхъ замѣшательствъ и событій въ предѣлахъ Россіи, были, правда, категорически опровергнуты; сама газета отреклась отъ своихъ подозрительныхъ разоблаченій, придавъ имъ невинный видъ простого заимствованія изъ разныхъ органовъ заграничной печати, — но эти неловкія отреченія и опроверженія не производили успокоительнаго дѣйствія на публику по понятнымъ и общеизвѣстнымъ причинамъ. Фамильныя традиціи и личные взгляды Вильгельма II направляютъ всѣ его симпатіи въ сторону реакціонныхъ носителей государственной власти въ Россіи; въ то же время свойственное ему разсчетливое честолюбіе дѣлаетъ для него вполнѣ возможнымъ и желательнымъ активное вмѣшательство въ дѣла сосѣдней имперіи, при наступленіи извѣстныхъ событій. Берлинскій дворъ издавна принималъ близкое участіе въ заботахъ русской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Пруссія предложила намъ свою помощь въ подавленіи польскаго возстанія, и въ этомъ смыслѣ заключена была конвенція 1863 года, дававшая пруссакамъ право, въ случаѣ надобности, занимать своими войсками пограничныя русскія области; позднѣе, императоръ Вильгельмъ I неоднократно вліялъ на рѣшенія русской дипломатіи своими родственными совѣтами и письмами; въ 1880 году онъ предостерегалъ императора Александра II противъ введенія парламентской конституціи, ссылаясь на свои тягостныя испытанія въ эпоху конфликта съ прусскимъ народнымъ представительствомъ изъ-за военнаго бюджета. Нынѣшній германскій императоръ старается вообще слѣдовать по стопамъ своего знаменитаго дѣда; онъ несомнѣнно игралъ нѣкоторую

роль въ нашихъ китайскихъ увлеченіяхъ и предпріятіяхъ, и онъ не разъ обнаруживалъ свой особый интересъ къ тѣмъ событіямъ и колебаніямъ, которыми сопровождалось русское освободительное движеніе, причемъ съ своей стороны, черезъ посредство прусской администраціи, оказывалъ всякую помощь и поддержку охранительнымъ и карательнымъ усиліямъ нашего правительства въ борьбѣ съ крамольниками, попавшими въ предѣлы Пруссіи. Ошибочно было бы думать, что условія конституціонной жизни Германіи не позволяютъ Вильгельму II поддаваться личнымъ внушеніямъ и порывамъ во внѣшней политикѣ; еще недавно, въ щекотливомъ для Франціи марокканскомъ вопросѣ, онъ наглядно показалъ, что можетъ въ каждый данный моментъ, по собственному своему почину, поставить на карту общій миръ Европы, несмотря на безспорное миролюбіе германскаго народа и парламента. Въ сферѣ международной предпріимчивости, не требующей предварительныхъ денежныхъ затратъ, онъ пользуется полной свободой рѣшенія, и если онъ не злоупотребляетъ этой свободой, то только въ силу присущаго Гогенцоллернамъ чувства патріотическаго долга, побуждающаго ихъ считать своимъ высшимъ призваніемъ добросовѣстное служеніе реальнымъ интересамъ государства. Общественное мнѣніе Германіи вовсе не раздѣляетъ симпатій Вильгельма II къ оффиціальной Россіи, и однако это не мѣшаетъ прусскому правительству оказывать существенныя услуги русской политической полиціи; нѣмецкая нація очень мало интересовалась судьбою Марокко и вовсе не расположена была ссориться съ Франціею, и тѣмъ не менѣе, по волѣ Вильгельма II, германская дипломатія должна была усиленно заниматься этимъ вопросомъ, не останавливаясь передъ рискомъ опасныхъ международныхъ осложненій; точно такъ же ничто не гарантируетъ насъ отъ дѣятельнаго вмѣшательства берлинскаго кабинета въ наши русскія дѣла, когда событія примутъ оборотъ, благопріятный для такого вмѣшательства, и когда послѣднее будетъ признано выгоднымъ для Германіи. Не требуется даже особыхъ предварительныхъ переговоровъ для того, чтобы подготовить почву для „дружественныхъ“ мѣропріятій извѣстнаго рода: эта почва создается обстоятельствами, при которыхъ традиціонная дружба можетъ принять форму активнаго и энергическаго участія. Очень можетъ быть, что въ ожиданіи такого критическаго момента Германія пожелала бы предварительно условиться съ другою сосѣдкою Россіи, Австро-Венгріею; но вѣнскій кабинетъ, разумѣется, ограничился бы въ этомъ случаѣ положеніемъ пассивнаго сообщника и не могъ бы брать на себя никакой отвѣтственной роли. Дѣйствительнымъ источникомъ тревоги, выражающейся въ газетныхъ толкахъ о вмѣшательствѣ, служитъ чрезмѣрная широта личныхъ полномочій германскаго императора. Самое

существованіе такого порядка вещей, при которомъ судьба народовъ и государствъ зависитъ отъ настроенія, взгляда или увлеченія одного лица, не можетъ признаваться нормальнымъ, и это положеніе неизбѣжно вызываетъ общее хроническое безпокойство даже при безусловномъ довѣріи къ намѣреніямъ и побужденіямъ центральной личности; но если центральная фигура обладаетъ свойствами Вильгельма II, то самыя неожиданныя политическія предпріятія не выходятъ изъ предѣловъ возможнаго. Другими словами, опасность существуетъ независимо отъ какихъ бы то ни было искусственныхъ дипломатическихъ комбинацій или закулисныхъ плановъ: она существуетъ вопреки общему миролюбію и чувству справедливости западно-европейскихъ народовъ, и мы должны постоянно имѣть это въ виду при обсужденіи вѣроятныхъ послѣдствій дальнѣйшей внутренней неурядицы въ Россіи.

По мѣрѣ того какъ разростается неурядица въ нашей несчастной странѣ, международное положеніе становится все болѣе проблематичнымъ и неопредѣленнымъ, полнымъ угрозъ для ближайшаго будущаго; и тѣмъ не менѣе у насъ ничего не предпринимается для того, чтобы ослабить тяжелый кризисъ и приблизить его мирную развязку. Многое дѣлается какъ бы нарочно для усиленія грозной опасности, въ смутной надеждѣ покончить съ нею впослѣдствіи однимъ ударомъ; доброжелательные иностранные наблюдатели не понимаютъ этой своеобразной черты русской внутренней политики, и потому ничего не поняли въ актѣ внезапнаго роспуска перваго русскаго парламента, съ которымъ связаны были такія широкія и свѣтлыя ожиданія народныхъ массъ. Повсюду въ Европѣ вѣсть объ этомъ актѣ возбудила недоумѣніе, смѣшанное отчасти съ нѣкоторымъ чувствомъ страха; сильный упадокъ курса русскихъ процентныхъ бумагъ повлекъ за собою общее разстройство дѣлъ на главныхъ заграничныхъ биржахъ; всѣ задавались вопросомъ: что̀ будетъ дальше?—и самыя мрачныя предсказанія признавались наиболѣе вѣроятными. Французскій оффиціозный „Temps“, долго державшійся слащаваго дипломатическаго тона въ разсужденіяхъ о Россіи и русскомъ правительствѣ, заговорилъ теперь рѣзко, съ явнымъ раздраженіемъ. Газета называетъ „роковою и, быть можетъ, непоправимой ошибкой“ роспускъ Государственной Думы, послѣ того, какъ ее съ самаго начала лишили нормальныхъ условій совмѣстной мирной работы съ правительствомъ; совѣтники, внушившіе эту мѣру, „взяли на себя страшную отвѣтственность“, которую ничѣмъ нельзя оправдать, ибо большинство народныхъ представителей отличалось умѣренностью и благоразуміемъ, тогда какъ министерство поражало своимъ ничтожествомъ и бездарностью. По мнѣнію „Temps“, не было ни малѣйшаго основанія къ тому, чтобы пожертвовать Думой ради подобнаго министерства и „ввергнуть страну въ кризисъ, которому

не предвидится конца". Вѣчно надѣяться на репрессію невозможно; и „чѣмъ подавлять, и во имя чего?" Обвиняя Думу въ незаконныхъ поступкахъ и въ превышеніи своихъ полномочій, правительство, какъ замѣчаетъ „Temps", упустило изъ виду, что оно само стоитъ не на почвѣ законности и что никакихъ твердыхъ законовъ въ Россіи не существуетъ: „пока не возстановлено въ странѣ господство законности, до тѣхъ поръ тщетно будутъ повторяться призывы къ повиновенію законамъ". Обѣщанія крупныхъ либеральныхъ реформъ въ программѣ новаго кабинета даютъ поводъ удивляться, почему эти реформы относятся всегда къ неопредѣленному будущему, а въ настоящемъ не видно ничего, кромѣ репрессіи. Французскія газеты, въ томъ числѣ и „Temps", ясно намекаютъ на то, что русское правительство въ своихъ перемѣнчивыхъ и опасныхъ рѣшеніяхъ слишкомъ мало принимаетъ во вниманіе интересы союзниковъ и кредиторовъ, и это чувство обиды является господствующимъ въ отзывахъ французской печати о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но французы долго находились въ дружбѣ съ оффиціальною Россіею, не справляясь объ ея отношеніяхъ къ народу и не заботясь ни о какихъ русскихъ реформахъ; послѣдній крупный заемъ они предоставили ей ранѣе созыва Думы, такъ что ихъ теперешніе горячіе доводы противъ ея распущенія свидѣтельствуютъ лишь о совершившейся перемѣнѣ въ ихъ руссофильскихъ чувствахъ: прежде французскіе республиканцы вѣрили въ могущество и авторитетъ русской бюрократіи, а теперь утратили въ нее всякую вѣру. Болѣе послѣдовательны и устойчивы сужденія англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ о русскомъ кризисѣ: и тѣ и другія большею частью относятся отрицательно къ реакціонному русскому правительству, хотя отдѣльные консервативные органы откровенно одобряютъ реакцію и репрессію для русскихъ. Лондонскій „Times" крайне сурово отзывается о роспускѣ Думы и о самомъ способѣ совершенія этого акта; мотивы принятой мѣры представляются ему совершенно недостаточными: предлогомъ послужило проектированное обращеніе къ народу, имѣвшее цѣлью побудить крестьянъ сохранить спокойствіе до выработки аграрнаго закона; правда, въ этомъ обращеніи содержатся также критическія замѣчанія противъ министерства, но отставка послѣдняго ожидалась уже со дня на день, и критика Думы въ сущности только предупреждала событіе за нѣсколько дней или часовъ. Упомянувъ о коренномъ противорѣчіи между прежними манифестами и новѣйшими указами, „Times" спеціально указываетъ на разочарованіе и недовольство общественнаго мнѣнія во Франціи и въ другихъ странахъ, гдѣ послѣдній заемъ былъ помѣщенъ подъ условіемъ соблюденія возвѣщенной русской конституціи: это условіе не формулировалось прямо, но всегда подразумѣвалось, и слѣдовательно можно видѣть здѣсь на-

рушеніе довѣрія. Послѣдній аргументъ кажется довольно сомнительнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности капиталисты едва ли интересовались судьбою русской конституціи; свой интересъ къ этому дѣлу они проще всего обнаружили бы, отсрочивъ заключеніе русскаго займа до созыва Думы и назначенія либеральнаго министерства,—чего они, однако, не сдѣлали. Отъ капиталистовъ-банкировъ и биржевиковъ никто не ждетъ высокихъ побужденій, и для публики безразлично, какъ они смотрятъ на текущіе политическіе вопросы; но биржа по-своему вѣрно учитываетъ значеніе извѣстныхъ фактовъ, и если курсъ послѣдняго русскаго займа упалъ на десять процентовъ, то это симптомъ весьма краснорѣчивый.

Каковы бы ни были основанія и мотивы различныхъ взглядовъ, высказываемыхъ въ западной Европѣ по поводу русскаго политическаго кризиса, во всякомъ случаѣ сочувственное отношеніе къ нашему первому парламенту было всеобщимъ и единодушнымъ, и оно выражалось иногда въ самыхъ трогательныхъ формахъ. Государственная Дума, какъ мы упоминали уже въ прошломъ обозрѣніи, сразу заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ представительныхъ собраній и пріобрѣла необыкновенную популярность во всемъ культурномъ мірѣ. Всѣ цѣнили свѣжую энергію, искренность и реформаторскій пылъ первой русской палаты, относились снисходительно къ ея недостаткамъ и прощали ей избытокъ рѣчей, понимая ея исключительное положеніе, какъ единственнаго открытаго клапана для свободнаго голоса націи, для накопившихся жалобъ, требованій и протестовъ населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ было ясно, что Дума не можетъ правильно исполнять свои функціи, имѣя предъ собою завѣдомо-враждебное министерство стараго реакціоннаго типа. Многихъ смущали смѣлые аграрные проекты, направленные какъ будто къ отрицанію частной поземельной собственности; но эти проекты, послѣ выработки и принятія ихъ Думою, подверглись бы еще разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, и нельзя было еще предвидѣть, въ какую окончательную форму они вылились бы при утвержденіи закона. Самая смѣлость аграрной реформы, задуманной при дѣятельномъ участіи и сочувствіи значительной массы землевладѣльцевъ, напоминала собою лучшіе порывы коллективнаго великодушія и самоотверженія въ исторіи европейскихъ парламентовъ.

Наиболѣе рѣшительно и авторитетно выразились симпатіи къ Государственной Думѣ въ классической странѣ парламентаризма—Англіи. Въ Лондонѣ долженъ былъ состояться съѣздъ междупарламентской конференціи мира, при участіи около 570 делегатовъ иностранныхъ парламентовъ, сверхъ значительнаго числа членовъ обѣихъ британскихъ палатъ. На этотъ съѣздъ были впервые приглашены предста-

вители русской Государственной Думы, и по выбору ея отправилось въ Лондонъ шесть депутатовъ, съ М. М. Ковалевскимъ во главѣ. Въ день торжественнаго открытія конференціи, 23-го іюля (нов. ст.), былъ уже извѣстенъ актъ распущенія Думы, и по этому поводу ярко обозначилась та крупная историческая роль, которая приписывалась англичанами нашему юному, безвременно скончавшемуся парламенту. Впечатлѣніе, произведенное совершившимся фактомъ, какъ видно даже изъ сдержаннаго отчета „Times", было настолько сильно, что не позволяло собранію спокойно заняться обсужденіемъ намѣченныхъ вопросовъ о международномъ третейскомъ судѣ и разоруженіи. Собраніе засѣдало въ роскошной королевской галереѣ Вестминстерскаго дворца, прилегающей къ палатѣ лордовъ. „Въ виду извѣстія о роспускѣ Думы,—говорится въ „Times",—большой и всеобщій интересъ возбуждался присутствіемъ делегатовъ этого учрежденія, профессора М. Ковалевскаго, М. Острогорскаго, Ѳ. Родичева, г. Свѣчина и профессора Васильева, которымъ оказаны были многочисленные знаки уваженія и сочувствія представителями всѣхъ національностей. Упоминанія о Думѣ, которыя дѣлались различными ораторами, вызывали замѣчательныя демонстраціи со стороны членовъ: всѣ неоднократно вскакивали съ своихъ мѣстъ, поднимали руки по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли русскіе, и рукоплескали съ энтузіазмомъ". Центральнымъ интересомъ засѣданія была, конечно, рѣчь главы кабинета, сэра Кемпбелля-Баннермана. Премьеръ привѣтствовалъ делегатовъ отъ имени британскаго правительства и націи, и заявилъ, что онъ уполномоченъ также привѣтствовать ихъ отъ имени короля. Выразивъ надежду, что совѣщанія конференціи помогутъ болѣе тѣсному взаимному пониманію и сближенію между націями, онъ указалъ на постепенный ростъ движенія въ пользу международнаго мира и третейскаго суда, и затѣмъ продолжалъ: „Въ связи съ этимъ я не могу удержаться отъ того, чтобы не сказать отъ себя и по всей вѣроятности отъ имени каждаго изъ участниковъ этого историческаго собранія, какъ рады мы привѣтствовать въ нашей средѣ представителей самаго младшаго изъ парламентовъ—русской Думы (громкія рукоплесканія, причемъ делегаты нѣсколько разъ встаютъ и привѣтствуютъ делегатовъ Думы). Мы глубоко цѣнимъ обстоятельства появленія ихъ между нами. Можно считать хорошимъ симптомомъ для вашего движенія и для будущности Европы, что первымъ оффиціальнымъ актомъ русскаго парламента въ области иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи было избраніе делегатовъ для участія здѣсь въ Вестминстерѣ, совмѣстно съ нами, въ подтвержденіи тѣхъ великихъ принциповъ мира и доброжелательства, которые такъ сильно двинуты были впередъ главою русскаго государства, иниціаторомъ первой Гаагской конференціи (рукоплеска-

нія). Я не дѣлаю комментаріевъ по поводу извѣстія, дошедшаго до насъ сегодня утромъ; здѣсь не мѣсто и не время для этого. Мы не достаточно знакомы съ фактами, чтобы имѣть возможность оправдывать или критиковать. Но по крайней мѣрѣ мы, основывающіе свою увѣренность и свои надежды на парламентской системѣ, можемъ сказать: новыя учрежденія имѣютъ часто тревожную, если не бурную молодость. Дума воскреснетъ въ той или другой формѣ. Мы можемъ сказать съ полной искренностью: „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!“ (долгія и продолжительныя рукоплесканія). Остальная часть рѣчи была посвящена задачамъ всеобщаго мира и разоруженія, которымъ британскій премьеръ придаетъ не отвлеченную, а реальную политическую важность; онъ положительно высказалъ отъ имени Англіи и ея короля рѣшимость достигнуть международнаго соглашенія, съ цѣлью сократить вооруженія и облегчить тяжесть бюджетовъ военнаго и морского, и къ этой цѣли онъ совѣтовалъ делегатамъ настойчиво стремиться, чтобы способствовать успѣху будущей международной конференціи въ Гаагѣ. Послѣ отвѣтной рѣчи венгерскаго делегата, графа Альберта Аппоньи, М. М. Ковалевскій заявилъ отъ себя и отъ имени своихъ коллегъ, что они считаютъ свою миссію оконченною вслѣдствіе распущенія Думы и должны немедленно уѣхать въ Россію съ твердымъ рѣшеніемъ продолжать великую борьбу за свободу и всеобщій миръ. Бельгійскій сенаторъ Лафонтэнъ отъ имени всего собранія просилъ русскихъ делегатовъ остаться и считать себя членами конференціи до конца, но представители Думы удалились при общемъ выраженіи сочувствія и сожалѣнія.

Такимъ образомъ делегаты Думы были героями дня на междупарламентской конференціи мира въ Лондонѣ; имъ пришлось выслушать знаменитую, ставшую историческою фразу британскаго премьера: „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!“. Парижскій „Temps“ предупредительно увѣряетъ публику, что эти слова, взятыя въ связи съ остальнымъ текстомъ рѣчи, не имѣютъ того характера рѣзкой критики по адресу русскаго правительства, какой приписывался ему на первыхъ порахъ. Но возгласъ сэра Кэмпбелля-Баннермана одинаково ясенъ, какъ ни читать его: это прежде всего выраженіе безусловнаго сочувствія къ русскому народному представительству, признаніе его жизненности и законныхъ правъ на существованіе, и торжественное пожеланіе его скорѣйшаго возрожденія. Никакой критики, ни рѣзкой, ни мягкой, по адресу русскаго правительства, тутъ не содержится; премьеръ даже прямо оговаривается, что не беретъ на себя роли судьи въ этомъ дѣлѣ; онъ высказывается только какъ представитель „матери парламентовъ“ и лучшей въ мірѣ системы конституціоннаго управленія, и въ этомъ случаѣ онъ является весьма авторитетнымъ

экспертомъ. Онъ знаетъ, что первыя парламентскія собранія способны сами увлекаться и поражать другихъ новизною своей роли, и что поэтому первоначальная ихъ исторія повсюду имѣетъ безпокойный или бурный характеръ. Дѣятели стараго режима органически неспособны оцѣнить законныя притязанія народнаго представительства и могутъ отрицать ихъ по недоразумѣнію, объявляя заранѣе „недопустимыми“ тѣ законодательные проекты, которые признаютъ настоятельно нужными для страны ея избранники;—для англичанъ подобные конфликты кажутся уже невѣроятными, и такіе министры, какъ гг. Горемыкинъ и Стишинскій, принадлежатъ для нихъ къ области историческихъ анекдотовъ, но при нѣкоторомъ усиліи ума и воображенія можно понять эти тягостные курьезы, и, очевидно, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ понимаетъ ихъ. Загадочнымъ для иностранцевъ остается только одно обстоятельство: зачѣмъ было созывать Думу для законодательнаго строительства и умиротворенія, если предполагалось сохранить прежнее господство бюрократіи и оставить за нею рѣшающее слово даже въ вопросахъ законодательныхъ? Это недоумѣніе чувствуется и въ немногихъ словахъ британскаго премьера; оно подсказываетъ ему мысль, что старый режимъ еще борется у насъ за свое владычество надъ народомъ и имѣетъ шансы временной побѣды. Именно въ виду этого колеблющагося переходнаго положенія русскихъ дѣлъ, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ считалъ себя въ правѣ, никого не обвиняя и не оправдывая, высказать, какъ посторонній наблюдатель, свое твердое убѣжденіе, — которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе всего культурнаго міра и лучшей части русскаго народа, — что побѣда не можетъ принадлежать мертвящей силѣ самовластія, и что рано или поздно должна окончательно восторжествовать идея народнаго права, которое, хотя и въ несовершенной формѣ, олицетворялось у насъ Государственной Думой. Если Россія имѣетъ будущее, то она не останется подъ властью мертвящаго начала и получитъ свое правильно организованное народное представительство, какъ необходимую гарантію свободнаго національнаго развитія; въ противномъ случаѣ русскому государству грозила бы участь Турціи или Китая. Возгласъ сэра Кемпбелля-Баннермана выражаетъ, съ одной стороны, глубокую вѣру въ жизненную будущность русской націи, а съ другой — надежду и желаніе установить съ этой будущею обновленною Россіею близкія дружественныя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи и уваженіи. Но могъ ли онъ, какъ оффиціальное лицо, какъ глава британскаго правительства, высказывать публично свое мнѣніе о вѣроятномъ исходѣ русскаго внутренняго кризиса? Не нарушилъ ли онъ этимъ общеобязательнаго международнаго принципа, запрещающаго государственнымъ дѣятелямъ и особенно министрамъ

касаться въ своихъ рѣчахъ внутреннихъ дѣлъ чужой державы? По отношенію къ оффиціальной Россіи—именно той, которая воплощается бюрократіею и не признаетъ народнаго представительства,—онъ поступилъ, быть можетъ, не совсѣмъ корректно, но зато онъ показалъ себя искреннимъ другомъ новой, народной, самоуправляющейся Россіи, которая не забудетъ его благородныхъ словъ, прозвучавшихъ бодрымъ призывомъ сочувствія въ одинъ изъ труднѣйшихъ моментовъ русской политической жизни. Очевидно, въ глазахъ перваго министра Англіи русская придворная бюрократія уже не представляетъ собою той прочно властвующей силы, какою она была или казалась еще недавно, и это обстоятельство имѣетъ также значеніе весьма характернаго и внушительнаго симптома. Всѣ передовые культурные народы и почти всѣ ихъ политическіе дѣятели стоятъ на сторонѣ русскихъ освободительныхъ стремленій въ ихъ борьбѣ противъ абсолютизма: таковъ безспорный общій выводъ изъ всего того, что говорится и дѣлается на Западѣ по поводу нашихъ печальныхъ русскихъ дѣлъ.

Междупарламентская конференція мира (14-ая по счету), ознаменовавшая себя приведенными выше заявленіями въ честь русскаго народнаго представительства, успѣла сдѣлать кое-что и по предмету своихъ спеціальныхъ занятій. Очень важно было то, что говорилъ въ той же рѣчи британскій премьеръ отъ имени Англіи. „Правительство его величества,—сказалъ онъ между прочимъ,—зная предметъ вашей задачи, присоединяется къ ней отъ всего сердца и безъ всякихъ оговорокъ. Никто не желаетъ сильнѣе насъ, чтобы ваши совѣщанія содѣйствовали установленію возможно болѣе полнаго согласія между всѣми націями міра. Ваше дѣло едва только началось, и вы уже успѣли достигнуть того, чтобы это желаніе общаго мира приняло опредѣленную форму и могло сдѣлаться вскорѣ, какъ мы надѣемся, реальностью. Между тѣмъ не далеко отъ насъ то время, когда собраніе, подобное настоящему, вызывало лишь насмѣшки людей, считающихъ себя практичными. Васъ называли бы мечтателями за ваше стремленіе замѣнить жестокую и безсмысленную военную борьбу обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ на основахъ права и справедливости. Забудемъ эти мрачныя времена и постараемся быть снисходительными къ нашимъ ближнимъ, жертвамъ своей эпохи. Мы всѣ—рабы нашихъ способовъ мысли и дѣйствія. Пріучая народы къ мысли о разрѣшеніи третейскимъ судомъ споровъ, которыхъ дипломатія регулировать не можетъ, вы мало-по-малу снимаете повязку съ человѣческихъ глазъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, державами заключено не менѣе тридцати восьми конвенцій о третейскомъ судѣ, а только съ октября

1903 года начались эти мирныя соглашенія. Благодаря лорду Лэнсдоуну, Великобританія подписала съ десятью другими государствами договоры, въ силу которыхъ будутъ передаваться на разсмотрѣніе постояннаго третейскаго трибунала въ Гаагѣ всѣ легальные вопросы и всѣ споры, относящіеся къ толкованію трактатовъ, если они окажутся неразрѣшимыми для дипломатіи. Правда, значеніе этихъ конвенцій умаляется оговоркою о томъ, что третейскому суду не подлежатъ разногласія, касающіяся жизненныхъ интересовъ, независимости или чести договаривающихся сторонъ. Но принципъ арбитража все болѣе и глубже проникаетъ въ общее сознаніе, и этимъ подготовляется примѣненіе его въ болѣе обширной области. Мы видѣли, что вопросы, возбуждавшіе на первыхъ порахъ народныя страсти, получали мирное разрѣшеніе только потому, что ихъ отдавали на разсмотрѣніе особой посреднической коммиссіи, какъ это было съ инцидентомъ въ Сѣверномъ морѣ; и было бы очень полезно, прежде чѣмъ соберется ожидаемый конгрессъ въ Гаагѣ, внимательно разсмотрѣть разнообразныя формы, подъ которыми могли бы быть предоставлены такому трибуналу всѣ вообще международные споры, ибо желательно открыть какъ можно шире двери для всѣхъ способовъ, могущихъ такъ или иначе привести къ умиротворенію и разрѣшенію этихъ споровъ. Но, несмотря на всѣ усилія народовъ и правительствъ, міръ продолжаетъ имѣть видъ огромнаго вооруженнаго лагеря. Если судить по военнымъ и морскимъ бюджетамъ великихъ державъ, то можно было бы подумать, что мы живемъ въ такомъ мірѣ, гдѣ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ нѣтъ другихъ мѣръ, кромѣ примѣненія грубой силы, и гдѣ понятія арбитража и соглашенія совершенно неизвѣстны. Съ одной стороны мы видимъ, что вся мыслящая Европа стоитъ за сохраненіе мира, а съ другой—повсюду и непрерывно дѣлаются грандіозныя приготовленія къ войнѣ. Этотъ порядокъ смущаетъ нашъ умъ и унижаетъ наше достоинство, какъ людей цивилизованныхъ. Если мы спросимъ, достигается ли цѣль этихъ вооруженій, мы наталкиваемся на другой парадоксъ: всѣ жертвы деньгами и людьми не вознаграждаются внутреннимъ сознаніемъ нашей безопасности; эти одновременныя и прогрессивныя вооруженія не приводятъ къ желанной цѣли. Сила вызываетъ силу, страхъ порождаетъ страхъ;—мы гонимся за призракомъ безопасности, который постоянно исчезаетъ при нашемъ приближеніи. Силы народовъ истощаются въ приготовленіяхъ, которымъ не предвидится конца и которыя не кончаются ни союзами, ни войною, и безплодно растрачиваются такимъ образомъ резервы, необходимые для государства въ минуту опасности,—еслибы такая минута когда-нибудь наступила,—а именно благосостояніе, энергія, жизненная производительность населенія... Говорятъ, что демократія

столь же воинственна, какъ и всякая другая форма правительства. Но демократія, какою мы ее знаемъ теперь, есть поздній плодъ человѣческаго прогресса; она едва имѣла время выработать въ себѣ сознаніе своей истинной силы и еще менѣе могла фактически проявить эту силу въ международныхъ отношеніяхъ. Связи дружбы и уваженія все тѣснѣе сближаютъ народы; наступитъ время, когда ничто уже не скроетъ отъ нихъ того факта, что они—жертвы войны и милитаризма, что вооруженія поглощаютъ плоды ихъ работы, останавливаютъ движеніе прогресса и превращаютъ въ губительную силу ту прекрасную творческую энергію, которая составляетъ славу человѣчества... Приближается моментъ, котораго мы всѣ ожидаемъ съ интересомъ, надеждой и тревогой,—когда делегаты различныхъ націй вновь соберутся въ Гаагѣ, чтобы продолжать свои труды на пользу мира. Возвратившись теперь въ свои отечественныя страны, заявите своимъ правительствамъ, что примѣры лучше принциповъ, что факты говорятъ сильнѣе словъ,—настаивайте, во имя человѣчества, чтобы вамъ дана была возможность идти на эту Гаагскую конференцію, какъ мы сами надѣемся идти, съ намѣреніемъ сократить военные бюджеты; просите ваши правительства отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ добрымъ взаимнымъ чувствамъ націй при предстоящихъ въ Гаагѣ совѣщаніяхъ, и на будущемъ вашемъ съѣздѣ, черезъ годъ, вы, быть можетъ, уже увидите плоды своихъ усилій".

Эта рѣчь британскаго премьера пріобрѣтаетъ особенно крупное политическое значеніе, если вспомнить, что Англія отличалась до сихъ поръ наиболѣе упорнымъ консерватизмомъ въ вопросахъ международнаго права, что она была главной противницей всякихъ общихъ соглашеній, стѣсняющихъ свободу дѣйствій отдѣльныхъ державъ, и относилась скептически къ широкимъ задачамъ первой Гаагской конференціи. Совершившаяся перемѣна въ чувствахъ и взглядахъ Англіи обезпечиваетъ успѣхъ многихъ реформаторскихъ предположеній, которыя прежде систематически отвергались лондонскимъ кабинетомъ. Оттого вторая Гаагская конференція можетъ оказаться важнѣе первой, по результатамъ своихъ трудовъ, и приготовительныя работы членовъ междупарламентскаго союза, какъ и вообще сторонниковъ и проповѣдниковъ идеи мира, получатъ болѣе широкое и плодотворное примѣненіе. Въ засѣданіи 23 іюня приняты были, по иниціативѣ американцевъ, слѣдующія двѣ резолюціи: „было бы желательно дать Гаагскимъ конференціямъ болѣе прочное и постоянное вліяніе на дѣло умиротворенія и установить періодическія собранія этихъ конференцій; затѣмъ, при назначеніи своихъ представителей на вторую Гаагскую конференцію, державы могли бы съ пользою включить въ ихъ инструкціи обязанность содѣйствовать учрежденію постояннаго

совѣщательнаго комитета, уполномоченнаго подготовлять кодификацію и развитіе международнаго права". Австрійскій делегатъ, баронъ фонъ-Пленеръ, предложилъ дополнить существующія конвенціи объ арбитражѣ правиломъ, чтобы, въ тѣхъ случаяхъ, когда по договору необязательно примѣненіе третейскаго суда, державы не прибѣгали сразу къ какимъ бы то ни было враждебнымъ мѣрамъ, а чтобы предварительно требовали учрежденія международной слѣдственной коммиссіи или обратились къ добрымъ услугамъ другихъ государствъ. Въ подкрѣпленіе этого проекта американскій делегатъ, извѣстный дѣятель и ораторъ Брайянъ, произнесъ въ засѣданіи 24 іюля блестящую и горячую рѣчь, въ которой указалъ на необходимость, при трудныхъ и щекотливыхъ международныхъ вопросахъ, отдалить моментъ принятія рѣшенія отъ момента возбужденія, такъ какъ „человѣкъ возбужденный—совсѣмъ другое животное, чѣмъ человѣкъ спокойный", а важные вопросы народнаго существованія должны быть рѣшаемы не подъ вліяніемъ страсти и раздраженія, а въ спокойномъ состояніи, путемъ обсужденія. Въ то же время Брайянъ коснулся общей темы о войнѣ и военной славѣ; героическая смерть нерѣдко превозносится больше, чѣмъ полезная, благородная жизнь, и это, по его мнѣнію, глубоко несправедливо: жизнь, наполненная трудомъ для блага страны, такъ же вдохновляетъ и возвышаетъ людей своимъ примѣромъ, какъ самоотверженная гибель на полѣ битвы,—и, напр., долгая общественная и національная служба Гладстона даетъ не менѣе цѣнные образцы современникамъ и потомству, чѣмъ подвиги и смерть Нельсона. Съ этими мыслями всѣ были согласны, и Брайянъ имѣлъ шумный успѣхъ. Французскіе представители, баронъ д'Этурнелль-де-Констанъ и депутатъ Мессими, краснорѣчиво предлагали положить предѣлъ вооруженіямъ; членъ палаты общинъ, Робертсонъ, внесъ резолюцію, въ которой выражалась надежда, что „предстоящая Гаагская конференція на первомъ же своемъ собраніи займется этимъ предметомъ и установитъ основы соглашенія между государствами съ цѣлью совмѣстно и равномѣрно сократить вооруженія". Профессоръ Эйхгофъ, отъ имени нѣмецкихъ делегатовъ, присоединился къ этому пожеланію; бельгійскій сенаторъ Бернаэртъ и американецъ Бертонъ высказались въ томъ же духѣ, но графъ Гобле д'Альвіелла поставилъ точку на і, затронувъ вопросъ о главномъ оплотѣ современнаго милитаризма — Германіи: „Положеніе зависитъ исключительно отъ Германіи. Если Германія откажется, то никто не согласится сокращать вооруженія; нѣмецкая нація миролюбива, и самъ императоръ несомнѣнно желаетъ мира, но надо считаться съ фактами. Недостаточно еще того, чтобы Франція, Англія, Россія, Италія и Соединенные штаты вошли между собою въ соглашеніе,—если одна держава останется въ сторонѣ и возьметъ на

себя роль руководящей силы въ Европѣ". Въ заключительномъ засѣданіи 25-го іюля баронъ д'Этурнелль-де-Констанъ формулировалъ пожеланія съѣзда въ томъ смыслѣ, что вопросъ о сокращеніи вооруженій долженъ быть включенъ въ программу ближайшей Гаагской конференціи и что члены междупарламентскаго союза обязаны предварительно поставить этотъ вопросъ въ своихъ парламентахъ и передъ своими правительствами. Собраніе закончилось торжественнымъ завтракомъ въ Вестминстеръ-Голлѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда-канцлера, причемъ произнесены были рѣчи спикеромъ палаты общинъ, графомъ Аппоньи, Брайяномъ и барономъ д'Этурнелль-де-Констаномъ.

Знаменитое дѣло Дрейфуса, такъ долго волновавшее Францію, получило свою окончательную развязку въ рѣшеніи соединенныхъ палатъ верховнаго кассаціоннаго суда, отъ 12-го іюля, которымъ установленъ фактъ совершившейся судебной ошибки и безусловно признана невиновность дважды осужденнаго и опозореннаго офицера. Первый приговоръ военнаго суда, состоявшійся въ 1894 году и приведенный тогда же въ исполненіе, былъ подвергнутъ пересмотру только пять лѣтъ спустя, когда открылся дѣйствительный авторъ письма (bordereau), послужившаго главнѣйшею уликою противъ Дрейфуса; но писавшій бордеро майоръ Эстергази, преданный суду, былъ оправданъ, а вторичное разбирательство дѣла Дрейфуса въ 1899 г. въ реннскомъ военномъ судѣ было обставлено цѣлымъ рядомъ подлоговъ, фальшивыхъ свидѣтельскихъ показаній и фантастическихъ экспертизъ, приведшихъ къ новому, хотя и болѣе мягкому, обвинительному приговору. Постепенно эти подлоги раскрывались, мнимыя доказательства виновности оказывались болѣе или менѣе искусными поддѣлками, и подъ вліяніемъ этихъ разоблаченій министерство юстиціи въ концѣ 1903 года вновь предписало перенести дѣло Дрейфуса на разсмотрѣніе уголовной палаты кассаціоннаго суда, которая въ мартѣ 1904 г. признала законныя основанія для пересмотра. Съ тѣхъ поръ производилась тщательная провѣрка документовъ и показаній, и только въ іюнѣ настоящаго года началось формальное разсмотрѣніе дѣла въ кассаціонномъ судѣ. Посвятивъ этому дѣлу пятнадцать засѣданій, судъ нашелъ, что, за устраненіемъ поддѣлокъ, ничего не остается изъ обвиненій противъ Дрейфуса, и что не существуетъ ничего такого, что могло бы быть ему поставлено въ вину какъ преступленіе и проступокъ, а потому приговоръ военнаго суда въ Реннѣ, обвинившій его „по ошибкѣ и неправильно", уничтоженъ безъ передачи дѣла въ другой судъ, съ предоставленіемъ Дрейфусу права на возмѣщеніе убытковъ и на публикацію приговора въ пятидесяти газетахъ по его выбору, сверхъ

расклейки его на улицахъ Ренна и Парижа. Дрейфусъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ какого бы то ни было возмѣщенія убытковъ, и правительству оставалось только признать за нимъ всѣ права по военной службѣ, начиная съ 1894 года; въ этомъ смыслѣ былъ тотчасъ же внесенъ въ палату депутатовъ спеціальный проектъ закона о повышеніи капитана Дрейфуса въ майоры, съ назначеніемъ эскадроннымъ командиромъ, что̀ и было утверждено большинствомъ 473 противъ 42 голосовъ. Одновременно былъ возстановленъ въ правахъ благородный заступникъ неправильно осужденнаго, пожертвовавшій всей своей карьерою во имя торжества правды, полковникъ Пикаръ; онъ произведенъ въ бригадные генералы, съ зачисленіемъ времени отставки въ дѣйствительную службу, что̀ также одобрено палатой 477 голосами противъ 27. Такъ окончилась исторія французскаго офицера-еврея, пожелавшаго служить при главномъ штабѣ, въ самомъ центрѣ клерикальнаго офицерства, и поплатившагося за это многими годами незаслуженныхъ страданій и униженій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

R. Garnett. De Flagello Myrteo. London, 1906.

Три мѣсяца тому назадъ умеръ одинъ англійскій писатель, о которомъ всѣ знавшіе его лично говорятъ какъ о рѣдкостномъ явленіи въ литературномъ мірѣ. Этотъ писатель — д-ръ Ричардъ Гарнетъ, ученый историкъ литературы и библіографъ,—въ то же время и авторъ изысканныхъ, самобытныхъ художественныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Для характеристики д-ра Гарнета можетъ служить лучше всего то, что этотъ почтенный ученый умеръ семидесяти-одного года,—и его послѣдняя книга, вышедшая въ свѣтъ незадолго передъ смертью автора, носитъ названіе „De Flagello Myrteo“ и представляетъ сборникъ афоризмовъ о любви. Книга появилась безъ имени автора, но ея принадлежность д-ру Гарнету была извѣстна и послѣ его смерти подтверждена какъ фактъ.

Въ „De Flagello Myrteo“ вошло кое-что изъ старыхъ записей автора, но большинство собранныхъ тамъ мыслей и опредѣленій написаны недавно, въ самые послѣдніе годы. Эта небольшая книга, умная, слегка насмѣшливая и отражающая снисходительное, всепріемлющее ея отношеніе къ людямъ, признающая любовь закономъ жизни, даетъ ключъ къ пониманію оригинальной личности Ричарда Гарнета. Онъ воплотилъ въ жизни тотъ типъ книжника, какимъ-то чутьемъ угадывающаго красоту и радость жизни, который воплощенъ Анатолемъ Франсомъ въ его аббатахъ и книжникахъ прежнихъ вѣковъ, а главное—въ его обаятельномъ Бержере. Д-ръ Гарнетъ—тоже такой книжникъ, благословляющій жизнь, и „De Flagello Myrteo“—жизненное credo, тоже своего рода „Opinions de Jérome Coignard“ — только не Куаньяра, придуманнаго современнымъ скептикомъ, а живого собирателя книгъ и созерцателя жизни.

Д-ръ Ричардъ Гарнетъ—книжникъ по профессіи, еще болѣе чѣмъ герой Франса, ибо, любя книги для себя, онъ собиралъ и хранилъ ихъ для общаго употребленія. Гарнетъ провелъ почти всю свою жизнь въ стѣнахъ одного изъ величайшихъ книгохранилищъ міра—въ Британскомъ музеѣ. И эта жизнь не сдѣлала его сухимъ ученымъ. Напротивъ того, всѣ воспоминанія его личныхъ друзей и знакомыхъ—а ихъ было необыкновенно много въ виду его положенія въ музеѣ—

отмѣчаютъ въ немъ его живость, открытость и доброту. А кто не зналъ его лично, тотъ можетъ убѣдиться изъ его художественныхъ произведеній, что непрерывное общеніе съ книгами не убило въ немъ ни живости фантазіи, ни любвеобильнаго отношенія къ жизни и къ людямъ.

Ричардъ Гарнетъ поступилъ въ Британскій музей мальчикомъ шестнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца, тоже бывшаго служащаго въ Британскомъ музеѣ, и прослужилъ сорокъ-восемь лѣтъ, постепенно поднимаясь въ служебной іерархіи и сдѣлавшись (въ 1890 г.) главнымъ завѣдующимъ отдѣла печатныхъ книгъ. Только въ 1899 году онъ окончательно вышелъ въ отставку. Ему было тогда 64 года (онъ родился въ 1835 году). Такимъ образомъ, д-ръ Гарнетъ былъ не только книжникомъ, но и чиновникомъ, а въ общемъ англійскіе бюрократы, члены civil service—самые скромные, какъ и высоко стоящіе,—только самоувѣреннѣе, а не шире умомъ и духомъ, чѣмъ наши,—сравнивая ихъ, конечно, только по психологіи, а не по отношенію ихъ къ своему гражданскому и государственному долгу. Но и какъ чиновникъ, Гарнетъ сумѣлъ остаться исключеніемъ, образцомъ любовнаго отношенія къ своему дѣлу. Къ книгамъ онъ относился не оффиціально,—онѣ были для него источникомъ живой мудрости, и потому онъ съ такимъ рвеніемъ облегчалъ доступъ къ нимъ всѣмъ ищущимъ знанія. Онъ помогалъ имъ своей административной энергіей, своими улучшеніями въ устройствѣ библіотеки музея и своими личными совѣтами и помощью всѣмъ, кто обращался къ нему. Множество воспоминаній, которыя появляются о немъ теперь въ газетахъ и журналахъ, доказываютъ, какое огромное количество людей обращались къ нему за всевозможными справками—и всѣ уходили отъ него удовлетворенные.

Никакого школьнаго и университетскаго курса Ричардъ Гарнетъ не проходилъ; жизнь среди книгъ, прямая необходимость большихъ литературныхъ знаній и, главное, знанія иностранныхъ языковъ для его служебныхъ обязанностей, сдѣлали Гарнета однимъ изъ ученѣйшихъ знатоковъ литературы, исторіи философіи, а также древнихъ и новыхъ языковъ. Университетамъ оставалось только давать ему почетные докторскіе дипломы, которые у него и были. Начало службы д-ра Гарнета въ Британскомъ музеѣ совпало съ дѣятельностью знаменитаго итальянскаго эмигранта Паницци. Про него говорили, что, владѣя достаточнымъ административнымъ геніемъ, чтобы управлять Италіей, онъ—волей судебъ—направилъ этотъ геній на то, чтобы сдѣлать Британскій музей тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. До него библіотека Британскаго музея была совершенно посредственной; онъ же ее поднялъ на высоту мірового книгохранилища, обезпечивъ ей экономическую независимость и положивъ начало каталогу, составляю-

щему главное богатство и славу библіотеки, и создавъ планъ для устройства читальной залы въ ея теперешнемъ видѣ.

Продолжателемъ Паницци, умершаго въ 1879 году, сталъ Гарнетъ. Каталогъ былъ составленъ и доведенъ до конца подъ его редакціей, и, въ качествѣ директора печатнаго отдѣла, онъ обогатилъ библіотеку, сдѣлавъ очень цѣнныя пріобрѣтенія и обращая спеціальное вниманіе на иностранный отдѣлъ. Онъ руководствовался желаніемъ сдѣлать библіотеку Британскаго музея вмѣстилищемъ знаній всего міра, пріютомъ для ученыхъ всѣхъ странъ. И тѣ, которые съѣзжаются со всѣхъ концовъ міра работать въ Британскій музей, поражаются почти исчерпывающимъ богатствомъ матеріала, который находятъ подъ рукой,—всѣ они будутъ относиться съ истинно благодарнымъ чувствомъ къ памяти Гарнета, второго послѣ Паницци созидателя музея. Гарнетъ содѣйствовалъ также удобству въ распредѣленіи книгъ и пользованіи ими, придумалъ разныя цѣнныя приспособленія; онъ заботился о благоустройствѣ библіотеки во всѣхъ отношеніяхъ. Личныя заслуги Гарнета какъ библіотекаря не исчерпываются, однако, его административной дѣятельностью. Онъ былъ драгоцѣннымъ помощникомъ всѣхъ работающихъ въ библіотекѣ, благодаря своей феноменальной памяти и накопленному за долгую книжную жизнь сокровищу самыхъ разнообразныхъ знаній. У него была прежде всего въ высшей степени развита профессіональная память.

Въ напечатанныхъ недавно воспоминаніяхъ о немъ молодой писатель Форбъ Гюферъ, внукъ знаменитаго художника Мадокса Броуна, разсказываетъ, какъ онъ мальчикомъ часто ходилъ, по порученію дѣдушки, къ Гарнету за разными справками. Художнику нужны были, напримѣръ, свѣдѣнія о томъ, какія пряжки носились въ меровингскую эпоху (онъ стремился къ точности деталей въ историческихъ костюмахъ)—и онъ рѣшилъ, что „безъ Гарнета не обойтись“. Онъ отправилъ внука въ музей. „Высокій, слегка сутулый, близорукій, улыбающійся д-ръ Гарнетъ вышелъ ко мнѣ изъ какихъ-то книжныхъ нѣдръ,—разсказываетъ Гюферъ,—и узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ:—Пройдите изъ входныхъ дверей направо; тамъ, въ пятомъ шкапу, на второй полкѣ, въ десятомъ томѣ такого-то сочиненія, въ концѣ вы найдете рисунокъ, нужный м-ру Мадоксу Броуну“. И этотъ отвѣтъ казался естественнымъ. Всѣ всегда обращались съ вопросами къ д-ру Гарнету, и онъ всегда отвѣчалъ. Даже почти передъ самой смертью, когда онъ уже не вставалъ съ постели и почти лишился зрѣнія, онъ еще диктовалъ дочери письма съ отвѣтами разнымъ—часто совершенно незнакомымъ—людямъ, обращавшимся къ нему съ вопросами и просьбами литературныхъ услугъ. Вспоминая о немъ теперь, всѣ отмѣчаютъ прежде всего его добродушную, слегка ироническую улыбку въ раз-

говорѣ, а также и его общительность. Онъ всегда былъ пріятнымъ гостемъ, умѣвшимъ разговаривать со всѣми; гости, приходившіе къ нему въ домъ, охотно засиживались подолгу. Онъ былъ хорошимъ разсказчикомъ, привлекалъ своимъ незлобивымъ юморомъ, своей снисходительностью. У него была чисто англійская привязанность къ кошкамъ, и часто для сужденія о человѣкѣ ему важно было знать, любитъ ли онъ кошекъ, или нѣтъ. Когда онъ былъ завѣдующимъ библіотекой въ Британскомъ музеѣ, онъ покровительствовалъ кошкамъ—даже въ подвѣдомственномъ ему книгохранилищѣ. Занимавшіеся въ Британскомъ музеѣ лѣтъ 10—12 тому назадъ, навѣрное помнятъ огромнаго холенаго чернаго кота, который ходилъ по заламъ музея какъ дома—и, какъ увѣряли сторожа, избралъ себѣ мѣстомъ для ночлега залу египетскихъ древностей. Теперь этотъ котъ исчезъ—вмѣстѣ съ исчезновеніемъ книжника, благоволившаго къ лукавому кошачьему роду.

Людей, проводящихъ свой вѣкъ за книгами, „ученыхъ крысъ", представляютъ себѣ обыкновенно хилыми, съ землистымъ лицомъ—изъ-за отсутствія свѣта и воздуха. Но д-ръ Гарнетъ и въ этомъ отношеніи былъ исключеніемъ. Онъ за всю жизнь ни разу не былъ боленъ, и за 48 лѣтъ не пропустилъ въ библіотекѣ ни одного дня. Онъ не путешествовалъ, почти никогда не уѣзжалъ изъ Лондона—книги и люди ему замѣняли все другое; единственнымъ отдыхомъ онъ считалъ перемѣну предмета занятій. Въ столь негигіеничныхъ условіяхъ онъ прожилъ цѣлую длинную жизнь, работая почти до самаго дня смерти, диктуя литературныя статьи, когда ослабѣвшее зрѣніе стало измѣнять ему—уже въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни. Что составляло источникъ его силы? Очевидно, именно та сила духа истинныхъ книжниковъ, какъ ихъ понималъ Анатоль Франсъ, людей, смотрящихъ на міръ изъ оконъ своей библіотеки, сквозь мудрость вѣковъ. Имъ все становится одинаково близкимъ, одинаково понятнымъ—и слегка чужимъ. Они благоволятъ къ жизни, всѣхъ любятъ, но жизнь любятъ какъ цѣлое, какъ принципъ бытія, не различая милаго отъ немилаго. Они поэтому нѣсколько болѣе спокойны, чѣмъ другіе люди, всецѣло поглощенные жизнью и своими переживаніями,—у нихъ слегка ироническая улыбка и нѣжная душа. Въ личной жизни д-ръ Гарнетъ, имѣвшій многочисленную семью, отличался именно улыбающимся отношеніемъ ко всему. Онъ не волновался; самъ говорилъ, что не помнитъ, чтобы онъ когда-нибудь возвышалъ голосъ, чувствуя, что гнѣвъ не соотвѣтствуетъ его природѣ. Онъ былъ слегка чужой всѣмъ осложненіямъ жизни; всему сочувствуя, добрый ко всѣмъ, онъ жилъ въ своемъ собственномъ духовномъ мірѣ, и это отражалось въ его улыбкѣ, о которой говорятъ всѣ близко знавшіе его. Такимъ рисуется личность д-ра Гарнета,—и развѣ это не воплощеніе профессора Бержере, или аббата Жерома

Куаньяра, или другихъ родственныхъ имъ по духу книжниковъ Анатоля Франса?

Англійскій книжникъ написалъ за свою долгую трудовую жизнь множество книгъ филологическаго и историко-литературнаго содержанія, біографій, критическихъ очерковъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его исторія итальянской литературы, біографіи Карлейля, Мильтона, Эмерсона (въ серіи „Great Writers"), прекрасная монографія о Вильямѣ Блэкѣ, множество литературныхъ статей въ „Encyclopedia Britannica" и „National Biography", переводы сонетовъ Данте, Петрарки и Камоэнса. Въ послѣдніе годы онъ сталъ издавать въ сотрудничествѣ съ Эдмондомъ Госсе „Исторію англійской литературы". Кромѣ того, онъ написалъ множество вступительныхъ статей къ разнымъ литературнымъ изданіямъ. Д-ръ Гарнетъ никогда не отказывалъ издателямъ, обращавшимся къ нему за вступительнымъ очеркомъ или за бѣглой статейкой по какимъ угодно вопросамъ; въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, нѣкоторые друзья высказываютъ сожалѣніе по поводу его готовности всегда и обо всемъ писать по просьбѣ людей, которые къ нему обращались. Онъ дѣлалъ часто то, что могъ бы съ успѣхомъ сдѣлать за него всякій литературный ремесленникъ, и терялъ время, нужное для проявленія его самобытной индивидуальности. „Для меня неразгаданная загадка"—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ упомянутый выше молодой романистъ Фордъ Гюферъ,—какъ человѣкъ столь чуткій, съ такимъ изысканнымъ вкусомъ и художественно-скептическимъ умомъ, позволилъ превратить себя въ вьючное животное и покорно составлялъ каталоги, устраивалъ конгрессы, отвѣчалъ на всевозможные вопросы постороннихъ людей, исполнялъ заказы разныхъ издателей. Онъ навѣрное зналъ, каковы его истинныя дарованія; можетъ быть, несходившая съ его губъ ироническая улыбка обозначала, что онъ внутренно самъ смѣется надъ странной шуткой — шуткой его длинной труженической жизни. Въ одномъ изъ его разсказовъ умирающій философъ, который изобрѣлъ эликсиръ жизни — даетъ выпить его обезьянѣ. Съ такой же ироніей, быть можетъ, д-ръ Гарнетъ тратилъ свой рѣдкій литературный таланта на исполненіе мелкихъ задачъ, предъявляемыхъ ему:—Я могъ бы,—казалось, говорила его улыбка,—быть свѣточемъ для моего времени. А отъ меня требуютъ, чтобы я рылъ туннели".

Какъ художникъ, д-ръ Гарнетъ обнаружилъ свой талантъ лишь въ небольшомъ количествѣ произведеній, но зато всѣ они заслуживаютъ и похвалъ, и сожалѣній понимавшихъ его друзей. Д-ръ Гарнетъ извѣстенъ какъ поэтъ, какъ прекрасный переводчикъ итальянскихъ классическихъ поэтовъ и какъ авторъ оригинальныхъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній. Въ 1902 году вышелъ объемистый сбор-

никъ его стиховъ—„The Queen and other Poems“. Его поэзія извѣстна и въ Россіи въ переводахъ О. Чюминой. Лирика его имѣетъ несомнѣнныя достоинства; поэтическая чуткость художественно переплетается въ ней съ легкимъ скептицизмомъ, съ свѣжимъ юморомъ,—но все-таки какъ поэтъ Ричардъ Гарнетъ принадлежитъ, конечно, къ dii minores. Его художественный талантъ горитъ болѣе ярко въ его разсказахъ, собранныхъ въ объемистомъ томѣ „The Twilight of the Gods“. Новѣйшее, дополненное изданіе этой книги появилось въ 1893 году.

И вотъ самое удивительное. Д-ръ Гарнетъ былъ въ жизни какъ бы выходцемъ изъ книгъ Анатоля Франса, и въ его разсказахъ воплощены всѣ характерныя черты творчества Франса: его скептическій юморъ, его склонность освѣщать старину свѣтомъ современныхъ чувствъ и мыслей, его умѣнье показывать странную слитность далекаго прошлаго и сегодняшней дѣйствительности. Различіе между ними состоитъ, однако, въ томъ, что Франсъ снисходителенъ и благожелателенъ къ людямъ изъ пессимизма, изъ равнодушія къ жизни, а Гарнетъ обличаетъ механизмъ жизни, секреты успѣховъ и неуспѣховъ, психологію удачниковъ и неудачниковъ всѣхъ временъ съ чувствомъ любви ко всему живущему. Франсъ осуждаетъ міръ — и потому оправдываетъ всѣ слабости, всѣхъ грѣшниковъ; Гарнетъ вѣритъ въ силу жизни, вѣритъ въ любовь, и потому иронически посмѣивается надъ всѣмъ въ отдѣльности. Но при этомъ коренномъ расовомъ различіи самая манера Гарнета отражать исторію и дѣйствительность очень близка къ характеру произведеній Франса, причемъ и по художественности выполненія подъ многими разсказами Гарнета могъ бы подписаться Анатоль Франсъ. О литературномъ вліяніи Франса на Гарнета не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Большинство разсказовъ Гарнета написаны были очень давно, первое изданіе „Twilight of the Gods“ вышло въ 1888 году, и отдѣльные разсказы появились еще раньше въ періодическихъ изданіяхъ. Можно говорить, значитъ, только о внутреннемъ, духовномъ родствѣ.

Большинство разсказовъ Гарнета по замыслу—книжные и являются отголосками его чтеній. Онъ любитъ вспоминать о языческой старинѣ—не такъ, какъ она рисуется ревностному послѣдователю культа человѣка и человѣколюбія. Гарнетъ съ любовью говоритъ о греческомъ Олимпѣ, но для него выше всего освобожденный отъ боговъ человѣкъ; онъ вѣритъ въ человѣка и въ творческую силу любви, данную человѣку. Въ этомъ духѣ написанъ первый разсказъ, дающій заглавіе сборнику: „Сумерки боговъ“. Это фантастическій разсказъ о Прометеѣ, освободившемся отъ своихъ цѣпей въ четвертомъ вѣкѣ христіанской эры. Чья-то незримая рука сразила орла, Прометей падаетъ куда-то

въ бездну и приходитъ въ себя на землѣ, въ странѣ, гдѣ на его языкѣ говоритъ только одна прекрасная дѣвушка, послѣдняя жрица Аполлона. Прометей радъ, что Олимпъ сверженъ, но новая религія, смѣнившая вѣру въ боговъ, ему не по душѣ. Онъ возродился человѣкомъ; онъ вознагражденъ за свою любовь къ человѣку тѣмъ, что самъ сталъ человѣкомъ, и потому его радость—въ томъ, чтобы слиться съ судьбою смертныхъ. Всѣ догматическія религіи созданы творческой силой человѣка; всѣ онѣ—отраженія невоплотимой божественной первоосновы бытія, и всѣ онѣ становятся смѣшны, когда хотятъ монополизировать для себя истину. Жрица Аполлона, не обратившаяся въ христіанство даже подъ угрозой смерти, видитъ, какъ жалки боги Олимпа, когда они, изгнанные съ Олимпа, бѣдные и слабые, становятся частыми гостями ея дома, гдѣ она живетъ подругой Прометея. Прометей обратилъ ее въ религію человѣчества. Разсказъ написанъ иронически, освѣщая одинаковымъ свѣтомъ разума и паденіе боговъ, и шарлатанство епископовъ торжествующей церкви. Безуміе людей, забывающихъ радоваться жизни въ ожиданіи какихъ-то наградъ „по ту сторону", иллюстрируется на примѣрѣ одного китайскаго императора. Онъ узналъ, что буддисты обладаютъ эликсиромъ вѣчной жизни, и хочетъ имъ овладѣть. Но оказывается, что въ виду преслѣдованій—буддистовъ, владѣющихъ драгоцѣнной тайной, почти уже не осталось въ живыхъ. Нашли только въ пещерѣ двухъ погруженныхъ въ трансъ женщинъ—мать и дочь. Извѣстно, что младшая изъ нихъ знаетъ тайну и скажетъ ее, когда проснется. Извѣстно также, что періодъ транса соотвѣтствуетъ по продолжительности смѣняющему его періоду неувядаемой жизни. Старшую изъ двухъ женщинъ убиваютъ, а младшую, цвѣтущую красавицу, переносятъ во дворецъ. Императоръ проводитъ всю жизнь у ея постели, поджидая момента ея пробужденія, ожидая отъ нея тайны вѣчной жизни. Онъ не удаляется ни на минуту отъ нея, не заботится о правленіи, становится старикомъ, не пользуясь жизнью, весь поглощенный ожиданіемъ. И вотъ, когда императоръ совсѣмъ старъ,—молодая красавица просыпается. Тогда оказывается, что секретъ знала не она, а ея дочь, зловѣщая старуха, которую убили въ пещерѣ. Она заснула совсѣмъ молодой, родивъ свою дочь въ шестнадцать лѣтъ. Потомъ она проспала семьдесятъ лѣтъ и, проснувшись, застала свою дочь старухой. Онѣ обѣ снова выпили эликсиръ, секретъ котораго былъ, однако, извѣстенъ старухѣ-дочери, а не молодой матери. Теперь, послѣ вторичнаго транса, мать проснулась, чтобы жить сто лѣтъ—столько лѣтъ она провела сначала въ трансѣ,—но тайну она не можетъ сказать, не зная ее. Императоръ умираетъ отъ горя. Онъ прожилъ цѣлую жизнь, не пользуясь ею—ради надежды, которая обманула его.

Въ другихъ разсказахъ Гарнетъ съ большимъ юморомъ раскрываетъ механику жизни, показываетъ житейскую необходимость обманывать людей—mundus vult decipi,—разсказываетъ съ тонкимъ юморомъ о продѣлкахъ какъ языческихъ жрецовъ, такъ и служителей христіанскихъ церквей, вводитъ въ разсказы дьявола, который часто приноситъ пользу церкви своимъ вмѣшательствомъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ разсказахъ звучитъ одна основная нота—человѣческой любви, гуманности не во имя отвлеченнаго принципа, а во имя живой любви. Въ художественномъ отношеніи и какъ образчикъ тонкой насмѣшки Гарнета надъ софизмами человѣческаго правосудія можетъ служить разсказъ „Пурпурная голова“ (The Purple Head). Персидскій король долженъ послать дары римскому императору Аврелію, но хочетъ сдѣлать это такъ, чтобы, отдавъ ему дань почтенія, въ то же время унизить его. Философъ совѣтуетъ королю послать драгоцѣннѣйшій пурпурный плащъ королевы — но не какъ рѣдкость, а какъ образчикъ производства страны, чтобы возбудить въ императорѣ зависть. Король исполняетъ совѣтъ философа, но его самого изгоняетъ, отобравъ у него имущество, чтобы избавить его отъ гнѣва королевы, лишившейся своей мантіи. Авреліану его придворный философъ объясняетъ, что пурпура въ Персіи нѣтъ, что это—рѣдчайшій индійскій продуктъ, и что лукавый персъ его обманулъ. Авреліанъ посылаетъ философа въ Индію за доказательствами правоты его словъ, т.-е. онъ изгоняетъ его, обрекая на нищету, пока онъ не найдетъ пурпуръ. Проходятъ десятки лѣтъ, римскихъ императоровъ смѣнилось нѣсколько, но пурпура никто еще не привезъ имъ изъ Индіи. Тогда на далекихъ путяхъ Индіи случайно встрѣчаются оба нѣкогда изгнанныхъ философа, и персъ узнаетъ, что римскій философъ досталъ флаконъ пурпура, добывъ его цѣной тяжкаго искуса. Персъ выхватываетъ у него флаконъ, происходитъ борьба,—и флаконъ пурпура проливается на лицо и голову философа, добывшаго драгоцѣннѣйшую краску. Пурпуръ не смывается; съ лицомъ и волосами, окрашенными въ ослѣпительный красный цвѣтъ, философъ является ко двору императора. Въ діалогѣ между императоромъ и философомъ вышучена — совершенно въ манерѣ Франса—софистика законовъ. Императоръ требуетъ головы философа, потому что онъ присвоилъ себѣ пурпуръ—исключительное достояніе монарховъ. Пурпуръ представляется ему его собственностью,—болѣе законной, чѣмъ право философа на его собственную голову. Этотъ діалогъ въ разсказѣ необыкновенно блестящъ. Философа казнятъ, чтобы овладѣть краской на его лицѣ,—но съ мертвой головы краска сейчасъ же исчезаетъ. Пурпуръ, сіяніе, полнота жизни истреблена смертью. Эта философская сказка — своего рода художественный перлъ.

Послѣдняя книжка Ричарда Гарнета, „De Flagello Myrteo“, посвящена любви. Она поражаетъ свѣжестью и полнотой чувства. Ее можно характеризовать только выпиской отдѣльныхъ изреченій о соотношеніяхъ любви, божественнаго начала бытія и человѣческой жизни. „Богъ и міръ нераздѣльны, какъ причина и слѣдствіе.—Богъ безъ міра былъ бы причиной безъ слѣдствія. Идеалъ любящихъ—быть столь же необходимыми другъ для друга, какъ міръ для Бога и Богъ для міра“. Въ этихъ словахъ отражено основное идеалистическое настроеніе мудраго книжника съ нѣжной душой. Его мысли о любви поэтичны, просты и полны нѣжности. „Идеальная любовь въ жизни—гласитъ одно изъ его изреченій—подобна радугѣ. Она образуется на небѣ, но видна только на землѣ“. Или еще: „Въ религіи любви куртизанка—еретичка, но монахиня—атеистка“. О взаимоотношеніяхъ „земной любви“ и любви идеальной у него есть много поэтическихъ изреченій: „Земной элементъ въ любви долженъ быть, какъ Богъ, невидимъ, но вѣчно близокъ“... „Любовь и Желаніе спорили за первенство:—Безъ меня,—сказала Любовь,—ничего не рождалось.—Безъ меня,—отвѣтило Желаніе,—ничто не было зачато.—И Любовь приняла Желаніе въ свои провожатые. Но когда они являются вмѣстѣ, Любовь идетъ впереди“... „Невѣдѣніе и Невинность—близнецы, лежавшіе въ одной колыбели. Невѣдѣніе осуждено всегда на погибель, и смерть его—или смерть Невинности, или ея безсмертіе“.

Таковы афоризмы о любви семидесятилѣтняго книжника.

II.

François de Curel. „Le Coup d'Aile“, pièce en 3 actes. Paris, 1906 (P. V. Stock, édit.).

Современный французскій театръ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей производитъ странное общее впечатлѣніе. Онъ, очевидно, отражаетъ мысли, чувства и—скажемъ—желанія, чтобы не сказать идеалы французскаго общества. Иначе кого бы интересовали представленія этихъ пьесъ, драмъ и комедій? А между тѣмъ, читая пьесы, имѣвшія успѣхъ на сценѣ, нельзя не удивляться бѣдности ихъ содержанія. Конечно, оптика сцены многое мѣняетъ:—живость характеровъ и дѣйствія отодвигаетъ на второй планъ проводимыя въ пьесахъ мысли. Но все же, наряду съ скандинавской и съ нѣмецкой литературной драмой, французскій театръ поражаетъ своей безсодержательностью. Въ настоящее время появились въ печати нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ на лучшихъ парижскихъ сценахъ, и по нимъ можно судить

объ уровнѣ драматическаго творчества во Франціи. По нимъ видно, что очень большое развитіе сценической техники отзывается пагубно на внутреннемъ содержаніи пьесъ. Изображеніе нравовъ, внѣшняя сатира—вытѣснили все другое, болѣе глубокое. Есть, конечно, сатирики, которые, изображая нравы, не останавливаются на поверхности, а затрагиваютъ сложныя задачи современной культуры. Есть Мирбо съ его жестокимъ вышучиваніемъ всѣхъ учрежденій мѣщанскаго общества; есть Анатоль Франсъ, призывающій къ активной борьбѣ; но все же бо́льшій сценическій успѣхъ имѣютъ виртуозныя комедіи и драмы, или безъ всякихъ идей, или поражающія своимъ наивнымъ отношеніемъ къ задачамъ жизни.

Къ числу пьесъ послѣдняго разряда принадлежитъ новая пьеса очень извѣстнаго драматурга, Франсуа де-Кюрель, „Le Coup d'Aile". Она шла у Антуана, что̀ до нѣкоторой степени служитъ гарантіей того, что она не принадлежитъ къ числу банальныхъ „ходкихъ" пьесъ. И дѣйствительно, драма задумана серьезно, написана вдумчиво, горячо. Въ ней есть интересные характеры, есть изображеніе современныхъ нравовъ; но основная идея дѣлаетъ ее отголоскомъ отжившихъ понятій. Проблема, занимающая автора—патріотизмъ въ военномъ смыслѣ, культъ завоевательныхъ успѣховъ своей родины, то, что̀ въ Англіи входитъ въ понятіе имперіализма, а во Франціи вовсе не составляетъ монополіи націоналистовъ, а свойственно всѣмъ классамъ французскаго общества. Вотъ почему драма представляетъ во всякомъ случаѣ интересъ. Кюрель освѣщаетъ отношеніе французовъ къ военному знамени, символизирующему въ ихъ глазахъ идею родины, и именно потому что Кюрель толкуетъ свою тему такъ, какъ ее, вѣроятно, толковалъ бы всякій французъ изъ толпы, драма его становится интереснымъ психологическимъ документомъ для характеристики современной Франціи.

Франсуа де-Кюрель — авторъ многихъ драмъ, извѣстныхъ своей смѣлостью въ постановкѣ общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ („Les Fossiles", „La nouvelle Idole" и др.). У него есть одно несомнѣнное для драматурга качество. Онъ—злой, и это его спасаетъ отъ самаго ужаснаго недостатка въ писателѣ, отъ сентиментальности. Онъ изображаетъ всегда людей твердыхъ въ своей односторонности, людей принципа, большей части ложнаго, людей съ закоренѣлыми предразсудками, и хотя онъ самъ какъ будто даже имъ сочувствуетъ иногда, все же онъ такъ обнажаетъ уродство ихъ души, что этимъ разбиваетъ ихъ идеалы. Такъ, напр., въ „Fossiles" герцогская семья съ трагическимъ упрямствомъ заботится о будущемъ своего рода, принося въ жертву всѣ личныя чувства и поступаясь даже долгомъ порядочности. Единственный сынъ герцога умираетъ отъ чахотки, и съ

нимъ угаснетъ древній родъ. Но старикъ отецъ не приходитъ въ полное отчаяніе отъ приговора врачей больному сыну: у него есть надежды на продолженіе его рода. Молодая дѣвушка, жившая у него въ домѣ въ качествѣ компаньонки дочери герцога, удалена была за непристойное поведеніе. Теперь она сдѣлалась матерью, и старикъ герцогъ имѣетъ основаніе считать родившагося у нея сына своимъ. Но происходитъ нѣчто непредвидѣнное: сынъ герцога, зная, что ему грозитъ близкая смерть, проситъ мать пріютить его возлюбленную—бывшую компаньонку сестры и ея новорожденнаго сына. Отецъ и сынъ—соперники, чего сынъ не знаетъ. Но, узнавъ о признаніи сына, отецъ быстро преодолѣваетъ личное чувство негодованія къ обманувшей его женщинѣ. Главное, это—что герцогскій домъ имѣетъ наслѣдника; а такъ какъ отцомъ оказался молодой герцогъ, а не старый, то даже возможна женитьба, и новорожденный можетъ унаслѣдовать имя предковъ. Всѣ преодолѣваютъ свои чувства. Старикъ герцогъ прощаетъ измѣну своей будущей невѣсткѣ и обѣщаетъ ей хранить тайну ея связи съ нимъ; дочь герцога преодолѣваетъ свое презрѣніе къ плебейкѣ, прошлое которой ей извѣстно,—и бракъ устраивается. Но послѣ того, какъ умирающій молодой герцогъ женился и далъ имя ребенку, семья начинаетъ преслѣдовать молодую женщину. Жестокая дочь герцога не понимаетъ своей невѣстки, не видитъ, что она дѣйствительно любитъ ея брата—и что въ прежнихъ ея отношеніяхъ съ отцомъ она была жертва, а не виновная. Доводя свою безпощадность до послѣднихъ предѣловъ, Берта сообщаетъ брату о прошломъ его жены—и этимъ ускоряетъ его смерть. Но главное достигнуто. Ребенокъ носитъ имя герцога и родъ не угаснетъ. Берта, хранительница фамильной чести и славы, приноситъ самую большую жертву своему кумиру: согласно завѣщанію ея брата, ребенокъ долженъ остаться подъ опекой матери—и во имя фамильныхъ интересовъ сестра умершаго рѣшаетъ посвятить и свою жизнь ребенку, жить съ его матерью, отказавшись навсегда отъ замужества во имя семейнаго долга. Авторъ изображаетъ всю герцогскую семью какими-то безумными фанатиками ложнаго идеала, замѣняющаго имъ всякую другую правду жизни. Кюрель называетъ ихъ „ископаемыми“ и далеко не оправдываетъ ихъ. Но смыслъ его пьесы въ томъ, чтобы показать различныя маски, подъ которыми проявляется трагическое начало жизни. Подъ маской превратныхъ понятій о чести трагизмъ становится еще болѣе яркимъ, потому что онъ осложненъ нравственнымъ уродствомъ, явнымъ нарушеніемъ морали во имя очевидной иллюзіи.

Борьбу разныхъ пониманій морали и связанный съ этимъ вопросъ о преступности Кюрель изображаетъ и разрабатываетъ во всѣхъ своихъ очень злыхъ пьесахъ. На ту же тему написана его новая пьеса

„Le Coup d'Aile". Въ центрѣ ея стоитъ романтически задуманная фитура мятежника. Онъ совершилъ въ свое время страшное гражданское преступленіе. Онъ былъ блестящимъ представителемъ французской арміи въ колоніяхъ и отличился побѣдой надъ племенемъ дикарей. Онъ завоевалъ для Франціи новую территорію съ значительнымъ негритянскимъ населеніемъ. Когда, пріѣхавъ на родину, онъ прочелъ отчетъ о своей экспедиціи передъ огромной публикой, его шумно чествовали, и долго еще потомъ гремѣло его имя; въ газетахъ и журналахъ печатали портреты „героя", и онъ достигъ вершины опьяняющей славы. Потомъ вдругъ прежній герой сдѣлался позоромъ своей родины. Отправившись къ своимъ чернокожимъ, онъ черезъ нѣсколько времени сталъ во главѣ ихъ возстанія противъ Франціи. Онъ повелъ ихъ въ битву противъ французскихъ войскъ, „стрѣлялъ въ французское знамя"—и вышелъ побѣдителемъ. Французскимъ войскамъ не удалось потушить возстаніе, и бывшій французскій офицеръ сдѣлался ихъ самостоятельнымъ правителемъ. Но торжество его не долго длилось. Его подданные возстали въ свою очередь противъ него, учинили надъ нимъ дикую расправу, и онъ спасся еле живой. Во Франціи были увѣрены, что онъ погибъ, и считали это достойнымъ концомъ предателя. Имя его навсегда покрыто позоромъ.

Но проходитъ пятнадцать лѣтъ, и мятежникъ возвращается—при своеобразныхъ обстоятельствахъ и для своеобразной цѣли. У него есть братъ, честолюбивый Бернаръ, депутатъ, преслѣдующій корыстныя цѣли въ своей политической дѣятельности и занятый только устройствомъ личныхъ дѣлъ. Слава его брата Мишеля помогла ему вступить на политическую арену, а его позоръ сильно повредилъ ему. Вѣсти о смерти Мишеля обрадовали Бернара: онъ надѣялся, что позорная исторія забудется, и онъ сможетъ самостоятельно составить себѣ имя и осуществить свои честолюбивые замыслы. Но онъ получилъ изъ Англіи письмо отъ Мишеля, который сообщилъ ему имя, подъ которымъ намѣренъ жить отнынѣ; онъ писалъ въ свойственномъ ему дерзкомъ тонѣ, что самъ пробьется безъ посторонней помощи, и успокаивалъ брата обѣщаніемъ исчезнуть изъ его существованія. Бернаръ поступилъ честно относительно брата, переслалъ ему его состояніе, которое могъ бы совершенно законно присвоить себѣ, въ виду неопровергнутыхъ извѣстій о смерти мятежника,—и этимъ сношенія между братьями прекратились. Мишель, предавшій родину, принесъ несчастье и своей семьѣ, бросивъ на произволъ судьбы жену и маленькую дочь. Жена умерла отъ горя, а маленькую Елену ея дядя отдалъ на воспитаніе въ монастырь, гдѣ она выростаетъ озлобленнымъ противъ всѣхъ волчкомъ; она питаетъ непримиримую злобу, главнымъ образомъ, противъ отца, виновнаго въ несчастіяхъ ея ма-

тери и ея самой. Своего дядю и его семью Елена совершенно не знаетъ; никто изъ нихъ ее не навѣщаетъ и ее никогда не берутъ на каникулы изъ монастыря.

Таковы обстоятельства, предшествующія началу дѣйствія. Самая драма начинается съ изображенія благополучія въ семьѣ Бернара. Онъ—видный депутатъ, и его недавняя рѣчь противъ милитаризма произвела сильное впечатлѣніе. Но жена его, которая ждетъ мужа въ ихъ приморской виллѣ, обезпокоена. Она, какъ и ея мужъ, никакихъ искреннихъ убѣжденій не имѣетъ, и совершенно безразлична къ общественнымъ интересамъ; ее занимаютъ только карьера мужа и связанное съ этимъ благополучіе ихъ семьи. Въ виду этого рѣчь его въ палатѣ противъ усиленія военнаго бюджета и противъ милитаризма вообще кажется ей безтактной. Во-первыхъ, не ему, брату предателя, говорить противъ культа военной славы: — исторія Мишеля еще не вполнѣ забыта, и противники Бернара могутъ воспользоваться ею, какъ орудіемъ противъ него. Затѣмъ онъ и депутатъ отъ приморскаго избирательнаго округа, гдѣ все населеніе живетъ работой на оружейныхъ заводахъ, такъ что избиратели вовсе не похвалятъ его за нарушеніе ихъ интересовъ. Уже какая-то мѣстная газетка начала кампанію намеками на брата депутата.

Бернаръ возвращается домой изъ Парижа,—но не одинъ. Онъ привезъ Елену, которую взялъ изъ монастыря, и поручаетъ ее заботамъ жены и дочери, молоденькой Жанны. Въ домѣ веселая кутерьма въ виду происходящихъ въ городкѣ маневровъ, морскихъ и сухопутныхъ, и Жанна въ особенности увлечена зрѣлищемъ морской битвы, происходившей всю ночь.

Оставшись наединѣ съ женой, Бернаръ объясняетъ ей положеніе дѣлъ: Мишель вернулся и написалъ ему, что вскорѣ явится къ нему въ домъ поговорить объ одномъ дѣлѣ,—конечно, сохраняя свое инкогнито. Жена Бернара въ ужасѣ, и онъ самъ тоже смущенъ, зная, что отъ безумнаго Мишеля можно всего ожидать. Одна его надежда на Елену; онъ взялъ ее изъ монастыря и поселилъ у себя, для того, чтобы, встрѣтившись съ отцомъ, она воскресила въ немъ семейныя чувства. Онъ тогда возьметъ ее, уѣдетъ и перестанетъ мѣшать имъ своими выходками. Жена Бернара говоритъ о неумѣстности его рѣчи противъ милитаризма; онъ съ ней соглашается и объясняетъ, что дѣйствовалъ подъ давленіемъ своей партіи, въ чемъ теперь очень раскаивается. Чтобы нѣсколько загладить дурное впечатлѣніе у своихъ избирателей, онъ нарочно вернулся домой на маневры и нарочно послалъ телеграмму семьѣ—онъ зналъ, что весь городъ будетъ знать о ней—съ выраженіями симпатій арміи. Кромѣ того, по дорогѣ домой онъ заѣхалъ въ мэрію и попросилъ назначить ему на постой полков-

ника. Скоро полковникъ пріѣдетъ, и домъ ихъ станетъ центромъ военной жизни на время маневровъ,—этимъ депутатъ надѣется загладить свою оплошность. Разговоръ между Бернаромъ и его женой рисуетъ съ жестокой холодностью, свойственной обличительному стилю Кюреля, закулисную сторону французскаго парламентаризма, узкую буржуазность и мелкое честолюбіе политическихъ карьеристовъ. Бернаръ и его жена цинично обсуждаютъ свои интересы, снимая маску гражданственности у себя дома. И они при этомъ спокойны, чувствуя себя правыми: они служатъ тому же кумиру, которому поклоняются всѣ вокругъ.

Является Мишель—преступникъ передъ родиной и передъ семьей. Встрѣча двухъ братьевъ и бесѣды ихъ выясняютъ идею драмы. Мишель, слишкомъ гордый, чтобы оправдываться, все же, обсуждая свое прошлое, объясняетъ свой поступокъ. Его увлекало безумное стремленіе къ свободѣ, его угнетали законы гражданственности. Духъ разрушенія побуждалъ его разбить всѣ путы, уничтожить все, что̀ казалось ему священнымъ... и онъ выстрѣлилъ въ военное знамя. „Въ тотъ моментъ, когда я прицѣлился въ знамя и выстрѣлилъ,—говоритъ онъ,—я понялъ, что нѣтъ для меня больше ни родныхъ, ни друзей на землѣ,—что для меня наступила своего рода смерть. Но смерть даетъ счастье, замѣняющее всѣ другія блага: полную независимость. Это не свобода гражданина, живущаго подъ властью законовъ, а свобода паріи, который ни передъ чѣмъ не преклоняется, ничѣмъ не стѣсненъ“. Къ этой свободѣ, превратившей его жизнь въ пустыню, Мишель и стремился своимъ неслыханнымъ поруганіемъ законовъ чести. И онъ почувствовалъ опьяненіе свободой въ самый ужасный моментъ жизни: тогда, когда освобожденные имъ отъ французскаго ига негры возстали противъ него, схватили его и, привязавъ къ хвосту верблюда, угнали въ пустыню. Тогда онъ постигъ великую радость величайшаго одиночества, отрѣзанности отъ міра и отъ законовъ, управляющихъ жизнью людей.

Таково прошлое Мишеля, человѣка, доведеннаго до душевнаго банкротства уродствомъ и рабствомъ культуры. Во имя свободы онъ опустошилъ свою душу и превратилъ ее въ пустыню. Но не эта психологія составляетъ сюжетъ драмы Кюреля—и онъ вовсе не апологетъ анархизма. Напротивъ того, его задача—изобразить возрожденіе Мишеля, возвратъ къ жизненному творчеству. Мишель до нѣкоторой степени, конечно, оправдываетъ собой идеалы анархизма: слѣдуетъ начать съ разрушенія стараго, нужно смести все пережитое, покончить счеты со всѣми установленными святынями, пройти черезъ созданную самимъ собой, добровольно, пустыню и тогда начать новое строительство. Мишель совершилъ преступленіе, но у него есть это внутреннее оправданіе.

Прошло, однако, пятнадцать лѣтъ и въ немъ окрѣпла новая сила, возрождающая его къ жизни для людей, влекущая къ участію въ общей созидательной работѣ. Предчувствіе этой новой созидательной силы выражается въ гордомъ желаніи жить наперекоръ раздавившимъ его обстоятельствамъ. Онъ очутился въ Лондонѣ, одинъ, — навсегда одинъ, какъ ему казалось, безъ возможности найти гдѣ-нибудь помощь и опору, но онъ все-таки не погибъ. Онъ работалъ, подметалъ улицы, боролся съ нищетой и создалъ себѣ подъ новымъ именемъ новое самостоятельное существованіе, не трогая, даже въ страшнѣйшей нуждѣ, денегъ, присланныхъ ему братомъ. Онѣ хранятся для опредѣленной священной цѣли.

И вотъ въ немъ окрѣпла новая творческая сила, противоположная прежней, разрушившей старые устои. Подъ какой маской является эта сила—это Кюрелю кажется безразличнымъ. Герцогская семья въ „Ископаемыхъ“ воодушевлена была несомнѣнно ложнымъ принципомъ родовой чести, но что бы она ни дѣлала для своего ложнаго идеала, все хорошо, поскольку оно служитъ цѣлямъ жизни. Мишель возрождается въ „Coup d'Aile“ подъ вліяніемъ жажды славы. Казалось бы, что для человѣка, который столько сбросилъ съ своей души и заплатилъ за это цѣной такихъ страданій и жертвъ, слава должна тоже относиться къ поверженнымъ кумирамъ. Слабость драмы Кюреля и заключается въ томъ, что онъ возвращается къ обветшалому кумиру честолюбія. Этотъ стимулъ, конечно, силенъ въ людяхъ массы, но для освобожденнаго, перерожденнаго человѣка онъ бы не долженъ былъ существовать. А между тѣмъ содержаніе „Coup d'Aile“ заключается въ томъ, что „повергнувшій знамя возвращается подъ его сѣнь съ любовью и преклоненіемъ“. Чувство патріотизма освѣщается въ бесѣдахъ между двумя братьями, отлично понимающими другъ друга. Бернаръ тоже видитъ смыслъ жизни въ миражѣ славы, и подчиняется своему честолюбію, какъ спасительному началу жизни, какъ ея оправданію. По его объясненію честолюбіе — удочка, на которую попадаются люди. Нужно, чтобы люди жертвовали собой для общаго блага, и потому создается миражъ славы, неосязаемаго блага, достижимаго уже послѣ того, какъ жизнь кончена. Бернаръ чувствуетъ, что безъ этого побужденія онъ былъ бы грубымъ эгоистомъ, а въ погонѣ за славой онъ сталъ полезнымъ членомъ общества. Мишель менѣе трезво относится къ своему честолюбію—онъ „обожаетъ славу, какъ улыбку на устахъ человѣчества“. Опустошенная душа его жаждетъ единенія съ человѣчествомъ,—и вотъ его опять влечетъ къ знамени, къ символу единенія, къ тому, что такъ желанно, потому что „оно соткано изъ восторговъ всѣхъ служившихъ ему.

Возвратъ къ знамени составляетъ содержаніе пьесы, въ сущности

довольно наивной. Въ домѣ Бернара останавливается полковникъ, пріѣхавшій на маневры,—къ великому удовольствію польщеннаго хозяина и его семьи. Домъ, гдѣ онъ живетъ, долженъ быть, по военнымъ правиламъ, и пріютомъ для полкового знамени. Оно вносится въ домъ съ особымъ церемоніаломъ. Бернаръ хочетъ отдать ему честь, снять передъ нимъ шляпу—это желаніе не искреннее, а внушенное требованіями обстоятельствъ. Но у него не оказывается подъ рукой его шляпы, и онъ беретъ шляпу Мишеля. Это служитъ какъ бы указаніемъ судьбы на то, что мятежникъ долженъ вернуться къ поруганной святынѣ. Знамя кладется въ отдѣльной комнатѣ, рядомъ съ комнатой полковника. Мишель взволнованъ присутствіемъ военныхъ въ домѣ, продолжаетъ дѣлать видъ, что покончилъ съ вопросами о военной чести, но въ сущности весь живетъ въ мечтахъ о воскрешеніи своей военной славы. Къ брату онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему очень смѣлое, безумное по дерзости предложеніе. Но прежде чѣмъ ему удается поговорить съ нимъ объ этомъ, у него разыгрывается сложная психологическая драма съ его дочерью Еленой. Онъ знаетъ, что это его дочь, но она понятія объ этомъ не имѣетъ. Ее привлекаетъ человѣкъ, въ которомъ она угадываетъ родственную душу, гордую и оскорбленную жизнью. Чтобы еще болѣе ее привлечь, Мишель говоритъ ей, кто онъ, умалчивая только о томъ, что онъ ея отецъ. Елена сразу становится на сторону мятежника противъ его брата съ его уравновѣшенной буржуазной порядочностью. Она чувствуетъ, что Мишель несчастенъ, и предлагаетъ ему просто и настойчиво свою привязанность. Она всегда мечтала посвятить жизнь несчастнымъ и одинокимъ. Такъ вотъ она готова жить съ нимъ и быть его опорой въ жизни. Пусть онъ узаконитъ ее какъ свою дочь—вѣдь настоящій ея отецъ бросилъ ее и ея мать, и она знаетъ, что всякій, кто хочетъ, можетъ объявить себя ея отцомъ. Мишель взволнованъ ея предложеніемъ, но не рѣшается открыть ей правду, зная, что единственный предметъ ея ненависти—ея отецъ. Онъ надѣется раньше искупить свою вину—тогда, можетъ быть, онъ будетъ достоинъ Елены. Онъ объясняетъ наконецъ брату свой планъ: у него есть деньги—тѣ, которыя вернулъ ему Бернаръ, какъ его часть отцовскаго наслѣдства. На эти деньги Мишель хочетъ сдѣлать экспедицію въ центральную Африку и завоевать тамъ для Франціи новую территорію, подарить родинѣ новую землю. Водрузивъ на далекой территоріи французское знамя, онъ этимъ загладитъ свое преступленіе противъ того же знамени. Ему нужна помощь французскаго правительства только для того, чтобы оно пропускало его и его отрядъ черезъ французскія владѣнія. Для этого онъ обращается къ помощи брата. Онъ, какъ депутатъ, долженъ выхлопотать ему эту поддержку. Конечно, онъ бу-

детъ дѣйствовать подъ своимъ новымъ именемъ, такъ что никакихъ воспоминаній о былomъ не можетъ быть. Мишель проситъ брата помочь ему, угрожая въ противномъ случаѣ раскрыть, кто онъ, и этимъ погубить карьеру брата. Бернаръ наотрѣзъ отказывается поддерживать эту авантюру. Мишель убитъ отказомъ. Онъ жилъ только надеждой на улыбку славы. Чувство Елены, которая могла бы примирить его съ жизнью, онъ долженъ отклонить, боясь открыть истину. Но Елена настаиваетъ на томъ, чтобы стать его названной дочерью. Именно теперь, когда братъ отказалъ ему въ помощи, Елена чувствуетъ себя особенно близкой къ мятежнику, лишенному всѣхъ связей съ міромъ. Она рѣшаетъ во что бы то ни стало заставить Мишеля взять ее съ собой. Она рѣшаетъ для этого сдѣлать тоже „преступленіе". Когда и ее будутъ презирать, онъ пойметъ, что судьбы ихъ неразрывно связаны. Она дѣлаетъ довольно, впрочемъ, дѣтскую вещь,—крадетъ полковое знамя. Когда знаменосецъ приходитъ за нимъ, и все общество въ сборѣ для церемоніи выноса знамени передъ уходомъ полка,—поднимается тревога: знамя исчезло. Это—безчестіе для дома, гдѣ оно находилось, позоръ для полка. Бѣдный Бернаръ въ отчаяніи, но спасителемъ положенія является Мишель. Онъ понялъ, чье это дѣло, и указываетъ на виновницу. Елена признаетъ свою вину и говоритъ, что хотѣла выбросить знамя изъ окна, для довершенія своего поступка. Бернаръ осыпаетъ ее ругательствами, говоритъ, что не потерпитъ ея присутствія въ домѣ. Она достигла цѣли. Ее презираютъ и преслѣдуютъ—она равна Мишелю. Полковникъ, правда, не судитъ поступокъ истеричной, по его мнѣнію, дѣвушки,—но все же она теперь лишена крова и всякой поддержки. Она съ торжествомъ обращается къ Мишелю и спрашиваетъ его, признаетъ ли онъ ее теперь своей названной дочерью? Тогда Мишель говоритъ ей наконецъ, что она—его дѣйствительная дочь. Но Елена уже настолько поняла его душу, что отвлеченный гнѣвъ противъ преступнаго отца исчезаетъ, и она идетъ къ нему. Они покидаютъ вмѣстѣ негостепріимный домъ Бернара. Мишель примиренъ съ жизнью,—примиренъ любовью и тѣмъ, что онъ — хотя бы символически — спасъ знамя отъ позора.

„Coup d'Aile", какъ видно изъ изложенія,—національно-французская вещь, съ приверженностью къ нарядному патріотизму, и поэтому не можетъ удовлетворить идейнымъ требованіямъ болѣе свободной публики. Но если заглянуть дальше замысла самого автора и взять ее какъ психологическій документъ, то эта драма двухъ моментовъ души—опустошенія во имя свободы и созиданія святыни въ свободной душѣ—пріобрѣтаетъ интересъ. Мораль Кюреля—наивная, но психологическій анализъ въ пьесѣ дѣлаетъ ее интересною.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1906.

Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?—Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.—Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ.—Ближайшія перспективы.—Юридическій хаосъ.—Отчетъ училищной коммиссіи въ Петербургѣ.—М. Я. Герценштейнъ †.

Государственная Дума распущена!.. Народное представительство въ Россіи просуществовало семьдесятъ два дня—и его нѣтъ. Юридически оно не упразднено. Но фактически его нѣтъ и не будетъ въ теченіе семи мѣсяцевъ... Полтора года мысль всей Россіи—тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія — была фиксирована на созывѣ Думы. Думу ждали, на Думу надѣялись, Думы боялись. Скорѣйшее реализированіе мысли обратилось—въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ—въ страстное желаніе. Наконецъ, Дума стала фактомъ—не ожидаемаго будущаго, а наступившаго настоящаго... И Думы нѣтъ — фактъ отошелъ въ прошлое!.. Вмѣсто него передъ населеніемъ стоитъ опять одно обѣщаніе—„неизмѣнное“ и „непреклонное“,—что послѣ 20-го февраля 1907 г. начнется законодательное обновленіе государственной жизни... Семь мѣсяцевъ! Въ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, это невѣроятно длинный періодъ. И за недѣлю впередъ нельзя ручаться. А что произойдетъ въ теченіе долгихъ семи мѣсяцевъ—кто возьметъ на себя смѣлость предсказать?..

Роспускъ Думы—актъ боевой. Семьдесятъ два дня шла непрерывная борьба между первыми избранниками народа и умирающимъ—и все еще бьющимся въ предсмертной агоніи—бюрократическимъ режимомъ. Сила оказалась на сторонѣ бюрократіи, и она побѣдила. Дума разогнана!.. Именно разогнана, а не распущена. Не было стрѣльбы, не было убитыхъ, раненыхъ и избитыхъ нагайками, не было даже связанныхъ и арестованныхъ—только войска для всего этого были наготовѣ. Но и не въ открытомъ засѣданіи, не изъ устъ предсѣдателя своихъ собраній или совѣта министровъ узнали члены Думы о лишеніи полномочій. Они узнали объ этомъ въ воскресенье, когда засѣданій Думы не бывало, изъ газетъ. Чтобы удостовѣриться, они пошли въ Таврическій дворецъ—и ихъ не пустили... Вопреки не оставляющаго мѣста для сомнѣній смысла 63-ей статьи основныхъ законовъ, указъ о роспускѣ Думы не назначилъ новыхъ выборовъ, а упомянулъ, что объ этомъ „послѣдуютъ особыя указанія“. Вопреки

статьѣ 26-ой тѣхъ же законовъ, указъ никѣмъ не скрѣпленъ. Развѣ это не „разгонъ“, тѣмъ и отличающійся отъ предусмотрѣннаго закономъ и вездѣ примѣняемаго права верховной власти аппелировать къ населенію путемъ роспуска представительства, что при немъ нѣтъ надобности, оправдываемой въ глазахъ власти невозможностью, въ строгомъ соблюденіи законныхъ формъ и обрядностей? Говорятъ, что поступить иначе, какъ просто не впустить членовъ Думы въ Таврическій дворецъ, было нельзя: члены Думы оттуда добровольно бы не ушли. Не будемъ спорить о томъ, что̀ было бы, еслибы и т. д. Но, въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ скрывать и затемнять длинными разсужденіями истинное значеніе акта 8-го іюля...

Совмѣстная дѣятельность Государственной Думы и бюрократическаго министерства была немыслима. Два съ половиной мѣсяца это воочію показали. Справиться съ „распущенной“, какъ каламбуритъ „Новое Время“, Думой, т.-е. „подтянуть“ ее и сдѣлать себѣ послушной, министерство не могло ни немедленно, ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ. Оно поэтому прекратило существованіе Думы даннаго состава въ надеждѣ, что вторые выборы дадутъ иной результатъ. Учло ли только министерство психологическое значеніе совершѣннаго дѣйствія? Приняло ли оно во вниманіе, что подрывъ авторитета первыхъ въ Россіи народныхъ представителей можетъ поколебать въ населеніи вѣру въ идею монархическаго представительнаго образа правленія? Съ нашей точки зрѣнія, въ такой возможности коренится величайшая опасность.

Не дѣйствія руководятъ идеями, а наоборотъ. Не такъ опасны активныя революціонныя вспышки, какъ революціонизированіе общественной мысли, если революціонное настроеніе составляетъ основной тонъ для всѣхъ слоевъ и классовъ населенія. Что послѣднее вѣрно—едвали могутъ быть два мнѣнія. И непосредственныя наблюденія это показываютъ на каждомъ шагу, и ежедневное чтеніе газетъ—и междоусобица на Кавказѣ, и еврейскіе погромы, и аграрныя волненія съ безсмысленнымъ сожженіемъ построекъ, зерна и сѣна, и отношенія низшихъ агентовъ власти къ высшимъ, или учащихся, вплоть до гимназистовъ, къ учащимъ, и разбои и грабежи подъ флагомъ террористическихъ дѣйствій и т. д., и т. д. Въ концентрированномъ видѣ высокую степень подъема революціоннаго настроенія показывала и Государственная Дума, съ поразительной точностью отражавшая психологію страны. Освободительное движеніе разрушило безповоротно всѣ старые авторитеты и на мѣсто ихъ поставило одинъ новый: авторитетъ свободно избранныхъ представителей народа. До созыва Думы этотъ авторитетъ абсолютно прямолинейными изъ конституціоналистовъ и сторонниками соціалистическихъ теорій принимался условно

если выборы будутъ произведены на основаніи четырехчленной формулы всеобщаго избирательнаго права. Народомъ онъ оказался принятымъ независимо отъ этого условія, а потому вынуждены были его принять въ лицѣ Государственной Думы и правовѣрные идеологи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Авторитетъ Думы въ безудержномъ полетѣ общественной мысли былъ, такимъ образомъ, если не предѣломъ, то преградой. Представители народа въ единеніи съ царемъ все могутъ и все сдѣлаютъ—такъ разсуждало крестьянство.

И спокойный анализъ положенія страны подсказывалъ, что такое представленіе о новомъ государственномъ строѣ, во что̀ бы то ни стало, должно было беречь. Попытки со стороны революціонныхъ элементовъ и, такъ называемыхъ, „черносотенныхъ“ не допустить, чтобы на Государственную Думу перешелъ авторитетъ идеи свободно избранныхъ представителей народа, дѣлавшіяся до 27-го апрѣля, успѣха не имѣли. Что касается правительства, то оно, при всемъ изувѣрствѣ политики П. Н. Дурново, авторитета Думы, до ея созыва, не колебало. Но съ перваго дня дѣятельности народнаго представительства министерство вступило съ нимъ въ борьбу и въ пылу борьбы стало безпощадно и систематично трепать вѣру народа въ Государственную Думу. Про предположенныя Думою начала утоленія земельнаго голода крестьянъ оно сказало: это „безусловно недопустимо“. Затѣмъ оно издало „правительственное сообщеніе“, имѣвшее задачей показать, какъ и откуда, помимо Думы, крестьяне могутъ получить удовлетвореніе ихъ нужды. Наконецъ, оно Думу распустило, и фактомъ роспуска съ очевидностью показало, что въ конфликтѣ съ министерствомъ, если министерство не желаетъ уступить, нормальное народное представительство безсильно. Сохранится ли, при такихъ условіяхъ, для второй Думы тотъ авторитетъ, которымъ пользовалась первая? Вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ идеаломъ будетъ жить населеніе до 20-го февраля?

Три мѣсяца назадъ мы писали:

„Какъ безконечно часто оправдывается старая истина: крайности сходятся! Съ обоихъ нашихъ политическихъ полюсовъ упорно раздается и повторяется зловѣщее предсказаніе: „Думу разгонятъ“... Именно „разгонятъ“, а не распустятъ. На вопросъ: почему? — отвѣчаютъ: „станетъ грубить Государю или войску—и разгонятъ“... Сколько въ этомъ предсказаніи и въ этомъ объясненіи слышится злорадства и стремленія унизить Думу! Чего съ ней церемониться—„разогнать“ штыками и больше ничего!.. Одни желали бы видѣть разгонъ Думы изъ-за того, что она собрана не по четырехчленной формулѣ и безъ ясно выраженнаго признанія за нею правъ учредительнаго собранія. Другіе—дабы если не вовсе устранить обновленіе государства, то хоть

отдалить конецъ столь любезнаго ихъ сердцу режима. Одни хотѣли бы, чтобы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцію. Другіе—чтобы о штыки разбились „безпочвенныя“ мечтанія о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣмъ, и другимъ диктуетъ зловѣщее предсказаніе не спокойная оцѣнка реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ, а желаніе...“

Желаніе, которое шло съ двухъ крайнихъ полюсовъ, сбылось. Кто оказался правъ? Реакціонеры оказались правы только въ томъ, что Дума разогнана. Революціонеры же могутъ теперь, уже основываясь на фактѣ, аргументировать ихъ старые доводы въ пользу учредительнаго собранія и невозможности мирнаго исхода кризиса. Нелегко было имъ возражать и прежде. А что теперь имъ противопоставятъ конституціоналисты, когда они станутъ говорить: „и вторую Думу разгонятъ“?

Глубоко вѣрны слова „Московскаго Еженедѣльника“: „правительство нанесло ударъ сторонникамъ порядка и законности“. Не тѣмъ сторонникамъ порядка, для которыхъ порядокъ—въ могильной тишинѣ и спокойствіе — въ безжизненности. И не тѣмъ сторонникамъ законности, для которыхъ законность—въ слѣпомъ, не разсуждающемъ повиновеніи „начальству“ и ему угодному пониманію правовыхъ нормъ. Такіе сторонники порядка и законности, вмѣстѣ съ сторонниками разрушенія всякихъ идейныхъ устоевъ, получили могущественную поддержку. Но тѣ, кто одинаково жаждали упорядоченной жизни на основѣ развитого правосознанія и мирнаго обновленія, безъ крови и жертвъ и безъ риска полновластнаго учредительнаго собранія — эти люди порядка гражданской свободы и поставленной съ нею въ уровень законности получили ударъ жестокій. Не споримъ, въ составѣ Думы были прямые революціонеры, пользовавшіеся трибуной и своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ цѣляхъ революціи. Были въ составѣ Думы также элементы, излишне экспансивные, вносившіе въ пренія недопустимую вообще страстность, порой переходившую по адресу министерства въ грубыя выходки. Вторыхъ, однако, ударъ коснулся слабо; первыхъ—не коснулся почти вовсе. Что изъ того, что населеніе не будетъ болѣе слышать съ трибуны ихъ рѣчей? Что изъ того, что они не будутъ покрывать своимъ именемъ пропаганду въ надпольной печати и на митингахъ? Они получили большее. Монархисты въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ для нихъ враги не опасные. Конституціонные же монархисты съ позиціи сбиты.

На Думу возлагались столь великія надежды, что ничего не будетъ страннаго, если роспускъ ея приведетъ народную мысль къ простому заключенію: исполнить свою миссію первые избранники или не смогли,

или не сумѣли. Въ первомъ случаѣ, самъ собой встанетъ вопросъ о безсиліи конституціоннаго строя для того, чтобы дать народу „землю и волю", а отсюда будетъ одинъ шагъ до вывода: „мы сами возьмемъ". Во второмъ случаѣ конечнымъ выводомъ явится или избраніе тѣхъ, кто въ стремленіи добиться земли и воли не остановится передъ средствами, или опять та же формула: „мы сами возьмемъ"... Признаковъ подобнаго трагическаго исхода пока нѣтъ. И городъ, и деревня встрѣтили вѣсть о роспускѣ Думы спокойно. Но убаюкивать себя мечтой, что роспускъ Думы не приведетъ къ трагическому положенію, еще рано...

Послѣдніе дни засѣданій Государственной Думы не ознаменовались ничѣмъ, исключительно выдающимся, если не считать таковымъ принятое 6-го іюля рѣшеніе обратиться къ населенію съ сообщеніемъ по аграрному вопросу. Мы не считаемъ, чтобы это рѣшеніе, само по себѣ, было фактомъ исключительнаго значенія, и думаемъ, что оно явилось поводомъ для роспуска Думы, но отнюдь не причиной. Прежде всего, соображенія формальныя. Ни въ законахъ основныхъ, ни въ учрежденіи Государственной Думы, правда, не говорится положительно, что Дума имѣетъ право обращаться къ народу съ сообщеніями. Однако, не говорится и противнаго. Въ то же время мы не помнимъ, чтобы гдѣ-либо въ законѣ было положительно выражено, что такое право принадлежитъ министерству. Не встрѣчая, такимъ образомъ, ограниченій въ законѣ, Государственная Дума, совершенно независимо отъ даннаго случая, въ засѣданіи 27-го іюня, приняла по докладу своей издательской коммиссіи, слѣдующее общее рѣшеніе: „Когда Дума признаетъ необходимымъ поставить все населеніе Имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной, по поводу одного изъ этихъ событій, рѣчи—она постановляетъ о распубликованіи ихъ". При этомъ въ Думѣ не встрѣтили ни одного слова возраженія объясненія докладчика коммиссіи, М. А. Стаховича, „что коммиссія имѣла въ виду не исключительно одинъ изъ перечисленныхъ для примѣра случаевъ, а, конечно, всю полноту рѣшеній Думы". „Дума можетъ—говорилъ далѣе докладчикъ—постановить распубликовать полный стенографическій отчетъ цѣлаго засѣданія или отдѣльные его моменты, или отдѣльные законопроекты, или одну какую-либо рѣчь, или мотивированный переходъ къ дѣламъ. Это *перечисленіе имѣетъ только примѣрное значеніе* и не исключаетъ возможности распубликовать полностью все засѣданіе, буде Государственная Дума о томъ постановитъ" [1]).

[1]) Цитируемъ по оффиціальному стенографическому отчету, стр. 1774.

Приведенныя выписки показываютъ, что не противъ рѣшенія 6-го іюля долженъ бы былъ быть, слѣдовательно, направленъ протестъ, а противъ общаго руководящаго рѣшенія, состоявшагося 27-го іюня, которое 6-го іюля получило лишь примѣненіе. Ибо если даже отвергать значеніе мотивовъ коммиссіи, какъ ихъ излагалъ М. А. Стаховичъ, то, очевидно, нѣтъ никакой существенной разницы, въ отношеніи распубликованія, между постановленіемъ, формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ или рѣчью, съ одной стороны, и сообщеніемъ—съ другой. Вѣдь тогда пришлось бы признавать конституціонно неправильнымъ текстъ подъ заголовкомъ: „Отъ Государственной Думы“ и правильнымъ тотъ же самый текстъ подъ заголовкомъ: „Государственная Дума, въ засѣданіи 6-го іюля, постановила поставить все населеніе Имперіи въ извѣстность о нижеслѣдующемъ“.

Разборъ существа обращенія Думы сдѣланъ во „Внутреннемъ обозрѣніи“, и мы на немъ останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что призвать народъ къ спокойному и мирному ожиданію рѣшенія безконечно труднаго и сложнаго земельнаго вопроса—и именно со стороны Думы—по нашему мнѣнію, было и необходимо, и своевременно. Необходимо, чтобы противодѣйствовать подрыву авторитета Думы и тѣмъ предотвратить возможность, что крестьянство, поддавшись намекамъ „правительственнаго сообщенія“, придетъ къ мысли, будто руководящіе думскимъ большинствомъ „господа“ хлопочутъ не во имя интересовъ крестьянства, а для своей только выгоды. Своевременно—въ виду явно обнаружившихся признаковъ того, что крестьяне черноземныхъ губерній стали терять терпѣніе и самообладаніе и что на этой почвѣ въ ихъ средѣ начали развиваться голые алчные инстинкты. Конечно, обращеніе отъ лица Думы къ населенію съ изложеніемъ господствующихъ въ Думѣ взглядовъ на средства рѣшенія аграрнаго вопроса не способствовало бы поднятію авторитета министерства. Но неужели найдется кто-нибудь, кромѣ самихъ бюрократовъ, кто не считаетъ, что нравственный авторитетъ стараго режима погибъ безвозвратно, и что заботы о его укрѣпленіи, по меньшей мѣрѣ, безцѣльны? Для этого режима остался одинъ способъ самозащиты, если онъ не хочетъ умирать—ружья и пулеметы...

Изъ другихъ эпизодовъ послѣднихъ дней Государственной Думы заслуживаютъ вниманія: объясненія товарища министра юстиціи г. Соллертинскаго, объясненія товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Макарова и прекращеніе преній по дѣлу о бѣлостокскомъ погромѣ.

Г. Соллертинскій давалъ объясненія по семи запросамъ. Онъ говорилъ спокойно, дѣловито, безъ полемическаго и вызывающаго тона, и его слова были выслушаны внимательно и не вызвали грубыхъ криковъ. Между прочимъ, г. Соллертинскій давалъ объясненія по

поводу требованія подписки о неотлучкѣ, предъявленнаго прокурорскимъ надзоромъ члену Государственной Думы г. Ульянову. Суть запроса заключалась въ томъ, что прокурорскій надзоръ превысилъ свою власть, такъ какъ не имѣлъ права приводить въ исполненіе состоявшееся по этому предмету опредѣленіе судебной палаты. Товарищъ министра умѣло парировалъ такую постановку вопроса. „Еслибы прокуроръ окружного суда — говорилъ онъ, — получивъ опредѣленіе судебной палаты, позволилъ себѣ пріостановить своею властью исполненіе этого опредѣленія или умалить, ограничить его силу обращеніемъ за разрѣшеніемъ въ Государственную Думу, то онъ былъ бы виновенъ въ превышеніи власти. Могутъ поставить упрекъ: почему же прокурорскій надзоръ не опротестовалъ этого незаконнаго, съ точки зрѣнія Думы, опредѣленія судебной палаты? Но, съ другой стороны, мнѣ позволительно спросить: почему г. Ульяновъ не обжаловалъ (въ судебномъ порядкѣ) этого опредѣленія, потому что оно, прежде всего, касается его интересовъ? Нельзя же прокурора считать отвѣтственнымъ за то, что онъ недостаточно оберегалъ интересы г. Ульянова, который самъ не озаботился огражденіемъ своихъ интересовъ". Упомянувъ далѣе, что министръ юстиціи вошелъ съ предложеніемъ въ сенатъ о компетентномъ разъясненіи ст. 15 и 16 учрежд. Гос. Думы, г. Соллертинскій закончилъ слѣдующими словами: „Великъ, непререкаемо великъ долженъ быть престижъ народнаго избранія, но не менѣе цѣненъ и дорогъ долженъ быть каждому авторитетъ независимаго суда, незыблемость его судебныхъ опредѣленій". Возраженія на эту аргументацію г. Аладьина были, конечно, мало убѣдительны.

Совершенно иное впечатлѣніе оставили объясненія г. Макарова. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ развилъ любопытную — и, надо отдать справедливость, новую — теорію непреступныхъ преступныхъ дѣяній. Въ уголовномъ правѣ были до сихъ поръ извѣстны „общеопасныя" преступныя дѣянія. Г. Макарову принадлежитъ честь изобрѣтенія дѣяній „общеопасныхъ", но непреступныхъ. Какъ непреступныя, эти дѣянія не могутъ влечь ни судебнаго преслѣдованія, ни наказанія по суду на основаніи признаковъ какой-либо опредѣленной статьи уголовнаго кодекса. Но, какъ „общеопасныя", они не могутъ быть оставляемы безъ административнаго воздѣйствія — чисто предупредительнаго по цѣли и, однако, выражающагося въ ссылкѣ въ Нарымскій или Туруханскій край, въ долговременномъ тюремномъ заключеніи, въ отдачѣ подъ надзоръ полиціи и т. д. Иллюстрируя свою мысль примѣрами, г. Макаровъ запутался и, въ видѣ другого обоснованія административной расправы, выставилъ безсиліе формальнаго слѣдствія раскрыть виновность путемъ опроса свидѣтелей представителями слѣдственной власти, очевидно полагая, что только въ

условіяхъ полицейскаго допроса люди говорятъ правду. Невольно вспомнилось дѣло Спиридоновой и цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ послѣдняго времени, на которыхъ подсудимые и свидѣтели разсказывали, какъ вымучивали у нихъ показанія въ полицейскихъ застѣнкахъ... Оратора перебивали, и предсѣдателю стоило немалаго труда поддерживать порядокъ.

По поводу запроса, касавшагося практики военнаго положенія въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ, кромѣ разстрѣловъ безъ суда, широко примѣнялись сѣченіе, сожженіе построекъ и отнятіе движимаго имущества, г. Макаровъ заявилъ, что его объясненія будутъ чрезвычайно кратки. И они дѣйствительно оказались таковыми. „Ст. 8 военнаго положенія,—сказалъ онъ,—совершенно исключаетъ всякое вмѣшательство гражданскихъ властей, и генералъ-губернаторы министерству внутреннихъ дѣлъ не подчинены, ибо они являются совершенно самостоятельной властью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено военное положеніе". Послѣ приведенной цитаты въ оффиціальномъ стенографическомъ отчетѣ (стр. 1921) стоитъ въ скобкахъ: *голосъ*: а кому же,—сами себѣ подчинены? *Шумъ, звонокъ предсѣдателя.* Г. Макаровъ съ достоинствомъ заявилъ: „я могу отвѣчать только на запросы, которые мнѣ предъявлены въ установленномъ порядкѣ, а полемизировать я не считаю себя въ правѣ". Допустимъ, что вопросъ: кому подчинены генералъ-губернаторы и кто долженъ давать народнымъ представителямъ объясненія по поводу явно незаконномѣрныхъ ихъ дѣйствій, какъ сѣченіе и т. п.,—былъ бы предъявленъ министру внутреннихъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ. Не трудно догадаться, что министръ или его представитель съ неменьшимъ достоинствомъ снова уклонились бы отъ отвѣта, сославшись на ст. 8-ую военнаго положенія. И получилось бы, что неизвѣстный голосъ предположительно высказалъ совершенно вѣрное положеніе: генералъ-губернаторы подчинены сами себѣ. Еще раньше военный министръ и письменно, и устно черезъ главнаго военнаго прокурора заявлялъ, что генералъ-губернаторы ему не подчинены и подвѣдомственны министру внутреннихъ дѣлъ. Представитель послѣдняго, умолчавъ о „подвѣдомственности", подчиненность генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ тоже отстранилъ.

Оба министерства, съ формальной точки зрѣнія, несомнѣнно правы. По правиламъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, надъ генералъ-губернаторами стоятъ только командующій арміей и главнокомандующій, въ свою очередь не подчиненные никакому министру. Но правила эти написаны для условій войны съ иностраннымъ государствомъ, когда есть дѣйствующая армія, командующій ею и главнокомандующій и когда подобное обособленіе органовъ полевого военнаго управленія оправдывается обстановкой и обстоятельствами

войны. При примѣненіи же ихъ къ совершенно инымъ условіямъ подавленія внутренней смуты не можетъ не получаться ряда юридическихъ абсурдовъ. И потому на обязанности конституціонныхъ министровъ, мы думаемъ, лежало еще ко дню открытія Думы озаботиться объ устраненіи такихъ вопіющихъ несообразностей, какъ фактическое отнятіе у народнаго представительства права надзора за закономѣрностью дѣйствій мѣстныхъ органовъ управленія и въ Прибалтійскомъ краѣ, и въ Царствѣ Польскомъ, и въ Тамбовѣ, и въ Кронштадтѣ и т. д., и т. д. Они ничего въ этомъ направленіи не сдѣлали, никакого законопроекта не внесли и въ засѣданіяхъ Думы занимались только юридической эквилибристикой... На запросъ: почему нѣкоторыя мѣстности имперіи, объявленныя на военномъ положеніи не верховной властью, до сихъ поръ остаются въ такомъ положеніи, несмотря на ст. 15-ую основныхъ законовъ, предоставляющую право объявленія военнаго положенія исключительно Государю Императору?—г. Макаровъ прикрылся ст. 47-ой тѣхъ же законовъ и болѣе сложными, чѣмъ вразумительными, разсужденіями объ обратной силѣ правовыхъ нормъ.

7-го іюля Государственная Дума подавляющимъ большинствомъ голосовъ прекратила пренія по поводу бѣлостокскаго погрома, хотя оставалось еще болѣе десяти записавшихся ораторовъ. Это рѣшеніе служило знаменательнымъ признакомъ того, что митинговыя засѣданія стали приближаться къ концу. Они начали надоѣдать. Передъ открытіемъ Думы,—хотя намъ, само собою разумѣется, никакъ не могло придти въ голову, что министерство въ теченіе цѣлаго мѣсяца оставитъ Думу безъ матеріала для дѣловой работы,—мы считали, что депутаты будутъ, по крайней мѣрѣ мѣсяца два, выражаясь вульгарно, выбалтываться. При отмѣченной въ предыдущей хроникѣ политикѣ министерства, приходилось предположить, что этотъ періодъ продлится долѣе. Оказалось иное. На третій уже мѣсяцъ боевыя рѣчи и вызывавшіе ихъ запросы большинству Думы прискучили. Во время самыхъ горячихъ рѣчей въ залѣ едва оставалось законное число членовъ Думы, и тѣ большей частью читали газеты. Напротивъ, рѣчи содержательныя вызывали всеобщее вниманіе. По отношенію къ нѣкоторымъ любителямъ громкихъ и зажигательныхъ словъ установился своего рода бойкотъ: стоило имъ войти на каѳедру, чтобы скамьи тотчасъ же начинали пустѣть. Для запросовъ былъ отведенъ особый день—пятница, и въ послѣдній день своей дѣятельности Дума приняла ихъ нѣсколько десятковъ. Въ понедѣльникъ предполагалось безъ преній о порядкѣ направленія передать въ коммиссіи цѣлый рядъ законопроектовъ и произвести выборъ членовъ коммиссій. Все было готово, чтобы со вторника приступить къ разсмотрѣнію детально-

разработаннаго проекта закона о личной неприкосновенности, на что коммиссія изъ пятнадцати членовъ Думы потратила шесть или семь недѣль упорнаго труда... Судьба сулила другое: въ понедѣльникъ члены Думы засѣдали, но не въ Петербургѣ и не въ Таврическомъ дворцѣ, а въ Выборгѣ, въ гостинницѣ „Бельведеръ", засѣдали какъ конспираторы, какъ *бывшіе* „лучшіе люди".

Роспускъ Думы былъ для депутатовъ полной неожиданностью. Распустятъ или не распустятъ—объ этомъ разговоры не прекращались съ самаго того момента, какъ послѣ тронной рѣчи въ Зимнемъ дворцѣ члены Думы пріѣхали въ „свой" Таврическій дворецъ. По временамъ роспускъ болѣе близко висѣлъ въ воздухѣ, по временамъ—болѣе далеко. Чувствовалось, что наиболѣе горячо ратуютъ въ пользу роспуска аграріи. А потому слухи стали особенно упорными послѣ внесеннаго предложенія объ обращеніи къ народу по земельному вопросу. Но когда Дума отвергла всѣ поправки трудовиковъ и соціалъ-демократовъ и приняла редакцію партіи народной свободы, фактически излагавшую положеніе дѣла, горизонтъ, казалось, прояснился. Члены Думы, которые не безъ основанія считались освѣдомленными, сообщали успокоительныя вѣсти. Незанятые въ аграрной коммиссіи поэтому со спокойной душой уѣхали на субботу и воскресенье изъ Петербурга. Занятые—просидѣли въ коммиссіи въ субботу до семи часовъ вечера, не подозрѣвая, что въ воскресенье ихъ во дворецъ уже не пустятъ...

Когда мы пишемъ эти строки, еще ничто изъ ближайшаго будущаго не опредѣлилось. Какое министерство будетъ полновластно управлять страной до созыва второй Думы? Удастся ли П. А. Столыпину привлечь въ составъ совѣта министровъ общественныхъ дѣятелей—кого и на какихъ условіяхъ? Когда будутъ производиться новые выборы и по какой системѣ? Будетъ ли вторая Дума созвана только 20-го февраля или ранѣе? Будутъ ли до созыва Думы проведены наиболѣе настоятельныя законодательныя реформы, или Россія еще надолго останется въ юридическомъ хаосѣ, созданномъ провозглашеніемъ, безъ осуществленія, гражданской свободы? Все это вопросы открытые. О нихъ ходятъ только противорѣчивые толки. Говорятъ, будто выборы предположено произвести въ сентябрѣ и, слѣдовательно, созвать Думу въ ноябрѣ. Говорятъ даже, что не невѣроятенъ созывъ старой Думы для выработки избирательнаго закона на основѣ четырехчленной формулы. Говорятъ, что министерскіе портфели получатъ графъ П. А. Гейденъ, Н. Н. Львовъ, А. Ф. Кони, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ и А. И. Гучковъ. Всего не перечесть, что говорятъ и выдаютъ въ газетахъ за самое достовѣрное.

Мы не вѣримъ, чтобы былъ возможенъ возвратъ старой Думы. А потому полагаемъ, что новые выборы иначе, какъ по старой системѣ, произведены быть не могутъ. Статья 45-ая основныхъ законовъ категорично воспрещаетъ вносить измѣненія въ постановленія о выборахъ „во время прекращенія занятій Государственной Думы". Мы не вѣримъ также въ возможность проведенія, подъ видомъ мѣръ, вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами, какихъ бы то ни было широкихъ законодательныхъ реформъ. Во-первыхъ, для этого нужно слишкомъ ужъ эластичное толкованіе той же 45-ой статьи. Во-вторыхъ, если допустить такую возможность, то придется допустить, что у бюрократіи вдругъ окажутся доселѣ невѣдомыя творческія способности. Въ-третьихъ, министерство едвали пожелаетъ связывать себѣ руки и затруднять свое и безъ того нелегкое положеніе: управлять на основаніи законовъ, написанныхъ тогда, когда свобода по принципу отвергалась, или на основаніи такихъ временныхъ правилъ, которыя можно поворачивать куда угодно, неизмѣримо легче и проще, чѣмъ управлять на основаніи законовъ, признающихъ всѣ или хотя нѣкоторые виды гражданской свободы. Если же такъ, то русскимъ обывателямъ во весь періодъ до созыва Думы и разсмотрѣнія ею и Государственнымъ Совѣтомъ весьма и весьма многихъ законопроектовъ предстоитъ лишь утѣшаться званіемъ гражданъ и испытывать всю сладость предварительныхъ и карательныхъ воздѣйствій, разъ только они наивно подумаютъ, что они дѣйствительно граждане, лично неприкосновенные и имѣющіе свободу слова, совѣсти, собраній и союзовъ.

Что можетъ быть чудовищнѣе, когда человѣкъ, въ отвѣтъ на предъявленное ему обвиненіе, точно формулированное по соотвѣтственной статьѣ дѣйствующаго уголовнаго кодекса, совершенно добросовѣстно говоритъ: „да, я виновенъ, но виновенъ только въ томъ, что повѣрилъ манифесту 17 октября"? Вѣдь это же нелѣпица! А между тѣмъ мы въ этой нелѣпицѣ живемъ скоро годъ, и роспускъ Думы отсрочилъ ея конецъ на неопредѣленное время. Объявлена свобода союзовъ. А попробуйте въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Одессѣ и гдѣ угодно образовать сейчасъ любой политическій союзъ—и вамъ будетъ грозить, на точномъ основаніи безконечнаго множества различныхъ правилъ, если не каторга и ссылка, то крѣпость или тюрьма—въ лучшемъ случаѣ штрафъ въ 500 или 3.000 рублей. Объявлена свобода собраній. Соберитесь—и васъ непремѣнно разгонятъ. Какъ бы вы ни протестовали, а найдутъ такое примѣчаніе къ приложенію, по которому могутъ и должны даже будутъ разогнать. Объявлена свобода слова и печати; упразднена предварительная цензура. А вотъ прочтите телеграмму изъ Вильны отъ 18 іюля: „съ мѣстныхъ типографовъ взята подписка не печатать

газетъ и всякаго рода печатныхъ произведеній, не представленныхъ въ цензуру". Сосчитайте, сколько газетъ закрыто съ 17 октября, сколько редакторовъ осуждено и ждетъ суда. И все по закону! Нынѣшніе администраторы безъ закона—ни шагу. Въ Прибалтійскомъ краѣ сѣкли и жгли постройки. Казалось бы, что̀ можетъ быть болѣе противозаконнаго! Нѣтъ, нашли оправданія. Есть такая статья, которая разрѣшаетъ на войнѣ сжигать зданія, мѣшающія, напр., обстрѣлу непріятельской позиціи. А такъ какъ она находится въ постановленіяхъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и такъ какъ Прибалтійскій край объявленъ на военномъ положеніи, то ее примѣнили къ сожженію зданія за стрѣльбу изъ него, за храненіе въ немъ оружія и за неплатежъ владѣльцемъ штрафа или податей. Насчетъ сѣченія ужъ никакой нигдѣ статьи не нашли. Тогда примѣнили логическое разсужденіе: „если я могу предать военному суду и потомъ утвердить смертный приговоръ, то неужели я не могу сдѣлать меньшаго—высѣчь?" И это писалось не въ юмористическомъ журналѣ, а въ разъясненіи „вѣдомства"!..

Что касается печати, то въ борьбѣ съ ея свободой и подобныхъ оправданій не ищутъ. Фактически возродился режимъ В. К. Плеве. Горячія строки по этому поводу заимствуемъ изъ „Рѣчи" (№ 130). „Два года назадъ Плеве, пользуясь предоставленнымъ ему 140 ст. уст. о ценз. правомъ, разсылалъ циркуляръ о томъ, чтобы не печатать о дракѣ чиновника государственной канцеляріи съ полиціей на улицѣ и т. п., а г. Столыпинъ, не имѣя на то никакого права, разсылаетъ циркуляръ о томъ, чтобы газеты не смѣли обсуждать самаго важнаго явленія даннаго момента, волнующаго всю страну. Нарушеніе запрета, состоявшагося на основаніи 140 ст., было предусмотрѣно закономъ и примѣненіе наказанія обставлено было извѣстными гарантіями, а г. Столыпинъ грозитъ совершеннымъ закрытіемъ газетъ, запечатаніемъ типографій, арестомъ и т. д., и т. д. Мало того: когда, напр., около двухъ лѣтъ назадъ запрещено было циркуляромъ касаться постановленій перваго земскаго съѣзда, то это было запрещено одинаково всѣмъ. А г. Столыпинъ, разославъ свой грозный циркуляръ, предоставляетъ не только „Россіи", но и чуткому „Новому Времени" писать и разсуждать на тему объ обращеніи депутатовъ сколько имъ заблагоразсудится, конечно, въ заранѣе предопредѣленномъ направленіи. А требованіе обязательствъ, что газета будетъ сообразоваться съ измѣнившимися политическими условіями? А доставляемыя въ редакціи иностранныя газеты, сплошь покрытыя знаменитой икрой? А телеграммы, которымъ въ догонку летятъ сообщенія, что печатать не разрѣшается? Однимъ словомъ, все то, что̀ прежде дѣлали по закону, теперь совершается вопреки закону. Развѣ

это не отличаетъ существенно нынѣшній режимъ отъ прежняго... въ степени откровенности?..."

Передъ нами „Краткій отчетъ городской исполнительной коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за 1905—1906 учебный годъ". Вотъ его заключительныя слова: „Оканчивая изложеніе развитія городского училищнаго дѣла, нельзя не выразить полнаго удовольствія, что главнѣйшая обязанность города въ этомъ дѣлѣ—общедоступность начальнаго обученія—нынѣ достигнута и ни одно дитя, приведенное въ школу, не было лишено ея, по недостатку мѣстъ въ училищахъ".

Итакъ, въ Петербургѣ начальное обученіе общедоступно. Наконецъ-то городское общественное управленіе исполнило свою первую, элементарную обязанность!—скажетъ мало знакомый съ условіями дѣятельности русскихъ органовъ самоуправленія. Наконецъ-то ему *удалось* ее исполнить!—скажетъ близко стоящій къ самоуправленію. Достичь общедоступности хотя бы начальнаго обученія, даже въ Петербургѣ, было дѣломъ невѣроятно труднымъ, ибо что бы ни говорилось оффиціально о заботахъ правительства о просвѣщеніи народа,—въ сущности чиновничій режимъ былъ всегда систематичнымъ и послѣдовательнымъ врагомъ просвѣщенія. Нѣтъ тѣхъ препятствій, которыя бы не чинились земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ въ ихъ стремленіи развивать школьное дѣло. Отъ нихъ требовали только давать деньги на это дѣло и въ то же время отягощали смѣты „обязательными" расходами. Полицейскимъ сыскомъ окружали всякое начинаніе не по шаблону. Не безъ умысла такъ комбинировали избирательныя системы, чтобы въ земствахъ было больше заботъ о дорогахъ, въ городахъ—о внѣшнемъ благоустройствѣ...

До 1877 г. начальныя училища въ Петербургѣ находились въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, и ихъ было 16. Принявъ училища въ свои руки, городъ немедленно приступилъ къ увеличенію числа ихъ, но до 1897 г. могъ открывать вновь, въ среднемъ, только немногимъ болѣе 16 въ годъ. „Съ 1897 г., когда городъ—говорится въ отчетѣ—уже не встрѣчалъ прежнихъ со стороны чиновъ министерства народнаго просвѣщенія затрудненій и не имѣлъ уже никакихъ препятствій, ростъ числа училищъ сталъ постоянно увеличиваться и выразился въ текущемъ учебномъ году 57 новыми классами".

Число всѣхъ училищъ въ вѣдѣніи Коммиссіи по народному образованію достигло нынѣ 339 училищъ; изъ нихъ 241—каждое съ однимъ классомъ и 98—съ 390 соединенными классами, а всего

631 классъ. Изъ 339 училищъ—въ 139 съ 189 классами учились мальчики, въ 138 съ 182 классами—дѣвочки, и въ 62 съ 260 классами—дѣти обоего пола. Общее число учащихся въ отчетномъ учебномъ году было 30.982; изъ этого числа на 15.694 мальчика приходилось 15.288 дѣвочекъ. Среднее число учащихся на каждый классъ приходилось около 49,1. Изъ этихъ цифръ особенное обращаетъ вниманіе то, что число учащихся дѣвочекъ было почти равно числу мальчиковъ. Къ выпускнымъ испытаніямъ дѣвочекъ было представлено даже больше, чѣмъ мальчиковъ—3.230 и 3.197.

Но если таковы результаты въ отношеніи начальнаго обученія, то далеко не столь утѣшительны они въ отношеніи слѣдующихъ ступеней. Для довершенія оканчивающими курсъ начальной школы полнаго народнаго образованія существуютъ въ настоящее время девять, содержимыхъ на счетъ города и состоящихъ въ его вѣдѣніи, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, четырехклассныхъ училищъ, по программѣ городскихъ училищъ по положенію 1872 года. Изъ нихъ пять мужскихъ и четыре женскихъ училища, въ которыхъ обучалось 1.348 учащихся, 763 мужскаго пола и 585 женскаго.

Въ 1905 г. городомъ сдѣлано было представленіе объ измѣненіяхъ относительно учащихъ и учащихся въ содержимыхъ городомъ 4-хъ-классныхъ училищахъ, а именно: 1) о разрѣшеніи назначать въ мужскія городскія 4-хъ-классныя училища на учительскія должности лицъ женскаго пола и 2) о назначеніи на выпускные экзамены въ четырехклассныя, мужскія и женскія, содержимыя городомъ, училища представителя отъ министерства народнаго просвѣщенія, для участія въ производствѣ экзаменовъ, и о предоставленіи окончившимъ при такомъ порядкѣ съ успѣхомъ курсъ въ названныхъ училищахъ тѣхъ же правъ, которыя предоставляются окончившимъ успѣшно полный курсъ ученія въ городскихъ училищахъ министерства. На это представленіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 г. получено было увѣдомленіе, что по первому ходатайству не требуется особаго разрѣшенія, такъ какъ Высочайшимъ повелѣніемъ 16 апрѣля 1904 г. разрѣшено допускать въ младшіе классы мужскихъ городскихъ училищъ къ занятію учительскихъ должностей и лицъ женскаго пола. Что же касается второго ходатайства, то по нему министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано сношеніе съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ, отъ согласія каковыхъ вѣдомствъ и будетъ зависѣть разрѣшеніе вопроса о предоставленіи особыхъ правъ по воинской повинности окончившимъ, при указанномъ выше порядкѣ, курсъ въ содержимыхъ городомъ четырехклассныхъ училищахъ. И наконецъ, послѣ года переписки ходатайство было удовлетворено.

Что касается воскресныхъ школъ для взрослыхъ, то ихъ городъ

содержитъ всего 27—15 мужскихъ и 12 женскихъ. Обучалось въ этихъ школахъ 1.483 человѣка. Въ январѣ 1906 г. была открыта первая школа-пріютъ для отсталыхъ дѣтей.

---

18 іюля въ Теріокахъ палъ отъ руки убійцы бывшій членъ Государственной Думы М. Я. Герценштейнъ. Покойный профессоръ, сравнительно еще нестарый человѣкъ—онъ родился въ 1859 г.,—былъ извѣстенъ, какъ экономистъ и финансистъ-теоретикъ. Его перу принадлежитъ немало выдающихся работъ, особенно по аграрному вопросу. Какъ знатокъ этого вопроса и вообще видный членъ конституціонно-демократической партіи, онъ былъ выставленъ однимъ изъ трехъ кандидатовъ партіи въ члены Думы отъ Москвы и былъ выбранъ. Въ Думѣ М. Я. выступалъ рѣдко, но его рѣчи навѣрное долго останутся у всѣхъ въ памяти. Онъ блестяще и сильно оппонировалъ гг. Стишинскому и Гурко и затѣмъ еще сильнѣе—министру финансовъ, г. Коковцову. Обладая несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ, М. Я. былъ, однако, болѣе склоненъ къ кабинетной работѣ въ тиши думскихъ коммиссій. Онъ участвовалъ въ коммиссіяхъ аграрной и бюджетной, и тамъ обнаруживалась вся глубина и все богатство его знаній. Въ послѣдніе годы покойный былъ однимъ изъ дѣятельныхъ и выдающихся гласныхъ московской городской думы и московскаго губернскаго земства.

Убитъ М. Я. Герценштейнъ—при загадочныхъ обстоятельствахъ. Онъ гулялъ по берегу моря съ женой и дочерью, когда въ нѣсколькихъ шагахъ въ него было произведено два выстрѣла, убившихъ его на мѣстѣ и ранившихъ его дочь. Это было въ 9 часовъ вечера. А нѣсколькими часами раньше, въ Москвѣ, газета „Маякъ“ уже оповѣстила о его смерти. Редакторъ „Маяка“ заявилъ, что онъ получилъ свѣдѣнія о смерти М. Я. отъ редактора черносотеннаго „Вѣча“. Далѣе—нить пока разъясненнаго обрывается... Многіе члены Думы получали за подписью „бѣлый терроръ“, или „черный терроръ“, или вовсе безъ подписи смертные приговоры и письма съ угрозами убить. М. Я. Герценштейнъ былъ первымъ, относительно котораго угроза приведена въ исполненіе... Миръ твоему праху, честный труженикъ, такъ жаждавшій работать на утоленіе земельнаго голода крестьянъ!

Жу[illegible]ный фонд
Москов[illegible] обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета *П. Вейнбергъ.*

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

---

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1906.

Книга седьмая. — Іюль.

	стр.
Гр. Алексѣй Толстой, какъ сатирикъ.—I—XIV.—Н. КОТЛЯРЕВСКАГО	5
Изъ дневника на войнѣ 1877—78 г.г.—1878-ой годъ. 1-ое января—17-ое апрѣля. —V: 17-ое марта—17-ое апрѣля.—М. А. ГАЗЕНКАМПФА	49
Французскій романъ изъ военнаго быта.—Очеркъ.—В. С.	99
Современный польскій романъ. — Очеркъ. — VIII—XIV.—Окончаніе. — Л. ПОЛОНСКАГО.	123
Внѣ цеха.—Романъ.—XV—XXII.—Окончаніе.—АЛЕКСАНДРА КРУГЛОВА.	169
На развалинахъ гласнаго суда.—Изъ воспоминаній женщины-стенографа конца 60-хъ и 70-хъ годовъ.—Ю.Л. К—НЪ.	220
Не родной сынъ.—Романъ Клары Фибихъ. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig.—Часть первая. — I—IX.—Съ нѣм. О. Ч.	233
Киппсъ.—Исторія простой души. — H. G. Wells, Kipps, The Story of a Simple Soul. — Книга III. — I—VII. — Окончаніе. — Съ англ. З. В.	276
Хроника.—Аграрный вопросъ въ Россіи.—В. В.	323
Внутреннее Обозрѣніе.—Мнимое бездѣйствіе Государственной Думы.—Роль конституціонно-демократической партіи. — Меньшинство и парламентскія коммиссіи. — Бездѣйствіе Государственнаго Совѣта. — Программа его „центра“.—Министерство Горемыкина; его законопроекты и его административная дѣятельность.—Рѣчь главнаго военнаго прокурора.—Рѣчи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. — Рѣчь кн. Урусова. — Положеніе періодической печати.—Вопросъ о неприкосновенности депутатовъ.—Еще о программѣ партіи демократическихъ реформъ.	347
Отвѣтъ г. Ѳедору Самарину.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА.	366
Литературное Обозрѣніе. — I. Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. II. — II. П. И. Пестель. Русская Правда, наказъ Временному Верховному Правленію. — III. Противъ смертной казни, сборникъ статей п. р. М. Гернета. — IV. А. С. Пругавинъ, Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 г.г.—V. Тюшовъ, В. Н., По западному берегу Камчатки.—VI. Мережковскій, Д. С., Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. — **Евг. Л.** — VII. Декабристы, 86 портретовъ. Біографич. текстъ П. Головачева, вступленіе В. Мякотина.—**А. Г.** — Новыя книги и брошюры	371
Иностранное Обозрѣніе.—Отголоски русскихъ дѣлъ заграницей.—Митингъ протеста въ Берлинѣ и рѣчь проф. Листа.—Парламентскія пренія во Франціи. — Луи Пасси о забытыхъ либеральныхъ принципахъ. — Министерская декларація. — Политическіе вопросы и соціальныя программы. — Рѣчи Жореса и Клемансо.—Внутреннія кризисы въ Австріи и Венгріи.	397
Новости Иностранной Литературы.—Nicolas Notovitch. La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique.— **Л. С.**	411
Изъ Общественной Хроники. — „Передъ грозой“. — Ожидаемое министерство изъ думскаго большинства.—Общее настроеніе Государственной Думы.—Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. — Инцидентъ съ генераломъ Павловымъ. — Отмѣна смертной казни. — Своевременна ли эта мѣра? — Бѣлостокскій погромъ въ обрисовкѣ правительственнаго сообщенія и доклада коммиссіи Государственной Думы	416
Библіографическій Листокъ. — Кабанесъ и Л. Нассъ, Революціонный неврозъ. Перев. съ франц., подъ ред. Д. Ф. Коморскаго. — М. В. Бернацкій, Къ аграрному вопросу.—Людовикъ Нодо, Письма о войнѣ съ Японіей. Перев. съ франц. Н. М. Лагова.	
Объявленія. — I—VIII.	

Книга восьмая. — Августъ. стр.

По Манчжуріи домой.—Путевыя замѣтки.—В. СК—Л—Ъ 433

Семь лѣтъ въ крестьянскомъ банкѣ.—По личнымъ воспоминаніямъ.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 477

Въ порогахъ.—Повѣсть.—Часть первая. — I—XXVIII.—Н. СѢВЕРОВА. . . 507

Этика индивидуальная и соціальная и ея основы. — I—V.—К. АННЕНКОВА. 569

Не родной сынъ.—Романъ Клары Фибихъ. — Einer Mutter Sohn. Rom. v. Cl. Viebig.—X—XII.—Съ нѣм. О. Ч. 596

Мое участіе въ американскомъ трестѣ. — I—VI. — П. А. ТВЕРСКОГО . . . 635

Дебри.—Романъ.—Upton Sinclair. The Jungle. — I—IV.—Съ англ. З. В. . . 687

Генрикъ Ибсенъ.—Литературный очеркъ. — I—II.—Л. ПОЛОНСКАГО. . . . 728

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Высочайшій манифестъ 9-го іюля. — Значеніе досрочнаго распущенія; условія, отъ которыхъ зависятъ его результаты.—Вопросъ о диктатурѣ.—Вопросъ о примѣненіи ст. 45-ой основныхъ законовъ. — Возможно ли было образованіе министерства изъ среды Государственной Думы?—Обвиненія, взводимыя на Думу.—Слова и дѣйствія новаго министерства.—Единственный нормальный выходъ изъ труднаго положенія.—Беззастѣнчивое пророчество.—Post-scriptum. . . 757

Крестьянскіе надѣлы и причины ихъ малой производительности. — Письмо въ Редакцію.—Э. А. ШИЛЬДЕРЪ-ШУЛЬДНЕРА. 772

Литературное Обозрѣніе.—I. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первый сто лѣтъ его существованія (1805—1905).—II. Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, вып. I-й и II-й. — III. Монголія и Камъ. Труды Экспедиціи Имп. Русскаго Геогр. Общества, подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. I. Часть первая и вторая.—IV. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Исторія русской интеллигенціи.—V. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1906 годъ. Книга десятая. — **Евг. Л.** — VI. „Маякъ“. Литературно-публицистическій сборникъ. — **W.** — VII. Справочная книга соціалиста. Гуго и Штегманна. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I-ый, выпуски I, II, III. — **Д. Клеменца.**—Новыя книги и брошюры 787

Иностранное Обозрѣніе.—Международное значеніе русскаго кризиса.—Отсрочка англо-русскихъ манифестацій.—Толки о секретныхъ политическихъ планахъ и вопросъ о вмѣшательствѣ. — Личная политика Вильгельма II. — Иностранная печать о русскихъ дѣлахъ. — Британскій премьеръ о роспускѣ Думы. — Междупарламентская конференція мира въ Лондонѣ. — Конецъ дѣла Дрейфуса. 820

Новости Иностранной Литературы.—I. R. Garnett. De Flagello Myrteo.—II. François de Curel. Le Coup d'Aile.—**З. В.** 836

Изъ Общественной Хроники.—Роспускъ Государственной Думы.—Кому нанесенъ тяжелый ударъ?—Послѣдніе дни засѣданій Думы.—Объясненія товарищей министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.—Признаки готовившагося перехода къ дѣловой работѣ.—Ближайшія перспективы.—Юридическій хаосъ.—Отчетъ училищной коммиссіи въ Петербургѣ.—М. Я. Герценштейнъ †. 853

Извѣщенія.—I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда.—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 868

Библіографическій Листокъ.—Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. — Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года.—I. I. Липковскій. Революція или эволюція? — Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ; село Павлово и его общественное устройство. — Гражданскіе законы Калифорніи. Соч. Кронида Малышева, т. I—II.

Объявленія.—I—VII.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3—